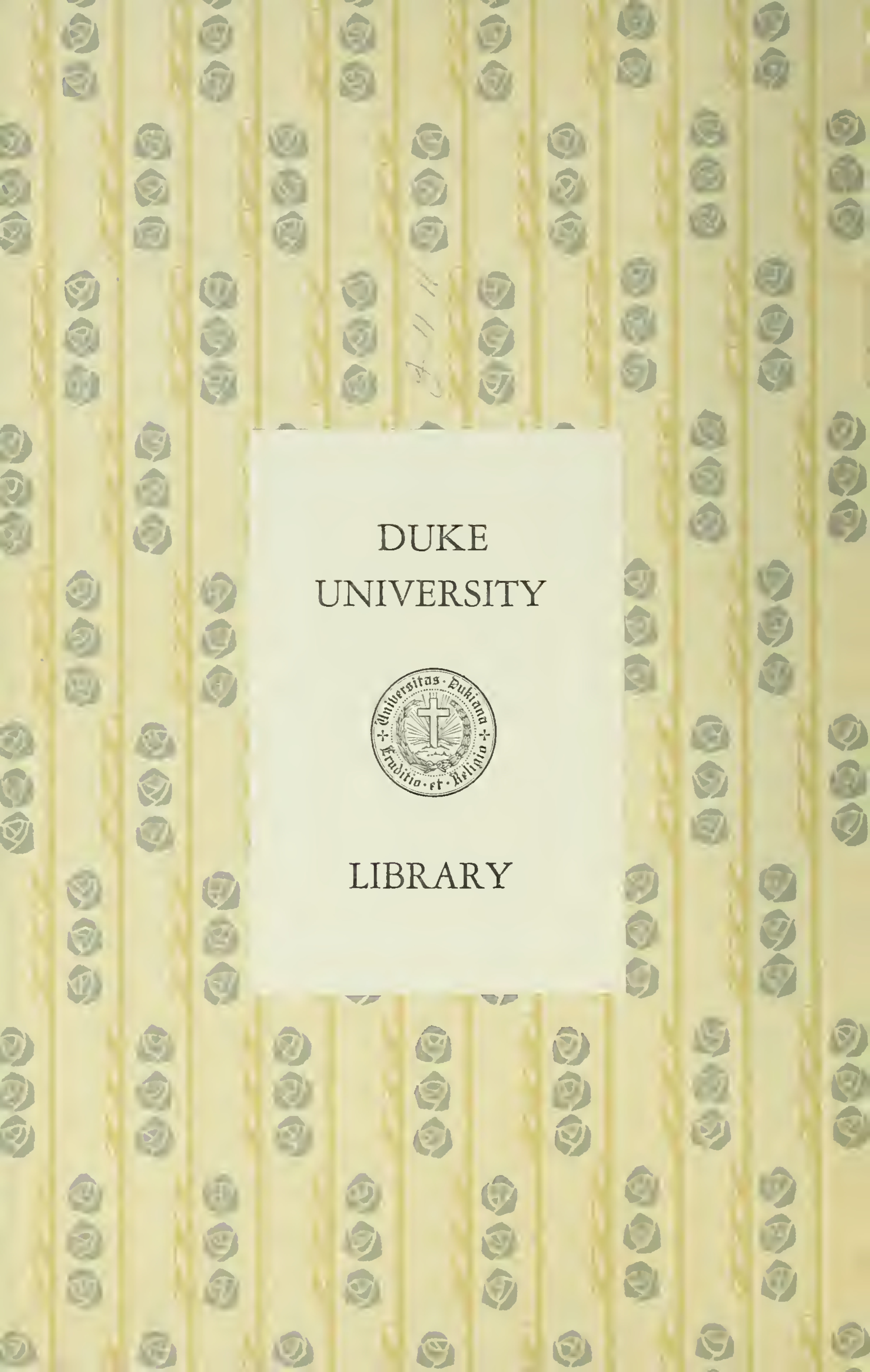
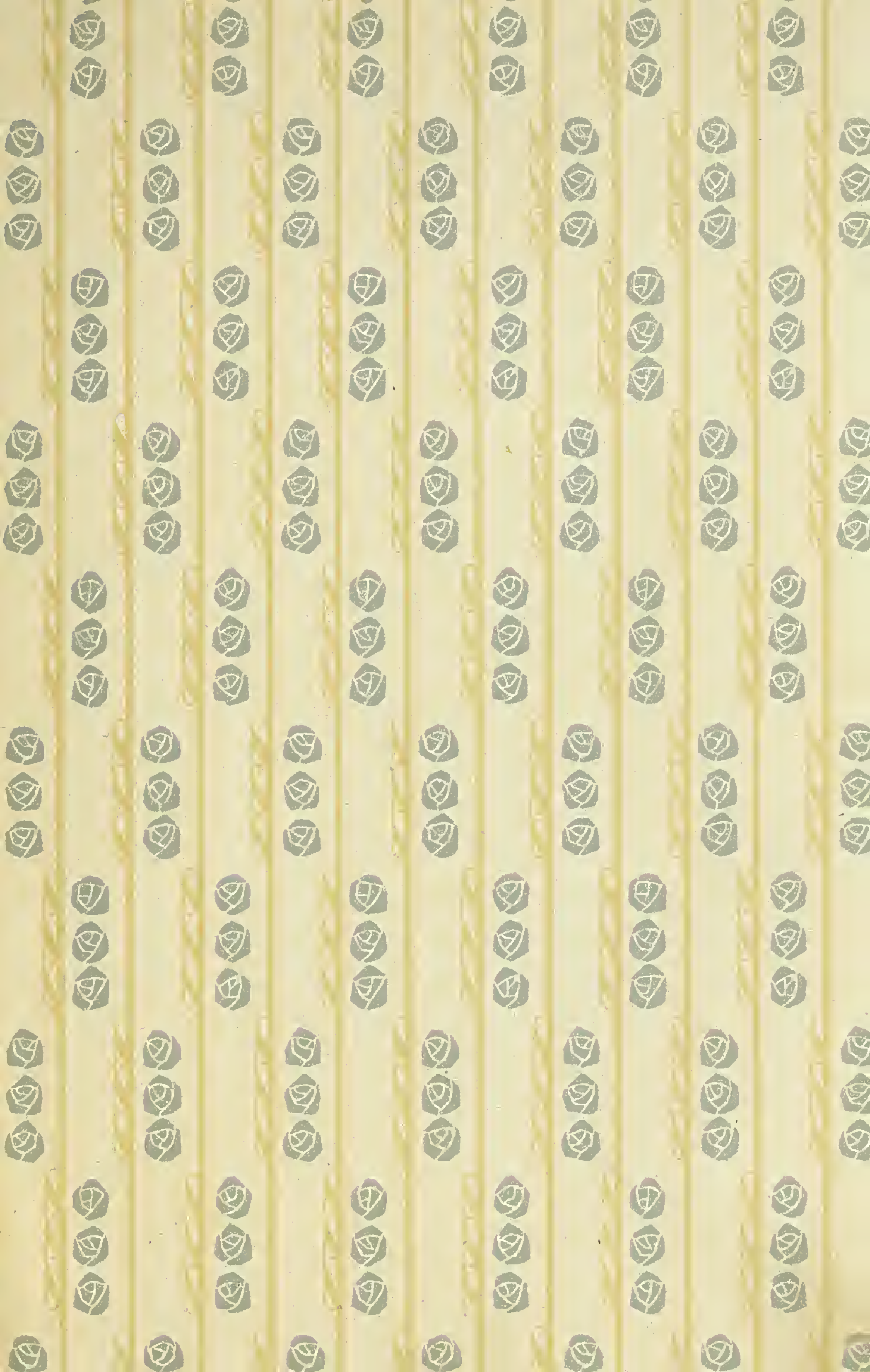

К. Головинъ
(К. Орловскій)
Полное собраніе сочиненій
Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-П.-Б.

DUKE
UNIVERSITY
Universitas · Dukiana
Eruditio · et · Religio
LIBRARY

ПОГРОМЪ.

РОМАНЪ.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ПОГРОМЪ

РОМАНЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1902.

I.

Нашъ Черноборскій уѣздъ особеннымъ природнымъ богатствомъ похвастаться не можетъ. Земля въ немъ не то чтобы очень плоха, да и не слишкомъ важная и баснословными урожаями насъ не балуетъ. Зато, правда, и губительныя засухи его рѣдко посѣщаютъ. Словомъ, какъ оно и подобаетъ для средней полосы, край нашъ сѣренькій, и какъ разъ потому, что сидѣть сложа руки никому у насъ не приходится и манна небесная къ намъ въ ротъ не попадаетъ, уѣздъ нашъ оказывается однимъ изъ самыхъ богатыхъ. И баринъ, и мужикъ у насъ принуждены трудиться, и оттого издавна завелись у насъ промыслы всякіе, и помѣщичьи хозяйства кое-гдѣ уцѣлѣли. Кто во-время спохватился и взялся за дѣло не спустя рукава, тотъ на землицу нашу не жалуется и даже копейку успѣлъ сколотить. Надо только держать ухо востро, а то отцовское помѣстье живо ускользнетъ изъ рукъ, тѣмъ болѣе, что охотникъ на него отыщется скоро: кулаковъ у насъ развелось немало, и каждый изъ нихъ сторожитъ, какъ бы попался къ нему лакомый кусочекъ отъ зазѣвавшагося барина.

Когда, лѣтъ десять назадъ, я поселился въ своей Черноборской деревенькѣ, сельцѣ Висловѣ, лучшимъ хозяиномъ у насъ и самымъ богатымъ помѣщикомъ считался Аркадій Степановичъ Клусовъ. Онъ первый завелъ разныя хитрыя новинки, и ѣздили даже издалека поглядѣть на его хозяйство. Постройки у него

всѣ были съ иголочки, скотъ на диво, и машины такія, о которыхъ другіе помѣщики и не помышляли. Аркадій Степановичъ не унывалъ никогда, твердо вѣровалъ въ прогрессъ и послѣднее слово науки, и шелъ рѣшительно во главѣ уѣзда. Его имѣніе, село Богатое, считалось образцовымъ, и въ газетахъ даже о немъ говорилось не разъ Пріѣзжавшіе имъ полюбоваться, однако, большею частью уходили, покачивая головой, а наши доморощенные хозяева изъ стариковъ, тугіе на рискованныя нововведенія, про себя даже слегка посмѣивались надъ Аркадіемъ Степановичемъ и поговаривали, что ему въ концѣ концовъ не сдобровать. Но Аркадій Степановичъ, когда ему доводилось выслушивать недовѣрчивыя возраженія, побѣдоносно улыбался, громко увѣряя, что расчеты его самые безошибочные и пріемы давно освѣщены и наукой, и практикой. А если урожаи на его поляхъ не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ, если у него то и дѣло оказывались прорухи, то что-жъ изъ этого? Надъ природой человѣкъ не властенъ, но рано или поздно она все же покоряется знанію и труду. Такъ говаривалъ Аркадій Степановичъ своимъ мягкимъ, бархатнымъ, чуть-чуть шепелявымъ голосомъ, и выслушивали его всегда охотно: краснобай онъ былъ первой руки и хлѣбосолъ тоже, и популярностью пользовался большой. Всѣ удивлялись, отчего онъ не попадалъ къ намъ въ предводители. Самъ Аркадій Степановичъ увѣрялъ, правда, что должности онъ не приметъ никакой, потому что у него дѣла и безъ того по горло, и служитъ онъ обществу по-своему. Но всѣ знали очень хорошо, что втайнѣ онъ предводительства добивался и сильно былъ огорченъ равнодушіемъ избирателей. Это ему однако нисколько не мѣшало принимать у себя весь уѣздъ и быть у насъ общимъ любимцемъ.

Аркадій Степановичъ жилъ въ своемъ Богатомъ почти безвыѣздно. Въ молодые годы—теперь ему было уже за пятьдесятъ—онъ служилъ въ гвардіи и до-

вольно-таки бурно отпраздновалъ пиръ своей юности. Какъ круглый сирота и единственный наслѣдникъ большаго имѣнія, онъ свободно могъ сорить деньгами и пользовался этимъ широко. Дядя, на попеченіе котораго онъ былъ отданъ съ двѣнадцати лѣтъ, рано отпустилъ ему поводья и смотрѣлъ на его шалости сквозь пальцы. За то дѣла племянника онъ велъ старательно, и милостивая судьба оберегала молодого человѣка отъ вѣроятныхъ послѣдствій черезчуръ безпечнаго веселья. Красавецъ собой, избалованный женщинами и любимецъ товарищей, онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на рядъ удовольствій, слывя, вдобавокъ, не только за отличнаго малаго, но и за человѣка очень не глупаго. Привычка къ успѣху, когда ее сопровождаютъ открытый нравъ и природное добродушіе, придаетъ молодости столько обаянія, что сочувствіе и дружба къ обладателю этихъ качествъ напрашиваются сами собой. Не мудрено, что, когда разсѣялся первый чадъ юношескихъ кутежей, и предъ воображеніемъ молодого человѣка стали впервые носиться мечты иного, болѣе возвышеннаго рода, онѣ занесли его очень ужъ далеко. Будущее ни въ чемъ не могло отказать ему — въ этомъ онъ былъ твердо убѣжденъ—а на бѣду природа, надарившая его такъ щедро, снабдила его однимъ недостаткомъ, чуть было не испортившимъ всю его жизнь—тщеславіемъ безъ удержа. Первые годы молодости ни самъ онъ, ни другіе этого не замѣчали. Но когда въ его головѣ засѣли честолюбивыя мечты, этотъ недостатокъ обнаружился тотчасъ своими неизбѣжными спутниками—пугливою застѣнчивостью и болѣзненной чуткостью къ постороннему мнѣнію. Добродушный, всѣми обласканный, Аркадій Клусовъ сталъ вдругъ смѣшно заискивать въ однихъ и не въ мѣру зазнаваться предъ другими. Общій любимецъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ. Неудача слѣдовала за неудачей и Аркадій Клусовъ разомъ почувствовалъ отвращеніе къ Петербургу, гдѣ такъ счастливо протекли золотые годы его юности. Онъ

сказалъ себѣ, что стыдно ему, столбовому дворянину и богатому помѣщику, быть прихвостнемъ у знати, что всѣ его цѣли были одною мишурой, и что въ деревнѣ ждутъ его иныя благородныя задачи. Кстати дядя, такъ тщательно оберегавшій его отъ разоренія, скоропостижно умеръ, и не одно уже оскорбленное самолюбіе отсылало теперь Аркадія Степановича въ отцовское помѣстье. Когда онъ вышелъ въ отставку, ему было всего двадцать восемь лѣтъ.

Свое Богатое онъ засталъ въ цвѣтущемъ положеніи. Ему оставалось бы идти по проторенной дорожкѣ и пожинать плоды умѣлыхъ стараній дяди. Но Аркадію Степановичу это показалось черезчуръ скромнымъ. Онъ сразу пустился все перестраивать по новому. Разумѣется, онъ споткнулся на первыхъ же шагахъ. Но и тутъ судьба подослала къ нему неожиданную помощь. Ближайшимъ его сосѣдомъ оказался старинный другъ его покойнаго отца, Александръ Семеновичъ Загаринъ, едва ли не лучшій хозяинъ въ цѣломъ уѣздѣ. Услыхавъ про неудачныя затѣи молодого столичнаго выходца, Александръ Семеновичъ тотчасъ покатилъ въ Богатое подѣлиться съ нимъ многолѣтнею опытностью. Самъ Аркадій не счелъ нужнымъ побывать у старика: онъ не спѣшилъ знакомиться съ сосѣдями. Но предъ открытымъ добродушіемъ Александра Семеновича его петербургская спѣсь не устояла,—не только онъ охотно пошелъ въ ученье къ старику, но и частенько сталъ къ нему наѣзжать. Онъ не подозрѣвалъ, что идетъ навстрѣчу къ рѣшительному повороту въ жизни, что въ скромной усадьбѣ Загарина его поджидаетъ то, чего онъ совсѣмъ и не зналъ до сихъ поръ—поджидаетъ любовь. Чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ Аркадій Клусовъ былъ объявленъ счастливымъ женихомъ единственной дочери Загарина, Мани.

Женитьба совсѣмъ пересоздала Аркадія. Отъ прежней залихватской прыти, да отъ честолюбивыхъ мечтаній тоже, не осталось и слѣда, не осталось даже ска-

лѣнія. Тихая и, вдобавокъ, умная Маня, не то, чтобы взяла мужа въ руки—на это она и не была способна—а какъ-то незамѣтно, вкрадчивымъ дѣйствіемъ своего мягкаго ровнаго нрава протрезвила его отъ дурмана напускныхъ порывовъ. Онъ самъ не замѣтилъ, какъ понемногу остепенился. И вышелъ изъ него дѣйствительно прекрасный малый, только уже не въ прежнемъ смыслѣ, какъ понимали это слово товарищи: изъ него вышелъ тотъ добродушный и щедрый хлѣбосолъ, какимъ я узналъ его почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ спустя, не чуждый, правда, нѣкотораго хвастовства, по хвастовства уже совсѣмъ невиннаго свойства. Онъ усердно хозяйничалъ въ своемъ Богатомъ, позабывъ о Петербургѣ, и сталъ прекраснымъ мужемъ и такимъ же отцомъ. Правда, двадцать лѣтъ его супружеской жизни не прошли совсѣмъ безъ грѣшковъ. Здоровье жены было некрѣпкое—одного сына она всего ему и принесла—и по временамъ въ немъ вспыхивалъ опять старинный проказникъ. На первыхъ порахъ Марья Александровна страдала отъ этихъ шалостей мужа; но преданная ему всею душой и надѣленная отъ природы кроткимъ нравомъ, она ихъ прощала, а потомъ и помирилась съ ними. Домашній миръ не былъ нарушенъ. Способствовали этому сперва добрые совѣты старика Загарина, а потомъ, когда его не стало, ихъ замѣнила привычка.

Смерть тестя сильно отразилась на Аркадіи Степановичѣ. Онъ возмнилъ себя испытаннымъ сельскимъ хозяиномъ и разомъ принялся за бойкія нововведенія. Природная самоувѣренность, на время сдержанная тестемъ, опять расправила крылья. Одного семейнаго счастія ему уже не хватало теперь. На исходѣ четвертаго десятка, какъ разъ въ то время, когда у большинства людей стихаютъ юношескіе порывы, ему стыдно показалось, что до сихъ поръ онъ ничѣмъ выдающимся не заявилъ себя. И Клусовъ захотѣлъ наверстать потерянное время и, во что бы то стало, пріобрѣсти

извѣстность. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ сталъ громко и увѣренно разсуждать объ экономическихъ вопросахъ, презрительно насмѣхаясь надъ робкою косностью сосѣдей и приглашая ихъ поглядѣть на его Богатое.

И, въ самомъ дѣлѣ, было на что посмотрѣть. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ выстроено было три завода: винокуренный, крахмальный и сахарный; цѣлый огромный сарай наполнился всевозможными машинами, да три локомобиля издавали неугомонный свистъ. Аркадій Степановичъ гордился, что паромъ у него не только молотятъ хлѣбъ, но пашутъ поле. Управлялъ всѣмъ этимъ заправскій агрономъ, не доморощенный къ тому же, а прямо выписанный изъ-за границы, ученый датчанинъ. И неугомонная дѣятельность Аркадія Степановича не останавливалась никогда: не была еще приведена къ концу одна затѣя, какъ заранѣе высчитанные барыши уже тратились на какое-нибудь новое предпріятіе. На бумагѣ Аркадій Степановичъ съ каждымъ годомъ богатѣлъ; на дѣлѣ—онъ уже не разъ ощущалъ сильную нужду въ деньгахъ. И Богатое пришлось заложить за крупную сумму.

II.

Въ Богатомъ всѣ были въ ожиданіи большого событія — пріѣзда единственнаго сына и наслѣдника Аркадія Степановича, Ѳеди. Молодой человѣкъ только что сдалъ, правда съ грѣхомъ пополамъ, выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ и, слѣдуя примѣру отца, собирался поступить въ военную службу. Природныя наклонности влекли его къ этому съ самаго дѣтства. Онъ страстно любилъ лошадей, охоту, катанье на конькахъ, и ученье давалось ему довольно туго. Не то, чтобы судьба скупо одарила его способностями, но рослаго и крѣпкаго мальчика всегда тянуло изъ

школьной комнаты на чистый воздухъ. И чуть, бывало, засядетъ онъ надъ какими-нибудь латинскими переводами, мысли его неудержимо примутъ иное направленіе, и блестящіе глаза устремятся на какую-нибудь точку за окномъ, иней ли засеребрится на голой вѣткѣ въ свѣтлый зимній день, или, покрытая свѣжею листвой, эта вѣтка тихо заколышется отъ ласки теплаго лѣтняго вѣтерка. Ѳедя выросъ въ деревнѣ и страстно полюбилъ ее, полюбилъ въ ней все, что говорило о свободѣ и раздольѣ. Мать не отпустила единственнаго сына въ гимназію, усердно слѣдя за его воспитаніемъ дома. Какъ женщина образованная — Марья Александровна послѣ замужества много и толково читала— она старалась и сыну дать хорошее образованіе, но въ то же время и боялась для него и дурнаго вліяніи товарищей, и школьныхъ строгостей, и не вѣсть еще чего. Ей бы хотѣлось, чтобы жизненная мудрость незамѣтно вошла въ голову ея Ѳеди, не требуя отъ него ни скуки, ни усилій. А пуще всего она не желала разставаться съ нимъ, хотя бы на одинъ какой-нибудь день лишиться радости видѣть его большіе улыбавшіеся глаза, гладить его бѣлокурые, курчавые волосы, цѣловать и крестить, когда онъ вечеромъ уходилъ спать. Ѳедя сильно былъ привязанъ къ матери, но съ годами онъ все болѣе тяготился ея черезчуръ неотвязчивою нѣжностью. „Смотри, не простудись“, или „будь остороженъ, Ѳедя, чтобы не случилось чего“, все еще твердила она, когда Ѳедя, уже тринадцатилѣтній мальчикъ, уѣзжалъ куда-нибудь на кабріолетѣ или верхомъ. Но все слабѣе и неувѣреннѣе звучали эти докучливые совѣты, и все нетерпѣливѣе отзывался на нихъ Ѳедя: „Хорошо, хорошо, не безпокойся“. Слишкомъ ужъ бойко развивались молодыя силы мальчика, слишкомъ ужъ сильно влекло его къ движенію, даже къ опасности, чтобы Марья Александровна могла его держать подъ своимъ крылышкомъ.

Четыре университетскихъ года были окончены.

Аркадій Степановичъ съ горделивымъ трепетомъ, а Марья Александровна съ замираніемъ сердца, ожидали пріѣзда сына, уже два года не бывавшаго въ Богатомъ. Все прошлое лѣто молодой человѣкъ пропутешествовалъ за границей. Получивъ извѣстіе о благополучномъ окончаніи экзаменовъ, Аркадій Степановичъ захотѣлъ похвастаться будущимъ наслѣдникомъ предъ сосѣдями и отпраздновать на славу его возвращеніе домой; кстати оно совпадало со днемъ рожденія Ѳеди.

И вотъ торжественная минута наступила. Отецъ и мать напрягали слухъ, не раздастся ли съ большой дороги звонъ бубенчиковъ, и всѣ, домашніе и гости, столпились на большой террасѣ, выходившей на широкій дворъ, гдѣ столы были разставлены съ угощеніемъ для крестьянъ. Праздникъ еще не начинался, и господскій староста Карпъ важно расхаживалъ по двору, удерживая деревенскую молодежь, готовую наброситься на пряники и, въ особенности, на водку. Вдругъ изъ-за поворота большой дороги послышался жиденькій звонъ. „Ѣдетъ, ѣдетъ!“ воскликнулъ Аркадій Степановичъ. И сѣдой буфетчикъ, Григорій, тяжело переваливаясь на коротенькихъ ножкахъ, поспѣшилъ къ кухнѣ торопить повара.

Но тревога оказалась напрасною. На дворъ въѣхала телѣжка съ парою саврасовъ, и въ ней оказался маленькій, худенькій человѣчекъ, хорошо извѣстный всему околотку. Это былъ Герасимъ Павловичъ Щукинъ, старикъ, управляющій сосѣдней помѣщицы, Надежды Максимовны Хвощиной.

Не спѣша онъ вылѣзъ изъ телѣжки, отдалъ своихъ лошадокъ подбѣжавшему конюху и все также, неторопясь, направился къ крыльцу, почтительно поклонившись господамъ па террасѣ.

— А, Герасимъ Павлычъ!—радушно окликнулъ его хозяинъ,—добро пожаловать! Съ какими вѣстями?

Старичекъ лишній разъ молча поклонился и, минуту

спустя, съ картузомъ въ рукѣ, показался у входа на террасу.

— Къ вашей милости съ письмомъ отъ Надежды Максимовны,—слегка дребезжащимъ голосомъ сказалъ онъ, подавая Аркадію Степановичу конвертъ.

— Какъ? Надежда Максимовна развѣ не будетъ? спросилъ Аркадій Степановичъ, принимаясь читать.

— Онѣ очень извиняются и васъ съ пріѣздомъ Ѳедора Аркадьича приказали поздравить... Тоже сынка къ себѣ ожидаютъ сегодня изъ Петербурга, Николая Владимірыча.

Письмо содержало лишь подтвержденіе словъ приказчика. Оно было написано крупнымъ, твердымъ, совсѣмъ не женскимъ почеркомъ.

— Что-жъ, и сынка бы привезла съ собой, хоть бы позднѣе, вечеркомъ. А то вѣдь безъ Надежды Максимовны и праздника настоящаго нѣтъ.

— Никакъ ужъ нельзя-съ, должно быть, Аркадій Степанычъ, — улыбаясь во всю ширину своихъ сморщенныхъ губъ, отвѣтилъ приказчикъ.— Должно, пожелали вдвоемъ остаться съ Николаемъ Владимірычемъ. Сами изволите знать, какъ сынка они любятъ. Да и не надолго, кажись, Николай Владимірычъ къ намъ жалуютъ...

— Знаю, знаю... осенью въ военную службу поступаетъ, въ одинъ полкъ съ моимъ сыномъ.

— Ну, вотъ это пожалуй, что напрасно! сказалъ тучный господинъ, съ упрямымъ и неподвижнымъ выраженіемъ на широкомъ лицѣ. Это былъ мѣстный предводитель Бабищевъ, сильно возмечтавшій о себѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ совершенно случайно попалъ на эту должность. — Лучше бы сынка къ хозяйству пріучить, чѣмъ давать ему напрасно деньгами сорить въ полку... Да и средства у Надежды Максимовны совсѣмъ ужъ не такія большія

— У Надежды Максимовны имѣніе въ такомъ образцовомъ порядкѣ, примирительно вставилъ Аркадій Сте-

пановичъ, — хоть и ведется у ней хозяйство по старинному.

— Ну, вотъ этотъ самый порядокъ и поддержать надо! своимъ тучнымъ басомъ опять завопилъ предводитель,— а то развѣ мало примѣровъ, что родительское наслѣдство на вѣтеръ идетъ? Такъ вѣдь, Герасимъ Павлычъ?

— Это ужъ ихнее дѣло-съ, коротко отвѣтилъ старикъ. Но видно было, что этотъ самый вопросъ затрагивалъ его за живое.

— А что? Правда,—спросилъ у Щукина другой помѣщикъ, сухой, длинный старикъ, отставной майоръ Глухаревъ, — правда, что Петрушка Сысоевъ у васъ Гусевскій хуторъ покупаетъ?

Спокойное лицо Герасима Павловича заволновалось и покраснѣло.

— Сильно бы его хотѣлось купить Сысоеву,—громче прежняго заговорилъ онъ,—только этому не бывать-съ: Надежда Максимовна ни съ однимъ вершкомъ своей земельки не разстанется, могу васъ увѣрить.

— Ну, давай Богъ, отвѣтилъ Глухаревъ, — а то больно ужъ сталъ расправлять крылья этотъ Сысоевъ. И откуда подлецъ этотъ силъ набрался? Отца его какъ теперь помню—простой былъ мужикъ и почтительный такой, хоть и съ деньгой, правда. И сынишку его я сколько разъ видѣлъ, какъ бѣгалъ онъ босикомъ по грязи,—а теперь въ люди вылѣзъ!

— Прогрессивное явленіе!.. съ красивой улыбкой на губахъ замѣтилъ Аркадій Степановичъ.

— Хорошъ прогрессъ! И все благодаря нашей слабости: сами мы воспитываемъ этихъ грызуновъ, которые насъ подтачиваютъ.

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Аркадія Степановича. Онъ усиленно заморгалъ глазами и потомъ обратился вдругъ съ вопросомъ къ старику Щукину.

— А что, видѣли мой паровой плугъ, а?

— Видѣлъ, сумрачно и неохотно проронилъ въ отвѣтъ Щукинъ.

— Ну, что? Какъ работаетъ?! Чистота-то какая... отдѣлка, а главное скорость, скорость!

— Намъ это не по силамъ, Аркадій Степановичъ, все такъ же неохотно возразилъ старикъ.

Въ самомъ углу террасы кто-то сдержанно хихикнулъ. Но какъ разъ въ эту минуту раздался громкій, веселый звонъ колокольца, и лихая тройка молодецки вкатила на дворъ.

— А, вотъ и сынъ! Наконецъ-то! воскликнулъ Аркадій Степановичъ. А Марья Александровна, не сказавъ ничего, такъ и ринулась внизъ по лѣстницѣ.

III.

Ѳедя успѣлъ между тѣмъ выскочить изъ тарантаса. Во всей его фигурѣ, стройной и рослой, было что-то быстрое, стремительное, горячее. Каріе глаза свѣтились веселою откровенною улыбкой и сильно загорѣвшее лицо дышало нетерпѣливымъ оживленіемъ. Но въ эту минуту по чертамъ Ѳеди пробѣжало будто не совсѣмъ довольное выраженіе. Всю дорогу онъ мечталъ о родномъ гнѣздѣ, о свиданіи съ матерью, и мысленно обнималъ ее, осыпая поцѣлуями. Но когда онъ подъѣзжалъ къ дому и увидѣлъ разставленные на дворѣ столы, и толпу крестьянъ въ разноцвѣтныхъ нарядахъ, и кучку гостей на террасѣ, мысли его разомъ приняли иное направленіе. „Эхъ!“ подумалъ онъ, „узнаю въ этомъ папашу: нельзя видно было не встрѣтить меня съ трескомъ“. Сперва онъ подошелъ къ отцу, торопливо съ нимъ обнялся, какъ обнимаются при оффиціальныхъ встрѣчахъ, называя его даже не папой, какъ дѣлалъ это прежде, а отцомъ, и потомъ обратился къ стоявшей возлѣ Марьѣ Александровнѣ. Онъ почтительно, какъ будто церемонно, наклонился къ ея рукѣ, а она, вся дрожа отъ волненія, прижала къ себѣ его запыленное лицо, прильнувъ къ нему долгимъ поцѣлуемъ. Но уже

въ слѣдующій мигъ онъ бережно высвободился изъ ея рукъ, вспомнивъ про гостей, которые стояли здѣсь, позади, въ сѣняхъ и на ступеняхъ лѣстницы, и отвѣсилъ имъ общій развязный поклонъ.

— Ну, дай на себя взглянуть, Ѳедюха, весело заговорилъ Аркадій Степановичъ, — посмотримъ, на что ты сталъ похожъ за эти два года. Онъ взялъ сына за плечи, самодовольно оглядывая его: онъ видимо гордился имъ, его ростомъ и сложеніемъ и красивыми густыми волосами, небрежно закинутыми назадъ, и пушкомъ, неровно, но густо засѣвшимъ на тонкомъ подбородкѣ.

— Поздравляю новорожденнаго, продолжалъ онъ, снова цѣлуя сына.—Шутка сказать—двадцать два года!.. Ну, а теперь, добавилъ онъ, — ступай, переодѣнься, да поживѣй,—ты весь запылился въ дорогѣ.

Марья Александровна однако такъ скоро не отпустила сына. Ей тоже хорошенько надо было разглядѣть его и разспросить тоже, зачѣмъ онъ такъ опоздалъ, не случилось ли чего съ поѣздомъ или, пожалуй, съ лошадьми.

Не случилось съ Ѳедей ровно ничего. Поѣздъ только опоздалъ, какъ водится, да и самъ онъ замѣшкался на станціи. Но такія простыя вещи никакъ не могли придти въ голову Марьѣ Александровнѣ: ей совершенно невѣроятнымъ казалось, чтобы сынъ, котораго ждали дома, замѣшкался на станціи.

— Тебѣ все, мамаша, сказалъ онъ развязно и увѣренно,—всякіе ужасы мерещатся. А самое простое объясненіе тебѣ и на умъ не придетъ.

Въ словахъ этихъ, слегка обидѣвшихъ Марью Александровну, звучало даже нетерпѣніе. Но могъ ли онъ показаться гостямъ какимъ-то безпомощнымъ мальчикомъ, за котораго вѣчно дрожатъ родные? Какъ на зло, ему почудилось сдержанное хихиканье на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы, гдѣ стояли двѣ барышни Глухаревы, быстроглазыя и хорошенькія, и насмѣшницы

большой руки. Онъ вскинулъ на нихъ глазами, придавая своему взгляду что-то небрежное и увѣренное, и поспѣшилъ къ себѣ въ комнату, извиняясь, что такъ долго изъ-за него всѣ дожидались обѣда.

— Ну что, Трофимъ? минуту спустя разспрашивалъ онъ стараго слугу, подливавшаго ему воду изъ рукомойника:—что случилось у васъ безъ меня за эти два года?.. Все по старому, а?

Трофимъ, помнившій Ѳедю еще ребенкомъ и горячо преданный своимъ господамъ, которымъ служилъ ужъ двадцатый годъ, улыбнулся всѣмъ добрымъ, сморщеннымъ, безбородымъ лицомъ.

— Ничего, Ѳедоръ Аркадьичъ, кажись, не случилось... Развѣ, что батюшка вашъ много построекъ завели. Изволили замѣтить, на пригоркѣ, возлѣ плотины? — заводъ винокуренный поставили, а тамъ, за рѣчкой, другой, крахмальный...

— Что-жъ, это хорошо, сказалъ Ѳедя, обтирая полотенцемъ раскраснѣвшееся лицо.

— Ну тамъ, хорошо ли, нѣтъ ли — не наше дѣло судить, вздыхая почему-то, отозвался Трофимъ. — Все это новаго управляющаго выдумки-съ, Христіана Карлыча... Изволили слышать? прямо изъ-за границы выписали... По нашему и слова путнаго сказать не умѣетъ. Батюшка вашъ очень ужъ ему довѣряетъ.

— Гм, вотъ какъ! Ѳедя принялся торопливо мѣнять бѣлье.—Я замѣтилъ и въ домѣ много новаго: галлерею стеклянную устроили, лѣстница другая, да и перекрасили въ другой цвѣтъ. Совсѣмъ нарядным глядитъ.

— Можетъ, и нарядно, Ѳедоръ Аркадьичъ, а все прежде, кажись, лучше было... Вотъ комнатка ваша совсѣмъ по старому прибрана: объ этомъ ужъ я позаботился.

Ѳедя оглянулъ комнату, на которую до тѣхъ поръ въ торопяхъ не обратилъ вниманія. Да, на стѣнахъ все тѣ же свѣтлые обои, съ веселыми разводами и небольшой шкафчикъ съ книгами въ углу; и кровать на

прежнемъ мѣстѣ съ портретомъ матери надъ изголовьемъ, и между окнами письменный столъ изъ краснаго дерева, за которымъ онъ твердилъ когда-то уроки — все знакомые, любимые предметы...

— Спасибо, Трофимъ, спасибо,—проговорилъ молодой человѣкъ.—Да и ты самъ остался такимъ же... совсѣмъ даже не старѣешься, право.

— Что мнѣ сдѣлается, Ѳедоръ Аркадьичъ? — ухмыляясь отвѣтилъ старикъ.

— А ты мнѣ вотъ что скажи, Трофимъ...

Лицо Ѳеди приняло вдругъ озабоченное выраженіе и голосъ прозвучалъ тише:

— Что, мамаша? Какъ ея здоровье? Мнѣ показалось, будто она блѣдна очень.

— Да ничего здоровьемъ — хворать не изволили... Только ужъ очень по васъ убивались, пріѣзда вашего дожидаючись. Ну, конечно, и года тоже — онѣ не молодыя-съ.

— Что за года? Матушкѣ всего сорокъ три... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, скажи,—она была здорова все время?

Трофимъ прямо не отвѣтилъ и, покачавъ головой, проговорилъ совсѣмъ измѣнившимся грустнымъ и тревожнымъ голосомъ:

— Ахъ, батюшка, Ѳедоръ Аркадьичъ, остались бы вы у насъ совсѣмъ! И матушку бы пожалѣли, и къ хозяйству присмотрѣлись бы... а то, слыхать, вы на службу въ Петербургъ собираться изволите.

— Мнѣ рано хозяйничать, Трофимъ, отвѣтилъ Ѳедя, успѣвшій между тѣмъ переодѣться. — Да и папашѣ еще помощника не нужно — онъ самъ вѣдь хозяинъ отличный...

Ѳедя проговорилъ это ужъ въ дверяхъ, торопясь спуститься съ лѣстницы.

Трофимъ на его слова отвѣтилъ только глубокимъ вздохомъ.

Въ залѣ, огромной комнатѣ, въ пять оконъ, выходившихъ въ садъ, былъ накрытъ длиннѣйшій столъ

на двадцать приборовъ, и гости въ ожиданіи обѣда толпились около обильной закуски. Аркадій Степановичъ подвелъ сына къ наиболѣе почетнымъ гостямъ: къ предводителю, къ старому отставному генералу Трухачевскому, къ мѣстному богачу Крутикову, самому крупному винокуру въ уѣздѣ, къ барону Клепенбергу, раздушенному старику, съ необыкновенно сухимъ, породистымъ лицомъ, считавшемуся первымъ аристократомъ. Предводитель взглянулъ на молодого человѣка строго и промолчалъ, такъ какъ ротъ у него былъ набитъ балыкомъ; Крутиковъ выпучилъ свои неподвижные, бычачьи глаза и снисходительно промолвилъ: „Хозяйству поучиться собираетесь, молодой человѣкъ, а? Дѣло похвальное!“ Генералъ, жамкая губами и подрагивая челюстью, совсѣмъ тоненькимъ, беззубымъ голосомъ заговорилъ съ Ѳедей о какихъ-то двухъ московскихъ старухахъ, его теткахъ, съ которыми онъ нѣкогда танцовалъ, но о существованіи которыхъ Ѳедя имѣлъ лишь смутное понятіе. Ѳедя не успѣлъ удовлетворить его любопытства: отецъ уже взялъ его подъ руку, чтобы представить барону.

— Charmé,—величаво проговорилъ тотъ, протягивая ему кончики холодныхъ, дрожащихъ пальцевъ.

„Господи, что за коллекція!“ подумалъ Ѳедя, сдерживая на губахъ улыбку.—„И неужели это для меня собрались эти великолѣпные экземпляры вымирающей породы?..“ Молодой человѣкъ оглянулся, отыскивая въ залѣ иныя знакомыя лица. Въ числѣ гостей оказалось немало такихъ, которыхъ онъ въ прежніе годы видѣлъ въ Богатомъ. Какъ всѣ они посѣдѣли, осунулись, точно за эти два-три года вынесли на себѣ тяжесть цѣлаго десятилѣтія. Глухаревъ, прежде такой бодрый, съ военной складкой на лицѣ и въ осанкѣ,—какой онъ хилый теперь! А Николай Ивановичъ Воеводскій, этотъ добрѣйшій Николай Ивановичъ, котораго всѣ такъ любятъ и все лицо котораго такъ и дышетъ самой незлобной кротостью,—какимъ онъ глядитъ забитымъ, истертымъ,

поношеннымъ, такимъ же поношеннымъ, какъ его ветхій фракъ. А Левъ Христофоровичъ Собакинъ, прежде такъ тщательно сохранявшій отпечатокъ бывшаго франта, говорившій всегда такъ самоувѣренно и громко, хоть и глуповато немножко, какъ выцвѣлъ и онъ, какимъ робкимъ сталъ его голосъ, и развѣ одно выраженіе торжественной глупости сохранилось неизмѣннымъ на его сморщенномъ лицѣ. Одинъ только Лука Григорьевичъ Трусовъ, мировой судья съ незапамятныхъ временъ, все также бойко и подобострастно въ то же время сѣменитъ ножками, и никакого опредѣленнаго возраста не носитъ на себѣ его юркая, проворная фигурка. Исправникъ Кубышкинъ сохранилъ ту же упрямую неподвижность взгляда, тѣ же усы, лоснящіеся отъ ваксы, и ту же огромную бородавку на щекѣ, землистаго цвѣта. Какимъ-то мизернымъ, непригляднымъ показалось Өедѣ уѣздное общество, оттого ли, что его избаловала Москва, или что въ самомъ дѣлѣ оно за эти немногіе годы опустилось подъ двойнымъ воздѣйствіемъ неподвижности и обѣднѣнія. Дамъ было всего двѣ: супруга предводителя, особа желчная и нѣсколько подавленная мужемъ, да Вѣра Порфирьевна Глухарева, мать семейства, въ полномъ смыслѣ достойная всякаго уваженія, но какъ всѣ женщины, исключительно преданныя долгу, мало интересная въ обществѣ.

Өедя собирался возобновить знакомство съ барышнями Глухаревыми, очевидно соскучившимися отъ болтовни поручика Вилимбасова, перваго уѣзднаго шаркуна, и соперника его на этомъ поприщѣ, недавно прибывшаго изъ столицы, слѣдователя Вертушкина. Это были единственные представители молодежи, имѣвшіеся на лицо. Но его сперва остановилъ подлетѣвшій къ нему со всего размаха Лука Григорьевичъ, а потомъ съ протянутыми руками подошелъ къ нему добрѣйшій Николай Ивановичъ, и Өедѣ нельзя было исполнить своего намѣренія. Онъ холодно раскланялся съ Трусовымъ и сердечно облобызался со старикомъ Воевод-

скимъ. Искреннее привѣтствіе молодого человѣка, должно быть, ободрило и пригрѣло бѣднаго Николая Ивановича: его робкое лицо оживилось, и свѣтлыя искорки забѣгали по маленькимъ зрачкамъ.

— Что, Ѳедоръ Аркадьевичъ?—заговорилъ онъ,—къ намъ въ деревню совсѣмъ, не правда-ли? Вотъ было-бы хорошо-то!..

— Въ деревню, только не совсѣмъ,—засмѣялся Ѳедя въ отвѣтъ.

— Жаль, очень жаль! Нужна намъ молодежь, очень нужна... новаго вина подлить въ старые мѣхи. А то видите, какъ всѣ мы одряхлѣли, опустились...

— Вы-то сами какъ, Николай Ивановичъ? участливо спросилъ Ѳедя.—Здоровье какъ, да хозяйство тоже?

Николай Ивановичъ сперва безутѣшно махнулъ рукой, но тотчасъ же ободрился и живо заговорилъ:

— Ничего, помаленьку... А все-таки на подмогу намъ молодежь нужна: столько вѣдь пользы принести можно, столько настоящаго живаго дѣла натворить!

Упрямый идеалистъ, не поддававшійся унынію, словно ожилъ въ дряхломъ старичкѣ. Но разговоръ его съ Ѳедей былъ прерванъ Аркадіемъ Степановичемъ.

— Господа, милости просимъ, садитесь, приглашалъ онъ гостей.

Торжественная трапеза началась. Толстый буфетчикъ Григорій, съ усиліемъ выпрямляя жирное туловище, необыкновенно важно разносилъ тяжелыя блюда. И съ неменьшею важностью за верхнимъ концомъ стола текли рѣчи почетныхъ гостей. Ѳедѣ, отвыкшему отъ деревенскихъ порядковъ и отъ страсти отца къ уѣздному великолѣпію, удивительно скучнымъ, и смѣшнымъ тоже, показалось это парадное кормленіе. Онъ хотѣлъ было усѣсться рядомъ съ Николаемъ Ивановичемъ и продолжать съ нимъ задушевную бесѣду, но отецъ, ради пущей важности, усадилъ его между желчной предводительшей и богатымъ винокуромъ. Молодой человѣкъ скучалъ немилосердно.

— Я всегда старался уѣздъ сплотить,—басомъ замѣтилъ предводитель, по поводу какого-то разсказа о недавно случившемся мѣстномъ скандалѣ,—чтобы не было у насъ никакихъ партій...

И на самомъ дѣлѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ партій, раздиравшихъ уѣздъ своими междуусобіями, каждый мѣстный дѣятель представлялъ изъ себя теперь какъ бы отдѣльную партію—до того всѣ разсорились другъ съ другомъ. Одинъ Аркадій Степановичъ стоялъ внѣ этой всеобщей распри, потому-что открытый домъ и обильное хлѣбосольство всегда объединяетъ, если не самыхъ людей, то по крайней мѣрѣ, ихъ желудки.

— Полно, батенька, —небрежно возразилъ Крутиковъ, разрѣшавшій себѣ фамильярность обращенія со всѣми.— Чего тамъ объединять, когда на выборы-то ѣдутъ за тѣмъ только, чтобы себѣ или близкому человѣку мѣстечко доставить потеплѣе? Вотъ Сысоевъ съ братіей насъ объединитъ, когда всѣхъ подведетъ подъ одинъ знаменатель!

— Да,—грустно отозвался Собакинъ, охорашиваясь на своемъ мѣстѣ и дѣлая рукою красивый жестъ,—мы всѣ заживо похороненные. Вотъ, могу сказать, я цѣлыхъ двадцать лѣтъ не переставалъ бороться, какъ солдатъ на позиціи, и что-жъ я пріобрѣлъ за это? Сознаніе исполненнаго долга...

— И много долговъ въ придачу,—вполголоса замѣтилъ Крутиковъ.

— Потому что я смотрю, господа, продолжалъ Собакинъ,—на владѣніе имѣньемъ, какъ на тяжелую обязанность.

Генералъ хотѣлъ что-то сказать, но онъ очевидно не совсѣмъ понялъ въ чемъ дѣло, и такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ. Баронъ приложилъ руку къ лѣвому уху рожкомъ, но, хорошенько не разслышавъ, предпочелъ обратиться къ Марьѣ Александровнѣ съ какою-то любезною фразой.

— Полноте, полноте, не такъ ужъ все дурно,—съ

примирительнымъ добродушіемъ вставилъ Аркадій Степановичъ.

Большинство однако было иного мнѣнія, такъ какъ посыпались жалобы одна другой безотраднѣе, и на безвыходность хозяйства, и на мужицкую лѣнь, и на правительственныя стѣсненія.

— Нѣтъ, господа, я вамъ доложу вотъ что-съ,—закипятился вдругъ Николай Ивановичъ,—эти всѣ жалобы напрасны-съ, потому что очень и очень еще даже можно хозяйничать. И довольно странно-съ, что жалобы эти почти всегда исходятъ отъ самыхъ крупныхъ владѣльцевъ...

Крутиковъ уставился было презрительно на старика, такъ какъ всѣ очень хорошо знали, что онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, со своими четырьмя стами десятинъ и шестью дѣтьми, которыхъ надо было воспитывать, но онъ не возразилъ ничего. Воеводскаго всѣ уважали.

— Стыдно-съ это, что мы такими стали,—продолжалъ Николай Ивановичъ,—что рознь эта между нами завелась и мы сами себѣ будто отходную поемъ. Прежде не то было-съ. Помните, какъ вышелъ манифестъ и явились посредники? Тогда по угламъ не прятались—всякій старался для хорошаго дѣла. И потомъ тоже, когда земство открылось? Сколько насъ собралось на первые выборы, съ какимъ одушевленіемъ принялись за новое дѣло!

У Ѳеди между тѣмъ мысли ушли далеко отъ того, что происходило и говорилось вокругъ. Онъ вспомнилъ, какъ въ прежніе ребяческіе годы, въ дальнемъ углу обширной залы, его усаживали съ прочею молодежью за маленькій круглый столъ, и какое было за этимъ столомъ искреннее, неудержимое веселье, какъ повѣсничалъ онъ съ другими мальчиками, какъ хихикали исподтишка барышни, притворно смущаясь. Мальчики эти выросли и торчатъ теперь гдѣ-то въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; барышни выросли тоже и конечно ста-

ли жеманными, разучились даже откровенно хохотать... Двѣ изъ нихъ тутъ, правда,—Соня и Вѣрочка Глухаревы. И Ѳедя когда-то былъ чуть-чуть влюбленъ въ обѣихъ, хорошенько не зная, на которой изъ нихъ остановить свой выборъ. Но теперь онѣ совсѣмъ уже не тѣ, что прежде: Соня, туго затянутая въ своемъ длинномъ голубомъ платьѣ, съ какою-то нелѣпою, мудреною прической на головѣ, совсѣмъ не нравится ему въ своемъ новомъ видѣ благовоспитанной взрослой дѣвицы; а Вѣрочка, хотя она и много живѣе сестры, хоть и прыгаютъ по сторонамъ ея бойкіе глазенки, старается тоже прикидываться смиренницей. Да, теперь бы онъ не влюбился ни въ одну. А все-таки его тянетъ въ ихъ уголъ, откуда слышится сдержанный молодой говоръ, и его смущаетъ даже немного, что онъ чувствуетъ на себѣ пристальные и какъ будто насмѣшливые взгляды дѣвушекъ. Ѳедѣ вообще было неловко; и онъ ни съ того. ни съ сего обратился вдругъ громко къ отцу:

— Ты знаешь, кого я встрѣтилъ сегодня на поѣздѣ? Колю Хвощина. Я его цѣлыхъ четыре года не видалъ: онъ былъ вѣдь въ Петербургскомъ университетѣ.

— Да... и какъ разъ изъ-за этого Надежда Максимовна не пріѣхала,—сказала Марья Александровна. Ты бы съѣздилъ къ ней завтра, Ѳедя.

— Хорошо,—успѣю,—небрежно отвѣтилъ ей сынъ.— Только сомнѣваюсь, чтобы Коля былъ очень тронутъ, если изъ-за него Надежда Максимовна останется дома: онъ что-то родными мало дорожитъ... самъ говорилъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, что провести три мѣсяца у матери въ деревнѣ для него чистая каторга.

— Ѳедя!—съ укоромъ произнесла Марья Александровна.

— Что-жъ? Я говорю правду... И совсѣмъ глупо— я это Колѣ въ лицо сказалъ,—что онъ поступаетъ въ полкъ: мать выбивается изъ силъ, чтобы дѣтей воспитать, а онъ будетъ у нея послѣднія деньги выклянчивать... А что,—вдругъ оборвалъ свою рѣчь молодой

человѣкъ, чувствуя, что на него обращены взоры всѣхъ и что онъ отъ этого даже слегка краснѣетъ—откуда это у тебя, папа, вино? Преотличное, добавилъ онъ съ видомъ знатока, опорожнивъ рюмку блѣднаго хереса.

— А вы развѣ въ этомъ что-нибудь понимаете?—спросилъ у молодого человѣка сидѣвшій съ нимъ рядомъ Крутиковъ.

— Какъ же-съ! Сію науку тоже произошли-съ!—смѣясь отвѣтилъ Ѳедя,—лихо выпивая вторую рюмку.

Марья Александровна съ недоумѣніемъ взглянула на сына: она съ горестью замѣчала, что за эти два года онъ какъ будто выучился пить и что завелись у него даже дурныя манеры.

Тутъ хлопнули вдругъ пробки, и слуги стали разливать шампанское. Аркадій Степановичъ поднялся съ мѣста и готовился уже произнести тостъ, какъ раздался у крыльца стукъ легкаго экипажа и, минуту спустя, вбѣжалъ лакей, докладывая впопыхахъ, что пріѣхала Варвара Владиміровна Горностаева.

IV.

Аркадій Степановичъ быстро направился къ дверямъ, въ которыхъ показалась молоденькая женщина, очень просто, но и очень изящно одѣтая. Свѣтлое платье ловко сидѣло на ней, туго обхватывая ея тонкій станъ и отчетливо обрисовывая всю ея небольшую, но бойкую и красивую фигуру. Отъ нея сразу повѣяло чѣмъ-то не деревенскимъ, чѣмъ-то изысканно-столичнымъ. Легкія, быстрыя, но въ то же время плавныя ея движенія, подвижность мелкихъ чертъ ея свѣжаго лица, умѣвшаго сразу выражать очень многое, и самый тонкій запахъ духовъ, носившійся отъ ея модной одежды,—все это говорило о чемъ-то изысканномъ и свободномъ и, въ то же время, о какой-то высшей школѣ изящной и мудреной простоты.

— Мнѣ ужасно совѣстно, Аркадій Степановичъ, начала она, протягивая маленькую ручку, туго обтянутую длинной шведской перчаткой: — Я думала, вы давно отобѣдали, и хотѣла васъ поздравить, въ качествѣ новой сосѣдки, а выходитъ, я всѣмъ вамъ помѣшала...

На самомъ дѣлѣ ей вовсе не было совѣстно, и совсѣмъ не о смущеніи говорили ея блестящіе, голубые глаза, въ которыхъ что-то юное и невинное прелестно совмѣщалось съ быстрыми вспышками словно дремавшаго въ нихъ огня. Она не стала выслушивать увѣреній Аркадія Степановича, что она никакъ помѣшать не можетъ, что ея пріѣзду рады во всякое время, и ловко скользнула впередъ, къ Марьѣ Александровнѣ, слегка приподнявшейся съ мѣста при ея появленіи. Марья Александровна не дала себѣ труда, подобно мужу, сыпать льстивыми словами; она встрѣтила молодую женщину съ ласковой простотой—иного выраженія не знало ея привѣтливое лицо — но внимательный глазъ прочелъ бы на немъ тѣмъ не менѣе, что она не слишкомъ рада неожиданно пріѣхавшей гостьѣ. Варвару Владиміровну однако это не обезпокоило ничуть: она не только сама чувствовала себя вполнѣ увѣренно и ловко. но и другимъ сообщила это ощущеніе. Она не заняла мѣста, предложеннаго ей рядомъ съ хозяиномъ дома.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сяду возлѣ вашего сына,—сказала она живо. Кстати я его поздравлю и возобновлю съ нимъ знакомство: я вѣдь знала его совсѣмъ еще маленькимъ.

Ѳедя, краснѣя почему-то, немного потѣснился, и молодая женщина, усѣвшись между нимъ и Крутиковымъ, мигомъ оживила довольно-таки вялый разговоръ. Она всѣхъ подарила то любезнымъ, то чуть-чуть насмѣшливымъ словомъ и всѣхъ мало-по-малу увлекла въ общую шутливую бесѣду. Съ Аркадіемъ Степановичемъ она держала себя задушевно и какъ будто почтительно; барона и Льва Христофоровича она слегка поддразнивала; къ генералу выразила самое милое участіе, за-

интересовавшись его застарѣлыми недугами. Передъ Крутиковымъ молодая женщина выказала притворный страхъ, называя его почему-то ужаснымъ человѣкомъ, вслѣдствіе чего онъ разсыпался передъ ней въ довольно-таки медвѣжьихъ любезностяхъ.

Двухъ молодыхъ людей, наконецъ, она подарила лишь кивкомъ головы; но съ нихъ и этого было довольно, и оба они стали пожирать ее глазами, совершенно позабывъ о барышняхъ Глухаревыхъ.

И подаривъ всѣхъ присутствующихъ минутой вниманія она обратилась къ Ѳедѣ и до конца обѣда занималась исключительно имъ.

Молодой человѣкъ чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ въ сосѣдствѣ разбитной барыньки. Но Варвара Владиміровна живо его пріободрила. Она заговорила съ нимъ совершенно просто, почти по-товарищески, а краснорѣчивые ея глаза довершили дѣло. Они ясно давали понять, эти глаза, что, обойдя весь кругъ сидѣвшихъ за столомъ, они остановились на Ѳедѣ, какъ на самомъ пріятномъ для нея собесѣдникѣ.

— Итакъ, вамъ двадцать два сегодня, говорила она, чокаясь съ нимъ и отпивая шампанское маленькими, короткими глотками, и ослѣпительно бѣлые ея зубы, кусая хрусталь бокала, точно улыбались ему заодно съ глазами. Какъ время однако бѣжитъ! я васъ помню еще двѣнадцатилѣтнимъ гимназистомъ,—я тогда была уже большая... а теперь ужъ почти старуха: мнѣ двадцать восемь...

А румянецъ, вспыхивавшій отъ вина на ея миловидномъ лицѣ, и блескъ оживленныхъ глазъ задорно смѣялись надъ ея боязнью казаться старухой.

— Да, да, разница между нами всего шесть лѣтъ, а между тѣмъ передъ вами открывается только-что жизнь, тогда какъ моя почти окончена, и новаго во всякомъ случаѣ мнѣ ожидать уже нечего...

— Будто нечего?—совсѣмъ попадая въ ея тонъ и чувствуя себя уже равнымъ съ нею, возразилъ Ѳедя.

— Да какъ же? Общество, свѣтъ, все это я знаю такъ ужъ хорошо, и такъ уже давно я увидѣла все это въ первый разъ.

— Да развѣ ничего другаго въ жизни нѣтъ, кромѣ свѣта?

— Есть, конечно, какъ-то двусмысленно засмѣялась она:—зимою переѣздъ въ Петербургъ, лѣтомъ въ деревню... Кстати, вы знаете, я себѣ новый домъ устроила въ моемъ маленькомъ имѣніи. Я вамъ покажу. Вы ко мнѣ непремѣнно пріѣзжайте, Θедоръ Аркадьевичъ.

— Слушаю-съ, пріѣду... Вотъ видите, новый домъ есть—а новый домъ такъ весело отдѣлывать.

— Удивительно весело!—протянула она. Вы можете себѣ представить, какъ я интересуюсь хозяйствомъ.

— Еще бы, вы, какъ достойная дочь вашей матушки, первой хозяйки у насъ въ губерніи...

— Разумѣется, разумѣется... И вы это говорите не шутя, Θедоръ Аркадіевичъ?..

— Да будто ничего иного въ жизни и нѣтъ?—спросилъ онъ на этотъ разъ совершенно серьезно.

— Да что же можетъ быть еще?—съ притворнымъ недоумѣніемъ и какъ-то озираясь, сказала она.

— А мужъ-то вашъ, неожиданно вмѣшался въ разговоръ Крутиковъ,—мужъ? Куда его вы дѣвали?

Она посмотрѣла на него мелькомъ, потомъ звонко разсмѣялась и повела плечами. Потомъ, оставивъ его слова безъ отвѣта, достала изъ рюмки перчатки, куда она ихъ сунула раньше, и принялась ихъ натягивать на красивыя, стройныя руки.

— Мужъ мой,—проговорила она медленно, — безраздѣльно принадлежитъ своему департаменту.

— Ну, а помимо мужа?—заговорилъ было Θедя, всматриваясь въ нее долгимъ, блестящимъ взглядомъ,— выпитое вино придавало ему смѣлость—но и его слова остались безъ отвѣта: стулья зашумѣли, всѣ поднялись съ мѣстъ.

Θедя тщетно надѣялся возобновить прерванный раз-

говоръ съ Варварой Владиміровной. На террасѣ, куда шумно высыпало все общество, молодую женщину обступила цѣлая толпа, и про Ѳедю она, повидимому, совершенно забыла. Она подшучивала надъ барономъ, кокетничала съ предводителемъ, любезно выслушивала тяжеловатыя шутки Крутикова. Даже на двухъ уѣздныхъ птенцевъ, бойко откалывавшихъ передъ нею невообразимую чепуху, она обращала больше вниманія, чѣмъ на своего недавняго сосѣда за столомъ. Ѳедю, разумѣется, это бѣсило; и какъ на зло, всякій разъ, что онъ пробовалъ къ ней подойти, она давала ему какое-нибудь маленькое порученіе точно затѣмъ, чтобы отослать его подальше: то надо было отнести допитую чашку кофе, то поискать брошенную куда-то накидку.

Но вотъ къ веселой кучкѣ, стоявшей вокругъ молодой женщины, направился Аркадій Степановичъ. Завидя его, Варвара Владиміровна живо поднялась съ мѣста и, пройдя нѣсколько шаговъ, опустилась на качалку, стоявшую въ углу. Ѳедю поразило, какъ разомъ измѣнилось ея обращеніе: ея вызывающаго задора какъ бы не стало, и, скромно опустивъ рѣсницы, она почтительно выслушивала, что говорилъ, наклонившись къ ней, Аркадій Степановичъ. Да и въ манерѣ отца Ѳедя тоже замѣтилъ что-то необычайное, что-то усердное, рыцарски внимательное, что-то далеко оставлявшее за собой его обычную, нѣсколько величавую любезность.

Варвара Владиміровна оставалась, впрочемъ, въ Богатомъ недолго: едва подали чай, она рѣшительно встала, объявивъ, что ей пора домой, и какъ ее ни удерживали, настояла на своемъ. Аркадій Степановичъ проводилъ ее до лѣстницы и уже протянулъ руку, чтобы помочь ей спуститься, но она столь же рѣшительно отослала его назадъ къ гостямъ и, подозвавъ Ѳедю, оперлась на его локоть. Ей повидимому хотѣлось вознаградить молодого человѣка за свое невниманіе; глаза ея, по крайней мѣрѣ, улыбались ему опять такъ же мило, какъ за обѣдомъ, и рука, будто невзначай, опи-

ралась на его руку немного сильнѣе, чѣмъ было надо.

— Вы не забудете про свое обѣщаніе побывать у меня, не забудете? Помните же—я васъ жду.

И, говоря это, она словно обожгла его быстрымъ, скользящимъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ. Она впрыгнула въ поданный кабріолетъ, и Ѳедя успѣлъ едва коснуться ея локтя, чтобы подсадить ее. Но и отъ этого легкаго прикосновенія сладкія мурашки забѣгали по его тѣлу. И въ самомъ веселомъ, праздничномъ настроеніи взбѣжалъ онъ наверхъ, гдѣ болѣе солидные изъ гостей уже разсаживались за карточные столы.

На терассѣ онъ увидѣлъ сестеръ Глухаревыхъ, печально ходившихъ взадъ и впередъ, обнявшись за таліи. И ему совѣстно стало, что весь этотъ день онъ едва перекинулся съ ними двумя—тремя словами. Онъ подошелъ къ нимъ съ искреннимъ намѣреніемъ загладить свою нелюбезность, но изъ его старанія ничего не вышло. Обѣ сестры замкнулись въ свое обиженное достоинство и отвѣчали ему односложно и кисло: женщины никогда не цѣнятъ позднее раскаяніе. И Ѳедя невольно прислушивался къ разговору, отрывки котораго долетали до него, пока онъ скучалъ, прохаживаясь съ барышнями. Дѣло шло о Варварѣ Владиміровнѣ, и говорившіе обмѣнивались на ея счетъ самыми безпощадными сужденіями.

— Особа она, положимъ, значительная,—говорилъ Крутиковъ, возражая на какое-то замѣчаніе слѣдователя, вызвавшее всеобщій хохотъ,—особливо для васъ, молодыхъ людей. Только, по-моему, отъ такихъ очаровательницъ надо подальше.

— А я напротивъ, совсѣмъ даже напротивъ, защищалъ Варвару Владиміровну Собакинъ,—такая сирена, доложу вамъ, въ нашихъ краяхъ рѣдкость большая.

— Ну, вы, извѣстное дѣло, грѣховодникъ неисправимый, отъ всякой бабьей улыбки растаете сейчасъ... А я, глядя на такихъ особъ, карманы свои попридер-

живаю-съ, да-съ, потому что отъ такихъ волшебницъ всего ожидать можно, особливо безпроцентнаго займа-съ. Матушку свою—вспомните мое слово—она живо по міру пуститъ!

— И мужа своего, по вашему, тоже?—глупо засмѣявшись спросилъ Собакинъ.

— Ну нѣтъ-съ, отъ благовѣрнаго она гроша лишняго не добьется... оттого она, впрочемъ, его и не ставитъ въ грошъ.

— Сысоевъ! О, да это сила! съ преувеличенною торжественностью возразилъ Собакинъ.— И какъ это вы его Петрушкой называете. Всѣ мы, повѣрьте, будемъ къ нему съ поклономъ ходить...

— Вы, можетъ-быть,—рѣзко оборвалъ его Крутиковъ,—да кто-нибудь еще, пожалуй, только не я!

И Крутиковъ самодовольно хлопнулъ себя по карману, въ сознаніи непоколебимости своего кошелька. А Собакинъ понурилъ голову, припомнивъ, сколько разъ переписывались его векселя, въ неосторожную минуту выданные этому Сысоеву.

— А кто еще? Кому еще, по вашему, спросилъ Глухаревъ,—попасть къ Сысоеву въ лапы?

— Ну, господа, про это ужъ вы сами догадайтесь. Иное дерево, кажись, выше и крѣпче всѣхъ остальныхъ, а внутри—пустота, и одною корой оно держится.

И, сказавъ это, Крутиковъ рѣзко повернулся на каблукахъ и крупными шагами направился въ комнаты.

Ѳедя явственно разслышалъ его послѣднія слова. И почему-то у него зародилась догадка, что слова эти относились къ его отцу. Догадка сразу превратилась въ увѣренность, когда Глухаревъ, замѣтивъ проходившаго невдалекѣ молодого человѣка, быстрымъ движеніемъ руки остановилъ Собакина, собиравшагося что-то сказать въ отвѣтъ на выходку Крутикова. Тотчасъ затѣмъ вся кучка разсѣялась. Да, Крутиковъ очевидно намекалъ на Аркадія Степановича... И неужели въ словахъ его была малѣйшая доля правды? Неужели его

отецъ, этотъ уважаемый всѣми образцовый хозяинъ, въ самомъ дѣлѣ близокъ къ разоренію и находится уже во власти кулака Сысоева?... Ѳедя хорошо помнилъ этого Сысоева, блѣднолицаго, почти безбородаго человѣка, совсѣмъ непохожаго на русскаго мужика. Не разъ онъ попадался ему навстрѣчу въ своей телѣжкѣ, запряженной малорослою лошадкой, которою онъ правилъ какъ-то неспѣша. И все говорило въ немъ о какой-то спокойной увѣренной сдержанности: и медленное движеніе, и голосъ негромкій, какъ будто равнодушный, и неизмѣнное отсутствіе опредѣленнаго выраженія на длинноватомъ, невозмутимомъ лицѣ. Даже его всегда опрятная, полугородская одежда отзывалась чѣмъ-то аккуратнымъ, сдержаннымъ. Словомъ, онъ скорѣй походилъ на нѣмца-колониста, чѣмъ на природнаго русскаго человѣка. И тотъ человѣкъ, молчаливый, всегда вѣжливый, почти робкій, сталъ грозою уѣзда, сталъ опаснымъ для его отца?! Полно, развѣ это можно? Какъ разъ въ эту минуту Аркадій Степановичъ показался въ стеклянныхъ дверяхъ и окликнулъ сына: „Что, Ѳедя, ты играть не садишься? Ну, и прекрасно дѣлаешь. Поди-ка лучше къ барышнямъ въ садъ“.

Одного взгляда на рослую, моложавую не по лѣтамъ, фигуру отца, на его все еще красивыя черты, на которыхъ запечатлѣлась какая-то особая кавалерійская удаль, было достаточно, чтобы разсѣять у Ѳеди всякую тревогу.

И Ѳедя подошелъ къ краю террасы и восхищеннымъ, счастливымъ взоромъ окинулъ разстилавшуюся предъ нимъ въ полутьмѣ іюньской ночи знакомую, дорогую картину.

Вдругъ его окликнулъ снизу чей-то молодой, удалый голосъ, голосъ узнавшаго его деревенскаго парня:

— Батюшка, Ѳедоръ Аркадьичъ!—кричалъ ему парень, потрясая густыми кудрями—чтобы вы къ намъ сюда сошли... на дворъ то-есть... на хороводы наши посмо-

трѣть!.. А то и въ кругъ сами извольте войти... Много мы вами довольны и батюшкой вашимъ.

Въ эту самую минуту шумная ракета, пущенная изъ сада, съ дребезгомъ взвилась надъ крышей дома и разсыпалась разноцвѣтными искрами.

И долго еще ракеты да шутихи съ трескомъ проносились по ночному воздуху, а на дворѣ раздавались шумные голоса, переходившіе то въ хохотъ, то въ какой-то развеселый визгъ, то сливавшіеся въ дружные, здоровые, хоть и не совсѣмъ изящные, звуки мужицкой пѣсни.

V.

На другое утро Ѳедя собирался встать рано, чтобы поскорѣе взглянуть на послѣднія нововведенія Аркадія Степановича. Но солнце уже поднялось высоко, когда онъ проснулся. Онъ торопливо одѣлся и поспѣшилъ къ матери. Онъ сознавалъ себя нѣсколько виноватымъ передъ ней. Съ самаго пріѣзда онъ съ нею почти не говорилъ, хоть и чувствовалъ на себѣ не разъ ея заботливый, нѣжный, грустно-укоряющій взглядъ.

И въ это утро, все сіявшее въ яркихъ лучахъ іюньскаго солнца, Ѳедю поразила блѣдная худоба ея лица и тонкихъ пальцевъ, задрожавшихъ отъ его поцѣлуя, когда онъ прильнулъ къ нимъ губами. И рука, которою она по старой привычкѣ водила по его волосамъ, дрожала тоже, касаясь его головы. Ѳедя сталъ тревожно разспрашивать про ея здоровье, и хоть она и успокоивала его, говоря, что чувствуетъ себя хорошо, совсѣмъ хорошо, словамъ ея онъ не могъ повѣрить. А все-таки, странное дѣло, Ѳедѣ было съ матерью какъ-то не по себѣ, и того длиннаго, полнаго разсказа, котораго ждала отъ него Марья Александровна, разсказа о томъ, что было съ нимъ за эти два года, ей услышать въ это утро не довелось. Ѳедя отвѣчалъ ей односложно,

и все тянуло его изъ маленькой, немного душной комнаты въ нижнемъ этажѣ, гдѣ Марья Александровна пила чай по утрамъ, на свѣтлый просторъ открытаго воздуха. Должно быть, Марья Александровна замѣтила это. Едва просидѣлъ онъ съ ней полчаса, какъ она сказала ему:

— Ѳедя, пожалуйста, не стѣсняйся изъ-за меня. Я вѣдь домосѣдка большая, а тебѣ погулять хочется: пойди, дружокъ мой, пойди.

Какъ разъ въ эту минуту за открытымъ окномъ показалась изящная фигура Аркадія Степановича, вся дышавшая здоровьемъ, и своимъ красивымъ, звучнымъ баритономъ онъ окликнулъ сына:

— Ѳедя, хочешь, я тебѣ покажу наши новыя затѣи? Вотъ, кстати, и Христіанъ Карловичъ со мной: онъ все тебѣ объяснитъ—у него теперь свободная минута.

По лицу Марьи Александровны пробѣжало тревожное выраженіе, когда мужъ упомянулъ о затѣяхъ и произнесъ имя управляющаго. Но сына она не удерживала, и Ѳедя, торопливо сказавъ, что вернется черезъ какой-нибудь часъ, бросился къ отцу. Рядомъ съ нимъ онъ увидѣлъ коренастую, плечистую фигуру, глядѣвшую обрубкомъ въ широкой курткѣ изъ толстаго сукна: это былъ управляющій, Христіанъ Карловичъ Юргенсонъ. Его багровое лицо, обросшее жидкою бородой, съ неподвижнымъ взглядомъ тусклыхъ глазъ, надъ которыми нависли черезчуръ густыя рыжія брови, обличало самоувѣренность, упрямство и обидчивость.

— Mein Sohn und Nachfolger,—счелъ долгомъ управляющему отрекомендовать сына Аркадій Степановичъ, ужасно выговаривая нѣмецкія слова. Тотъ молча и угрюмо поклонился. Ѳедѣ это представленіе показалось нѣсколько излишнимъ, и руки онъ управляющему не протянулъ.

— Ну-съ, Христіанъ Карловичъ,—потирая руки, уже по-русски продолжалъ Аркадій Степановичъ,—куда же вы насъ сперва поведете? Надѣюсь, у васъ свободный часокъ найдется.

— У меня всегда очень мало есть свободное время,— сурово произнесъ Христіанъ Карловичъ.—Но, какъ вамъ угодно приказывать...

— Однако,—сталъ увѣщевать его Аркадій Степановичъ, —сегодня вы могли бы оторваться на часочекъ отъ работы. Итакъ, мы сначала взглянемъ на заводъ, потомъ зайдемъ на скотный дворъ, потомъ... Ну, пойдемте... Христіанъ Карловичъ,—обратился онъ къ сыну— у меня только второй годъ, но сдѣлалъ уже очень много.

Лестный отзывъ Аркадія Степановича нисколько не подѣйствовалъ на ученаго датчанина. Все также молчаливо и угрюмо онъ слѣдовалъ за хозяиномъ Богатаго, многорѣчиво и самодовольно выхваливавшимъ передъ сыномъ свои агрономическія предпріятія. То и дѣло, впрочемъ, ему приходилось обращаться съ вопросомъ къ управляющему: „Такъ ли, Христіанъ Карловичъ? Я вѣрно говорю? Это намъ обошлось пять съ половиной тысячъ?.. И окупится это въ четыре года, и станетъ потомъ давать по четырнадцати процентовъ? Такъ ли?“

„Странно“, думалъ про себя Ѳедя, „папа никогда робкимъ не былъ, а передъ этой противной нѣмчурой будто робѣетъ“. Проходя передъ какою-то новою постройкой, онъ замѣтилъ, что недавно сложенныя кирпичныя стѣны уже покосились.

— Папа,—сказалъ онъ, посмотри,—теперь онъ ужъ не говорилъ ему „отецъ“, какъ раньше предъ гостями,— вѣдь стѣна эта, чего добраго, и году не простоитъ.

— Да, да, правда,—сконфуженно отозвался на это Аркадій Степановичъ.

— А что вы приказайть сдѣлать съ этой русскій народъ, который есть настояшій скотина?

Онъ позабылъ, должно-быть, въ эту минуту, что прежде, въ своей Даніи, принималъ участіе въ соціалистической агитаціи, за что и былъ высланъ изъ родины. Его ломанный русскій языкъ до того опроти-

вѣлъ Өедѣ, что молодой человѣкъ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ уже по-нѣмецки, но убѣдившись, что и этимъ языкомъ Христіанъ Карловичъ владѣетъ также скверно, онъ пересталъ съ нимъ говорить вовсе, исключительно разспрашивая отца. Но увы! Аркадій Степановичъ, хоть и очень былъ доволенъ своими новыми созданіями, объяснить что-либо сыну не умѣлъ. На цифрахъ онъ спотыкался поминутно, оставалось только удивляться его поразительной увѣренности въ успѣхѣ своихъ предпріятій.

— Какъ же это папа,—спросилъ вдругъ молодой человѣкъ, когда они отъ крахмальнаго завода перешли къ винокуренному,—если выгоденъ крахмалъ, то зачѣмъ же выкуривать картофель на водку?

Аркадій Степановичъ почесалъ у себя за лѣвымъ ухомъ:

— Видишь, Өедя,—сказалъ онъ,—мы съ Христіаномъ Карловичемъ разочли, что при крахмальномъ производствѣ десятина картофеля приноситъ чистыхъ... гм... гм... онъ закашлялъ,—кажется, сорокъ два съ полтиной, а, а... при винокуреніи...

— Ну, а крахмалъ у васъ идетъ хорошо?—спросилъ опять Өедя.

— Теперь нѣтъ никакой продажъ,—вмѣшался Христіанъ Карловичъ,—но два года назадъ билъ большой цѣна.

— Стало-быть заводъ въ убытокъ?—настаивалъ Өедя.

— Такъ нельзя считать,—горячась и краснѣя возразилъ Аркадій Степановичъ.—Одно дѣло сбыть, другое—производство...

„Фу, какъ онъ сталъ учено выражаться!“ подумалъ Өедя.

— Мы получаемъ продуктъ, имѣющій опредѣленную цѣнность... Ты слѣдишь за моей мыслью, не правда ли?.. И если нѣтъ прямой выручки въ данный годъ, то все-таки этотъ продуктъ остается какъ валовой доходъ.

На лицѣ молодого человѣка выражалось такое очевидное несочувствіе къ промышленнымъ операціямъ Христіана Карловича, что датчанинъ самъ предложилъ лучше оставить до другого раза осмотръ заводовъ и перейти къ полямъ.

— Der junge Herr nichts versteht von Fabrick,—сердито сказалъ Юргенсонъ.

„Ну, милый мой“, опять подумалъ Ѳедя „кабы отъ меня зависѣло, я бы тебя прогналъ завтра же“.

Аркадій Степановичъ очень хвастался своими овсами и повелъ сына на яровое поле. Но, къ несчастію, оказалось, что пришлось имъ пройти вдоль десятины, засѣянной какимъ-то удивительнымъ заморскимъ овсомъ, носившимъ пышное названіе „тріумфъ“. И самъ этотъ тріумфъ, пудъ котораго обошелся по пяти рублей, являлъ видъ до того печальный, что кое-гдѣ лишь жалкіе его стебельки торчали среди пышной лебеды.

— Что это вы здѣсь сорную траву посѣяли?—насмѣшливо спросилъ у датчанина Ѳедя.

— Какъ сорный травъ?—гнѣвно воскликнулъ тотъ и вырвалъ изъ поля нѣсколько стеблей овса. Посмотрите лютче—отъ одинъ корень пошелъ цѣлый пятнадцать штукъ! Чего хотите еще? И это развѣ мой вина, что биль морозъ двадцать первый числа мая, и здѣшній бабъ не умѣль полоть? Въ этотъ проклятый страна нельзя сѣять хорошій овесъ! Фуй!

И онъ сердито бросилъ горсть овсяныхъ стеблей. Ѳедя махнулъ рукой и разспрашивать пересталъ.

Вдругъ надъ проселкомъ, гдѣ они шли, показалось вдали облако пыли.

— Кто-то ѣдетъ,—сказалъ Аркадій Степановичъ,—верхомъ, кажется... Кто бы это могъ быть? Должно-быть изъ Березовки.

Минуту спустя Ѳедя узналъ подъѣзжавшаго всадника. Это былъ товарищъ его дѣтства, Николай Хвощинъ, сынъ Надежды Максимовны. Нельзя сказать, чтобъ Ѳедя ему слишкомъ обрадовался.

Поровнявшись съ нимъ, Коля рѣзко осадилъ сильно взмыленную лошадь и постарался лихо съ нея соскочить. Но лихость вышла не совсѣмъ удачною: слабосильная лошадка едва не спотыкнулась, а ѣздокъ большой ловкости не обнаружилъ. И маленькая неудача, должно-быть, сильно его раздосадовала: раскраснѣвшееся лицо такъ и выдавало болѣзненное, мелочное самолюбіе.

— Видишь, Ѳедя,—заговорилъ онъ развязно,—какъ сильно мнѣ хотѣлось опять съ тобой повидаться: двадцати четырехъ часовъ не прошло отъ моего пріѣзда въ Березовку, а я ужъ къ тебѣ прискакалъ.

И, говоря это, онъ съ напускною горячностью пожималъ руку товарища.

— Ты съ батюшкой? Представь меня, пожалуйста: Аркадій Степановичъ, должно-быть, давно меня позабылъ.

Но Аркадій Степановичъ, не дожидаясь представленія, уже протягивалъ молодому человѣку обѣ свои красивыя, выхоленныя руки. Коля взялъ свою лошадь въ поводъ, и всѣ они направились къ усадьбѣ. Николай Хвощинъ былъ годомъ старше Ѳеди, но ростомъ былъ много его ниже. И маленькое, подвижное его лицо съ безпокойно бѣгавшими карими глазами, съ жесткими, слегка курчавыми, черными волосами и стиснутыми, хоть и часто улыбавшимися, тонкими губами, совсѣмъ не походило на открытое лицо Ѳеди съ его веселыми, прямыми глазами и высокимъ, открытымъ лбомъ.

— Что, много перемѣнъ находите въ Богатомъ?—съ самодовольной улыбкой спросилъ у Хвощина Аркадій Степановичъ, замѣтивъ, какимъ любопытнымъ и пристальнымъ взглядомъ тотъ обводилъ широко раскинувшіяся постройки.

— Да,—съ нѣкоторымъ ехидствомъ отвѣтилъ Коля,—здѣсь не такъ, какъ у насъ въ Березовкѣ. Что-жъ, большому кораблю...

— Я тебѣ вотъ что скажу,—живо перебилъ его Ѳедя.—

Тише ѣдешь, дальше будешь. И намъ пожалуй у твоей матери поучиться надо.

— Да, Надежда Максимовна—хозяйка примѣрная, что и говорить,—добродушно отозвался Аркадій Степановичъ, въ сущности не допускавшій сомнѣнія въ своемъ превосходствѣ надъ расчетливою, небогатою сосѣдкой.

— Ну, что за примѣрная!—отвѣтилъ Коля.—Мамаша привыкла копейки считать,—на этомъ далеко не уѣдешь.

И, оглянувшись на поля, онъ насмѣшливо добавилъ:—А яровые у васъ все-таки не важные въ этомъ году, Аркадій Степановичъ! Впрочемъ, кто раскинулся на такое пространство, какъ вы, для того маленькій неурожай не бѣда. Чуть не цѣлыхъ десять верстъ пришлось мнѣ ѣхать вашими полями... Гдѣ намъ съ вами тягаться!

— А вы хозяйствомъ интересуетесь?—спросилъ Аркадій Степановичъ.—Собираетесь матушкѣ помогать?

— Нѣтъ ужъ, слуга покорный, — меня въ деревню не тянетъ. Я въ тотъ же полкъ опредѣляюсь, куда поступаетъ Ѳедя.

— Да, слышалъ, слышалъ. Что-жъ, военная служба—первое дѣло для молодого человѣка. И житье хорошее, и, главное, выправка... Только дорогонько оно приходится...

— Ну, мамаша цѣлый вѣкъ копила, небрежно замѣтилъ Коля,—можно и раскошелиться.

На это замѣчаніе не отозвался никто. И Аркадій Степановичъ, и его сынъ бросили на Колю бѣглый, не совсѣмъ одобрительный взглядъ и промолчали. А Коля продолжалъ завистливо озираться на роскошную усадьбу Клусовыхъ.

— А знаешь,—сказалъ Ѳедя,—что я сегодня къ вамъ собирался. И вотъ, что я тебѣ предложу: мы сейчасъ отзавтракаемъ, а потомъ вмѣстѣ туда поѣдемъ.

Ѳедя вспомнилъ про обѣщаніе данное матери, да вѣдь не его была вина, коли нагрянулъ такъ неожи-

данно этотъ несносный Коля Хвощинъ. Съ матерью онъ успѣетъ наговориться въ слѣдующіе дни. И часъ спустя молодые люди скакали вдвоемъ по дорогѣ въ Березовку. Коля немилосердно хлесталъ свою лошаденку, чтобы заставить ее на рыси держать ходъ наравнѣ съ гнѣдымъ жеребцомъ Ѳеди.

— Фу, проклятая кляча,—сердито бормоталъ онъ сквозь зубы.

— Ну, милый мой, ты лучше не старайся, а то, чего добраго, еще свалишься, — сказалъ ему Ѳедя. — Поѣдемъ-ка просто шагомъ; въ такой жаркій день оно даже и пріятнѣе.

Коля искоса взглянулъ на товарища недобрымъ взглядомъ и сперва было погрузился въ недовольное молчаніе, но потомъ разсудилъ, что казаться сердитымъ просто глупо, и снова принялся болтать съ напускною игривостью.

— Ахъ, да, — началъ онъ, — ты вчера видѣлъ мою сестру: она, кажется, была у васъ. Ну, какъ она тебѣ показалась? Вѣдь, молодецъ, неправда ли?

— Молодецъ! Что за глупое выраженіе! Я нашелъ ее пре...

Онъ хотѣлъ сказать „прелестной“, но промолчалъ, слегка покраснѣвъ.

— Она ловка, умна, знаетъ, чего хочетъ. Вотъ почему я ее молодцомъ назвалъ. Словомъ, милый мой, надо съ ней ухо держать востро. Совѣтую тебѣ къ ней въ лапы не попадаться.

— Какъ ты выражаешься, Коля!—пристыженнымъ тономъ проговорилъ Ѳедя. Онъ стыдился за товарища.

— А ты сейчасъ вотъ и испугался. Будущій кавалеристъ, а слова боишься. Да и не краснѣй такъ, мой милый — пора разучиться. Лучше знаешь что? Тутъ какъ-разъ вотъ поворотъ къ усадьбѣ сестры, вотъ на пригоркѣ, видишь,—и онъ указалъ хлыстомъ направо,—возлѣ рощи, бѣлый домикъ съ зеленой крышей? Это ея Варваровка. Такъ, хочешь, повернемъ туда лошадей

и заѣдемъ къ сестрѣ вмѣсто того, чтобы скучать у насъ въ Березовкѣ съ мамашей.

На мигъ Ѳедя заколебался, но всего на одинъ только мигъ, и затѣмъ рѣшительно объявилъ, что не считаетъ себя вправѣ безпокоить Варвару Владиміровну. У Коли Хвощина губы скривились отъ насмѣшливой улыбки, но онъ не возразилъ ничего и только коротко про себя засмѣялся.

— А вотъ и Березовка, сказалъ онъ пять минутъ спустя, когда дорога стала отлого спускаться.

И передъ ихъ глазами открылась небольшая усадебка Надежды Максимовны. Старинный, но бодро глядѣвшій, деревянный домъ съ мезониномъ стоялъ весь окруженный привольно раскинувшимися деревьями, такими же старыми, какъ и онъ. Справа и слѣва отъ него вытягивались два флигелька. Службы стояли немного поодаль, а еще подальше виднѣлся прудъ, на покатыхъ берегахъ котораго столѣтнія ракиты вольно раскидывали кудрявыя вѣтви; а за ними бѣлѣли стѣны хозяйственныхъ построекъ.

VI.

Молодые люди застали Надежду Максимовну въ кабинетѣ за оживленной бесѣдой съ управляющимъ Щукинымъ. Она не разслышала даже, какъ они вошли.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Герасимъ Павловичъ, — этого нельзя, никакъ нельзя, чтобы я Лисицинскій лѣсъ продала! Ни за что на свѣтѣ!..

— Какъ прикажете, матушка Надежда Максимовна, заложивъ лѣвую руку за спину, отвѣчалъ Щукинъ, видимо ожидавшій, что это не послѣднее рѣшеніе его госпожи. — А Сысоевъ за него даетъ цѣну хорошую... И расходовъ у насъ предстоитъ не мало, сами изволите знать...

— Нѣтъ, нѣтъ, и слышать не хочу; я Лисицинскій

лѣсъ дѣтямъ оставлю въ цѣлости и сохранности. — Заруби себѣ это на память.

Но странное дѣло, Щукинъ, всегда ревностно оберегавшій барское достояніе и лишь скрѣпя сердце рѣшавшійся на какую-нибудь порубку въ старинномъ лѣсу, которымъ онъ гордился, на этотъ разъ не выказалъ никакой радости. Онъ продолжалъ стоять предъ Надеждой Максимовной, какъ бы выжидая иныхъ приказаній.

— Что вы, мамаша, такъ закипятились,—весело заговорилъ Коля, подходя, — такъ даже, что насъ съ Ѳедей не замѣтили.

Лицо Надежды Максимовны измѣнилось мгновенно.

— Ѳедя!—воскликнула она, живо поднимаясь съ кресла; — вотъ не ждала-то, вотъ обрадовалъ старуху... Ну, дай на тебя посмотрѣть, милый мой... И она притянула къ себѣ голову молодого человѣка, пока онъ поцѣловалъ ей руку, и потомъ добрымъ, радостнымъ взглядомъ все еще блестящихъ глазъ всмотрѣлась въ его черты. — Ну, какъ ты перемѣнился, выросъ, похорошѣлъ... Усы даже отпустилъ, каково!.. А я бы все-таки тебя узнала сразу,—даромъ, что старые мои глаза видѣть стали плохо.

Надежда Максимовна напрасно такъ жаловалась на старость. Это у нея было своего рода кокетство. Черты ея, хоть и давно забѣгали по нимъ частыя, мелкія морщинки, сохранили еще слѣды красоты, а въ голосѣ, во взглядѣ, въ движеніяхъ было столько еще живости, что на видъ никто бы ей не далъ ея настоящихъ лѣтъ.

— Ну, Ѳедя, садись, садись—потолкуемъ... или, хочешь, лучше мы съ тобой на террасу пройдемъ: я, вѣдь, сама неохотница въ комнатахъ сидѣть, да еще въ такую погоду. А кофейку откушаешь?.. Нѣтъ, ужъ пожалуйста не отказывайся — до обѣда еще цѣлыхъ два часа... да и такого кофе, какъ у меня, тебѣ нигдѣ не подадутъ. Ну, пойдемъ. А ты, Герасимъ Павловичъ, ступай и

вели намъ кофейку подать туда, на террасу. А Петрушкѣ Сысоеву отказъ, слышишь?

И Надежда Максимовна твердою походкой прошла черезъ диванную, какъ по-старинному называлась у нея самая большая пріемная комната, на широкій балконъ, уставленный растеніями. Были это растенія не диковинныя, все больше лавровыя, да миртовыя деревья, но за то содержались исправно, а мебель была незатѣйлива и старомодна, но глядѣла солидно и уютно. На всемъ домѣ Надежды Максимовны лежалъ этотъ двойной отпечатокъ уютности и солидности.

Надежда Максимовна принялась разспрашивать Ѳедю про его житье-бытье, и передъ ней онъ развернулся гораздо больше, чѣмъ въ присутствіи матери: хозяйка Березовки обладала даромъ располагать къ откровенности. Да и Ѳедя съ самаго дѣтства привыкъ смотрѣть на нее почти какъ на родную. Короткія отношенія между нею и семьею Клусовыхъ установились давно. Когда умеръ ея мужъ, она просила Аркадія Степановича быть опекуномъ ея дѣтей, и хоть она скоро убѣдилась, что владѣлецъ Богатаго мало ей помогаетъ въ хозяйствѣ, это не помѣшало ей высоко цѣнить его хорошія стороны — щедрость и прямоту.

Пока Ѳедя каялся Надеждѣ Максимовнѣ въ своихъ маленькихъ юношескихъ грѣшкахъ, часто прерываемый ея добродушными укорами, Коля сидѣлъ молча, барабаня пальцами по столу и былъ очень далекъ отъ происходившаго разговора.

— Мамаша, вдругъ—прервалъ онъ товарища на какомъ-то разсказѣ,—вѣдь напрасно вы отказали Сысоеву: деньгами немѣшало бы запастись... А лѣсъ этотъ на что?

— Какъ на что? Перекрестись, Коля! Твой дѣдушка его ростить началъ; онъ вѣдь краса Березовки. Да и вы-то всѣ... сколько, сколько разъ тамъ перебывали. Неужели тебѣ его не жаль, Коля?..

Говоря это, она даже покраснѣла отъ волненія. Коля отвѣчалъ ей лишь легкимъ пожиманіемъ плечъ

и снова началъ барабанить по столу. Но она не посѣтовала на сына за то, что онъ не раздѣлялъ ея привязанности къ старинному лѣсу. Коля былъ ея любимцемъ, какъ всѣ единственные сыновья бываютъ любимцами матерей, и, проницательная во всемъ остальномъ, Надежда Максимовна плохо разглядывала его натуру.

Между тѣмъ подали кофе, оказавшійся дѣйствительно превосходнымъ.

— Что, батюшка, есть у васъ въ Богатомъ такія сливки? И вотъ, что я тебѣ скажу, Ѳедя...—Надежда Максимовна, будто вспомнивъ о чемъ-то, заговорила вдругъ совсѣмъ иначе, серьезно и сосредоточенно. — Много у васъ въ Богатомъ неладно идетъ: боюсь я этого ученаго нѣмца и его выдумокъ... дорого онѣ твоему отцу обойдутся. Мудритъ онъ, мудритъ, а въ поляхъ-то у васъ больше сору, чѣмъ хлѣба. Видѣлъ проѣздомъ мои яровые? Что, на ваши, кажись, не похожи? Не слѣдъ бы мнѣ тебѣ говорить объ этомъ, да что дѣлать, стара стала—неудержна на языкъ. А отцу твоему твержу про это, твержу да толку не выходитъ... Ну, ты, я знаю, къ отцу не станешь непочтителенъ изъ-за моихъ словъ.

— Да мнѣ тоже кажется, что папа увлекается, нехотя проронилъ Ѳедя:—ему непріятно было говорить объ этомъ даже съ Надеждой Максимовной. А старушка, у которой очевидно много накопилось на душѣ, пространно стала передавать Ѳедѣ свои опасенія. Ее, впрочемъ, прерывали не разъ: сперва экономка пришла съ какими-то донесеніями по хозяйству, потомъ въ саду показался поваръ и почтительно кашлянулъ издали, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Не взыщи ужъ, батюшка,—сказала она Ѳедѣ, быстро отпустивъ обоихъ—все дѣла... Такъ весь день проходитъ.

Она опять принялась было толковать про недочеты хозяйства Богатаго, но молодой человѣкъ ея уже не слушалъ. Его глаза были устремлены въ сторону сада.

Тамъ, за лужайкой, изъ-за кустовъ сирени показались двѣ совсѣмъ еще молоденькія дѣвушки, шедшія рядомъ по дорожкѣ: одна, стройная, немного худенькая, съ соломенной шляпой на маленькой, изящной головкѣ, другая одного съ нею возраста, но съ гораздо болѣе развитымъ станомъ, одѣтая почти по деревенскому, съ синимъ шелковымъ платкомъ на курчавыхъ черныхъ волосахъ. Надежда Максимовна скоро замѣтила невниманіе Ѳеди и уловила его взглядъ, остановившійся на двухъ дѣвушкахъ.

— Что, батюшка, на мою Настюшу засмотрѣлся?— спросила она улыбаясь.

— Да неужели это Настя? Какъ она выросла за эти два года! А кто это съ ней, та, другая?

Лицо Надежды Максимовны слегка омрачилось.

— Это Сысоева дочка, Лиза, сказала она.—Частенько къ намъ хаживаетъ. Съ Настей зимой въ гимназіи познакомилась. Признаюсь не совсѣмъ я этому знакомству рада. Все же она съ Настей ни одного поля ягода. Ну, да мою дѣвочку не испортитъ: я за Настю не боюсь.

— Напрасно вы такъ говорите, мама, рѣшительнымъ тономъ и какъ-то двусмысленно улыбаясь вмѣшался Коля:—Сысоевъ вамъ пригодиться можетъ. За то, что вы вотъ его дочку принимаете, онъ при случаѣ деньжонокъ взаймы дастъ, пожалуй даже безъ процентовъ.

— Коля, что ты за чепуху несешь!—почти гнѣвно воскликнула Надежда Максимовна. — Чтобы я стала эту дѣвчонку принимать изъ-за расчета. Помилуй! На что мнѣ его благодарность, на что мнѣ его деньги?

Колю эта отповѣдь не смутила. Раскачиваясь на креслѣ, все съ тою же наглою улыбкой на губахъ онъ отвѣтилъ матери:

— Какъ на что? Деньги-то? Да коли не вамъ, сестрицѣ Варѣ онѣ пригодятся,—она и безъ того у васъ то и дѣло клянчитъ.

— Коля,—на этотъ разъ уже строго проговорила

Надежда Максимовна, — не смѣй такъ говорить про сестру, не смѣй.

— Ну, мамаша, не сердитесь!

Онъ всталъ и съ ласковымъ видомъ, точно извиняясь подошелъ къ матери:—Не буду, не буду! Я вѣдь знаю, что про Варю слова вамъ сказать нельзя... А признайтесь все-таки, что какъ придетъ она къ вамъ денегъ просить да состроитъ жалобную мину, вы не устоите, растаете сейчасъ и пойдете доставать радужныя бумажки изъ своей завѣтной шкатулки...

— Да ты сестрѣ завидуешь, что-ли?—взволнованнымъ голосомъ перебила его мать.—И не вольна развѣ я давать ей, сколько мнѣ вздумается? Какъ я не люблю, Коля, что ты вѣчно съ сестрой не въ ладахъ. Давно я это замѣчаю: все наговариваешь на бѣдную Варю.

Коля выпрямился и прикинулся обиженнымъ.

— Ну, мама, васъ я вижу ничѣмъ не убѣдишь. Что бы Варя ни дѣлала, все ей съ рукъ сходитъ и какія бы она небылицы не разсказывала, вы всему вѣрите. Ну и разоряйтесь на нее, коли хотите, — ваше дѣло.

Сказавъ это, Коля рѣзко повернулся на каблукахъ, спустился въ садъ и исчезъ за поворотомъ дороги. Надежда Максимовна проводила его долгимъ опечаленнымъ взглядомъ. Потомъ вздохнула и покачала головой. Минуты двѣ она промолчала, задумавшись надъ чѣмъ-то невеселымъ. Өедѣ становилось неловко. Но вотъ изъ-за кустовъ сирени, густо засѣвшихъ справа отъ дома, показались обѣ дѣвушки. Завидѣвъ ихъ, Надежда Максимовна тотчасъ какъ бы стряхнула съ себя тяжелое раздумье и подозвала дочь.

— Настюша, поди-ка сюда! Өедоръ Аркадьевичъ здѣсь. Ты вѣдь помнишь Өедора Аркадьевича?

Дѣвушка поспѣшила на зовъ матери. Она хотѣла было вести съ собою и Лизу, но та рѣшительно качнула головой и осталась на мѣстѣ. Настя была еще совершеннымъ подросткомъ, съ узенькими плечиками и полудѣтскимъ, то пугливымъ, то смѣющимся взгля-

домъ большихъ синихъ глазъ, но обычной угловатой неловкости, свойственной ея возрасту, въ ней не было. Выросшая на полной деревенской свободѣ, никогда не скрывавшая ничего отъ матери, она была—сама правда и простота. Она никогда не старалась казаться иною, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, не думала о своей наружности, не придавала своимъ чертамъ изученнаго, принужденнаго выраженія. Желтовато-сѣрое платье изъ небѣленаго полотна, не совсѣмъ еще доходившее до земли, темносиній кушакъ вокругъ тонкаго стана, сильно запыленныя кожаныя ботинки на узкихъ ножкахъ, да волна шелковистыхъ пепельныхъ волосъ, свободно и мягко спадавшихъ на плечи и перехваченныхъ на затылкѣ синею лентой, — все это была сама непритязательность, чуждая малѣйшаго кокетства, и все это тѣмъ не менѣе глядѣло такимъ изящнымъ, такъ было подернуто чарующею свѣжестью молодости, что любой художническій глазъ охотно остановился бы на этой полувзрослой деревенской дѣвочкѣ, чтобы запечатлѣть у себя въ памяти ея милый образъ. И Ѳедя, пожимая ея тонкіе пальчики, откровенно ею залюбовался, какъ любуются дѣтьми. Она, должно быть, и не замѣтила этого. По крайней мѣрѣ, на его вопросъ, какъ сумѣла она въ эти два года стать такою взрослою и хорошенькою барышней, она даже не покраснѣла.

— А вы меня помните, Настя?— продолжалъ онъ разспрашивать.

— Помню, да не слишкомъ, улыбнулась она, и двѣ ямочки вырисовались въ углахъ ея рта.—Да и гдѣ-жъ помнить! Мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, когда вы отсюда уѣхали.

— А все-таки вы не дичитесь, какъ это обыкновенно дѣлаютъ дѣвочки вашихъ лѣтъ.

— Чего мнѣ дичиться? Я знаю, что вы пріятель моего брата, и васъ онъ очень любитъ.

Настя очевидно не сердилась за то, что онъ обращался съ ней, какъ съ ребенкомъ.

— Ну, мой дружокъ,—сказала ей на это Надежда Максимовна,—возьми-ка съ собой Ѳедю и покажи ему садъ. Въ немъ, чай, тоже кое-что подросло и выровнялось за эти два года. А то скучно ему, пожалуй, со мною старухой сидѣть.

Настя поцѣловала мать въ лобъ и, отойдя къ ступенькамъ, обернулась къ Ѳедѣ:

— Пойдемте, сказала она, накидывая на голову шляпу, которую предъ тѣмъ только что сняла. Они сошли въ садъ.

— Отчего это, Настя,—спросилъ онъ засмѣявшись,—ваша подруга — и движеніемъ головы онъ указалъ на Лизу—не рѣшилась подойти, когда васъ позвала Надежда Максимовна?

— Она васъ замѣтила... и побоялась.

— Развѣ она такая пугливая?

И поровнявшись съ Лизой, которая все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ, онъ прямо обратился къ ней:

— Что вы меня испугались?

Она не отвѣтила и только вскинула на него черными глазами, въ которыхъ и тѣни не было робости. Было въ нихъ, правда, что-то дикое, неподатливое и въ то же время почти вызывающее. Очень странною она показалась Ѳедѣ, и самою этою странностью возбудила его любопытство. Совсѣмъ не походила Лиза на обыкновенныхъ, крестьянскихъ дѣвушекъ: было слишкомъ много увѣренности, почти даже гордости во всѣхъ ея пріемахъ, въ ея быстро вспыхивавшемъ взглядѣ, въ привычкѣ какъ-то упрямо, своенравно откидывать курчавую голову. Деньги ли отца или школьная наука, которой она отвѣдала, придавали ей этотъ оттѣнокъ самоувѣренной заносчивости,—трудно было рѣшить. Только деревенская угловатость, не отшлифованная воспитаніемъ, какъ то совмѣщалась въ ней съ преднамѣренною рѣзкостью чисто городского пошиба.

Ѳедю заинтересовала молодая дикарка, заинтересовала какъ разъ потому, что она была дочерью того

Сысоева, о которомъ такъ много онъ наслышался. Онъ старался втянуть ее въ свою болтовню съ Настей, съ которой у него съ первыхъ же словъ установились самыя пріятельскія отношенія. Но попытки ее приручить оставались тщетными; Лиза не отзывалась на обращенныя къ ней замѣчанія молодого человѣка, а между тѣмъ взглядъ ея большихъ темныхъ глазъ украдкой то и дѣло останавливался на Ѳедѣ. И трудно было догадаться, что таилось въ этомъ взглядѣ: упорное, почти враждебное недовѣріе или простое любопытство.

— Ну, а мы съ вами,—вдругъ остановился Ѳедя среди какого-то разсказа, отъ котораго на этотъ разъ къ серебристому откровенному смѣху Насти невольно присоединилось сдержанное хихиканье Лизы,—совсѣмъ не исполняемъ, что намъ велѣно. Что же вы мнѣ сада не показываете, а?

— Да что же мнѣ вамъ показывать. Мы и безъ того его весь обошли. Это не то, что у васъ въ Богатомъ.

— А по-моему, вашъ садъ гораздо лучше: въ немъ что-то привѣтливое есть, что-то ласкающее. Сейчасъ видно, что каждое мѣстечко здѣсь дорого хозяевамъ, что надъ каждымъ молодымъ деревцемъ трудилась заботливая рука,— можетъ-быть, ваша рука, Настя... А у насъ все это предоставлено одному только благоусмотрѣнію садовника.

— Ну, хорошо! любуйтесь, коли хотите, я вамъ все покажу, до малѣйшихъ подробностей.

А Березовскій садъ былъ невеликъ и незатѣйливъ: онъ до-нельзя походилъ на сотню другихъ старинныхъ помѣщичьихъ садовъ... Передъ домомъ—не слишкомъ большая лужайка, обсаженная кустами сирени, да сбоку скамейка въ тѣни двухъ развѣсистыхъ кленовъ; двѣ широкія прямыя аллеи, одна липовая, другая березовая, и надъ ними, какъ водится, неумолкаемое карканье галокъ, привыкшихъ свивать тамъ свои гнѣзда. Между аллеями—небольшой, вѣчно дремлющій прудъ,

вокругъ котораго задумчиво стояли старыя липы, когда-то стриженныя, а теперь вольно распускавшія неуклюжіе побѣги. А совсѣмъ на краю—искусственный пригорокъ, и на пригоркѣ старинная бесѣдка, гдѣ прежніе владѣльцы въ жаркую пору отдыхали отъ своихъ несложныхъ заботъ. Несложны и совсѣмъ уже неоригинальны были дѣдовскіе вкусы и затѣи, и большая половина сада отведена была на полезное дѣло: ею завладѣли правильно разсаженныя яблони и вишни, а въ углу—рядъ кустовъ малины чинно обступалъ длинныя гряды клубники. И все-таки что-то уютное, домовитое, привѣтливое точно гнѣздилось подъ густыми купами деревьевъ и ласково манило подъ ихъ гостепріимную тѣнь.

Въ одномъ только уголкѣ чепорная правильность стародавняго вкуса совсѣмъ уступила мѣсто новизнѣ; спрятавшись между стволами тѣнистыхъ вязовъ, стояла незамѣтная издали скамейка; передъ нею былъ разбитъ крошечный цвѣтничекъ; за нимъ причудливо и вольно, группами, росли недавно посаженные дубки и тополя, а еще дальше передъ глазами разстилалась синеватая даль, уходившая на самый край дымчатаго небосклона.

— А, вотъ гдѣ хорошо!—воскликнулъ Ѳедя, бросаясь на скамейку,—особенно въ жаркій день, какъ сегодня. Это должно быть ваше любимое мѣстечко, Настя?

— Да, отвѣчала она просто,—все это моя затѣя, и цвѣтникъ, и посадка. Я это мѣстечко у мамаши выпросила; прежде здѣсь былъ лугъ.

— И все это также молодо и мило, какъ вы сами,—сказалъ онъ, невольно залюбовавшись ею, когда она стояла передъ нимъ, стройная и свѣжая, какъ эти молодые дубки, и вся облитая солнцемъ, наводившимъ веселые, блестящіе кружки на ея волосы и платье.

— Ну, а у васъ какъ?—вдругъ обратился онъ къ Лизѣ.—Я слышалъ, вашъ отецъ имѣніе купилъ недавно здѣсь по сосѣдству?

На этотъ разъ Лиза отвѣтила:

— Не имѣніе, а такъ просто землю—пустошь одну купилъ отецъ у господина Собакина. Онъ находитъ, что на пустомъ мѣстѣ хозяйничать удобнѣе. На что намъ усадьба? Домъ у насъ выстроенъ совсѣмъ простой, маленькій, почти что изба: отецъ говоритъ, что такъ лучше.

— И по вашему тоже, лучше?—засмѣялся Ѳедя.

— Меня не спрашивали,—коротко отвѣтила она.

— И сада вы не разводите? Это, по вашему, тоже не нужно?

— Яблонь отецъ разсадилъ тысячи полторы—принялись хорошо! А иного сада ему не надо; онъ говоритъ, это баловство хорошо для господъ.

— А вы бы его попросили,—вмѣшалась Настя, тоже усѣвшись на скамейкѣ.—Въ деревнѣ безъ сада развѣ можно?

Странная улыбка, не то горькая, не то насмѣшливая показалась на полныхъ губкахъ дочери разбогатѣвшаго мужика.

— Можно, какъ видите,—сказала она съ оттѣнкомъ враждебности въ голосѣ.—Я вѣдь не барышня, какъ вы, Настя... да и не послушалъ бы меня отецъ.

— А что же вы такое,—спросилъ Ѳедя,—въ чемъ, по вашему, разница?

Она только вскинула на него глазами и продолжала, снова обращаясь къ Настѣ.

— Прежде мы просто на селѣ жили, помните? И лучше тамъ было, веселѣе. А теперь что? Отъ однихъ отстали, къ другимъ не пристали.

— Стало быть скучно, сознаетесь?—сказалъ Ѳедя.

— Лиза, да что вы стоите на солнцѣ; сядьте къ намъ, вотъ сюда,—предложила Настя.

— Нѣтъ, зачѣмъ, я солнца не боюсь, — съ тою же полунепріязненною улыбкой отвѣтила Лиза.

Настя встала, взяла ее за обѣ руки и почти насильно посадила возлѣ себя.

— А отчего, скажите,—продолжалъ какъ бы дразнить

ее Өедя, — ходите вы такъ, безъ шляпы, въ одномъ платочкѣ?

— Такъ лучше, такъ... всѣ у насъ ходятъ,—серьезно проговорила Лиза.

— Совсѣмъ не лучше: и некрасиво и, главное, волосы портитъ.

— А волосы у нея, кстати, чудесные,—засмѣялась Настя и быстрымъ движеніемъ пальцевъ развязала у Лизы платокъ. Ея курчавыя, черныя кудри, не слишкомъ длинныя, но густыя и мягкія, разсыпались по плечамъ.

Лиза мигомъ вскочила на ноги и, вся раскраснѣвшаяся, съ глазами, засверкавшими отъ гнѣва, проговорила дрожавшимъ голосомъ.

— Отдайте мой платокъ, Настя, отдайте сейчасъ.

— Да что съ вами, Лиза, помилуйте, чего вы такъ разсердились,—отвѣтила изумленная Настя.

Но въ эту самую минуту раздался изъ-за деревьевъ голосъ приближавшагося Коли.

— А, вотъ куда вы скрылись, отъ меня, должно быть, прячетесь.

Увидавъ молодого человѣка, Лиза мгновенно стихла, и бурное раздраженіе смѣнилось у нея замѣшательствомъ. Она какъ будто даже не примѣтила, что Настя возвратила ей платокъ, и не спѣшила его накинуть на голову.

— Что у васъ тутъ было? Поссорились?—засмѣялся между тѣмъ подошедшій Коля,—у васъ, Лиза, глазки такъ и блестятъ... и это къ вамъ очень идетъ, право. Вы прехорошенькая, когда сердитесь и оттого, должно быть, это съ вами такъ часто бываетъ.

И онъ коснулся дерзкою рукой до одной изъ волнистыхъ прядей, спустившихся на плечи дѣвушки. Она сердито тряхнула головой, отстраняясь отъ него, и глаза ея опять брызнули такими же гнѣвными искрами, какъ минуту передъ тѣмъ.

— Оставь ее, какъ тебѣ не стыдно,—вступился Өедя, становясь между нимъ и дѣвушкой.

Лиза взглянула на него мелькомъ; потомъ быстро накинула платокъ и обратилась къ Настѣ:

— Прощайте. Я пойду къ себѣ,—пора.

— А вы обѣдать не останетесь, Лиза?—протягивая ей руку, ласково спросила Настя.

— Нѣтъ, спасибо!—рѣзко проговорила та:—и безъ того у васъ засидѣлась... Да и совсѣмъ здѣсь мнѣ не пристало бывать,—вотъ что! Прощайте.

Дѣвушка обернулась, опять мелькомъ взглянувъ на Ѳедю, и удалилась торопливою походкой...

— Какъ тебѣ не стыдно,—продолжалъ усовѣщевать товарища Ѳедя.—Вѣдь она почти еще ребенокъ.

— Что жъ такое! Эка важность! Этакихъ дразнить и забавно: любо глядѣть, какъ у нея глазки запылаютъ,—кажись, съѣсть готова. Я такихъ люблю. Да и чего съ нею церемониться? Развѣ оттого, что у отца ея денегъ много? Все-таки простая деревенщина.

— И какъ разъ потому, что она намъ неровня, ее вдвойнѣ оскорбляетъ твое поведеніе. Вѣдь она это чувствуетъ, ей безъ того неловко съ нами, потому что она полукрестьянка, полуобразованная.

— Э, пустяки,—Коля пожалъ плечами.—Есть про что толковать! Пойдемъ лучше обѣдать, а то мамаша сердится, когда ждать ее заставляютъ.

VII.

Надежду Максимовну они застали опять за дѣломъ въ особой маленькой комнаткѣ, выходившей окнами на дворъ и предназначенной исключительно для пріема больныхъ и просителей. Полъ въ этой комнатѣ былъ некрашеный, меблировка самая простая, но чистота и тутъ была поразительная. Стоялъ только здѣсь какой-то особый аптечный запахъ. Въ рабочее время приходилъ сюда, и то въ ранніе часы, лишь досужій народъ, старики-

бобыли да бобылки, но теперь, въ началѣ іюня, когда въ полѣ дѣлать почти нечего, здѣсь собралась цѣлая толпа крестьянъ всякаго возраста: кто посовѣтоваться зашелъ по какому-нибудь домашнему спору, кто пожаловаться на хворь. Совѣты Надежды Максимовны и дѣловые и медицинскіе выслушивались всегда съ полнымъ довѣріемъ.

Когда вошли молодые люди, съ больными она давно покончила, съ нихъ всегда начинался пріемъ, такъ какъ болѣзнь, говаривала она, „куда важнѣе любой тяжбы". Но отпущенные паціенты все еще стояли, приткнувшись къ стѣнѣ, и внимательно слушали, какъ барыня разбирала споръ вдовы одного умершаго мужика съ дѣтьми его отъ перваго брака, собиравшимися выгнать мачиху изъ дому. Сельскій сходъ, которому поднесено было надлежащее угощеніе, почти ужъ рѣшилъ дѣло въ пользу дѣтей, но вдова обратилась къ заступничеству Надежды Максимовны, и та сначала принялась усовѣщевать сыновей умершаго, а потомъ устроила мировую. Дворъ былъ изъ достаточныхъ, и дѣлежъ имущества можно было уладить къ общему удовольствію.

— Ну, что, Антипъ,—закончила Надежда Максимовна, — развѣ такъ, по-божескому, не лучше, чѣмъ судиться?

— Лучше вѣстимо, лучше, что и говорить, — отвѣчалъ русокудрый, востроглазый парень, лѣтъ двадцати трехъ,—только пусть она ссоръ не заводитъ съ женой-то моею, а мы ей съ братомъ три отцовскія полосы за нонѣшній годъ, да коровенку да животы ея бабьи съ нашимъ удовольствіемъ отпустимъ...

— Ну, ладно... А ты смотри, Арина,—обратилась Надежда Максимовна къ стоявшей возлѣ Антипа красивой бабѣ съ выраженіемъ угодливаго подобострастія на лицѣ—смотри, хоть онъ тебѣ пасынокъ, а ты его слушайся: онъ хозяинъ... И съ женой его не спорь— она теперь старшая, и, помни, шалостей никакихъ

чтобы не заводить, а то у васъ живо дѣло разладится... А теперь ступайте: мнѣ обѣдать пора.

Надежда Максимовна встала и взглянула въ окно.

— А это, кажись, Варя сюда ѣдетъ... да, какъ есть она!

Минуту спустя знакомый уже Ѳедѣ кабріолетъ бойко подкатилъ къ крыльцу, и Варвара Владиміровна, все такая же свѣжая, такая же изящная и смѣющаяся, граціозно выпрыгнула изъ экипажа.

— А, Ѳедоръ Аркадьевичъ! Вотъ неожиданно-то!—привѣтствовала она молодаго человѣка, съ любезною улыбкою на лицѣ, но гораздо проще и задушевнѣе, чѣмъ улыбалась наканунѣ Аркадію Степановичу и его гостямъ. Сегодня былъ у нея вообще, даже въ ея одеждѣ и прическѣ, какой-то новый оттѣнокъ деревенской простоты.

— Вы къ матушкѣ поспѣшили раньше, чѣмъ ко мнѣ,—это похвально: старшихъ уважать надо.

Ѳедя чуть-чуть было сконфузился, но Варвара Владиміровна и не ждала отъ него отвѣта. Она тотчасъ обратилась къ матери, извиняясь, что прикатила такъ неожиданно къ самому обѣду.

— Представьте себѣ, говорила она, откалывая шляпку:—поваръ у меня запилъ... Это второй разъ... надо будетъ другого пріискать.

Она вся была свѣтлое очарованіе и невинная веселость, какъ утренній солнечный лучъ. Съ Ѳедей она держала себя безъ всякаго оттѣнка кокетства; съ братомъ она заговаривала рѣдко, и внимательный глазъ догадался бы сразу, что дружбы между ними немного.

Вскорѣ послѣ обѣда молодая женщина сказала матери что-то на ухо, и та немедленно увела ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Ага,—захихикалъ ей въ слѣдъ Коля,—вотъ зачѣмъ изволила пожаловать сюда сестрица,—опять деньженокъ просить!

— Какъ тебѣ не стыдно, Коля!—взглянувъ на брата укоризненными глазками,—сказала Настя.

— Ну ты, извѣстно, невинная душа: никогда ничего не подозрѣваешь—гдѣ тебѣ!

Совѣщаніе Варвары Владиміровны съ матерью продолжалось недолго. Она вышла изъ кабинета все такая же беззаботная и сіяющая. Зато на лицѣ Надежды Максимовны Ѳедя замѣтилъ тревожное, почти грустное выраженіе. И, вглядываясь въ красивыя черты молодой женщины, онъ почувствовалъ какое-то смутное недовѣріе къ ихъ ласкающей прелести, въ которой ему чуялась затаенная ложь. Что-то въ ней и привлекало его, и отталкивало въ то же время. Но Варварѣ Владиміровнѣ немногаго труда стоило разогнать это мимолетное настроеніе молодого человѣка. Она заговорила съ нимъ такъ задушевно, что онъ снова отдался очарованію. Не избалованный женскою лестью, онъ охотно заслушивался мягкихъ звуковъ ея голоса, ласкавшихъ его непривычное ухо, какъ стройная музыкальная гармонія. И когда Варвара Владиміровна поднялась, чтобъ уѣхать, онъ какъ-то безсознательно, точно повинуясь внушенію, послѣдовалъ за нею въ переднюю, сказавъ, что пора и ему. Едва отъѣхалъ ея кабріолетъ, онъ вскочилъ на своего жеребца и, догнавъ Варвару Владиміровну у воротъ, хотѣлъ было съ нею проститься.

— Вы домой спѣшите?—остановила она его, придерживая лошадь.— Какой вы однако образцовый молодой человѣкъ! Мамаша васъ ждетъ, да? Ну, поѣзжайте, поѣзжайте. А я такъ думала — вы собираетесь меня проводить до Варваровки...

И, звонко разсмѣявшись, она стегнула лошадь, но Ѳедя опять догналъ ее.

— Я не смѣлъ у васъ просить позволенія.

— Не смѣли? Полноте, развѣ для этого такъ много смѣлости нужно?

Они поѣхала рядомъ, мелкою рысью. Ночь была прозрачная, лунная. Странно, какъ бы залитыя волшебнымъ свѣтомъ, глядѣли поля, мягкими волнами, какъ безбрежное море въ тихую погоду, уходившія далеко, да-

леко, точно имъ конца не было. И деревья, окутанныя мѣсячнымъ сіяніемъ, казались волшебными великанами. Отъ росистыхъ колосьевъ ржи поднимался крѣпкій, опьяняющій запахъ. Молодой человѣкъ почувствовалъ какъ-то, что ему хочется въ даль, безграничную даль, хочется окунуться въ это море дрожащаго, млѣющаго свѣта. А вкрадчивый голосъ Варвары Владиміровны вливался въ его ухо, точно говоря ему таинственныя и непонятныя рѣчи, хотя совсѣмъ заурядная шла у нихъ бесѣда. Смѣющихся, задорныхъ нотъ не было теперь въ этомъ голосѣ,—онъ звучалъ тихо, нѣжно, заманчиво, словно онъ боялся пробудить дремлющую въ сладостной тревогѣ іюньскую ночь.

Незамѣтно проѣхали они три версты до Варваровки.

— А вотъ и мой домикъ,—сказала она, подъѣзжая къ крыльцу:—видите какой маленькій, скромный.

Скромною Варваровку назвать, впрочемъ, было нельзя: это была, правда, очень небольшая усадебка, но выстроенная, какъ игрушка, по дачному. Домъ былъ одноэтажный, съ затѣйливыми выступами, выкрашенный въ бѣлую краску, и глядѣлъ такимъ чистенькимъ и наряднымъ съ своими двумя балкончиками, заново отдѣланными голубымъ тикомъ, что совсѣмъ не походилъ на русское, деревенское жилье. А мѣсяцъ такъ и блестѣлъ въ большихъ стеклахъ широкихъ итальянскихъ оконъ, и весь домъ, казалось, былъ залитъ его таинственнымъ свѣтомъ и заодно съ нимъ острымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, разставленныхъ на балконахъ и на подоконникахъ.

— Вы войдете, неправда ли? Всего на нѣсколько минутъ, я васъ чаемъ напою. Хотите?—сказала Варвара Владиміровна.

Молодой человѣкъ молча соскочилъ съ лошади и вошелъ вслѣдъ за хозяйкой.

— Никифоръ,—приказала она вбѣжавшему франтоватому слугѣ,—подайте намъ чаю сюда, на балконъ.

Десять минутъ спустя серебряный самоварчикъ уютно шипѣлъ на лоткѣ предъ хозяйкой, и проворныя, красивыя ручки Варвары Владиміровны, убранныя блестящими кольцами, принялись заваривать чай. А кругомъ датуры и олеандры въ полномъ цвѣту разливали свой пряный, вкрадчивый запахъ.

— Вѣдь недурно здѣсь, не правда ли? — спросила она, и тутъ же прибавила, пододвигая къ молодому человѣку фарфоровую чашку, наполненную крошечными папиросками.

— Что же вы не курите, Ѳедоръ Аркадьевичъ? Я курю вѣдь сама.

И схвативъ одну изъ папиросъ двумя розовыми пальчиками, она принялась задумчиво пускать голубоватыя колечки дыма.

— Это вѣдь я все выстроила,—продолжала Варвара Владиміровна, подавая Ѳедѣ налитую чашку.—Прежде здѣсь было пустое мѣсто, — и планъ, и отдѣлка, все мною придумано. Я вѣдь женщина практичная, совсѣмъ въ мать... Нѣтъ, не совсѣмъ впрочемъ...

— Да, я думаю,—отозвался Ѳедя.

— У матушки практичность иная, серіозная и старомодная —vieux jeu,—объяснила она по-французски. Она не понимаетъ, что и побаловать себя надо слегка. И кабы ей этотъ клочекъ земли достался въ приданое, она бы непремѣнно здѣсь хозяйство завела и пропасть бы денегъ убила. А мнѣ это очень дешево обошлось. Это просто дача: настоящей деревни мнѣ не нужно,— хозяйство на меня тоску наводитъ. Какая-то нелѣпая борьба съ природою, какъ будто съ ней подѣлаешь что-нибудь. Русская природа вѣдь такой же неучъ, какъ русскій мужикъ. А я просто землю отдаю... Не крестьянамъ конечно—они платятъ слишкомъ неисправно — а Сысоеву: это повѣрнѣе... Очень я люблю иной разъ съ этимъ Сысоевымъ разговаривать—я вѣдь большая демократка, вы знаете? и умнаго человѣка готова слушать сколько угодно, хотя бы отъ него дегтемъ пахло.

Алыя губки Варвары Владиміровны говорили все это мелкими, отрывистыми фразами, прерываясь то и дѣло, чтобы слегка затягиваться папиросской; и хотя въ ея рѣчахъ далеко не все казалось Ѳедѣ симпатичнымъ, онъ все-таки съ каждою минутой все сильнѣе поддавался обаянію.

— Вы демократка во всякомъ случаѣ своеобразная: вы изъ прогресса берете себѣ только то, что пріятно щекотитъ вашъ вкусъ...

— Да, да, какъ пчелы берутъ медъ изъ цвѣтовъ,— вы правы...

— Да вѣдь это, впрочемъ, и значитъ быть настоящею передовою женщиной.

Въ эту минуту вошелъ Никифоръ съ какимъ-то конвертомъ на подносѣ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ, прошу меня извинить: совсѣмъ забылъ подать вамъ депешу, которую со станціи привезли.

Варвара Владиміровна равнодушно и медленно вскрыла телеграмму.

— Не доложилъ вамъ также, — отступая на шагъ, продолжалъ слуга,—пока васъ не было, Аркадій Степановичъ Клусовъ заѣзжать изволили.

При этомъ извѣстіи молодая женщина быстро вскинула глазами и, засмѣявшись, сказала Ѳедѣ по-французски.

— Видите, отецъ вашъ болѣе поторопился, чѣмъ вы!

Потомъ она принялась за депешу, и лицо ея мгновенно измѣнилось; озабоченная складочка даже показалась между ея бровями. Лакей вышелъ.

— Вотъ это неожиданно! — откидываясь назадъ въ своемъ креслѣ, заговорила она опять, и небрежно уронила телеграмму на полъ:—мужъ извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ,—онъ будетъ послѣ завтра.

Мужъ Варвары Владиміровны, Андрей Кирилловичъ Горностаевъ, неотлучно прослуживъ съ двадцатилѣтняго возраста въ одномъ изъ столичныхъ вѣдомствъ

и ничѣмъ особенно не отличившись, достигъ въ сорокъ лѣтъ довольно виднаго мѣста, на которомъ усѣлся твердо и спокойно, не тревожимый честолюбіемъ, а еще менѣе жаждою принести отечеству пользу. Деревню онъ терпѣть не могъ, и удивленіе его супруги было вполнѣ законно. Она какъ будто призадумалась, но всего на мигъ, и, быстро встрепенувшись, снова принялась за вертлявую болтовню съ Ѳедей. Молодой человѣкъ и не замѣтилъ, какъ она шутя исповѣдывала его, получивъ за какіе-нибудь полчаса гораздо болѣе свѣдѣній о его образѣ жизни, взглядахъ и привычкахъ, чѣмъ имѣли о томъ его родители. Ѳедя беззаботно давалъ ей выворачивать свою душу: отъ Варвары Владиміровны ему нечего было скрывать. Онъ отлично сознавалъ, что самыя непозволительныя его шалости найдутъ въ ней не очень строгаго судью.

— Такъ вотъ вы какой! А я думала,—говорила она,— вы настоящій тихоня, какъ и подобаетъ маменькину сынку. Да, впрочемъ, кто въ ваши годы не шалитъ? У кого сумятицы нѣтъ въ жизни, у того она въ головѣ. А кто знаетъ, что лучше?

— Конечно, лучше то, что вы называете сумасбродными мыслями,—горячо отвѣтилъ Ѳедя:—за нихъ, по крайней мѣрѣ, краснѣть не приходится, какъ за сумасбродные поступки... Только у меня ихъ, кажется, не было никогда, оттого, должно-быть, что слишкомъ ужъ мягко и ровно прошло мое дѣтство. Оно не снабдило меня должнымъ запасомъ желчи и злости.

— А развѣ злость нужна? — разсѣянно спросила Варвара Владиміровна, очевидно думавшая въ эту минуту совершенно о другомъ.

— Конечно, нужна—овечки для того только годятся, чтобъ ихъ стригли...—И, сказавъ это то же полуразсѣянно, Ѳедя поднялся съ мѣста: онъ замѣтилъ, что за послѣднія двѣ-три минуты молодая женщина перестала его слушать.

— Мы скоро увидимся опять, надѣюсь? — про-

тягивая руку, сказала на прощанье Варвара Владиміровна.

Когда онъ вышелъ, она задумалась на мигъ, неподвижно опершись на спинку кресла. Даже вѣки ея закрылись на половину, точно она щурилась, чтобы разглядѣть что-то вдали. Потомъ она лѣниво встала и, сорвавъ пышный цвѣтокъ алой розы, прильнула къ нему на мигъ, вдыхая въ себя его нѣжный запахъ. Потомъ она прислонилась къ рѣшеткѣ балкона и нагнулась впередъ, точно вопрошая о чемъ-то озаренную мѣсяцемъ тихую ночь. Но Варвара Владиміровна не была изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ у природы имѣются готовые, хоть и не вполнѣ ясные отвѣты. Ей не о чемъ было бесѣдовать съ нею,—онѣ другъ друга понимали плохо. Мѣсяцъ должно быть прочелъ на ея лицѣ вовсе не мечтательное, а только озабоченное выраженіе, озабоченное, конечно, чисто-житейскими вопросами. Онъ не повѣдалъ ей ничего съ своей невозмутимой выси, а она, должно-быть, недовольная его назойливымъ сіяніемъ, отвернулась и быстрою, твердою походкой пошла къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ далеко за полночь она просидѣла за письменнымъ столомъ, но то, что она писала, не имѣло ничего таинственнаго и поэтическаго: бумага, надъ которой она трудилась, была испещрена длинными рядами цифръ.

Было очень поздно, когда Ѳедя прискакалъ въ Богатое: весь домъ спалъ давно. И бережно, стараясь, какъ бы не заскрипѣла половица, онъ пробрался въ свою комнату, слегка тревожимый совѣстью, что за весь этотъ день онъ ни одной минуты не отдалъ матери. Но совѣсть замолчала скоро, и передъ его отуманеннымъ воображеніемъ завертѣлись, смѣняя другъ друга, какія-то неясныя женскія фигуры. То ему казалось, что это Настя въ своей спокойной, полудѣтской красѣ, то смѣняла ее, исподлобья глядѣвшая жгучими, недобрыми глазами Лиза Сысоева, то опять на мѣсто обѣихъ дѣвушекъ являлось иное, менѣе юное

лицо, и загадочная улыбка Варвары Владиміровны то счастье ему сулила, то почти съ угрозой глядѣла на него.

VIII.

Недѣли двѣ спустя Ѳедя, поднявшись рано, захватилъ съ собою ружье и, выйдя изъ дома, подозвалъ свою лягавую суку Норму, мирно покоившуюся на пескѣ.

Онъ начиналъ смутно чувствовать, какъ подкрадывалась къ нему потихоньку скука. Думалъ онъ сперва поучиться хозяйству, да слишкомъ ужъ не нравился ему Христіанъ Карловичъ съ своими учеными затѣями, а попытка открыть отцу глаза на счетъ управляющаго кончилась полною неудачей. Побывалъ онъ за эти дни у кое-кого изъ сосѣдей, но то, что онъ увидѣлъ и услыхалъ тамъ, его не порадовало. Старикъ Воеводскій бился какъ рыба объ ледъ, чтобы свести концы съ концами. Воспитаніе четырехъ подроставшихъ дѣтей давило его непосильнымъ бременемъ, и, какъ ни работалъ онъ, какъ ни обрѣзывалъ свои и безъ того скромные расходы, съ каждымъ годомъ ложился новый долгъ на его убогое имѣньице. Бѣдняга все еще крѣпился, и что-то невыразимо трогательное было въ веселомъ добродушіи, съ которымъ онъ принялъ и подчевалъ Ѳедю въ своемъ домишкѣ, гдѣ по неволѣ все приходилось откладывать неизбѣжныя починки. Въ большой, нѣкогда роскошной усадьбѣ Собакина было и того хуже. Бездѣтному Льву Никаноровичу не на кого было свалить причину своего разоренія. Больная жена, почти не выходившая изъ дому, кроткая, добрая, хоть и взбалмошная, тратилась на одну только благотворительность, впрочемъ, довольно таки безтолковую; а самъ Левъ Никаноровичъ безпомощно недоумѣвалъ, куда это уплыло его крупное состояніе. Съ каждымъ годомъ

какая-нибудь часть его владѣній уходила изъ его рукъ, какъ будто сама отваливаясь въ силу роковаго процесса, да новые векселя прибавлялись къ вороху прежнихъ. Впрочемъ, хоть въ Новотроицкомъ кое-гдѣ въ домѣ проваливались полы, поваръ былъ у Собакина отличный. Заѣхалъ Ѳедя и къ Глухаревымъ, хоть и не обѣщалъ себѣ отъ этого посѣщенія особаго удовольствія. Барышни приняли его довольно кисло и совсѣмъ ужъ на этотъ разъ ему не понравились. Завидя подъѣзжавшаго молодого человѣка, онѣ со всѣхъ ногъ бросились переодѣваться, и черезъ десять минутъ явились расфранченными. Но Ѳедя успѣлъ замѣтить, что передъ тѣмъ онѣ были въ простыхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ стоптанныхъ башмакахъ... Домъ Глухаревыхъ не походилъ на убогую усадьбу Николая Ивановича, гдѣ все напоминало объ усиленной борьбѣ съ нуждой, и еще менѣе на разрушающееся величіе Новотроицкаго. Онъ былъ помѣстителенъ и проченъ, но воцарилась въ немъ медленно вкравшаяся привычка жить въ неприбранныхъ комнатахъ и мириться съ неопрятностью. Все въ этомъ домѣ, отъ давно нечищенныхъ половъ до одежды хозяевъ, только въ экстренныхъ случаяхъ, къ пріѣзду гостей, убиралось напоказъ.

Ѳедѣ показалось, что за эти два года въ уѣздѣ все состарѣлось и одряхлѣло. И въ это утро, пока онъ лѣниво и задумчиво бродилъ по мелкой дубовой заросли, совершенно позабывъ объ охотѣ, онъ тревожно спрашивалъ себя, откуда взялась эта злополучная хворь, охватившая еще недавно цвѣтущій уголокъ, да и миновать ли ей тоже, въ концѣ-концевъ, и его родной домъ. Не мудрено, что утки то и дѣло безнаказанно взлетали надъ болотцемъ, по краю котораго онъ шелъ, не обращая даже на себя его вниманія. Такъ, въ безцѣльномъ скитаніи, часъ проходилъ за другимъ, и Ѳедя замѣтилъ вдругъ, что, должно быть, заблудился. Кругомъ все тянулись кусты, а надъ ними, такое же однообразное и грустное, нависло туманное, хмурое небо.

День былъ сѣрый и скучный, и неподвижный воздухъ, непригрѣтый солнцемъ, застылъ какъ бы въ оцѣпенѣніи. Но вотъ низкіе кусты понемногу становятся выше, еще сотня, другая шаговъ,—и ихъ смѣнилъ настоящій лѣсъ.

„Да это Лисицино! это лѣсъ Надежды Максимовны", сказалъ себѣ Ѳедя, узнавъ, наконецъ, куда зашелъ. „Ну, попалъ же я далеко отъ дома"...

Усталость давала себя чувствовать. Онъ пошелъ быстрѣе, думая завернуть въ Березовку. Вдругъ онъ разслышалъ чьи-то отдаленные голоса: потомъ шаги двухъ приближавшихся людей захрустѣли по мху.

— А, Герасимъ Павловичъ!—повеселѣвъ отчего-то, окрикнулъ онъ березовскаго управляющаго. Въ спутникѣ Щукина онъ узналъ Сысоева: этотъ поклонился молча, и сквозь наружную почтительность поклона Ѳедѣ почудилось что-то злорадно-ироническое. Онъ только кивнулъ головой разбогатѣвшему кулаку, подружески поздоровавшись съ Герасимомъ Павловичемъ.

— Что это вы съ Петромъ Тихонычемъ разгуливаете?—спросилъ онъ Щукина.

— Да вотъ,—съ унылою усмѣшкой на лицѣ отвѣтилъ старикъ,—приходится нашъ лѣсъ Петру Тихонычу показывать... Точно онъ самъ его давно не знаетъ: небось, каждое дерево въ немъ успѣлъ сосчитать.

— Да развѣ Надежда Максимовна Лисицино продавать собирается?—спросилъ удивленно Ѳедя.

— Не все, не все, слава Богу, всего пока пятьдесятъ десятинъ сторговалъ Петръ Тихонычъ. Вчера дѣло порѣшили по триста рублей... Прежде триста пятьдесятъ было посулилъ, да какъ изволила Надежда Максимовна свое согласіе выразить, сейчасъ полсотню сбавилъ...

— Пустяки вы это говорите, Герасимъ Павлычъ,—сухимъ, беззвучнымъ голосомъ оборвалъ его Сысоевъ:—никогда я вашей барынѣ трехсотъ пятидесяти не сулилъ. Да и что тутъ толковать, когда дѣло слажено и задатокъ полученъ?

— Конечно, конечно! — заторопился отвѣтить Щукинъ.—А что правда, то правда,—за безцѣнокъ вы лѣсъ купили, да!

Сысоевъ нетерпѣливо переломилъ небольшой сукъ, который держалъ въ рукахъ, и захохоталъ.

— Не видать бы моимъ старымъ глазамъ,—продолжалъ управляющій, — какъ станутъ валить столѣтніе дубы. И зачѣмъ это, зачѣмъ продавать было?.. Кабы на дѣло какое, а то... вѣдь прахомъ эти деньги пойдутъ.

— Кажись, не вамъ объ этомъ заботиться, а вашей барынѣ, Герасимъ Павлычъ,—строго замѣтилъ ему Сысоевъ. — Пойдемте-ка лучше, а то время по-напрасну теряемъ.

Старика передернуло. Онъ хотѣлъ отвѣтить что-то рѣзкое, но Ѳедя предупредилъ его.

— Не хочу вамъ мѣшать,—сказалъ онъ.—Вѣдь мнѣ направо дорога, не такъ-ли?

— Направо, какъ же-съ! Вѣдь вы къ намъ въ Березовку?

Щукинъ издавна привыкъ называть господское имѣніе „нашимъ“.

— Нѣтъ, я прямо домой... Ѳедѣ почему-то ужъ не захотѣлось теперь заходить къ Надеждѣ Максимовнѣ.

— Ну, значитъ, какъ выйдете изъ лѣса, первый будетъ поворотъ налѣво. Счастливо оставаться, Ѳедоръ Аркадьичъ!

Грустное настроеніе молодого человѣка еще усилилось. Онъ вспомнилъ, какъ рѣшительно еще двѣ недѣли назадъ Надежда Максимовна отвергла предложеніе Сысоева. Что же вызвало такую быструю перемѣну? И неужели надъ Березовкой тоже собирались зловѣщія тучи?

А случилось вотъ что. Въ тотъ самый день, когда Ѳедя встрѣтился съ Варварой Владиміровной въ Березовкѣ, она призналась матери, что вошла въ долги, потому что постройка новой усадьбы обошлась ей гораздо дороже, чѣмъ она думала, и жить въ Петербургѣ

зимой ей рѣшительно не по средствамъ, а не бывать тамъ, или жить тамъ скромнѣе—совсѣмъ невозможно: мужу нельзя вѣдь отказаться отъ службы, которая идетъ такъ хорошо, и не принимать у себя гостей, когда отъ этого зависятъ его отношенія къ начальству. И Надежда Максимовна этому повѣрила: при всей ея хозяйственной опытности условія петербургской жизни были ей совершенно незнакомы. Она сперва ахнула отъ признанія дочери и пустилась ей давать благоразумные совѣты, но увѣщанія эти вышли какими-то робкими, нерѣшительными.

— Вы знаете, что у мужа кромѣ жалованья никакихъ средствъ нѣтъ,—сухо отвѣтила дочь.—Не слѣдовало меня выдавать за него замужъ, коли вы не можете намъ помогать.

Варвара Владиміровна не сказала матери настоящую причину своихъ непосильныхъ расходовъ. Надежда Максимовна и не подозрѣвала, каковъ былъ петербургскій образъ жизни дочери, что тратилось на туалеты, на выѣзды, на лошадей, на ложи въ театрѣ. Упрекъ въ томъ, что она легкомысленно выдала дочь замужъ, взволновалъ ее.

— Что это ты говоришь, Варя! Развѣ я заставила тебя за Андрея Кирилловича выдти? Ты сама вѣдь... да вспомни же, вспомни...

Въ самомъ дѣлѣ, Варвара Владиміровна за своего мужа вышла совсѣмъ не по принужденію. У нея былъ въ то время другой женихъ, человѣкъ молодой и хорошій, за котораго усердно стояла Надежда Максимовна. На бѣду онъ ни за что не соглашался переселиться въ Петербургъ, а оставаться въ провинціи и потерять тамъ лучшіе годы до того претило двадцатилѣтней Варѣ, что она предпочла стать женой Горностаева, который тогда же ей сдѣлалъ предложеніе, случайно встрѣтившись съ ней въ губернскомъ городѣ, куда былъ командированъ отъ своего министерства. Андрей Кирилловичъ на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ былъ старше невѣсты;

ни особымъ умомъ, ни привлекательной наружностью, ни даже состояніемъ онъ не обладалъ. И молодая дѣвушка все-таки дала ему согласіе,—до того нестерпимою ей казалась деревенская жизнь. А когда теперь мать напомнила ей про всю эту недавнюю старину, Варвара Владиміровна призвала на помощь послушныя ей краснорѣчивыя слезы:

— Вамъ бы слѣдовало меня тогда образумить,—говорила она, утирая раздушеннымъ платкомъ красивые глаза.

И только что принятое рѣшеніе не соглашаться на продажу Лисицинскаго лѣса было поколеблено.

Но тревоги Надежды Максимовны этимъ не ограничились. Коля тотчасъ угадалъ, что сестра не даромъ пріѣзжала въ Березовку, и весь слѣдующій день немилосердно преслѣдовалъ мать язвительными упреками за ея слабость. Надежда Максимовна долго не признавалась, что почти уже была готова пожертвовать частью драгоцѣннаго лѣса. Но Коля упорно настаивалъ.

— Чего ужъ тамъ, мамаша, вилять да скрытничать?—язвилъ онъ насмѣшливо.—Точно я не знаю, что стоитъ Варѣ расхныкаться, и вы ей послѣднюю рубашку отдадите...

— Да не весь же Лисицинскій лѣсъ я дамъ вырубить,—сказала, наконецъ, старушка, доведенная сыномъ до полупризнанія:—десятинъ какихъ-нибудь пятнадцать, можетъ-быть. И что за бѣда? Лѣсъ давно спѣлый,—не вѣчно его ростить...

— Вотъ какъ вы теперь говорите, потому что дѣло идетъ о Вариныхъ причудахъ. Ей ни въ чемъ отказа нѣтъ, а кабы я васъ попросилъ...

— Ты? Да тебѣ на что?

— Какъ на что? Развѣ мнѣ въ полкъ такъ можно поступить, ни съ чѣмъ? Мнѣ лошадь нужна, обмундировка...

— Знаю, Коля, давно знаю: у меня на это двѣ тысячи припасены.

— Двѣ тысячи! Ха, ха! Далеко съ ними уѣдешь!.. А чѣмъ мнѣ прикажете жить въ гвардейскомъ полку? Жалованьемъ что ли? Да вы ужъ лучше мнѣ скажите прямо, чтобы я въ армію поступилъ, да вдобавокъ, въ пѣхоту.

Про это, конечно, и рѣчи быть не могло. Своего ненагляднаго Колю Надежда Максимовна ни за что бы не отпустила служить въ какое-нибудь захолустье. Увидать его въ мундирѣ армейскаго пѣхотинца—отъ одной этой мысли у ней захолонуло на сердцѣ. Разсудительная и строгая къ себѣ, она совсѣмъ отдавалась тщеславію, какъ скоро рѣчь шла объ ея дѣтяхъ.

— Ну, вотъ видите,—продолжалъ Коля, — вашихъ двухъ тысячъ далеко не хватитъ. И вотъ почему я вамъ говорилъ вчера, что денегъ намъ нужно будетъ не мало. Да и не одно это: вы думаете, у меня долговъ нѣтъ?

Колю, всегда скрытничавшаго съ матерью, теперь подмывало нагло похвастаться своими долгами; точно онъ храбрился передъ бѣдною любящею женщиной. Съ какимъ-то непонятнымъ самодовольствомъ онъ разсказывалъ ей все, что до сихъ поръ тщательно хранилъ про себя: какъ повѣсничалъ онъ съ товарищами, какъ проигрывалъ въ карты, и въ особенности, какъ дорого обошлась ему мимолетная благосклонность второстепенной опереточной пѣвицы.

Надежда Максимовна всплеснула руками: этого было слишкомъ даже для ея слѣпой нѣжности къ сыну.

— Ты меня разоришь, Коля, вотъ что, — слабымъ, задрожавшимъ отъ волненія голосомъ заговорила она.— Не на долго хватитъ моей бѣдной Березовки, коли дѣло такъ пойдетъ. Вѣдь мы небогаты, ты самъ знаешь...

Но горестные упреки матери не тронули Колю: ему одного было нужно—вынудить у матери побольше денегъ, и онъ хорошо зналъ, что въ концѣ-концовъ она уступитъ, тѣмъ скорѣе уступитъ, чѣмъ больше онъ наговоритъ ей жестокихъ, несправедливыхъ словъ. Что

онъ можетъ довести ее до разоренія, этимъ онъ не тревожился. Ума и пронырливости ему хватало на то лишь, чтобы достать средства на удовлетвореніе своей жажды бурныхъ удовольствій, своего тщеславнаго желанія не отстать отъ богатыхъ товарищей.

— Чудесно,—воскликнулъ онъ, — теперь выходитъ, что я васъ разоряю! Сколько Варя успѣла съ васъ денегъ выпросить хоть за эти послѣдніе три года, точно я не знаю... И это все ничего: вы ей слова лишняго не скажете. А я много отъ васъ получалъ, пока былъ въ университетѣ? Какихъ-нибудь несчастныхъ сто рублей въ мѣсяцъ! На это вы думаете можно жить въ Петербургѣ?..

— Коля, Коля, опомнись,—тщетно старалась его урезонить Надежда Максимовна.

— Нѣтъ, ужъ я лучше всю правду разомъ выложу. Вы только что сказали, что на меня Березовки вашей не хватитъ. А коли такъ, позвольте васъ спросить, кто велѣлъ вамъ отдать сестрѣ цѣлыхъ четыреста десятинъ? Развѣ это ея законная часть?..

Теперь, наконецъ, въ Надеждѣ Максимовнѣ заговорило чувство достоинства, оскорбленнаго его послѣдними словами. Какъ ни велика была ея любовь къ сыну, однимъ она поступиться не могла — сознаніемъ своего права распоряжаться имѣніемъ, которое она холила и берегла столько лѣтъ.

— Законная часть!—воскликнула она, негодуя.—Да ты съ ума сошелъ, Коля! Развѣ Березовка не моя? Или ты ужъ наслѣдство дѣлить собираешься? Берегись, Коля, не гнѣви Бога,—онъ накажетъ тебя, накажетъ за твою неблагодарность!

Молодой человѣкъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Не раскаяніе, правда, вызвали въ немъ упреки и слезы матери, но боязнь испортить дѣло чрезмѣрною наглостью, заставила его опомниться: онъ заговорилъ инымъ языкомъ, прикинулся растроганнымъ и сталъ просить у нея прощенія. И кончилось тѣмъ, что На-

дежда Максимовна, въ свою очередь, стала упрекать себя, что несправедлива къ сыну и какъ будто предпочитаетъ ему дочь. На самомъ дѣлѣ, Коля былъ ей дороже Вари.

IX.

Выбравшись изъ лѣса, Ѳедя сбился съ дороги опять. Онъ скоро увидѣлъ, что попалъ не туда, куда слѣдовало. Кругомъ все тянулись безконечныя поля, кое-гдѣ испещренныя небольшими перелѣсками. Высокой колокольни Богатовской церкви не было видно. Зато, на отлогомъ холмѣ, вдали, показался какой-то одиноко стоявшій домъ: тесовая крыша блестѣла въ лучахъ полуденнаго солнца. Ѳедя направился туда, чтобы спросить себѣ хоть крынку молока, да ломоть чернаго хлѣба. Когда онъ подошелъ ближе, предъ нимъ выросла цѣлая усадьба, небольшая, правда, но выстроенная прочно и толково. У самой дороги одноэтажный домъ, совсѣмъ новый, весело глядѣлъ на открытую даль своими шестью окнами. Съ бревенчатыми стѣнами и крыльцомъ посреди, онъ ни чѣмъ не отличался отъ богатой крестьянской избы. Только занавѣси у оконъ, да обои на стѣнахъ обнаруживали нѣкоторую прихотливость хозяевъ. Слѣва была другая изба, поменьше и погрязнѣе; позади, въ нѣкоторомъ отдаленіи виднѣлось гумно съ нежилыми постройками. Промежутокъ былъ занятъ огородомъ и довольно обширнымъ фруктовымъ садомъ, гдѣ совсѣмъ еще молодыя яблоньки, очевидно, холенныя, глядѣли весело и бодро. На всемъ лежала печать солидной домовитости, и нетрудно было догадаться, что усадьба была не помѣщичья. Ѳедя оглянулся, но ни въ домѣ, ни на дворѣ, повидимому, не было ни души. На окликъ его отвѣтило только ржаніе лошади, что-то жевавшей въ конюшнѣ, да лѣнивое хрюканье свиньи. Онъ обогнулъ домъ, надѣясь кого-

нибудь застать въ саду. И вотъ, подъ одной изъ яблонь, уже дававшей немного тѣни, онъ увидѣлъ растянувшуюся на сочной травѣ дѣвушку. Голова ея покоилась на приподнятыхъ рукахъ. Онъ крикнулъ еще разъ, но она только чуть-чуть приподнялась и не двинулась съ мѣста. Но когда онъ подошелъ ближе, она вдругъ разомъ вскочила на ноги. Онъ узналъ Лизу, и тутъ же замѣтилъ, что возлѣ нея, въ травѣ, валялась какая-то книга. Она оглянула его не то враждебнымъ, не то застѣнчивымъ взглядомъ: нельзя было опредѣлить, какое изъ этихъ чувствъ въ ней говорило. Она какъ будто и стыдилась своей довольно-таки неряшливой одежды, и въ то же время недружелюбно озиралась на непрошеннаго гостя.

— Извините,—началъ Ѳедя,—я не зналъ, что это усадьба вашего отца.

— Вамъ батюшку надо, что ли?—спросила она:—его нѣтъ дома.

Норма подошла было къ ней и принялась ее недовѣрчиво обнюхивать. Лиза отстранила ее почти сердитымъ движеніемъ, и собака отошла прочь.

— Нѣтъ, я сюда не по дѣлу,—смѣясь отозвался Ѳедя.—Видите, я былъ на охотѣ, только ничего не застрѣлилъ... И онъ сказалъ ей, что заблудился и зашелъ, чтобы достать стаканъ молока.

— Проголодались, вотъ какъ!—Она улыбнулась, показывая блестящіе зубы,—я вамъ принесу, хотите?

Поблагодаривъ ее, онъ присѣлъ, въ ожиданіи ея возвращенія, на простую скамейку, вколоченную въ землю.

Минуты черезъ три она вернулась, принеся молока и хлѣба.

— Вотъ вамъ, покушайте,—сказала она, держа кринку обѣими руками, пока онъ жадно отпивалъ глотокъ за глоткомъ.

— Спасибо вамъ: молоко славное,—поблагодарилъ онъ ее, вглядываясь въ ея зарумянившееся лицо, на

которомъ теперь и слѣда не было недавней враждебной пугливости. Оно показалось ему даже красивымъ въ эту минуту съ ея блестящими, злобными глазами и чуть-чуть оттопыренными ярко-пурпуровыми губами.

— А скажите,—спросилъ онъ вдругъ, смѣясь,—отчего вы сейчасъ, когда я подошелъ, смотрѣли на меня такъ сердито, точно я вамъ врагъ какой?

— Что-жъ, и теперь я вамъ кажусь сердитой?—разсмѣялась она сдержаннымъ груднымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ напротивъ даже,—вы теперь кажетесь доброй и совсѣмъ ручной.

— Ну, не знаю, добрая ли я,—засмѣялась она опять, продолжая стоять. Она щурилась отъ солнца, ударявшаго ей прямо въ лицо; волосы у нея выбились изъ-подъ платка и разсыпались свободными кольцами.— Что-жъ вы больше не пьете? Или довольно съ васъ?

— Пока будетъ, благодарю васъ. Поставьте-ка это сюда вотъ, на скамейку, и сами присядьте. Вотъ такъ.

Она сѣла нѣсколько поодаль отъ него, поджавъ подъ себя ноги.

— А скажите,—продолжалъ онъ,—вы всегда такъ проводите время лежа на травѣ, да съ книгою рядомъ, которую вы не читаете?

— А что вы прикажете мнѣ дѣлать? — За хозяйствомъ смотрѣть? На это у отца есть рабочіе.

Она брезгливо, почти злобно оглянула усадьбу.

— И вы находите, что вамъ заниматься нечего, благо у вашего отца много денегъ?

— Не то, чтобы нечего, а неохота, сердце не лежитъ... и дѣваться мнѣ некуда: отъ деревенскихъ я отстала, и не любятъ онѣ меня,—а въ Березовку, къ Настѣ ходить не зачѣмъ,—я все же не ихняя. И то слишкомъ часто тамъ бываю. Лишняя я у нихъ, даже говорить съ ними не о чемъ.

— Да что вы, полноте: вы въ гимназіи учитесь — стало быть вы такая же, какъ Настя.

— Ну, гдѣ мнѣ быть такой, какъ она? Я все-таки деревенская.

Скрытое озлобленіе слышалось въ ея словахъ.

— Скучно вамъ, вотъ что, Лиза.

— Правда ваша—скучно,—отвѣтила она вполголоса, промолчавъ на мигъ.

— А это нехорошо: скучать не годится, это самое послѣднее занятіе, да еще въ ваши лѣта.

Она звонко и въ то же время какъ-то дико засмѣялась.

— А что вы тутъ читали?—онъ живо всталъ и поднялъ валявшуюся въ травѣ книгу.—А, „Записки Охотника?“ И вамъ это не нравится?

— Я ихъ три раза перечитывала, а все-таки, какъ вамъ сказать?—Это не то, совсѣмъ не то: все тамъ красиво такъ, очень ужъ красиво. А здѣсь, вотъ поглядите — какая тутъ красота: и садъ-то разведенъ только для дохода.

„А, вотъ какъ!“—подумалъ Ѳедя:—„городъ значитъ подѣйствовалъ, и ученье тоже; эстетическая струнка зашевелилась. Противна стала родная обстановка... А все-таки отцовская жилка въ ней есть.“

Онъ заговорилъ съ нею уже иначе, дружелюбнѣе, и замѣтилъ, что она стала какъ бы подчиняться ему.

— Ну, вотъ, —закончилъ онъ,проболтавъ съ нею около получаса,— коли хотите, я вамъ книгъ достану — все-таки немного развлечетесь... А вы постарайтесь не дичиться.

Онъ всталъ и простился. Она проводила его до калитки. Ѳедя хотѣлъ уже пойти своей дорогой, разузнавъ наконецъ, какъ ему попасть въ Богатое, но вдругъ его обозвалъ чей-то мягкій, необыкновенно ровный голосъ.

— А, Ѳедоръ Аркадьевичъ!—окликнуль его кто-то со стороны дома.

Онъ оглянулся. Къ нему подходилъ самъ Петръ Тихоновичъ Сысоевъ, только-что успѣвшій вернуться.

— Чего вы тутъ, отстаньте, сказано вамъ—нельзя!—

отрывисто и грубовато, но совсѣмъ не возвышая голоса, остановилъ онъ трехъ мужиковъ, преслѣдовавшихъ его какими-то просьбами,—экій народъ непонятливый,—сухо засмѣялся онъ.

— О чемъ они у васъ просятъ?—обратился къ нему Ѳедя.

— Да что? Все пустяки одни: скидки хотятъ. Сняли у меня землю изъ той, которую я держу у Варвары Владиміровны, а теперь скидки требуютъ, потому, говорятъ, хлѣбъ больно плохъ. Разумѣется, пустяки!.. Ну идите, идите, внушительно, но почти добродушно крикнулъ онъ мужикамъ.

Крестьяне должно быть убѣдились, что ничего имъ не добиться отъ Петра Тихоновича: они поклонились и отошли прочь, вздыхая.

— А вотъ,—замѣтилъ Ѳедя,—къ моему отцу когда приходятъ, такъ скоро отъ нихъ не отдѣлаешься — гораздо настойчивѣе просятъ.

— Еще бы,—любезно засмѣялся Сысоевъ, — вашего батюшку уломать надѣются. Вѣдь на то онъ баринъ.

— А васъ не уломаешь?

— Да чего тутъ клянчить, помилуйте. Самъ вѣдь знаю: когда что законное просятъ—разомъ соглашусь. А то скидка, развѣ это возможно?

Ѳедя посмотрѣлъ на Лизу. Она стояла потупившись, и злое выраженіе опять легло на ея черты.

— А что, Лизавета,—искоса посмотрѣвъ на дочь, сказалъ Петръ Тихоновичъ, — гостя дорогого ничѣмъ не поподчивала, а?

— Напротивъ, ваша дочь мнѣ цѣлую кринку молока принесла, и преотличнаго,—засмѣялся Ѳедя.

— Молоко! Экое важное угощеніе!—ухмыляясь и гладя жидкую бороду, отозвался Петръ Тихоновичъ.— Ужъ извольте-ка, мнѣ честь оказать, Ѳедоръ Аркадьичъ; въ мой домишко зайдите, да чайку откушайте... Эй, Лизавета, самоваръ, да поживѣй!

Ѳедя согласился, хоть не совсѣмъ охотно. Ему пре-

тило быть въ гостяхъ у Сысоева, но его подбивало въ то же время поближе узнать этого страннаго человѣка. Петръ Тихоновичъ совсѣмъ не походилъ на другихъ разбогатѣвшихъ мужиковъ. Быстрый и юркій въ своихъ движеніяхъ, съ живыми, хотя и безцвѣтными глазами, онъ скорѣй напоминалъ ловкаго приказчика, но въ то же время было въ немъ что-то необыкновенно спокойное и совсѣмъ ужъ не льстивое, что-то говорившее объ увѣренности въ себѣ и о сознаніи собственнаго достоинства. Почти насмѣшливо глядѣло его гладкое, продолговатое лицо, звучалъ его ровный, неторопливый голосъ. Впрочемъ, Сысоевъ уже съ молодыхъ лѣтъ не шелъ по обычной крестьянской дорожкѣ. Его отецъ, заурядный цѣловальникъ, успѣлъ сколотить копѣйку. Для единственнаго сына онъ захотѣлъ однако большаго. Держалъ онъ его въ ежевыхъ рукавицахъ, но позаботился выучить уму-разуму и послѣ двухкласснаго сельскаго училища сдалъ его въ губернскую техническую школю. Изъ смышленаго мальчика вышелъ изрядный механикъ, и пока живъ былъ отецъ, молодой Сысоевъ перебывалъ на трехъ заводахъ, зарабатывая хорошее жалованье и все болѣе получая снаровку къ ремеслу и умѣнье съ людьми уживаться. Отцовскія деньги онъ пустилъ въ ходъ не по обычаю простыхъ сельскихъ кулаковъ, а разомъ завелъ лавку въ родномъ селѣ и двѣ мельницы поставилъ—мукомольную и лѣсопильную. Потомъ онъ по-немногу сталъ расширять торговлю, скупая на мѣстѣ хлѣбъ; наконецъ и за землю принялся, благо не было недостатка въ помѣщикахъ, которымъ родныя угодья приходились въ тягость. Въ свои финансовыя сѣти онъ лавливалъ не простыхъ мужиковъ — эту добычу онъ предоставлялъ мелкимъ паукамъ—а разставлялъ ихъ землевладѣльцамъ-дворянамъ, осторожно ссужая имъ деньги не за слишкомъ высокіе проценты, но за то непремѣнно подъ залогъ имѣнія.

И въ наружности Сысоева, и въ его обращеніи тоже,

замѣтенъ былъ особый складъ самороднаго капиталиста, успѣвшаго перехватить кое-что изъ ученой мудрости и отставшаго понемногу отъ родныхъ простонародныхъ обычаевъ. Поворотливый и почти худощавый Сысоевъ не обзавелся тою сытой дородностью, которая у заурянаго русскаго человѣка всегда является, какъ послѣдствіе довольства. Одѣвался онъ тоже по городскому; сапоги только носилъ онъ высокіе, по-мужицки. Да и въ рѣчи его не было уже чисто народнаго пошиба и держался онъ съ высшими, даже съ заправскими господами, преднамѣренно свободно, съ какою-то чуть-чуть насмѣшливою почтительностью.

— Ужъ вы меня не обезсудьте, Ѳедоръ Аркадьевичъ,—говорилъ онъ молодому человѣку, поднимаясь съ нимъ на крыльцо,—за то, что при васъ такъ съ народомъ обращаюсь. Иначе вѣдь нельзя-съ: на шею они, подлецы, нашему брату сѣсть готовы. И для ихъ же пользы уму-разуму ихъ учить надо.

Они вошли въ чистую горницу, слѣва отъ сѣней, въ большую, свѣтлую комнату, тщательно прибранную, съ полукруглымъ столомъ изъ краснаго дерева передъ кожанымъ диваномъ и полдюжиной ясневыхъ креселъ, обитыхъ пестрымъ ситцемъ и доставшихся Петру Кирилловичу, должно-быть, изъ какого-нибудь помѣщичьяго дома. Въ чистомъ углу висѣла икона съ лампадой, но Сысоевъ, войдя въ горницу, на нее не перекрестился.

— Какъ же это,—сказалъ Ѳедя, садясь на пододвинутое ему кресло,—вы мужикамъ для ихъ же пользы въ просьбѣ отказываете?

— Очень просто, Ѳедоръ Аркадьевичъ: народъ всегда готовъ скидки просить, или отсрочки какой, и живо влѣзеть по горло въ недоимки... А потомъ поди-ка, требуй съ него. Ему раззоръ, а намъ обида. Вѣдь онъ выгоду развѣ понимаетъ? Ему бы работать поисправнѣе, да копейку беречь про черный день. А онъ наровитъ только отъ платежа отлынивать, да денежки всѣ въ

кабакъ отнести. Значитъ, выходитъ, мы его бережемъ, когда требуемъ съ него построже.

— Ну, а коли въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь мужикъ платить не въ состояніи?—спросилъ Ѳедя.

Работница между тѣмъ, внесла самоваръ и накрыла столъ пестрою скатертью.

— Не вѣрьте этому, Ѳедоръ Аркадьевичъ, пустое; пустое они говорятъ. Работящій мужикъ всегда отъ земли барышъ себѣ возьметъ, потому сами знаете, рабочихъ ему не нанимать, — своими руками, даромъ значитъ, всю работу справитъ... Эй, Лизавета,—окликнулъ онъ дочь,—завари-ка намъ чайку: видишь, самоваръ поданъ... А которому, въ самомъ дѣлѣ, земля не подъ силу, — продолжалъ онъ, обращаясь снова къ Ѳедѣ, — оттого,—что лошадь у него пала или другой какой изъянъ причинился по хозяйству, тотъ значитъ не мужикъ настоящій, того и съ поля вонъ, какъ сорную траву... Да и чего имъ тѣсниться-то, словно муравьи въ кучѣ; кто лишнимъ оказался, того и по-боку. Коли останется одинъ народъ исправный, то и глядите, какъ заживутъ-то, и землю какъ работать станутъ. Любо-дорого, будетъ. А голытьба на что? другимъ только мѣшаетъ.

Петръ Тихоновичъ едва ли когда-либо слышалъ про борьбу за существованіе, но понималъ ее, повидимому, отлично: собственнымъ умомъ, должно-быть, до нея дошелъ.

— Да-съ, вотъ оно какъ, Ѳедоръ Аркадьевичъ!—подавая Ѳедѣ стаканъ, закончилъ Сысоевъ и самодовольно засмѣялся.—Это не по вашему, не по-господски, то-есть! Да и что говорить—господа вѣдь тоже, хоть они нашему брату мужику не чета, распустили себя, даже совсѣмъ распустили. Хозяйство у нихъ — баловство одно, доложу вамъ. Конечно, не наше это дѣло-съ — большому кораблю большое и плаваніе — только напрасно они народъ-то балуютъ, дурной примѣръ подаютъ.

Говоря это, онъ отпивалъ изъ своего стакана мел-

кими глотками. Чай Петръ Тихоновичъ пилъ не въ прикуску.

— Лизавета, а сливки-то неважные: для гостя дорогого лучшихъ не нашлось что-ли, а?

Лиза только мелькомъ повернулась къ отцу, а потомъ принялась опять, стоя у окна, барабанить пальцами по стеклу. Брови у нея были сильно нахмурены.

— Ужъ вы простите, Ѳедоръ Аркадьевичъ,—ухмыляясь добавилъ Сысоевъ:—вотъ никакъ дочку прiучить не могу за хозяйствомъ присматривать,—отъ рукъ отбилась, какъ стала въ гимназiю ходить.

Лиза опять взглянула на отца: она какъ будто хотѣла что-то сказать, но промолчала.

Ѳедѣ съ каждою минутой Петръ Тихоновичъ становился противнѣе, что-то почти дерзкое, затаенно-вызывающее слышалось ему подъ наружною, гладкою почтительностью рѣчей Сысоева. Но онъ осилилъ въ себѣ это чувство, подстрекаемый любопытствомъ.

— Вы развѣ сожалѣете, что въ гимназiю дочку отдали,—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, какъ можно: мы тоже науку цѣнить умѣемъ, даромъ что простого званiя—самъ кое-чему выучился, а дочку и подавно воспитать долженъ. Она вѣдь у меня единственная наслѣдница...

— А что торговля у васъ бойко идетъ?—спросилъ Ѳедя.

— Что за торговля! самый пустой расчетъ, доложу вамъ: сегодня гривенникъ нажилъ, завтра на четвертакъ убытокъ. Вотъ земля—другое дѣло—изъ рукъ не уйдетъ, а коли за нее взяться какъ слѣдуетъ, всегда возблагодаритъ хозяина. Не по-барскому, конечно, я съ ней справляюсь, и то сказать.

— А вы подъ этимъ словомъ что понимаете?

Сысоевъ беззвучно засмѣялся, погладивъ себѣ подбородокъ.

— Да извѣстно что,—промолвилъ онъ щурясь. — Впрочемъ, что мнѣ васъ учить: вы своего батюшку

спросите, — онъ вѣдь у насъ хозяинъ самый первѣющій.

Насмѣшка въ словахъ Сысоева была такъ очевидна, что Ѳедя невольно покраснѣлъ и отвѣтилъ съ нѣкоторою рѣзкостью.

— Ну, хозяйство моего отца на ваше, разумѣется, не похоже, и вы ему подражать не станете. Я хотѣлъ васъ только разспросить, какъ вы дѣло ведете небольшихъ размѣровъ.

— Размѣры, положимъ, небольшіе пока,—отвѣтилъ Сысоевъ,—а со временемъ, съ Божіею помощью, кто знаетъ? можетъ и побольше станутъ, можетъ и изъ вашей Богатовской вотчины кое-что къ намъ перепадетъ, даромъ что мы люди маленькіе.

— Ну, это ужъ едва ли! Отецъ земли продавать не станетъ, да и не зачѣмъ ему.

— Не зачѣмъ? Вы такъ думать изволите? Ну, поживемъ—увидимъ.

Ѳедя молча всталъ и взялся за шляпу.

— Вы на меня сердиться не извольте, Ѳедоръ Аркадьичъ,—сталъ извиняться Сысоевъ,—коли я такъ, по-глупости, слово брякнулъ. А коли не вѣрите мнѣ, у своего батюшки разспросите... Чайку вамъ больше не угодно-съ.

Ѳедя отвернулся и вышелъ. Сысоевъ провожалъ его, усиленно кланяясь. Онъ уже спустился съ крыльца, какъ его догнала Лиза.

— До свиданія, Лиза,—сказалъ ей онъ, подавая руку.—А слово я сдержу, и пришлю вамъ книгу.

— Спасибо вамъ, спасибо,—живо отвѣтила она и потомъ добавила вполголоса:—Берегитесь моего отца, и батюшкѣ своему тоже про это скажите.

Она не дождалась отвѣта и бѣгомъ скрылась за калиткой.

X.

Андрей Кирилловичъ Горностаевъ безпокойно расхаживалъ по небольшой террасѣ Варваровскаго дома, то и дѣло раскашливаясь и по временамъ отпивая изъ стакана съ содовою водой. Петербургскій климатъ и канцелярская дѣятельность снабдили его вѣчнымъ кашлемъ и хроническимъ катарромъ желудка. Онъ уже десять дней провелъ въ Варваровкѣ, и нельзя сказать, чтобы деревенское житье пришлось ему по вкусу. Все его тутъ раздражало: и лай собакъ, и неугомонное пѣніе ночныхъ пѣтуховъ и прежде всего самый видъ деревни, въ которой его чиновничьи глаза усматривали что-то неряшливое и совсѣмъ неподходящее подъ установленную форму. Особенно не выносилъ онъ мужиковъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ его оффиціальному представленію о сельскихъ обывателяхъ. Онъ какъ-то разъ вступилъ въ разговоръ съ двумя крестьянами, пришедшими въ усадьбу съ какой-то просьбой, и рѣшительно не могъ добиться. чего они собственно хотятъ. Они слушали его, скрестя руки и опустивъ глаза, очевидно смущенные его мудреными рѣчами, и тупое недовѣріе къ нему сказывалось на ихъ неподвижныхъ лицахъ.

— Что за глупый народъ!—отозвался онъ на ихъ счетъ послѣ неудачной попытки войти въ ихъ положеніе.—Въ толкъ не возьмешь, чего имъ надо.

А мужики съ своей стороны изъ разговора съ Андреемъ Кирилловичемъ тоже не вынесли особенно лестнаго мнѣнія о немъ.

— А баринъ вѣдь чудной,—почесывая затылокъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, когда Андрей Кирилловичъ, покончивъ съ бесѣдой, отошелъ прочь.—Наше ему дѣло видно невдомекъ.

— Ча-а-го, — засмѣялся другой — нешто онъ понимаетъ?

Андрей Кирилловичъ былъ въ Варваровкѣ только

проѣздомъ, собираясь на Кавказскія воды, куда врачи его послали для поправленія печени. Онъ нѣсколько разъ уже пробовалъ уговорить жену поѣхать туда съ нимъ, но Варвара Владиміровна постоянно отвѣчала съ мягкою уклончивостью.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь на Кавказъ, Варя? лишній разъ повторилъ онъ свое увѣщаніе, останавливаясь передъ женой, сидѣвшей на низкой качалкѣ.

— Я тебѣ уже говорила, Андрей: я не ѣду съ тобой, чтобы лишняго не тратить, тамъ, говорятъ, такъ дорого.

И глаза ея улыбались ему съ самымъ искреннимъ сожалѣніемъ

— Дорого!—Онъ повелъ плечами—кабы дѣло шло о туалетахъ какихъ-нибудь, либо о ложѣ въ оперу, ты бы денегъ не пожалѣла. Зимой въ Петербургѣ я этого слова отъ тебя никогда не слышу. А теперь вотъ, когда мнѣ хотѣлось бы тебя взять съ собой...

— Да какъ разъ потому,—съ самымъ невиннымъ выраженіемъ на лицѣ возразила она,—что зимой мы тратимъ такъ много, я лѣтомъ и должна быть вдвойнѣ бережлива. Тебѣ слѣдовало бы меня похвалить за это. Или ты думаешь, мнѣ здѣсь весело?

— Еще бы!—грузно разсмѣялся Андрей Кирилловичъ,—я не знаю, какъ ты переносишь это житье, особенно съ твоими вкусами.

— А сосѣди! что за народъ! Вѣдь говоришь съ ними точно на разныхъ языкахъ. Чтобы съ ними столковаться, для нашего брата почти что переводчикъ нуженъ. И что за пустые интересы, что за узкій кругозоръ! Или я глупъ, или они ужъ очень того...

Говоря это, Андрей Кирилловичъ, конечно, не допускалъ мысли о собственной глупости. Не получивъ отвѣта, онъ продолжалъ все въ томъ же самодовольномъ тонѣ.

— Вотъ хоть бы этотъ Аркадій Степановичъ, который чуть не каждый день сюда таскается, — человѣкъ

съ большимъ состояніемъ, кажется, со связями, молодость провелъ въ Петербургѣ, а что онъ такой? Старый фатъ, уѣздный вельможа, чучело, набитое провинціальной спѣсью. Хвастается своимъ поваромъ да лошадьми. А вѣдь какой тонъ; съ какой самоувѣренностью говоритъ! Вчера еще, когда онъ здѣсь обѣдалъ—охота тебѣ его принимать, право, да еще такъ любезно—„вы Россіи не знаете", это онъ мнѣ-то говоритъ, мнѣ, „бумага отъ васъ дѣло заслоняетъ". И съ какимъ презрѣніемъ! Точно въ самомъ дѣлѣ намъ у этихъ дураковъ провинціаловъ учиться приходится. Скажи пожалуйста, онъ сильно за тобой ухаживаетъ, этотъ Клусовъ? Влюбленъ въ тебя, а?

Варвара Владиміровна отвѣтила на это лишь самою очаровательною улыбкой, насмѣшливость которой мужъ могъ отнести вполнѣ на счетъ Аркадія Степановича. Андрей Кирилловичъ такъ и сдѣлалъ. Въ сущности онъ вѣрилъ женѣ слѣпо. Бывали у него, правда, вспышки неуклюжей и неумѣлой ревности, хватавшейся за перваго встрѣчнаго, но проходили онѣ скоро, убаюканныя ласковымъ ея спокойствіемъ. Этотъ опытный канцелярскій дѣлецъ, прекрасно знавшій всѣ ходы въ своемъ бюрократическомъ міркѣ, совершенно утрачивалъ свою хитрую сметку въ настоящей, дѣйствительной жизни, и одурачить его было очень не трудно. Онъ походилъ на крота, прекрасно умѣющаго рыться подъ землей, но вполнѣ безпомощнаго на солнечномъ свѣтѣ. Жену онъ по своему любилъ, насколько любовь была доступна его натурѣ, изсушенной терпѣливымъ карабканіемъ вверхъ по административной лѣстницѣ. Иногда даже что-то похожее на страсть въ немъ прорывалось, но онъ какъ-то стыдился этого, сознавая, должно быть, что совсѣмъ не пристали къ нему неловкія попытки супружеской нѣжности. Варвара Владиміровна обращалась съ нимъ въ такія минуты, какъ опытный ѣздокъ обращается съ лошадью, которая начинаетъ шалить: она отвѣчала ему съ какой-то шутливой снисходительностью, будто удивленная неожиданностью такихъ порывовъ.

И онъ скоро успокоивался, не догадываясь даже, что совсѣмъ не знаетъ своей жены, что ея внутренній міръ закрытъ передъ нимъ, какъ книга о семи печатяхъ.

На слѣдующій день Андрей Кирилловичъ собрался въ путь. Къ двѣнадцати часамъ пріѣхала Надежда Максимовна проститься съ зятемъ. Она его крѣпко недолюбливала, находя, что онъ не стоитъ и мезинца ея дорогой Вари, но старательно поддерживала съ нимъ добрыя отношенія. Твердо блюсти согласіе въ семьѣ было ея непреклоннымъ правиломъ. Передъ самымъ отъѣздомъ зятя, она напомнила ему про старинный обычай присѣсть на минуту и потомъ вмѣстѣ помолиться. Андрей Кирилловичъ подчинился этому обряду, сдѣлавъ однако слегка насмѣшливую гримасу: ко всему, что пахло стариной, онъ вообще относился съ нѣкоторою презрительностью.

— Ну, Христосъ съ вами,—сказала ему Надежда Максимовна, крестя его и цѣлуя, пока онъ довольно небрежно приложился къ ея все еще свѣжей и красивой рукѣ. — Дай вамъ Богъ успѣшно полечиться и къ намъ пріѣхать совсѣмъ здоровымъ. По-моему и ѣхать-то вамъ не зачѣмъ: воздухъ у насъ отличный, и здѣсь бы, въ Варваровкѣ, поправились... Вѣдь не годится молодой женѣ давать одной такъ долго скучать. Правда, Варя у меня умница большая...

— Еще бы не умница!—отозвался онъ, нетерпѣливо взглядывая на часы. — Съ вами не соскучится — она деревню любитъ.

Андрей Кирилловичъ придалъ этимъ словамъ нѣсколько ироническій оттѣнокъ, но Надежда Максимовна этого не замѣтила: ей и въ голову не приходило, чтобы можно было соскучиться въ деревнѣ.

— А когда вернетесь,—настаивала она,—побудьте у насъ подольше, побалуйте Варю.

— И радъ бы душой, да отпускъ у меня всего на два мѣсяца. Сами знаете, сколько дѣла у меня въ Петербургѣ...

— А жена и деревня — это не дѣло развѣ?... Ну, прощайте, прощайте: не стану васъ задерживать моей болтовней.

Лошади были уже поданы, но въ ту самую минуту, какъ Андрей Кириллловичъ совсѣмъ уже собрался уѣхать, послышался стукъ колесъ и звяканье бубенчиковъ, и Аркадій Степановичъ вошелъ своей быстрой походкой молодящагося былого красавца. Лакей вносилъ за нимъ какой-то пышный тепличный цвѣтокъ въ красивой фаянсовой вазѣ.

— Это вы мужу подносите на дорогу?— разсмѣялась Варвара Владиміровна.

Аркадій Степановичъ почти обидѣлся.

— Вы забыли развѣ,—сказалъ онъ, любезно и красиво поздоровавшись со всѣми,—что вчера я вамъ обѣщалъ этотъ цвѣтокъ привезти. Это кактусъ грандифлора — большая рѣдкость! Уже цѣлыхъ десять лѣтъ возится съ нимъ мой садовникъ, а зацвѣлъ только въ первый разъ. Посмотрите, какъ чудесно пахнетъ.

Цвѣтокъ въ самомъ дѣлѣ успѣлъ уже наполнить комнату своимъ крѣпкимъ ванильнымъ ароматомъ. Молодая женщина разсѣянно взглянула на рѣдкое произведеніе садоваго искусства и поблагодарила Аркадія Степановича какъ-то вскользь. Несмотря на это, однако Андрей Кирилловичъ былъ замѣтно недоволенъ пріѣздомъ Клусова. У нихъ произошелъ даже обмѣнъ не совсѣмъ любезныхъ замѣчаній.

— Вы, конечно, не ограничитесь однимъ леченіемъ,— сказалъ Аркадій Степановичъ, — и воспользуетесь случаемъ, чтобы слегка изучить Кавказъ? Вопросы тамъ что ли какіе-нибудь поднять...

— Вопросъ вѣдь поднятъ давно,—важно отчеканилъ Горностаевъ,—и требуетъ разрѣшенія.

— Ну, за этимъ дѣло, разумѣется, не станетъ,— ухмыльнулся Клусовъ.—Мимоходомъ, такъ, между стаканомъ нарзана и утреннимъ чаемъ... Это даже очень удобно.

— Что дѣлать? Мы люди занятые, не то, что здѣсь, гдѣ у всякаго запасъ большой свободнаго времени.

Имъ рѣшительно нельзя было при каждой встрѣчѣ не столкнуться враждебно. Добродушнаго весельчака Клусова такъ и подмывало поглумиться надъ чиновничьей дѣловитостью Андрея Кирилловича, а Горностаевъ, въ свою очередь, питалъ инстинктивную нелюбовь къ этому крупному барину съ его широкими размашистыми манерами и увѣреннымъ тономъ человѣка, которому давно уже не приходилось предъ кѣмъ-либо кланяться. Оба они считали другъ друга совершенно пустыми людьми, и каждый вдобавокъ въ другомъ видѣлъ представителя чужой, ненавистной среды.

Они простились другъ съ другомъ очень сухо, и когда Андрей Кирилловичъ вышелъ въ сѣни, онъ вполголоса сказалъ провожавшей его Надеждѣ Максимовнѣ.

— А вамъ бы за этимъ господиномъ присмотрѣть немножко: онъ очень ужъ что-то пріударяетъ за Варей.

— Что вы, Андрей Кирилловичъ, помилуйте. Да Аркадій Степановичъ мнѣ ровестникъ, онъ бывшій опекунъ моихъ дѣтей. Чтобъ онъ за Варей пріударять сталъ! Не грѣшно ли вамъ?

Несмотря однако на эти увѣщанія, Андрей Кирилловичъ хотя и не думалъ сомнѣваться въ своей супружеской безопасности, но всю дорогу до станціи былъ сильно не въ духѣ. Самъ онъ не зналъ хорошенько, что его раздражало. Но его превосходительныя уста не разъ обращались къ кучеру съ крѣпкимъ словцомъ, а про себя онъ не переставалъ сердито бормотать: „провинціальная глушь... медвѣди неотесанные... ишь, дорогъ не умѣютъ держать въ порядкѣ“,—тарантасъ его только-что сильно подтолкнуло,—„а бранятъ правительство! Скрутить бы ихъ, скрутить въ бараній рогъ!“

Аркадій Степановичъ былъ слегка обиженъ невниманіемъ, съ которымъ былъ принятъ его рѣдкій подарокъ. Но, разумѣется, онъ не подалъ вида, что это его

разсердило, и придалъ себѣ только нѣкоторый оттѣнокъ величаваго достоинства, какъ дѣлаютъ актеры, играющіе благородныхъ отцовъ. Присутствіе Надежды Максимовны его также стѣсняло: она слишкомъ привыкла видѣть въ немъ прежняго опекуна своей Вари, съ которой онъ въ былые годы обращался, какъ съ ребенкомъ. Онъ до сихъ поръ не встрѣчался съ нею въ Варваровкѣ, и перемѣна въ его тонѣ и манерахъ была для нея уже слишкомъ замѣтна. Варвару Владиміровну, со времени ея замужества, онъ видѣлъ лишь мелькомъ, и роль ея обожателя была для него чѣмъ-то новымъ, до того новымъ, что онъ немного ея стыдился. Не мудрено, что онъ нетерпѣливо дожидался отъѣзда Надежды Максимовны, и лишь коротко и разсѣянно отвѣчалъ на ея дружескіе разспросы.

— Что, какъ вы своимъ Ѳедей довольны?—говорила, собираясь уѣзжать, Надежда Максимовна. — Славный вѣдь мальчикъ! Все его своему сорванцу Колѣ въ примѣръ ставлю. Веселый такой, прямой, открытый. Будетъ вамъ кому отдать съ полнымъ довѣріемъ свое Богатое.

Надежда Максимовна вздохнула. А ея собесѣдникъ, вовсе не думавшій сходить пока со сцены, недовольнымъ голосомъ выронилъ только нѣсколько мало понятныхъ звуковъ.

— А что, какъ нынче идетъ хозяйство?..—Она вспомнила, что давно хотѣла переговорить объ этомъ съ Аркадіемъ Степановичемъ и предостеречь его отъ излишняго довѣрія къ заморскому управляющему. И она принялась участливо журить его за черезчуръ ужъ широкія и рискованныя нововведенія. Аркадій Степановичъ очень не любилъ, когда касались этой темы. Какъ всѣ люди, хорошо сознающіе, что дѣла ихъ приходятъ въ разстройство, онъ избѣгалъ не только говорить, но и думать объ этомъ.

— Я что-то слышалъ—вы Лисицынскій лѣсъ продали,—замѣтилъ онъ какъ бы вскользь, а въ сущности

заговорилъ объ этомъ въ отместку за непрошенное напоминаніе про его собственныя дѣла. Чуть замѣтная краска выступила при этихъ словахъ на лицѣ Надежды Максимовны, но она отвѣтила совершенно равнодушнымъ тономъ.

— Продала: давали такую хорошую цѣну, что соблазнилась.—Настоящую причину она ни за что бы не выдала даже Аркадію Степановичу. Дочь ея между тѣмъ, для которой этотъ разговоръ представлялъ мало интереса, встала и вышла.—Бѣдная Варя,—продолжала Надежда Максимовна, слегка наклоняясь къ Аркадію Степановичу: — легко ли ей въ эти годы почти все лѣто оставаться одной съ цѣлымъ хозяйствомъ на рукахъ? Я, правда, тутъ подъ бокомъ, да что я ей за товарка? И въ совѣтчицы-то я ей не гожусь. Варя, правда, умница большая, но и она соскучиться можетъ, а плохое дѣло скука, совсѣмъ плохое. Спасибо вамъ, что вы къ ней наѣзжаете частенько; бывайте у нея, даже присматривайте за ней, — это не мѣшаетъ: вы ей почти-что второй отецъ...

Это было настоящею пыткой для Аркадія Степановича, и старинная его дружба съ Надеждою Максимовной сильно пострадала въ этотъ день. Онъ сталъ отмахиваться раздушеннымъ платкомъ, увѣряя, что становится невыносимо жарко.

Наконецъ она уѣхала. Онъ мигомъ преобразился, точно маска спала съ его лица.

— У васъ что-то на сердцѣ сегодня, Варвара Владиміровна?—заговорилъ онъ своимъ ласкающимъ, красивымъ, хоть и чуть-чуть надорваннымъ голосомъ.— Да, да, скрывайтесь отъ меня сколько хотите, я вѣдь ваши мысли читаю, какъ собственныя.

Молодая женщина не старалась его разувѣрить. Она не сказала ему однако, что именно ее тревожило, намѣренно скрывая предметъ своихъ заботъ. Это конечно его только раззадорило. Варвара Владиміровна съ скромною граціей въ позѣ, съ выраженіемъ очаровательной

безпомощности въ глазахъ намекнула, правда, что жизнь не всегда такая гладкая, какъ кажется, и у тѣхъ, кто смѣется, часто скрывается подавленное горе. Но когда онъ, полный участія, захотѣлъ поближе узнать, въ чемъ состоитъ это горе, увѣряя, что онъ сумѣетъ ее утѣшить, она, словно боясь высказаться, отвѣтила, качая головой:

— Нѣтъ, гдѣ вамъ, гдѣ вамъ! И право лучше не говорить объ этомъ. Я вотъ раскаиваюсь теперь, что созналась передъ вами: надо умѣть нести свои заботы одной...

Она быстрымъ движеніемъ поднесла къ глазамъ платокъ, хотя глаза ея были совершенно сухи. Разумѣется, ея слова только подлили масло въ огонь. Аркадій Степановичъ, какъ бы невольно, пододвинулъ къ ней свое кресло и заговорилъ горячо, такъ горячо, какъ очень уже давно ему не приводилось высказываться ни предъ одной женщиной. Онъ увѣрялъ молодую женщину, что ему, испытанному другу ея семьи, она можетъ довѣриться вполнѣ, что тайну ея онъ сохранитъ въ своемъ преданномъ сердцѣ... И чѣмъ дальше уносило его краснорѣчіе, тѣмъ чаще онъ упоминалъ объ этомъ сердцѣ и объ этой преданности. Старинный другъ даже стушевался понемногу передъ страстнымъ, хотя далеко уже не молодымъ, утѣшителемъ... Не было такой жертвы, повторялъ онъ не разъ, которую онъ съ радостью не готовъ бы принести, чтобъ осушить ея слезы, чтобы скрасить ея невеселую жизнь...

— Да, говорилъ онъ,—вѣдь я знаю, что васъ не можетъ понять тотъ человѣкъ, которому вы довѣрили свою жизнь, свое счастье... довѣрили въ такіе молодые годы, когда вы не могли еще сдѣлать сознательный выборъ...

И онъ далъ ей понять очень прозрачнымъ намекомъ, что этотъ неосторожный выборъ ея не можетъ связывать теперь, когда у нея раскрылись глаза насчетъ мужа, что она въ правѣ располагать собой, потому что для женщины нѣтъ иного долга, кромѣ того, который

подсказываетъ ей сердце. Варвара Владиміровна слушала его, ни чуть не смущенная этими пламенными увѣреніями, не совсѣмъ подходившими къ роли безкорыстнаго друга и прежняго опекуна. Она сдѣлала видъ, что не догадывается объ ихъ истинномъ смыслѣ, и отвѣчала ему съ самою очаровательною невинностью, такъ мило сквозившею черезъ опущенныя вѣки. На самомъ дѣлѣ она только обдумывала про себя, какъ ей лучше воспользоваться его нѣжною преданностью. И мало-помалу, какъ бы невольно, она уступила его просьбамъ и дала ему выпытать у себя долго скрываемую тайну. Она призналась, что у нея произошла тяжелая сцена съ мужемъ, грубо упрекавшимъ ее за неосторожность, съ которой она запуталась въ непосильныхъ расходахъ; она вѣдь такъ неопытна еще, быть-можетъ даже легкомысленна немножко—она готова была винить себя за это—но мужу слѣдовало предостеречь ее во-время, остановить. Но у него одинъ только интересъ въ жизни—его служба, его карьера. (Аркадій Степановичъ усмѣхнулся презрительно, услыхавъ это). И объявилъ ей напрямикъ, что приходить къ ней на помощь не намѣренъ, и пусть она остается въ деревнѣ, гдѣ не будетъ у нея, по крайней мѣрѣ, искушенія сорить деньгами на пустяки, коли въ Петербургѣ не умѣетъ жить по средствамъ.

Горькая иронія звучала въ ея голосѣ, когда она говорила это.

— Сорить деньгами!—повторила она и двѣ слезинки, блестящія какъ хрусталь, скатились съ ея рѣсницъ.— Какъ будто я въ самомъ дѣлѣ мотовка. Я только дѣлаю то же, что̀ другія... Я думала, что при его служебномъ положеніи у него должно хватить средствъ... Мы въ сущности живемъ вѣдь такъ скромно.

Аркадій Степановичъ и не думалъ упрекать ее. Онъ принялъ рѣшительно ея сторону.

— Какъ! Запереть въ деревнѣ молодую, хорошенькую жену! Развѣ это позволительно, развѣ это возможно?

И, совершенно потерявъ голову отъ обворожительныхъ картинъ, которыя уже носились предъ его воображеніемъ, онъ предложилъ ей, немного робѣя, свои услуги, чтобы выпутать ее изъ стѣсненнаго положенія. Сперва она какъ будто ужаснулась его словъ, но потомъ сумѣла-таки принять такъ охотно предложенную помощь и сдѣлать это съ тою же невинностью во взглядѣ, которая не покидала ее во все время этого страннаго разговора. И Аркадій Степановичъ уѣхалъ изъ Варваровки, весь упоенный надеждою и совершенно забывая какія обязательства онъ принялъ добровольно на себя.

Дома онъ засталъ жену, давно поджидавшую его: онъ не сказалъ ей, что не вернется къ обѣду. За послѣднее время онъ вообще видѣлся съ ней мало и какъ-то избѣгалъ оставаться съ нею наединѣ. Когда онъ вошелъ въ ея комнату, что-то похожее на угрызеніе совѣсти зашевелилось въ немъ. Въ этотъ вечеръ она казалась особенно грустною, и видъ ея блѣднаго, кроткаго лица возбудилъ его жалость, и въ первый разъ, быть-можетъ, боязнь ея лишиться явственно въ немъ заговорила. Она вѣдь была такою вѣрною спутницей его жизни, и никогда, никогда эти добрыя, покорныя губы не проронили ни одного упрека. Съ нѣкоторыхъ поръ только она робко говорила ему, что тревожится за будущее, за своего Ѳедю: что съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея отецъ, дѣла ихъ стали все болѣе запутываться. Но и на этомъ она не хотѣла настаивать. Но Аркадія Степановича покорная кротость жены втайнѣ только раздражала, въ то же время какъ бы помогая ему оправдываться въ собственныхъ глазахъ. Вполнѣ привязать его къ себѣ, думалъ онъ, могла только сильная натура, такая же пылкая и горячая, какъ его собственная. А его бѣдная жена даже въ молодые годы никуда не стремилась, не увлекала его за собой, а только слабо, хоть и нѣжно, вторила каждому его чувству. Аркадій Степановичъ чистосердечно воображалъ себя орломъ, когда ему случалось вспоминать про старинныя ша-

лости, въ которыхъ ему мерещилась не вѣсть какая прыть. И въ этотъ вечеръ, пока онъ старался разсѣять грустное настроеніе жены, онъ глядѣлъ на нее съ какою-то снисходительною жалостью, какъ сильные люди смотрятъ на безпомощное, хилое существо. А на самомъ дѣлѣ это горделивое состраданіе помогало ему успокоить зашевелившуюся совѣсть, увѣрить себя, что онъ ни въ чемъ не виноватъ предъ Марьею Александровной.

А въ Варваровкѣ, между тѣмъ, вотъ что происходило. Послѣ отъѣзда Аркадія Степановича, Варвара Владиміровна сошла въ садъ, куда манила ее душистая, освѣщенная мѣсяцемъ, ночь. Садъ былъ очень невеликъ и неказистъ, и днемъ молодыя, недавно посаженныя деревья почти не давали тѣни. Но теперь, купаясь въ волнахъ мѣсячнаго свѣта, скромная листва блестѣла въ богатомъ убранствѣ; что-то задорное, праздничное, возбуждающее было въ этой бѣлой роскоши лунныхъ лучей. Ничто не шевелилось, даже листъ не дрожалъ, и какъ ни чутокъ былъ прозрачный, не дремлющій воздухъ, ни одинъ звукъ не проносился по немъ даже издали. Молодой женщинѣ какъ-то страшно стало отъ этой свѣтлой тишины: она замедлила шагъ, точно охваченная нерѣшительностью, и Богъ вѣсть, что за мысли волновали въ этотъ вечеръ ея всегда спокойную голову. Улыбки на ея лицѣ не было, а легло на него загадочное, неподвижное выраженіе, какъ отпечатокъ упорной нерадостной думы.

Вдругъ она встрепенулась: ей послышался отдаленный топотъ приближавшейся лошади. Она подошла къ самой рѣшеткѣ и оглянула дорогу, всю залитую мѣсяцемъ. Топотъ становился все явственнѣе, и вотъ уже вблизи показался всадникъ, скакавшій короткимъ галопомъ. Ровно, точно отбивая тактъ, ударялись о землю копыта лошади. Подъѣзжая, всадникъ все умѣрялъ шагъ, и вотъ онъ, должно быть, увидѣлъ ее и тотчасъ направилъ своего коня къ мѣсту, гдѣ она стояла.

— Вы сюда?—спросила молодая женщина, узнавшая Ѳедю.

— А можно?—спросилъ онъ почти шепотомъ, нагибаясь къ ней.—Не слишкомъ поздно?

— Да вы ѣхали сюда,—отвѣтила она засмѣявшись,—а теперь боитесь войти.

Онъ соскочилъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву. Тутъ почти рядомъ кстати оказалась калитка.

— Ну вотъ это чудесно,—заговорилъ онъ веселымъ, взволнованнымъ голосомъ, поздоровавшись съ нею,—романтически таинственно! Меня, кажется, до сихъ поръ замѣтилъ одинъ только мѣсяцъ... Знаете, что? Останемтесь здѣсь, въ саду, чтобы никто у васъ въ домѣ не подозрѣвалъ, что я былъ здѣсь. И потомъ я уѣду тоже никѣмъ незамѣченный: это почти будетъ похоже на приключеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—захохотала она,—совсѣмъ даже нѣтъ! Я, напротивъ, въ набатъ ударю, чтобы всѣ знали, что вы здѣсь. Зачѣмъ мнѣ скрываться? Пойдемте къ дому.

— Варвара Владиміровна, пожалуйста... милая, Варвара Владиміровна, сдѣлайте хоть разочекъ по-моему. Вѣдь это такъ весело себя молодыми чувствовать и пошкольничать немножко.

— Я школьничать совсѣмъ неохотница, а романтизма вашего и впрямь терпѣть не могу.

Вышло однако-жъ въ концѣ-концовъ такъ, какъ хотѣлось Ѳедѣ. Она заразилась его желаніемъ поребячиться, словно на нее повѣяло свѣжимъ задоромъ молодости; и она тоже ощущала потребность почувствовать себя совсѣмъ молодою и тѣмъ разогнать недобрую думу, преслѣдовавшую ее весь этотъ вечеръ. Долго они ходили взадъ и впередъ по саду, и Варвара Владиміровна, опершись на его руку, съ тайнымъ наслажденіемъ внимала его восторженнымъ рѣчамъ, точно приподнятымъ радостною, возбуждающею тишиной ночи. Потомъ они усѣлись рядомъ на скамейкѣ, подставляя свои лица молочнымъ лучамъ мѣсяца. Необъятная,

озаренная даль разстилалась передъ ними, широкая, какъ сама поджидавшая ихъ жизнь. Долго, горячо нелѣпо говорилъ онъ ей про свою любовь, про очарованіе, которымъ она обдала его съ первой же ихъ встрѣчи, и ей казалось, что никогда еще до сихъ поръ, хоть она много успѣла пережить впечатлѣній, ей не доводилось слушать такія искреннія, свѣтлыя, чистыя слова любви и восторга. Полночь застала ихъ въ этой ребяческой бесѣдѣ. Мѣрно, строго, внушительно пробило двѣнадцать на большихъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ въ гостиной, точно они посылали сквозь открытыя двери террасы напоминаніе о забытой дѣйствительности.

— Ну, прощайте... довольно... будетъ съ васъ,—сказала она поднимаясь и протягивая ему руку. Онъ крѣпко пожалъ эту руку и она отвѣтила на его пожатіе. Но онъ не пытался остановить ее и въ какомъ-то оцѣпенѣніи не двинулся съ мѣста.—Пріѣзжайте завтра обѣдать,—добавила она, отойдя на нѣсколько шаговъ и оборачиваясь къ нему. Еще разъ онъ вглядѣлся въ ея лицо влюбленными глазами. Она ушла, но Ѳедя еще долго просидѣлъ на скамейкѣ, весь охваченный сладостною мечтой, и никакихъ сомнѣній у него теперь не оставалось на душѣ насчетъ женщины, предъ которой онъ только-что излилъ все свое молодое, неопытное сердце.

XI.

Прошло нѣсколько недѣль. Ѳедя видѣлся часто съ Варварой Владиміровной то у нея, то въ Березовкѣ, и все сильнѣе поддавался ея обаянію. Молодой человѣкъ находился въ томъ періодѣ любви, когда слѣпо благоговѣешь предъ своимъ предметомъ, не задумываясь о будущемъ, потому что настоящее слишкомъ ужъ хорошо. Варвара Владиміровна была для него святыней,

и только. Въ возрастѣ Ѳеди и при его неопытности такое положеніе могло тянуться довольно долго. Варвара Владиміровна приняла свои мѣры, чтобы оставить его въ этомъ обольстительномъ чаду. Разумѣется, между ними давно произошло то рѣшающее объясненіе, которое всегда очень скоро наступаетъ между тревожно влюбленнымъ юношей и женщиной, спокойно расчитывающей каждое сказанное ею слово. Онъ повѣрилъ, что она вышла замужъ поневолѣ, что много горькихъ слезъ она выплакала, когда узнала, каковъ ея мужъ, но что она оставалась невинною жертвой несчастнаго брака, вполнѣ безупречной передъ этимъ мужемъ.

Странное дѣло. Хотя Аркадій Степановичъ тоже очень часто бывалъ въ Варваровкѣ, Ѳедя съ нимъ почти не встрѣчался. Оба они и не подозрѣвали даже, что были соперниками. Былъ однако человѣкъ, который догадывался о томъ, что происходило, и отлично понималъ ловкую игру Варвары Владиміровны,—человѣкъ этотъ былъ ея братъ. При встрѣчахъ съ Ѳедей, онъ многозначительно и двусмысленно улыбался и, пожимая руку товарища, словно говорилъ: „Знаю, мой милый, чего ты добиваешься. Только не воображай, чтобы мнѣ сумѣлъ отвести глаза“.

Старательное ухаживанье Аркадія Степановича Коля тоже давно замѣтилъ и много хохоталъ надъ этимъ про себя. Въ присутствіи матери онъ уже раза два таинственно намекалъ на какія-то зародившіяся у него подозрѣнія и сильно встревожилъ этимъ Надежду Максимовну. Отъ положительныхъ объясненій достойный молодой человѣкъ однако увернулся. Ему пока надо было только вызвать у нея смутное безпокойство. Прямое вмѣшательство онъ откладывалъ до болѣе рѣшительной минуты.

Съ нѣкоторыхъ поръ ему казалось, что минута эта приближается. Ѳедя избѣгалъ съ нимъ встрѣчаться, высказывая передъ нимъ не то смущеніе, не то холодность,

но разъ, когда онъ невзначай засталъ его у сестры, покраснѣлъ до ушей, какъ виноватый.

Однажды послѣ длинной бесѣды съ Варварой Владиміровной, въ которой онъ, казалось, еще глубже проникъ въ ея душу, Ѳедя, заранѣе предвкушая грезившееся близкое счастье, пустился бродить по окрестностямъ Варваровки, чтобы наединѣ, подъ ласковою тѣнью лѣса, до свѣта насладиться переполнившими его впечатлѣніями. Природа, извѣстное дѣло, лучшая повѣренная влюбленныхъ. Лѣсъ такъ дружелюбно обступалъ его, какъ бы желая сберечь его тайну; мягкій шелестъ листьевъ такъ сладко нашептывалъ ему добрыя сочувственныя рѣчи. У него такъ было хорошо на сердцѣ, что каждаго, кого бы онъ ни встрѣтилъ, Ѳедя былъ готовъ подарить ласковымъ словомъ. И вотъ, углубившись въ самую чащу, онъ увидѣлъ сидѣвшую на старомъ пнѣ дочь Сысоева, Лизу. Увидѣвъ его, она покраснѣла почему-то и, вспрыгнувъ на ноги, глянула на него смущенными глазами. Прежней враждебности уже не было въ этихъ глазахъ, но что-то пугливое, немного дикое въ нихъ осталось.

— Что вы это такое неудобное мѣсто выбираете себѣ для чтенія?—спросилъ онъ.

— Что-жъ тутъ неудобнаго? Здѣсь хорошо, тихо... не помѣшаютъ, по крайней мѣрѣ.

— Видите, однако, я помѣшалъ!—засмѣялся онъ.

— Ну, вы... другое дѣло!.. Она сама не знала, что хотѣла выразить невольно вырвавшимися у нея словами, и покраснѣла сильнѣе прежняго.—У насъ дома гораздо хуже, добавила она:—нѣтъ тѣни, и на самомъ юру... и все народъ къ батюшкѣ по дѣламъ приходитъ. И не люблю я тамъ оставаться... а за послѣднее время—она понизила голосъ и опустила глаза—стала любить еще меньше.

— Вотъ какъ! Вамъ скучно, Лиза, да? И чего добраго, книжки, которыя я вамъ далъ—онъ давно исполнилъ свое обѣщаніе—еще усиливаютъ въ васъ это чув-

ство? Въ такомъ случаѣ напрасно я вамъ прислалъ ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро, почти страстно отвѣтила она,—я не знаю даже, какъ мнѣ васъ за нихъ благодарить. Вы говорите, скука. Напротивъ, читать — мое единственное удовольствіе... Послѣ только, какъ задумаешься надъ прочитаннымъ, еще тяжелѣе прежняго становится.

— Тяжелѣе? отчего?

— Контрастъ, должно-быть, слишкомъ великъ между тѣмъ, что въ книжкѣ написано, и дѣйствительностью.

Ѳедю заинтересовало пробужденіе въ ней недовольства домашнею средой и стремленіе въ иной, лучшій, болѣе широкій міръ—въ заманчивый міръ, вызванный предъ нею чтеніемъ.

И онъ разговорился съ нею, вызывая ее на полную откровенность. У нея теперь и слѣда не осталось отъ прежней ея строптивой замкнутости. Они не примѣтили оба, какъ лѣсной мохъ захрустѣлъ подъ чьими-то приближавшимся шагами.

— Ба, кого я вижу!—вдругъ раздался совсѣмъ вблизи насмѣшливый голосъ Коли Хвощина, — Лизавета Петровна, что вамъ тамъ проповѣдуетъ мой другъ Ѳедя?

Лиза зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и привычная ей пугливая враждебность засвѣтилась въ ея черныхъ глазахъ. Торопливо она подняла книгу, лежавшую у ея ногъ.

— Что это,—позвольте полюбопытствовать. Коля заглянулъ въ книгу.--А, Щедринскіе „Губернскіе очерки“! Что? это Ѳедя васъ снабжаетъ такимъ полезнымъ чтеніемъ? Ты ужъ не занимаешься ли на досугѣ развиваніемъ сей юной дѣвицы?

Лиза сердито вырвала изъ рукъ его книгу и отвернулась, чтобъ уйти.

— Куда вы, Елизавета Петровна? Постойте, мы втроемъ потолкуемъ. Я вѣдь тоже насчетъ развиванія не промахъ.

Лиза его не слушала.

— Прощайте, Өедоръ Аркадьичъ,—сказала она,—мнѣ пора домой.

И, раздвигая предъ собою нависшіе сучья, она быстро скрылась въ самую глушь лѣса.

— Хорошъ, другъ любезный, хорошъ!—разсмѣялся Коля,—то пребываешь у ногъ моей почтенной сестрицы, то за крестьянскими дѣвочками волочишься! Чудесно!

Өедя весь вспыхнулъ.

— Что за чепуха. И не смѣй такъ говорить про сестру, не смѣй, слышишь!

И гнѣвно обѣими руками онъ встряхнулъ товарища за плечи.

— Хорошо, хорошо, отстань. Чего закипятился?—пробовалъ отшучиваться Коля.

— Ни тебѣ, ни кому другому,—продолжалъ запальчиво Өедя,—я не позволю такъ выражаться на счетъ Варвары Владиміровны. И кабы ты зналъ... Да нѣтъ, тебѣ этого пока сказать нельзя, узнаешь послѣ... А теперь, тебѣ дорога направо, а мнѣ налѣво. Прощай!.. Мнѣ не до тебя сегодня и не до твоихъ глупыхъ шутокъ.

И, рѣшительно отвернувшись, Өедя предоставилъ удивленнаго товарища его размышленіямъ.

— Эге! Вотъ оно что!—пробормоталъ ему вслѣдъ Коля,—видно, мнѣ пора въ дѣло вмѣшаться, а то, чего добраго, надуритъ моя милѣйшая сестрица.

И на другой же день, предварительно обдумавъ планъ дѣйствій, Коля отправился въ Варваровку.

— Ты женщина умная, Варя,—заговорилъ онъ, развязно усаживаясь возлѣ сестры, — а не подумала, кажется, что придется тебѣ со мной посчитаться. Вѣдь я давно вижу, что ты затѣяла очень запутанную игру, и стоитъ мнѣ словечко молвить кому слѣдуетъ, всѣ твои планы разлетятся въ прахъ.

Варвара Владиміровна съ виду не смутилась, хотя отлично поняла угрозу брата.

— Хотѣла бы я знать, что ты сдѣлаешь,—разсмѣялась она,—да и плановъ у меня никакихъ нѣтъ...

— Ну, вотъ, разсказывай! Не вижу я, что ли, какъ ты и батюшку, и сынка къ рукамъ прибрала? Куда ты мѣтишь—это я, положимъ, не знаю. Да и ты сама, пожалуй, пока не рѣшила окончательно. Вы всѣ, женщины, какъ ни хитры, а иной разъ паутину свою плетете такъ только, изъ любви къ искусству. Посмотришь со стороны, полюбуешься на ваши увертки, въ концѣ концовъ сами попадаетесь. Ну, вотъ, моя милая, чтобы такого казуса не случилось, я къ тебѣ и зашелъ поговорить толкомъ. Союзника имѣть никогда вѣдь не мѣшаетъ. Ты вотъ меня не любишь, Варя, а я готовъ тебѣ помогать всѣми силами, право.

— Вотъ какъ! А ты сейчасъ, кажется, мнѣ угрожалъ чѣмъ-то.

— Да надо же было тебѣ показать, что у меня козырей полна рука! Вѣдь помогать я тебѣ стану не даромъ. А стоитъ мнѣ написать твоему благовѣрному...

Варвара Владиміровна широко раскрыла глаза и совершенно уже откровенно разсмѣялась.

— Ты хочешь написать мужу? Сдѣлай милость.

Коля былъ нѣсколько озадаченъ.

— Ты, я вижу, совсѣмъ не высокаго мнѣнія объ Андреѣ Кирилловичѣ,—сказалъ онъ, вторя ея смѣху,—ну, коли ты его не боишься, можно и другимъ раскрыть глаза... благо всѣхъ какая-то слѣпота здѣсь обуяла: мамашѣ, во первыхъ... Можешь себѣ представить, что она скажетъ, узнавъ, что ея ангелъ, ея безцѣнная Варя...

— Да что же я сдѣлала такого?—становясь вдругъ серьезною, перебила его сестра, — ты скажешь матери, что я часто принимаю Ѳедю Клусова?

— Ѳедю и... и батюшку его тоже, и всегда въ разные часы. Коля впился въ нее блестящими, слегка прищуренными, глазами. — Да, наконецъ, и самому Аркадію Степановичу намекнуть можно. Это выйдетъ

такъ забавно!.. Мнѣ кажется, эта перспектива тебѣ не особенно нравится, Варя: охота смѣяться что-то прошла.

— Да тебѣ отъ меня чего надо?—сказала она, откинувшись назадъ и въ свою очередь смѣривъ его глазами.

— Денегъ, прелесть моя,—денегъ—больше ничего!

— Ты недавно получилъ, возразила она.

— Получилъ! Да,—разсмѣялся Коля,—двѣ тысячи! Этого едва хватаетъ на петербургскіе долги. И я долженъ по-твоему состоять на полуголодномъ положеніи, съ мѣднымъ пятакомъ въ карманѣ? Слуга покорный!

Коля мѣрно прошелся по комнатѣ и заговорилъ опять, остановившись передъ Варварой Владиміровной.

— Нѣтъ, моя прелесть, толковать намъ, такъ ужъ по настоящему. Ты, я знаю, не двѣ тысячи, а цѣлыхъ шесть выпросила у мамаши.

— Всего пять тысячъ пятьсотъ,—быстро отозвалась она,—да и то онѣ только обѣщаны... когда Сысоевъ расплатится

— Знаю, знаю! Успокойся, моя милая. У тебя я денегъ просить и не думаю: тебѣ самой не хватитъ. Вѣдь Андрей Кирилловичъ раскошеливаться не охотникъ; а твои наряды одни чего стоютъ! Ты лучше послушай.

Онъ снова усѣлся и закурилъ папироску.

— Мамаша получитъ за лѣсъ пятнадцать тысячъ, и остальныя думаетъ отложить на черный день. По моему, это вздоръ. Чего намъ съ тобой бѣдствовать, пока мы оба молоды, да терпѣливо наслѣдства дожидаться?.. И какое это наслѣдство? Самое пустое. Намъ обоимъ жить надо во всю, а не гроши сколачивать про старость, какъ вѣчно дѣлала мамаша. Пусть Березовка прахомъ пойдетъ — много ли отъ нея толку? А всѣ эти мелкіе расчеты на далекое будущее, эта мѣщанская бережливость—пустяки сущіе. Лишь бы теперь были деньги, а тамъ я и мѣсто себѣ добуду, и жену съ приданымъ... Такъ вотъ что я тебѣ скажу: коли не

хочешь, чтобы всѣ твои планы разстроились, сдѣлай такъ, чтобы мы съ тобой всѣ сысоевскія деньги подѣлили. Вотъ тебѣ послѣднее мое слово!

Варвара Владиміровна сдалась не сразу. Ей не хотѣлось снова обращаться съ просьбами къ матери, да и не хватало ей того наглаго безстыдства, которымъ отличался Коля. Но дѣлать было нечего. Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. И нехотя она согласилась.

— Ну, а насчетъ твоихъ собственныхъ дѣлъ,—снова принимаясь ходить по комнатѣ, сказалъ молодой человѣкъ,—вотъ мой совѣтъ: брось ты этого молокососа Ѳедю, и займись постарательнѣе его батюшкой. Влюбленные старики куда какъ податливѣе молодыхъ. По моему развестись бы тебѣ съ своимъ благовѣрнымъ: что за охота быть женой такого кисляя? Да устрой такъ, чтобъ Аркадій Степановичъ на тебѣ женился.

Это было слишкомъ, даже для Варвары Владиміровны. Она почти ужаснулась отъ такого предложенія.

— Ты чего боишься?—воскликнулъ Коля.—Развѣ въ наши дни это рѣдкость?.. Или жаль тебѣ что ли этой старой дуры, Марьи Александровны?

И Коля развязно пустился объяснять, какъ его бойкій планъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Разговоръ брата съ сестрой былъ прерванъ франтоватымъ лакеемъ Варвары Владиміровны, доложившимъ о пріѣздѣ Сысоева.

Петръ Тихоновичъ явился не съ пустыми руками и Варвара Владиміровна, зная это, удостоила его личнаго пріема. Онъ принесъ ей деньги за аренду имѣнія, извиняясь, что опоздалъ на цѣлыхъ три дня.

— Больно ужъ много у меня дѣлъ разныхъ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ, почтительно, но не слишкомъ низко кланяясь.

И, вручивъ ей нѣсколько пачекъ ассигнацій, отступилъ шага на три. На Колю онъ не обратилъ никакого вниманія.

— Потрудитесь сосчитать, ваше превосходительство: кажись, вѣрно будетъ,—добавилъ онъ улыбаясь.

Варвара Владиміровна сдѣлала бы это, впрочемъ, и по собственному почину,—женщина она была аккуратная. Сосчитавъ деньги не торопясь и заперевъ ихъ на ключъ, она выдала Сысоеву расписку — эту операцію она всегда исполняла сама, не довѣряя своему приказчику—и не прочь была кстати побесѣдовать съ богатымъ арендаторомъ. Коля, увидавъ туго набитый бумажникъ Сысоева, въ которомъ было не мало радужныхъ, быстро вскочилъ на ноги и предложилъ ему усѣсться. Но Сысоевъ только вскользь посмотрѣлъ на молодого человѣка, продолжая стоять. И тогда только, когда сама хозяйка подтвердила предложеніе, онъ пододвинулъ стулъ и усѣлся съ обычною степенною неторопливостью.

— Вы съ барышомъ будете, Петръ Тихоновичъ,— начала Варвара Владиміровна,—урожай хорошъ.

— Что за барышъ, ваше превосходительство: дѣло самое пустое... больше такъ, чтобы позаняться чѣмъ-нибудь. Оно, конечно, не безъ выгоды маленькой, потому, сами изволите знать, дѣло наше торговое...

— Какъ же, Петръ Тихоновичъ,—живо заговорила молодая женщина,—я вѣдь знаю, что половину земли вы крестьянамъ сдаете и накидываете по пяти рублей съ десятины. Согласитесь, я бы сама могла имъ прямо сдавать.

— Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно на впредь будущее время,—спокойно отвѣтилъ Сысоевъ.—Только ужъ больно хлопотно станетъ: самимъ вамъ извѣстно, легко ли съ мужика деньги получать.

Наступило короткое молчаніе. Петръ Тихоновичъ сидѣлъ неподвижно, положивъ картузъ на колѣна, и что-то чуть-чуть презрительное было въ вѣжливомъ спокойствіи его невозмутимаго лица. Коля заговорилъ первый.

— А вы, Петръ Тихоновичъ, сами помѣщикомъ

стали,—сказалъ онъ вкрадчиво.—Всѣ вотъ жалуются на безвыходность хозяйства, а вы, я думаю, въ убыткѣ не останетесь.

— А это ужъ какъ Богу угодно будетъ,—улыбнулся Сысоевъ.—Да и то сказать, нашъ братъ не по-барскому хозяйничаетъ: работой мы не брезгаемъ, а земля присмотръ любитъ, да и копѣйка тоже.

Опять съ минуту всѣ трое промолчали.

— Ваше превосходительство,—началъ Сысоевъ,—я вотъ у матушки вашей, Надежды Максимовны, Гусевскій хуторъ торговалъ и цѣну имъ настоящую предложилъ, только онѣ тогда соглашаться не изволили, такъ не будетъ ли съ вашей стороны милость съ ними переговорить? Можетъ онѣ передумаютъ. Земля, сами изволите знать, нестоющая, потому только и покупаю, что по сосѣдству: лучшаго покупателя ей не найти.

Братъ и сестра быстро переглянулись, и Сысоевъ уловилъ этотъ взглядъ.

— Да, межа съ межой,—сказала Варвара Владиміровна:—вамъ какъ нельзя болѣе кстати. Только мамаша едва ли захочетъ.

— Это ужъ ихнее дѣло-съ, а наше предложеніе — по восьмидесяти рублей за десятину—цѣна настоящая.

Герасиму Павловичу Сысоевъ предлагалъ за эту землю по девяносто рублей, но теперь, въ виду очевиднаго желанія молодыхъ людей продать хуторъ, онъ счелъ возможнымъ сбавить по красненькой.

— Крупное хозяйство завести думаете,—вставилъ Коля,—почти такое же, какъ у Аркадія Степановича?

— Гдѣ намъ съ такимъ бариномъ тягаться. Намъ такъ хозяйничать не пристало.

— Да, я думаю,—настаивалъ Коля,—вамъ Богатое, какъ бѣльмо на глазу: шутка сказать — пять тысячъ десятинъ! Въ эту сторону вамъ распространяться ужъ нельзя будетъ.

Сысоевъ хихикнулъ.

— Да на что мнѣ? Я развѣ чужому богатству зави-

дую? Дай Богъ Аркадію Степановичу успѣвать, всему уѣзду примѣръ показывать. Тамъ у нихъ по-ученому.

— Ну, познаній вамъ тоже не занимать стать,—сказалъ Коля:—вы человѣкъ образованный.

Сысоевъ погладилъ себѣ жиденькую бородку.

— Образованіе наше такое-съ, Николай Владиміровичъ, что мы, слава Богу, считать умѣемъ, да съ каждаго, значитъ, орудія спрашиваемъ, ну, плугъ-ли тамъ новый, барона-ли, молотилка, чтобъ отъ нихъ прокъ былъ настоящій, а не то, чтобъ они красиво глядѣли по новѣйшему фасону-съ. Вотъ какова наша наука-съ. А что Аркадій Степановичъ у себя затѣваетъ—это по-барскому, до добра значитъ не доведетъ-съ.

Онъ всталъ и поклонился.

— Прощенья просимъ, ваше превосходительство. Значитъ, коли милость ваша будетъ, за меня словечко вымолвите передъ матушкой вашей.

Онъ еще разъ поклонился опять только ей одной и вышелъ, ступая безъ шума: сапоги были у него безъ скрипу. Онъ зналъ, какъ водиться съ господами.

— Эге,—воскликнулъ Коля, оставшись вдвоемъ съ сестрой,—чего добраго, и Клусову плохо придется. Присосалась къ нему, видно, эта піявка... Такъ вотъ, мой ангелъ, пойми же: чѣмъ давать Богатое на съѣденіе кулаку этому, прибери его лучше сама къ рукамъ, пока время не ушло, на это ловкости у тебя хватитъ.

И, предоставивъ сестрѣ наединѣ обдумать его совѣты, разсудительный молодой человѣкъ удалился.

Послѣ ухода брата, Варвара Владиміровна долго оставалась въ тягостномъ неподвижномъ раздумьѣ. Она давно знала, что неизбѣжная минута развязки наступитъ рано или поздно, что непредвидѣнная случайность каждый день можетъ поставить ее въ безвыходное положеніе, и не поможетъ тогда ловкая, но черезчуръ сложная игра, какую она вела до сихъ поръ. Но принять рѣшеніе сразу, теперь же, то рѣшеніе, на которое ее наталкивалъ братъ, она была не въ силахъ.

Удерживали ее не колебанія возмущенной совѣсти, и конечно ужъ не сознаніе своихъ обязанностей передъ мужемъ. Въ первый мигъ смѣлое предложеніе Коли ее будто озадачило. Но мгновенная вспышка испуганнаго, почти гадливаго чувства улеглась очень скоро, и бойкая головка стала обдумывать, какъ довести Аркадія Степановича до мысли о возможности стать ея мужемъ. Судьба бѣдной Марьи Александровны ее не безпокоила нисколько. Мечты о богатствѣ, о широкой жизни, какую можно будетъ вести, сдѣлавшись женой Аркадія Степановича, совсѣмъ заполонили ея воображеніе. Развязать свои отношенія къ мужу и выполнить это безъ шума, совсѣмъ прилично, ей казалось не труднымъ. И какъ бы ей ни претила роль, которую придется разыграть, сколько бы ни пришлось ей лгать и притворяться, это все-таки было во сто разъ лучше, было менѣе унизительно, чѣмъ то, къ чему она шла давно съ открытыми глазами. Она измѣняла мужу не разъ, и совѣсть ея не упрекала за это. Но торговать собою, играть за деньги позорную комедію мнимой любви она еще не привыкла. Да, какъ ни трудно было выполнить дерзкій планъ ея брата, сама эта трудность какъ бы подкупала ее, будто стушевывала даже то, что было недостойнаго, почти отвратительнаго въ этомъ планѣ...

И все-таки она рѣшиться не могла, что-то иное, сперва непонятное ей останавливало ее и въ то же время пугало. Ей мерещились чьи-то молодые, довѣрчивые глаза, румянецъ сдержанной страсти на юномъ лицѣ, мягкіе каштановые волосы, которыхъ не разъ, будто случайно, касалась ея трепетавшая рука... холодомъ ее обдавало при этомъ воспоминаніи, и съ ужасомъ говорила она себѣ, что стать женой Аркадія Степановича значило отказаться отъ Ѳеди.

Стукъ подъѣхавшаго экипажа оторвалъ ее отъ этихъ размышленій; она вся выпрямилась, почти испуганная— она знала, что это былъ Аркадій Степановичъ, — недоброе предчувствіе охватило ее. И когда, минуту спустя,

въ сосѣдней комнатѣ послышались его мягкіе, будто вкрадчивые шаги, она была вполнѣ увѣрена, что сейчасъ произойдетъ что-то негаданное, страшное.

Варвара Владиміровна не ошиблась. Клусовъ стоялъ передъ нею, скрестивъ на груди руки, весь блѣдный отъ раздраженнаго волненія.

— Хорошо, Варвара Владиміровна, прекрасно!—насмѣшливо заговорилъ онъ,—этого я отъ васъ не ожидалъ. Вы давали мнѣ понять, что... ну, словомъ, что преданность моя оцѣнена вами, и въ то же время, за моею спиной, вы кружите голову моему сыну, стараетесь увлечь, его—чудесно!

Варвара Владиміровна не отвѣчала. Она хорошо знала, что въ такихъ случаяхъ надо отмалчиваться и дать вылиться негодованію: это лучшее средство узнать, откуда нанесенъ неожиданный ударъ. „Коля!" тотчасъ пробѣжало у нея въ головѣ,—„онъ стало-быть успѣлъ уже проболтаться". Ей, впрочемъ, не трудно было сохранять осторожное молчаніе: Аркадій Степановичъ стремительно продолжалъ сыпать грозными обвиненіями.

— Сегодня Ѳедя объявилъ моей женѣ, что хочетъ жениться, и на комъ бы вы думали? На васъ! да, на васъ, на замужней женщинѣ! Прелестно! Съ моей бѣдною женой едва истерика не сдѣлалась. Еще бы! Единственный сынъ, въ которомъ она души не чаетъ, которому едва минуло двадцать два,—и такая милая затѣя. Я случайно зашелъ и засталъ ихъ во время этого объясненія. И представьте себѣ: это не шутка, не простая блажь, а страсть, какъ онъ увѣряетъ, глубокая страсть!

— Да въ чемъ же я виновата, Аркадій Степановичъ?—сдержанно, тихо, съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ и на лицѣ, вымолвила теперь молодая женщина.

— Какъ! Вы станете меня увѣрять, что это случилось невзначай, и вы не знали, что мальчишка влюбился въ васъ до бѣлаго каленія? И могъ рѣшиться на такую глупость безъ вашего вѣдома? Или вы меня за дурака считаете?

— Благодарю васъ,—тономъ оскорбленнаго достоинства отвѣтила Варвара Владиміровна,—я вижу, по крайней мѣрѣ, что вы на мой счетъ очень лестнаго мнѣнія, что жениться на мнѣ, вамъ кажется чѣмъ-то ужаснымъ, постыднымъ даже...

— Позвольте, позвольте...

Аркадій Степановичъ усѣлся. Онъ былъ все еще очень раздраженъ, но считалъ уже нужнымъ оправдываться.

— Я этого не говорю, но развѣ можно жениться на замужней?

— Вы бы этого не сдѣлали, конечно!—стыдливо опустивъ глаза и принимаясь играть кольцами на лѣвой рукѣ, возразила молодая женщина. Потомъ она подняла эти глаза на него и обдала его лучистымъ взглядомъ, полнымъ грусти и нѣги въ то же время.

— Я, я? что вы это говорите, Варвара Владиміровна?

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала она,—это доказываетъ, что вашъ сынъ искреннѣе и сильнѣе любитъ меня, чѣмъ вы.

— Я, кажется, не разъ давалъ вамъ случай убѣдиться,—поспѣшно возразилъ Аркадій Степановичъ и столь же поспѣшно оборвалъ начатую рѣчь, вспомнивъ, какого рода были до сихъ поръ доказательства его любви,—я не мальчикъ, и мнѣ, конечно, не могла придти въ голову такая мысль, обвѣнчаться съ вами. Мнѣ дорого во всякомъ случаѣ достоинство моего дома, моей семьи, и...

— Вотъ видите!—спокойно улыбаясь, остановила она его.

Варвара Владиміровна разомъ поняла, что затѣю Коли не только было трудно, но совершенно невозможно выполнить. И поняла она тоже, какъ женщина рѣшительная и умная, что одними словами ей не переубѣдить Аркадія Степановича. Ей предстояло выбирать между разрывомъ и... чѣмъ-то отвратительнымъ, но теперь неизбѣжнымъ. Аркадій Степановичъ, хоть и былъ

влюбленъ въ нее до самозабвенія, не дѣлалъ себѣ на ея счетъ никакихъ иллюзій. Она могла увлечь его до самыхъ рискованныхъ поступковъ, довести, пожалуй, до разоренія, но многообѣщающими улыбками онъ долго удовлетворяться не станетъ. Минута расплаты за его щедрость—а щедрость онъ успѣлъ выказать уже крупную—должна была наступить рано или поздно, и Варвара Владиміровна поняла, что эта роковая минута наступила.

— Вотъ видите,—повторила она съ горькою иронiей въ голосѣ—для васъ на первомъ планѣ—вы сами, потому что достоинство и честь вашего дома, всѣ эти прекрасныя слова вѣдь только прикрытіе вашего эгоизма... Да, не перебивайте меня,—онъ сдѣлалъ было энергическій жестъ отрицанія, — настоящая любовь не останавливается даже предъ такими высокими соображеніями, настоящая любовь всегда готова на жертву. Это мы, женщины, всего болѣе и цѣнимъ... И вотъ почему вашъ сынъ, повторяю это, меня любитъ болѣе, чѣмъ вы.

Она теперь намѣренно растравляла его проснувшуюся ревность. И она достигла своей цѣли вполнѣ. Аркадій Степановичъ вскочилъ на ноги съ истинно юношескою прытью. Весь побагровѣвшій, съ пылающими глазами, онъ заговорилъ дрожащимъ голосомъ, наклоняясь къ ней.

— И вы мнѣ это говорите! Вы, стало-быть, не стыдитесь мнѣ признаться, что поощряли глупую блажь этого мальчишки, если, чего добраго, вы сами...

Онъ не договорилъ, безпокойно впиваясь въ нее недовѣрчивымъ взглядомъ. Старческая ревность такъ ясно сквозила въ его словахъ, что Варвара Владиміровна невольно улыбнулась.

— Аркадій Степановичъ!—воскликнула она съ притворнымъ изумленіемъ, стараясь отъ него скрыть заигравшее на ея лицѣ насмѣшливое выраженіе.

— Неужели вы... нѣтъ, я не хочу этому вѣрить...

слишкомъ ужъ это было бы нелѣпо... неужели вы ревнуете?

Это слово она проронила чуть слышно, какъ бы стыдясь его. Аркадій Степановичъ встрепенулся, и самолюбіе взяло верхъ надъ подозрительностью.

— Согласитесь, отвѣтилъ онъ неестественно засмѣявшись,—что вы даете къ этому поводъ...

Онъ сѣлъ и, перекинувъ ногу на ногу, пододвинулся къ ней ближе.

— Послушайте,—заговорилъ онъ уже инымъ, серьезнымъ и въ то же время какъ бы вкрадчивымъ тономъ:— пора намъ высказаться другъ передъ другомъ прямо, безъ недомолвокъ. Вы знаете мои чувства къ вамъ, знаете, что я никакихъ жертвъ не пожалѣю...

— Да,—перебила она живо,—я всегда считала васъ самымъ искреннимъ, самымъ безкорыстнымъ другомъ.

— Полноте, оставимъ эту игру въ безкорыстіе: ни у кого изъ насъ его въ сущности нѣтъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, надоѣла эта комедія мнимой дружбы. Вы очень хорошо знаете, каково мое настоящее чувство къ вамъ.

И Аркадій Степановичъ, точно онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ и сдѣланное имъ открытіе доставляло ему неоспоримыя права, заговорилъ не двусмысленно, до того не двусмысленно, что молодая женщина очутилась лицомъ къ лицу съ тѣмъ неотложнымъ рѣшеніемъ, которое вызывало у нея такой ропотъ возмущеннаго женскаго достоинства. И Варвара Владиміровна смирилась. Ея собесѣдникъ такъ настоятельно требовалъ доказательствъ ея правоты передъ нимъ, его рѣчь стала такою страстною, гнѣвъ, ревность и любовь въ ней такъ странно чередовались, что она наконецъ уступила. Аркадій Степановичъ унесъ въ этотъ день изъ Варваровки полное убѣжденіе въ томъ, что его подозрѣнія напрасны, что преданность его оцѣнена вполнѣ.

И тѣмъ не менѣе, когда онъ уѣхалъ къ себѣ, сердце у него далеко не было радостно и спокойно. Побѣда

ему досталась не легко — цѣною крупныхъ обѣщаній. Отъ слова своего, какъ истый рыцарь, онъ отказываться и не думалъ. Да и какому пятидесятилѣтнему любовнику приходитъ въ голову увернуться отъ своихъ обязательствъ передъ любимой женщиной, какъ бы тяжелы они не были? Но въ первый разъ, быть можетъ, Аркадій Степановичъ съ трепетомъ думалъ о будущемъ. Лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ губернскій городъ, чтобы заложить послѣднюю часть своего имѣнія, оставшуюся свободною отъ долга. Но деньги онъ получитъ не скоро; онѣ нужны теперь же, сейчасъ, а свободныхъ денегъ у него давно не было. Добыть ихъ можно только двумя средствами: продажею единственнаго уцѣлѣвшаго лѣса, или при помощи своего личнаго кредита.

Аркадій Степановичъ предпочиталъ послѣднее. Ни за что бы онъ не согласился отдать подъ топоръ свои вѣковые дубы и тѣмъ передъ женой и сыномъ, открыто признать свое положеніе... Лучше прибѣгнуть къ другому, негласному способу. Да каковъ на самомъ дѣлѣ его кредитъ? И не знаютъ ли давно всѣ, что его пресловутое богатство шатается, какъ подточенное зданіе. Онъ помнилъ хорошо, съ какой холодной, едва не презрительной сдержанностью принялъ разъ этотъ Петрушка Сысоевъ его предложеніе дать ему въ заемъ небольшую сумму. Это была сущая бездѣлица—какихъ-то двѣ тысячи, въ которыхъ онъ нуждался на выписанные новые снаряды для винокуренія. А теперь, когда онъ заведетъ рѣчь о суммѣ гораздо большей,—что будетъ теперь? У него морозъ прошелъ по спинѣ отъ этой мысли. Но Аркадій Клусовъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, встрѣтясь съ трудною задачей, во что бы то ни стало, хотятъ осилить ее, какъ средневѣковой богатырь осиливалъ чудовище, встрѣченное на пути. Аркадій Клусовъ богатыремъ не былъ, и всегдашнимъ стараніемъ его было уклониться отъ докучливой, непріятной мысли. Такъ онъ сдѣлалъ и теперь: онъ мах-

нулъ рукой на зловѣщія опасенія и погрузился въ сладостный рой воспоминаній, унесенныхъ имъ изъ Варваровки.

XII.

Пока Аркадій Степановичъ осыпалъ молодую хозяйку Варваровки сперва упреками, а потомъ нѣжными увѣреніями, сынъ его скакалъ по дорогѣ въ Березовку на своемъ любимомъ гнѣдомъ жеребцѣ. Утромъ, послѣ бурнаго объясненія съ отцомъ, Ѳедя далъ ему слово весь этотъ день не видаться съ Варварой Владиміровной. Подъ этимъ условіемъ Аркадій Степановичъ обѣщалъ переговорить съ молодою женщиной и почти изъявилъ согласіе на женитьбу сына. Эту ложь вынудилъ у Аркадія Степановича страхъ предъ открытіемъ его собственной тайны; и Ѳедя, на половину успокоенный, подчинился, наконецъ, требованію отца. Но цѣлый день оставаться вдали отъ любимой женщины онъ все-таки не могъ. Его неудержимо потянуло въ Березовку, гдѣ онъ не бывалъ уже болѣе двухъ недѣль. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ въ кругу ея близкихъ и услышитъ ея дорогое имя. Правда, за послѣднее время Надежда Максимовна обходилась съ нимъ далеко уже не такъ ласково, какъ прежде. Онъ замѣтилъ перемѣну въ ея обращеніи, но Ѳедя говорилъ себѣ, что можетъ быть ошибся. Да и былъ онъ почти готовъ признаться ей во всемъ. Но когда передъ нимъ издали показалась Березовка, у него не хватило рѣшимости предстать передъ матерью любимой женщины. И полубезсознательно онъ повернулъ голову лошади въ сторону Лисицынскаго лѣса. Тамъ, подъ спокойною тѣнью дубовъ, онъ вздохнулъ свободнѣе, точно успокоеніе навѣвала на него густая ихъ листва. Онъ перевелъ лошадь на шагъ и отдалъ ей поводья, не замѣчая даже, что все болѣе удаляется отъ Березовки.

Намѣреніе связать свою жизнь съ Варварой Владиміровной созрѣло въ немъ только наканунѣ. Молодая женщина такъ краснорѣчиво говорила ему о тяжкой неволѣ, въ которой протекли девять лѣтъ ея замужества, что онъ увлекся мыслью стать ея освободителемъ. Затрудненія, какія могли встрѣтиться, Ѳедю не удерживали. Онъ не сомнѣвался въ согласіи Андрея Кирилловича дать женѣ разводъ. Одно его безпокоило—какъ приметъ эту вѣсть его бѣдная мать. И когда утромъ онъ сказалъ ей о своемъ намѣреніи, въ ней возмутилась материнская любовь, строившая для сына самые блестящіе планы, и, въ особенности, религіозное чувство, для котораго женитьба на разведенной женѣ другаго, казалась неискупимымъ грѣхомъ. Ея упреки, ея слезы почти уже поколебали Ѳедю. Но когда въ дѣло вмѣшался Аркадій Степановичъ, грозившій ему лишеніемъ наслѣдства и не поскупившійся на самыя рѣзкія, обидныя слова на счетъ Варвары Владиміровны, прежняя рѣшимость опять вернулась къ Ѳедѣ и онъ горячо заступился за предметъ своей любви. Въ раздраженномъ голосѣ Аркадія Степановича была такая непривычная ему страстность, что сама Марья Александровна, до сихъ поръ не думавшая подозрѣвать мужа, едва не догадалась о настоящей причинѣ его гнѣва. Еще одно неосторожное слово, и все могло открыться. И Аркадій Степановичъ, внутренно стыдясь своего поступка, наконецъ далъ сыну вынужденное согласіе, въ полномъ убѣжденіи, что съумѣетъ разстроить этотъ ненавистный, этотъ позорный бракъ...

И теперь, вспоминая утреннюю сцену, Ѳедя не могъ отдаться радостной надеждѣ на близкое исполненіе своей мечты. Совѣсть его мучила за слезы бѣдной матери, и тревожила его мысль о разладѣ, который онъ внесетъ въ семью. Вдругъ изъ-за дубовыхъ стволовъ мелькнуло свѣтлое платье и соломенная шляпа съ голубою лентой. Минуту спустя онъ поровнялся съ шедшей къ нему на встрѣчу дѣвушкой. Это была Настя.

— Что Өедоръ Аркадьевичъ, вы развѣ не къ намъ?— остановила она его (Өедя, поклонившись ей, хотѣлъ проѣхать мимо). Вы такъ близко отъ Березовки и не хотите заѣхать? Такъ давно вы у насъ не бывали...

— Я? Да, да... я къ вамъ собирался...—разсѣянно отвѣтилъ онъ,—хотите, мы пойдемъ туда вмѣстѣ.

И соскочивъ съ лошади, онъ пошелъ рядомъ съ ней, держа своего коня за уздечку.

— А вы откуда, Настя?—спросилъ онъ минуту спустя.

— Я на деревнѣ была: меня туда мамаша послала лекарство одному больному отнести, а оттуда я въ лѣсъ зашла и... замечталась, кажется.

— Вы замечтались? Что-то на васъ не похоже.

— Отчего не похоже? Развѣ, по-вашему, я такая ужъ положительная?

Она тихо засмѣялась, говоря это.

— Не то, чтобъ положительная, а какъ вамъ сказать... вы мнѣ старинную итальянскую музыку напоминаете, въ которой все такъ просто и ясно, и задушевно. Да и рано вамъ что-то мечтать, Настя.

— А вотъ, какъ я сюда пришла, мнѣ совсѣмъ грустно стало, оттого, должно быть, что скоро этого стараго лѣса ужъ не будетъ... а я его такъ люблю. Такими они крѣпкими, здоровыми глядятъ, эти дубы, а не подозрѣваютъ, что зимою ихъ срубятъ. Ну вотъ, глядя на нихъ, на меня и нашли грустныя мысли.

Но вопреки этимъ грустнымъ мыслямъ она заговорила съ Өедей, какъ всегда, свѣтло и беззаботно, такъ что невольно ея серебристый голосокъ напомнилъ ему веселое щебетаніе птички, и темносиніе ея глаза, похожіе на фіалки, такъ ясно, такъ лазурно улыбались, что онъ спросилъ у себя: „Неужели и для этихъ глазъ когда-нибудь наступятъ тревоги и бури?“

Настя какъ-то сразу поняла, что у Өеди Клусова на душѣ какія-то затаенныя тяжкія мысли, и что этихъ мыслей ей касаться не слѣдуетъ. Не робость, а какая-

то боязнь неосторожно затронуть больное мѣсто остановила ее на порогѣ запретной для нея области. И она принялась не то, чтобъ утѣшать Ѳедю, а какъ бы перестраивать его встревоженную душу на иной спокойный ладъ, словно лаская его чистыми звуками своей безхитростной рѣчи. И Ѳедя въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, будто въ немъ черезчуръ натянутая струна отъ ея нѣжнаго прикосновенія смягчалась понемногу и переставала болѣзненно дрожать.

Надежду Максимовну они застали на террасѣ за важнымъ дѣломъ заготовки варенья. Нагнувшись надъ шипѣвшимъ котелкомъ, она хлопотливо смотрѣла, чтобы не дать сгуститься накипавшимъ пѣнкамъ.

— Наконецъ-то!—сказала она, увидавъ молодого человѣка.—Давненько что-то сюда не заглядывалъ.

Она пытливо и какъ-то недовѣрчиво посмотрѣла на Ѳедю. Недосказанные намеки сына тревожно засѣли у нея на умѣ, и въ ея привѣтствіи чувствовалась какая-то недомолвка.

— Не взыщи ужъ, коли некогда теперь съ тобой калякать: видишь — занята. Этого я никому не довѣряю... Ну, да я думаю, тебѣ съ молодежью повеселѣе будетъ, чѣмъ со мной, старухой. Ступай пока въ садъ съ Настюшей. Да и Коля тоже дома, кажись... Дуняша,—сказала она ключницѣ, стоявшей на колѣняхъ передъ котломъ:—позови-ка молодого барина.

Но Колю не пришлось звать. Изъ своей комнаты на верху онъ замѣтилъ подходившаго товарища и тотчасъ поспѣшилъ внизъ. Втроемъ, съ Ѳедей и Настей, они сошли въ садъ.

— Что, братецъ? Пересталъ со мной въ прятки играть?—сказалъ онъ Ѳедѣ.—Ты что-то за послѣднее время все увиливалъ какъ-то, едва встрѣтишься со мной: должно быть совѣсть не чиста. Я вѣдь знаю отъ сестры, какъ часто ты у нея въ Варваровкѣ бываешь. Могъ бы оттуда и сюда завернуть. Ну, да это твое дѣло—я въ твои тайны не вмѣшиваюсь.

И замѣтивъ румянецъ на лицѣ Ѳеди, онъ устремилъ на товарища пытливый взглядъ. „Что, сказать ему все?“ промелькнуло въ головѣ у Коли. Но онъ тутъ же рѣшилъ, что пока лучше предоставить событія ихъ естественному ходу: онъ былъ твердо увѣренъ, что Варвара Владиміровна и безъ его вмѣшательства поведетъ дѣло, какъ нельзя лучше, и ему не зачѣмъ допытываться откровенныхъ признаній отъ Ѳеди; это могло бы только испортить затѣянную смѣлую игру. Да и у Ѳеди тоже прошла охота пускаться на откровенность. Въ голосѣ и выраженіи лица Надежды Максимовны онъ почуялъ что-то неладное, догадываясь, что она едва ли встрѣтитъ его признаніе, какъ онъ того бы желалъ, а дѣлиться своими тайными помыслами съ Колей онъ бы не захотѣлъ ни за что. Въ Березовкѣ ему было не по себѣ. Даже Настѣ болѣе ужъ не удавалось вызвать его звонкій, сочувственный смѣхъ.

Послѣ обѣда Ѳедя уѣхалъ очень скоро. Въ Березовкѣ ему рѣшительно не сидѣлось. И когда онъ увидалъ предъ собою знакомый поворотъ въ Варварку, онъ не утерпѣлъ, чтобы не повернуть туда свою лошадь. Слово, данное отцу, онъ конечно твердо рѣшился сдержать, но его тянуло хотя бы издали взглянуть на ея домъ, хотя бы мелькомъ увидѣть сквозь окно, что дѣлается тамъ, въ этихъ комнатахъ, гдѣ такъ дорогъ ему каждый уголокъ.

Домъ однако не выдалъ ему своей тайны. Окна были заперты, и на стеклахъ на этотъ разъ не игралъ уже мѣсяцъ. Весь погруженный въ темноту—огня не было видно изъ-за опущенныхъ занавѣсей, а на небѣ, теперь покрывшемся тучами, звѣзды не мерцали, онъ безмолвный и недоступный стоялъ предъ Ѳедей, какъ загадка. На дворѣ не было ни души; даже собаки не залаяли, когда молодой человѣкъ шагомъ объѣзжалъ усадьбу. За воротами только стоялъ экипажъ съ задремавшимъ кучеромъ на козлахъ. Ѳедя узналъ коляску отца. Отчего Аркадій Степановичъ такъ долго оставался

въ Варваровкѣ? Неужели все про него, про Ѳедю, онъ велъ рѣчь съ Варварою Владиміровной? Странное недоумѣніе закопошилось у молодого человѣка, и съ тяжелымъ вопросомъ на сердцѣ онъ медленно вернулся въ Богатое.

XIII.

Было очень поздно, когда Аркадій Степановичъ пріѣхалъ. Ѳедя бросился къ нему навстрѣчу. Аркадій Степановичъ не спѣша вышелъ изъ экипажа и, взявъ сына подъ руку, молча прошелъ съ нимъ въ верхній этажъ. Во всѣхъ его пріемахъ была какая-то торжественность.

— Я сдѣлалъ, что могъ,—заговорилъ онъ, запирая за собою дверь, — и ты видишь, что я времени не пожалѣлъ.

— Она не согласна? — нетерпѣливо перебилъ его Ѳедя.

Аркадій Степановичъ развелъ руками и отрицательно покачалъ головой.

— Она пришла въ такое негодованіе,—сказалъ онъ,— что мнѣ долго пришлось ее успокаивать. Она говорила, что не давала тебѣ никакого права оскорблять ее такимъ неслыханнымъ предложеніемъ. Меня самого она не хотѣла сперва выслушать до конца. И какъ ни старался я объяснить твой поступокъ молодостью, увлеченіемъ, ты долго не добьешься отъ нея прощенія. Она поручила тебѣ сказать, что принимать тебя больше не станетъ.

Аркадію Степановичу, не привыкшему лгать, не малаго труда стоили эти слова. Какъ ни приготовлялся онъ дорогой, сочиняя эту басню, какъ ни принималъ строгій, торжественный видъ, вѣки его то и дѣло моргали и блѣдныя губы тряслись. Невыразимо скверно у него было на душѣ. И въ эту минуту онъ охотно бы отказался отъ своего незаконнаго счастія, вычеркнулъ

бы изъ своей жизни только что проведенные жгучіе часы, чтобъ избѣгнуть этого объясненія съ сыномъ. Онъ старался прочесть въ глазахъ Ѳеди, не зародилось ли у него сомнѣніе. Но Ѳедя повѣрилъ отцу, не только повѣрилъ, но принялся настойчиво разспрашивать его о мельчайшихъ подробностяхъ разговора съ Варварою Владиміровной.

— Да какъ же это? — повторялъ онъ, — вчера еще, только вчера она говорила мнѣ про свои отношенія къ мужу, довѣрялась мнѣ, какъ самому близкому другу... Нѣтъ, скажи мнѣ еще,—настаивалъ онъ,—что отвѣтила она, когда ты ей сказалъ... Очень разсердилась, да?

Молодой человѣкъ и не подозрѣвалъ, какія мученія причиняетъ отцу. Аркадій Степановичъ чувствовалъ себя, какъ уличенный подсудимый, и напускная важность его тона давила его самого, какъ уродливая маска, налѣпленная на лицо. Онъ пробовалъ отдѣлаться отъ сына, но Ѳедя не отпускалъ его, требуя все новыхъ и новыхъ разъясненій.

— Повторяю тебѣ въ десятый разъ,—уже съ явнымъ нетерпѣніемъ говорилъ Аркадій Степановичъ, — я сдѣлалъ, что могъ, но все мое краснорѣчіе не привело ни къ чему. Согласись, я принялъ на себя тяжелую, неблагодарную роль: не могу вѣдь я одобрить твоей шальной затѣи.

Легкій шорохъ заставилъ его обернуться. И то, что онъ увидѣлъ, еще усилило его смущеніе: у дверей стояла Марья Александровна, вся въ бѣломъ и сама мертвенно блѣдная. Сколько времени была она тутъ и что она разслышала изъ разговора его съ Ѳедей? По ея лицу, по скорбному выраженію стиснутыхъ губъ, Аркадій Степановичъ тотчасъ понялъ, что она не разслышала только, но и догадывается о многомъ. Обманъ, котораго и не подозрѣвалъ Ѳедя, для нея былъ ясенъ. Дрожащій голосъ мужа, неловкость тщательно подобранныхъ словъ и этотъ испугъ, который она прочла въ его глазахъ, когда онъ къ ней обернулся, все это

выдало ей тайну мужа. Она продолжала стоять, вся неподвижная, съ скрещенными руками, устремивъ на него грустные, широко раскрытые глаза. Аркадій Степановичъ хотѣлъ заговорить, но языкъ ему не повиновался.

— Какъ, ты еще не легла, мама?—участливо спросилъ Ѳедя.

Она мелькомъ посмотрѣла на сына и вздрогнула вся. Нѣтъ, въ его присутствіи она не скажетъ мужу ни одного укоряющаго слова. Она не хочетъ, чтобы ему пришлось краснѣть передъ сыномъ. Марья Александровна приневолила себя даже къ улыбкѣ. Она подошла къ сыну и заговорила ровнымъ, тихимъ голосомъ, стараясь его утѣшить. Она какъ будто даже забыла, что въ это самое утро признаніе сына вызвало у нея потокъ горестныхъ слезъ. Теперь Марья Александровна помнила одно только,—что передъ нею ея дорогой мальчикъ съ тяжестью перваго своего разочарованія на сердцѣ, и что ей надо облегчить для него эти трудныя минуты, удалить, на сколько можно, другое, еще болѣе тяжкое горе—раскрытіе ужасной для него истины. Цѣлый часъ проговорили они вдвоемъ, и отъ ея мягкаго голоса, отъ ея нѣжныхъ участливыхъ словъ миромъ повѣяло на Ѳедю. Аркадія Степановича давно уже не было въ комнатѣ: онъ ушелъ неслышными шагами, обрадованный, что можно было отсрочить хотя бы на нѣсколько часовъ неизбѣжное объясненіе съ женой.

На слѣдующее утро Марья Александровна постучалась въ кабинетъ мужа. По легкому стуку ея руки, онъ тотчасъ догадался, что эта была она, и поднялся къ ней навстрѣчу. Оба они всю эту ночь не смыкали глазъ, но безпокойнымъ и разстроеннымъ казался одинъ только Аркадій Степановичъ. Его вина передъ женой ясно читалась на смущенныхъ чертахъ. Марья Александровна нашла успокоеніе и поддержку въ долгой усердной молитвѣ.

Она хорошо понимала, что за женщина была Варвара Владиміровна и какими послѣдствіями грозила новая страсть, охватившая Аркадія Степановича на склонѣ лѣтъ. И шла она къ нему не за тѣмъ, чтобы постоять за себя и за свое оскорбленное достоинство— для такихъ упрековъ миновала пора, и бороться съ соперницей она не пыталась. Аркадій Степановичъ удивился даже, какъ мягко, почти нѣжно зазвучалъ голосъ жены. Но тѣмъ сильнѣе на этотъ разъ подѣйствовали ея слова. Она пришла заступиться за Ѳедю, за его будущее состояніе, которое отецъ вѣдь обязанъ ему оставить нетронутымъ. Да и было иное достояніе, котораго онъ еще менѣе въ правѣ лишить Ѳедю — сохраненное имъ пока уваженіе къ отцу. Что скажетъ, что почувствуетъ Ѳедя, когда раскроется правда и онъ узнаетъ, какъ выполнилъ Аркадій Степановичъ свое обѣщаніе?

Въ первую минуту онъ хотѣлъ было отрицать свой поступокъ. Еслибы Марья Александровна разразилась гнѣвными обвиненіями, онъ вѣроятно такъ бы и сдѣлалъ. Но какъ разъ потому, что въ словахъ ея слышалась одна только кроткая грусть, а во взглядѣ такая полная увѣренность въ его винѣ, онъ опустилъ передъ женой свою грѣшную голову. Въ первый разъ, быть-можетъ, онъ почувствовалъ всю мѣру своей неправоты. И если въ его лѣта влюбленный, только что достигшій цѣли своихъ желаній, способенъ чистосердечно раскаяться и самому себѣ обѣщать разстаться съ предметомъ своей страсти, съ Аркадіемъ Степановичемъ этотъ переломъ совершился. Онъ чувствовалъ себя до того пристыженнымъ, такъ давило его сознаніе отвѣтственности передъ сыномъ, что теперь, въ эту минуту, онъ готовъ былъ не только обѣщать, что не увидится болѣе съ Варварой Владиміровной, но повѣрить въ исполнимость такого обѣщанія. И совсѣмъ ужъ не глядѣлъ онъ счастливымъ любовникомъ весь этотъ день: дорогой, страшно дорогой ему казалась цѣна его недавней

побѣды. Въ его все еще густыхъ волосахъ за эти сутки много прибавилось сѣдины. И много бы онъ далъ, быть можетъ, чтобы вычеркнуть изъ своей жизни только что прожитые дни съ ихъ страстными надеждами и жгучими радостями.

Марья Александровна ушла отъ него почти успокоенная. И въ самомъ дѣлѣ, ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій, Аркадій Степановичъ не выѣзжалъ изъ Богатаго. Поджидала ли его къ себѣ Варвара Владиміровна, удивлялась ли его непонятному поведенію, сказать трудно. Какъ бы то ни было, она не прислала ему ни полслова. Молодая женщина едва ли особенно тревожилась на счетъ прочности своей власти надъ нимъ. Зато Аркадій Степановичъ глядѣлъ все мрачнѣе и мрачнѣе, безпокойно слоняясь по усадьбѣ и отдавая служащимъ противорѣчившія одно другому приказанія. Съ сыномъ и женой не говорилъ онъ почти вовсе. Онъ какъ будто дулся на обоихъ, воображая, быть можетъ, что вина его уже искуплена двухдневнымъ отреченіемъ отъ своего незаконнаго счастья.

И помимо этого впрочемъ было у него, о чемъ призадуматься. Цѣлый вечеръ онъ просидѣлъ вдвоемъ съ управляющимъ надъ конторскими отчетами. Для Аркадія Степановича это былъ трудъ далеко необычный, и сильно озабоченнымъ глядѣло его лицо, когда изъ его кабинета вышелъ Христіанъ Карловичъ. Время жатвы подходило, и нельзя было сомнѣваться теперь, что урожай будетъ изъ рукъ вонъ плохъ, и не оправдаются похвальбы ученаго датчанина. Аркадій Степановичъ даже вспылилъ на своего любимца и съ чисто русской непринужденностью позволилъ себѣ недвусмысленно выразить ему свое полное неудовольствіе. Но Христіанъ Карловичъ не испугался грозы и такъ рѣшительно перекричалъ своего патрона, что владѣлецъ Богатаго въ концѣ-концовъ опѣшилъ. Результатомъ этой бесѣды съ управляющимъ была отсылка записки на другой же день въ знакомый уже читателю хуторъ Сысоева. Петръ

Тихоновичъ цѣлыхъ трое сутокъ заставилъ себя дожидаться, но на четвертый день его одноколка все-таки въѣзжала въ широкій дворъ Богатовской усадьбы, къ немалому изумленію Ѳеди, тотчасъ вспомнившему про данное ему Лизой предостереженіе. Битыхъ два часа оставался Петръ Тихоновичъ съ глазу на глазъ съ Аркадіемъ Степановичемъ; про то, что было между ними говорено, не узналъ никто. И Петръ Тихоновичъ усѣлся въ свою одноколку все съ тою же молчаливою сдержанностью, съ какою пріѣхалъ. По лицу его однако не трудно было догадаться, что длинное объясненіе съ Аркадіемъ Степановичемъ его удовлетворило вполнѣ, и Ѳедя, нарочно поджидавшій его выхода, уловилъ на его лицѣ выраженіе скрытаго торжества. Онъ поспѣшилъ къ отцу, упрекая себя, что раньше не передалъ ему о своемъ разговорѣ съ Сысоевымъ и о странныхъ рѣчахъ Петра Тихоновича. Когда онъ принялся теперь все это разсказывать Аркадію Степановичу, тотъ выслушалъ его съ холодною строгостью. Обращеніе его съ сыномъ вообще за послѣдніе дни рѣзко измѣнилось; онъ облекся въ какую-то ледяную недоступность. Люди, не обладающіе особенно крѣпкою волей, довольно часто, когда они чувствуютъ себя виноватыми, напускаютъ на себя притворную холодность.

— Ты что-то ужъ очень за меня боишься,—нѣсколько обиженнымъ тономъ отвѣтилъ Аркадій Степановичъ на тревожныя слова Ѳеди.—Или ты за свое наслѣдство боишься, а?

Ѳедя покраснѣлъ до ушей: никогда до сихъ поръ такихъ обидныхъ словъ ему отъ отца не доводилось слышать. И чѣмъ заслужилъ онъ это? Несправедливый упрекъ вызвалъ у него запальчивый отвѣтъ.

Но Аркадій Степановичъ не вѣрно понялъ чувство, говорившее въ сынѣ, не понялъ, что Ѳедя вспыхнулъ не отъ стыда, а отъ незаслуженнаго оскорбленія. Въ глазахъ у него забѣгали недобрыя искорки, что-то почти враждебное къ сыну.

— Изъ-за чего жъ ты безпокоишься?—продолжалъ онъ въ томъ же ироническомъ тонѣ.—Или я не имѣю права принимать у себя кого хочу? Или ты думаешь, какой-нибудь Сысоевъ можетъ меня опутать, какъ малаго ребенка? Спасибо за такое лестное мнѣніе.

Начавшійся такимъ образомъ разговоръ ни къ чему привести не могъ, и Ѳедя это понялъ сразу. Всякое лишнее его слово могло бы только усилить раздраженіе Аркадія Степановича, потому что въ самой тревогѣ сына за будущее онъ видѣлъ обидное недовѣріе къ себѣ и, какъ часто это бываетъ между самыми близкими людьми, искреннее желаніе Ѳеди во-время предостеречь отца перетолковывалось въ дурную сторону, становилось въ его глазахъ дерзкимъ вмѣшательствомъ. И Ѳедя поспѣшилъ выйти изъ кабинета отца, вынося оттуда зародившееся у него въ первый разъ чувство ропота и осужденія. Онъ тотчасъ отправился къ матери разсказать ей о случившемся: съ нею, по крайней мѣрѣ, онъ могъ быть вполнѣ откровеннымъ. Но Марья Александровна не могла отвѣтить ему тѣмъ же. Она сразу догадалась о томъ, чего не могъ знать Ѳедя, поняла, отчего пріѣзжалъ Сысоевъ. И какъ разъ это она сыну объяснить не могла. Тяжело ей было нести одной свою недобрую тайну. Она вѣдь знала, что за негодованіе вызвало бы у сына сообщеніе этой тайны, и ей такъ хотѣлось услышать его горячія слова, она такъ жаждала его утѣшающихъ ласкъ... Но она не выдала себя и къ разсказу сына отнеслась даже съ притворнымъ равнодушіемъ. Но обмануть Ѳедю на этотъ разъ ей не совсѣмъ удалось: самая ея сдержанность вызвала его подозрѣнія. И, при каждой новой встрѣчѣ съ отцомъ, Ѳедя теперь съ какой-то недовѣрчивой зоркостью наблюдалъ за нимъ, какъ бы стараясь уловить на его лицѣ скрытую причину размолвки между ними, размолвки, дававшей себя чувствовать сильнѣе съ каждымъ днемъ.

Но Ѳедѣ было теперь не до того, чтобы углубляться

въ подозрѣнія. Онъ все еще не хотѣлъ вѣрить, чтобы его романъ закончился такою будничною развязкой. Дважды онъ успѣлъ уже побывать въ Варваровкѣ и, хотя каждый разъ ему говорили, что Варвары Владиміровны нѣтъ дома, онъ продолжалъ упорно добиваться свиданія. Горячія письма, полныя упрековъ и страстной мольбы, одно за другимъ посылались къ любимой женщинѣ. Отвѣта все не было. Но Ѳедя не терялъ надежды. Онъ твердо вѣрилъ, что стоитъ имъ встрѣтиться и всѣ эти нелѣпыя препятствія разсѣятся мигомъ. Всего болѣе его мучила неизвѣстность. И загляни онъ въ себя поглубже, онъ, быть можетъ, увидѣлъ бы, къ своему удивленію, что настоящаго горя въ немъ нѣтъ; и то, что онъ ощущалъ, скорѣе походило на какое-то нетерпѣливое раздраженіе. Это раздраженіе прежде всего пришлось испытать на себѣ Колѣ Хвощину. Очаровательный молодой человѣкъ, вообразившій, что онъ окончательно забралъ въ свои руки дальнѣйшій ходъ событій, былъ непріятно изумленъ поведеніемъ сестры. Онъ скоро убѣдился, что Варвара Владиміровна передъ нимъ скрытничаетъ, и всѣ его попытки довести ее до полной откровенности разбивались объ ея упорное недовѣрчивое молчаніе. На угрозы брата, и на притворныя его ласки она отвѣчала все тою же загадочною улыбкой. И вотъ, встрѣтившись съ Ѳедей у самыхъ воротъ Березовской усадьбы — молодые люди передъ тѣмъ не видались уже давно,—онъ вздумалъ пустить въ ходъ свой любимый насмѣшливый тонъ, чтобы выманить у товарища невольное признаніе. Обойти Ѳедю и заставить его обмолвиться казалось ему не труднымъ дѣломъ.

— Что, братъ?—заговорилъ онъ, хихикая,—пришлось отъѣхать, не солоно хлебавши? Ну и молодецъ ты, нечего сказать! На Варѣ жениться захотѣлъ. Законнаго мужа по боку, да маршъ подъ вѣнецъ—это тебѣ ни почемъ? Прыть-то какая, подумаешь! Вотъ до чего деревенская скука доводитъ.

Коля зналъ про отказъ сестры. Но съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ подозрѣвать, что Варвара Владиміровна такъ поступила только для виду, и на самомъ дѣлѣ между ею и Ѳедей существуетъ полное согласіе. То, что ему довелось услыхать отъ товарища, надолго отбило у него охоту надъ нимъ подшучивать. Ѳедя нисколько не измѣнился въ лицѣ, только глаза у него вспыхнули.

— Послушай, мой милѣйшій,—сказалъ онъ спокойно, хоть и слегка задрожавшимъ голосомъ,—говорю тебѣ разъ навсегда и прошу это зарубить себѣ на носъ, имени твоей сестры не смѣй произносить при мнѣ никогда, слышишь? Если тебѣ не хватаетъ ума и такта понимать это самому, такъ знай, что я этого не допущу,—ни тебѣ, ни кому другому я не позволю говорить про Варвару Владиміровну иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. А затѣмъ я съ тобой терять лишнихъ словъ не намѣренъ. Что, мать твоя дома?

Коля разомъ опѣшилъ.

— Ишь какъ распѣтушился!—засмѣялся онъ въ отвѣтъ, чтобы какъ-нибудь прикрыть свое отступленіе. Болѣе энергичнаго протеста у него не нашлось.

Ѳедя, не дожидаясь отвѣта, пришпорилъ лошадь и подъѣхалъ къ крыльцу. На этотъ разъ его не скоро однако, допустили къ Надеждѣ Максимовнѣ. Слуга, выбѣжавшій на его окликъ, посмотрѣлъ на него страннымъ, испуганнымъ взглядомъ и тотчасъ скрылся. Затѣмъ поднялась по дому бѣготня, хлопнула дверь, и долго потомъ доносился изъ передней торопливый шопотъ чьихъ-то голосовъ. Наконецъ, молодого человѣка впустили.

Надежда Максимовна сидѣла у себя въ кабинетѣ въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, сложивъ руки на колѣняхъ. Когда Ѳедя вошелъ, глаза ея устремились на него съ выраженіемъ строгой и почти торжественной печали. Онъ хотѣлъ было, какъ всегда, поцѣловать ея руку, но старушка не дала ему этого сдѣлать.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ?.. Не надо,—сказала она торопливо какъ-то и будто совѣстясь чего-то.—Знаешь, я и принимать тебя не велѣла сперва. Да, Ѳедя, вотъ до чего дошло! Ну, да потомъ рѣшила, что все-таки лучше переговорить съ тобой обо всемъ,—можетъ, и образумишься. Я вѣдь все знаю, Ѳедя, все...

Сперва, приготовляясь къ предстоящему объясненію, Надежда Максимовна собиралась говорить съ нимъ холодно и строго, но противъ ея воли съ каждымъ новымъ словомъ голосъ ея становился мягче, и грусть въ немъ только слышалась, а не раздраженіе. Она помолчала немного, чуть-чуть покачавъ головой и будто устремляя свою мысль вслѣдъ за какимъ-то очень, очень тяжелымъ воспоминаніемъ. Ѳедя не зналъ, что сказать. И совсѣмъ нехорошо у него было на сердцѣ.

— Да, Ѳедя, не ожидала я отъ тебя этого. Огорчилъ ты меня и обидѣлъ. Статочное ли дѣло — самъ подумай—чужую жену у мужа отнять?

Кровь вдругъ хлынула въ лицо Надежды Максимовны, и, отдаваясь новому приливу волненія, она заговорила быстрѣе.

— Жениться на замужней! Грѣхъ-то какой! Да когда и какъ эта блажь у тебя въ головѣ-то зародилась? Когда я узнала, просто вѣрить не хотѣла... Правда, мнѣ давно на тебя наговаривали, а только этакой дури я все-таки отъ тебя не ожидала... Да присядь же Ѳедя, присядь,—чего стоишь?—оборвала она свою рѣчь.—Долго придется слушать тебѣ мои наставленія: такъ ужъ я тебя не отпущу. Ты долженъ мнѣ честное, святое слово дать, что выкинешь все это изъ головы...

Она опять помолчала.

— И за то спасибо тебѣ, что, по крайней мѣрѣ, не лжешь, не отнѣкиваешься. Ну, да правда, оно ни къ чему бы и не повело. Тутъ вотъ всѣ твои письма,—Варя ихъ сама мнѣ отдала.

Надежда Максимовна указала Ѳедѣ на лежавшую на столѣ пачку. Ѳедя теперь только ихъ замѣтилъ.

— Какъ! Вы прочли, все прочли!—воскликнулъ онъ, и яркая краска разлилась по его щекамъ.

— Стыдно тебѣ, да? Тѣмъ лучше, коли стыдно. Да скажи же наконецъ, объясни мнѣ, откуда у тебя взялась эта дурь? Вѣдь Варя на цѣлыхъ шесть лѣтъ тебя старше.

Тутъ у молодого человѣка наконецъ развязался языкъ. Заговоривъ о годахъ дочери, Надежда Максимовна словно облегчила ему отвѣтъ. Онъ ухватился за ея слова, хоть и не намѣренно, быть можетъ, и рѣчь его полилась свободно и горячо. Совершенно открыто онъ заговорилъ о своей любви, оправдывая свой поступокъ многочисленными примѣрами подобныхъ браковъ. Онъ упомянулъ даже о томъ, что Варвара Владиміровна не была счастлива съ мужемъ. Но этого Надежда Максимовна уже не вытерпѣла. Съ заблестѣвшими глазами, вся выпрямившись на своемъ креслѣ, она разомъ остановила Ѳедю.

— Да тебѣ-то какое дѣло, помилуй? Кто тебя поставилъ судьей между нею и мужемъ? Хорошъ онъ или нѣтъ, она—его законная жена, она по гробъ обязана жить съ нимъ и быть ему вѣрной. И не такому мальчишкѣ, какъ ты, вводить новые законы. Или ты думаешь, я когда-нибудь это допущу? А безъ моего разрѣшенія Варя моя собой располать не станетъ,—не таковская она! Я думала, ты ко мнѣ съ повинною головой, а ты еще вотъ говоришь, что у тебя будто какое-то право есть чужимъ женамъ новое счастье сулить. Ахъ, Ѳедя, Ѳедя, не слыхать бы мнѣ этого отъ тебя, не видать бы мнѣ такого срама!

Ѳедя, пока она говорила, все время раздумывалъ про себя, какъ это Варвара Владиміровна могла рѣшиться показать его письма матери. Онъ сгоралъ отъ стыда, отъ стыда за самого себя и за свою бѣдную оскорбленную любовь. Тѣ самыя строки, которыя онъ писалъ не задумываясь и предназначая для нея одной, онѣ казались ему нелѣпымъ бредомъ съ тѣхъ

поръ, какъ узналъ, что прочла ихъ Надежда Максимовна.

— Такъ что же она вамъ сказала,—тревожнымъ голосомъ спросилъ онъ,—отдавая вамъ эти письма? Повторите мнѣ каждое ея слово, пожалуйста.

— Да ты, я вижу,—совсѣмъ уже гнѣвно воскликнула Надежда Максимовна,—все еще не хочешь разстаться съ этими глупыми бреднями. На что тебѣ ея слова? Вѣдь говорятъ тебѣ: не бывать этому, и не только потому, что я такого срама не допущу, сама Варя про это и слышать не хочетъ. Знаешь, что она просила тебѣ передать? Чтобы ты впередъ ее оставилъ въ покоѣ и къ ней болѣе не писалъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ.

Ѳедя уже не возражалъ и не слушалъ даже, что говорила Надежда Максимовна. Долго еще старушка твердила одно и то же. Ея слова только жужжали въ его ушахъ, не проникая далѣе. Наконецъ, измученный и утомленный, онъ всталъ и простился. Когда онъ проходилъ черезъ сосѣднюю комнату, въ дверяхъ показалась Настя. Она хотѣла быстро пройти мимо, но онъ остановилъ ее.

— Что это, Настя?—спросилъ онъ, грустно улыбаясь,—вы стали меня бояться, что ли? Или вамъ не велѣно со мною говорить?

Сперва она посмотрѣла на него нерѣшительно, потомъ отвѣтила, протягивая руку.

— Нѣтъ, не боюсь; коли хотите, пойдемте въ садъ— тамъ хорошо теперь.

Онъ понялъ, что ей тоже все извѣстно. И хотя съ нею нельзя было говорить обо всемъ этомъ, ему хотѣлось какъ бы отдохнуть въ ея обществѣ. Въ глазахъ дѣвушки онъ прочелъ, какъ и тогда въ лѣсу, какое-то безсознательное, тихое сочувствіе, отъ котораго миромъ вѣяло на его взволнованное сердце. Они пошли сперва молча, не зная, какъ говорить. Вечеръ наступалъ, и каждая вѣтка, каждый листъ въ саду будто цѣпенѣлъ въ предвкушеніи сладкой дремоты.

— Настя,—вдругъ началъ онъ почти шопотомъ,—я вижу вы все знаете... вамъ сестра должно быть сказала, да?

Она только кивнула головой.

— Что жъ вы меня тоже осуждаете, тоже находите въ этомъ что-то ужасное, какъ ваша мать?

— Осуждать васъ? Да развѣ я могу, да и виноваты вы развѣ, если...

Онъ договорилъ за нее.

— Если я полюбилъ вашу сестру? Вотъ чего вы сказать не рѣшились! Конечно, гдѣ вамъ про это судить! Глупо съ моей стороны, что я заговорилъ съ вами объ этомъ, но мнѣ показалось, что вамъ будто... жаль меня немножко, и вы, хоть и очень молоды, а чутьемъ поймете, что бываютъ случаи, когда люди—только несчастны, а виноватыхъ нѣтъ.

Она слегка опустила голову и не отвѣтила. Они дошли до того мѣста, гдѣ стояла ея любимая скамейка, и оба усѣлись рядомъ. Сперва Ѳедя дѣлалъ усиліе надъ собой, говоря съ ней о постороннихъ предметахъ, но мало-по-малу ея голосокъ, какъ бы сливаясь съ тихимъ голосомъ ночи, незамѣтно принесъ ему успокоеніе. А вечеръ между тѣмъ обступалъ ихъ все ближе, спокойный, торжественный іюльскій вечеръ, весь наполненный сладкимъ трепетомъ и тихимъ сіяніемъ звѣздъ. И дѣвушка въ своей бѣлой, легкой одеждѣ, съ мягкими волнами свѣтлыхъ волосъ, въ которыхъ точно блестѣло отраженіе звѣздъ, казалась неземнымъ существомъ, сошедшимъ съ отдаленныхъ небесъ принести ему миръ и утѣшеніе.

Вдругъ издали послышались торопливые, легкіе шаги, и знакомый голосъ проговорилъ.

— Настя, дружокъ мой, оставь насъ пожалуйста вдвоемъ съ Ѳедоромъ Аркадьевичемъ. Только не говори никому, что я здѣсь.

Ѳедя вскочилъ съ мѣста ошеломленный и очутился лицомъ къ лицу съ Варварой Владиміровной. Минуту спустя они были одни въ потемнѣвшемъ саду.

XIV.

Въ тотъ же самый день, только нѣсколькими часами раньше, въ Березовкѣ происходила сцена иного рода. Во флигелькѣ, у Герасима Павловича, двое гостей сидѣли за чаемъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый слуга Аркадія Степановича, Трофимъ, другой—тоже старикъ, купецъ Михей Гавриловичъ Веревкинъ. Когда-то, еще во время крѣпостнаго права, Михей Гавриловичъ торговалъ широко на весь уѣздъ, но съ тѣхъ поръ, не сумѣвъ должно быть примѣниться къ новымъ порядкамъ, онъ понемногу шелъ подъ гору, и теперь уже пробавлялся одними грошевыми дѣлишками. Отъ прежнихъ лѣтъ онъ сохранилъ одно лишь—степенность обращенія, да еще благочестивыя привычки человѣка прежняго закала. Герасимъ Павловичъ уважалъ его по старой памяти. Ходилъ онъ, по стародавнему, въ длиннополомъ кафтанѣ, всегда опрятномъ, хоть и сильно потертомъ. Герасимъ Павловичъ совѣтовался съ нимъ охотно.

— Вотъ бы все съ такими людьми, какъ вы,—говаривалъ онъ часто,—вести комерцію. А то пошли теперь совсѣмъ иные люди: и совѣсти нѣтъ въ нихъ, и уваженія никакого, не то, что прежде.

Маленькое общество было, повидимому, въ невеселомъ настроеніи. Старикъ Трофимъ, почтительно отхлебывая чай въ прикуску, отводилъ душу, откровенно повѣряя давнишнему своему пріятелю Щукину домашнія дѣла.

— Неладное у насъ творится,—разсказывалъ онъ,—боязно мнѣ за Аркадія Степановича и за наше Богатое. Не видать моимъ старымъ глазамъ, какъ прахомъ пойдетъ родное гнѣздо.

— Такъ кому же устоять послѣ этого,—замѣтилъ Михей Гавриловичъ, коли самому Аркадію Степановичу грозитъ бѣда?

— Да, вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ тестя ихняго, Марьи Александровны батюшку, похоронили, все у нихъ пошло вкривь да вкось. Больно видѣть, какъ барина нашего обходятъ да обкрадываютъ всѣ, отъ самаго ихняго нѣмца ученаго—чтобъ пусто ему было—до послѣдняго что ни на есть рабочаго. Они и въ толкъ не возьмутъ, откуда все это убытки да убытки. Душа человѣкъ — Аркадій Степановичъ, только не хозяйство бы ему вести: больно горячъ да къ людямъ довѣрчивъ. Барыня наша, Марья Александровна, все видятъ лучше ихъ самихъ и всячески ихъ урезониваютъ, только Аркадій Степановичъ ихъ слушаются плохо. А Марья Александровна не въ батюшку уродилась, — смирная такая, кроткая: скажутъ слово, а настоять на своемъ не умѣютъ, и плачутъ только втихомолку, — сколько разъ самъ видѣлъ. Вотъ на этихъ дняхъ, намедни, то-есть, Петрушка Сысоевъ опять къ барину наѣзжалъ, цѣлый вечеръ съ ними просидѣлъ, въ кабинетѣ запершись. Ужъ добру отъ этого не бывать,—сами посудите: слышно, Петрушка Сысоевъ хвастался даже, — Трофимъ проговорилъ это вполголоса,—что скоро Аркадій Степановичъ у него будутъ во власти, и стоитъ ему захотѣть, Сысоеву, то-есть, половина Богатовской вотчины къ нему перейдетъ.

— Пустое онъ мелетъ, — гдѣ ему? — отозвался Веревкинъ.

— Пустое-то пустое, а и то сказать: барину на зарѣзъ деньги нужны... и, чтобъ были сейчасъ, — вынь да положь. Въ городъ ѣздилъ, у всѣхъ купцовъ перебывалъ, только ему такъ не вѣрятъ, безъ закладной, то-есть. Теперь не то, что прежде, Михей Гаврилычъ, не по-вашему. Вы, я знаю, господамъ и такъ вѣрили.

— Ну вотъ,—усмѣхнулся Веревкинъ, оттого должно быть и проторговался.

— Теперь уже нѣтъ того, чтобы по совѣсти, по душѣ, то-есть, вести дѣло. Ну, и то сказать, Герасимъ

Павлычъ, баринъ нашъ слабъ ужъ больно, расчету не знаетъ, не то, что Надежда Максимовна.

— Ахъ, и у насъ не совсѣмъ ладно,—со вздохомъ произнесъ Щукинъ.—Надежда Максимовна—хозяйка настоящая, положимъ, только больно ужъ дѣтокъ своихъ жалѣетъ, да и жалѣетъ не по разуму. Теперь имъ ни въ чемъ отказу нѣтъ, а послѣ-то что будетъ.

Стукъ подъѣхавшаго экипажа прервалъ Герасима Павловича. Онъ взглянулъ въ окно и развелъ руками.

— Да это самъ Петрушка Сысоевъ пожаловать изволилъ,—воскликнулъ онъ.

Минуту спустя, Петръ Тихоновичъ входилъ въ комнату своей мягкой, беззвучной походкой. Онъ прямо подошелъ къ Щукину, не обративъ никакого вниманія на остальныхъ и не взглянувъ даже на красный уголъ съ образами.

— Потрудитесь, Герасимъ Павлычъ—сухо и дѣловито заговорилъ онъ,—доложите обо мнѣ Надеждѣ Максимовнѣ: деньженки привезъ за лѣсъ.

— Какъ же это-съ? — удивился Щукинъ, — даже раньше срока.

— Ну, что, какіе тамъ сроки!—презрительно махнулъ рукой Петръ Тихоновичъ, усаживаясь на стулъ. — Какая-нибудь недѣля разницы, стоитъ объ этомъ говорить. Имѣлъ случай побывать въ городѣ, ну и захватилъ тамъ деньги изъ банка. Такъ потрудитесь извѣстить барыню.

— Надежды Максимовны, кажись, дома нѣтъ-съ.— Тому часъ выѣхали въ поле... Да вы мнѣ деньги можете передать, Петръ Тихонычъ, — имѣю на то довѣріе-съ, изволите знать.

— Нѣтъ, ужъ позвольте, коротко оборвалъ Сысоевъ,— желаю самолично Надеждѣ Максимовнѣ вручить. Да кстати дѣльце до нея маленькое... Такъ вы ужъ доложите.

Герасимъ Павловичъ взялъ картузъ и вышелъ, какъ-то испуганно озираясь. Сысоевъ теперь круто обернулся въ сторону Михея Гавриловича, къ которому до

сихъ поръ сидѣлъ обернувшись спиной, какъ бы его не замѣчая. Трофимъ успѣлъ давно убраться.

— А!—протягивая руку, съ покровительственной улыбкой заговорилъ Сысоевъ,—Михей Гаврилычъ, не правда ли? Такъ, кажется?.. Давненько съ вами не видались.

Веревкинъ не моргнулъ глазомъ и равнодушно прикоснулся всей ладонью къ протянутой рукѣ Петра Тихоновича.

— Давненько будетъ, лѣтъ пять, — спокойно отозвался онъ.

— А что, дѣла какъ?—Все торговать изволите? — съ притворнымъ добродушіемъ разспрашивалъ Сысоевъ.

— Какая торговля?—На базарѣ кульковъ шесть, либо семь, да ленку немножко закупимъ, потомъ другимъ продаемъ, кто покрупнѣе насъ. Дѣло самое пустое! Изъ купцовъ въ прасолы обратился на старости лѣтъ,—такая ужъ, видно, воля Божія.

— А было время,—ваше имя на весь уѣздъ, такъ сказать, гремѣло.—Что это съ вами такое приключилось Михей Гаврилычъ?

У старика на мигъ что-то блеснуло въ глазахъ, но онъ не далъ воли раздраженію, и отвѣчалъ также сдержанно и тихо.

— Должно-быть, расчеты плохо соображалъ. Ну и приказчикъ тоже, котораго посылалъ на низъ хлѣба закупать, съ моими деньгами скрылся. А всего вѣрнѣе сказать—воля Божія... Ну, а вы, Петръ Тихонычъ?—послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ въ свою очередь Веревкинъ:—хлѣбомъ занимаетесь?

— Гм, нѣтъ, слуга покорный!—засмѣялся Сысоевъ.— Мы любимъ вести дѣло на чистоту:—вотъ вамъ товаръ, а вы намъ деньги подавайте. Ну, а съ хлѣбомъ развѣ такъ можно? Иной мужикъ вмѣсто зерна вамъ сору навезетъ, да и что куль, то сортъ другой. И вся торговля только состоитъ, что обвѣшивать да обмѣривать. А это не по нашему. Вѣдь признайтесь, Михей Гаври-

лычъ, хоть человѣкъ вы богобоязненный, а случалось вамъ мужичка поприжать да принадуть.

— Случалось, грѣшенъ, на этотъ счетъ,—что и говорить... Зато и другое съ нами бывало, что мои собственныя денежки за кѣмъ-нибудь пропадали.

— Ну, вотъ видите, какъ васъ Богъ-то наказалъ за незаконные барыши! Да и барыши-то плевые. И, признаться, что тутъ на Бога клепать, будто черезъ него все вышло?.. Богъ тутъ не при чемъ, а именно изъ-за того, что денежки кое-за кѣмъ пропали да расчеты вели спустя рукава, да приказчику довѣряли слишкомъ. Оттого и въ трубу изволили вылетѣть. А я вотъ за чужимъ добромъ не гонюсь, но коли мнѣ кто долженъ, никому копѣйки не спущу.—И Петръ Тихоновичъ стукнулъ рукой по столу.—И чтобы деньги кому-нибудь давать безъ обезпеченія... ни, ни!..

На этомъ засталъ ихъ вернувшійся Герасимъ Павловичъ. Лицо его казалось необыкновенно грустнымъ.

— Пожалуйте, барыня васъ проситъ, — сказалъ онъ Сысоеву.

Надежда Максимовна вернулась съ своей поѣздки въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Въ послѣдній разъ передъ жатвою, которая должна была начаться на другой же день, она захотѣла взглянуть на поля, и поля ее порадовали. Богатыми волнами побурѣвшаго золота отливали спѣлыя нивы. У мужиковъ тоже стоялъ хлѣбъ настоящій. Надеждѣ Максимовнѣ попадались все одни довольныя лица. И когда Настя, правившая кабріолетомъ, въ которомъ онѣ ѣхали вдвоемъ, попросила у нея позволенія завернуть въ деревню, чтобы навѣстить тамъ одну больную, Надежда Максимовна не только согласилась, но оказала помощь щедрою рукой, гдѣ было нужно.

Дома Надежда Максимовна застала дожидавшуюся ее старшую дочь. И странное дѣло! какъ ни любила она свою Варю, ее словно охватило недоброе предчувствіе, когда ей сказали, что Варвара Владиміровна

здѣсь. До сихъ поръ молодая женщина совсѣмъ не говорила съ матерью про свои отношенія къ Ѳедѣ Клусову, и Надежда Максимовна ее не разспрашивала— на то она слишкомъ ей довѣряла. Ядовитыя намеки сына только скользнули по ней, слегка лишь измѣнивъ ея прежнее расположеніе къ Ѳедѣ. Она допускала легкомысленное увлеченіе со стороны молодого человѣка, но подозрѣвать дочь въ сознательномъ и расчитанномъ кокетствѣ она не могла. И теперь Варвара Владиміровна такъ весело и беззаботно принялась разсказывать матери объ ухаживаніи молодого человѣка, что явилась передъ ней, въ невинной роли неопытной женщины, не сумѣвшей только во-время остановить слишкомъ замечтавшагося юношу. Съ притворно добродушнымъ ужасомъ она вручила матери письма Ѳеди, прося научить ее, какъ слѣдовало бы поступить. Сперва ей это казалось милой и забавною шуткой; она не хотѣла вѣрить, чтобы такой мальчикъ, какъ Ѳедя, могъ серьезно увлечься ею, — оттого она и не считала нужнымъ про это говорить матери. Но теперь, когда онъ сталъ чуть не каждый день ей посылать эти глупыя письма, даже позволилъ себѣ думать о женитьбѣ — женитьбѣ на замужней! что за нелѣпость!—она чувствуетъ, что поступила неосторожно, и дорого бы дала, чтобы отдѣлаться отъ его преслѣдованія. Но какъ это сдѣлать, не оскорбляя бѣднаго мальчика, который все-таки очень милый и добрый, хотя страшно надоѣлъ ей своею любовью? Все это сопровождалось выраженіемъ самаго наивнаго испуга, не мѣшавшаго, впрочемъ, миловиднымъ чертамъ молодой женщины очаровательно улыбаться.

Но, слушая дочь, Надежда Максимовна совсѣмъ не улыбалась. Она всплеснула даже руками, услыхавъ о предложеніи Ѳеди и пробѣжавъ его письма. Въ ея глазахъ это было не простое юношеское увлеченіе,— это была настоящая, непростительная вина. Разсказъ дочери огорчилъ старушку глубоко. И Варвара Влади-

міровна достигла своей цѣли вполнѣ. Довѣріе къ ней матери еще усилилось. Надежда Максимовна принялась даже утѣшать свою Варю. И молодая женщина поспѣшила воспользоваться произведеннымъ впечатлѣніемъ. „Я пріѣхала къ вамъ, не за однимъ этимъ“, начала она, ласкаясь къ матери, но переходя въ то же время отъ прежняго веселаго тона къ озабоченному: „мнѣ надо съ вами переговорить о Колѣ, и серьезно переговорить“. Того, что послѣдовало за этимъ вступленіемъ, Надежда Максимовна никакъ не ожидала. Она привыкла видѣть между сыномъ и старшею дочерью постоянную глухую вражду, и сильно огорчалась этимъ. Тѣмъ болѣе удивилась она, когда Варвара Владиміровна принялась сообщать ей, какъ тайну, о которой будто бы Коля не смѣетъ заикнуться передъ матерью, что онъ запутался ужасно и всякая мысль о поступленіи въ полкъ должна быть оставлена, если мать не придетъ къ нему на помощь. Сама она про это узнала только недавно, и братъ умолялъ ее не говорить матери, но она рѣшилась не исполнить его просьбы, такъ какъ нѣтъ иного средства его выпутать изъ бѣды. Въ искренности ея словъ Надежда Максимовна не думала сомнѣваться. Только ей страннымъ казалось, что Коля, всегда такой настойчивый, даже наглый въ своихъ требованіяхъ, сдѣлался вдругъ сдержаннымъ и робкимъ. Но и на это у Варвары Владиміровны имѣлось объясненіе. Коля былъ вынужденъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, обратиться къ матери, потому что ему покоя не давали самые вопіющіе долги, такъ-называемые долги чести, уплатой которыхъ медлить нельзя, какъ разъ потому, что платить большею частью приходится самымъ богатымъ изъ товарищей. Но теперь остается еще рядъ обязательствъ уже иного свойства, которыя, хотя и не затрогиваютъ чести, все-таки не терпятъ долгой отсрочки: Коля занималъ у ростовщиковъ. Это было, правда, ужасно легкомысленно, совсѣмъ даже непростительно съ его стороны,

но что же дѣлать, коли молодость не знаетъ себѣ удержа, и товарищи, какъ бы взапуски, другъ друга втягиваютъ въ бездонный омутъ своей распущенности? И какъ ни дурно, какъ ни преступно даже все это, лучше все-таки во-время помочь.

Это говорилось съ нѣжнымъ участіемъ въ глазахъ, и молодая женщина то и дѣло своими поцѣлуями старалась хоть сколько-нибудь смягчить ударъ, нанесенный матери. Надежда Максимовна не перебивала ее, до того ошеломленная этими вѣстями, что у нея не вырвалось даже ни одного восклицанія. Въ первый разъ, быть-можетъ, она чувствовала себя надломленною и смятою роковой силой обстоятельствъ; въ первый разъ она сознавала въ себѣ полную немощь и не видѣла предъ собой исхода. Да, исходъ, правда, имѣлся, онъ даже прямо неизбѣженъ, но ясная голова старушки хорошо видѣла, куда онъ велъ, этотъ исходъ. Не корыстолюбивая женщина была Надежда Максимовна и не для себя копила она свои маленькія сбереженія. Ни у кого истинная нужда не находила такой скорой, готовой помощи, какъ именно у нея, небогатой березовской помѣщицы. Но къ дѣтямъ, къ родовому гнѣзду она была привязана всѣмъ своимъ добрымъ и до сихъ поръ крѣпкимъ сердцемъ, и сохранить это гнѣздо нетронутымъ, устроеннымъ для этихъ дѣтокъ— было ея главною заботой. И вотъ, въ одинъ какой-нибудь вечеръ, за азартною игрой, ея Коля до основанія потрясъ хрупкое созданіе ея рукъ. Она вѣдь предчувствовала, что на этомъ дѣло не остановится, что новая тяжелая жертва только отсрочитъ минуту конечной гибели. На уплату какимъ-то жидамъ уйдутъ деньги за вѣковой лѣсъ, съ которымъ ей было такъ горько разставаться, а потомъ ея бѣдную, дорогую Березовку обступятъ со всѣхъ сторонъ новыя требованія, новые долги. А этимъ деньгамъ за Лисицинскій лѣсъ она давала въ своихъ мечтахъ еще недавно иное назначеніе—половина должна была идти на устройство

маленькой больницы въ Березовкѣ, о чемъ Надежда Максимовна думала уже много лѣтъ; другая половина — на ремонтъ усадьбы и на прикупку машинъ. Теперь все это надо было оставить, оставить надолго, навсегда...

— Ахъ, дѣтушки вы мои, дѣтушки! — какъ бы про себя, страдальческимъ голосомъ вымолвила Надежда Максимовна,—пустите вы меня по міру, да и себя тоже заодно со мной. Берегла я васъ, холила, а вы только что въ лѣсъ и смотрите... и думаете только, какъ бѣдное мое добро, что про васъ я копила, растащить, да расхитить. Подождите-ка лучше: умру я, скоро умру — все ваше будетъ...

И горькія слезы хлынули изъ глазъ Надежды Максимовны. Теперь она подлинно глядѣла старухой.

— Не убивайтесь, матушка, не плачьте,—пробовала ее успокоить Варвара Владиміровна.

Надежда Максимовна встрепенулась.

— Сама знаю, — сказала она, и голосъ ея сталъ опять твердымъ,—что напрасно я это говорю, что надо сдѣлать по твоему, надо Колѣ все отдать, что хотѣла я приберечь. Слезами тутъ не поможешь... Ничего вѣдь для васъ не пожалѣю, послѣднюю копѣйку отдамъ. Только пользы отъ этого не будетъ, Варя: сегодня заткну я эту дыру, а завтра прорвется опять...

— Могу васъ увѣрить, мама,—настойчиво твердила Варвара Владиміровна, — что это въ самый, самый послѣдній разъ: Коля пойметъ, что̀ вы для него дѣлаете. Ему тяжело, очень тяжело, ему стыдно даже вамъ на глаза показаться.

Надежда Максимовна продолжала однако недовѣрчиво качать головой, и послѣдняя запоздалая слезинка медленно скатывалась по ея щекѣ. Вдругъ въ дверяхъ показался Щукинъ.

— Что тебѣ?—выпрямляясь, быстро, почти испуганно спросила Надежда Максимовна.

— Сысоевъ пріѣхалъ,—коротко отвѣтилъ Герасимъ,

заложивъ руки за спину, — деньги за лѣсъ привезъ... желаетъ васъ видѣть.

Что-то блеснуло въ глазахъ Варвары Владиміровны. Мать посмотрѣла на нее пристальнымъ взглядомъ, и какая-то недобрая догадка словно мелькнула у нея въ умѣ.

— Такъ приведи его сюда, — промолчавъ немного, приказала она Щукину.

Тотъ безпокойно повелъ глазами сперва на нее, потомъ на Варвару Владиміровну.

— Да на что вамъ, матушка безпокоиться-то?—сказалъ онъ,—могу вѣдь и я деньги получить и за васъ расписаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, зови его сюда, — настойчиво повторила Надежда Максимовна.

Щукинъ повернулся, чтобы идти.

— Ты сказалъ, кажется,—остановила его Надежда Максимовна,—что онъ меня спрашивалъ, да? И знаешь ты, зачѣмъ?

— Онъ говоритъ, есть у него до васъ дѣло,—какъ-то нехотя отвѣтилъ Щукинъ, и тотчасъ затѣмъ вышелъ.

Пять минутъ спустя онъ вернулся съ Петромъ Тихоновичемъ. Сысоевъ почтительно и важно поклонился Надеждѣ Максимовнѣ, нѣсколько небрежнѣе ея дочери, и заговорилъ ровно и беззвучно, будто дѣло шло о совершенныхъ пустякахъ.

— Принесъ вамъ деньги за Лисицинскій лѣсъ— извольте получить.

Старушка, не теряя даромъ словъ, взяла изъ его рукъ пачки ассигнацій, бережно ихъ сосчитала и положила возлѣ себя на столъ. Сысоевъ и Щукинъ оба удивились, какъ это она, по обыкновенію, не идетъ къ себѣ запереть деньги въ шкатулку. Надежда Максимовна все такъ же молча расписалась въ полученіи своимъ крупнымъ, отчетливымъ почеркомъ; Сысоевъ, получивъ росписку, не трогался съ мѣста.

— Что-жъ,—спросила его Надежда Максимовна,—имѣете, что еще сказать?

— Да вотъ,—все тѣмъ же беззвучнымъ тономъ заговорилъ Петръ Тихоновичъ, — одно дѣло у насъ слажено, такъ думается, не взяться ли за другое?

Безпокойная волна точно пробѣжала по лицу Надежды Максимовны, а глаза Щукина какъ-то испуганно забѣгали. Одна Варвара Владиміровна оставалась совершенно безучастной.

— Какое дѣло?—будто удивилась старушка.

— Сами знаете какое. Давно предлагалъ вамъ купить у васъ землельку, что подъ Гусевскимъ хуторомъ. Такъ вотъ не желаете ли теперь?

— Нѣтъ, нѣтъ! — заторопилась Надежда Максимовна,—чего толковать? Сказала тебѣ разъ, что не продамъ, ну и будетъ съ тебя.

Руки у ней тряслись, а въ голосѣ далеко не было той увѣренности, съ какою она прежде отказывала Сысоеву.

— Какъ вамъ будетъ угодно, -- тихо проговорилъ Петръ Тихоновичъ, все не двигаясь съ мѣста,—только мы вамъ покупатели, коли задумаете продать.

И онъ выставилъ правую ногу впередъ, какъ бы выражая этимъ увѣренность, что рано или поздно согласіе будетъ дано.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторила Надежда Максимовна и, подождавъ немного, добавила. — А по чемъ ты даешь?

— Цѣна все прежняя-съ,—не безъ нахальства засмѣялся Петръ Тихоновичъ, — землѣ вашей, кажись, достоинства не прибавилось.

— Ну и отвѣтъ мой прежній.

— Какъ будетъ вамъ угодно.

И сказавъ это, Сысоевъ выставилъ впередъ лѣвую ногу.

Несмотря однако на рѣшительность отказа, Надежда Максимовна почему-то не смѣла глядѣть на старика Щукина: она чувствовала, что тотъ читаетъ ея мысль.

И разговоръ съ Сысоевымъ продолжался еще добрыхъ четверть часа. Хотя рѣчь уже между ними не заходила о продажѣ хутора, Петръ Тихоновичъ, повидимому, остался доволенъ своею бесѣдой съ Березовской барыней. Выходя на крыльцо, онъ не счелъ нужнымъ скрывать заигравшей на его лицѣ улыбки торжества. И, потрепавъ фамильярно Щукина по плечу, онъ сказалъ, усаживаясь въ свою телѣжку:

— А вѣдь скоро хуторъ-то будетъ мой, Герасимъ Павлычъ, а?

— На то барская воля,—покорно отвѣтилъ старикъ.

Проводивъ Сысоева, Герасимъ Павловичъ вернулся къ баринѣ. Онъ засталъ ее одну. На столѣ возлѣ нея уже не было денежныхъ пачекъ.

— Я вижу, матушка,—заговорилъ онъ,—что деньги вы ужъ изволили спрятать. А то я хотѣлъ вамъ предложить,—не вѣрнѣе ли будетъ ихъ въ контору отнести, да въ желѣзный ящикъ запереть?

Онъ получилъ отвѣтъ не сразу.

— Нѣтъ, все равно, минуту спустя беззвучно произнесла Надежда Максимовна. Но потомъ, всмотрѣвшись въ устремленные на нее честные, преданные глаза стараго управляющаго, она добавила.—Да коли правду тебѣ сказать, Герасимъ, денегъ я не прятала совсѣмъ, а отдала ихъ Варѣ.

Щукинъ всплеснулъ руками, хотя, быть-можетъ, въ глубинѣ души онъ и ожидалъ этого.

— Матушка, да какъ же это? — заголосилъ онъ. — Что же мы теперь будемъ дѣлать? А больница-то? А постройки?

Надежда Максимовна только махнула рукой.

— И стало-быть выходитъ оно, что отдали мы Лисицинскій лѣсокъ-то задаромъ?.. Потому дѣткамъ-то вашимъ на что эти деньги? На блажь одну, на мотовство!

Въ иное время Надежда Максимовна строго остановила бы Щукина за такія слова, но теперь сила сопро-

тивленія у нея была надломлена. Ей было совѣстно передъ старикомъ Щукинымъ и, какъ бы извиняясь, она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Ахъ, Герасимъ, Герасимъ! Да вѣдь они мнѣ дѣти,—подумай!.. Могу я имъ развѣ отказать?

Герасимъ Павловичъ не возразилъ ни слова. Онъ только отеръ правымъ рукавомъ тихія слезинки, навернувшіяся у него на глаза.

— Матушка,—заговорилъ онъ опять,—а что вы изволили сказать Петрушкѣ Сысоеву на счетъ хутора? Неужто вы взапрямь рѣшитесь земельку ему продать?

— Нѣтъ, нѣтъ, Герасимъ, я вѣдь отказала. Ты развѣ не слышалъ?

— Положимъ что слышалъ, матушка, только... все же вы какъ будто ужъ не по старому, не такъ рѣшительно отказали... И хвалился мнѣ Петрушка, отъѣзжая, что хуторъ нашъ будетъ непремѣнно за нимъ.

— Въ будущемъ одинъ Богъ воленъ, Герасимъ,—вполголоса, опуская глаза, отвѣтила Надежда Максимовна, и, сказавъ это, схватила обѣими руками вязанье, лежавшее у нея на колѣняхъ. Спицы быстро запрыгали, и, глядя на нее, можно было подумать, что вся она ушла въ свою работу. А Герасимъ еще минуты двѣ простоялъ на порогѣ, не проронивъ болѣе ни словечка. Потомъ онъ удалился неслышными шагами.

Часа три спустя, уже послѣ обѣда, на этотъ разъ прошедшаго молчаливо и грустно, въ то самое время, когда Ѳедя въ кабинетѣ Надежды Максимовны выслушивалъ ея отповѣдь, Варвара Владиміровна сидѣла на верху, въ комнатѣ брата, и съ довольнымъ видомъ пускала дымокъ изъ тоненькой папироски. Коля сидѣлъ верхомъ на стулѣ и курилъ тоже. Оба они, казалось, были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Ты видишь, Коля,—говорила молодая женщина, почти кокетничая съ братомъ,—что порученія я исполняю недурно. А ты мнѣ все довѣрять не хочешь, все меня допытываешь, какъ вотъ давеча, когда я пріѣхала.

Ужъ повѣрь мнѣ, я никакого дѣла не испорчу, ни своего, ни чужого.

— Этому я, положимъ, вѣрить готовъ, особенно по части своихъ дѣлъ... только всѣ вы, женщины, хоть и очень ловки, но лишь пока вы ни въ кого не втюрились, а тамъ—прощай вся ловкость!.. И не выбьешь ты у меня изъ головы, что съ Ѳедей у тебя не все кончено. Сидитъ онъ у тебя въ мысляхъ, упорно сидитъ...

— Только никогда уже больше не сидитъ онъ у меня въ Варваровкѣ,—разсмѣялась молодая женщина:— цѣлыхъ десять дней его не принимаю, а письма его всѣ матушкѣ отдала... и теперь онъ имѣетъ удовольствіе выслушивать отъ нея нотацію. Вотъ, я думаю, забавно!

Коля искоса посмотрѣлъ на сестру, далеко не убѣжденный ея словами.

— Ну, посмотримъ, посмотримъ, что дальше будетъ, — сказалъ онъ, пуская къ потолку цѣлое облако дыма.

— Удивительный ты, право, человѣкъ,—вставая и подходя къ окну, сказала Варвара Владиміровна, — и неблагодарный вдобавокъ. Я изъ-за тебя мамашѣ цѣлую сказку наплела, самымъ трогательнымъ образомъ ей расписывала твое ужасное положеніе, тебѣ цѣлыхъ три тысячи будто съ неба свалились, и не пришлось тебѣ даже пройти черезъ непріятную сцену съ мамашей, такъ какъ всѣ ея слезы и оханья мнѣ достались, а все недоволенъ, все не довѣряетъ...

— Это очень просто, Варя. Изъ любви къ тебѣ же я желаю тебя видѣть счастливою супругой Аркадія Степановича, и все, что этому можетъ помѣшать...

— Ну, это вздоръ, Коля,—этого не будетъ никогда!— сказала она, отворачивая отъ брата свое покраснѣвшее лицо.—Я рѣшила съ Андреемъ Кирилловичемъ не разводиться.

Она нагнулась впередъ черезъ открытое окно и громко ахнула.

— Да это Ѳедя... вдвоемъ съ Настей!

— Видишь,—засмѣялся ея братъ,—ты даже не въ состояніи видѣть его равнодушно. Ну, развѣ я не правъ?

Варвара Владиміровна повернулась къ нему лицомъ и, прищуривъ глазки, долго и насмѣшливо въ него вглядывалась.

— Ахъ, глупый ты и недогадливый мальчикъ! Знаешь, что я сейчасъ сдѣлаю? Я сойду за ними въ садъ и объяснюсь съ нимъ, такъ объяснюсь, что послѣ этого ему и въ голову не придетъ мнѣ надоѣдать своими признаніями.

— Въ самомъ дѣлѣ? — все съ тою же недовѣрчивостью проговорилъ Коля.

— Да пойми же ты, — прикалывая къ волосамъ шляпку, отвѣтила она, — что захоти я съ нимъ тайно видѣться, я бы десять разъ успѣла это сдѣлать... и ни ты, ни кто другой, не узнали бы объ этомъ никогда! А я вотъ иду къ нему открыто. Что? еще сомнѣваешься?

Она звонко засмѣялась, направляясь къ лѣстницѣ.

— Только мамашѣ ты все-таки ничего не говори,— добавила она, оборачиваясь:—у ней такія странныя понятія о достоинствѣ, о приличіяхъ...

„Мамашѣ я, положимъ, ничего не скажу“, подумалъ Коля, а за ней послѣдить не мѣшаетъ!“ И, крадучись, онъ тоже спустился въ садъ.

XV.

Радостное восклицаніе вырвалось у Ѳеди, когда онъ увидѣлъ предъ собою Варвару Владиміровну. Наконецъ-то, наконецъ разъяснятся всѣ мучившія его сомнѣнія. Она прямо и рѣшительно шла къ нему навстрѣчу, протягивая обѣ руки. И одного этого было довольно, чтобъ онъ снова съ прежнимъ довѣріемъ былъ готовъ ей отдать свое преданное сердце.

— Вы не сердитесь, Ѳедя?—заговорила она.—Неужели не сердитесь?.. скажите... Я воображаю, что вы должны были думать обо мнѣ всѣ эти дни...

Говоря это, она опустилась на скамейку и, продолжая его держать за руки, смотрѣла ему прямо въ лицо такимъ яснымъ, невозмутимымъ взглядомъ, что не вѣрить ей было, очевидно, нельзя.

— Я вѣдь ужасно помучила васъ, бѣдный мой! Зато и я мучилась не меньше.—Что-то невыразимо нѣжное, почти материнское, было въ ласкающихъ звукахъ ея голоса.—И я хочу быть съ вами вполнѣ откровенной, Ѳедя. Въ одномъ я, въ самомъ дѣлѣ, виновата передъ вами: я хотѣла, самымъ добросовѣстнымъ образомъ хотѣла, чтобы между нами все было кончено, когда вашъ отецъ мнѣ сказалъ про ваше сумашедшее предложеніе...

— Сумашедшее?—воскликнулъ Ѳедя, теперь только рѣшившійся прервать ее.

— Да, да, сумашедшее, не возражайте мнѣ... Когда я услышала про это, я была такъ изумлена, даже испугана, что дала себѣ слово съ вами болѣе не видаться. Вы такъ еще молоды, думалось мнѣ, что вспышка эта остынетъ скоро, и свою ребяческую затѣю вы позабудете... Да, да, не обижайтесь, Ѳедя, я говорила себѣ это, часто и настойчиво говорила.

Ѳедя между тѣмъ, у котораго ея слова какимъ-то страннымъ образомъ вызывали и огорченіе, и радость, усѣлся рядомъ съ нею и слушалъ молча, немного опустивъ голову.

— Вотъ почему я такъ долго не принимала васъ, не отвѣчала на ваши письма...

— Вы не только не отвѣчали, вы отдали ихъ Надеждѣ Максимовнѣ, сегодня же отдали,—отвѣчалъ онъ запальчиво.

Она скрестила руки, точно моля его о прощеніи, и улыбнулась ему съ такою любовью, что гнѣвъ у него мигомъ прошелъ.

— Я просто искала помощи у матери, помощи и совѣта, потому что въ самомъ дѣлѣ письма ваши, какъ ни дороги они мнѣ — а въ нихъ каждая строчка мнѣ дорога — это вѣдь нелѣпыя, безумныя письма. Вашей женой я не могу быть и не буду никогда. А помощь мнѣ была нужна, потому что... я сама себя боялась. Я говорила себѣ чистосердечно, что вы забудете все это, если перестанете видѣться со мной, но одного я не знала — какъ мнѣ самой больно, мучительно будетъ съ вами не видаться и порвать съ вами навсегда. Видите, какъ я откровенна, Ѳедя!

Она улыбнулась еще ярче прежняго. Несмотря на отказъ стать его женой, слова ея и въ особенности это уменьшительное „Ѳедя", такъ сладко звучавшее въ его ушахъ, вызывали у него какую-то совсѣмъ непонятную для него самого, не испытанную до сихъ поръ радость. Варвара Владиміровна была почти искренна въ эту минуту. Какъ разъ потому, что она такъ низко опустилась, и такое омерзѣніе къ самой себѣ ощущала за послѣдніе дни, ей вдвойнѣ захотѣлось видѣть Ѳедю, надышаться его свѣжимъ чувствомъ, какъ запертому въ душной комнатѣ хочется чистаго воздуха. Она даже не задумывалась надъ тѣмъ, что было неестественнаго, отвратительнаго въ этой двойной игрѣ, въ этомъ двойномъ обманѣ, и, очертя голову, всѣмъ существомъ своимъ она готова была отдаться Ѳедѣ, точно въ его объятіяхъ она могла смыть постыдную любовь его отца. Ѳедя медленно, почти безсознательно, обвилъ ея станъ рукой и привлекъ ее къ себѣ. Она и не думала сопротивляться. Голова ея тихо опустилась къ нему на плечо, и когда жадными губами онъ отыскалъ ея губы, она, не смущаясь, отвѣтила на его поцѣлуй. И ни одинъ изъ полученныхъ ею поцѣлуевъ не казался ей такимъ чистымъ, какъ этотъ.

— Послушайте, Ѳедя,—говорила она мигъ спустя, владѣя собой, какъ нельзя лучше, несмотря на охватившій ее сладостный трепетъ:—времени у насъ не-

много; сюда могутъ каждую минуту придти, а я не хочу, чтобы мамаша знала про наше свиданіе. Надѣюсь, вы меня уважаете настолько, чтобы это понять. Такъ не удерживайте меня теперь. Она тихо высвободилась изъ его рукъ и встала.—Завтра,—наклонившись къ нему, почти шопотомъ сказала она,—завтра, въ этотъ же часъ будьте у меня въ Варваровкѣ... А теперь, до свиданья.

Поспѣшное горячее пожатіе руки, улыбка, еще разъ мелькнувшая въ ея глазахъ,—и она скрылась въ темнотѣ, оставивъ Ѳедю наединѣ съ его тревожными, счастливыми грезами. На мигъ онъ погрузился въ нихъ, потомъ вспрыгнулъ на ноги и, минуя домъ, пошелъ черезъ калитку отыскивать свою лошадь.

А Коля, бережно раздвигая кусты, за которыми прятался, потиралъ себѣ руки отъ удовольствія. „Однако, сестрица моя—того!“ сказалъ онъ самому себѣ,—„впрочемъ, и то хорошо, что не польстилась она на его дурацкое предложеніе. Ну, а завтра, друзья мои, ваша новая встрѣча, могу васъ увѣрить, безъ свидѣтелей не обойдется“.

Весь слѣдующій день Ѳедя былъ въ такомъ праздничномъ настроеніи, такъ вѣяло отъ него дерзостью счастья, что домашніе не могли этого не замѣтить. Аркадій Степановичъ призадумался даже и недовѣрчиво посматривалъ на сына.

— Чего ты козыремъ такимъ расхаживаешь?—щурясь на него, сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ,—точно именинникъ, право.

И Аркадій Степановичъ про себя рѣшилъ, что вечеромъ онъ непремѣнно побываетъ въ Варваровкѣ. Постъ, наложенный на себя добровольно, Аркадій Степановичъ соблюдалъ не долго и не разъ успѣлъ навѣдаться къ своей очаровательницѣ. За послѣдніе дни онъ снова какъ-то воспрянулъ духомъ. Странно въ немъ говорили за одно противорѣчивыя ощущенія: и стыдъ передъ близкими, и какое-то затаенное торже-

ство, и боязнь за будущее. И ко всему этому примѣшивалось упорное недовѣріе къ Варварѣ Владиміровнѣ, придававшее его грѣшной любви особое, безпокойно-пряное чувство, не лишенное своеобразной прелести.

Передъ самымъ обѣдомъ какой-то неизвѣстный мальчуганъ принесъ владѣльцу Богатаго записку довольно таки загадочнаго содержанія. „Совѣтую вамъ“, было написано въ ней, „сегодня вечеромъ къ 10 часамъ быть въ Варваровкѣ. Вы тамъ, вѣроятно, узнаете много для себя любопытнаго“. Подписи, разумѣется, не было. „Фу, какая мерзость“! брезгливо подумалъ Аркадій Степановичъ и сердито разорвалъ записку на клочки. Къ девяти часамъ онъ велѣлъ, однако, заложить коляску, объявивъ женѣ и сыну, что ѣдетъ къ предводителю. Прискакавъ къ крыльцу Варваровскаго дома, онъ приказалъ кучеру отъѣхать въ сторону и стремительно вошелъ, не дожидаясь, чтобъ о немъ доложили. Варвара Владиміровна, услыхавъ стукъ экипажа, бросилась къ дверямъ передней, увѣренная, что это Ѳедя. „Какъ эти молодые люди неосторожны“! думала она,—„очень нужно съ такимъ трескомъ пріѣзжать, чтобы всѣ его могли видѣть!“

Каково же было ея изумленіе, когда она очутилась лицомъ къ лицу съ Аркадіемъ Степановичемъ. Она не успѣла даже придать своимъ чертамъ требуемую радость, и Клусовъ безъ труда прочелъ на нихъ испугъ и смятеніе.

— А, не ожидали?—сказалъ онъ по-французски.— Видно, я не кстати, да?

Сквозь иронію его тона звучало плохо скрытое раздраженіе. Онъ, впрочемъ, не считалъ нужнымъ притворяться. И хотя краснорѣчивые громы, которыми онъ собирался ее поразить, какъ-то вышли у него очень нестрашными, Аркадій Степановичъ не двусмысленно излилъ передъ молодой женщиной свой гнѣвъ и свои подозрѣнія.

Варвара Владиміровна, никогда не терявшая голову,

на этотъ разъ смутилась и рѣшительно не знала, что дѣлать. Надо было во что бы то ни стало успокоить непрошеннаго гостя и для этого не поскупиться на тѣ доводы, которые дѣйствовали на него всего сильнѣе. Но Ѳедя могъ явиться каждую минуту. Кто знаетъ, даже не здѣсь ли онъ, не скрывается ли гдѣ-нибудь, не слышитъ ли каждое ея слово... А что, если она выдастъ себя передъ нимъ, если произойдетъ столкновеніе между нимъ и отцомъ? Холодный ужасъ пробѣжалъ по всему ея существу при одной этой мысли. Всегдашняя находчивость ее покинула, и Аркадій Степановичъ, раздражавшійся все болѣе, очевидно, выходилъ изъ-подъ ея власти, не стѣсняясь уже въ выборѣ словъ.

— Да, вы поджидаете этого мальчишку, моего сына! Признайтесь лучше,—говорилъ онъ, возвышая голосъ,— я вижу теперь, все это съ вашей стороны была одна комедія: вы не только обманываете меня сами, вы еще научаете моего сына вамъ помогать въ этомъ.

Сознаніе опасности возвратило молодой женщинѣ ея находчивость. Она бросилась къ дверямъ сосѣдней комнаты и раскрыла ихъ настежь.

— Обыщите весь домъ, — сказала она съ гордымъ спокойствіемъ оскорбленнаго достоинства, — шумите, сколько вамъ угодно—пусть васъ услышитъ прислуга: мнѣ теперь все равно. Но знайте, Аркадій Степановичъ, что послѣ такого оскорбленія я принимать васъ больше не стану.

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣтилъ онъ было насмѣшливо и, слѣдуя ея приглашенію, вошелъ уже въ сосѣднюю комнату. Но видъ ея гнѣвнаго лица, боязнь потерять все то, что стоило ему такихъ долгихъ стараній и къ тому же такихъ крупныхъ затратъ — онъ вспомнилъ и объ этомъ—остановили вдругъ расходившагося Клусова.

— Зачѣмъ это? — сказалъ онъ вдругъ почти съ замѣшательствомъ. — Я вѣрю вамъ и безъ того.

— Нѣтъ, доведите ужъ розыскъ до конца. Или вы думаете, можно оскорблять женщину, какъ вы оскорбили меня сейчасъ вотъ, и потомъ взять слова свои назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало?

И она растворила другую дверь, ведущую въ ея спальню. Аркадій Степановичъ не трогался съ мѣста.

— Варя,—сконфуженно проговорилъ онъ, — пожалуйста не говори такъ: я вѣдь и не думалъ тебя оскорблять. Любовь всегда ревнива, ты это знаешь, а потому и склонна къ подозрѣнію.

Она медленно къ нему подошла.

— Да что̀-жъ, наконецъ, вызвало это подозрѣніе? Чѣмъ дала я вамъ поводъ?

Аркадій Степановичъ замялся. Упомянуть объ анонимномъ письмѣ онъ не смѣлъ, хотя и сильно его подмывало это сдѣлать. Онъ стоялъ почти у самаго окна, выходившаго въ садъ, и случайно его разбѣгавшіеся отъ волненія глаза остановились на темномъ пространствѣ, чрезъ которое въ комнату смотрѣлась глухая ночь. „Да что это?—подумалъ онъ про себя,—къ чему этотъ осмотръ? Какъ будто нельзя скрыться здѣсь въ саду, благо ночь такая темная"? И мало-помалу насмѣшливая улыбка снова показалась на его губахъ. Онъ позволилъ себѣ даже прямо намекнуть на это, хоть намекъ и вышелъ у него очень нерѣшительнымъ, несмѣлымъ.

Варвара Владиміровна обдала его быстрымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Неужели вы не понимаете,—воскликнула она,—что еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ здѣсь теперь, я бы сгорала отъ стыда. Да и вамъ, кажется, пришлось бы предъ нимъ краснѣть. И коли такъ, — она прошла мимо него и остановилась у самой двери на терассу, — коли вы все еще сомнѣваетесь, идите сюда за мной и повторите здѣсь то, что вы сказали мнѣ сейчасъ. Вы видете, я свидѣтелей не боюсь.

Аркадій Степановичъ опустилъ голову и не нашелъ

отвѣта. Предъ рѣшительностью ея словъ, предъ ея сверкающимъ взглядомъ его подозрѣнія не устояли, и боязнь лишиться своего незаконнаго счастья заставила его униженно молить о прощеніи ту самую женщину, которую за минуту предъ тѣмъ онъ оскорблялъ своими ревнивыми упреками. Варвара Владиміровна поспѣшила воспользоваться побѣдой. И чѣмъ больше онъ старался загладить свои жестокія слова, тѣмъ становилась она холоднѣе и недоступнѣе. У нея была одна только мысль теперь—поскорѣе избавиться отъ его присутствія. Въ пылу старческой страсти, Аркадій Степановичъ, какъ провинившійся мальчикъ, умолялъ ее о прощеніи, хватался за ея руки, чтобы осыпать ихъ робкими поцѣлуями, но она отворачивалась насмѣшливо и гордо, ничуть не тронутая этою покорностью.

— Когда-нибудь... послѣ я постараюсь забыть... можетъ быть, даже прощу, но теперь потрудитесь меня оставить: я слишкомъ взволнована, слишкомъ потрясена этой исторіей. И если вы еще разъ позволите себѣ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, — увѣрялъ онъ ее, готовый все обѣщать, чтобы смягчить ея гнѣвъ, въ справедливости котораго онъ не сомнѣвался.

И съ полнымъ сознаніемъ своей вины предъ ней, весь кающійся и робкій, Аркадій Степановичъ наконецъ уѣхалъ.

Когда за нимъ закрылась дверь, молодая женщина, вся блѣдная и трепещущая, вся охваченная чувствомъ страха и стыда, бросилась на террасу. Нѣмая ночь окружила ее. Съ минуту она простояла въ неподвижной нерѣшительности, потомъ она неслышно спустилась съ террасы и, стараясь разглядѣть тьму, — произнесла тревожнымъ шопотомъ: „Ѳедя, Ѳедя, ты здѣсь?“ Отвѣта не было. Только заснувшая птица гдѣ-то въ кусту встрепенулась и перелетѣла на другой сукъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ Варвара Владиміровна обошла весь садъ, еще нѣсколько разъ повторяя свой чуть

слышный возгласъ: „Неужели онъ такъ и не пріѣхалъ?“ она почти обрадовалась при мысли, что его не было здѣсь, и стало-быть онъ не узналъ ея постыдной тайны. Медленно, останавливаясь почти на каждомъ шагу, она вернулась въ домъ и, вся безпомощная, опустилась на кресло. Голова у нея горѣла, чувство боязливой неизвѣстности давило ей грудь. Въ первый разъ она испытывала не то чтобы раскаяніе, а тупое презрѣніе къ себѣ. Не сознаніе вины, а что-то похожее на безсильное отчаяніе промотавшагося игрока говорило въ ней. Она рѣшительно не знала, какъ поступить. Просто дожидаться, что принесутъ ей слѣдующіе дни, она не могла. Она не подозрѣвала до сихъ поръ, какъ сильно ее влекло къ Ѳедѣ, какъ неудержимо стремилось все ея сущесто къ молодой, искренней, настоящей любви, и отречься отъ этой любви она была не въ силахъ. Теперь, когда, быть-можетъ, онъ узналъ всю правду и смотритъ на нее, какъ на продажную женщину, ей болѣзненно захотѣлось его близости, его поцѣлуевъ, и, долго не думая, лихорадочнымъ почеркомъ она набросала на бумагѣ нѣсколько горячихъ, почти сумасшедшихъ строкъ, въ которыхъ она упрекала его за то, что онъ не сдержалъ слова, и страстно просила не вѣрить, если дойдутъ до него какіе-нибудь слухи на ея счетъ. Ее не остановило даже простое соображеніе, что эти мольбы и упреки не приведутъ ни къ чему, если онъ былъ тутъ и все слышалъ. Они будутъ для нея только лишнимъ униженіемъ. Ей было все равно теперь. Она готова была на любой отчаянный поступокъ, лишь бы выйти изъ этой, ужасной для нея, неизвѣстности.

Въ тотъ же вечеръ записка была отослана въ Богатое. Ѳедя прочелъ и съ горькою усмѣшкой уронилъ записку на полъ. На вопросъ слуги, будетъ ли отвѣтъ, онъ только покачалъ головой. И съ удвоенною горестью ему вспомнилось, какъ за нѣсколько часовъ назадъ онъ скакалъ въ Варваровку, какъ онъ слѣзъ осторожно

съ лошади, не доѣхавъ до усадьбы, какъ онъ прокрадывался окольнымъ путемъ въ садъ, привязавъ лошадь въ полѣ къ одиноко стоявшей ракитѣ. И потомъ вся эта ужасная сцена, разомъ выдавшая ему и тайну отца, и ея собственную позорную тайну! Онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ ихъ объясненія. Когда онъ подошелъ къ освѣщенному дому, Аркадій Степановичъ былъ уже тамъ. Сперва Ѳедя не понялъ, или вѣрнѣе, не хотѣлъ понять. Отвратительная догадка сказалась ему, освѣтивъ для него неожиданнымъ свѣтомъ все непонятное въ поведеніи отца и въ ея поступкахъ. Но онъ все еще сомнѣвался, и, прикованный къ мѣсту, почти безсознательно принялся слушать: каждое слово отчетливо доходило до него сквозь окно. И въ нѣсколько минутъ все объяснилось. Истина, отъ которой онъ хотѣлъ отвернуться, разомъ брызнула на него рѣзкимъ, болѣзненнымъ свѣтомъ. Онъ за эти минуты прожилъ и перечувствовалъ больше, больше научился жизненному опыту, чѣмъ за всю свою жизнь. Уваженіе къ отцу и не только уваженіе къ любимой женщинѣ, но самая возможность любить ее рухнули въ одно мгновеніе. И бѣдный мальчикъ дослушалъ до конца, насытившись отравой, которую приносило ему каждое слово, произнесенное ими. Онъ бросился въ открытое поле, гдѣ дожидалась его лошадь, и, очертя голову, поскакалъ назадъ, желая одного только—быть подальше отъ мѣста, гдѣ такой ударъ былъ нанесенъ его молодой довѣрчивости къ людямъ. Съ нею онъ не увидится больше — для него это рѣшено. Но за одно съ этимъ иное рѣшеніе въ немъ созрѣвало: онъ уѣдетъ изъ деревни — жить съ отцомъ подъ одной кровлей онъ не можетъ — и увезетъ съ собой свою бѣдную, оскорбленную мать.

XVI.

Подъѣзжая къ дому, Аркадій Степановичъ замѣтилъ, что осѣдланную лошадь Ѳеди отводили въ конюшню. Подозрѣнія его тотчасъ воскресли. Но къ нимъ примѣшалось теперь иное чувство, котораго не было еще, когда въ своемъ ревнивомъ гнѣвѣ онъ допрашивалъ Варвару Владиміровну — чувство стыда предъ обманутымъ сыномъ.

— Ѳедоръ Аркадьичъ давно пріѣхалъ? — тревожно спросилъ онъ у выбѣжавшаго къ нему на встрѣчу слуги.

— Только-что изволили вернуться. Они теперь у себя.

Онъ едва разслышалъ отвѣтъ и бросился къ лѣстницѣ. Но пока онъ поднимался вверхъ, шаги его становились все медленнѣе и нерѣшительнѣе. Какъ предстанетъ онъ передъ сыномъ, какъ спасетъ онъ свое отцовское достоинство. А все-таки надо было во чтобы то ни стало покончить съ этими мучительными сомнѣніями. Онъ остановился передъ запертою дверью въ комнату Ѳеди и прислушивался долго, не смѣя ее растворить. Въ комнатѣ все было тихо. Въ груди Аркадія Степановича сердце билось и стучало, какъ у юноши. Одолѣвъ наконецъ свою пристыженную робость, онъ бережно растворилъ дверь. Ѳедя сидѣлъ къ нему спиной, облокотясь на столъ. Онъ не разслышалъ, какъ вошелъ отецъ.

— Куда ты ѣздилъ сейчасъ?—нетвердымъ голосомъ спросилъ Аркадій Степановичъ.

Молодой человѣкъ вскочилъ со стула и, обернувшись къ отцу, вскинулъ на него загорѣвшимися на мигъ глазами. Но онъ опустилъ ихъ тотчасъ, хотя на блѣдномъ лицѣ и тѣни не было смущенія, — на немъ читалась одна лишь глубокая скорбь. Въ эту минуту Ѳедя не ощущалъ даже негодованія противъ отца. Онъ

страдалъ за него и за себя, страдалъ оттого, что такъ неожиданно и жестоко было разрушено въ немъ чувство сыновняго уваженія. Ему словно казалось, что онъ похоронилъ только-что дорогого покойника. Вопросъ Аркадія Степановича остался безъ отвѣта. Лгать Ѳедя не хотѣлъ, и не хотѣлъ тоже вступать въ объясненія съ отцомъ—шевелить всю эту раскрывавшуюся передъ нимъ грязь, отъ которой онъ отворачивался съ омерзеніемъ.

— Я спрашиваю тебя,—возвышая голосъ повторилъ Аркадій Степановичъ,—куда ты сейчасъ ѣздилъ.

— Извините меня, — твердымъ голосомъ сказалъ Ѳедя,—если я попрошу васъ меня не спрашивать; лучше не говорить о томъ, что было сегодня.

Съ минуту они простояли молча, не спуская другъ съ друга глазъ. Аркадій Степановичъ понялъ. На лицѣ сына, въ его грустномъ, нѣмомъ взглядѣ, онъ прочелъ объясненіе, котораго добивался, въ то же время боясь его. Допрашивать было уже не зачѣмъ. Онъ не выдержалъ пристальнаго взгляда сына и опустилъ передъ нимъ пристыженную голову. Обидное сознаніе, что онъ былъ кругомъ обманутъ и одураченъ Варварой Владиміровной смолкало и стушевывалось передъ другимъ, болѣе тяжелымъ ощущеніемъ—передъ сознаніемъ вины. И ничѣмъ нельзя было стереть память о случившемся, возстановить утраченное отцовское достоинство. Поправить сдѣланнаго нельзя было никакими словами.

— Я долженъ вамъ сказать, — заговорилъ опять Ѳедя,—что оставаться здѣсь, въ Богатомъ, я больше не могу. Я думаю уѣхать послѣ-завтра.

Аркадій Степановичъ сдѣлалъ невольное движеніе рукой,—онъ хотѣлъ сказать, что не отпуститъ сына, что уѣзжать ему не зачѣмъ, но подходящихъ словъ онъ не нашелъ. Онъ почувствовалъ вдругъ, что власть главы семьи ушла изъ его рукъ, что хотѣть и приказывать онъ не имѣетъ уже права. Будто пружина какая-то порвалась, и его отцовская воля стала чѣмъ-то безсильнымъ.

— Куда ты собираешься?—могъ онъ только спросить, и старчески надорваннымъ прозвучалъ его голосъ.

— Не все ли равно?—отозвался Ѳедя.—Найдется для меня гдѣ-нибудь мѣсто. Признаться, я и не думаю о томъ, куда поѣду.

— Да вѣдь поступать въ полкъ до осени тебѣ не зачѣмъ?—живѣе прежняго отвѣтилъ Аркадій Степановичъ, какъ бы чувствуя, что заботиться о будущемъ Ѳеди онъ еще имѣетъ право.

Молодой человѣкъ грустно махнулъ рукой.

— Въ полкъ? Богъ съ нимъ! Я пересталъ объ этомъ и думать...

— Какъ? Зачѣмъ?—и Аркадій Степановичъ принялся уговаривать сына.—Въ жизни вѣдь не измѣнилось въ сущности ничего...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы находите?—горько усмѣхнулся Ѳедя.—Нѣтъ, ужъ лучше, батюшка, пока оставимъ это: мнѣ теперь слишкомъ тяжело объ этомъ говорить спокойно. Я обдумаю все самъ и скажу вамъ послѣ.

Онъ замолкъ и отошелъ къ окну, не глядя болѣе на отца.

— Какъ хочешь,—вымолвилъ Аркадій Степановичъ и, напрасно обождавъ съ минуту, не скажетъ ли еще что-нибудь Ѳедя, медленно вышелъ изъ комнаты.

Ѳедя не проводилъ его даже взглядомъ. На единѣ съ собой ему стало не легче. Онъ нагнулся черезъ открытое окно, будто вопрошая тихую, хмурую ночь, отъ которой вѣяло такимъ удивительнымъ, безстрастнымъ покоемъ. Но ея безмолвная тишина его только раздражала еще болѣе, какъ что-то оскорбительно безучастное, какъ что-то не хотѣвшее ни отвѣтить ему, ни даже понять его. Простоявъ нѣсколько минутъ, онъ снова опустился на стулъ, уткнувъ голову на приподнятыя руки. Долго онъ просидѣлъ неподвижно, пока, наконецъ, ему подали записку Варвары Владиміровны. То,

что онъ прочелъ, только прибавило горечи въ его наболѣвшее сердце. Она могла думать, что онъ поѣдетъ къ ней опять! Молодой человѣкъ презрительно повелъ плечами. Рѣшеніе въ немъ еще болѣе окрѣпло. О своемъ будущемъ, о службѣ онъ не думалъ вовсе. Да и вопросъ, куда онъ поѣдетъ, что станетъ дѣлать, ему казался совершенно ненужнымъ и нелѣпымъ. Не все ли равно, куда. У него были родственники съ материнской стороны, жившіе въ деревнѣ, въ другой губерніи. Онъ, пожалуй, можетъ отправиться къ нимъ... Да не все ли равно, повторилъ онъ себѣ мысленно еще разъ. Одно его безпокоило—мысль о матери, которую вѣдь нельзя было оставить здѣсь послѣ этой ужасной исторіи. За нее онъ страдалъ еще болѣе, чѣмъ за свою поруганную любовь. Ей надо сказать всю правду. Какъ вынесетъ она это извѣстіе? И всю ночь, не смыкая глазъ, Ѳедя раздумывалъ свою тяжелую думу.

Марья Александровна сама пришла къ нему на помощь. Она знала про все. Аркадій Степановичъ, пораженный, разбитый случившимся, принесъ ей повинную съ полнымъ чистосердечіемъ, и въ болѣзненной, слабой женщинѣ онъ нашелъ себѣ опору и утѣшеніе. Марья Александровна выслушала его тягостное признаніе почти съ такимъ же всепрощающимъ снисхожденіемъ, съ какимъ мать выслушиваетъ провинившагося сына. И каяться передъ ней ему показалось гораздо легче, чѣмъ передъ сыномъ.

Когда Ѳедя на слѣдующее утро пришелъ къ матери, она съ первыхъ же словъ остановила его, сказавъ, что ей все извѣстно.

— Я хотѣла уберечь тебя отъ нехорошаго чувства къ отцу. Не моя вина, коли это не удалось. Но теперь, Ѳедя, покажи себя такимъ же хорошимъ, добрымъ мальчикомъ, какимъ ты былъ всегда,—сумѣй перенести это горе и, главное, не теряй уваженіе къ отцу: помни, что не тебѣ его судить.

— Да не за себя,—воскликнулъ онъ горячо,—а за

васъ я простить ему не могу. Сколько вы изъ-за него перенесли, добрая моя, бѣдная мамаша.

И, стоя на колѣняхъ передъ ней и обнимая ее нѣжно, онъ осыпалъ поцѣлуями ея лицо и руки.

— Оставь это, Ѳедя, не твое это дѣло. Мнѣ защитника не нужно.

И она долго и настойчиво убѣждала сына побѣдить въ себѣ раздраженіе противъ отца или, по крайней мѣрѣ, не выказывать его открыто.

— Приневоль себя, мой дружокъ, и помолись тоже. Ты увидишь какъ скоро утихнетъ твоя злоба и какъ самому тебѣ отъ этого будетъ легче.

Но Ѳедя упорно качалъ головой.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—я не могу, не могу, и какъ разъ потому, что я хочу сдерживать себя въ его присутствіи и боюсь, что это мнѣ не удастся, я рѣшилъ здѣсь не оставаться.

Марья Александровна, какъ ни тяжело ей было разлучаться съ сыномъ, въ этомъ ему не противорѣчила. Она понимала, что жить съ отцомъ будетъ невыносимо для него, что рано или поздно между ними произойдетъ стычка, пожалуй даже непоправимый разрывъ. Ѳедя удивился, какъ легко она согласилась на его отъѣздъ.

— А что ты намѣренъ дѣлать?—спросила она.—Ты успѣлъ обдумать?

— Въ полкъ я, конечно, не поступлю ужъ, жизнь въ полку дорога, а брать у него теперь денегъ я не соглашусь ни за что. Пока я поѣду къ тетѣ Сонѣ,—такъ звали ближайшую родственницу Марьи Александровны, ея двоюродную сестру, Бурашеву,—а тамъ осмотрюсь и поищу себѣ что-нибудь. Вѣдь стыдно въ самомъ дѣлѣ, коли въ мои года да съ дипломомъ въ карманѣ я не могу достать себѣ работы и долженъ проживать родительскія деньги. Испеченъ я развѣ изъ иного тѣста, чѣмъ тысячи другихъ, которымъ приходится хлѣбъ зарабатывать?.. А Михаилъ Александровичъ Бурашевъ

кстати мнѣ поможетъ куда-нибудь пристроиться. Повѣрь, такъ будетъ мнѣ гораздо лучше, а то вѣчно избалованнымъ маменькинымъ сынкомъ на чужой счетъ бить баклуши, что тутъ хорошаго?

Все это было прекрасно, разумѣется, и Марья Александровна съ полнымъ сочувствіемъ отозвалась на эти планы, но жизненный опытъ и материнская нѣжность тоже ей подсказывали, что юношѣ, выросшему въ холѣ, какъ ея Ѳедя, едва ли пробить себѣ дорогу такимъ спартанскимъ путемъ, да и не нужно оно совсѣмъ, какъ не нужно всякое дѣланное самоотреченіе.

— Ну, мой милый, особенной надобности совершать подвиги я для тебя не вижу. И помимо Аркадія Степановича я могу тебѣ помочь, а отъ меня, конечно, ты деньги примешь, да?

— У меня на умѣ совсѣмъ другое, мамаша, —отвѣтилъ онъ, опять принимаясь ее цѣловать, — я хочу и васъ увести съ собой: вамъ здѣсь оставаться нельзя.

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Да, нельзя,—повторилъ онъ горячо,—полно вамъ унижаться и прощать,—на все есть мѣра. Я не хочу, чтобы васъ продолжали оскорблять...

— Я совсѣмъ не оскорблена, Ѳедя,—остановила она сына, всматриваясь въ него своими задумчивыми глазами,—и не оттого, что я нечувствительна къ обидамъ—нѣтъ, совсѣмъ по другой причинѣ. Я подчиняюсь этому, и, повѣрь мнѣ, безропотно подчиняюсь, потому что я вижу въ этомъ испытаніе, совершенно такое же, какъ болѣзнь какая-нибудь, а испытаніе посылается Богомъ, и его надо перетерпѣть. И ты не можешь представить себѣ, Ѳедя, какъ легко становится, когда на всякое горе смотришь съ этой стороны, говоришь себѣ, что въ жизни не по нашей волѣ все дѣлается, и просишь у Бога, чтобы онъ смягчилъ раздраженное чувство и помогъ въ страданіяхъ. И всякую обиду какъ рукой сниметъ, когда ее въ жертву приносишь Богу. А главное, отъ испытанія не надо ухо-

дить, особенно, когда уйти можно только освободивъ себя отъ своего долга, а мой долгъ—оставаться съ мужемъ до конца.

Этого Ѳедя понять не могъ и не хотѣлъ. Его даже возмущала эта беззавѣтная кротость, которую онъ объяснилъ долгою привычкою къ малодушной покорности. Но и онъ мало-по-малу подчинился ея тихой, незамѣтной силѣ. Его страстныя, настойчивыя убѣжденія не дѣйствовали на Марью Александровну. Въ немъ негодующее строптивое чувство, какъ бы таяло отъ дѣйствій ея мягкихъ словъ.

Помириться съ Аркадіемъ Степановичемъ Ѳедя однако не былъ въ состояніи. Весь этотъ день и слѣдующее утро тоже, они почти не говорили другъ съ другомъ. Холодный поклонъ, два-три ничего не значущихъ слова—далѣе этихъ выраженій Ѳедя не пошелъ. И Аркадій Степановичъ не искалъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Отъѣздъ Ѳеди совсѣмъ не походилъ на его торжественно-шумный пріѣздъ два мѣсяца назадъ. Марья Александровна хворала и должна была проститься съ сыномъ у себя въ кабинетѣ. Они обнялись долго и горячо, но плакалъ одинъ только Ѳедя. Марья Александровна предъ нимъ крѣпилась и тогда только дала волю слезамъ, когда раздался стукъ поданнаго экипажа. Отецъ тоже не вышелъ его проводить. Правда, если бы Ѳедя, садясь въ тарантасъ, взглянулъ на окна его комнатъ, онъ увидѣлъ бы въ одномъ изъ нихъ его статную фигуру, только на этотъ разъ глядѣвшую совсѣмъ по-старчески. Грустнымъ, пристальнымъ взглядомъ Аркадій Степановичъ слѣдилъ за отъѣздомъ сына и долго еще потомъ оставался у открытаго окна, устремляя унылый взглядъ уже не въ даль Богатовскихъ полей, гдѣ давно улеглось облако пыли, на мигъ поднятое Ѳединою тройкой, а въ иную, болѣе туманную даль, гдѣ образы минувшаго съ укоромъ носились предъ нимъ.

XVII.

Осень наступила давно, и всѣ знавшіе вкусъ и привычки Варвары Владиміровны, въ томъ числѣ и ея близкіе, диву давались, почему она въ этомъ году такъ долго остается въ деревнѣ. Леченіе Андрея Кирилловича окончилось уже болѣе мѣсяца, и на пути въ Петербургъ онъ опять заѣхалъ къ женѣ. Кавказскія воды помогли ему мало. Онъ попрежнему желчно брюзжалъ и на жену, и на сосѣдей, и въ особенности на самую деревенскую жизнь. Не мудрено, что его неудержимо потянуло къ знакомой обстановкѣ его министерства, къ зеленому столу съ огромной чернильницей посреди, и едва три-четыре дня онъ посвятилъ супружескимъ нѣжностямъ. На берегахъ Невы, однако, онъ скоро безъ жены соскучился, и отправлялъ къ ней посланіе за посланіемъ, торопя ее возвратиться. Тамъ, въ Петербургѣ, она была однимъ изъ привычныхъ, почти изъ необходимыхъ предметовъ, окружавшихъ Андрея Кирилловича, и въ ея отсутствіи ему было не по себѣ.

Варвара Владиміровна, однако, не обращала вниманія на его письма. Его нѣжныя слова—на бумагѣ онъ умѣлъ ихъ высказывать—вызывали у нея улыбку совершенно такъ же, какъ его сердитыя выходки. Въ послѣдній его пріѣздъ она лишній разъ убѣдилась, что отвести ему глаза большого труда не стоитъ.

До него и слуховъ не дошло про случившееся лѣтомъ.

Гнѣвъ Аркадія Степановича на милую сосѣдку длился не долго. Уже спустя недѣлю послѣ отъѣзда Ѳеди онъ почувствовалъ неопредѣленное безпокойство, болѣзненное ощущеніе пустоты. Освободиться отъ этого тягостнаго чувства можно было только, съѣздивъ въ Варваровку. Первое его свиданіе съ молодой женщиной было очень бурно. Аркадій Степановичъ не поскупился на жесткія слова, совсѣмъ даже не по рыцарски на-

помнивъ о своей щедрости. Но привычный джентльменъ въ немъ скоро очнулся, и Аркадію Степановичу даже стыдно сдѣлалось за свою горячность. Варвара Владиміровна тотчасъ воспользовалась этимъ, чтобы доказать ему цѣлымъ рядомъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ, что обвиненія его несправедливы и покоятся на простыхъ догадкахъ. Вѣдь никого онъ не увидалъ у нея въ тотъ знаменательный вечеръ, хотя она растворила ему настежь всѣ двери; да и отъ самого Ѳеди онъ получилъ только безмолвные упреки. Ѳедя влюбленъ въ нее по уши, этого она не отрицала. И чему же удивляться, если какъ-нибудь случайно ревнивый юноша узналъ про ихъ отношенія? Этого вполнѣ достаточно, чтобы объяснить его негодующій отъѣздъ. Но сама она и не думала его обнадеживать, а еще менѣе, конечно, назначать ему свиданіе... И что дало поводъ подозрѣніямъ Аркадія Степановича? Какое-то анонимное письмо, неизвѣстно кѣмъ посланное! Неужели ему не стыдно, что онъ повѣрилъ такому презрѣнному свидѣтельству?... Люди всегда охотно даютъ себя убѣдить въ томъ, во что имъ хочется вѣрить и Аркадій Степановичъ былъ понемногу сбитъ со всѣхъ своихъ плохо защищаемыхъ позицій. А подъ конецъ разговора онъ ощущалъ даже пріятное чувство удовлетворенія, какое всегда бываетъ, когда убѣждаешься въ правотѣ любимаго существа.

И раскаты грома смѣнились ясными днями, среди которыхъ пышнѣе прежняго расцвѣтала его черезчуръ довѣрчивая, хоть и далеко не юношеская любовь. Очарованные часы, которые онъ проводилъ въ Варваровкѣ, помогали ему, хотя на время, забывать о тѣхъ уже совсѣмъ не розовыхъ видахъ на будущее, какіе раскрывались передъ нимъ, когда въ уединеніи своего кабинета онъ углублялся въ дѣловыя цифры или вдвоемъ съ управляющимъ обдумывалъ хозяйственные планы. Но обдумывать и углубляться не входило въ привычки Аркадія Степановича, и большею частью онъ обрывалъ скучный разговоръ на полусловѣ и пугливо

отворачивался отъ зловѣщихъ итоговъ, не досчитавъ до конца.

Съ виду однако въ маленькомъ околоткѣ, центромъ котораго было Богатое, а незримою душою—молодая владѣлица Варваровки, все продолжало обстоять благополучно. Марья Александровна попрежнему безмолвно страдала, не докучая мужу упреками, а красивое чело Аркадія Степановича, хотя и зачастую на него набѣгали глубокія морщины, сглаживалось тотчасъ же, когда ему предстояло провести вечерокъ у милой сосѣдки. Правда, цѣлыхъ два раза Сысоевъ успѣлъ побывать въ Богатомъ, и во второе свое посѣщеніе даже привезъ съ собою нотаріуса, и каждый разъ онъ оставлялъ послѣ себя у Аркадія Степановича мрачное и тревожное впечатлѣніе, хотя заодно съ ними оставилъ у него и совершенно иные, осязательные признаки своего присутствія. Аркадій Степановичъ, которому нельзя было дожидаться, предпочелъ довольно-таки тяжелое условіе закладной, выданной Сысоеву, формальнымъ проволочкамъ банка. Но эти загадочныя посѣщенія Петра Тихоновича не нарушали мирнаго теченія жизни. Только ужъ подъ самую осень неожиданный ударъ разразился надъ обитателями околотка,—разразился, впрочемъ, чтобъ умолкнуть безслѣдно.

Однажды Коля, почти наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, явился къ сестрѣ спозаранку, и по лицу его Варвара Владиміровна тотчасъ смекнула, что добра отъ его посѣщенія ожидать нечего.

— Ну-съ, милая сестрица,—началъ онъ,—совсѣмъ въ путь собираюсь: послѣ завтра утекаю... и зашелъ къ тебѣ не затѣмъ, чтобы проститься—мы вѣдь еще увидимся,—а такъ хотѣлъ заранѣе узнать, не снабдишь ли ты меня крошечною субсидіей на дорогу.

Молодая женщина изумилась такой наглости.

— Помилуй, Коля, я тебѣ достала, кажется, довольно денегъ отъ мамаши.

— А долги мои ты забыла?

— Полно! Будто я не знаю, что ты на этотъ счетъ вралъ и за уплатою долговъ у тебя остается довольно.

— Ну, тамъ остается или нѣтъ,—засмѣялся Коля,—это ужъ мое дѣло. А я у тебя категорически спрашиваю, намѣрена ты или нѣтъ мнѣ удѣлить малую толику изъ щедрыхъ приношеній Аркадія Степановича?

— Что ты говоришь такое? Ты съ ума сошелъ, Коля!

Варвара Владиміровна попробовала развязно засмѣяться, но смѣхъ этотъ вышелъ очень принужденнымъ, и сама она мигомъ поблѣднѣла,—въ краску ее не бросало никогда.

— Пожалуйста не притворяйся: я вѣдь знаю про все отлично. Тебѣ надо цѣнить мою деликатность,—до сихъ поръ про это я даже не заикался.

И не получивъ отвѣта, молодой человѣкъ продолжалъ.

— Чтобы разсѣять всѣ твои сомнѣнія, доложу тебѣ, мой ангелъ, что въ тотъ самый вечеръ, когда Аркадій Степановичъ чуть было не накрылъ тебя съ Ѳедей, я тоже обрѣтался здѣсь... конечно, подъ покровомъ ночи и въ приличномъ отдаленіи отъ непрошенныхъ глазъ. Но слышалъ я все, какъ нельзя лучше... И самого старика твоего подослалъ тебѣ никто, какъ я. Вотъ умора-то была!

Отвѣта не было опять. Въ нѣмомъ раздумьи Варвара Владиміровна перебирала кольца на своихъ рукахъ.

— И теперь я тебя спрашиваю,—повторилъ Коля,—сколько ты намѣрена дать за мое благосклонное молчаніе?

Она посмотрѣла на него, слегка щурясь, и произнесла отчетливо:

— Ни копѣйки, мой другъ.

— Вотъ какъ! Ты сперва обдумай хорошенько, Варя, а потомъ ужъ говори, я вѣдь не шучу.

— И я не шучу нисколько, повѣрь мнѣ. Тутъ обдумывать нечего, дѣло самое простое. Коли я теперь заплачу тебѣ за твое молчаніе, какъ ты сейчасъ выразился, я вѣчно останусь въ твоей власти, и ты будешь

понемножку у меня высасывать деньги: я вѣдь тебя знаю. Такъ лучше разомъ покончить. Вѣдь угроза страшна, пока ты ея не исполнилъ: ты знаешь, что пчелы могутъ ужалить всего только одинъ разъ.

Коля былъ сильно озадаченъ: такого отвѣта онъ не ожидалъ.

— Смотри, Варя, чтобъ не пришлось тебѣ раскаиваться, — попробовалъ онъ однако повторить свою угрозу, но сдѣлалъ это ужъ очень не увѣреннымъ тономъ.

Варвара Владиміровна громко разсмѣялась.

— Не давай себѣ труда настаивать, мой милый:— иного отвѣта ты не получишь. И, откровенно говоря, лучше намъ этотъ разговоръ прекратить: никому изъ насъ онъ особеннаго удовольствія не доставляетъ.

Коля шаркнулъ ногой и отвѣсилъ сестрѣ насмѣшливый поклонъ.

— Какъ вамъ угодно будетъ, Варвара Владиміровна: я, разумѣется, навязывать вамъ своего общества не стану, только за послѣдствія ужъ не извольте пенять.

Молодой человѣкъ удалился съ гордымъ и увѣреннымъ видомъ. Но увѣренность эта была напускная. Съ сестрой онъ въ сущности вовсе не желалъ ссориться, и на душѣ у него было очень скверно, когда онъ въ сердитомъ раздумьѣ возвращался домой изъ Варваровки. Но дѣлать было нечего: оставить угрозу не выполненной—значило навсегда уронить себя въ глазахъ Варвары Владиміровны.

Случай сдѣлать доносъ матери на сестру представился въ тотъ же день. Сама Надежда Максимовна подала къ тому поводъ.

— Что Коля,—спросила она у сына,—Ѳедя Клусовъ ничего тебѣ не пишетъ?—давно что-то отъ него нѣтъ извѣстій.

— Мы съ нимъ не переписываемся,—коротко и мрачно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вы развѣ поссорились? — Прежде были такіе друзья закадычные...

— Какая теперь у насъ дружба!—Не слишкомъ, я думаю, Ѳедѣ сладко про нашу семейку вспоминать.

— Чтожъ такое случилось?—принялась озабоченно спрашивать Надежда Максимовна.— Очень, признаюсь, меня удивило, что Ѳедя уѣхалъ такъ, не простившись. Обидѣлся онъ на меня, что ли... оттого, что я пожурила его за Варю. Кажись, на меня, старуху, обижаться ему нечего. Да и не похоже это на него.

— Это вы насчетъ его писемъ, что-ли, — желчно усмѣхнулся молодой человѣкъ,—которыя вамъ отдала Варя? Настоящей правды вы, значитъ, и не подозрѣваете совсѣмъ.

— Какой правды? Что ты хочешь сказать? — встрепенулась Надежда Максимовна, чуя что-то недоброе.

— Да то, мамаша, что Варя и васъ, и Ѳедю провела самымъ неслыханнымъ образомъ... И совсѣмъ напрасно вы бѣднаго Ѳедю такъ отчитывали. На повѣрку-то выходитъ, что про настоящія Варины продѣлки вы и не догадываетесь. И оттого только она передъ вами такъ чистосердечно повинилась тогда и Ѳедины письма вручила, что бѣдный малый былъ тутъ не причемъ и морочила она васъ обоихъ самымъ безстыднымъ образомъ.

— Что ты говоришь, Коля, я въ толкъ не возьму.— Говори яснѣе!

Безпокойная краска залила встревоженное лицо Надежды Максимовны. Она уставилась на сына пристальнымъ, испуганнымъ взглядомъ.

Коля еще помучилъ ее нѣсколько минутъ, понемногу лишь досказывая свой навѣтъ на сестру.

— Вы можете себѣ представить,—закончилъ онъ, и ему хватило при этомъ смѣлости засмѣяться,— каково было Ѳедѣ убѣдиться въ миломъ поведеніи своего батюшки. Воображаю, какая между ними произошла

потомъ сцена. Вотъ отчего Өедя и убрался отсюда такъ поспѣшно.

Но послѣднихъ его словъ Надежда Максимовна уже не разслышала. Она стояла передъ сыномъ, вся выпрямившись, негодующая на него и пристыженная за дочь, и протянутыя ея руки какъ бы силились отстранить и ужасное извѣстіе, и самого доносчика.

— Это неправда, неправда!—воскликнула она:—ты лжешь, дрянной мальчишка. Чтобы моя родная дочь могла уронить себя до этого!..

Она не допускала мысли о позорѣ своей безцѣнной Вари и о томъ, чтобы виновникомъ этого позора былъ человѣкъ, котораго она столько лѣтъ привыкла уважать, бывшій опекунъ ея дѣтей. И въ первую минуту она упорно не хотѣла вѣрить сыну. Но внутренній голосъ ей подсказывалъ въ то же время, что Коля на этотъ разъ говоритъ правду. Вѣдь Коля увѣрялъ, что самъ онъ былъ свидѣтелемъ того, что произошло въ Варваровкѣ. Онъ повторилъ ей подробно каждое почти слово Аркадія Степановича, каждый отвѣтъ Варвары Владиміровны. Не могъ же онъ все это придумать. Да и многое иное подтверждало его доносъ — внезапный отъѣздъ Өеди и въ особенности это явное нежеланіе Варвары Владиміровны послушаться мужа и вернуться къ нему въ Петербургъ. Да и вспомнилось ей тоже, что все послѣднее время Аркадій Степановичъ ея избѣгалъ и при каждой встрѣчѣ съ нею точно смущался. До сихъ поръ она на это не обращала вниманія, но теперь всѣ эти мелочи выступали передъ ней съ неумолимою яркостью.

Видъ Коли, попрежнему спокойнаго, почти улыбающагося, продолжалъ, однако, вызывать ея негодованіе, и долго еще сыпались ея гнѣвныя, укоряющія слова. Коля слушалъ молча и будто равнодушно, но подъ конецъ ему это надоѣло.

— Полно, матушка,—сказалъ онъ,—чѣмъ изъ себя выходить да браниться, вы бы лучше подумали, какой

мнѣ расчетъ наговаривать на Варю, да вечеркомъ бы къ ней заглянули, авось застанете тамъ дорогого сосѣда.

— Поѣду, непремѣнно поѣду,—полубезсознательно отозвалась на это Надежда Максимовна. — Да не можетъ это быть, не можетъ! Приглянулся онъ ей, что ли? Онъ старикъ ужъ!

Коля громко расхохотался.

— Старикъ! точно она взаправду его полюбила! Неужели вы не догадываетесь, какого сорта эта любовь?

Надежда Максимовна не отвѣтила. Она молча закрыла лицо руками. И долго глухія рыданія поднимались изъ ея груди, и, вся безпомощная, она въ первый разъ за цѣлую жизнь ощущала надъ собой мучительную, сокрушающую тяжесть стыда. Теперь у Коли прошла охота смѣяться. Онъ сидѣлъ передъ нею весь смущенный, не зная, что сказать. Такого впечатлѣнія отъ своихъ словъ онъ не ожидалъ.

— Уйди, уйди,—чуть слышно проговорила она, — оставь меня одну: не тебѣ мнѣ помочь съ этимъ горемъ совладать...

Когда наступилъ вечеръ, Надежда Максимовна поспѣшила въ Варваровку. Безъ шума она подъѣхала къ крыльцу, издали замѣтивъ яркое освѣщеніе въ гостиной. Она не дала про себя доложить и вошла твердою поступью. Аркадій Степановичъ былъ тутъ, и въ отвѣтъ на ея грозный, пронизывающій взглядъ, онъ опустилъ въ смущеніи глаза. Она сразу прочла въ его лицѣ признаніе: застигнутый врасплохъ, онъ не успѣлъ приготовиться. Да и голосъ Вари что-то дрожалъ, когда съ притворною улыбкой на лицѣ она хотѣла поблагодарить мать за неожиданный пріѣздъ.

— Молчи,—коротко оборвала ее Надежда Максимовна,—и оставь насъ вдвоемъ. Сама догадываешься навѣрное, что я пріѣхала не спроста.

Молодая женщина вышла. Надежда Максимовна заговорила не сразу,—волненіе сдавливало ей горло, Арка-

дій Степановичъ предъ нею стоялъ, какъ уличенный преступникъ.

— Такъ это, стало быть, правда? — наконецъ проговорила она упавшимъ голосомъ.—Вамъ, по крайней мѣрѣ, не хватаетъ наглости извиняться и лгать. Спасибо хоть за это.

Онъ не отвѣтилъ.

— Скажите, какъ не постыдились вы... вы, котораго я считала всегда лучшимъ своимъ другомъ?

Она всплеснула руками.

— Но на что упреки,—продолжала она; — къ чему они? Прошлаго не поправишь. Я сама виновата, что не съумѣла уберечь ее отъ такого срама...

Она быстро вскинула на него воспламенившимися глазами, и негодованіе опять хлынуло ей въ лицо, заискрилось во взглядѣ.

— Да роднаго сына какъ вы не устыдились?—воскликнула она.—Вѣдь передъ нимъ краснѣть было еще хуже, чѣмъ предо мною.

— Ради Бога не напоминайте мнѣ объ этомъ,—простоналъ онъ въ отвѣтъ.

— То-то „не напоминайте“. Словъ моихъ боитесь, моихъ старушечьихъ словъ, а не сквернаго дѣла. Ахъ, срамъ-то какой! Въ вѣкъ его не смыть, въ вѣкъ!

Силы ей вдругъ измѣнили, и въ полномъ изнеможеніи она упала на кресло, и страстныя, горькія слезы такъ и покатились изъ ея бѣдныхъ, огорченныхъ глазъ. Аркадій Степановичъ хотѣлъ подойти къ ней, сказать ей что-то въ утѣшеніе, въ оправданіе себя, — она отстранила его движеніемъ руки. Долго продолжалась эта нѣмая сцена, мучительная для обоихъ. Ихъ давило сознаніе полной невозможности поправить сдѣланное, найти какой-нибудь примиряющій исходъ. Не разъ Аркадій Степановичъ собирался заговорить, готовый сослаться на всегдашнее извиненіе виновныхъ, на охватившее его увлеченіе... Но внутреннее чувство подсказывало ему, какъ нелѣпа, какъ пошла та-

кая отговорка въ его лѣта, и онъ продолжалъ молчать.

— Ахъ, дѣтки мои, дѣтки,—всхлипнула Надежда Максимовна,—сколько горя вы навлекли на мою старую голову, точно могилу вы мнѣ захотѣли вырыть до времени.

Она забыла, что Аркадій Степановичъ передъ нею. Но волненіе стало утихать, и глаза ея, хоть и не блестѣвшіе гнѣвомъ, а тусклые, омраченные грустью, опять остановились на немъ.

— А жена ваша?—сказала она:—ей какъ могли вы нанести это оскорбленіе? Она, я знаю, молчитъ, и ни слова упрека вы отъ нея не услышите, но ей больно, больно. Ахъ, бѣдная Марья Александровна! Чѣмъ она это заслужила? Знаете ли — и въ эту минуту молодое одушевленіе заслышалось въ ея словахъ — знаете ли, что я завтра же поѣду къ ней и на колѣняхъ буду молить ее о прощеніи за васъ и за дочь? Вѣдь мы всѣ виноваты кругомъ передъ нею, всѣ! Да, передъ ней, передъ вашей кроткой мученицей женой я въ землю поклонюсь, чтобы хоть этимъ искупить, коли можно, все, что вытерпѣла она, безотвѣтная. Вѣдь ей, разумѣется, все извѣстно,—она догадливѣе меня, да и вы притворяться не умѣете: сейчасъ вотъ мнѣ выдали свою тайну, разомъ... А какъ хорошо съ нею жили прежде, помните, когда мы такъ часто съ вами вдвоемъ про нее толковали... и про моихъ дѣтокъ, и вы мою Варю, которая была еще ребенкомъ тогда, держали у себя на колѣняхъ?.. Могла ли я подумать, что это когда-нибудь случиться!

Каждое ея слово, какъ молотомъ, ударяло Аркадія Степановича по головѣ, заставляя его все тяжелѣе чувствовать свою вину. Съ дочерью Надежда Максимовна ужъ не видѣлась этотъ вечеръ. Она почувствовала себя такою слабою, такою разбитою, что говорить съ нею, она уже не могла.

На другое утро она выполнила свое намѣреніе, и

пріѣхала къ Марьѣ Александровнѣ. Та догадалась тотчасъ, увидавъ ее, что скрывать имъ другъ отъ друга нечего. Марьѣ Александровнѣ захотѣлось приласкать старушку и поплакать съ ней вдвоемъ. Но обнять ее она не успѣла. Надежда Максимовна такъ-таки и опустилась на колѣна предъ Марьей Александровной, нѣсколько разъ повторяя, что ей вымолить надо грѣхъ дочери, что она хочетъ отвѣтъ понести за тяжкую ея вину.

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, милая моя, дорогая,—твердила жена Аркадія Степановича, — передо мною ни за вами, ни за ней вины нѣтъ никакой—всѣ мы передъ однимъ только Богомъ виноваты. Ему я давно свое горе отдала, чтобы онъ помогъ мнѣ его нести. Ну вотъ видите, помогаетъ. И вы сдѣлайте то же...

Но старушка сперва и слышать не хотѣла про утѣшеніе.

— Мое горе не то, что ваше,—повторяла она нѣсколько разъ:—вы можете всѣмъ прямо въ глаза смотрѣть: за вами стыда нѣтъ никакого. А меня осрамила родная дочь.

— Это въ васъ гордость говоритъ,—усаживая ее возлѣ себя, отвѣтила Марья Александровна,—положимъ хорошая, благородная гордость, но ее тоже смирить надо. Стыдъ, коли онъ даже есть, тоже вѣдь наказаніе отъ Бога, или нѣтъ не наказаніе—къ чему васъ наказывать—а испытать васъ хочетъ Господь на томъ, что всего вамъ дороже—на дѣтяхъ вашихъ. Ну и это свое материнское чувство вы ему принесите въ жертву—легче будетъ, повѣрьте.

Обѣ женщины наплакались вдоволь. И Надежда Максимовна уѣхала изъ Богатаго, хотя и не утѣшенная, а все же съ чувствомъ умиротворенія на сердцѣ. Аркадій Степановичъ не показывался. Ему довольно было вчерашней сцены, закончившейся торжественнымъ обѣщаніемъ навсегда порвать съ Варварой Владиміровной.

Надежда Максимовна поспѣшила теперь къ дочери.

Ей предстояло еще одно, самое тяжкое объясненіе, и тяжкимъ оно было потому, что при всемъ своемъ негодованіи, она чувствовала къ дочери всю прежнюю любовь. Нѣтъ, любовь эта даже какъ будто возросла за послѣдній день, и въ Надеждѣ Максимовнѣ словно проснулась та потребность беречь и защищать своего ребенка, какая бываетъ у матери, когда она ласкаетъ и нѣжитъ больное дитя. Вина—то же, что болѣзнь, казалось Надеждѣ Максимовнѣ, и грѣхъ дочери вызывалъ у нея не стыдъ только, но и состраданіе. Варвара Владиміровна держала себя съ матерью превосходно. Такую удивительную смѣсь почтительнаго смиренія и безукоризненнаго достоинства сумѣла она выразить на лицѣ, что будто совсѣмъ терялось ощущеніе ея виновности; будто грѣхъ только скользнулъ по ней, ничѣмъ не запятнавъ ея чистоты. Варвара Владиміровна не оправдывалась передъ матерью; она съ готовностью признавала всю возмутительность своего поведенія, и въ то же время она глядѣла такою нетронутою, красивою, столько было цѣломудрія въ ея взглядѣ, что сама Надежда Максимовна чуть-чуть усомнилась, въ самомъ дѣлѣ, такъ ужъ ли виновата ея дочь.

Но одного все-таки устранить было никакъ ужъ нельзя,—этого ужаснаго вопроса о деньгахъ. Вѣдь Коля намекалъ, что Аркадій Степановичъ заплатилъ за свое счастье, да и трудно было допустить, чтобы простое увлеченіе побудило Варю забыться. И когда все уже было высказано, и молодая женщина почти убѣдила мать, что опять возобновится прежняя хорошая жизнь ея съ мужемъ, въ головѣ старушки зашевелился этотъ позабытый на минуту вопросъ. И снова отталкивая отъ себя дочь, которую только что предъ тѣмъ поцѣловала, Надежда Максимовна воскликнула съ чувствомъ гадливаго ужаса:

— Да вѣдь ты отъ него деньги брала, срамница— этого не стереть ничѣмъ. А я вотъ, дура, расхныкалась...

Но Варвара Владиміровна нашлась и тутъ. Потупивъ очи, съ милымъ замѣшательствомъ на лицѣ, она призналась, что получала... не деньги конечно, а подарки, которыхъ, разумѣется, никогда не просила, но отъ которыхъ ей нельзя было отказаться, не оскорбивъ Аркадія Степановича.

— Да вѣдь подарки эти,—гнѣвно перебила ее мать,—чего-нибудь да стоютъ. И кстати вотъ я слышала даже, что Аркадій Степановичъ ѣздилъ имѣніе закладывать, а я-то, я-то не догадывалась...

Варвара Владиміровна про это и не знала,—такъ увѣряла она мать. Да не изъ-за такихъ пустяковъ сталъ бы онъ закладывать Богатое...

— Нѣтъ,—остановила ее снова Надежда Максимовна,—говори, что ты получала и на сколько, говори правду: я за все сама заплачу, заплачу до послѣдней копѣйки!

— Помилуйте, мамаша,—невольно воскликнула молодая женщина,—это было бы разореніемъ для васъ...

— Ну да, разореніе, пускай: сама знаю. По дѣломъ мнѣ, коли я не сумѣла тебя воспитать и соблюсти, какъ слѣдуетъ, пусть все прахомъ пойдетъ, все, лишь бы я могла искупить этотъ срамъ.

Надежда Максимовна говорила это съ небывалымъ возбужденіемъ. Въ эту минуту она на самомъ дѣлѣ готова была отдать свою дорогую Березовку, лишь бы этимъ возстановить честь своего дома. Варвара Владиміровна приложила всѣ старанія, чтобы ее успокоить, и понемногу волненіе старушки улеглось. Дочь увѣрила ее, что сама все возвратитъ Аркадію Степановичу, все до послѣдней вещицы. И жемчужныя слезы, впору выступившія на ея красивыхъ глазахъ, казалось, поддерживали ея слова, полныя мольбы и раскаянія.

XVIII.

Өедя Клусовъ въ концѣ-концовъ поступилъ-таки вольноопредѣляющимся въ полкъ, гдѣ прежде служилъ его отецъ. Его стоическіе планы уступили трезвой дѣйствительности, всегда насмѣшливо разрушающей молодыя мечты, будь то мечты о счастьѣ или о самопожертвованіи. Дядя, къ которому поѣхалъ Өедя, хоть и самъ былъ упорный труженикъ и образцовый земскій дѣятель, очень недовѣрчиво отнесся къ серьезнымъ затѣямъ племянника.

— Тебя жизнь лакомствами потчуетъ, милый мой,— говорилъ онъ неоднократно,—а ты простой гречневой каши у нея просишь. Это тоже баловство — повѣрь мнѣ. Много я видалъ молодчиковъ, которые храбро пускались въ путь, обрекая себя на подвиги всякіе, когда имъ стоило только за готовую трапезу сѣсть, и потомъ, разумѣется, на первыхъ же шагахъ отступались. Не легко дается отреченіе отъ жизненныхъ благъ, когда не приневоливаетъ къ тому суровая нужда. А затѣвать подвиги разные, да потомъ отказываться отъ нихъ гораздо хуже, чѣмъ пользоваться жизнью, не мудрствуя лукаво, когда это возможно. И зарабатывать хлѣбъ, ты думаешь, легко такому маменькину сынку, какъ ты вотъ?..

Въ подтвержденіе этихъ словъ дядюшка подробно разобралъ всѣ поприща, которыя могъ бы избрать племянникъ, и какъ дважды два — четыре доказалъ ему, что на первыхъ порахъ вездѣ найдетъ одну скучную работу безъ вознагражденія, да еще вдобавокъ сознаніе безполезности такой работы. Письма матери говорили то же, убѣждая сына не отступаться отъ прежняго намѣренія. Мало-по-малу рѣшеніе, принятое Өедей сгоряча, было поколеблено. А природныя наклонности, избытокъ силъ, которымъ хотѣлось движенія и шума, дѣлали свое, толкая молодого человѣка на избранный

ранѣе путь. Геройскаго тутъ было немного, конечно, но онъ и не думалъ зачислять себя въ герои, а, главное, ему было всего двадцать два года, и воля его, способная на порывы, не имѣла еще зрѣлой устойчивости. Въ октябрѣ онъ надѣлъ военную форму, и новая жизнь тотчасъ охватила его, закруживъ своимъ быстрымъ, хоть и довольно однообразнымъ потокомъ. Служба, товарищи, удовольствія, всѣ интересы полкового мірка или, по крайней мѣрѣ, то, что казалось интересомъ, а на самомъ дѣлѣ было только быстрою смѣною впечатлѣній, скоро заставили его позабыть о разочарованіи, вынесенномъ изъ деревни. Сохранилось отъ него, какъ горькій осадокъ, одно только чувство недовѣрія къ людямъ вообще и нѣсколько презрительное мнѣніе о женщинахъ въ особенности, мнѣніе, которое поддерживало, кстати сказать, то, что слышалъ и видѣлъ Ѳедя среди новыхъ товарищей. И нечего грѣха таить, онъ увлекся порядкомъ, увлекся до того, что порой утрачивалъ сознаніе безобразной грубости удовольствій, которымъ отдавался съ безудержнымъ, но зато искреннимъ задоромъ.

И очень быстро Ѳедя усвоилъ себѣ несложныя, нравственныя понятіи среды, въ которую онъ вступилъ. Среда эта имѣла одно несомнѣнное преимущество: она давала жизни готовыя рамки, освобождая тѣмъ самымъ отъ долгихъ размышленій о нравственныхъ обязанностяхъ. Товарищи Ѳеди дѣлились на двѣ рѣзко очерченныя группы — на добрыхъ малыхъ и на тертыхъ калачей. Добрые малые всегда были готовы на любую затѣю и жили на распашку, не считая ни времени, ни денегъ, ни силъ, а главное легко соглашались открыть товарищу кошелекъ или выставить за него на векселѣ бланкъ. Тертые калачи, хотя въ кутежахъ не отставали отъ прочихъ, были себѣ на умѣ и вели свою жизнь съ расчетомъ, заботясь о томъ, чтобы сводить концы съ концами и стоять у начальства на хорошемъ счету. Тѣ и другіе однако подчи-

нялись объединяющему полковому духу, требовавшему отъ всѣхъ молодцоватости на конѣ и на попойкахъ, наружной выправки и въ одеждѣ, и въ поведеніи, и прежде всего соблюденія чести мундира и преданности товарищамъ. Подъ этимъ признаннымъ всѣми понятіемъ о полковой чести и товарищеской вѣрности могло скрываться что угодно, — безпощадный эгоизмъ, расчетливая скаредность, даже интрига, готовая подставить товарищу ножку; но все это складывалось подъ вылощеннымъ обликомъ молодцоватаго военнаго духа, не дававшаго выказаться наружу скрытымъ побужденіямъ. И Ѳедя очень скоро вошелъ во вкусъ этого общаго духа, вполнѣ подчиняясь его условнымъ правиламъ. Тянуло его, правда, больше къ добрымъ малымъ, но полусознательная антипатія къ тертымъ калачамъ не помѣшала ему полюбить всю обстановку полка отъ лихаго командира, отъ котораго вѣяло такимъ благообразнымъ ухарствомъ, до взводнаго вахмистра Петрова. И водоворотъ полковой жизни совсѣмъ почти стеръ воспоминаніе о его неудавшемся романѣ— мысленно онъ называлъ его даже глупымъ. Но иной разъ въ немъ шевелился вопросъ: а что если я увижусь съ ней опять? Какъ выдержу я испытаніе? И онъ почти желалъ самому себѣ доказать, что совсѣмъ освободился отъ прежняго навожденія.

Тайное его желаніе исполнилось негаданно. Случилось это вотъ какъ. На одномъ изъ зимнихъ маскарадовъ къ нему вдругъ подошла женщина, сразу поразившая его гибкимъ изяществомъ стана, какой-то извилистой кошачьей граціей, сквозившей даже черезъ плотныя складки атласнаго домино. Она оперлась на его руку и заговорила не сразу. Онъ чувствовалъ только, какъ ласкали его изъ-за бархатной маски глубокіе, черные глаза. Ѳедя не узналъ ее въ первый мигъ и замѣтилъ только, какъ по этимъ глазамъ пробѣжала улыбка, пробѣжала впрочемъ, чтобы тотчасъ потухнуть. За то, когда онъ наконецъ услыхалъ ея

голосъ, дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, и невольнымъ движеніемъ онъ чуть-было не вырвалъ своей руки.

— Я не стану прибѣгать къ маскараднымъ уловкамъ, — начала она, слегка опуская голову. — Ты видишь, я не мѣняю даже голоса. Мнѣ надо было только найти случай объясниться съ тобой, а въ обществѣ, гдѣ мы встрѣтились бы открыто, это было бы невозможно... Да ты, пожалуй, отвернулся бы отъ меня. А теперь ты принужденъ меня выслушать. Не оттолкнешь же ты меня, я думаю, когда ты видишь, я всѣми силами уцѣпилась за твою руку.

— Да я и не думаю тебя отталкивать, развязно отвѣтилъ Өедя. — Говори, сколько хочешь; это будетъ даже любопытно.

Өедя нарочно прибѣгнулъ къ насмѣшливо-увѣренному тону. На самомъ дѣлѣ ему было невыразимо больно касаться этихъ воспоминаній, но онъ осилилъ въ себѣ это чувство. Да и не былъ онъ больше тѣмъ слегка застѣнчивымъ, наивнымъ малымъ, какимъ знала его прошлымъ лѣтомъ Варвара Владиміровна. Ее поразилъ его отвѣтъ, и съ нѣмымъ вопросомъ въ глазахъ она уставилась на него, не рѣшаясь заговорить опять.

— Что-жъ, начинай свою исповѣдь,—добавилъ Өедя.

Она покачала головой.

— Это не исповѣдь будетъ,—сказала она упавшимъ голосомъ.— Ты вѣдь давно все знаешь и давно безповоротно осудилъ меня. Одного ты не знаешь... можетъ быть, потому, что не хочешь или боишься про это догадаться.—Она помолчала немного, опять впиваясь въ него жгучими глазами, и потомъ наклонилась къ самому его уху. — И тогда, и послѣ, и теперь я любила и люблю одного тебя. Ты можешь считать меня дурною женщиной, низкою обманщицей, но этому чувству я никогда не измѣняла. И еслибы ты захотѣлъ меня взять тогда и увезти съ собой, я пошла бы за тобой, какъ раба. Слышишь, Өедя? Я правду говорю теперь,— ты, я думаю, не сомнѣваешься въ этомъ.

Онъ дѣйствительно не сомнѣвался. И какое-то странное волненіе понемногу охватывало его, несмотря на всю глубокую, презрительную ненависть, которую онъ питалъ къ этой женщинѣ.

— И ты находишь это оправданіе?—спросилъ онъ, стараясь разсмѣяться.

— О, нѣтъ, конечно. Да я и оправдываться не хочу: такимъ, какъ я, оно не къ лицу. Я только говорю тебѣ, говорю прямо, что тебя люблю... и ты можешь взять меня, когда захочешь.

И, не дожидаясь отвѣта, она высвободила свою руку и быстро скрылась въ черной толпѣ.

Ѳедѣ казалось, что у него голова кружится. Его словно тянула невѣдомая сила; ему хотѣлось отдаться ей, зажмуривъ глаза. Онъ ощущалъ почти то же, что бываетъ во снѣ, когда кажется, что летишь стремглавъ въ бездну. Но онъ быстро очнулся. И то самое, что минуту передъ тѣмъ его манило къ себѣ, вызвало въ немъ ощущеніе чего-то отвратительнаго: ему живо вспомнилась давно прошедшая ночь, когда онъ стоялъ подъ окномъ Варваринскаго дома и слышалъ, что за этимъ окномъ говорилъ его отецъ. Все происходившее тогда ожило передъ его воображеніемъ до малѣйшихъ подробностей, и лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по его тѣлу. И когда онъ вернулся къ себѣ въ эту ночь, онъ съ радостью почувствовалъ, что окончательно и навсегда побѣдилъ свою прежнюю любовь, что всякую власть надъ нимъ она утратила. Попытка Варвары Владиміровны сблизиться съ нимъ опять показалась ему чѣмъ-то до того недостойнымъ, до того омерзительнымъ, что даже ея внѣшній образъ, ея наружная привлекательность стала для него чѣмъ-то ненавистнымъ. Когда, нѣсколько дней спустя, подали ему записку, въ которой молодая женщина приглашала его къ себѣ, онъ уже съ полнымъ насмѣшливымъ хладнокровіемъ изорвалъ эту записку на клочки.

Онъ не видалъ ее болѣе всю эту зиму, но вспомнить

о ней ему пришлось по совершенно неожиданному поводу. Давно онъ не получалъ извѣстій изъ родного дома, — мать ему цѣлый мѣсяцъ не писала, и безпокоился онъ за нее все сильнѣе. Разъ, когда подъ вечеръ, въ сумрачный мартовскій день онъ проходилъ по Невскому, его поразила фигура человѣка, совсѣмъ почти сгорбленнаго и повидимому ушедшаго до полнаго забытья въ тяжелую думу. „Неужели это отецъ?“ подумалъ онъ, остановившись: „неужели этотъ сгорбленный старикъ—Аркадій Степановичъ?“ Онъ подошелъ ближе, почувствовавъ, какъ забилось у него сердце. Да, онъ не ошибся, и Ѳедѣ тутъ же показалось, что вся прежняя его нелюбовь къ отцу исчезла разомъ. Тревожнымъ голосомъ онъ окликнулъ проходившаго. Тотъ сперва посмотрѣлъ на него растерянно, какъ человѣкъ, котораго только что разбудили отъ тяжкаго сна, и, узнавъ сына, задрожавшимъ голосомъ пролепеталъ его имя.

— Какъ, вы въ Петербургѣ и я этого не зналъ!— воскликнулъ Ѳедя.

Аркадій Степановичъ видимо пріободрился отъ одного этого вопроса. Онъ какъ-то встрепенулся весь и обнялъ сына, не обращая вниманія на прохожихъ. Но сдѣлавъ это, онъ опять словно застыдился чего-то, руки у него безпомощно опустились, и столько приниженной робости Ѳедя прочелъ въ его упавшемъ взглядѣ, что жалость защемила ему сердце.

— Ѳедя, я такъ радъ,—сказалъ наконецъ Аркадій Степановичъ,—что намъ довелось встрѣтиться... И ты, стало быть...

Онъ не договорилъ, и только съ тревожнымъ вопросомъ въ глазахъ посмотрѣлъ на сына. Это былъ совсѣмъ уже не прежній Аркадій Степановичъ, бойкій и красивый, несмотря на лѣта: его недавней, еще моложавой прыти какъ не бывало.

— Ну, да, да, конечно!—почти весело проговорилъ Ѳедя, схватывая опущенную руку отца.—Не вспоминайте о прошломъ...

— Нѣтъ, я хочу, я долженъ о немъ вспоминать, долженъ передъ тобой покаяться...

Голосъ его звучалъ тверже, но унылые глаза все еще о чемъ-то униженно просили.

— Куда бы намъ съ тобой поѣхать? здѣсь, на улицѣ, говорить неудобно.

— Да поѣдемте ко мнѣ. И знаете даже что, папа? перебирайтесь ко мнѣ совсѣмъ. Вы гдѣ остановились?

— Въ „Европейской“, разумѣется,—Аркадій Степановичъ всегда выбиралъ лучшую гостиницу.—Я вѣдь здѣсь уже давно, цѣлую недѣлю.

Говоря это, онъ опять смущенно опустилъ голову.

— И такъ долго не давали мнѣ знать! Ахъ, папа, папа!.. Ну, а что матушка?

— Ничего, кажется здорова, какъ всегда,—беззвучно отозвался Аркадій Степановичъ.

Ѳедя живо нанялъ извозчика и усадилъ съ собою отца. Десять минутъ спустя они подъѣзжали къ дому, гдѣ жилъ молодой человѣкъ. У него была маленькая, но красиво отдѣланная квартира на Кирочной. Дорогой они почти не говорили. Ѳедя закидывалъ отца вопросами о матери, о родномъ гнѣздѣ, бережно избѣгая касаться его самого. Но Аркадій Степановичъ отвѣчалъ полусловами, неохотно. Какая-то безпомощная слабость имъ будто овладѣла снова. Войдя въ квартиру сына, онъ, однако, слегка оправился.

— У тебя здѣсь хорошо,—сказалъ онъ раздѣваясь:— убрано со вкусомъ. Тѣсновато немножко только.

— Умѣстимся какъ-нибудь, ничего... И знаете что?— отобѣдаемте вмѣстѣ. Я сейчасъ пошлю за кушаньемъ въ полковой клубъ.

И, не дожидаясь отвѣта, Ѳедя распорядился. Аркадій Степановичъ, скинувъ пальто, усѣлся въ креслѣ, и Ѳедя теперь только хорошенько разглядѣлъ, какъ осунулся онъ за послѣдніе мѣсяцы. Это была не одна усталость. „Надъ нимъ бѣда, видно, какая-то стряслась“, подумалъ Ѳедя, оглядывая его съ безпокойствомъ.

И Ѳедя не ошибся. Бѣда въ самомъ дѣлѣ пришла, и не одна даже, а цѣлою стаей нагрянули на Аркадія Степановича невзгоды. Крупнымъ недочетомъ по имѣнію закончился истекшій годъ, и къ прежнимъ долгамъ прибавились новые. Нужда въ деньгахъ переростала всѣ его расчеты оттого, должно-быть, что передъ самимъ собой онъ не любилъ и не умѣлъ быть искреннимъ. Управляющаго онъ расчиталъ, но преемникъ его, уже русскій на этотъ разъ, оказался не лучше датчанина. Зима тянулась скучная и тяжелая. Каждый новый день приносилъ усиленное сознаніе безпомощности побороть затрудненія. А мучительная страсть глодала Аркадію Степановичу сердце, дѣлая еще невыносимѣе унылую жизнь наединѣ съ женой и съ вѣчными укорами на совѣсти. Ему стало это не втерпежъ наконецъ, и въ послѣднихъ числахъ февраля онъ ускакалъ въ Петербургъ, точно это было вѣрное средство уйти отъ себя и отъ бремени запутанныхъ дѣлъ. Уѣхалъ онъ, конечно, не съ пустыми руками.

Но попалъ онъ въ Петербургъ себѣ не на радость. Въ первую минуту Варвара Владиміровна приняла его какъ нельзя лучше: надо же было отблагодарить за щедрыя приношенія своего вѣрнаго поклонника. И нѣсколько очарованныхъ часовъ пришлось-таки вкусить Аркадію Степановичу, какъ послѣдній отблескъ того, что ему такъ обманчиво казалось зарей новаго счастья. Угасло это счастье очень быстро. Варвара Владиміровна стала придумывать увертки, чтобы избѣгнуть новыхъ свиданій, ссылаясь на то, что въ Петербургѣ ея мужъ за нею такъ зорко слѣдитъ и ей надо быть вдвойнѣ осторожной. Но Аркадія Степановича одурачить на этотъ счетъ было не такъ легко: по женской части онъ былъ опытнѣе и догадливѣе Андрея Кирилловича. И встревоженная ревность подсказала ему, что совсѣмъ не въ мужѣ Варвары Владиміровны настоящая причина ея отговорокъ. Съ первыхъ же дней онъ примѣтилъ въ числѣ обычныхъ посѣтителей ея дома

какого-то господина среднихъ лѣтъ, показавшагося ему очень подозрительнымъ. Это былъ нѣкто Стронинъ, богатый холостякъ и давнишняя мишень вдовъ и дѣвицъ, ищущихъ выгодной партіи. Но судя по тому, что онъ до сихъ поръ ускользнулъ отъ брачныхъ сѣтей, нужно было думать, что въ сердечныхъ дѣлахъ онъ скорѣе играетъ роль ловца, чѣмъ поддается устриваемой на него травлѣ. И Аркадій Степановичъ принялся выслѣживать этого господина, добровольно замѣняя собою безпечнаго, всегда отсутствующаго мужа. Разъ ему пришлось въ недобрый часъ явиться къ предмету своей упорной страсти, и сомнѣній у него не осталось никакихъ. Но раскаты его ревниваго гнѣва не привели ни къ чему,—они поразили только его самого. Поставленная въ необходимость выбирать между двумя любовниками, Варвара Владиміровна очень разсудительно предпочла наиболѣе молодого и вдобавокъ богатаго. Неловкая сцена, грозившая превратиться въ столкновеніе между ними, закончилась мирно, но крайне неудачно для бѣднаго Аркадія Степановича. Варвара Владиміровна его просто выгнала, несмотря на всѣ повторенныя клятвы и на многочисленныя доказательства его щедрости. Случилось это ровно за часъ передъ тѣмъ, какъ встрѣтился онъ съ Ѳедей на Невскомъ.

— Вы не были ли нездоровы, папаша,—съ участіемъ спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ даже нѣтъ! — поспѣшилъ отвѣтить Аркадій Степановичъ, — Чего ты на меня такъ смотришь? Находишь, я очень измѣнился, постарѣлъ, а?

И, словно желая доказать сыну, что онъ вовсе не постарѣлъ, Аркадій Степановичъ привсталъ и быстрыми шагами подошелъ къ зеркалу.—У меня волосы растрепались отъ мѣховой шапки, вотъ что,—сказалъ онъ, вглядываясь въ свое изображеніе.—Дай-ка сюда щетку. И онъ заботливо пригладилъ свои все еще густые, хотя и замѣтно посѣдѣвшіе волосы. Онъ, видимо, бо-

дрился. — Да у тебя хорошо,—повторилъ онъ, обводя комнату глазами, — только надо тебѣ еще кой-чего прикупить. Погоди, я этимъ займусь, благо я въ Петербургѣ.

Говоря это, онъ принялся шарить въ карманахъ, и, не отыскавъ портсигара, попросилъ у сына папироску. Но тотчасъ затѣмъ ему пришло на память, гдѣ, должно-быть, оставилъ онъ портсигаръ, и мутною волной нахлынули на него свѣжія еще, уродливыя воспоминанія. Онъ швырнулъ папироску въ каминъ, едва закуривъ.

— Какой-то скверный вкусъ во рту: не могу курить,—сказалъ онъ, какъ бы извиняясь.

Напускная бодрость мигомъ его покинула, и заморгавшіе глаза взглянули на сына уже прямо, не скрываясь, ища у него опоры и утѣшенія.

— Ахъ, Ѳедя, Ѳедя! — проговорилъ онъ надломленнымъ голосомъ.—Ужасныя минуты я пережилъ... Да и по дѣломъ мнѣ, по дѣломъ.

Онъ закрылъ лицо руками.

— Ахъ, папа, не вспоминайте про это. Повѣрьте мнѣ, я все давно позабылъ.

— Ты всего не знаешь, Ѳедя,—снова опускаясь въ кресло продолжалъ свою исповѣдь отецъ.—Я вѣдь не сдержалъ слова, и послѣ... послѣ твоего отъѣзда было все то же... и теперь вотъ, я пріѣхалъ сюда и скрывался отъ тебя такъ долго... все изъ-за нея, изъ-за этой женщины, которая сегодня...

Онъ не досказалъ своего признанія, оттого ли, что стыдно ему было говорить сыну о томъ, что случилось съ нимъ два часа передъ тѣмъ, или оттого, что вспышка гнѣва задушила готовыя вылиться слова. Аркадій Степановичъ топнулъ и вскочилъ на ноги.

— О, подлая, подлая! Ни за что теперь, ни за что!— Онъ заскрежеталъ зубами, произнося эти безсвязныя проклятія.

Къ счастію, въ эту самую минуту вошелъ слуга, и его появленіе разомъ положило конецъ этой тяжелой

сценѣ. Аркадій Степановичъ опомнился: не совсѣмъ, видно, угасло въ немъ еще чувство собственнаго достоинства. Овладѣвъ собою, онъ принялся разспрашивать сына про его житье-бытье. Ѳедя поспѣшилъ удовлетворить его любопытство, обрадованный, что разговоръ принялъ такой оборотъ. Скрываться ему было нечего: всю свою жизнь до малѣйшихъ подробностей онъ могъ показать отцу, какъ развернутую книгу, и вскорѣ кое-какіе изъ его разсказовъ овладѣли вниманіемъ Аркадія Степановича, напомнивъ ему былые, счастливые годы. И хоть онъ находилъ, конечно, что теперешняя молодежь больно ужъ мелко плаваетъ въ сравненіи съ его сверстниками, онъ не разъ одобрительною улыбкой, а не то даже и громкимъ смѣхомъ отзывался на иные разсказы сына. А когда они сѣли за столъ, обычная разговорчивость совсѣмъ даже вернулась къ Аркадію Степановичу. Въ свою очередь Ѳедя принялся его разспрашивать про деревню, и хотя Аркадій Степановичъ результатами своего хозяйства похвастаться не могъ, три выпитыя рюмки хорошей мадеры до того воскресили въ немъ упавшую бодрость, что даже недочеты по Богатому представились ему въ иномъ, почти утѣшительномъ, свѣтѣ.

— Много было надѣлано ошибокъ, это правда,— все болѣе оживляясь, говорилъ за третьимъ блюдомъ Аркадій Степановичъ,—и Христіанъ Карловичъ никуда не годился. Что-жъ? — Я въ этомъ признаюсь охотно. Но отчаяваться не зачѣмъ: вѣдь и Петръ Великій былъ разбитъ подъ Нарвой. И знаешь, что я тебѣ скажу, Ѳедя: можетъ быть въ коммерческомъ отношеніи мое хозяйство никуда не годится — какой-нибудь Сысоевъ повелъ бы его гораздо лучше... но вѣдь мы не торгаши, не барышники. На то намъ и достались имѣнія отъ нашихъ отцовъ, чтобы примѣромъ служить для сосѣдей, чтобы на свой счетъ и страхъ испытывать то, что мужику не доступно. Еслибы никто не рисковалъ, всѣ бы загрязли въ рутинѣ.

Съ этимъ Ѳедя не могъ отчасти не согласиться. Въ этотъ день онъ, впрочемъ, охотно сталъ бы вторить всему, что бы ни сказалъ отецъ: онъ слишкомъ радовался возстановленнымъ между ними добрымъ отношеніямъ. Онъ съ удовольствіемъ подмѣчалъ, какъ сглаживались мало-по-малу складки на лицѣ Аркадія Степановича. Послѣ обѣда онъ предложилъ отцу отправиться въ театръ, и къ его удивленію Аркадій Степановичъ не только согласился, но потомъ отъ души смѣялся, слушая отчаянно-нелѣпые французскіе фарсы. Въ театрѣ оказалось нѣсколько изъ Ѳединыхъ товарищей, и вечеръ закончился ужиномъ, отъ котораго Аркадій Степановичъ тоже не отказался. Среди этой зеленой молодежи онъ себя чувствовалъ совсѣмъ на своемъ мѣстѣ и сдѣлался даже предметомъ необыкновеннаго сочувствія, когда обнаружилъ большія способности въ искусствѣ приготовлять жженку. Казалось, Аркадій Степановичъ совсѣмъ успѣлъ позабыть о своемъ горѣ,— такая ужъ была у него счастливая натура.

XIX.

Аркадій Степановичъ всего недѣлю прогостилъ у сына. Но и въ этотъ короткій срокъ онъ успѣлъ-таки израсходоваться порядкомъ. Надо было купить подарки для жены,—Аркадій Степановичъ чистосердечно воображалъ, что этимъ можетъ искупить хоть частичку своей вины предъ Марьей Александровной,—надо было тоже исполнить обѣщаніе, данное Ѳедѣ, и выбрать нѣсколько красивыхъ вещей для убранства его кабинета. То и другое онъ сдѣлалъ съ обычною щедростью. А потомъ, заѣхавъ въ складъ земледѣльческихъ орудій, Аркадій Степановичъ пріобрѣлъ двѣ новыя, очень замысловатыя и дорогія машины, да кстати приказалъ выписать изъ-за границы трехъ чистокровныхъ першероновъ. Не мудрено, что привезенныя деньги стаяли

очень быстро, особенно благодаря ежедневнымъ обѣдамъ и ужинамъ съ дорогими винами. Но Аркадій Степановичъ утѣшалъ себя мыслью, что всѣ покупки были самыя полезныя и для себя лично онъ затратилъ почти ничего. Ему предложили, по случаю, великолѣпный смирнскій коверъ для кабинета—его давнишнюю мечту, но онъ стоически отъ него отказался. И, съ совершенно чистою совѣстью, почти довольный собой, онъ распростился съ Ѳедей, увѣряя его въ сотый разъ, что въ Богатомъ все пойдетъ отлично, а что временныя затрудненія въ каждомъ дѣлѣ неизбѣжны. Горячо обнявшись съ сыномъ, онъ взялъ съ него слово, пріѣхать въ деревню осенью, послѣ красносельскаго лагеря.

Въ этомъ году Ѳедя, однако, въ Богатое не поѣхалъ. Слишкомъ еще свѣжи были для него горькія воспоминанія прошлаго лѣта. А тутъ кстати, среди новыхъ товарищей.—Ѳедю только что произвели въ офицеры—было столько приманокъ, столько веселья. Совѣсть, правда, его упрекнула немножко — онъ зналъ вѣдь, сколько горя причинитъ онъ этимъ матери — но окружавшій его шумъ очень скоро заглушилъ эти упреки. А Марья Александровна, хоть и наплакалась вдоволь, написала ему, что онъ прекрасно сдѣлалъ, оставшись тамъ, гдѣ ему веселѣе, а о ней ему безпокоиться нечего.

И на самомъ дѣлѣ все, повидимому, шло гладко и спокойно въ Богатомъ. Аркадій Степановичъ угомонился и сталъ даже очень нѣжнымъ и внимательнымъ мужемъ. Въ домѣ, по-прежнему, была полная чаша, и гостей наѣзжало много, и громкая репутація Аркадія Степановича, какъ образцоваго хозяина, крѣпко держалась, несмотря на прошлогоднія неудачи. Кстати, небо подарило его на этотъ годъ отличнымъ урожаемъ. Но подъ этимъ наружнымъ благополучіемъ медленно шла все та же разрушительная, подтачивающая работа, и зоркій глазъ могъ бы замѣтить кое-какіе зловѣщіе

признаки. Жалованье служащимъ выплачивалось неаккуратно, постройки чинились на живую нитку или даже вовсе не поддерживались; а главное, недоимка за Аркадіемъ Степановичемъ все росла, да росла; второй годъ онъ не вносилъ ни копѣйки. Все это могли видѣть и знать даже посторонніе, а то, что зналъ про себя одинъ только Аркадій Степановичъ, было и того хуже. Когда наступилъ срокъ уплаты процентовъ Сысоеву, онъ принужденъ былъ просить отсрочки и даже призанять у него еще денегъ. Какъ на шахматной доскѣ фигуры противника обступаютъ короля, прежде чѣмъ нанести ему послѣдній ударъ, Аркадію Степановичу угрожалъ не одинъ Сысоевъ, а цѣлая стая мелкихъ хищниковъ, которымъ онъ задолжалъ, метаясь изъ стороны въ сторону. И въ обращеніи съ нимъ этихъ людей обычная почтительность мало-по-малу смѣнялась какою-то еще не вполнѣ откровенною дерзостью. Аркадій Степановичъ чувствовалъ, какъ все суживается предъ нимъ свободное поле и приближается минута рокового, неизбѣжнаго расчета, и въ своей безпомощности онъ чистосердечно ломалъ себѣ голову, недоумѣвая, какъ могъ онъ себя довести до этого и откуда взялись эти ужасные долги оброставшіе его, какъ ползучее растеніе лѣпится на полуразрушенныхъ стѣнахъ ветхаго зданія. Въ прошломъ онъ тщетно отыскивалъ причину своего тяжелаго положенія, въ будущемъ также тщетно добивался исхода. И единственнымъ спасеніемъ, какъ и прежде, была счастливая способность забываться на краю пропасти и отгонять докучливые призраки. Самъ того не сознавая, онъ искалъ теперь утѣшенія и опоры въ слабой женщинѣ, про которую онъ такъ часто забывалъ прежде. Но опора эта была не изъ твердыхъ. Марья Александровна все меньше выходила изъ дома; цѣлые дни иногда ей случалось теперь пролежать на кушеткѣ и тотъ, кто внимательнѣе всмотрѣлся бы въ ея исхудалое лицо, догадался бы, можетъ быть, какимъ сла-

бымъ огонькомъ догораетъ въ ней усталая жизнь, хотя глаза ея, все еще широкіе и прекрасные, не переставали дарить кроткою любовью всѣхъ окружающихъ.

Но Богатое все еще стояло какъ бы нетронутымъ. А вокругъ него все замѣтнѣе надвигалось уже явное разрушеніе. Добрый Николай Ивановичъ Воеводскій, прохворавъ мѣсяца два, недавно отдалъ Богу свою незлобивую душу, и его старинное гнѣздышко мигомъ развѣяло на всѣ четыре стороны. Дѣти перессорились изъ-за наслѣдства, хотя дѣлить-то было почти нечего, и скромная усадебка досталась сосѣду-кабатчику. Про Льва Никоноровича Собакина ходили тоже недобрые слухи: его Новотроицкое торговалъ самъ Петръ Тихоновичъ, у котораго за послѣдній годъ стала замѣтно пробиваться новая черта — тщеславное желаніе зажить въ барскихъ хоромахъ и хозяйство завести на широкую ногу.

Но пока это были одни слухи, и Петръ Тихоновичъ проживалъ, какъ и прежде, въ своемъ домишкѣ на большой дорогѣ. Разъ въ свѣтлый, пыльный августовскій день, онъ сидѣлъ у крыльца на завалинкѣ и велъ бесѣду съ Герасимомъ Павловичемъ Щукинымъ. На видъ ни тотъ, ни другой не измѣнились ничуть. Только въ обращеніи Петра Тихоновича со своимъ гостемъ еще замѣтнѣе стала проявляться насмѣшливая заносчивость.

— Такъ-съ, Герасимъ Павлычъ,—говорилъ Сысоевъ, по обыкновенію поглаживая правою рукой жидкую бороду.—Надежда Максимовна, значитъ, дѣлаетъ мнѣ честь, денегъ у меня проситъ; двѣ тысячи ей, вы изволили сказать, подъ векселекъ на шесть мѣсяцевъ? А потрудитесь мнѣ объяснить, изъ какихъ это суммъ барыня ваша мнѣ черезъ полгода уплатить надѣется. Деньги за Лисицинскій лѣсокъ уплыли давно, это мнѣ доподлинно извѣстно. Да и съ какой стати было бы расчетливой хозяйкѣ занимать, кабы у ней имѣлись

наличныя? Ну, такъ вотъ вамъ и отвѣтъ мой: денегъ у меня для барыни вашей нѣтъ и... не будетъ. А желаете если Гусевскій хуторъ продать—я вамъ покупатель, только ужъ на меня не пеняйте, коли сбавлю по пятнадцати рубликовъ съ десятинки.

— Какъ же это, Петръ Тихонычъ? — робко и обидчиво перебилъ его Щукинъ, — земля развѣ за годъ хуже стала?

— Хуже, не хуже, а правило ужъ такое у меня: коли отъ кого получу отказъ на первое свое предложеніе, тому ужъ прежней цѣны я не даю: господамъ помѣщикамъ наука, чтобы не зазнавались.

— Кому передъ вами зазнаваться, Петръ Тихонычъ?— вы сами теперь помѣщикъ, даже очень крупный... слыхать Новотроицкое торгуете... И не въ домекъ мнѣ, что это вы за земелькой теперь гоняться стали. Сами вѣдь при мнѣ сколько разъ говорили, что хозяйство— дѣло пустое и помѣщикамъ отъ него одинъ раззоръ.

Сысоевъ прищурился слегка и не сразу отвѣтилъ.

— Раззоръ?—вполголоса и медленно заговорилъ онъ наконецъ. — Оттого, что изъ барскихъ рукъ земля валится; мы, сѣрые люди, отъ нея въ обидѣ не будемъ. Въ томъ-то и дѣло, что нашъ братъ не по-барскому хозяйничаетъ, не балуетъ онъ себя, потому что съ измальства лѣтъ не къ этому пріученъ. Сами видите, въ какихъ я живу палатахъ... А коли все подсчитать, богаче меня никого и въ уѣздѣ не будетъ, окромя развѣ предводителя. Ну, тотъ совсѣмъ иная статья,— купеческая въ немъ жилка есть. Да и на самомъ-то дѣлѣ онъ роду купеческаго — батюшка его только въ дворянство влѣзъ—ну, кровь и сказывается. А господа настоящіе-то, природные—у Сысоева теперь глаза разгорѣлись и рѣчь его потекла быстрѣе и громче—племя отпѣтое: не хотятъ они понять, что сперва потрудиться надо и скопить деньгу, а потомъ ужъ расправляй крылышки. А они думаютъ, что имъ по самой природѣ велѣно ни въ чемъ себѣ отказу не дѣлать, точно имъ

только суждено пить да ѣсть, да отводить душу на бездѣльѣ, а земля матушка да народъ простой ихъ кормить обязаны.

И злорадство и ненависть такъ и сверкали теперь въ маленькихъ глазкахъ Сысоева. Онъ всталъ съ завалинки и выпрямился передъ Щукинымъ.

— Полно, будетъ, Герасимъ Павлычъ, — пора ихъ, кажись, прошла. Теперь наша очередь, и мы вѣдь тоже сумѣемъ показать себя: не все намъ чумазыми оставаться. Вотъ погодите, куплю я Новотроицкое, ко мнѣ господа пріѣзжать станутъ, какіе не успѣютъ къ тому времени пропасть... даромъ, что я Петрушка Сысоевъ...

Онъ оглянулся, услыхавъ шорохъ. Его дочь показалась у калитки. Лиза много похорошѣла и выровнялась. И одѣта она была уже иначе, совсѣмъ по городскому, почти даже нарядно, послѣдніе слѣды деревенскаго склада исчезли.

— Дочь свою,—продолжалъ онъ, кивнувъ головою въ сторону дѣвушки, — въ шелки и бархаты одѣвать стану, не хуже любой княжны; пиры задамъ на всю губернію...

— Эхъ, Петръ Тихонычъ, —тоже вставая отвѣтилъ Щукинъ,—не хвастайтесь. Вы деньгу сколотить умѣете, спору нѣтъ, и во всякомъ торговомъ дѣлѣ вы дока настоящій... то-есть по-просту сказать, денежки изъ чужаго кармана въ свой вы перекладывать мастеръ, а попробуйте-ка ихъ добывать не отъ чужой нужды, а чрезъ свое умѣнье, никого не обижая... И на повѣрку-то выйдетъ, пожалуй, что вы еще хуже господъ прохозяйничаетесь. Примѣры вѣдь есть ужъ: не мало купцовъ помѣщиками стали, — и что-жъ? Изъ земли сокъ выжать, да мужика прижать—вотъ и все ихъ хозяйство! А на этомъ далеко не уѣдешь... Прощенья просимъ, Петръ Тихонычъ.

И приподнявъ картузъ, Щукинъ быстрыми шагами удалился. Сысоевъ проводилъ его сердитымъ взгля-

домъ и потомъ рѣзко обернулся къ дочери, все еще стоявшей у калитки.

— Лиза, чего ты застряла тамъ? Иди сюда. Слыхала, что говорилъ я сейчасъ этому старому чорту?

— Нѣтъ,—холодно и отрывисто проронила дѣвушка, приближаясь къ отцу.

— Нѣтъ? Я говорилъ, что когда Новотроицкое будетъ мое, мы тамъ съ тобой барами настоящими заживемъ: и гости у насъ будутъ настоящіе, и ты ихъ принимать станешь, какъ хозяйка, и наряжать я тебя стану, какъ нельзя лучше, и мамзель я тебѣ найму, которая тебя иностраннымъ языкамъ выучитъ, и женихи у тебя будутъ самые первѣйшіе...

— Ничего мнѣ этого не нужно, батюшка,—спокойно, но все замѣтнѣе сдвигая брови, отозвалась Лиза.— Одного бы мнѣ только хотѣлось—видѣть хорошихъ людей, которыхъ бы я любила и уважала и которые и къ намъ бы дружбу имѣли. А этого у насъ нѣтъ и не будетъ.

— Вотъ какъ?—„И не будетъ!“ Когда полъ-уѣзда у меня въ долгу? Полно, самъ Аркадій Степанычъ, да сынокъ его ко мнѣ съ поклономъ пріѣдутъ.

Лиза покачала головой и что-то враждебное къ отцу показалось въ ея глазахъ.

— Не вѣришь? А коли бы я тебѣ этого самаго Ѳедю Клусова въ женихи добылъ, спасибо сказала бы небось, а?

— Жениховъ не добываютъ,—какъ-то брезгливо и опустивъ голову промолвила дѣвушка, отворачиваясь, и яркая краска разлилась по ея лицу.

— Увидимъ, увидимъ! — Аркадій Степанычъ такъ запутался, что стоитъ только немножко петлю затянуть... А сынокъ-то его въ Питерѣ только и знаетъ, что кутитъ съ товарищами... Дворянская кровь, извѣстное дѣло!

Но Лиза его уже не слушала: она опять скрылась за калиткой.

XX.

Зима и лѣто протекли въ Березовкѣ очень мирно, и Надежда Максимовна почти радовалась, что старшія дѣти оставляли ее вдвоемъ съ Настей, хоть она и не признавалась въ этомъ предъ собой. Вѣсти изъ Петербурга до нея доходили не часто, и тревожнаго въ нихъ не было ничего. Варвара Владиміровна писала аккуратно, и каждая строка ея писемъ дышала смиреніемъ и покорностью. Про настоящій образъ жизни дочери Надежда Максимовна изъ нихъ узнать не могла ничего. Это были признанія заблудшей души, старавшейся вернуться на правый путь, и вѣяло отъ нихъ какою-то великопостною строгостью. Надежда Максимовна готова была умилиться такой счастливой перемѣной. Коля писалъ еще рѣже,—и странное дѣло, онъ попросилъ денегъ всего одинъ только разъ и то не слишкомъ много. Мать высылала ему по 150 рублей въ мѣсяцъ, и Коля вполнѣ успокоилъ ее насчетъ своего поведенія. При его средствахъ, конечно, поступить въ тотъ полкъ, гдѣ былъ Ѳедя, нечего было и думать. Онъ выбралъ себѣ другой, тоже кавалерійскій, но поскромнѣе, и съ должною сыновнею почтительностью отрапортовывалъ матери о превратностяхъ своей военной жизни. Повидимому, однако, жизнь эта текла довольно ровно. Единственный разъ, что ему довелось проиграться: какой-то бѣсъ его попуталъ, должно быть,—обыкновенно и картъ онъ вѣдь не беретъ въ руки—и въ этотъ только день онъ далъ себя уговорить товарищамъ. Надежда Максимовна мысленно его немного пожурила, но послала-таки уцѣлѣвшія у нея кое-какія деньжонки.

Въ общемъ, повидимому, все шло гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Надежда Максимовна отдохнула отъ тревогъ прошлаго лѣта, и ея Березовка отдохнула тоже. Какъ терпѣливый муравей, котораго сбили съ пути, она опять тянулась по знакомой прото-

ренной дорожкѣ, не отчаиваясь, что стараніямъ ея удастся высвободить свое имѣньице изъ опутавшихъ его долговъ.

Но вотъ грянулъ громъ неожиданно, грянулъ подъ самую осень.

Разъ—это было въ послѣднихъ числахъ августа—пришло къ Надеждѣ Максимовнѣ очень объемистое письмо отъ старшей дочери. Ее, правда, удивило немножко, что Варя стала писать такъ часто—всего три дня передъ тѣмъ она получила другое письмо — но вскрыла она конвертъ, не предчувствуя ничего дурного. Зато отъ первыхъ же словъ она обомлѣла. Вопреки своему обычаю, Варвара Владиміровна писала не о себѣ, а о братѣ, и сама необычайность такого заступничества за Колю отнимала всякую возможность сомнѣваться въ истинѣ ея разсказа. Да у Надежды Максимовны никакихъ сомнѣній и не возникло. А то, что она узнала, повергло ее въ ужасъ и смятеніе. Ея ненаглядный сынокъ, ея осторожный Коля попалъ въ скверную исторію, и ему грозило исключеніе изъ полка. Только-что надѣвъ эполеты,онъ былъ выбранъ товарищами въ завѣдующіе офицерской столовой, и чуть не съ самыхъ первыхъ дней онъ злоупотреблялъ оказаннымъ ему довѣріемъ. Карты его погубили. Онъ проигрался въ пухъ и, долго не думая — не расплатиться было нельзя, такъ какъ счастливымъ его противникомъ былъ офицеръ другого полка, мало съ нимъ знакомый—Коля взялъ денегъ изъ ввѣренной ему кассы. Пока никто еще про это не знаетъ, но каждый день можетъ наступить позорное открытіе, и спасти его честь, а съ нею за одно и честь его семьи можно только, немедленно пополнивъ растрату. Варвара Владиміровна сама, конечно, пришла бы на помощь брату, еслибы она могла это сдѣлать. Но долгъ былъ крупный—3.500 рублей, а это ей не подъ силу.

Никакими доводами нельзя было, конечно, оправдать Колю, но дѣло сдѣлано, и прежде всего надо помочь,

и, разумѣется, Надежда Максимовна не захочетъ оставить сына въ этомъ ужасномъ положеніи. Самъ онъ не рѣшался объ этомъ писать. Еслибъ она могла видѣть его отчаяніе, она бы сжалилась надъ нимъ... Тутъ слѣдовало длинное и краснорѣчивое описаніе страшныхъ угрызеній совѣсти молодого человѣка, для котораго почти одинъ только шагъ до самоубійства.

И на другой день почта принесла подтвержденіе ужасной вѣсти, скорбную исповѣдь самого Коли. Это было всего нѣсколько строкъ, горячихъ и смиренныхъ, полныхъ раскаянія и стыда. Коля не описывалъ подробно, что съ нимъ случилось—для него это было слишкомъ тяжело — онъ только ссылался на письмо сестры. Сперва Надежда Максимовна была такъ поражена, что руки у нея опустились. Въ безпомощной тревогѣ она ходила взадъ и впередъ, суетясь и всхлипывая, и никому, даже Настѣ, не повѣряя своей тайны. А всѣ остальные, даже старикъ Герасимъ... развѣ можно было имъ сообщать про это постыдное дѣло, про этотъ срамъ, постигшій ея сѣдую голову?

Но колебанія Надежды Максимовны продолжались недолго. На слѣдующій день она позвала Щукина и велѣла ему отправиться къ Петру Тихоновичу и постараться у него призанять денегъ. Читатель уже знаетъ, къ чему привела эта попытка.

Когда Герасимъ Павловичъ передалъ своей госпожѣ отвѣтъ Сысоева, Надежда Максимовна и глазомъ не моргнула, хоть она хорошо знала, какое ей оставалось принять рѣшеніе. Она успѣла къ этому рѣшенію подготовиться. Щукинъ былъ пораженъ спокойствіемъ, съ которымъ она ему объявила, что на другой же день подпишетъ запродажную на Гусевскій хуторъ.

Старый приказчикъ ахнулъ.

— Матушка, — заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—да на что вамъ это? Неужто вамъ земельки своей не жаль. Подумайте-ка лучше, повремените... й безъ этого обойдемся.

— Поздно жалѣть, Герасимъ—отвѣтила она твердо, и слова ея прозвучали съ холодною, словно каменною непреклонностью.—Раздумывать нечего! Я напередъ знала, что до этого дойдетъ. Поѣзжай сейчасъ въ городъ и привези на завтра нотаріуса, а дорогой заверни къ Сысоеву и скажи ему...

— Матушка,—перебилъ онъ ее, — и вы на самомъ дѣлѣ, такъ-таки совсѣмъ, совсѣмъ рѣшили?.. Въ прошломъ году лѣсокъ, нонче хуторъ... этакъ вѣдь помаленьку вся Березовка изъ нашихъ рукъ уйдетъ!

Надежда Максимовна остановила его почти рѣзко. ей не въ моготу было выслушивать увѣщанія старика: Она чувствовала, что силъ ея не хватитъ, если она дастъ Щукину сказать хоть одно еще слово. И послѣднимъ напряженіемъ воли она оборвала разговоръ, настойчиво повторивъ приказаніе.

Но Щукинъ не двигался съ мѣста.

— И на что вамъ деньги-то понадобились?—продолжалъ онъ.—Въ прошломъ году цѣлыхъ пятнадцать тысячъ за лѣсъ получили, а нынче, слава Богу, урожай-то хорошъ, и такъ управимся, и дѣтки ваши опять...

— Говорятъ тебѣ—надо!—сказала она уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ, въ которомъ слышалась скрытая дрожь.—А на что мнѣ деньги нужны, не твое дѣло спрашивать.

Щукинъ постоялъ еще съ минуту, совсѣмъ опустивъ вѣрную, дряхлую голову, и добавилъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ.

— Коли такъ, матушка, распродавать намъ свое доброе, вы бы ужъ лучше остальной лѣсъ Сысоеву отдали. По крайней мѣрѣ, земелька-то цѣла останется... не такъ зазорно будетъ.

— Лѣсъ?! Послѣдній лѣсъ?!—Надежда Максимовна призадумалась.—Пожалуй, ты правъ, Герасимъ. Ну погоди: до вечера успѣешь въ городъ съѣздить, а мнѣ вели заложить экипажъ. Посмотрю-ка еще разъ на то, что отъ лѣса осталось...

И Щукинъ почти радостно поспѣшилъ уйти, хоть и больно ему было, что опять застучитъ топоръ въ уцѣлѣвшей рощѣ и повалятся столѣтніе дубы, послѣдняя краса Березовки. Черезъ какихъ-нибудь четверть часа кабріолетъ былъ поданъ, и Надежда Максимовна покатила въ Лисицино вдвоемъ съ приказчикомъ. Дорогой они не говорили вовсе. Они даже не смотрѣли другъ на друга, точно стыдясь чего-то. И вотъ они пріѣхали. Далеко передъ ними раскинулась грустная картина—свѣжіе еще, круглые пни, блестѣвшіе на солнцѣ и безпорядочно обросшіе густымъ бурьяномъ да репейникомъ. Уродливая дикая заросль сорныхъ травъ точно радовалась, что ей открылся просторъ, что дѣло разрушенія давало ей насмѣяться надъ тѣми, которые такъ долго, такъ напрасно берегли старинный лѣсъ. Надежда Максимовна торопила Щукина, чтобы поскорѣе освободиться отъ этого невеселаго зрѣлища. Передъ ними въ углу тѣснились уцѣлѣвшія деревья. Они миновали порубку, и снова ихъ окружила густая, привѣтливая тѣнь. Надежда Максимовна любовно оглядывала каждое дерево, точно съ нимъ прощаясь. И вотъ подъ старымъ развѣсистымъ кленомъ—лѣсъ былъ не сплошной дубовый—она увидѣла Настю, съ книгой въ рукахъ на простой скамейкѣ, сколоченной изъ досокъ. Дѣвушка устремила на мать свои темно-синіе глаза и подошла къ остановившемуся кабріолету.

— Ты давно здѣсь, Настя?—спросила Надежда Максимовна, цѣлуя дочь.

— Давно. Я вѣдь всегда прихожу сюда читать—здѣсь затишье такое.

— Да, затишье...—вполголоса проговорила Надежда Максимовна.—Видишь, я тоже пріѣхала на то затишье полюбоваться

Она пристально взглянула на дочь, пробуя улыбнуться, и призадумалась. Такое безмятежное счастье, такое полное невѣдѣніе о случившемся было на лицѣ дѣвушки, что еще тяжелѣе стало на сердцѣ Надежды

Максимовны при мысли, что скоро нарушится это затишье, и пріѣхала она какъ разъ затѣмъ, чтобы рѣшить участь этого мирнаго уголка, куда такъ любила заходить ея Настя. И тотчасъ она сказала себѣ, что ни за что не занесетъ руку на эти обросшіе мхомъ стволы, которые въ дни своей молодости она помнила такими же старыми.

— Ну читай, моя душка,—я не хочу тебѣ мѣшать, сказала она и поѣхала дальше. — Нѣтъ, лучше разстаться съ Гусевскимъ хуторомъ: эта жертва будетъ не такъ тяжела — она убавитъ только доходы, но не разрушитъ, по крайней мѣрѣ, дорогихъ воспоминаній дѣтства, не вызоветъ слезъ на глазахъ ея милой дѣвочки.

Она объявила это Щукину, и, хотя старикъ думалъ иначе, онъ болѣе не возражалъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и спокойные дни, повидимому, опять настали для Березовки. Пришло отъ Коли письмо, исполненное самыхъ горячихъ выраженій пристыженной благодарности. Надежда Максимовна уже говорила себѣ, что если недавній опытъ протрезвилъ навсегда провинившагося сына,—она заплатила за это не слишкомъ дорого. Надежда Максимовна готова была все позабыть, готова была снова отдаться вѣрѣ въ будущее.

Но ее поджидала новая бѣда. Октябрь уже стоялъ на дворѣ, какъ неожиданно, разъ вечеромъ къ ней прибѣжалъ Герасимъ Павловичъ и съ тревогой въ голосѣ объявилъ, что, слышно, молодая барыня изволили только что пріѣхать въ Варваровку.

— Какъ, въ такую пору,—изумилась Надежда Максимовна,—и ея Варя пріѣхала такъ, невзначай, не извѣстивъ ее даже! Это, должно-быть, померещилось Щукину...

Она велѣла освѣдомиться и узнала, что Герасимъ Павловичъ сказалъ правду. Тотчасъ, вся испуганная, она приказала закладывать и, несмотря на поздній

часъ и ужасную погоду, поспѣшила въ Варваровку. И то, что довелось ей услышать отъ дочери, превзошло всѣ ея опасенія.

Въ жизни Варвары Владиміровны совершился переломъ. Она разъѣхалась съ мужемъ и сдѣлала это не по доброй волѣ. Разрыва захотѣлъ Андрей Кирилловичъ, тотъ самый Андрей Кирилловичъ, который всегда казался такимъ сговорчивымъ и которому ревнивыя подозрѣнія до сихъ поръ, повидимому, и не западали на умъ. Правда, довела его до этого Варвара Владиміровна, слишкомъ ужъ зарвавшаяся въ своей рискованной игрѣ. Но большою неожиданностью было для нея, когда слѣпо довѣрчивый мужъ, знавшій только однѣ служебныя тревоги и представлявшій ей полную свободу, заговорилъ о своихъ правахъ, о своей чести тономъ человѣка, у котораго въ груди настоящее сердце, а не однѣ чиновничьи карьерныя страсти. Ей показалось, что мягкій воскъ, изъ котораго она лѣпила, что угодно, вдругъ превратился какимъ-то чудомъ въ желѣзо. И всего хуже было сознавать, что сама она виновата кругомъ. Намѣренно она вызвала катастрофу, расчитывая тѣмъ самымъ довести до желанной развязки свой очень ужъ затянувшійся романъ, герой котораго сдѣлался уже виновникомъ ея ссоры съ Аркадіемъ Степановичемъ. Всегда готовый расточать ей всевозможныя доказательства своей незаконной любви, онъ ловко уклонялся отъ всякихъ положительныхъ обѣщаній обратить эту любовь въ законную. И вотъ, чтобы принудить его къ этому, Варвара Владиміровна взялась за отчаянное средство. Намѣренно она бросила всѣ предосторожности, до сихъ поръ прикрывавшія ея прозрачную тайну, и, при всей своей недогадливости, Андрей Кирилловичъ не могъ не убѣдиться въ постигшей его нелестной участи. Варвара Владиміровна расчитывала, что, конечно, произойдетъ бурная сцена, но что виновникъ этой сцены по-рыцарски явится ея спасителемъ и съ благодарною готовностью дастъ ей свое

имя, то-есть, попросту говоря, на ней женится. Добиться развода отъ мужа ей казалось не труднымъ. И Варвара Владиміровна жестоко ошиблась. Какъ всѣ люди, привыкшіе на другихъ смотрѣть, какъ на пѣшекъ, она не допускала, чтобы ея эгоизмъ могъ натолкнуться на эгоизмъ, еще болѣе сильный. А такъ именно и случилось. Ея рыцарь благоразумно отретировался, умывая себѣ руки въ послѣдствіяхъ, а мужъ—этого она тоже не предвидѣла—мужъ не только сумѣлъ постоять за себя и объявилъ ей напрямикъ, что подъ одною кровлей съ ней жить не станетъ—и добавилъ къ этому, что развода онъ ей не дастъ ни за что.

— Ага!—произнесъ онъ своимъ крикливымъ голосомъ,—вамъ нужно другого искать дурака, котораго вы потомъ водили бы за носъ. Ну, вотъ этому и не бывать! Идите себѣ хоть на всѣ четыре стороны, но свободы опять выйти замужъ—ни, ни! Этимъ только могу вамъ отомстить... и отомщу!

Андрей Кирилловичъ выгналъ изъ дому свою вѣроломную супругу, какъ выгоняютъ провинившагося канцелярскаго чиновника. Привычный бюрократъ сказался и тутъ. И бѣдная Варвара Владиміровна, разомъ потерявъ и мужа, и любовника, безъ иллюзій, безъ надеждъ и безъ денегъ, должна была укрыться въ свою деревеньку, какъ единственное свое убѣжище.

Во всемъ этомъ конечно она чистосердечно матери не призналась. Она сдѣлала все возможное, чтобы выставить себя, если и не вполнѣ невинной, то, по крайней мѣрѣ, незаслуженно оскорбленною женщиной. Можно было развѣ ее строго осуждать за то, что она не оставалась безгранично вѣрною такому грубому и ограниченному человѣку, какъ Андрей Кирилловичъ? Онъ ей только что явно доказалъ свое полное безсердечіе...

И, повторяя это, Варвара Владиміровна устремляла на мать свои мягкіе, выразительные глаза, которымъ слезы придавали еще болѣе краснорѣчія. Черезчуръ уклоняться отъ правды она, впрочемъ, не рѣшалась:

самое ея положеніе выгнанной изъ дому жены слишкомъ ужъ ее обличало. Ей слѣдовало ожидать, что Андрей Кирилловичъ не преминетъ написать тещѣ, чтобъ объяснить ей свой поступокъ. Сознавая это, Варвара Владиміровна постаралась лишь скрасить немножко свое неблаговидное поведеніе.

Мать слушала ее, поникнувъ головой и раздумывая свою молчаливую, тяжкую думу. Разсказъ дочери не произвелъ на нее того ошеломляющаго впечатлѣнія, какое испытала она годъ назадъ, узнавъ о постыдномъ сближеніи между своей Варей и Аркадіемъ Степановичемъ.

На слѣдующій день, пришло отъ Андрея Кирилловича письмо, холодное, сухое, но правдивое. Онъ говорилъ о случившемся, какъ бы докладывая начальству о прискорбномъ случаѣ по ввѣренной ему части, и оффиціальный тонъ его письма, неприкрашенность его приговора надъ женой еще болѣе прежняго отозвались на бѣдной Надеждѣ Максимовнѣ, заставивъ ее вкусить всю горечъ материнскаго стыда за провинившуюся дочь. И когда вечеромъ она стала на молитву, искреннюю и горячую, какъ всегда, ея возроптавшее сердце осмѣлилось просить Создателя, чтобъ Онъ освободилъ ее отъ непосильной тягости земной жизни, въ которой она уже не ждала для себя ничего, кромѣ безвыходнаго горя.

XXI.

Прошелъ годъ. Въ ясное августовское утро почтовый поѣздъ N—ской желѣзной дороги, остановившись у станціи Тредубье, высадилъ тамъ всего только одного пассажира. Это былъ молодой человѣкъ въ гвардейской кавалерійской формѣ, съ бѣлою фуражкой на головѣ. И поджидавшій его пріѣзда кучеръ, присланный изъ имѣнія, тотчасъ подбѣжалъ, усердно и весело кланяясь.

— Изволили прiѣхать, батюшка Ѳедоръ Аркадьичъ,— привѣтствовалъ онъ молодого человѣка.—Матушка-то ваша всѣ эти дни такъ ужъ васъ дожидались... просто убиваются по вашей милости.

Ѳедя жадно разспросилъ его про домашнихъ. Узнавъ, что въ Богатомъ все благополучно, второпяхъ онъ проглотилъ за крошечнымъ буфетомъ стаканъ чаю и быстро вышелъ на крыльцо, гдѣ, фыркая и звеня бубенчиками, поджидала его лихая тройка чалыхъ. Отпивая спѣшными глотками мутный чай, онъ успѣлъ, однако, разузнать кое-что и отъ буфетчика, и отъ самого станцiоннаго начальника, подошедшаго, чтобы перекинуться съ нимъ парою словъ. Всѣхъ на станцiи Ѳедя зналъ хорошо, и встрѣтилъ онъ ихъ съ какою-то особою лаской въ глазахъ, съ тою лаской, какая всегда бываетъ во взглядѣ, когда возвращаешься въ родныя мѣста и видъ ихъ вызываетъ на сердцѣ одну радость. Ѳедя уже два года не былъ въ деревнѣ, и самъ воздухъ родного края онъ вдыхалъ въ себя съ наслажденiемъ. То, что ему довелось услышать, совсѣмъ однако не подходило подъ это счастливое настроенiе.

— Много у насъ перемѣнъ найдете, Ѳедоръ Аркадьичъ,—говорилъ ему станцiонный начальникъ.

— За два-то года, неужто ужъ такъ много?—спрашивалъ онъ.

— Да, вотъ Левъ Никифорычъ Собакинъ прошлою осенью, какъ супруга его скончалась, имѣнiе свое Петру Тихонычу продалъ и уѣхалъ неизвѣстно куда.

— Да, баринъ какой былъ!—вмѣшался буфетчикъ,— ласковый такой и важный, а какъ есть пропалъ безъ вѣсти... И все добро ихнее прахомъ пошло. Сысоевъ теперь, Петръ Тихонычъ — изволите знать? на ихнемъ мѣстѣ хозяйничаетъ, тоже въ господа записался... Да гдѣ ему? Мужички, думается, тамошнiе о Львѣ Никифорычѣ жалѣютъ, да затылки почесываютъ, что не спохватились во-время барскую земельку купить. Теперь у Петра Тихоныча небось по стрункѣ ходятъ:

шагу имъ ступить нельзя безъ того, чтобы Петру Тихонычу не поклониться.

— Знаю, знаю... очень жаль, — торопливо вставилъ Ѳедя.

— Николай Иванычъ Воеводскій — тоже изволили слышать?—продолжалъ буфетчикъ,—больше года, какъ скончались, и послѣ ихней смерти имѣніе совсѣмъ рѣшилось: ни кола теперь не осталось отъ ихней усадьбы,—мужички все строеніе пораспродали, а садъ вырубили. Теперь у нихъ тамъ огороды завелись.

— Ну, это старая исторія, заговорилъ опять начальникъ станціи. — А вотъ на самыхъ этихъ дняхъ еще перемѣна совершилась. Баронъ Клипенбергъ въ прошломъ іюнѣ тоже на тотъ свѣтъ отправился. Ну, да ему пора давно пришла: осьмой десятокъ былъ въ исходѣ. А племянники его, какъ наѣхали сюда, заспорили о наслѣдствѣ и порѣшили тутъ же имѣніе продать... Только это уже не кулаку досталось какому — предводитель купилъ и деньги чистоганомъ всѣ выложилъ...

— Господинъ предводитель — хозяинъ настоящій, опять вмѣшался буфетчикъ,—любому кулаку не уступитъ. Слышно, заводъ сахарный хотятъ строить.

— Ну, а что̀ Надежда Максимовна? живо спросилъ Ѳедя, покончивъ съ чаемъ: — давно про нее не слыхивалъ.

— Что-жъ, Надежда Максимовна—живутъ попрежнему, кажись, — отвѣтилъ словоохотливый буфетчикъ. Но станціонный начальникъ усиленно покачалъ на это головой, и Ѳедя повторилъ свой вопросъ.

— Плохо, Ѳедоръ Аркадьичъ! И Надеждѣ Максимовнѣ не устоять, даромъ, что она хозяйка расчетливая. Недавно еще, этакъ весною, имѣніе заложила...

— Это зачѣмъ! На нее это что-то не похоже.

— Да все дѣтки обираютъ, а у нея сердце доброе— ни въ чемъ дѣтямъ отказа нѣтъ. Не зачѣмъ было сынка въ гвардію опредѣлять.

Что-то болѣзненное пробѣжало по чертамъ Ѳеди, но онъ не возразилъ ничего.

— Да и дочка ихняя—тоже,—ухмыляясь, замѣтилъ буфетчикъ,—изволите знать?..

У Ѳеди, только-что собиравшагося закурить папироску, какъ-то дрогнула рука, и онъ швырнулъ на полъ потухнувшую спичку.

— А Варвара Владиміровна здѣсь?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Всю зиму здѣсь провели, какже-съ. И гостей у нихъ много бывало.

— Всю зиму? Вотъ какъ!

— А теперь,—не замѣтивъ охватившаго молодаго человѣка волненія, продолжалъ буфетчикъ, — кажись, за границу уѣхали: каждый день ихняго возвращенія ожидаютъ...

Но Ѳедя ужъ не слушалъ. Кивнувъ быстро головой станціонному начальнику, онъ застегнулъ шинель и вышелъ на крыльцо. Минуту спустя тройка уже мчала его по гладкой пыльной дорогѣ.

Свѣжій утренній воздухъ широкою живительною струей несся къ нему навстрѣчу, точно привѣтствуя и лаская его, а яркое солнце съ блѣдно-голубаго неба, того сіяющаго, совершенно безоблачнаго неба, какое бываетъ только раннею осенью, не жгучими, а мягкими лучами золотило недавно сжатыя поля, и далеко по обнаженнымъ нивамъ взглядъ проникалъ въ широкую даль, залитую радостнымъ потокомъ свѣта. Но Ѳедя не всматривался въ окружавшую его знакомую картину, и на сердцѣ у него уже не было прежняго счастливаго ощущенія.

„Неужели", думалось ему, „все то, къ чему онъ привыкъ съ дѣтства, безвозвратно осуждено на гибель, и весь этотъ знакомый строй жизни, казавшійся такимъ прочнымъ, долженъ рухнуть, какъ подточенная, сгнившая стѣна? И отчего это у насъ, какъ въ иныхъ странахъ, года̀ не приносятъ съ собою постепеннаго

роста и обновленія, а только грубо и насильственно разрушають старое, не замѣняя его даже ничѣмъ? Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, одно поколѣніе незамѣтно смѣняетъ другое, и дѣти мирно продолжаютъ работу отцовъ, тѣснясь вокругъ роднаго очага. И зачѣмъ же у насъ, только у насъ, ихъ неудержимо тянетъ врозь и вдаль, точно жизнь торопится ихъ развѣять на четыре стороны, какъ вѣтеръ разноситъ пустую обмолоченную мякину?“ Вотъ какъ разъ то мѣсто, гдѣ еще два года назадъ стояла почти у самой дороги усадебка Николая Ивановича. Ѳедя, случайно выглянувъ изъ тарантаса, узналъ бугорокъ, надъ которымъ высился скромный домикъ, гдѣ его такъ радушно встрѣчалъ хозяинъ. Теперь ни дерева, ни плетня не видно на мѣстѣ прежняго жилья. Безпощадная мужицкая соха точно сгладила всѣ слѣды прежней жизни, точно подвела имъ окончательный неумолимый итогъ. Ѳедѣ живо припомнились и фигура Николая Ивановича, и его семейныя заботы, и часто коробившее молодаго человѣка неблагопріятно-рѣзкое обращеніе съ нимъ дѣтей... И какъ разъ потому, что такимъ маленькимъ и скромнымъ былъ этотъ уголокъ и такъ легко было его разрушить, Ѳедѣ особенно жалко стало бѣднаго гнѣзда. „Да развѣ тутъ въ самомъ дѣлѣ какая-то неодолимая сила, съ которой бороться нельзя? Развѣ погромъ какой-то идетъ по родной землѣ, какъ нѣкогда по ней проносились татарскія орды, и предъ этою стихійною властью только склонять голову можно?“ Что-то поднималось въ сердцѣ молодаго человѣка противъ этой мысли, что-то строптивое и непокорное, и, помимо его сознанія, какъ-то складывалось въ твердый зарокъ не поддаться общему малодушію и отстоять хотя бы свой собственный уголъ.

— Ну, что Ѳедотъ? — спросилъ онъ, — что, какъ у насъ въ Богатомъ нынче?

Кучеръ обернулся и, съ глупою, широкою улыбкою посмотрѣвъ на барина, загадочно отвѣтилъ:

— Да, какъ, Ѳедоръ Аркадьичъ? Какъ будто все по старому...

И тотчасъ затѣмъ онъ снова обратился къ лошадямъ, гикнувъ на нихъ по-молодецки.

Но Ѳедя этимъ не удовлетворился.

— То-есть какъ по старому?—переспросилъ онъ.— Урожай каковъ? Довольны ли новымъ управляющимъ?..

— Урожай? Да какъ есть самый онъ средственный, какъ слѣдуетъ ему быть. А супротивъ запрежнихъ годовъ не постоитъ.—Это что и говорить, потому, извѣстное дѣло, супротивъ запрежнихъ годовъ во всемъ опущеніе стало. А на счетъ того, что новый управляющій, Демьянъ Петровичъ, какъ онъ, значитъ, къ дѣлу пригоденъ — то мы не знаемъ; а мы имъ очень довольны, опричь того, что лошадкамъ мало овса отпущаетъ. И вотъ съ меня, сиречь за прошлый мѣсяцъ, штрафу взыскалъ 1 руб. 40 к. Такъ вы уже Ѳедоръ Аркадьичъ будьте милостивы—велите этотъ штрафъ простить, потому я, значитъ, какъ предъ Богомъ неповиненъ ни тѣломъ, ни душой.

И спявъ франтовскую, ямщицкую шляпу, Ѳедотъ принялся разсказывать длинную исторію, изъ которой Ѳедя ровно ничего не понялъ.

— Смотри-ка ты лучше за лошадьми, — сказалъ онъ:—видишь, видишь, лѣвая пристяжная зашалила?

Ѳедя призадумался. Вдругъ на перекресткѣ — его тарантасъ ѣхалъ тогда мелкою лѣсною зарослью — показалась быстро скакавшая по другому проселку гнѣдая лошадка, а за нею изъ облака пыли вынырнулъ плетеный шарабанъ, почти наскочивъ на Ѳединъ тарантасъ. Лошадка шарахнулась въ сторону и едва было не опрокинула легкій экипажъ и сидѣвшую въ немъ дѣвушку, тщетно старавшуюся ее удержать.

Ѳедя мигомъ остановилъ кучера и, бросившись къ лошади, схватилъ ее за уздечку. Она продолжала рваться, фыркая и отбивая копытами землю.

— Не бойтесь,—крикнулъ онъ дѣвушкѣ,—и бросьте поводья: она сейчасъ успокоится.

Тутъ только онъ узналъ Лизу. Она тоже вышла изъ экипажа и подходила къ нему, явно стыдясь своего испуга. Перемѣна въ ней его поразила. Стройная, нарядно одѣтая, съ модною шляпкою на головѣ, она совсѣмъ уже не походила на прежнюю угловатую дикарку. Въ глазахъ ея только было что-то, напоминавшее прежнюю задорную строптивость.

— Дайте, я сама все устрою,—проговорила она почти сердито:—я вѣдь умѣю съ этимъ дѣломъ справляться.

И она принялась нетерпѣливо поправлять уздечку, которая только-что оборвалась.

— Умѣете, вотъ какъ!—Ну, посмотримъ, посмотримъ.

И онъ окинулъ ее чуть-чуть насмѣшливымъ взглядомъ, пока она возилась съ уздечкой. Дѣло не спорилось въ нетерпѣливыхъ рукахъ. Ея модный нарядъ и самый этотъ причудливый экипажъ, съ которымъ она очевидно плохо справлялась, показались ему какъ-то совсѣмъ не подходящими къ полудеревенской дѣвушкѣ, какой онъ зналъ ее два года назадъ.

— Ну, вотъ видите, Лиза,—сказалъ онъ смѣясь: — не ладится. Предоставьте ужъ лучше мнѣ: совсѣмъ это не по дамской части... Или, впрочемъ, васъ ужъ Лизой называть нельзя—вы теперь настоящая барышня и совсѣмъ большая.

И въ двѣ минуты онъ проворно затянулъ въ крѣпкій узелъ порвавшіеся ремни. Она смотрѣла на него вызывающимъ, недовольнымъ взглядомъ. А Ѳедя, хотя превращеніе дѣвушки и вызвало въ немъ наклонность слегка подтрунить надъ нею, не могъ не замѣтить, сколько было теперь своеобразной прелести въ ея смугломъ лицѣ и какъ ловко обхватывала ея станъ непривычная ей изящная одежда.

— Вотъ готово, Елизавета Петровна. Теперь доѣдете надѣюсь, безъ новыхъ приключеній. Только напрасно васъ одну пускаютъ: вы, кажется, править не мастерица.

— Вы развѣ не знаете, Өедоръ Аркадьевичъ,—отвѣтила она,—что не пускать меня куда-нибудь довольно трудно. Я спрашивать позволенія ни у кого не привыкла.

— Но коли батюшка вашъ расщедрился и подарилъ вамъ этотъ экипажъ, совсѣмъ не пригодный для вашихъ дорогъ, лошадку онъ ужъ могъ бы вамъ пріискать посмирнѣе...

Онъ зналъ, что бѣситъ ее, говоря это, и видѣть гнѣвный блескъ въ ея вспыхивавшихъ глазахъ доставляло ему какое-то странное удовольствіе.

— А мы съ вами и не поздоровались какъ слѣдуетъ,—продолжалъ онъ. — Ну, дайте мнѣ свою ручку вотъ—такъ! И не сердитесь на меня,—право не зачѣмъ: вѣдь я не виноватъ, что попалъ сюда въ ту минуту, когда лошадка ваша принялась шалить. Теперь она присмирѣла совсѣмъ...

Говоря это, онъ тронулъ рукой красивую голову лошади.

— Скажите, Елизавета Петровна,—продолжалъ онъ,— вы теперь, конечно, не тамъ, гдѣ прежде, на большой дорогѣ? Это совсѣмъ вѣдь не шло бы къ вашему элегантному костюму и къ такому шарабану тоже. Вы, говорятъ, переселились въ Новотроицкое, и зажили тамъ совсѣмъ на широкую ногу. Вы перемѣной довольны, разумѣется?

Она продолжала глядѣть на него молча, но уже не вызовъ, а скорѣе оскорбленная грусть читалась въ ея глазахъ. Она почти готова была заплакать. Насмѣшки молодого человѣка казались ей чѣмъ-то совсѣмъ незаслуженнымъ и глубоко обиднымъ. Онъ замѣтилъ это по выраженію ея лица, и теперь уже съ привѣтливой улыбкой добавилъ.

— Мнѣ право будетъ любопытно посмотрѣть, насколько вы успѣли перемѣниться за эти два года.

— Я совсѣмъ не перемѣнилась, Өедоръ Аркадьичъ,— отвѣтила она.—Напрасно вы судите по одной внѣшности.

— Буду этому очень радъ, потому что—откровенно

скажу вамъ—я всегда находилъ васъ очень милой, даже когда вы маленькимъ волкомъ глядѣли. И знаете что? Я на этихъ же дняхъ, если позволите, пріѣду навѣстить васъ въ Новотроицкое. А теперь до свиданья. И онъ снова пожалъ ей руку.—Я прямо съ желѣзной дороги, и меня дома ждутъ.

Встрѣча съ Лизой на время измѣнила ходъ его мыслей, и улыбка долго не сходила съ его лица. Но скоро отъ красиваго образа молодой дѣвушки, его воображеніе перенеслось къ ея отцу, и Ѳедя задумался надъ вопросомъ: дѣйствительно ли будущее принадлежитъ Сысоевымъ? Неужели этимъ людямъ, съ ихъ умѣньемъ быстро наживать деньги и полною неспособностью ими пользоваться, какъ слѣдуетъ, предназначено быть солью русской земли? Онъ задумался надъ этимъ такъ крѣпко, что и не замѣтилъ, какъ стали мелькать передъ нимъ постройки Богатаго, и очнулся тогда только, когда его тарантасъ бойко въѣхалъ въ широкій дворъ. Теперь его не встрѣтила, какъ въ послѣдній пріѣздъ, шумная, праздничная толпа. Все было тихо кругомъ, и ему показалось даже, что домъ глядѣлъ на него почти сурово, весь безмолвный и какъ-то печальный, съ своими многочисленными окнами, изъ-за которыхъ не доносилось людского говора.

На крыльцѣ его встрѣтили только отецъ съ матерью, да старый Трофимъ. Первый тревожный взглядъ Ѳеди былъ для матери, и онъ съ радостью замѣтилъ, что она совсѣмъ даже какъ будто не перемѣнилась; только руки ея немножко дрожали, когда она обнимала его плечи, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ поднимаясь по лѣстницѣ, она чуть было не оступилась. Онъ опять взглянулъ на нее съ безпокойствомъ, но она поспѣшно сказала, что чувствуетъ себя совсѣмъ бодрой и здоровой. Отецъ выказалъ такую же громкую радость, какъ и два года назадъ. Аркадій Степановичъ видимо старался попрежнему глядѣть молодцомъ, но для него эти два года не прошли даромъ: онъ сильно посѣдѣлъ

и сгорбился немножко, да вѣки у него какъ-то стали по старчески дрожать. „Какъ онъ осунулся, бѣдный!“ И въ этотъ первый день ни одной фальшивой ноты не прозвучало среди полнаго, казалось, семейнаго согласія, и Ѳедѣ пришлось только радоваться, что все прошло опять такъ хорошо и Аркадій Степановичъ даже, несмотря на явное приближеніе старости, глядитъ на будущее такъ свѣтло и увѣренно.

XXII.

— Знаешь что, Ѳедя? — недѣлю спустя говорилъ сыну Аркадій Степановичъ. — Завтра у предводителя большой праздникъ. Что бы намъ туда съ тобой махнуть, а?

Ѳедя сильно недолюбливалъ уѣзднаго магната, но поѣхать все-таки согласился, зная, что отцу этимъ доставитъ большое удовольствіе. А Ѳедѣ того только и хотѣлось, чтобы всѣмъ вокругъ него было хорошо и пріятно. Никогда еще деревенское затишье не приходилось ему такъ по сердцу.

Одно только нѣсколько омрачало эти счастливые дни: Ѳедя не заглядывалъ въ Березовку и по очень вѣской причинѣ. Съ Колей онъ разошелся такъ, что ни о какомъ примиреніи не могло быть и рѣчи. Разъ, когда въ товарищеской компаніи шла довольно большая игра, онъ къ своему ужасу замѣтилъ, что Коля два раза подмѣнилъ карту. Онъ сперва хотѣлъ отвести его въ сторону, не уличая передъ всѣми. Но Коля всталъ на дыбы, не захотѣвъ признать его право на вмѣшательство, и Ѳедѣ волей-неволей пришлось возникшій споръ отдать на судъ другихъ товарищей. Коля былъ посрамленъ передъ всѣмъ обществомъ и избѣгнулъ необходимости оставить полкъ оттого только, что присутствующіе обязались честнымъ словомъ не оглашать его поведенія. Теперь какъ разъ Коля гостилъ у

матери, и встрѣтиться съ нимъ Ѳедя не хотѣлъ ни за что. Тяжело было, что порвались, можетъ-быть, навсегда давнишнія близкія отношенія, но нечего было дѣлать.

А на предводительскомъ праздникѣ много было толковъ про Надежду Максимовну и грозившее ей разореніе. Назойливыя воспоминанія прошлаго, еще болѣе мучительныя отъ злораднаго пошлаго зубоскальства людей, равнодушно шевелившихъ это прошлое, неотступно преслѣдовали молодого человѣка. Подробно разбирали некрасивую исторію Коли, да и не щадили тоже Варвары Владиміровны, и не разъ Ѳедѣ казалось, что съ именемъ его отца какъ-то насмѣшливо связывалось ея имя. Неужели и до сихъ все это не было кончено?

Предъ самымъ обѣдомъ подъѣхалъ къ крыльцу экипажъ, и, неожиданно для всѣхъ въ дверяхъ показалась свѣжая, улыбающаяся и нарядная Варвара Владиміровна. И ея двусмысленное положеніе ничуть, повидимому, не смущало ее, а стѣсненныя обстоятельства не мѣшали ей одѣваться со вкусомъ. Да и всѣ бывшіе тутъ, за минуту еще передъ тѣмъ отзывавшіеся о ней такъ небрежно, обступили ее вмигъ, очевидно обрадованные ея пріѣздомъ. Она тотчасъ стала душой и сосредоточіемъ общества.

Ѳедя невольно взглянулъ на отца, когда вошла молодая женщина, и прочелъ на его лицѣ что-то похожее на замѣшательство: такъ ему, по крайней мѣрѣ, показалось. Но, что бы ни почувствовалъ въ эту минуту Аркадій Степановичъ, онъ сохранилъ вполнѣ свое достоинство и обмѣнялся съ Варварой Владиміровной лишь двумя-тремя равнодушными словами, въ которыхъ звучало холодное самообладаніе истинно свѣтскаго человѣка. Зато въ ея глазахъ Ѳедя отчетливо замѣтилъ какой-то вспыхнувшій огонекъ, что-то похожее на затаенную насмѣшку. Стыда она, очевидно, не чувствовала вовсе. И вотъ она подошла къ самому Ѳедѣ и, улыбаясь, сказала.

— Вы, кажется, меня не узнаете, Өедоръ Аркадьевичъ?

Нѣмой поклонъ, вѣжливый, но далеко не любезный, былъ единственнымъ отвѣтомъ молодого человѣка. Варвара Владиміровна посмотрѣла на него пристально и—оставила его въ покоѣ.

Но не замѣчать ее и не слышать ея голоса онъ не могъ: она какъ-будто дразнила его своимъ неестественнымъ оживленіемъ, все время громко болтая съ обступавшими ее мужчинами.

Өедя съ зоркою тревогой слѣдилъ за отцомъ. И то, что онъ успѣлъ подмѣтить, его вполнѣ успокоило. Аркадій Степановичъ казался совершенно равнодушнымъ къ предмету своей бывшей страсти. Онъ не присоединился къ той кучкѣ молодежи, съ которой она болтала всякій вздоръ, но онъ и не избѣгалъ ея. Никто бы не подумалъ, что Варварѣ Владиміровнѣ удалось въ его жизни разыграть такую выдающуюся роль. И какъ не проскучалъ Өедя на предводительскомъ праздникѣ, онъ вернулся домой съ облегченнымъ сердцемъ.

На другой день онъ вспомнилъ про свое обѣщаніе Лизѣ и поскакалъ въ Новотроицкое.

Тамъ въ самомъ дѣлѣ затѣвались широкіе планы, до того широкіе, что за цѣлый годъ ихъ не успѣли привести въ исполненіе. Службы отстраивались заново, а большой господскій домъ, весь обставленный лѣсомъ, усердно подновляли и перекрашивали. Сейчасъ видно было, что у новаго хозяина не только много денегъ, но есть и желаніе ими похвастать. Самъ онъ пока съ дочерью довольствовался боковымъ флигелемъ. Узнавъ, что Петра Тихоновича нѣтъ дома, а дочь его въ саду, Өедя направился туда, посмѣиваясь немного надъ будущимъ великолѣпіемъ Новотроицкаго. Сада пока не успѣла коснуться преобразовательпая рука, природа распорядилась тамъ по-своему. Недолговѣчные слѣды причуды человѣка она замѣнила своею необузданною,

дикою роскошью. Тамъ, гдѣ прежде живописно стояли отдѣльныя группы деревьевъ, дикая заросль расползлась въ своевольномъ безпорядкѣ. Еще годъ или два, и садъ сдѣлается лѣсомъ, сучья покроютъ землю и мохъ зашуршитъ подъ ногами. Но теперь, какъ бы наканунѣ побѣды непослушной природы надъ искусственнымъ созданіемъ людей, наполовину лишь одичалый садъ, обладалъ какою-то особою грустною прелестью. И невнятныя, таинственныя рѣчи нашептывали въ этотъ тихій день слегка покачивавшіяся верхушки деревьевъ. Не насмѣшка, а грусть слышалась въ этомъ говорѣ. Природа не знаетъ ироніи, и самая ея улыбка, безпричинная и какъ бы выжидающая чего-то, рѣдко навѣваетъ веселыя мысли. Кое-гдѣ уже пестрѣла листва, забрызганная то кровью, то золотомъ, и кое-гдѣ полузасохшій листъ медленно падалъ на землю.

Ѳедю, давно не бывавшаго въ Новотроицкомъ, садъ поразилъ своею красотой. Съ полчаса онъ бродилъ взадъ и впередъ, совершенно позабывъ о цѣли своей поѣздки, и вдругъ увидѣлъ передъ собою полуразвалившуюся бесѣдку. И изъ-за обступившихъ ее кустовъ акацій мелькнуло передъ нимъ женское платье.

Лиза узнала молодого человѣка ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ ее замѣтить. Румянецъ удовольствія вспыхнулъ на ея лицѣ. Раздосадованная этимъ, она постаралась придать своимъ чертамъ равнодушное, даже холодное выраженіе. Глаза ея, однако, все еще блестѣли, когда она встрѣтила Ѳедю у входа въ бесѣдку.

— Ну, вотъ, видите, — заговорилъ онъ первый, — я пріѣхалъ-таки поглядѣть на ваше новоселье. Со временемъ тутъ будетъ, кажется, настоящее великолѣпіе.

Иронія ей послышалась въ его словахъ.

— Вы опять надо мной смѣетесь, Ѳедоръ Аркадьичъ, какъ тотъ разъ, — отвѣтила она, — а вѣдь я этого не заслужила.

Ѳедя поспѣшилъ ее успокоить.

— И знаете, что,—продолжала дѣвушка,—мнѣ здѣсь

даже совсѣмъ не по себѣ. Этотъ огромный домъ смотритъ такъ внушительно, что будто намъ честь дѣлаетъ, позволяя намъ тутъ жить.

Молодой человѣкъ улыбнулся. Это была уже не прежняя Лиза: она говорила совсѣмъ инымъ языкомъ.

— Вотъ какъ стали вы мудрено выражаться, Лиза!

— А вы опять свое, опять смѣетесь!—обиженно и въ то же время ласково отвѣтила она. — А я, какъ чувствую, такъ и говорю: я, вѣдь, не люблю и не умѣю притворяться.

— Браво, браво, Лиза, — что дальше, то лучше! Сейчасъ видно гимназистку старшаго класса.

Она не знала даже, обидѣться или улыбнуться, и рѣшилась на послѣднее.

— Вотъ и неправда, Ѳедоръ Аркадьичъ! я гимназію кончила... Говорю вамъ, что мнѣ здѣсь не нравится, — по мнѣ, тамъ даже, на большой дорогѣ лучше было.

— Полно, Лиза, не грѣшите, а то я подумаю, что гимназія не развила въ васъ даже эстетическаго чувства. Словечко это вамъ не въ диковинку?

— Только словечко, Ѳедоръ Аркадьичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... разумѣется, и чувство тоже,—отвѣтилъ онъ живо и пристально въ нее всмотрѣлся, — и коли такъ, неужели вамъ не полюбился этотъ одичалый садъ, разросшійся на всю волю?

— Садъ я люблю, да, оттого, должно-быть, что его не принарядили пока. И такъ въ немъ тихо, тихо... Сюда, словно на край свѣта заберешься. Я, вѣдь, здѣсь почти цѣлые дни провожу.

— Да? И какъ вижу, все читаете?

Онъ замѣтилъ нѣсколько книгъ, лежавшихъ на скамейкѣ.

— А что вы такое читаете? — продолжалъ онъ. — Какъ! Учебники для народныхъ школъ, да какую-то педагогическую премудрость! Вотъ вы чѣмъ занимаетесь! Часъ отъ часу не легче.

— И это вамъ тоже смѣшнымъ кажется?— серьез-

нымъ, даже грустнымъ голосомъ спросила она. — Я готовлюсь осенью дѣтей учить; кажется, тутъ дурного ничего нѣтъ!

— Нѣтъ, даже очень хорошо. Извините меня, если...

Онъ всмотрѣлся въ нее пристальнымъ, сочувственнымъ взглядомъ.

— Мнѣ сердиться на васъ не приходится, — перебила она. — Вы, именно вы... и тѣ книги, которыя вы мнѣ давали, и доброе слово, которое я отъ васъ слышала, заронили въ меня первое желаніе сдѣлать что-нибудь для другихъ; вы заставили меня понять, что есть лучшая жизнь, чѣмъ та, къ которой я привыкла съ дѣтства. Впрочемъ это я, можетъ быть, и раньше понимала, но понимала только, а не любила эту иную жизнь. Когда мы съ вами встрѣтились у Надежды Максимовны, я вѣдь злая была, я на всѣхъ огрызалась, потому, что хорошо понимала, что не своя тамъ, и меня терпятъ изъ милости, и даже презираютъ какъ будто за самыя эти деньги моего отца. А отъ васъ я научилась, — да, отъ васъ, что стыдно только деньги наживать, не принося никому пользы. И я стала краснѣть уже не за то, что меня неровней считаютъ, а за самыя нехорошія эти отцовскія деньги. И теперь, когда вы видите, что я хоть немножко хочу искупить это дурное богатство, вы даже за это готовы меня на смѣхъ поднимать!

— Нѣтъ, Лиза, нѣтъ, напротивъ, я даже тронутъ этимъ: это въ самомъ дѣлѣ хорошо.

Они вышли изъ бесѣдки и разговаривая пошли по одной изъ дорожекъ. Часто имъ приходилось рукой отодвигать нависшіе сучья. Вдругъ за кустами послышался шорохъ, точно робкое какое-то существо пробиралось по чащѣ, и, мигъ спустя, немолодая баба, съ сильно заплаканными глазами, предстала передъ ними и разомъ такъ и бухнулась на землю.

— Барышня, помогите, — завопила она, — хоть вы за насъ бѣдныхъ передъ тятенькой вашимъ заступитесь!

Молодые люди хоть не сразу разобрали спутанный

разсказъ бабы, тотчасъ поняли, что жаловалась она не напрасно.

— Слышите?—вполголоса сказала Ѳедѣ разгорѣвшаяся отъ стыда дѣвушка.—И такъ почти каждый день. И не сказки это, а настоящая, горькая нужда... и какъ вникнешь хорошенько—все тутъ батюшкина рука. Какъ же вы хотѣли, чтобы я не старалась искупить это?

Лиза едва успѣла сказать бабѣ, что за нее похлопочетъ, какъ сзади послышались торопливые шаги, и самъ Петръ Тихоновичъ, тоже измѣнившійся въ своей внѣшности, предсталъ передъ молодыми людьми. Онъ уже не носилъ брюки засунутыми въ сапоги, а сюртукъ на немъ былъ тонкаго сукна и сшитъ не деревенскимъ портнымъ. Лицо его только не измѣнилось ничуть; оно все оставалось такимъ же равнодушно-безжизненнымъ. И такіе же непреклонно-блѣдные были его глаза.

— Благодаримъ покорно, Ѳедоръ Аркадьичъ, что пріѣздомъ осчастливили, привѣтствовалъ онъ молодого человѣка съ обычной ему слегка нахальною угодливостью.—А ты,—обратился онъ къ дочери, сухо засмѣявшись,—ты все просителей на меня принимаешь? Больно ужъ повадился къ тебѣ народъ съ жалобами похаживать. Ну, мать моя,—объявилъ онъ бабѣ, которую призналъ съ перваго же взгляда,—нечего тутъ клянчить: слышала, небось, что сказалъ я тамъ, въ конторѣ? Такъ ступай съ Богомъ—иного отвѣта не получишь.

Онъ проговорилъ это, совсѣмъ не возвышая голоса и какъ будто даже весело. Но баба, услыхавъ это, такъ и попятилась отъ него, не пробуя даже возражать.

— Ѳедоръ Аркадьичъ, милости просимъ туда, въ домъ. Хоть и не устроенъ онъ еще какъ слѣдуетъ, а все какъ будто не совсѣмъ стыдно такихъ, какъ васъ, господъ, принимать. А то въ саду здѣсь одно, что только запачкаться можно. Вотъ погодите, какъ съ домомъ справлюсь, и за садъ примусь... и въ преотличнѣйшій видъ приведу.

— А вы бы лучше,—сказалъ Ѳедя,—дождались пока

онъ совсѣмъ заростетъ, и спилили бы его на дрова,—доходъ хорошій будетъ.

— Шутить изволите,—возразилъ Петръ Тихоновичъ, и ухмыльнулся. Онъ не понялъ насмѣшки, но Лиза за него покраснѣла.

— Вотъ когда будущимъ лѣтомъ изволите сюда пріѣхать,--не безъ самодовольства добавилъ Сысоевъ,—имѣю надежду принять васъ какъ слѣдуетъ: все тогда будетъ готово. А теперь ужъ не взыщите,—живемъ пока помаленьку.

Ѳедя, однако, зайти къ Петру Тихоновичу на этотъ разъ отказался. Съ тѣхъ поръ, какъ Сысоевъ сталъ разыгрывать роль мѣстнаго туза, принимать его гостепріимство особенно претило молодому человѣку. Зато онъ черезъ нѣсколько дней снова заѣхалъ въ Новотроицкое. Къ своему немалому удовольствію, онъ засталъ Лизу одну. Петръ Тихоновичъ не показывался, сознавая, должно-быть, что разговоръ съ нимъ доставляетъ молодому человѣку мало удовольствія. Но самолюбіе его тѣмъ не менѣе было польщено, и наединѣ съ дочерью онъ многозначительно улыбался. Про себя онъ уже прочилъ Ѳедю въ зятя. Кабы онъ могъ слышать, что говорили молодые люди другъ съ другомъ, онъ остался бы этимъ не особенно доволенъ. Лиза все откровеннѣе повѣряла Ѳедѣ, какое брезгливое отвращеніе вызываетъ въ ней накопленное отцомъ богатство, какъ претитъ ей появившаяся у него съ нѣкоторыхъ поръ наклонность этимъ богатствомъ чваниться. А Ѳедя по старинному привозилъ ей книги и не безъ удовольствія замѣчалъ, какое благотворное дѣйствіе онѣ производятъ на дѣвушку. И Богъ вѣсть, до чего бы они договорились, кабы не одно случайное обстоятельство, на время совершенно измѣнившее мысли и настроеніе молодого человѣка.

Разъ, возвращаясь домой, онъ не замѣтилъ, что свернулъ въ сторону Варваровки и, подъѣзжая къ усадьбѣ, немало изумился, узнавъ стоявшую невдалекѣ

отъ дома коляску отца. Заснувшія въ немъ было подозрѣнія мигомъ воскресли.

— Аркадій Степановичъ здѣсь?—спросилъ онъ у кучера.

— Какъ-же-съ,—осклабился тотъ,—почесть что кажинный день здѣсь бываемъ...

Ѳедя пришпорилъ лошадь и, пріѣхавъ домой, тотчасъ бросился къ матери.

— Мама, что это значитъ? Опять, кажется, началось!—взволнованнымъ голосомъ заговорилъ онъ, передавая ей про только-что видѣнное.

— Оно никогда и не кончалось, — тихо отвѣтила Марья Александровна.—Теперь, когда ты самъ догадался, я могу тебѣ сказать...

— Какъ, послѣ того, что было полтора годъ назадъ! Да неужели же онъ въ такой власти у этой женщины, что она даже самолюбіе въ немъ заглушила? А я надѣялся, что все кончено, особенно послѣ того, какъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ у Бабищева: онъ казался такимъ спокойнымъ, равнодушнымъ...

— Да, онъ научился скрывать свои чувства передъ всѣми, только не передъ ней: она дѣлаетъ изъ него, что хочетъ. Ей стоило поманить его къ себѣ, — и все было позабыто.

— Стало быть всю эту зиму, когда я велъ такую глупую, такую безпечную жизнь въ Петербургѣ,—вы, бѣдная моя мама...—голосъ его оборвался.—Да теперь, по крайней мѣрѣ, теперь,—продолжалъ онъ,—уѣзжайте со мной, уйдите отъ этого срама!

— Я уже тебѣ сказала, Ѳедя, что этого никогда не будетъ,—качая головой, отвѣтила настойчиво Марья Александровна.

— Ну, хорошо... тогда я съ нимъ поговорю сегодня же.

Несмотря на всѣ ея увѣщанія, Ѳедя настоялъ на своемъ, и въ тотъ же день у него произошло объясненіе съ отцомъ, бурное, тяжелое, совсѣмъ ужъ не такъ,

какъ прежде. Сознавая, что онъ уже не за себя стоитъ, что онъ только заступникъ за оскорбленную мать, молодой человѣкъ далъ волю своему негодованію и почти совсѣмъ позабылъ про сыновнее уваженіе. Ему хотѣлось пробудить въ отцѣ заглохшее чувство достоинства, вызвать у него искру хотя бы той грубой ревности, которая побудила Аркадія Степановича исповѣдываться предъ сыномъ полтора года назадъ. Но все было напрасно. Старческая любовь такъ заполонила всю душу Клусова, такъ вытравила изъ нея способность возмущаться, что даже непочтительность сына его не оскорбила. И тогда только слова Ѳеди у него встрѣчали гнѣвный отпоръ, когда они неуважительно касались предмета его страсти. Объясненіе съ сыномъ привело къ полному разрыву между ними, и Ѳедя уже на слѣдующее утро уѣхалъ бы изъ Богатаго, если бы въ этотъ самый день не пришла къ Аркадію Степановичу записка отъ Варвары Владиміровны, извѣщавшая о ея собственномъ неожиданномъ отъѣздѣ. Черезъ двадцать четыре часа она должна была уѣхать въ Крымъ, и прощалась съ своимъ вѣрнымъ другомъ въ любезныхъ, но слегка насмѣшливыхъ выраженіяхъ. „Я не говорила вамъ про это“, писала она между прочимъ, „чтобы избавить васъ отъ напрасной траты словъ. Вы бы стали меня уговаривать, а я бы все-таки не послушалась. Осень здѣсь не по мнѣ: я уже разъ поплатилась за то, что слишкомъ долго здѣсь проскучала... то-есть, не проскучала, а засидѣлась. Итакъ прощайте и постарайтесь не сожалѣть обо мнѣ. Я буду о васъ думать, глядя на южное солнце, и мнѣ будетъ хорошо. Ваша В. Горностаева“.

У Аркадія Степановича руки затряслись, когда онъ дочиталъ. А нѣсколько дней спустя онъ узналъ, что въ одномъ поѣздѣ съ Варварой Владиміровной уѣхалъ на южный берегъ Крыма богатый молодой помѣщикъ Дуровъ, недавно поселившійся въ нашемъ уѣздѣ и случайно познакомившійся съ Варварой Владиміровной.

XXIII.

Прошелъ еще почти цѣлый годъ. Въ одно изъ самыхъ послѣднихъ чиселъ мая, въ третьемъ часу утра, Ѳедя Клусовъ ѣхалъ домой съ загородной товарищеской пирушки. Много было выпито, еще болѣе наговорено разнаго вздора, и голова трещала отъ отголосковъ этого пестраго сумбурнаго гама. И должно быть невеселые это были отголоски. Лицо молодого человѣка осунулось; губы болѣзненно сжались; вѣки были полузакрыты, точно глаза не хотѣли смотрѣть на внѣшній міръ. Изрѣдка мимолетная усмѣшка пробѣгала по этому лицу, и глаза вспыхивали весело, точно среди дрянныхъ и мутныхъ воспоминаній, какъ зарница по отуманенному небу, сверкало на мигъ что-то свѣтлое, блестящее, радостное. Но мгновенный отблескъ снова потухалъ, и лицо принимало опять напряженно-тягостное выраженіе. А ранняя майская заря уже пробуждалась на небѣ, окутывая всѣ предметы прозрачно-блѣдною дымкой. И молодой человѣкъ будто хотѣлъ укрыться отъ безжалостнаго свѣта этой сѣверной ночи, не знающей сна, и урывками только онъ взглядывалъ на бѣлѣющее небо и снова жмурилъ глаза. И странный ознобъ не то отъ холода, не то отъ стыда, пробѣгалъ по его тѣлу...

Всю истекшую зиму Ѳедя опять провелъ, какъ и двѣ предыдущія. И все чаще подымались въ немъ укоры совѣсти, все чаще шумныя забавы оставляли послѣ себя приторный осадокъ. Но еще никогда это недовольство собой не заливало его сердце такою ѣдкою горечью, какъ въ эту безоблачную, отвратительно свѣтлую ночь, будто раскрывшую передъ нимъ какую-то завѣсу и понуждавшую его проникать въ самые тайники его сердца. Да, не одинъ только Петербургъ, наполненный смутнымъ гуломъ неумолкавшей ночной возни, его собственный внутренній міръ точно обнажался передъ

нимъ. И всѣ недочеты его жизни, все противорѣчіе его благихъ намѣреній съ уродливою дѣйствительностью, ярко выступали передъ нимъ, какъ пробужденные докучливые призраки. И странно какъ-то примѣшивались къ этимъ мучительнымъ образамъ веселые отголоски только-что пролетѣвшихъ часовъ, звучавшіе какъ назойливая, размашистая пѣсня среди погребальной процессіи. А между тѣмъ какъ ни тяжелы и ни мрачны были мысли, наполнявшія голову Ѳеди, совсѣмъ онъ не ожидалъ того, что найдетъ у себя дома. Даже слабое предчувствіе угрожавшей бѣды не западало къ нему на умъ. Позже онъ вспоминалъ про это часто и скорбно.

Отворившій ему заспанный деньщикъ встрѣтилъ его словами:

— Телеграмму принесли, ваше благородіе.

— Давно?—тревожно спросилъ Ѳедя, у котораго тотчасъ забилось сердце отъ мгновеннаго предчувствія чего-то недобраго.

— Часа три будетъ, какъ принесли, — отвѣтилъ деньщикъ.

Ѳедя дрожащими пальцами уже разрывалъ конвертъ. Телеграмма была отъ Аркадія Степановича: „Мать твоя серьезно занемогла. Пріѣзжай“.

Въ одно мгновеніе мрачное извѣстіе, разомъ вторгшееся въ жизнь молодого человѣка, овладѣло всѣмъ его существомъ, перевернуло, какъ ударомъ вихря, все, наполнявшее эту жизнь. Онъ разомъ обнялъ мыслью ожидавшее его несчастіе и не колеблясь, не стараясь подыскать обманчивыя утѣшенія, сказалъ себѣ, что это конецъ, что едва ли даже онъ застанетъ въ живыхъ свою бѣдную, добрую мать. И какъ это случилось, что онъ, такъ любившій ее и давно знавшій про угрожающую опасность, совсѣмъ не думалъ о близости, даже о возможности конца?

Значитъ онъ не любилъ ее вовсе и намѣренно отворачивался отъ тревожныхъ мыслей на ея счетъ. „Да,

не любилъ, не любилъ“, повторялъ онъ себѣ, какъ бы стараясь еще болѣе растравить чувство, щемившее ему сердце, точно онъ находилъ въ этомъ что-то похожее на утѣшеніе. Спать онъ вовсе не ложился, мучительно дожидаясь, пока настанетъ день и можно будетъ явиться къ начальству и достать себѣ отпускъ.

Въ три часа почтовый поѣздъ увозилъ его изъ Петербурга. Ѳедя почувствовалъ не то, чтобъ облегченіе, а какое-то умиротворяющее безсиліе. А въ то же время, слѣдя глазами за дымомъ паровоза, летѣвшаго назадъ безконечною струей, невольно прислушиваясь къ окружавшей его вознѣ, къ разговорамъ пассажировъ, казавшимися ему такими нелѣпыми и ненужными, въ безконечной смѣнѣ желѣзнодорожныхъ станцій, до которыхъ ему не было никакого дѣла,—онъ ощущалъ какую-то обиду себѣ и своему горю въ этомъ общемъ невниманіи людей, которые могутъ спокойно обмѣниваться пустыми словами, говорить объ ѣдѣ на станціяхъ, о погодѣ, объ урожаѣ. Майскій вечеръ, какъ на зло, былъ свѣтелъ и чистъ, точно все небо улыбалось землѣ, а она ему отвѣчала радостнымъ, сладкимъ благоуханіемъ распускавшейся зелени. Это веселье природы, эта тающая нѣга яснаго заката, этотъ пряный запахъ, стоявшій въ воздухѣ, эти звонкіе голоса птицъ, наполнявшихъ своимъ неустаннымъ щебетаньемъ даже крошечные запыленные садики на станціяхъ, весь этотъ широкій, раздольный праздникъ весны прибавлялъ еще какую-то насмѣшливо-безсердечную ноту къ тупому невниманію суетившихся вокругъ него людей.

И вотъ наконецъ знакомыя мѣста, куда его такъ неудержимо тянуло. Черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ на своей станціи и все узнаетъ. И вдругъ ему показалось, что необыкновенно быстро совершился переѣздъ, и ему отсрочить захотѣлось тотъ страшный мигъ, когда онъ, можетъ быть, услышитъ... Поѣздъ замедляетъ ходъ, паровозъ свиститъ, и неуклюжее зданіе станціи обрисовывается у полотна дороги. Еще минута—

и протянулась платформа. „Этотъ человѣкъ въ запыленномъ плащѣ, этотъ сгорбленный старикъ, очевидно поджидающій кого-то—это его отецъ, пріѣхавшій къ нему навстрѣчу. Значитъ“... Но онъ боится досказать себѣ свою догадку.

— Папа,—вырвалось у него, когда, выскочивъ изъ вагона, онъ бросился обнимать отца, — папа, неужели?..

Оба они крѣпко прижались другъ къ другу, не будучи въ силахъ произнести ни слова. И въ эту минуту Ѳедя совсѣмъ позабылъ, при какихъ обстоятельствахъ они разстались прошлою осенью и какъ потомъ всю зиму они совсѣмъ даже не переписывались другъ съ другомъ. Теперь они были опять близкими родными.

— Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ, — всхлипывая проговорилъ наконецъ Аркадій Степановичъ.

Ѳедя понялъ, что предчувствіе его сбылось и онъ ее болѣе не увидитъ. И спрятавъ лицо на груди отца, онъ громко и судорожно зарыдалъ. Долго онъ не могъ даже разспросить у отца, какъ все было. Онъ зналъ одно только, что ничѣмъ ужъ нельзя предотвратить вѣчную непоправимую разлуку, что никогда уже онъ не почувствуетъ на себѣ милый взглядъ матери, не услышитъ ея кроткаго, дорогого голоса... И это сознаніе овладѣло всѣмъ его существомъ, не оставляя уже никакого иного ощущенія, одинаково застилая для него и прошлое и будущее. Аркадій Степановичъ поспѣшилъ его увести и посадить въ коляску. И только, когда лошади тронули и они остались вдвоемъ, безъ чужихъ свидѣтелей, Ѳедя спросилъ дрожащимъ голосомъ, какъ все это случилось, и почему онъ не успѣлъ во время пріѣхать. Ему вдругъ болѣзненно захотѣлось узнать все, все, до мельчайшихъ подробностей. Вопросы его посыпались горячо и настойчиво, хотя каждый отвѣтъ словно новою горькою струей заливалъ его сердце. Одно только въ разсказѣ отца было какъ будто похоже на утѣшеніе: она умерла безъ страданій, и смерть ея,

тихая и кроткая, походила на всю ея жизнь. Ей нездоровилось уже болѣе недѣли...

— Зачѣмъ же вы меня не вызвали тогда-же?—съ упрекомъ спросилъ Ѳедя.

— Она сама не хотѣла: она увѣряла, что это пройдетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ не было ничего особеннаго. Тому еще три дня ей даже въ садъ захотѣлось. Она немножко прошлась, но вдругъ у нея закружилась голова, и ее отнесли въ домъ. Она уже не вставала... и докторъ, за которымъ сейчасъ же послали, не оставилъ никакой надежды. Тогда я и отправилъ тебѣ депешу.

Слова упрека опять готовы были вырваться у Ѳеди, но онъ на этотъ разъ остановилъ ихъ: къ чему напрасно огорчать старика отца, совсѣмъ надломленнаго горемъ, а можетъ быть и укорами совѣсти?

— Докторъ сказалъ, что сердце у ней давно нехорошо, они вѣдь всегда говорятъ такъ, когда уже поздно.

— И какъ всегда,—горько перебилъ его Ѳедя,—прочіе, здоровые, не подозрѣваютъ ничего.

Аркадій Степановичъ махнулъ рукой и отеръ себѣ глаза.

— Она прожила всего только сутки послѣ этого,—добавилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— И не говорила совсѣмъ даже? Неужели не говорила?.. И не вспоминала обо мнѣ? И не упрекала меня за то, что меня тутъ нѣтъ? Да скажите же, скажите!

— Почти не говорила: все время была въ забытьи... Причастить успѣли однако... И она съ такой благодарностью на меня посмотрѣла, когда вошелъ священникъ. Только онъ ее не исповѣдовалъ даже совсѣмъ... Она, бѣдненькая, пролежала весь этотъ день совсѣмъ тихо, никого не тревожа,—да тревожила ли она кого за всю свою жизнь?—и разъ, увидѣвъ, что я плачу, протянула мнѣ свою худенькую ручку и попробовала мою пожать, а въ глазахъ у нея была такая добрая улыбка, совсѣмъ

неземная даже, что я ее понялъ безъ словъ: она хотѣла мнѣ сказать, что меня прощаетъ... А про тебя она вспоминала два раза: „Бѣдный мой Ѳедя“,—сказала она, то-есть, скорѣй даже прошептала, „какъ онъ сожалѣть будетъ, что намъ проститься не довелось“. Она все надѣялась, что ты пріѣхать успѣешь, а потомъ, когда она уже почти совсѣмъ говорить не могла, знакомъ велѣла изъ кіота любимый свой образокъ достать—ты знаешь вѣдь образокъ Спасителя? И чуть слышно, въ самое ухо мнѣ сказала: „этимъ ты его благослови за меня“. Вчера вечеромъ она кончилась... только что солнце сѣло.

Почти цѣлый часъ потомъ они промолчали оба. Аркадій Степановичъ сидѣлъ съ опущенною головой и, должно-быть, не легко было ему вспоминать, какъ провелъ онъ послѣдніе годы. Но еще тяжелѣе было Ѳедѣ. Образы минувшаго дѣтства возставали передъ нимъ, одинъ другого нѣжнѣе и ласковѣе, и щемящую скорбь вызывали они въ сердцѣ молодого человѣка. Онъ видѣлъ себя совсѣмъ еще крошечнымъ мальчикомъ, такъ любившимъ прижиматься къ матери, и прятать у нея на колѣняхъ свою бѣлокурую головку, и чувствовать, какъ ея мягкая рука гладитъ его непослушные волосы. А потомъ, когда онъ примется цѣловать ее, онъ непремѣнно поцѣлуетъ ее не въ губы только, а въ глаза, именно въ глаза. Это было такъ хорошо и сладко! Тогда онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ привязанъ къ матери, и разлучить ихъ значило причинить ему самое неутѣшное горе. Разъ, когда ему только что минуло двѣнадцать лѣтъ, мать неожиданно заболѣла и въ обычное время его не пустили къ ней, строго запретивъ шумѣть. И всѣ въ домѣ казались такими испуганными, ходили осторожно, на цыпочкахъ. Онъ не зналъ, что эта была за болѣзнь и могла ли быть опасность. Но долго, долго, весь въ слезахъ онъ на колѣняхъ усердно молился передъ образомъ, который висѣлъ надъ его кроваткой. Возможность смерти для его дорогой мамаши не приходила ему въ голову: онъ не понималъ, что это мо-

гло случиться именно теперь, когда онъ еще такой маленькій, а она такъ молода. Но еслибы когда-нибудь, даже гораздо позднѣе, это случилось, онъ бы ея не пережилъ,—это онъ зналъ навѣрно.

Да, это было золотое время, про которое онъ можетъ вспомнить теперь безъ стыда и упрековъ себѣ. Послѣ, очень скоро послѣ, стало уже не то. Онъ не разлюбилъ матери, разумѣется, нѣтъ,—но у него появились вкусы и удовольствія какъ-то помимо ея, и она не только не могла ихъ раздѣлять, но въ ея присутствіи совсѣмъ даже нельзя было имъ предаваться. Ея женская боязнь, какъ бы съ нимъ чего-нибудь не случилось, точно неодобрительно встрѣчала зарожденіе въ немъ мужскихъ наклонностей, страсти къ сильнымъ физическимъ упражненіямъ, ко всему, въ чемъ былъ и шумъ, и движеніе, и даже маленькая опасность. Его нетерпѣливо раздражала эта боязнь, въ которой онъ видѣлъ попытку затормозить его молодую разыгравшуюся волю. И онъ не понималъ, сколько было любви въ ея неустанныхъ заботахъ о немъ, даже въ томъ, что она такъ настойчиво противорѣчила его вкусамъ. И какъ часто онъ оскорблялъ ее тогда не только непослушаніемъ, но тѣмъ особенно, что онъ видимо тяготился ея присутствіемъ, старался какъ можно чаще уходить изъ дома.

И никогда, никогда она не упрекала его... Разъ только у нея вырвалось горькое восклицаніе: „Ахъ, Ѳедя, Ѳедя, чего ты отъ меня бѣгаешь? Вѣдь не долго я тебѣ надоѣдать буду“. Да, недолго—ея слова оправдались теперь. Ничѣмъ не купить ему радость поговорить съ ней по старому.

Аркадій Степановичъ вдругъ прервалъ молчаніе.

— А ты знаешь, Ѳедя, бѣдная Надежда Максимовна... слыхалъ?

— Нѣтъ ничего не знаю. Что съ ней?

— Ударъ съ нею былъ три недѣли назадъ—вотъ что,—со вздохомъ сказалъ Аркадій Степановичъ.

— Ударъ! Эта вѣсть какъ бы оторвала его отъ собственнаго горя.

— Теперь она немножко оправилась,—продолжалъ Аркадій Степановичъ, — правою рукой только плохо владѣетъ. А то было совсѣмъ не хорошо—языкъ отнялся даже.

Ѳедя былъ такъ пораженъ, что молча уставился на отца, не разспрашивая его.

— Это все, должно-быть, отъ домашнихъ непріятностей. Вѣдь она совсѣмъ почти разорена: имѣніе описали. Каково было это ей вынести, ей, аккуратной хлопотливой Надеждѣ Максимовнѣ! И все черезъ сына сдѣлалось, этого негодяя Колю: онъ обиралъ ее, обиралъ и довелъ почти до нищенской сумы. А напослѣдокъ—это ее сразило конечно—какая-то грязная исторія у него тамъ вышла, въ Петербургѣ, и его изъ полка исключили. А какъ узнала она про это—самъ онъ, голубчикъ, ей на глаза не показался: гдѣ-то пропадаетъ безъ вѣсти... ну, да, не пропадетъ небось—такіе всегда себѣ дорогу найдутъ, хоть и скверную—какъ узнала она, съ ней на другой день это и случилось...

Коляска въѣзжала въ усадьбу и какъ разъ въ эту минуту поравнялась съ богатовскимъ причтомъ, шедшимъ къ барскому дому служить панихиду. Увидавъ священника, Ѳедя опять всѣми помыслами устремился къ ней, къ дорогой покойницѣ, которая лежала теперь неподвижная и нѣмая въ большой залѣ родного дома. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ ней, какъ бы вопрошая ее и моля ниспослать ему свыше благословеніе, которое онъ не успѣлъ получить отъ нея при жизни. Долго онъ не рѣшался прикоснуться губами къ холодному лицу, такъ строго вырисовывавшемуся изъ-подъ накинутой кисеи. Присутствовали на панихидѣ всего только онъ да отецъ, да нѣсколько человѣкъ прислуги. Чужихъ никого не было. Ѳедя этому почти обрадовался, насколько онъ могъ ощущать что-либо похожее на радость. Ему хотѣлось оставаться вдвоемъ съ покой-

ницей, и онъ долго простоялъ передъ гробомъ, когда всѣ прочіе вышли съ какимъ-то страннымъ испуганнымъ недоумѣніемъ внимая гнусливому чтеніе псаломщика. И несмотря на то, что день былъ ясный и теплый, что яркое солнце чувствовалось изъ-за опущенныхъ занавѣсей, Ѳедѣ казалось, что какимъ-то холодомъ вѣяло въ обширной залѣ, холодомъ одиночества и разлуки. Слишкомъ часъ прошелъ такъ, пока онъ пододвинулся наконецъ къ усопшей и, дрожащими руками приподнявъ кисею, прильнулъ къ ея застывшимъ глазамъ, тѣмъ самымъ глазамъ, которые онъ такъ любилъ цѣловать въ своемъ дѣтствѣ.

Въ коридорѣ ему попался Аркадій Степановичъ.

— Что Ѳедя,—спросилъ онъ шопотомъ, — тебѣ не кажется, что холодно какъ-то и пусто, ужасно пусто— шаги даже раздаются въ цѣломъ домѣ.—Онъ дрожалъ, словно его лихорадило.—А что, ты приложился къ ней, да? Я что-то не смѣю...

И они опять разошлись.

XXIV.

На другой день были похороны, торжественныя и парадныя, насколько допускала это деревенская обстановка. Сосѣдей, однако, съѣхалось очень немного, и Аркадію Степановичу это было, повидимому, непріятно. Онъ то и дѣло оглядывался на паперть, какъ скоро слышался позади шорохъ. Онъ даже Ѳедѣ замѣтилъ, что „гостей что-то мало, и въ церкви все больше мужики“. Но Ѳедѣ было не до того. Внѣшній міръ пересталъ для него существовать. Послѣ отпѣванія, когда все зашевелилось, бывшій тутъ предводитель Бабищевъ сказалъ кому-то изъ присутствующихъ довольно громкимъ шопотомъ: „А врядъ ли придется опять сюда пріѣзжать: конецъ пришелъ сему дому, кажется“. Ѳедя разслышалъ эти зловѣщія слова, но и они едва кос-

нулись его слуха. Въ этотъ самый день ему пришлось однако ихъ припомнить. Едва кончились поминки и всѣ разъѣхались, старикъ Трофимъ, весь испуганный, крадучись вошелъ къ Аркадію Степановичу въ кабинетъ, гдѣ онъ былъ тогда съ Ѳедей, и въ полномъ смятеніи доложилъ, что пріѣхалъ только-что Петръ Тихоновичъ Сысоевъ и съ нимъ какой-то господинъ, кажись, приставъ изъ суда.

Аркадій Степановичъ весь поблѣднѣлъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, попроси ихъ подождать, — тревожно проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста. — Скажи, что я приму ихъ черезъ десять минутъ, всего десять минутъ, слышишь?

Трофимъ хотѣлъ удалиться, но Аркадій Степановичъ еще крикнулъ ему въ догонку.

— Пока предложи имъ чаю...— Тамъ, въ столовой подай.

Едва за Трофимомъ заперлась дверь, онъ обратился къ сыну и заговорилъ совсѣмъ дрожащимъ голосомъ:

— Я не ожидалъ этого, Ѳедя, не могъ предвидѣть, что какъ разъ сегодня, въ такой ужасный день... Это очень, очень тяжело...

— Да что случилось, папа?—спросилъ молодой человѣкъ,—чего вы такъ перепугались, и зачѣмъ тутъ приставъ?

Аркадій Степановичъ схватился за голову обѣими руками—онъ не въ силахъ былъ сразу отвѣтить — и потомъ оперся на спинку кресла, точно онъ боялся упасть.

— Ѳедя,—пробормоталъ онъ,—ты вѣдь ничего не знаешь: я скрывалъ отъ тебя горькую правду—мы разорены, разорены совсѣмъ. Я все надѣялся, что выпутаюсь какъ-нибудь, добьюсь отсрочки и денегъ какъ-нибудь достану, чтобы расплатиться съ этимъ проклятымъ долгомъ, а вмѣсто того дѣла шли все хуже да хуже. Не вѣрилъ мнѣ ужъ никто.

Ѳедя началъ смутно понимать.

— Такъ, стало-быть, пріѣхали имѣніе описывать, такъ ли?.. И этотъ домъ, гдѣ только что она страдала, гдѣ она скончалась...

Онъ не договорилъ, молча продолжая глядѣть на отца широко-раскрытыми глазами.

— Да, это ужасно, ужасно,—безпомощно извинялся Аркадій Степановичъ.

— Не понимаю, какъ можно было дойти до этого?

— Повѣришь ли, я самъ не понимаю. Закружило меня какъ вихремъ, засосало какъ въ болотѣ. Ты спросишь, пожалуй, съ какой стати я Сысоеву заложилъ Богатое, а не въ банкѣ? Тебѣ это страннымъ кажется?

Онъ нервною походкой сталъ ходить по комнатѣ. И голосъ его зазвучалъ крѣпче—волненіе ему будто придавало силы.

— Деньги нужны были до зарѣзу, сейчасъ, немедленно... а въ банкѣ, ты знаешь, какія тамъ проволочки. Подъ вексель никто не хотѣлъ давать, пронюхали, шельмы, про мои долги. Вѣдь все здѣсь, кромѣ главнаго хутора, заложено давно по частямъ. Да и подъ векселя тоже занялъ я не мало. Обратился я къ Сысоеву—помнишь, это было тотъ самый день, когда онъ сюда пріѣзжалъ... и у насъ съ тобой произошла сцена изъ-за этого? Сысоевъ объявилъ мнѣ наотрѣзъ, что безъ закладной не дастъ ни копѣйки. А прежде давалъ сколько угодно, мошенникъ!

— Да что у васъ была за надобность такая занимать?—нетерпѣливо перебилъ его сынъ.

Аркадій Степановичъ махнулъ рукой и лицо его снова приняло виноватый, приниженный видъ, точно онъ просилъ у сына пощады.

— Ахъ, ты не знаешь, чего стоила мнѣ эта женщина! О проклятье на нее, проклятье.

И онъ стиснувъ кулаки, говоря это. Ѳедѣ стало не въ моготу: слышать, какъ отецъ напоминаетъ ему про Варвару Владиміровну какъ разъ теперь, когда только-

что похоронили его дорогую мать, онъ спокойно не могъ.

— Полно жаловаться, папа,— сказалъ онъ твердо и холодно.—Коли до этого дошло, надо встрѣтить бѣду смѣло, съ открытыми глазами. Скажите-ка мнѣ лучше порядкомъ, въ какомъ положеніи дѣла, и мы постараемся вдвоемъ, что-нибудь придумать.

Въ первый разъ Ѳедя говорилъ съ отцомъ такимъ тономъ, первый разъ онъ выходилъ изъ своей сыновней роли. Обстоятельства принуждали его выступить впередъ, и онъ сдѣлалъ это просто, не задумываясь, и Аркадій Степановичъ передъ нимъ тотчасъ спасовалъ.

— Ты правъ,—поторопился онъ отвѣтить,—я обязанъ тебѣ дать во всемъ полный отчетъ.

Морщась, словно отъ боли, Ѳедя слушалъ длинный и довольно сбивчивый разсказъ отца. То ему было особенно тяжело, что эти денежные вопросы такъ назойливо вторгались въ его горе и какъ бы оскверняли ихъ великую семейную скорбь.

— У этого человѣка, такъ закончилъ Аркадій Степановичъ, — кромѣ закладной на Богатое теперь въ рукахъ векселей тысячъ на двадцать. Онъ скупилъ ихъ, чтобы вѣрнѣе забрать меня въ свои жадныя лапы. И тутъ не простая жадность,—тутъ есть утонченная злоба, желаніе нанести ударъ побольнѣе. Вѣдь всего Богатаго ему бъ не осилить: это слишкомъ для него большой кусокъ. А завладѣть самымъ центромъ имѣнія, усадьбой, которую я не рѣшался закладывать даже въ банкѣ — тутъ для него особое наслажденіе явиться съ исполнительнымъ листомъ, произвести опись, меня осрамить на весь уѣздъ—вотъ чего ему надо!.. И нѣтъ спасенія, нѣтъ!

— Напрасно вы падаете такъ духомъ, папа,—тихо возразилъ Ѳедя:—все это, конечно, очень скверно, но класть оружіе передъ врагомъ еще рано... Посмотримъ во всякомъ случаѣ, что скажетъ Сысоевъ: я думаю, его можно теперь позвать.

Минуты двѣ спустя Петръ Тихоновичъ вошелъ, почтительный какъ всегда, но съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ полунасмѣшливой развязности. Когда его пригласили сѣсть, онъ сдѣлалъ это съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: „я сѣлъ бы и безъ вашего позволенія". И не дожидаясь, чтобы къ нему обратились съ вопросомъ, зачѣмъ онъ пожаловалъ, Петръ Тихоновичъ произнесъ съ особой, свойственной ему оскорбительною вѣжливостью:

— Прощенія просимъ, что обезпокоили васъ въ такой, можно сказать, печальный и торжественный день. Смѣю васъ увѣрить, что не зналъ о кончинѣ вашей супруги.

Петръ Тихоновичъ, вращавшійся за послѣдніе годы въ кругу достаточнаго купечества и водившій знакомство съ дѣльцами изъ образованныхъ, съ недавнихъ поръ усвоилъ себѣ особый складъ рѣчи—языкъ не то коммерсанта, вкусившаго отъ цивилизаціи, не то мѣстнаго ходатая по дѣламъ изъ бывшихъ волостныхъ писарей. Насчетъ своего невѣдѣнія о горѣ, постигшемъ Аркадія Степановича, онъ, разумѣется, вралъ безбожно.

Ему отвѣтили только легкимъ кивкомъ головы.

— Сами изволите знать, —продолжалъ Сысоевъ, что 22-го прошлаго апрѣля состоялось рѣшеніе окружнаго суда по нашему дѣлу, въ которомъ велѣно меня по иску удовлетворить какъ насчетъ заложеннаго мнѣ вашего имѣнія, села Богатаго, такъ и по векселямъ вашимъ. И вотъ-съ, я, значитъ, привезъ съ собой исполнительный листъ на тотъ случай, если вашему высокородію не угодно будетъ мнѣ уплатить всю сумму съ процентами...

— Сполна?—какъ-то боязливо и раздраженно спросилъ Аркадій Степановичъ.

— Сполна-съ, ужъ какъ водится. А въ противномъ случаѣ господинъ судебный приставъ сегодня же приступитъ къ составленію описи какъ имѣнія вашего, такъ и движимости.

Несмотря на то, что Аркадій Степановичъ гораздо сильнѣе Ѳеди ощущалъ надъ собой ненавистную власть этого человѣка и чувствовалъ себя въ конецъ сокрушеннымъ, онъ менѣе владѣлъ собою, чѣмъ сынъ и на взволнованномъ его лицѣ выступили красныя пятна.

— Опись... вы говорите, опись,—почти съ вызывомъ въ голосѣ вскрикнулъ Аркадій Степановичъ.—И мебель значитъ будете описывать, и вотъ этотъ самый стулъ, на которомъ сидите?

Ѳедя молчалъ, сохраняя полное спокойствіе.

— Точно такъ,—отвѣтилъ Сысоевъ,—порядки, я думаю, вамъ извѣстны.

— А потомъ, что намѣрены вы сдѣлать потомъ?

— Надъ имѣніемъ вашимъ,—уже съ явною насмѣшливостью продолжалъ Сысоевъ, — будетъ назначена опека, пока не состоится продажа съ торговъ... Для чего же вы меня спрашиваете, Аркадій Степановичъ,— мѣняя вдругъ тонъ, съ притворною задушевностью продолжалъ Петръ Тихоновичъ:—точно сами не изволите знать.

Вспышка раздраженія у Аркадія Степановича мигомъ упала.

— А согласиться намъ между собой какъ-нибудь развѣ нельзя?—спросилъ онъ.

— То-есть, въ чемъ же отъ васъ будетъ предложеніе-съ?

— Имѣніе у меня не маленькое,—оживляясь сказалъ Аркадій Степановичъ,—и цѣнностью болѣе полумилліона...

— Никто такой суммы за него не дастъ,—необыкновенно мягко проронилъ Петръ Тихоновичъ.

— А у васъ въ залогѣ всего 600 десятинъ на двадцать тысячъ, да векселей у васъ на столько же будетъ. Цифра небольшая.

— Съ процентами всего 43.270 рублей,—отчеканилъ Сысоевъ,—и полагаю такихъ денегъ вамъ не достать, потому хоть Богатое и прекрасное имѣніе, и большое

очень, но во-первыхъ, вся остальная земля, въ банкѣ заложена, и по хозяйству опущеніе всякое есть...

— Какъ это опущеніе? Хозяйство мое одно изъ первыхъ въ губерніи.

Петръ Тихоновичъ улыбнулся и тряхнулъ головой.

— Эхъ, Аркадій Степановичъ,—заговорилъ онъ уже совсѣмъ фамильярно,—что это мы съ вами ходимъ все вокругъ, да около. Коли деньги эти у васъ имѣются на лицо, или хотя бы половина ихъ—съ меня пока и половины довольно, да-съ! Такъ прикажите получить... А коли нѣтъ, про что и толковать тутъ! вы и такъ слишкомъ два года мнѣ процентовъ не платите.

Аркадій Степановичъ промолчалъ.

— Такъ позвольте ужъ приступить къ описи,—сказалъ вставая Петръ Тихоновичъ, но сказавъ это, онъ не двинулся съ мѣста, поводя глазами съ Аркадія Степановича на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Ѳедю.

— Было бы, правда, одно средство все уладить,—заговорилъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.—У меня, изволите знать, Аркадій Степановичъ, дочь на возрастѣ и невѣста, а у васъ сынокъ... Сейчасъ бы по рукамъ: у моей Лизы приданое будетъ хорошее.

Вся прирожденная спѣсь Аркадія Степановича поднялась бурною волной.

— Какъ,—вскрикнулъ онъ,—чтобы мой сынъ... на вашей дочери: вы съ ума, что-ли...

Но Ѳедя его остановилъ.

— Позвольте, папа, на это предложеніе отвѣтить приходится мнѣ. Ваша дочь,—обратился онъ къ Сысоеву,—дѣвица прекрасная, и я не только ее очень уважаю, я счелъ бы за счастіе быть ея мужемъ. Только, во-первыхъ, жениться я еще не собираюсь, а во-вторыхъ, я собою не торгую.

— Это какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣтилъ Сысоевъ, у котораго изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ злобно сверкнули глаза.

— Но я все-таки надѣюсь,—провожая его за дверь,

добавилъ Ѳедя,—что къ соглашенію мы съ вами придемъ. Послѣ завтра я буду у васъ въ Новотроицкомъ, а теперь извольте приступить къ описи.

И холодно поклонившись, онъ вернулся въ кабинетъ отца.

XXV.

— Папа,—сказалъ молодой человѣкъ, подходя къ отцу,—я останусь съ вами здѣсь, совсѣмъ останусь—я подамъ въ отставку. У меня сложилось это рѣшеніе, пока вы говорили съ этимъ человѣкомъ. Мое мѣсто здѣсь, дома. Я постараюсь вамъ помочь отстоять Богатое и могилу матушки...

Аркадій Степановичъ не выразилъ ни радости, ни удивленія. При словѣ „отставка", онъ посмотрѣлъ на сына безжизненными глазами и полубезсознательно кивнулъ головой. Воля у него была подорвана. Онъ чувствовалъ себя не въ силахъ бороться съ обступившими его затрудненіями и видѣлъ, что пришла пора уступить мѣсто другому, котораго не сломила еще жизнь. Правда, тайная горечь.поднималась въ его сердцѣ при этой мысли, и оттого онъ не обрадовался рѣшенію сына. Но онъ былъ ему благодаренъ, что Ѳедя такъ мягко и бережно встрѣтилъ его признаніе, что ему не довелось услыхать отъ сына заслуженные укоры.

А въ домѣ между тѣмъ оторопѣлая прислуга испуганно смотрѣла, какъ эти двое чужихъ людей, Сысоевъ и приставъ, сдѣлавшіеся въ немъ будто хозяевами, переходили изъ комнаты въ комнату, накладывая печать на барское добро и что-то записывая. Они растерялись еще болѣе Аркадія Степановича, весь этотъ день не выходившаго изъ кабинета, потому что не давали себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило. Для нихъ было что-то таинственное и грозное въ этомъ посягательствѣ на предметы, къ которымъ они привыкли от-

носиться почти, какъ къ чему-то священному. И скромная власть судебнаго пристава, лѣниво и равнодушно исполнявшаго свои обязанности, пріобрѣтала въ ихъ глазахъ неопредѣленные, но зловѣщіе размѣры. Наконецъ, добрались и до кабинета. Какъ загнанный звѣрь въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, Аркадій Степановичъ смотрѣлъ испуганно и дико, и на вопросъ пристава, можно ли начинать, махнулъ только безнадежно рукой.

А Өедя, между тѣмъ, не желая присутствовать при этомъ позорномъ оскверненіи родного дома, пошелъ на село и, попросивъ священника отворить ему церковь, спустился въ фамильный склепъ, гдѣ только-что похоронили Марью Александровну. Долго онъ стоялъ на колѣняхъ передъ свѣжей могилой, какъ бы прося у матери прощенія за то, что этотъ горестный день ознаменовался такимъ стыдомъ для семьи, и въ то же время призывая ее въ свидѣтельницы своего твердаго рѣшенія начать сызнова жизнь. То, что онъ смутно чувствовалъ еще въ Петербургѣ,—нерѣшительный ропотъ проснувшейся совѣсти, нетвердый порывъ къ дѣятельности, теперь окрѣпло и наполняло все его существо пламеннымъ желаніемъ труда и борьбы. Въ немъ переломъ совершился. Неожиданная кончина матери и столь же неожиданное разореніе отца протрезвили его разомъ. Өедя понялъ, что конецъ насталъ безпечнымъ годамъ юности, нелѣпой тратѣ времени и силъ на пустые удовольствія, отъ которыхъ дурманъ оставался въ головѣ, а незанятое сердце черствѣло. Постигшій его ударъ не повергъ его въ безпомощное уныніе, а будто новыхъ силъ ему поддалъ, чтобы встрѣтить лицомъ къ лицу настоящую суровую жизнь и, помѣрившись съ нею, пріобрѣсти себѣ право на самоуваженіе.

Когда Өедя вышелъ изъ церкви, уже вечерѣло. Сладкая истома майскихъ сумерокъ стояла въ неподвижномъ воздухѣ, пахло молодымъ листомъ и полынью, а надъ зелеными полями, будто стремясь долетѣлъ до

далекихъ розоватыхъ облаковъ, тянувшихся надъ багровымъ закатомъ, жаворонокъ задорно посылалъ въ небесную высь свой радостный окликъ.

Ѳедя быстрыми шагами направился къ дому и на полъ-пути встрѣтился съ Герасимомъ Павловичемъ Щукинымъ. Старикъ многорѣчиво, но съ полною, неподдѣльною искренностью выразилъ ему свое участіе, еще болѣе можетъ быть, по случаю только что происшедшаго наѣзда Сысоева, чѣмъ по поводу семейной утраты. Для Герасима Павловича родовое имѣніе, которое онъ зналъ съ самого дѣтства, становилось живымъ существомъ, близкимъ и дорогимъ.

— Надежда Максимовна,—сказалъ онъ между прочимъ,—очень сожалѣли, что сами не могли пріѣхать. Да, извѣстно вамъ, какое съ ними несчастіе приключилось? Благодаря Бога лучше стало, много лучше, только выѣзжать имъ еще нельзя. Дочку свою, Натасью Владиміровну, вмѣсто себя послали.

— Развѣ она была?—спросилъ Ѳедя,—я ее въ церкви не видалъ.

— Какъ же-съ, какъ же... только въ домъ онѣ не вошли и тотчасъ уѣхали послѣ службы.

Тутъ только Ѳедѣ припомнилось, что подъ самый конецъ отпѣванья, когда стали подходить къ гробу, съ нимъ поздоровалась и что-то ему говорила бѣлокурая, стройная дѣвушка, которую онъ не узналъ тогда. Слезы ему мѣшали разглядѣть ее, да и не то у него было въ головѣ. Теперь ея образъ словно воскресъ въ его памяти, и онъ поручилъ Герасиму Павловичу извиниться за него предъ Настей. Да и впрямь онъ почти цѣлыхъ три года не видалъ ее, а за это время она сильно, должно быть, измѣнилась.

— Надежда Максимовна очень, очень васъ просятъ къ нимъ заѣхать,—продолжалъ Щукинъ,—коли вамъ только можно будетъ. Такъ бы имъ хотѣлось васъ повидать... Совѣстно имъ васъ безпокоить въ такіе дни, да Богъ знаетъ,—такъ онѣ вамъ передать велѣли—

долго ли имъ осталось прожить... Ахъ, Өедоръ Аркадьичъ, батюшка, такъ у насъ все нехорошо пошло, не по старому. Вамъ и не узнать нашу барыню, и Березовку нашу тоже. Не видать бы этого моимъ старымъ глазамъ, вотъ что!

Голосъ Щукина задрожалъ, точно въ немъ слезы послышались. Өедя обѣщалъ побывать въ Березовкѣ уже на слѣдующій день и, распростившись со Щукинымъ, поспѣшилъ къ отцу.

Онъ засталъ Аркадія Степановича неподвижно сидящимъ въ углу кабинета, и поразительно жалкой казалась вся его сгорбленная фигура, такъ и говорившая о полной безпомощности. Въ комнатѣ не зажигали свѣчей и Аркадій Степановичъ весь точно спрятался въ сумерки, словно онъ хотѣлъ укрыться въ нихъ отъ своего униженія.

— Что, Өедя?—спросилъ онъ упавшимъ голосомъ, робко взглянувъ на сына.

— Да вотъ, что, папа, я надумалъ: у насъ одно только средство Богатое спасти...

— Ты думаешь, есть средство?—недовѣрчиво перебилъ его отецъ.

— Я думаю, есть, да только боюсь, оно вамъ не понравится: часть земли продать надо, чтобы покрыть этимъ долгъ Сысоеву, и продать хотя бы по низкой цѣнѣ. Я намѣренъ это Сысоеву предложить — пусть возьметъ онъ себѣ одинъ изъ хуторовъ. А не захочетъ, другого покупателя отыщемъ. Только мнѣ ваше согласіе на это нужно.

— Дѣлай, какъ знаешь,—съ горькою уступчивостью отвѣтилъ Аркадій Степановичъ...

Өедя молча посмотрѣлъ на него и хотѣлъ выйти: ему больно было видѣть этотъ полный упадокъ духа.

— А ты слышалъ,—сказалъ ему вдогонку отецъ, и въ голосѣ его прозвучала ироническая нота,—Варвара Владиміровна вѣдь замужъ вышла, да!.. за того самаго Дурова, съ которымъ прошлою осенью въ Крымъ по-

ѣхала... Отъ перваго мужа развода таки добилась. Какова, а? Теперь въ довольствѣ живетъ, и сюда ужъ ни ногой... Только, говорятъ, этотъ Дуровъ ее держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ... Ну, и по дѣломъ!

И Аркадій Степановичъ дрябло захохоталъ.

Ѳедя не захотѣлъ болѣе слушать и вышелъ. Даже теперь, въ эти страшно тяжелыя минуты прежняя больная струна все еще такъ упрямо звучала въ сердцѣ Аркадія Степановича. Молодой человѣкъ прошелъ къ себѣ наверхъ и, подозвавъ старика Трофима, долго разспрашивалъ его о послѣднихъ дняхъ матери. Онъ хотѣлъ закончить этотъ день, думая только о ней и воскрешая ея милый образъ найти себѣ необходимую силу для того дѣла, которому онъ себя посвящалъ и къ которому онъ чувствовалъ себя такъ мало подготовленнымъ.

Надежду Максимовну онъ на слѣдующій день засталъ въ саду вдвоемъ съ Настей, читавшей ей вслухъ. Она сидѣла въ покойномъ креслѣ, пригрѣтая солнцемъ и, несмотря на теплый день, закутанная съ головы до ногъ. По одному этому можно было судить о случившейся перемѣнѣ. Никогда прежде Надежда Максимовна не оставалась безъ дѣла, никогда не прибѣгала къ чужой помощи, чтобы скоротать время. И не только на ней чувствовалась тяжелая рука старости—сама Березовка какъ-то одряхлѣла заодно со своею хлопотливою хозяйкой. Порядокъ и чистота соблюдались по старому. За то у построекъ, недавно еще казавшихся такими прочными, кое-гдѣ стѣны успѣли покоситься, а тамъ и крыша понемногу сползала. Отъ краски на домѣ и слѣдовъ не осталось: давно ее смыли дождевыя струи. А частоколъ мало-по-малу уступилъ соединенному напору зимняго снѣга, своевольныхъ телятъ и деревенскихъ мальчишекъ.

— Спасибо, Ѳедя,—издали привѣтствовала молодого человѣка Надежда Максимовна, — извини, что безпокоила тебя—не до меня тебѣ, сама знаю. Но, что дѣ-

лать? Мнѣ ждать не приходится: сегодня жива, а завтра, какъ Богу угодно. Ну, дай тебя обнять... и не пеняй на старуху... Да ты, впрочемъ, и не пеняешь, я знаю.

Они долго плакали оба, пока Надежда Максимовна обнимала лѣвою рукой его голову, опустившуюся къ ней на грудь, правой она почти не владѣла. И Өедѣ легче стало отъ этихъ слезъ. Онъ смутно чувствовалъ, что его семейное горе, которымъ онъ до сихъ поръ по настоящему ни съ кѣмъ и подѣлиться не могъ, находило себѣ въ Надеждѣ Максимовнѣ болѣе сердечный отголосокъ, чѣмъ въ родномъ отцѣ. Поднявъ голову, онъ молча поздоровался съ Настей. Теперь только онъ замѣтилъ, какъ измѣнилась она за эти три года, какъ изящно округлились ея черезчуръ узкія плечики и будто дорисовались миловидныя черты лица. И губы ея, и глаза тоже и теперь не разучились смѣяться по-дѣтски—это сразу было видно по рѣзвымъ искоркамъ, такъ быстро вспыхивавшимъ въ ея темно-синихъ зрачкахъ, по шаловливому изгибу, который такъ охотно показывался въ углахъ ея алыхъ губъ. За то, когда шаловливое выраженіе исчезало, можно было вглядѣться глубоко, глубоко въ эти, уже совсѣмъ не по-дѣтски задумчивые глаза. И если въ ней еще улыбался ребенокъ, то мысли, бродившія за этими тонкими бровями, чувства, волновавшія это свѣжее личико, принадлежали уже совсѣмъ взрослой дѣвушкѣ. И какъ-то невольно, сперва пожавъ ея пальчики совершенно по-прежнему, какъ будто она была дѣвочкой только, онъ вторично на нее взглянулъ и прочитавъ въ ея лицѣ такое сочувственное пониманіе его горя, онъ еще разъ, и совсѣмъ уже иначе повторилъ свое пожатіе.

— Да, не гадала я, что такъ мы съ тобою свидимся, Өедя,—продолжала Надежда Максимовна, когда молодой человѣкъ усѣлся возлѣ нея.—А помнишь, какъ я тебя журила? Небось, осерчалъ на меня старуху... Затѣмъ ты цѣлыхъ три года и глазъ не казалъ. Припомнивъ

разомъ все, что было за эти три года, старушка вздохнула глубоко.—Ну, да теперь не до этого,—что старое вспоминать? Ты мнѣ лучше скажи про себя, какъ прожилъ ты все это время, да что думаешь теперь дѣлать.

Өедя просто, не стыдясь говорить правду, сказалъ про то, что было вчера и про свое намѣреніе бросить службу и остаться въ Богатомъ.

— Не знаю, пригожусь ли я на что-нибудь,—скромно закончилъ онъ,—вѣдь до сихъ поръ немного толку было отъ того, что я дѣлалъ. Но одно я твердо рѣшилъ—до послѣдней крайности отстаивать родной домъ то мѣсто, гдѣ вчера схоронили мою мать—не отдавать этого въ чужія руки. Опыта и умѣнія немного у меня, правда; но труда я не пожалѣю — за это могу поручиться, и съ Божьей помощью надѣюсь...

И глаза его вспыхнули.

— Ну, хорошо, что ты вотъ такъ говоришь,—отозвалась старушка,—да Бога на помощь зовешь. А то и въ самомъ дѣлѣ, чего тамъ, въ Петербургѣ, баклуши бить? Ты, чай, много тамъ напроказилъ?.. Ну, да не мнѣ тебя попрекать, не мнѣ. Она снова вздохнула,—ты самъ себя, небось, упрекаешь довольно часто. Ну, дай тебѣ Богъ помощь, Өедя.

Өедя, пока она говорила это, случайно взглянулъ на Настю. Глаза ея были устремлены на него, и въ нихъ такъ и искрилось горячее сочувствіе. Но едва они встрѣтились съ его неожиданнымъ взглядомъ, они опустились въ какомъ-то непонятномъ для него смущенія и легкая краска выступила на ея щекахъ. Ей стало неловко, и она поднялась съ мѣста.

— Ты, я вижу, уходить собираешься,—сказала ей мать,—такъ вели кстати намъ кофейку принести. Догадливая она у меня очень,—добавила она, когда Настя удалилась,—почувствовала должно быть, что мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою съ глазу на глазъ.—И она посмотрѣла на него пристально.

— Вотъ видишь, Өедя, долго ли, коротко ли, а не

жилица я на этомъ свѣтѣ... Ну, головой не качай—нечего меня утѣшать: знаю, что говорю... Каждую минуту должна я конца ждать. Послѣдніе два года меня такъ въ могилу и толкали—самъ видишь, какою стала. Да и смерти я не боюсь. Одно меня безпокоитъ—моя Настюша,—что съ нею будетъ? Вѣдь совсѣмъ одну я ее оставлю, какъ перстъ одну. Сестра у нея, правда, есть, и братъ, только поручить имъ дѣвочку нельзя. Конечно, Богъ ее не забудетъ, только... все-таки... по нашему, по человѣческому... Ты своему отцу скажи, Ѳедя—дуется онъ на меня что-то за прежнее: два года почти что не видались съ нимъ... А все-таки онъ помнитъ, я думаю, какіе мы были съ нимъ друзья—скажи ему, чтобы онъ мою Настю не оставилъ — дѣвочка она добрая: обузой для него не станетъ. Твоя покойница мать мнѣ обѣщала взять ее къ себѣ послѣ моей смерти... такъ можетъ Аркадій Степановичъ за нее исполнитъ обѣщаніе. Неловко и зазорно какъ будто мнѣ объ этомъ просить, да нечего дѣлать—горькая нужда заставляетъ: родныхъ у меня нѣтъ, хоть шаромъ покати, а друзей—было ихъ довольно, только друзья развѣ остаются у тѣхъ, кто себя до нищеты допустилъ.

— Обѣщаю вамъ за отца, по крайней мѣрѣ, на сколько могу обѣщать,—отвѣтилъ Ѳедя взволнованнымъ голосомъ.—Я все сдѣлаю, что могу.

Онъ совершенно забылъ въ эту минуту, какъ плохо самъ онъ годился въ покровители семнадцатилѣтней дѣвушкѣ.

— Ишь, какой прыткій!—замотавъ головой, улыбнулась Надежда Максимовна,—вотъ тоже нашелся для Насти опекунъ!

— Богъ дастъ еще долго проживете, Надежда Максимовна,—и выдадите ее замужъ за хорошаго человѣка..

— Ну, до замужества еще далеко: она еще ребенокъ...

И оба вдругъ почему-то замолчали. Горничная принесла на подносѣ кофе; мужской прислуги давно не водилось въ Березовкѣ.

— Ну, покушай, Өедя, покушай. Ты знаешь, я угощать люблю, и сливками все еще похвастать могу. А вотъ и Настя, кажись, сюда идетъ.

Песокъ заскрипѣлъ подъ легкими шагами и, подойдя къ креслу матери, Настя быстро опустилась на колѣни и принялась окутывать ее соскользнувшимъ на землю шерстянымъ платкомъ.

— Смотрите, мама, вы еще простудитесь,—укоряла она ее, нѣжно цѣлуя въ лобъ.—А что, какъ вы себя чувствуете теперь?

— Отлично, мой дружокъ, отлично. Это я съ Өедей такъ разговорилась, что не замѣтила, какъ уронила шаль. И чего ты меня кутаешь: совсѣмъ вѣдь тепло.

— Нѣтъ, мама, надо. докторъ приказалъ.—Она поцѣловала ее опять и, обойдя вокругъ кресло, усѣлась рядомъ съ Өедей.

— Что Герасимъ не идетъ съ докладомъ?—спросила Надежда Максимовна.

— Я ему сказала, что не надо васъ безпокоить. Я сама всѣ счеты съ нимъ провѣрила—все въ порядкѣ.

— Ишь какая! совсѣмъ меня въ опеку взяла. Тебѣ бы шалить, да рѣзвиться, а не хозяйство вести. Она у меня, Өедя, теперь всѣмъ завѣдуетъ.

Молодые люди невольно взглянули другъ на друга и засмѣялись. Но уже мигъ спустя смѣхъ этотъ у нихъ замеръ, точно они сказали себѣ оба, что имъ смѣяться нельзя.

Надежду Максимовну стало между тѣмъ понемногу клонить ко сну. Она еще два раза обращалась къ Өедѣ съ какими-то вопросами, но голосъ ея становился невнятнымъ, и дремота овладѣвала ею все замѣтнѣе. Өедя и Настя, сперва шопотомъ и урывками, потомъ все громче и оживленнѣе заговорили другъ съ другомъ по старинному, точно не прошло трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись послѣдній разъ. Въ его глазахъ она была еще ребенкомъ, да и сама она едва ли сознавала перемѣну, совершившуюся въ ней. Өедя раз-

спрашивалъ ее, какъ провела она эти три года и не скучно ли ей было отъ того, что такъ однообразно проходятъ ея молодые дни.

— Вотъ позволю я себѣ скучать!—отвѣтила она;—на это у меня нѣтъ и времени. Дни такъ быстро, такъ ужасно быстро проходятъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что это было еще очень недавно, когда мы съ вами въ послѣдній разъ здѣсь... помните...

Она запнулась, попрекая себя, что упомянула объ этомъ. Но у Ѳеди никакихъ тяжелыхъ воспоминаній ея слова не вызвали: то, что касалось Варвары Владиміровны, было имъ совершенно забыто.

— Да неужели вы себя такъ и взаправду,—спросилъ онъ, — обрекли на роль настоящей хозяйки, въ ваши-то годы?

— Ну, какая я хозяйка! Это мама только шутитъ. Правда, я помогаю ей немножко счета вести, да съ Щукинымъ поговорю, да погляжу на поля, да вмѣсто мамаши на деревню схожу за больными посмотрѣть... развѣ это трудно?

— Однако выходитъ,—улыбнулся онъ,—что у васъ почти весь день занятъ.

— Весь день! Полноте! Я кромѣ этого и музыкой успѣваю позаняться, и читаю кое-что—книги мнѣ вашъ батюшка позволилъ брать изъ вашей библіотеки — я почти ее всю перечла.

— Вотъ какъ! Да вы совсѣмъ ученой стали, Настя...

— Вотъ теперь и ученая,—засмѣялась она совсѣмъ по-дѣтски, и синіе ея глаза ярко засвѣтились.—А всего больше я люблю верхомъ ѣздить—я въ прошломъ году научилась. Теперь у меня своя лошадка есть, прехорошенькая такая. Видите, а вы думаете, что я серьезной стала.

Когда Ѳедя однако, заинтересованный ея отвѣтами, сталъ у нея выпытывать, что ей особенно понравилось изъ прочитаннаго, онъ скоро убѣдился, что три эти года не прошли для нея даромъ, и природное чутье,

а можетъ быть и счастливый случай, какъ разъ остановили ея выборъ на такомъ чтеніи, которое бы могло обогатить ея умъ и развить вкусъ.

— Дивлюсь я, право,—воскликнулъ онъ,—глядя на васъ, Настя: учителей у васъ не было, гимназію вы въ эти годы бросили, росли себѣ, какъ Божье деревцо на свободѣ, а подите-ка, какъ чудесно вы сами себя воспитали! Вотъ что значитъ, кому отъ рожденія дано природное изящество ума и сердца, да способность отзываться на все хорошее! Да, полевые цвѣты порой куда какъ лучше и краше тепличныхъ!

Она засмѣялась тихимъ, груднымъ смѣхомъ и опустила глаза, и опять легкая краска зардѣлась на ея лицѣ.

— Вы, мнѣ кажется, начинаете комплименты говорить, Ѳедоръ Аркадьичъ,—вотъ ужъ этого я никакъ отъ васъ не ожидала.

— Я говорю чистую правду, какъ старинный вашъ... Досказать своей фразы ему не пришлось. Докучливая муха, уже долго жужжавшая вокругъ Надежды Максимовны, сѣла къ ней на лобъ, и Настя, замѣтивъ это, смахнула ее рукой. Надежда Максимовна проснулась.

— Я, кажется, дремала немножко,—проговорила она улыбаясь.—Который часъ?

— Да, поздновато, мама, пора вамъ домой—солнце ужъ низко. Хотите, мы васъ подвеземъ съ Ѳедоромъ Аркадьичемъ?

— Нѣтъ, я и сама дойду,—на что такое баловство.

И опершись на руку дочери, она тяжелой походкой поплелась къ дому. Проводя ее до любимаго мѣста въ кабинетѣ, Ѳедя съ нею простился.

— Что, какъ вы ее находите?—тревожно спросила Настя, вышедшая съ нимъ на крыльцо.—Очень перемѣнилась, да?

— Не скрою отъ васъ—очень, но духомъ она все прежняя и, дастъ Богъ, понемногу оправится и совсѣмъ.

Онъ самъ этому не вѣрилъ и Настя поняла это. Она грустно покачала головой, прощаясь съ нимъ.

— Ну, до свиданья. Скоро навѣдаюсь опять и... привезу вамъ еще книгъ, благо вы до нихъ такая охотница.

Онъ сѣлъ на лошадь и, доѣхавъ до воротъ, кивнулъ ей головой. Она все еще стояла на крыльцѣ, вся облитая весеннимъ солнцемъ, точно окруженная радостнымъ сіяніемъ. И тутъ только его поразило стройное изящество ея облика, выдѣлявшагося на сѣромъ фонѣ дома и граціозный наклонъ ея головки, которую обвивали двѣ переплетенныя, тяжелыя косы. Она простояла еще минуты двѣ, потомъ вздохнула слегка, но вздохнула какъ-то свободно и радостно и, обернувшись, взбѣжала по лѣстницѣ въ свою комнату на верху. Тамъ она усѣлась было съ книгой у открытаго окна, но книга скоро очутилась у нея на колѣняхъ. А немного опущенную головку мечты унесли далеко отъ того, что было напечатано на ея страницахъ. Это были, должно быть, золотыя мечты и немного неясныя тоже. Глаза дѣвушки, раскрытые и улыбающіеся, долго неподвижно глядѣли въ розовую даль, на которой уже загорался блестящій и радостный закатъ майскаго вечера.

XXVI.

Ѳедѣ на другой день предстояло совершить иную поѣздку и очень для него непріятную—поѣздку въ Новотроицкое. Петръ Тихоновичъ жилъ по прежнему въ боковомъ флигелькѣ, но принялъ онъ молодого человѣка въ большомъ домѣ, теперь совершенно отдѣланномъ. Присвоенныя съ дѣтства привычки не позволяли ему занять обширныя барскія хоромы, но тщеславіе вызывало желаніе ими похвастаться. И въ самомъ обращеніи его съ Ѳедей была попытка стать въ уровень этой обстановки и придать себѣ что-то внушительное

Но Θедя этого даже не замѣтилъ: слишкомъ безгранично владѣло имъ горе и желаніе покончить какъ можно скорѣе съ тяжелымъ объясненіемъ. Сысоевъ выслушалъ его съ необыкновенною мягкостью,—а это было всегда дурнымъ признакомъ у Петра Тихоновича. Предложеніе молодого человѣка онъ рѣшительно отклонилъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ позвольте, Θедоръ Аркадьичъ,—съ обидною ласковостью въ тонѣ сказалъ онъ,—коли такъ, пусть ужъ все остается по старому. Я думалъ, вы мнѣ деньги привезти собрались... или хоть обязательство ихъ уплатить... черезъ нѣсколько дней. Онъ намѣренно тянулъ, говоря это.—Батюшка вашъ вѣдь такой... богатый человѣкъ... и сами они вѣдь изволили мнѣ высказать, что... такая это бездѣлица—сорокъ три тысячи; имъ затруднительно развѣ такую сумму достать... И кстати, есть у васъ отъ нихъ формальное довѣріе?

Довѣренности, разумѣется, не было. Петръ Тихоновичъ ухмыльнулся.

— Такъ о чемъ же мы будемъ толковать, Θедоръ Аркадьичъ?—сказалъ онъ, щуря и безъ того маленькіе глазки.

— Я просто хотѣлъ вамъ предложить сдѣлку, для васъ очень выгодную—купить у насъ землю, смежную съ вашей, по сто рублей за десятину такъ, чтобы за вычетомъ банковаго долга земля эта покрыла...

— Вы это называете выгоднымъ, то есть, выгоднымъ для меня?—перебилъ Сысоевъ.

— Еще бы! Вы получаете землю, которая у васъ подъ рукой, и не платите за нее ни копѣйки. А на что вамъ Богатое? да и стоитъ оно развѣ сорокъ три тысячи?

— Кому какъ, Θедоръ Аркадьичъ: на охотника оно, пожалуй, и много дороже, а что будетъ на торгахъ и за кѣмъ оно останется, это еще вилами писано.

Онъ засмѣялся вполголоса.

— Гм, вы изволили сказать, на что мнѣ Богатое. Конечно, оно мнѣ какъ будто и не къ чему вторую

усадьбу пріобрѣтать... А коли мнѣ какъ разъ удовольствіе доставляетъ въ свои руки получить первое имѣніе въ уѣздѣ? Хе, хе, потѣшное это, право, дѣло. Вы, господа дворяне, все думаете, что можно должать сколько душѣ угодно, а насчетъ платежа, какъ Богъ на душу положитъ, а съ нашимъ братомъ всегда сговориться можно,—потому гдѣ намъ, хамскому отродью, въ барскія хоромы лѣзть? Извольте однако видѣть—Собакинъ Левъ Христофорычъ тоже богатый былъ господинъ, а въ Новотроицкомъ хозяинъ теперь я!

— Какъ вамъ будетъ угодно,—поднимаясь съ мѣста, холодно отвѣтилъ Ѳедя.—Постараюсь отыскать иного покупателя.

— Это ужъ дѣло ваше-съ...—Всякаго счастья вамъ позвольте пожелать,—отвѣтилъ Петръ Тихоновичъ, съ преувеличенною любезностью провожая молодого человѣка.

Вернувшись въ комнату, гдѣ происходилъ разговоръ съ Ѳедей, Сысоевъ къ немалому удивленію засталъ тамъ свою дочь.

— Тебѣ что?—грубо спросилъ онъ ее.

— Я все слышала и пришла вамъ сказать..

— Ага, просто значитъ подслушала! — перебилъ ее Петръ Тихоновичъ.

— Да,—произнесла она рѣшительно, не опуская глазъ передъ отцомъ:—я вѣдь знала, зачѣмъ пріѣхалъ сюда Ѳедоръ Аркадьевичъ и догадывалась, какъ вы ему отвѣтите.

— А тебѣ это не любо, что-ли? — засмѣялся Петръ Тихоновичъ.

— Я пришла васъ просить, — повторила она, на этотъ разъ стараясь придать мягкость своему голосу,—согласиться на то, что вамъ предлагалъ Ѳедоръ Аркадьевичъ: сдѣлайте это для меня.

— Для тебя? Вотъ какъ! оттого, что этотъ мальчишка тебѣ приглянулся? Смышленная ты, кажись, дѣвка, а все же и у тебя разума настоящаго нѣту. Стоитъ

этому барченку на тебѣ жениться, я и закладную, и векселя всѣ на клочки разорву сейчасъ.

Лиза вспыхнула.

— Да неужели вы не понимаете, что какъ разъ изъ-за этого ни за что онъ не женится на мнѣ? Угрозами вы, что-ли, его подъ вѣнецъ хотите послать?..

— Полно, не ври, Лиза, не оттого, а изъ-за барской спѣси онъ на тебѣ жениться не хочетъ, и за это-то проучить надо.

Но слова эти не произвели на дѣвушку ожидаемаго впечатлѣнія, она отвѣтила съ полнымъ спокойствіемъ— глаза ея только блестѣли немножко.

— И вы думаете, что я сама бы за него захотѣла пойти кабы знала, что онъ беретъ меня по принужденію.

А между тѣмъ, пока она говорила это ровнымъ, не дрогнувшимъ голосомъ, болѣзненное горькое чувство просилось къ ней въ грудь и гнѣвный ропотъ оскорбленнаго женскаго самолюбія подсказывалъ ей совершенно иныя слова.

— Ну ужъ эти мнѣ ваши дѣвичьи причуды,—заворчалъ опять Петръ Тихоновичъ, — не довольно съ васъ, что вамъ суженаго поднести хотятъ—надо еще, чтобы это вышло на особый деликатный манеръ. Экая разборчивость, право! Другая бы на твоемъ мѣстѣ обрадовалась случаю наказать этого молокососа за то, что онъ артачиться вздумалъ, а ты, дура, за него просишь.

— Да на что вамъ Богатое?—упорствовала Лиза.— И предложеніе Ѳедора Аркадьевича для васъ самихъ же выгодно.

— А коли мнѣ хочется этихъ господъ Клусовыхъ— все возвышая голосъ проговорилъ Петръ Тихоновичъ,— въ бараній рогъ согнуть, что тогда? не понимаешь развѣ?

— Понимаю я давно!—и глаза ея запылали теперь.— Но вотъ что я вамъ скажу на это: давно мнѣ противно глядѣть на ваше богатство. Оно слезами залито, про-

клятіе на немъ лежитъ—мнѣ все кажется, что любой кусокъ, что я въ ротъ беру, у кого-нибудь вырванъ былъ насильно.

— Полно, Лиза, берегись!—закричалъ было на нее отецъ.

Но она не смутилась и, покачавъ головой, продолжала:

— Нѣтъ, знайте, не хочу ничего для себя, чѣмъ бы я вашимъ деньгамъ была обязана: не хочу даже любимаго человѣка, кабы его можно было купить... И коли вы не сдѣлаете того, о чемъ я васъ прошу, коли Богатое останется за вами, я въ тотъ же день убѣгу отсюда, да такъ убѣгу, что вы не отыщете меня послѣ, какъ бы не искали.

Петръ Тихоновичъ любилъ свою дочку, хоть и обращался съ ней грубовато подчасъ, а вдобавокъ онъ не на шутку боялся ея пылкой головки, которую считалъ способною придумать любую изъ самыхъ школьныхъ выходокъ. И Петръ Тихоновичъ уступилъ; хоть и прикрылъ онъ эту уступку грозною отповѣдью.

— Ну, Лиза, не дури... глупостей такихъ я и слушать не стану,—и средства вѣдь есть скрутить непокорныхъ дочерей. А насчетъ Богатаго-то, пожалуй, будь по-твоему.

И въ тотъ же день онъ написалъ Аркадію Степановичу крупнымъ, тяжелымъ почеркомъ съ мудреными выкрутасами, что принимаетъ сдѣланное отъ его имени предложеніе, но что на требуемую цѣну несогласенъ, а можетъ дать по 90 рублей за десятину. Онъ не приминулъ воспользоваться случаемъ, чтобы выторговать скидку.

Ѳедя былъ очень обрадованъ. Но къ удивленію его Аркадій Степановичъ заупрямился, и уломать его оказалось не легко.

— Когда осажденные отбиваются отъ приступа, — сказалъ Ѳедя между прочимъ,—развѣ считаютъ потери?

И получивъ отъ Аркадія Степановича полную довѣренность, онъ поспѣшилъ еще разъ въ Новотроицкое,

чтобы покончить съ дѣломъ. Богатое было спасено, мѣсто, гдѣ схоронена его мать, гдѣ самъ онъ провелъ дѣтскіе годы, не попадетъ въ чужія руки...

Ѳедя и не подозрѣвалъ, кому онъ этимъ обязанъ. Лизы онъ не видалъ, какъ и въ первый свой пріѣздъ: она не показывалась намѣренно, да и онъ не искалъ съ ней встрѣтиться. Мимолетное впечатлѣніе, произведенное на него молодою дѣвушкой минувшею осенью, исчезло безслѣдно. Невольно онъ даже переносилъ на Лизу свое недоброе чувство къ ея отцу. Впрочемъ одно теперь владѣло всѣми помыслами Ѳеди — выполненіе принятой на себя задачи. На этомъ пути былъ сдѣланъ только первый шагъ, была одержана только первая побѣда. И съ каждымъ днемъ онъ убѣждался, сколько предстояло еще упорнаго труда, чтобы исправить многолѣтнія ошибки. Едва узнали, что молодой баринъ принялся за управленіе, старинные долги, о которыхъ и позабылъ давно Аркадій Степановичъ, со всѣхъ сторонъ обступили Ѳедю. Оставалось одно — вновь заложить только что освобожденную отъ залога усадьбу, а заодно съ этимъ, подыскать новыхъ людей, не свыкшихся съ безпорядкомъ и съ безчестностью, и самому подавать всѣмъ примѣръ бодрости труда.

Аркадій Степановичъ Ѳедѣ не мѣшалъ. Но полнаго единодушія, настоящей близости у нихъ все-таки не было. Глядя, какъ сынъ чуть не съ утра до вечера на полѣ, Аркадій Степановичъ втайнѣ чувствовалъ себя почти обиженнымъ, вспоминая про свою собственную привычку вести дѣло спустя рукава, и страдавшее въ немъ самолюбіе давало себя чувствовать порой мимолетнымъ насмѣшливымъ замѣчаніемъ или хотя бы снисходительной улыбкой. Отдыхалъ Ѳедя по настоящему только въ Березовкѣ. Онъ сталъ часто туда наѣзжать, самъ не сознавая, что его тамъ привлекало; въ обществѣ Надежды Максимовны и ея дочери онъ чувствовалъ себя, какъ съ настоящими родными.

Разъ, часу во второмъ, уже подъ конецъ іюня, подъ-

ѣхавъ къ Березовскому дому, онъ увидѣлъ на крыльцѣ Настю съ большою связкою ключей въ рукѣ и окруженною всѣмъ персоналомъ служащихъ съ Герасимомъ Павловичемъ во главѣ. Она стояла на верхней ступени съ непокрытою головой, немного щурясь отъ бившаго ей въ глаза солнца. Никогда прежде онъ не заставалъ ее врасплохъ при самомъ исполненіи обязанностей хозяйки, и она слегка застыдилась, увидавъ его.

— Не хочу вамъ мѣшать, Настя — улыбнулся онъ, протягивая руку.—Я къ Надеждѣ Максимовнѣ пройду.

— Къ мамѣ нельзя: она отдыхаетъ.

— А къ вамъ? Нельзя тоже?

Она отвѣтила не сразу, но Герасимъ Павловичъ къ ней пришелъ на помощь.

— Что-жъ, барышня,—сказалъ,—пойдите съ Ѳедоромъ Аркадьевичемъ, а дѣло ужъ мнѣ предоставьте: кое-какъ справлюсь.

Добродушная насмѣшливость этихъ словъ заставила ее покраснѣть еще болѣе.

— Видите,—сказала она Ѳедѣ, входя съ нимъ въ домъ,—не хотятъ допустить, чтобы я могла чѣмъ-нибудь серьезнымъ заниматься. Вѣдь это почти обидно.

— А вамъ развѣ нельзя себѣ разрѣшить маленькій отдыхъ... хотя бы ради меня? Я себѣ на сегодня отпускъ далъ, благо работъ теперь нѣтъ. Такъ ужъ давайте вдвоемъ бить баклуши.

— Хорошо, пойдемте въ садъ,—быстро сказала она, отворачиваясь,—дайте мнѣ только шляпу отыскать.

Шляпы однако не оказалось.

— Она, должно-быть, у меня на верху. Погодите минуту.

И она направилась къ лѣстницѣ.

— Такъ позвольте мнѣ ужъ вмѣстѣ съ вами пойти.

И не дожидаясь разрѣшенія, онъ быстро вбѣжалъ по ступенямъ вслѣдъ за нею. И, странное дѣло, онъ почувствовалъ какую-то неловкость, увидавъ себя у дверей ея комнатки, гдѣ царствовала полутьма отъ

запертыхъ ставенъ, не пропускавшихъ солнца. На всемъ лежалъ какой-то отпечатокъ свѣжести и на свѣтлыхъ обояхъ, и на простенькой мебели съ ситцевою обивкой и на бѣлой кисейной занавѣси надъ кроватью. Да и самый воздухъ казалось, былъ проникнутъ этою свѣжестью да еще какимъ-то легкимъ запахомъ отъ цвѣтовъ, стоявшихъ на подоконникахъ. Ѳедя остановился на самомъ порогѣ; непонятная робость его приковывала къ мѣсту.

— Войдите, войдите,—сказала Настя, передъ зеркаломъ прикалывавшая шляпку.

Ѳедя сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять остановился, безсознательно залюбовавшись ея тонкимъ, изящнымъ станомъ, туго охваченнымъ лифомъ и казавшимся еще стройнѣе, когда она приподнимала руки. Всѣ движенія ея были легки и быстры.

— Ну, вотъ я готова, пойдемте,—проговорила она, оборачиваясь.

Но ему теперь не хотѣлось уйти, какое-то чуть замѣтное сладостное ощущеніе охватывало его.

— Погодите немного, — сказалъ онъ: — посидимте здѣсь, поболтаемъ.

— Пожалуй... А вы любите такъ сидѣть и ничего не дѣлать?

— Иногда люблю, какъ придется. Да здѣсь такъ свѣжо, такъ...

Онъ не нашелъ подходящаго слова.

— Я сама здѣсь цѣлые часы просиживаю,—совершенно просто, безъ тѣни смущенія отозвалась она—работаю, читаю...

— Можетъ даже стихи пишете иногда? Признайтесь... Или только мечтаете?

— Ни то, ни другое,—разсмѣялась она.—Ахъ какой вы смѣшной! Развѣ есть у меня время на такіе пустяки.

— Ну, такъ покажите мнѣ свои книги, откуда такъ много вы набрались мудрости.

Книги стояли въ чинномъ порядкѣ на полкахъ не-

большого шкапчика. Ихъ оказалось не слишкомъ много, но всѣ онѣ были хорошія, выбранныя съ толкомъ. Тутъ были на лицо почти всѣ крупные писатели вѣка.

— Да вы и по-французски, и по-нѣмецки читаете, я вижу: тутъ Шиллеръ и Гете, и ла-Мартинъ и Мюссе.

— Я въ гимназіи училась, а дома съ мамашей и читала, и говорила; она вѣдь знаетъ языки... Ну, что-жъ, насмотрѣлись, убѣдились въ моей мудрости?

Онъ нагнулся, просматривая, что было на самой нижней полкѣ. Она стояла возлѣ него, и онъ чувствовалъ на своей шеѣ ея легкое дыханіе. Ему все не хотѣлось уйти.

Вдругъ гдѣ-то въ домѣ стѣнные часы пробили четыре.

— Ахъ, какъ поздно,—воскликнула она.—Знаете, Ѳедоръ Аркадьевичъ, вѣдь мнѣ на деревню надо, къ больнымъ: мама еще утромъ поручила мнѣ сходить, а я тутъ съ вами заболталась.

— Ну, хорошо, пойдемте вмѣстѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Да вамъ будетъ скучно!

— Съ вами-то вмѣстѣ?—быстро отвѣтилъ онъ, и глаза его какъ-то заблестѣли.

Она посмотрѣла на него почти съ укоромъ. Это было первое сказанное имъ слово, нарушавшее установившіяся между ними простыя, чисто товарищескія отношенія.

Они спустлись внизъ и быстрыми шагами прошли усадьбой въ поле. Нѣсколько минутъ они другъ съ другомъ не говорили.

— Что вы зонтика не взяли съ собой,—спросилъ онъ вдругъ, когда яркое солнце имъ глянуло въ лицо.—Вы не боитесь загара?

— Нѣтъ, онъ что-то меня не беретъ,—улыбнулась она, покачавъ головой.

И въ самомъ дѣлѣ загаръ еле коснулся ея розоваго личика и ея тонкихъ рукъ, прибавляя только лишній оттѣнокъ прелести и здоровья къ нѣжной бѣлизнѣ кожи.

До деревни, куда они шли, было версты полторы, но для Ѳеди прогулка показалась однимъ мгновеніемъ— такъ увлекся онъ снова начавшеюся между ними бесѣдой. Онъ заговорилъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, желая убѣдиться, вторятъ ли ея впечатлѣнія и вкусы его собственнымъ, и къ своему удивленію онъ долженъ былъ признаться, что она знаетъ этихъ писателей лучше его самого. Тамъ, гдѣ онъ любовался только изяществомъ формы или бойко выраженною мыслью, она находила нѣчто иное, болѣе глубокое, и ея сочувствіе вызывало не умъ только и не внѣшній блескъ художника, а сердце его, отзывчивость на людское горе. И когда онъ увидѣлъ, съ какимъ мягкимъ, участливымъ вниманіемъ она обходилась съ больными, къ которымъ они завернули, какъ понимала ихъ нужды и какое довѣріе имъ внушала, онъ понялъ, что эта способность была въ ней самой.

Выходя изъ деревни, онъ спросилъ, не устала ли она, и услыхавъ веселое отрицательное восклицаніе, предложилъ ей дойти съ нимъ до Лисицинскаго лѣса. Кстати, это было не далеко. Онъ хорошо зналъ ея любимое мѣстечко въ этомъ лѣсу, и когда они дошли и усѣлись на мигъ отдохнуть на скамейкѣ, онъ напомнилъ ей, какъ здѣсь онъ ее встрѣтилъ разъ три года назадъ.

— Какъ, вы даже про это не забыли,—удивленно спросила она.

— Не забылъ, какъ видите. И знаете, что я вамъ скажу, вы совсѣмъ были еще ребенкомъ тогда, и все-таки я хорошо это помню — встрѣча съ вами, ваши добрыя, милыя слова мнѣ большую пользу оказали, большое облегченіе, а у меня въ тотъ день было очень тяжело на сердцѣ.

Она опустила голову, не отвѣтивъ.

— И теперь,—продолжалъ онъ, — я вамъ повторю тоже—вы помогли мнѣ перенести много тяжелыхъ минутъ за это лѣто, вы превратили его изъ очень, очень грустнаго почти... нѣтъ даже совсѣмъ въ счастливое.

Она вскинула на него глазами и отвернулась, почувствовавъ, какъ волна горячей крови хлынула ей въ лицо.

XXVII.

Лѣто шло, незамѣтно подвигаясь къ осени. Каждый день приносилъ съ собой неуловимую перемѣну, и понемногу желтѣли поля, черствѣла трава на лугахъ, стиралась и блекла свѣжая окраска зелени. И въ сердцѣ Ѳеди тоже незамѣтная перемѣна совершилась. Только не черствѣло оно и не къ осени его клонило, а просыпалось въ немъ молодое весеннее чувство, совсѣмъ не походившее на его прежнее увлеченіе. Оно вкралось къ нему потихоньку, не слышно и ласково, не возвѣщая о себѣ бурными тревогами, но за то какъ бы вливая въ его душу тихое очарованіе. Онъ бы самъ не могъ сказать потомъ, въ какую минуту онъ впервые почувствовалъ его трепетное, почти робкое біеніе. Но все чаще, возвращаясь къ себѣ изъ Березовки, молодой человѣкъ всѣми своими помыслами оставался тамъ къ скромной обстановкѣ маленькаго домика, либо подъ привѣтливою тѣнью сада, гдѣ каждое дерево ему становилось дорогимъ. А между тѣмъ, никакихъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ будущаго въ немъ не складывалось. Онъ все еще говорилъ себѣ, что единственная его цѣль—отстоять семейное гнѣздо отъ грозившаго разоренія и все чаще, однако, онъ отрывался отъ своей работы, чтобы на часъ—другой ускакать въ Березовку.

Надежда Максимовна, конечно, догадывалась, что это значило. Но пока ни съ дочерью, ни съ Ѳедей она не позволяла себѣ на этотъ счетъ ни малѣйшаго намека. И хотя Ѳедя увѣрялъ и ее, и себя, что пріѣзжаетъ онъ въ Березовку для нея, какъ-то устраивалось само собой, что поговорятъ они другъ съ другомъ

нѣсколько минутъ, а потомъ либо покажется Настя, либо Ѳедя спроситъ у ея матери, гдѣ она прячется. И молодые люди цѣлые часы проводили вдвоемъ. И вотъ, когда они разъ проѣзжали верхомъ черезъ Лисицинскій лѣсъ, Ѳедя предложилъ ей на полчаса отдохнуть отъ ѣзды—въ лѣсу было особенно хорошо въ этотъ день· Настя, поспѣшно соскакивая съ лошади, запуталась ногой въ стремени и Ѳедѣ пришлось обхватить ее обѣими руками, чтобъ не дать ей упасть. Едва коснулся онъ ея стана и на мигъ она невольно оперлась на его руки, онъ понялъ какъ-то вдругъ, что нѣтъ и не можетъ-быть у нихъ тѣхъ простыхъ товарищескихъ отношеній, которыми онъ такъ долго обманывалъ себя. И не бывалое до сихъ поръ ощущеніе, тревожное и радостное въ то же время, охватило все его существо. Онъ выпустилъ ее тотчасъ изъ рукъ, устоявъ противъ искушенія прильнуть жадными губами къ ея тонкой шеѣ. Настя, быть-можетъ, и не замѣтила, что произошло въ немъ въ этотъ короткій мигъ. И все-таки его вспыхнувшіе глаза, его слегка измѣнившійся голосъ, должно быть, ей выдали его тревогу. По крайней мѣрѣ, она впервые съ тѣхъ поръ, какъ они стали видѣться такъ часто, почувствовала себя какъ-то стѣсненною въ его обществѣ, и разговоръ ихъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совсѣмъ непринужденный, теперь обрывался то и дѣло, не входя въ настоящую колею.

На этотъ разъ онъ позднѣе обыкновеннаго уѣхалъ изъ Березовки. Совсѣмъ уже стемнѣло, а онъ все еще ходилъ съ Настей взадъ и впередъ по густой, кленовой аллеѣ. Неожиданное чувство стѣсненія, охватившее ее было въ лѣсу, теперь исчезло. И свободно опять текли ихъ молодыя рѣчи, а въ ея голосѣ часто даже прорывалась шаловливая нотка, и звонко отвѣчалъ порой на его слова ея беззаботный смѣхъ. Вечеръ былъ необыкновенно теплый. Полный мѣсяцъ, прячась за листвой, украдкой посылалъ имъ свои млѣющіе таинственные лучи, серебря ея волосы и одежду. Свѣтляки искор-

ками носились надъ землей, то исчезая во тьмѣ, то зажигаясь опять. Настя опустилась на колѣни, чтобы поймать одного изъ нихъ, блестѣвшаго, на росистой травѣ. Онъ нагнулся, чтобы помочь ей. И снова, какъ тамъ, въ лѣсу, его охватило вдругъ страстное желаніе прижать ее къ себѣ, покрыть горячими поцѣлуями... Но онъ удержался и тутъ, весь дрожа отъ волненія.

На пути домой, онъ открыто себѣ признался, чего онъ давно уже тайно желалъ. „Она будетъ моею женой", мысленно твердилъ онъ. И хотя воспоминаніе о ея братѣ и о Варварѣ Владиміровнѣ не разъ докучливо возставало передъ нимъ, оно не въ состояніи было поколебать его рѣшеніе. „Отецъ, конечно, будетъ недоволенъ", думалось ему,—„станетъ даже противиться". Но и эта мысль остановила его только на мигъ—Ѳедя не сомнѣвался, что добьется согласія Аркадія Степановича. „Вѣдь лучшей жены мнѣ не отыскать; онъ пойметъ это конечно, хоть и задумалъ, можетъ-быть, сосватать мнѣ какую-нибудь богатую невѣсту... Богатую! Какъ-будто приданое что-нибудь значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что принесетъ мнѣ Настя!" И онъ повторялъ въ своей памяти одинъ за другимъ рядъ маленькихъ случаевъ изъ послѣднихъ, только что прожитыхъ дней. И всѣ эти воспоминанія рисовали ее въ такомъ свѣтломъ обликѣ, съ такимъ чуткимъ сердцемъ, въ чарующей прелести своихъ семнадцати лѣтъ, что жизнь, казалось въ душѣ его зацвѣтала впервые, суля ему совсѣмъ еще невѣдомую радость.

На слѣдующій день, переговоривъ съ отцомъ, Ѳедя опять поѣхалъ въ Березовку. Побѣдить сопротивленіе Аркадія Степановича оказалось гораздо легче, чѣмъ онъ думалъ. Рѣшеніе сына пришлось ему очень не по сердцу, но сдался онъ необыкновенно скоро. Пружины воли, способность къ отпору въ немъ замѣтно ослабли. Счастливый благополучнымъ исходомъ, Ѳедя спѣшилъ къ будущей невѣстѣ, заранѣе предвкушая радость предстоявшаго объясненія. Но пришлось ему

на этотъ разъ взять кружнымъ путемъ: у него было неотложное дѣло на одномъ изъ дальнихъ хуторовъ. Это была какъ разъ та часть имѣнія, которая прилегала къ землѣ Петра Тихоновича. Онъ ѣхалъ густою, мелкою зарослью, поднявшеюся на мѣстѣ когда-то знаменитыхъ Богатовскихъ лѣсовъ, и на одномъ изъ перекрестковъ вдругъ изъ чащи неожиданно показался, совершенно какъ за годъ передъ тѣмъ, когда онъ осенью пріѣзжалъ въ деревню, легкій плетеный шарабанъ, которымъ правила Лиза Сысоева. Только на этотъ разъ она во-время осадила лошадь. Зато его жеребецъ, которому онъ совсѣмъ было отдалъ поводья, испугавшись, кинулся въ сторону.

— Здравствуйте, Елизавета Петровна,—поклонился онъ ей.—Поздравляю,—вы, я вижу, править научились... Что? захотѣлось поглядѣть на новое пріобрѣтеніе вашего батюшки?

Она не поняла его намека. Но ее уколола послышавшаяся ей непріязненная насмѣшливость его голоса.

— Какое пріобрѣтеніе? — спросила она, чуть-чуть сдвинувъ брови.

— Да здѣсь, въ двухъ шагахъ отсюда какъ разъ та земля, которая недавно отошла отъ насъ къ Петру Тихоновичу. Неужели вы не знаете?

— Я этимъ не интересуюсь, Ѳедоръ Аркадьичъ,— было ея холоднымъ отвѣтомъ,—я въ отцовскія дѣла не вмѣшиваюсь.

— А я такъ думалъ,—продолжалъ онъ въ томъ же враждебномъ тонѣ, что за послѣдній годъ практическая струнка у васъ забилась... Или вы попрежнему только хорошія книжки почитываете?

Каждое его слово все больнѣе отзывалось на сердцѣ молодой дѣвушки. Она могла бы сказать ему, что только благодаря ей удалось вырвать Богатое изъ алчныхъ рукъ ея отца. И на мигъ ей захотѣлось это сдѣлать. Но гордость ее остановила. И, стараясь казаться равнодушной, она отвѣтила только:

— Я не измѣнилась ничуть: я все та же, какъ годъ тому назадъ, когда мы тоже здѣсь встрѣтились — помните, вы еще такъ любезно пришли ко мнѣ на помощь?

— Теперь уже вы въ этой помощи не нуждаетесь, Елизавета Петровна.

— Вы, можетъ быть, ошибаетесь, грустно и задушевно проговорила она и, помолчавъ немного, добавила.—Отчего вы ни разу не заглянете къ намъ въ Новотроицкое, какъ прошлою осенью?

Но онъ не замѣтилъ или, можетъ быть, не хотѣлъ замѣтить, что оскорбляетъ ее и оскорбляетъ незаслуженно.

— Очень занятъ, Елизавета Петровна, — извините меня... Да и немного вы бы нашли удовольствія въ моемъ обществѣ.

Она посмотрѣла на него пристально. Краска вдругъ залила ея щеки. И, не рѣшаясь помириться съ мыслью, что прежнихъ отношеній вернуть нельзя, она сдѣлала еще попытку:

— Напрасно вы это говорите, Ѳедоръ Аркадьичъ,— вы знаете, что я вамъ многимъ обязана и умѣю это цѣнить.

— Будто? Да въ вашемъ положеніи, я думаю, нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые не прочь доставлять вамъ и развлеченіе и пожалуй даже побольше этого.

Теперь она не вытерпѣла обиды и, быстро взглянувъ на него, молча кивнула головой и повернула назадъ.

Ѳедѣ стало немножко совѣстно за свое обращеніе съ молодой дѣвушкой. Онъ укорялъ себя за то, что выместилъ на ней свою непріязнь къ Петру Тихоновичу. Но это было лишь мимолетное ощущеніе. И пять минутъ спустя, всѣ помыслы его снова устремились къ Березовкѣ.

А тамъ ожидала его негаданная, страшная вѣсть. Подъѣзжая къ дому, онъ къ удивленію своему замѣтилъ, что всѣ окна были завѣшаны. На дворѣ не было ни души. Привязавъ лошадь, онъ поспѣшно вошелъ и, едва переступилъ черезъ порогъ, какъ въ дверяхъ го-

стиной показался діаконъ мѣстной приходской церкви, державшій кадильницу въ рукѣ.

— Что это?—испуганно спросилъ Ѳедя,—что случилось?

— Развѣ не изволили слышать,—встряхивая лысоватой головой отвѣтилъ діаконъ,—здѣшняя владѣлица, Надежда Максимовна Хвощина, сегодняшнею ночью, по волѣ Божьей, жизнь кончили?

Ѳедя обомлѣлъ.

„Какъ! вчера только, вчера!.. Тревожнымъ шепотомъ онъ сталъ разспрашивать діакона, но тотъ самъ почти ничего на зналъ.

— Сегодня ночью, — твердилъ онъ только, — насъ извѣстили... такъ ужъ въ девятомъ часу... Должно быть ударъ, апоплексія то-есть.

Ѳедя вошелъ. Въ углу комнаты, изъ которой почти вся мебель была вынесена, на столѣ лежала покойница, прикрытая кисеей. Восковыя свѣчи тускло горѣли. Панниxиду только-что отслужили. Батюшка разоблачался. На колѣняхъ, у стола, молилась Настя и, казалось, не видѣла и не слышала ничего изъ происходившаго вокругъ нея. Она тихо рыдала, не всхлипывая. Горе ея было не шумное и не порывистое. Ѳедя не смѣлъ подойти къ ней и обратился къ Герасиму Павловичу, стоявшему въ углу. Онъ глядѣлъ совершенно убитымъ, но его, по крайней мѣрѣ, разспросить было можно.

— Скажите, какъ это случилось?—У самого Ѳеди навертывались слезы.

— Ничего по настоящему никто не знаетъ, Ѳедоръ Аркадьичъ. Нашли ее уже по утру, голубушку нашу, совсѣмъ похолодѣвшую. Не было при ней никого. Только, должно быть, кончилась тихо, безъ страданій. Изволили видѣть лицо? какое спокойное! Да и, правду сказать, заслужила она отъ Бога кончину мирную— всѣ ее добрымъ словомъ помянутъ...

И слезы заглушили его голосъ.

— Я не рѣшился подойти, чтобы не потревожить Анастасью Владиміровну.

— И ихъ-то какъ жаль, барышню нашу: совсѣмъ одна какъ есть осталась сирота круглая!

Ѳедя простоялъ нѣсколько минутъ молча, погруженный въ свои воспоминанія, сдѣлавшіяся вдругъ такими горестными. Потомъ онъ заговорилъ опять.

— Денегъ вамъ, можетъ быть, надо на все это? Я слышалъ послѣднее время...

— Нѣтъ ужъ, перебилъ его плакавшій старикъ,— мнѣ это предоставьте. Кое-что сберегъ, прослуживъ господамъ сорокъ лѣтъ.

Ѳедя, услыхавъ это, схватилъ Герасима Павловича за руку и пожалъ ее крѣпко.

Настя между тѣмъ поднялась и увидала молодого человѣка. Онъ тотчасъ подошелъ къ ней.

— Бѣдная моя, бѣдная Настя, могъ онъ только проговорить, поднося къ своимъ губамъ ея руку.

И въ этомъ поцѣлуѣ было одно только—чувство уваженія къ ея скорби. О своей любви къ ней онъ и не думалъ въ эту минуту: она точно слилась съ ихъ общею скорбью.

— А вчера еще,—сказала она сквозь слезы,—мы съ вами такъ весело проболтали весь вечеръ. Теперь про это вспоминать тяжело, совѣсть будто упрекаетъ за что-то. Да, неразлучно я была съ ней, а все же отошла она, не благословивъ меня даже.

— Ахъ, Настя, всю свою жизнь она васъ благословляла. Вамъ ужъ, конечно, не въ чемъ упрекать себя.

Онъ приложился къ покойницѣ и потомъ коснулся губами ея похолодѣвшихъ губъ. И ему казалось, это застывшее неподвижное лицо, и послѣ смерти говорило ему о любви и участіи.

Минуту спустя онъ вышелъ съ Настей въ другую комнату.

— Вамъ, я думаю, тяжело оставаться здѣсь совсѣмъ одной,—сказалъ онъ:—не хотите-ли потомъ, не теперь

конечно, переѣхать къ намъ въ Богатое? Вы знаете, ваша матушка при жизни меня объ этомъ просила...

Но она покачала головой.

— Нѣтъ, благодарю васъ, оставьте меня лучше здѣсь: все-таки какъ будто я здѣсь ближе къ ней.

Ѳедя не настаивалъ. Къ вечерней панихидѣ онъ пріѣхалъ уже съ отцомъ. Былъ еще кое-кто изъ сосѣдей.

На слѣдующее утро пришла изъ Петергофа телеграмма отъ Варвары Владиміровны, извѣщавшая, что она не можетъ пріѣхать по случаю нездоровья. А еще день спустя, къ самымъ похоронамъ, прибылъ изъ Москвы Коля. Молодой человѣкъ не казался особенно грустнымъ, хоть и поразила его неожиданная вѣсть, и во время отпѣванія не разъ слеза украдкою скатывалась по его поблекшему лицу: сильно потрепала его жизнь— это сразу было замѣтно. Но передѣлать его она не смогла. Замѣтивъ, что неоднократно Щукинъ обращался съ вопросомъ не къ нему, сыну и наслѣднику умершей, а къ Ѳедѣ Клусову, раза два онъ двусмысленно улыбнулся. „Гм“, подумалъ онъ „да что это мой бывшій пріятель здѣсь распоряжается, словно хозяинъ!“ Передъ тѣмъ они только-что помирились, и Ѳедя изъ уваженія къ покойницѣ просилъ его забыть о прошломъ и даже съ нимъ поцѣловался. Но старинная привычка зорко и недружелюбно слѣдить за окружавшими и объяснять ихъ поступки въ дурную сторону, и тутъ не покинула Колю. „Неужели, продолжалъ онъ размышлять, онъ въ Настю успѣлъ врѣзаться? И какъ онъ на нее смотритъ... Гм... да, да, да! — это къ свѣдѣнію принять не мѣшаетъ. А она въ самомъ дѣлѣ мила въ этомъ траурномъ платьѣ,—совсѣмъ не думалъ, чтобы она такъ выровнялась“...

И неоднократно онъ поглядывалъ исподлобья на бывшаго товарища. Сдѣлать ему открыто намекъ на счетъ сестры онъ однако не рѣшался. Ссориться съ Ѳедей не входило въ его расчеты; зато, когда возвратились изъ церкви и всѣ чужіе уѣхали, Коля раз-

вернулся предъ домашними съ полною беззастѣнчивостью. Важно усѣвшись на диванѣ въ гостиной, онъ подозвалъ Герасима и съ строгимъ видомъ приказалъ тотчасъ принести всѣ ключи.

— Надо мнѣ пересмотрѣть, что осталось послѣ матушки,—проговорилъ онъ, рѣшительно входя въ роль хозяина. —А главное, покажи мнѣ духовную и передай всѣ наличныя деньги.

Щукинъ всплеснулъ руками отъ огорченнаго негодованія.

— Батюшка, Николай Владиміровичъ,—проговорилъ онъ укоризненно, а глаза его такъ и заморгали отъ подступившихъ слезъ—побойтесь вы Бога! что это вы! Едва успѣли барыню нашу землей засыпать, вы ея вещи тревожить хотите. Да неужели вы во мнѣ-то сомнѣваетесь? Довѣрьтесь мнѣ,—все цѣло будетъ. А на счетъ духовной могу вамъ доложить, не писала ее совсѣмъ ваша матушка. „Все“, говорила, „дѣткамъ останется“. Только вещицы нѣкоторыя заказала отдать Настасьѣ Владиміровнѣ: у меня объ этомъ записочка есть ея собственноручная. А денегъ совсѣмъ малость наберется. Такъ вы ужъ лучше это до девятаго дня оставьте. А тамъ ужъ пересмотрите, коли угодно: такъ люди дѣлаютъ.

И въ словахъ Щукина и въ самой манерѣ держать себя была странная смѣсь почтительности къ сыну покойной своей госпожи съ чѣмъ-то укоризненно наставническимъ. Онъ помнилъ Колю совсѣмъ еще ребенкомъ и хорошо зналъ всѣ его провинности за послѣдніе годы.

И молодой человѣкъ волей-неволей уступилъ. Онъ, правда, недовѣрчиво глядѣлъ на стараго управляющаго, но все-таки устыдился настоять на своемъ требованіи. Да и сестра ему шепнула по-французски, что почти всѣ издержки послѣднихъ дней Щукинъ покрылъ изъ своихъ денегъ.

Нетерпѣніе однако разбирало Колю. Онъ хотѣлъ

удостовѣриться, на сколько можетъ расчитыватъ изъ наслѣдства матери. И едва была отслужена на девятый день паннихида, онъ сталъ рыться въ бумагахъ покойной, не стѣсняясь даже присутствіемъ Ѳеди. Настѣ было стыдно и больно за брата, но своего оскорбленнаго чувства она не выразила ни единымъ словомъ. Коля хорошо зналъ, что благодаря ему и старшей сестрѣ немного осталось отъ цвѣтущаго когда-то имѣнія. Но все же онъ надѣялся хоть маленькую сумму денегъ найти послѣ смерти матери. И онъ не скрылъ своего разочарованія.

— А наслѣдство совсѣмъ дрянь оказывается—чистые пустяки,—объявилъ онъ, входя въ гостиную, гдѣ сестра оставалась вдвоемъ съ Ѳедей.—Должно быть, этотъ Герасимъ обиралъ-таки мамашу порядкомъ послѣднее время.

— Коля, стыдись!—остановила его сестра.

— По твоему этого быть не можетъ? Сорокъ лѣтъ служилъ господамъ, такъ непремѣнно честенъ. Ишь какъ трогательно... Да, что тамъ! И говорить не стоитъ— не вернешь. Вещей тоже почти никакихъ нѣтъ—тряпки старыя. А на счетъ имѣнія—сестрѣ Варѣ, ты знаешь, ничего не приходится: свою часть давно получила и больше даже того. А съ тобой, Настя, мы, конечно, раздѣлимся, какъ слѣдуетъ, по закону. Твою четырнадцатую часть...

— Коля, да какъ можешь ты мнѣ про это говорить! Да развѣ я думаю объ этомъ?

— Ну, думаешь или нѣтъ—это ужъ твое дѣло.

Онъ, впрочемъ, тутъ же разсудилъ, что тѣмъ лучше, коли сестра выказываетъ такое равнодушіе къ денежнымъ вопросамъ, и уступчивостью ея не мѣшаетъ воспользоваться. А теперь, въ присутствіи Ѳеди, надо обойтись съ ней помягче.

— Всѣ вещи, мой дружокъ, — добавилъ онъ ласково,—я пересмотрѣлъ и сегодня же тебѣ передамъ. И, конечно, ты здѣсь жить останешься: даю тебѣ на это полное мое согласіе. Самъ я здѣсь недолго останусь—

только бы утвердиться въ наслѣдствѣ поскорѣй, да продать, что осталось отъ Лисицинскаго лѣса...

При этихъ словахъ Ѳедя и Настя обмѣнялись нѣмымъ взглядомъ, и, какъ бы сговорившись, оба молча поднялись и спустились въ садъ. Весь тихій и безмолвный, онъ грустнымъ, словно, глядѣлъ подъ сѣрымъ покровомъ тусклаго неба. Кое-гдѣ ранніе желтые листья медленно обрывались и падали... Молодые люди нѣкоторое время шли молча.

— Что, Настя?—заговорилъ Ѳедя. —Вы въ самомъ дѣлѣ останетесь здѣсь вдвоемъ съ братомъ? Вамъ не тяжело будетъ смотрѣть на все это?

— Очень тяжело, но что жъ дѣлать?

— И повѣрьте, года не пройдетъ, какъ все будетъ продано: и земля и домъ. И вамъ придется-таки покинуть разоренное гнѣздо. Такъ не лучше ли, — онъ понизилъ голосъ,—вамъ теперь, не дожидаясь этого, уѣхать отсюда, переселиться къ намъ, въ Богатое.

Она не отвѣтила и опустила слегка голову, чувствуя, что заалѣли ея блѣдныя щеки.

— Я уже вамъ сказалъ объ этомъ Настя,— продолжалъ молодой человѣкъ,—помните?.. Но тогда я долженъ былъ остановиться на полусловѣ... въ этотъ день всего я сказать не смѣлъ... Да и теперь, я знаю, не время вамъ говорить объ этомъ. Но что же дѣлать, коли вашъ братъ заставляетъ меня спѣшить?..

Она догадывалась, къ чему клонилась его рѣчь, и все ярче выступала краска на ея лицѣ.

— Такъ не сердитесь на меня, не обижайтесь неумѣстными моими словами. Хотѣлъ я просить васъ къ намъ переѣхать въ Богатое, какъ... какъ мою невѣсту.

Онъ посмотрѣлъ на нее и, прочитавъ нѣмой отвѣтъ на смущенномъ лицѣ, бережно притянулъ ее къ себѣ за обѣ руки. Она тихо къ нему склонилась и заплакала, пряча свое лицо на его груди...

Прошло съ тѣхъ поръ слишкомъ десять лѣтъ. Ѳедя Клусовъ сдержалъ данное самому себѣ обѣщаніе и отстоялъ-таки отцовское наслѣдство. Къ доброй волѣ и къ упорству въ трудѣ, которыхъ у него всегда былъ избытокъ, со временемъ присоединился и опытъ, за который онъ, правда, заплатилъ неизбѣжную дань ошибокъ. Онъ не гонялся, подобно отцу, за славою громкихъ нововведеній и шелъ медленной, но вѣрной дорогой кропотливой, осторожной работы. Помогъ ему въ этомъ Герасимъ Павловичъ, котораго онъ взялъ къ себѣ изъ Березовки, гдѣ старику невтерпежъ стало отъ новаго владѣльца. Помогала ему и молодая жена, всегда готовая ободрить его добрымъ словомъ и свѣтлой улыбкой. Съ каждымъ днемъ онъ убѣждался, что лучшаго выбора онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать не могъ. Онъ зналъ, что какая бы ни случилась невзгода, дома его всегда пригрѣетъ яркимъ, солнечнымъ лучемъ, что Настю жизнь успѣла научить духомъ не падать никогда, что въ тяжелую минуту у нея готовъ для него и вѣрный, и хорошій совѣтъ. Нечего и говорить, что деревня ей не прискучила, хотя за эти десять лѣтъ онъ всего два раза уѣзжалъ съ ней изъ Богатаго заграницу, наслаждаясь путешествіями еще болѣе ея самой. Почти ужъ два трехлѣтія Ѳедя предводительствуетъ въ уѣздѣ, и общественное дѣло у него спориться, какъ свое личное. Теперь, когда имѣніе поправилось и стали подростать дѣти, они поговариваютъ о переселеніи на зиму въ Петербургъ.

Аркадій Степановичъ пользуется отличнымъ здоровьемъ и по своему счастливъ. Онъ не жалѣетъ, повидимому, о своемъ отреченіи и не замѣчаетъ, что подалъ въ отставку отъ самой жизни. Секретъ его счастія очень простъ. Несмотря на свои цвѣтущія физическія силы, онъ сталъ походить на ребенка. Онъ ѣстъ и пьетъ, исправно катается верхомъ, разъѣзжаетъ по сосѣдству, не подозрѣваетъ даже, что имѣлъ бы право скучать; отъ сына онъ за прошлое упрековъ не слы-

шитъ и по старому убѣжденъ твердо, что онъ хозяинъ превосходный и передовой общественный дѣятель.

Варвару Владиміровну постигла грустная участь. Она безвременно поблекла, и едва ей минуло тридцать два, осенняя пора для нея наступила. Нравъ у нея сталъ неровный, придирчивый и сварливый. Не пришлось ей тоже найти себѣ утѣшеніе въ радостяхъ честолюбія: второй ея мужъ былъ совершенно неспособенъ удовлетворить ее на этотъ счетъ. И въ тайнѣ она сожалѣетъ, что разсталась съ Андреемъ Кирилловичемъ, недавно получившимъ видное назначеніе.

Коля недолго прохозяйничалъ въ Березовкѣ. Предсказаніе Ѳеди сбылось, и черезъ годъ послѣ смерти Надежды Максимовны, ея старинная усадьба была продана. Молодой человѣкъ исчезъ навсегда изъ родного края, и про него лишь изрѣдка приходятъ туда смутныя извѣстія. Онъ нѣсколько разъ пробовалъ отыскать себѣ новую дорогу, но, увы, несмотря на умъ его и на старанія, ему это до сихъ поръ не удавалось. Онъ все не разстается съ надеждой, что жизненный успѣхъ можно взять приступомъ, какъ въ азартной игрѣ срываютъ однимъ ударомъ банкъ,

Не повезло въ концѣ-концовъ и Сысоеву. Видѣвшіе въ немъ провозвѣстника новой эпохи и замѣстителя помѣщиковъ стараго времени, повидимому, ошиблись. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вздумалъ расправить крылья и перейти отъ терпѣливаго сколачиванія копѣйки къ хозяйству на широкую ногу, съ барскими затѣями, его умѣлые пріемы собирателя мзды за чужой трудъ оказались непригодными. Въ новой роли мнимый великанъ обнаружилъ мелочность невпопадъ и прыть совершенно излишнюю. Хозяйство его было не лучше, а пожалуй и хуже помѣщичьяго. И чего добраго, Новотроицкое не перешло бы въ слѣдующее поколѣніе рода Сысоевыхъ, еслибы судьбѣ угодно было этотъ родъ увѣковѣчить. Но всѣ надежды Петра Тихоновича пріискать блестящаго жениха для дочки рухнули неожи-

даннымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день, очень скоро послѣ Ѳединой помолвки, Лиза объявила отцу, что замужъ выходить не намѣрена и рѣшилась посвятить себя обученію крестьянскихъ дѣтей. Черезъ предводителя, къ которому она обратилась съ просьбою, она добыла себѣ назначеніе въ одну изъ школъ уѣзда, наиболѣе отдаленную отъ Новотроицкаго. Петръ Тихоновичъ вспылилъ, прикрикнулъ на дочь, затопалъ ногами и цѣлыхъ три дня потомъ не хотѣлъ съ нею говорить. Но въ концѣ-концовъ онъ уступилъ передъ ея упорствомъ. Лиза твердо рѣшилась завоевать себѣ право на уваженіе Ѳеди и очиститься отъ пятна неправедныхъ отцовскихъ стязаній. И она осталась вѣрна намѣченной цѣли. Когда Петръ Тихоновичъ неожиданно скончался—это случилось лѣтъ шесть спустя — Лиза очень странно распорядилась его наслѣдствомъ. Землю она распродала и вырученныя деньги частью роздала по монастырямъ—народное религіозное чувство въ ней съ нѣкоторыхъ поръ сильно заговорило — частью пожертвовала разнымъ благотворительнымъ обществамъ. Себѣ она оставила сравнительно немного, всего тысячъ тридцать и опредѣлилась въ сестры милосердія. Больные ею не нахвалятся и очень любятъ, когда сестрица Елизавета ухаживаетъ за ними, потому что имъ нравится ея спокойная ласковость, неторопливая, какъ бы степенная, ловкость ея пріемовъ. Порой, однако, сквозь эту обычную ревность нрава просвѣчиваетъ что-то нетерпѣливо-порывистое, какая-то подавленная страстность,—какъ зарница играетъ порой на вечернемъ лѣтнемъ небѣ. Но всякій разъ, какъ такіе порывы находятъ на Лизу, напоминая о несбывшемся счастіи, она долгою молитвой укрощаетъ не совсѣмъ покорный еще нравъ и послѣ того еще ласковѣе, еще добрѣе становится съ больными.

БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ.

ПОВѢСТЬ.

I.

8-го февраля, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, мы по обыкновенію собрались въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ вмѣстѣ отобѣдать, въ кружкѣ товарищей по выпуску. Обычай праздновать „именины“ нашей „alma mater“ свято нами соблюдался съ самаго выхода изъ университета, и хотя съ годами все скромнѣе дѣлались наши пирушки и все меньше насъ собиралось за пріятельскимъ столомъ,—мнѣ не случилось пропустить ни одного изъ этихъ, все рѣдѣвшихъ, собраній. По мѣрѣ того, какъ уходили въ глубь прошлаго университетскіе года, память о нихъ становилась мнѣ будто все дороже, хоть иной разъ, простившись съ бывшими товарищами, я уносилъ съ собой тяжелое чувство на сердцѣ.

Каждый проходившій годъ яснѣе подчеркивалъ, какъ состарѣлись мы всѣ, какъ насмѣшливо распорядилась черствая дѣйствительность съ нашими юношескими мечтами. Иной изъ насъ высоко поднялся въ гору, и служебные успѣхи точно заглушали понемногу въ немъ слабѣвшіе отголоски студенческой старины; другой, подъ горькимъ бременемъ жизненныхъ неудачъ, все безнадежнѣе склонялъ голову, и дряхлая иронія понемногу смѣняла былые порывы. Чувствовалось, что эти собранія, которыя мы другъ другу дали когда-то слово повторять каждый годъ, для многихъ изъ насъ дѣлались уже послѣднею связью между когда-то близкими людьми. И все-таки мы не рѣшались порвать эту

связь, словно боясь потушить догоравшее въ насъ священное пламя.

И въ этотъ разъ насъ собралось всего только семеро. Съ прошлаго года не досчитывалось четверыхъ. И какъ-то неловко становилось оттого, что насъ такъ мало было за большимъ столомъ. Разговоръ за обѣдомъ шелъ неоживленный; разъ только кто-то коснулся одного изъ вопросовъ дня, но оказалось, что никто изъ прочихъ этимъ вопросомъ не интересовался. Вялый споръ поднялся на мигъ и замолкъ, какъ стихаетъ иной разъ лѣтомъ слабый порывъ вдругъ поднявшагося вѣтра. Всѣ присутствующіе какъ-то разомъ почувствовали, что ужъ слишкомъ разошлись у нихъ интересы и взгляды, и разучились они мыслить за-одно. Едва выпили кофе,—четверо изъ присутствующихъ, подъ какимъ-то предлогомъ, поспѣшили уйти. Насъ осталось всего трое. Я, Миша Колтовской—впрочемъ, *Мишей* его уже никто теперь не зоветъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ произведенъ въ „тайные“ и занимаетъ очень видное мѣсто—необыкновенно моложавый для своихъ сорока-двухъ лѣтъ и высокаго поста,—и Алёша Сермягинъ—его, по крайней мѣрѣ, уменьшительнымъ именемъ называть можно по-прежнему.

Бѣдный Алёша и на университетской скамьѣ былъ неудачникомъ—и такимъ остался понынѣ. Какая-то робкая насмѣшка то-и-дѣло вспыхиваетъ въ его сѣрыхъ близорукихъ глазахъ, и вторя ей, губы—его мягкія, добрыя губы—тоже складываются въ горькую улыбку. Даже сѣдина, кое-гдѣ пробивающаяся въ рѣдкихъ, но все еще непослушныхъ волосахъ, не придала ему увѣренности въ себѣ и сознанія права на уваженіе прочихъ.

Онъ вяло докуривалъ сигару; даже въ томъ, какъ дѣлалъ онъ это, чувствовалась какая-то покорная нерѣшительность.

Колтовской, напротивъ, перекинулъ одну ногу черезъ другую и, прищуривъ слегка глаза, небрежнымъ движеніемъ подносилъ къ губамъ тонкую папироску,

изящно выпуская изо рта маленькія колечки голубого дыма. Перстень съ крупнымъ рубиномъ блестѣлъ у него на безъименномъ пальцѣ, съ длиннымъ, выхоленнымъ ногтемъ.

— А вѣдь чего грѣха таить,—желчно проговорилъ Сермягинъ,—еще годъ, можетъ быть два, и никто изъ насъ больше сюда приходить не станетъ. Развѣ мы трое... послѣдніе могиканы. Да и то едва-ли... Ты, Колтовской, я думаю,—разница въ общественномъ положеніи не успѣла насъ еще отучить отъ дружескаго „ты", давно въ лѣсъ смотришь... Совѣстно только пока.

— Я?.. Напротивъ!.. Совсѣмъ даже напротивъ!—рѣшительно, обычнымъ ему тономъ предсѣдателя, отозвался на это Колтовской.—Мнѣ даже большое удовольствіе доставляетъ. Повѣрь мнѣ. Какъ-то моложе себя чувствуешь, когда прежнихъ товарищей встрѣчаешь.

— То-то... прежнихъ...—сквозь зубы процѣдилъ будто обиженный чѣмъ-то Сермягинъ.—Что̀ мы теперь за товарищи! Что̀ общаго между его превосходительствомъ Михаиломъ Борисовичемъ Колтовскимъ и рабомъ Божіимъ Алексѣемъ, которому до сихъ поръ въ жизни ничего не удавалось?

— Въ томъ-то и дѣло, милѣйшій мой,—засмѣялся я,—что пока мы здѣсь, за однимъ столомъ, мы все-таки товарищи и никакихъ между нами различій не полагается. Въ этомъ—великая объединяющая сила университета. Да и что̀ ты вѣчно на свои неудачи жалуешься?—Ты писатель, составилъ себѣ имя...

Сермягинъ только махнулъ сердито рукой. Онъ пописывалъ давно и кое-что даже зарабатывалъ, но имя его все-таки очень негромко звучало среди читающей публики.

Колтовской искоса взглянулъ на меня прищуреннымъ глазомъ, не то съ насмѣшкою, не то съ неодобреніемъ, и громко отодвинулъ свой стулъ. Онъ привыкъ это дѣлать въ коммиссіи, когда готовился произнести вѣскую рѣчь.

— Разумѣется, Сермягинъ говоритъ вздоръ. Какая между нами можетъ быть разница? Мы добрые старинные друзья, и, разумѣется, никогда я этого не забуду.

За мной была очередь взглянуть на него насмѣшливо.

„Юлишь ты, братецъ мой,—подумалъ я,—и очень хорошо эту разницу чувствуешь... Въ нашемъ присутствіи только не смѣешь это высказывать... Знаешь очень хорошо, что мы бы тебя просто на-смѣхъ подняли. Даромъ, что Алёша всего только литераторъ изъ неказистыхъ, а я,—ни то, ни се, коптитель неба. Иного для меня званія не пріищешь“...

— И вообще,—продолжалъ громогласно Колтовской,—что̀ за пустяки эти вѣчныя жалобы на какія-то неудачи! Точно жизнью судьба управляетъ, а не мы сами! Кто себѣ разъ твердо сказалъ, что пойдетъ своей дорогой, тому неудачъ бояться нечего...

И онъ окинулъ насъ побѣдоноснымъ взглядомъ, сознавая, что на свою жизнь ему жаловаться не приходится.

— Это тебѣ легко говорить,—возразилъ Сермягинъ.— А хотѣлъ бы я видѣть, что бы ты сказалъ на моемъ мѣстѣ.

И онъ принялся горько пережевывать свою невеселую біографію.

Намъ съ Колтовскимъ доводилось про это слышать въ сотый разъ. Не глупый былъ человѣкъ Алёша, а не догадывался, что не совсѣмъ-то весело внимать его сумрачнымъ признаніямъ.

— Ну, да! перебилъ я его:—знаю, что ты скажешь... Кого судьба балуетъ, а кому она мачиха. И все судьба, да судьба... Будто сами мы надъ собой не вольны. И кстати,—далекое воспоминаніе вдругъ блеснуло у меня въ головѣ,—вѣдь точь въ точь такой разговоръ происходилъ между тобой, Сермягинымъ и Димой Кочетовымъ,—помнишь, это было какъ разъ передъ нашимъ выпускомъ? Ты уже тогда любилъ себя выдавать за неудачника. А Кочетовъ говорилъ то же, что Миша те-

терь. Ему не вѣрилось, чтобы съ нимъ жизнь могла сыграть какую-нибудь злую штуку.

— И все-таки сыграла!—отвѣтилъ Сермягинъ.

— Да, гдѣ онъ теперь, Кочетовъ?—спросилъ не безъ оттѣнка покровительства Колтовской.—Я его совсѣмъ потерялъ изъ виду.

— Его нѣтъ уже на свѣтѣ... Прошлой осенью его схоронили...—невесело проронилъ Алёша.

— Неужели? Бѣдный...—И лицо его превосходительства вдругъ приняло озабоченный видъ, точно ему самому что-нибудь подобное могло грозить.—Дима Кочетовъ, подававшій такія надежды, „баловень счастья", какъ его называли...

— Ты, Вельскій,—на мигъ пробудившись отъ невеселой думы, обратился ко мнѣ Колтовской,—ничего про него не знаешь? Отчего такъ странно сложилась его жизнь?..

— Напротивъ, знаю все... то-есть, почти все. Вѣдь кому изъ насъ даже собственная жизнь извѣстна вполнѣ? А чужая и подавно... Хотите, я вамъ про него разскажу?

Мы еще расходиться не собирались, и я принялся разсказывать, пока въ каминѣ догорали уголья.

II.

— Кочетовъ,—началъ я, давно отсталъ отъ нашего кружка, и не ты одинъ, Колтовской, его потерялъ изъ виду. Но, конечно, ни ты, ни Алёша про него не забыли, хотя вотъ уже пять лѣтъ, какъ не бывалъ онъ въ Петербургѣ, и пріѣхалъ сюда только почти наканунѣ смерти...

— Я не переставалъ съ нимъ переписываться,— вставилъ Сермягинъ:—и любить тоже. Это былъ рѣдкій человѣкъ, съ яснымъ умомъ, и отзывчивымъ на все, хоть и больнымъ сердцемъ.

— Конечно, конечно,—слегка нетерпѣливо перебилъ

его Колтовской:—очень умный былъ человѣкъ... только... только... недостаточно серьезный... изъ тѣхъ, которые...

— Да, онъ въ сановники не попалъ и до генеральскаго чина не дослужился!—слегка ядовито перебилъ его въ свою очередь Сермягинъ.

— Я хотѣлъ только сказать,—мѣрно отчеканилъ Колтовской, замыкаясь въ свое достоинство:—что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ у насъ въ Россіи очень много, и блестящія способности которыхъ остаются безплодными.

— Ахъ, не говори такъ!—живо возразилъ я.—Я не могу спокойно слышать, когда холоднымъ, равнодушнымъ осужденіемъ тревожатъ память этого бѣднаго, убитаго тоской баловня счастья. Вѣдь въ томъ-то и вопросъ, былъ ли онъ виноватъ въ своей горькой судьбѣ. А что судьба эта была поистинѣ горькая... Да выслушайте лучше, а судите ужъ потомъ. Я стоялъ къ нему ближе васъ обоихъ и хорошо знаю его печальную исторію.

Мы были знакомы еще до университета. Но товарищами, друзьями мы тогда еще не были, хоть я стремился всей душой съ нимъ сблизиться. Меня влекло къ нему съ первой же нашей встрѣчи. Въ немъ тогда уже было что-то несказанно обаятельное и загадочное въ то же время,—какая-то смѣсь откровенной, сердечной доброты съ чѣмъ-то гордымъ, недоступнымъ, почти заносчивымъ. Стоило что-нибудь сказать при немъ, что ему не нравится, и онъ замыкался въ себя, и точно холодомъ отъ него вѣяло. Меня онъ должно быть не полюбилъ за что-то. Такъ было и на первыхъ порахъ въ университетѣ. Онъ видимо уклонялся отъ моихъ попытокъ съ нимъ сойтись. Умѣлъ онъ, какъ никто, отстранять отъ себя непрошенныя знакомства. И какимъ вліяніемъ онъ пользовался среди товарищей, хоть и никогда не поступался своими мнѣніями и популярности не искалъ! Онъ одинъ могъ свободно высказаться

на любой, самой бурливой сходкѣ, и почти всегда овладѣвалъ толпой, подчиняя ее своимъ взглядамъ. Помните, какъ случилось разъ, что мы всѣ и ты, Колтовской, тоже готовы были пойти къ попечителю и заявить о своей полной солидарности съ Аннибаловымъ, который наскандалилъ-было на лекціи?

— Я, кажется, въ этой глупой манифестаціи не участвовалъ,—остановилъ меня Колтовской.

— Какъ же! Какъ же, ты былъ даже одинъ изъ самыхъ рьяныхъ! И помнишь, какъ остановилъ насъ Кочетовъ? „Я не пойду съ вами,—сказалъ онъ,—потому, во-первыхъ, что ни меня, ни многихъ изъ васъ тоже на этой лекціи не было, а говорить неправду никогда не слѣдуетъ, изъ уваженія къ себѣ; во-вторыхъ, потому, что будь я и въ самомъ дѣлѣ тамъ, изъ-за мальчишеской выходки поднимать исторію глупо. Надо приберечь себя на что-нибудь посерьезнѣе. Да и не вправѣ мы на лекціяхъ безобразничать, это недостойно порядочныхъ и образованныхъ людей!“

И что-жъ,—выслушали покорно эту нотацію, и пока раздавался его ровный, звучный голосъ по аудиторіи, волненіе улеглось.

Да и было такъ не разъ. Самые неугомонные крикуны умолкали отъ его всегда спокойныхъ словъ. Бралъ онъ вѣдь не ораторскимъ блескомъ. Трескучія фразы ему претили, какъ всякое шарлатанство.

Я живо помню, какую радость испыталъ, когда въ первый разъ мы разговорились. Это было послѣ лекціи уголовнаго права. Шла рѣчь о вмѣняемости, и профессоръ съ силой доказывалъ, что внутренней отвѣтственности нѣтъ, а есть только общественный интересъ, оправдывающій наказаніе. Я сидѣлъ почти рядомъ съ Кочетовымъ и видѣлъ, какъ слушалъ онъ съ напряженнымъ, страстнымъ вниманіемъ, очевидно силясь побороть доводы краснорѣчиваго профессора. Кочетову матеріализмъ былъ ненавистенъ. И въ первый разъ, можетъ быть, онъ не находилъ въ себѣ достаточной

силы, чтобы защитить въ собственныхъ глазахъ свободу воли.

Въ какомъ-то смущеніи онъ всталъ послѣ лекціи, столкнувшись со мною въ дверяхъ, взялъ меня подъ руку.

— А все-таки неправда, Вельскій, хоть и говорить онъ мастеръ. А вы какъ про это думаете?

Кочетовъ обращался ко мнѣ за помощью, за поддержкой, — онъ, котораго я считалъ выше себя цѣлой головой!

И густая толпа, хлынувшая изъ аудиторіи въ корридоръ, видимо, была занята тѣмъ же вопросомъ. Лекція произвела впечатлѣніе. Только замѣтно было, что прочіе всѣ почти одного мнѣнія съ профессоромъ.

— Видите,—продолжалъ Кочетовъ:—коли въ самомъ дѣлѣ все, что мы говоримъ, дѣлаемъ, мыслимъ — неизбѣжный результатъ прошлыхъ вліяній, такъ гдѣ же, наконецъ, смыслъ всей нашей и личной, и общественной, и народной жизни, гдѣ смыслъ исторіи? Мы только пьесу играемъ, сочиненную кѣмъ-то, и къ суфлеру прислушиваемся. И въ то же время ни сочинителя, ни суфлера нѣтъ даже вовсе! Все человѣчество мотокъ точно разматываетъ, котораго никто, по-настоящему, и не сматывалъ никогда. Это вздоръ! вздоръ! Это все та же чаша бытія, про которую говоритъ Лермонтовъ, и въ которой ничего, кромѣ мечты, нѣтъ, да и то чужой. И все-таки... все-таки... Какъ постараешься до корня добраться, вникнуть въ мотивы своихъ поступковъ и отыскать, что въ нихъ своего, независимаго,—такъ и выходитъ, пожалуй, что свободы выбора нѣтъ, и все за насъ предрѣшаетъ то привычка, то вліяніе чье-нибудь, то наслѣдственная наклонность... Голова кругомъ идетъ, право!

— Да вы чего ищете Кочетовъ?—спросилъ я не совсѣмъ рѣшительно, мы съ нимъ еще не были на ты:— поступковъ безъ мотива, воли безъ разума? Вѣдь такъ съ одними сумасшедшими бываетъ. И они, стало быть, одни только свободны?

Кочетовъ остановился, словно пораженный.

— А это вѣдь правда! Это вы хорошо сказали. Спасибо вамъ!

Сблизились мы по настоящему, однако, не въ этотъ разъ. Заговаривалъ онъ со мной, правда, чаще прежняго, но что-то сдержанное все-таки еще чувствовалось въ немъ, что-то отстранявшее его отъ меня. Связывала насъ пока только умственная, а не сердечная близость.

И только уже на второй годъ нашего студенчества послѣдняя преграда между нами исчезла. Случилось это какъ разъ благодаря тому самому Аннибалову, про котораго я только что говорилъ. Вы его помните, конечно, оба? Тупое, упрямое лицо, цвѣтъ кожи оливково-желтый, волосы какъ смоль, жесткіе, вѣчно нечесаные, — словомъ, на видъ какой-то оперный разбойникъ. А между тѣмъ, это былъ просто ограниченный добрякъ, порой только готовый стать на дыбы изъ-за какого-нибудь нелѣпѣйшаго повода. Кочетовъ его терпѣть не могъ: Аннибаловъ дѣйствовалъ ему на нервы. Это было какое-то физическое отвращеніе. Долго онъ просто избѣгалъ его, и развѣ очень зоркій глазъ могъ бы разглядѣть брезгливую складку на губахъ Кочетова, когда въ его присутствіи Аннибаловъ отпускалъ одну изъ своихъ несуразныхъ выходокъ.

Но разъ онъ не вытерпѣлъ. Слишкомъ ужъ упорно Аннибаловъ приставалъ къ товарищамъ, съ какимъ-то негодующимъ протестомъ — не помню ужъ, противъ чего,—и не замѣчалъ даже, какъ надъ нимъ подсмѣиваются. Онъ вообще лишенъ былъ способности замѣчать, что надъ нимъ смѣются. Да и были у него нѣкоторые поклонники, больше все изъ „восточныхъ человѣковъ“ — грузины тамъ какіе-то, армяне, киргизы... Ну, и въ тотъ разъ вся эта ватага съ нимъ орала заодно. Кочетова разобрало не на шутку, и онъ въ упоръ, не стѣсняясь, такихъ вещей наговорилъ разсвирѣпѣвшему юнцу и такимъ шутомъ гороховымъ его представилъ, что громкій смѣхъ поднялся среди товарищей.

Бѣдный малый почувствовалъ себя совсѣмъ придавленнымъ.

Кочетовъ повелъ плечами, — это у него было привычное движеніе — и отвернулся. А мнѣ жалко стало Аннибалова. Его просто травить принялись, какъ дѣлаетъ это любая толпа, когда при ней кого-нибудь подняли на смѣхъ.

Я подошелъ къ нему и взялъ подъ-руку.

— Ну, поспорили—и будетъ!—крикнулъ я прочимъ, отводя его въ сторону.—Брось ихъ!—сказалъ я ему:—сколько разъ шли за тобой послушно, а теперь зубоскалятъ!

Этого было достаточно, чтобы пріободрить обиженное самолюбіе Аннибалова. Раза два мы съ нимъ прошлись по длинному корридору, оживленно толкуя. Кочетовъ намъ попался навстрѣчу и съ недоумѣніемъ на меня взглянулъ. Отдѣлавшись отъ Аннибалова, я принялся его отыскивать. — Кочетовъ! — окликнулъ я его. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной, разговаривая съ двумя товарищами. Когда онъ обернулся, я прочелъ на его лицѣ все то же холодное недоумѣніе.—Кочетовъ!—повторилъ я:—какъ вамъ не стыдно пускать въ ходъ свое вліяніе на товарищей, чтобы этого бѣднаго малаго поднимать на смѣхъ такъ безжалостно?

— Коли вамъ это не нравится, — отвѣтилъ онъ рѣзко: — пойдите, утѣшайте его, а меня оставьте въ покоѣ!

Я покраснѣлъ до ушей и поспѣшно отошелъ. Но едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, Кочетовъ бросился ко мнѣ, схватилъ меня за руки и воскликнулъ:

— Простите, Вельскій, простите! Это нехорошо было, что я вамъ сейчасъ сказалъ, и вы совершенно правы. Я самъ недоволенъ собой. Такихъ, какъ Аннибаловъ, вышучивать стыдно. Это то же, что бить лежачаго. Коли хотите, я передъ нимъ извинюсь, или чего добраго...

— Нѣтъ, не извиняйтесь лучше, — онъ только вдвойнѣ почувствуетъ обиду!..

Съ этого дня мы сдѣлались настоящими друзьями. Кочетовъ зазвалъ меня къ себѣ, и я сталъ у него бывать часто.

III.

Домъ Кочетовыхъ въ то время былъ нечета другимъ петербургскимъ домамъ. До сихъ поръ всѣ, кому удавалось тамъ бывать, сохранили воспоминаніе о его своеобразномъ гостепріимствѣ. И мнѣ теперь, когда все это милое прошлое давно безвозвратно исчезло, сладко вспоминать о связанныхъ съ этимъ домомъ молодыхъ впечатлѣніяхъ. Всѣ наши крупные писатели, всѣ музыкальные таланты были тамъ своими людьми, и всѣ пріѣзжавшія къ намъ заграничныя знаменитости тамъ впервые знакомились съ Петербургомъ, получали какъ бы необходимое артистическое благословеніе. Такихъ домовъ теперь не отыщешь. Онъ былъ, двадцать лѣтъ назадъ, какъ бы живымъ преданіемъ великой Пушкинской эпохи. Да, Аннѣ Борисовнѣ—матери Димы, когда она была еще ребенкомъ, самъ Пушкинъ стихи посвящалъ, а Лермонтовъ ею увлекался, когда ей всего минуло четырнадцать. Удивительная это была женщина, съ ранняго дѣтства озаренная какимъ-то дивнымъ лучомъ очарованія и носившая на себѣ этотъ лучъ до старости. А за-одно съ этимъ завиднымъ даромъ обольщать, у нея былъ и другой, злополучный даръ—портить чужую жизнь...

Я замолкъ на минуту. Мнѣ тяжело вдругъ стало отъ нахлынувшихъ воспоминаній.

— Да что я вамъ говорю про все это!—махнувъ рукой, продолжалъ я—да шевелю этотъ дорогой пепелъ,—вы, я думаю, помните сами...

— Я въ университетѣ не былъ друженъ съ Кочетовымъ,—вставилъ Сермягинъ; мы сблизились позднѣе.

— А я, хотя бывалъ у Кочетовыхъ,—добавилъ въ

свою очередь Колтовской,—признаюсь, не сохранилъ особенныхъ воспоминаній объ ихъ домѣ. Тамъ скучновато было, кажется...

Я невольно улыбнулся, припомнивъ, что Миша Колтовской, теперь ставшій такимъ важнымъ сановникомъ, въ молодые годы былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ кружкѣ Димы Кочетова.

— Намъ, — продолжалъ я, — молодежи, правда, не слишкомъ видную роль приходилось играть на пріемахъ Анны Борисовны. Вся наша юная прыть какъ-то улетучивалась, когда мы видѣли передъ собой великихъ стариковъ... Тургеневъ въ каждый свой пріѣздъ въ Россію бывалъ у Кочетовыхъ. Какъ теперь помню, съ какимъ благоговѣніемъ я услыхалъ впервые его мягкій, нѣсколько шепелявый голосъ... Да и не онъ одинъ, всѣ тамъ перебывали—Достоевскій, Гончаровъ, Вяземскій, Тютчевъ, Алексѣй Толстой... Словомъ, это была живая галлерея русской литературы. А когда за рояль, потряхивая львиной гривой, садился Рубинштейнъ, или устраивался квартетъ, и лучшія классическія вещи исполнялись смычкомъ Венявскаго и Давыдова,—что-то похожее на религіозный трепетъ овладѣвало сердцемъ... Да, искусство въ этомъ домѣ чтилось какъ настоящая религія...

Я быстро зашагалъ по мягкому ковру, взволнованный образами прошлаго.

— Удивительная женщина была Анна Борисовна, свѣтская до мозга костей, и въ то же время вполнѣ свободная отъ условностей свѣта, и независимо, правдиво цѣнившая искусство. Съ ней всѣ эти великіе таланты обращались какъ съ равной. А между тѣмъ, на-ряду съ ними тутъ бывали люди совсѣмъ иного сорта, приносившіе съ собою, какъ бы въ складкахъ одежды, всю праздную суетность свѣта. И два эти чуждыхъ другъ другу элемента уживались какъ нельзя лучше въ гостиной Анны Борисовны,—словно изящный умъ хозяйки проникалъ собою даже самыхъ пустыхъ

людей. Свѣтскія барыни, которымъ было не до серьезной музыки, здѣсь почтительно отдавались культу Бетховена и Моцарта. Всѣ будто становились умнѣе въ этомъ домѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось услыхать тамъ плоской шутки или пошлаго замѣчанія. Въ самомъ смѣхѣ какъ-то звучало остроуміе...

Одно мнѣ страннымъ, даже неестественнымъ казалось—отношенія между Димой и его матерью. Они другъ въ другѣ души не чаяли—таковъ былъ общій отзывъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, Кочетовъ былъ привязанъ къ матери горячей, хоть и съ виду сдержанной любовью. Выражать свои чувства громко, порывисто не было въ его натурѣ, но я хорошо знаю, что за глубокіе корни пустила въ его душѣ эта привязанность. А она... она ухаживала за нимъ, безпокоилась о его здоровьѣ, точно онъ еще былъ маленькимъ и нуждался въ присмотрѣ. Въ дѣтскіе годы, правда, Дима крѣпостью не отличался. И Анна Борисовна съ тѣхъ поръ такъ и не переставала няньчиться съ единственнымъ сыномъ. Гордилась она имъ чрезвычайно. Лицо ея озарялось счастливою улыбкой всякій разъ, что онъ входилъ, точно она не переставала любоваться его стройной осанкой, той печатью ума и увѣренности въ себѣ, какая читалась на его блѣдныхъ тонкихъ чертахъ. И все-таки настоящей любви съ ея стороны какъ будто не было. Такъ мнѣ чудилось, по крайней мѣрѣ. Она словно выставляла сына на показъ передъ своими блестящими друзьями. Но дорогъ онъ былъ ей какъ предметъ ея гордости, не самъ по себѣ, а ради удовлетворенія, какое доставляло ея самолюбію имѣть такого даровитаго сына. Въ цѣломъ домѣ все-таки она была центромъ, все дѣлалось для нея, а тотъ внутренній, сокровенный міръ, куда любилъ уходить Дима съ двумя-тремя изъ лучшихъ товарищей,—Анна Борисовна туда не заглядывала. Ей до этого не было дѣла. И мы, ближайшіе друзья ея сына, ей казались, должно быть, очень не-

отесанными и неинтересными малыми, которыхъ она неохотно пускала въ свой изысканный кругъ. Она была не то что нелюбезна съ нами,—нелюбезность какъ будто даже не укладывалась въ ея утонченно-привѣтливое обращеніе—но все-таки какой-то чуть-чуть покровительственный оттѣнокъ мнѣ чудился въ привѣтливой улыбкѣ ея прекрасныхъ темносинихъ глазъ, умѣвшихъ столько выражать, даже когда они оставались неподвижными.

Да и самъ Дима будто не любилъ показываться на пріемахъ матери. Съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшій къ атмосферѣ салона, онъ въ совершенствѣ усвоилъ пріемы свѣта, и робости въ немъ не было никакой. Но блестящій и неистощимый въ спорѣ съ товарищами, порой заразительно веселый и забавный, онъ часто становился будто ледянымъ въ гостиной матери. И мнѣ случалось, иной разъ, подмѣчать какую-то презрительную искру въ его глазахъ, когда онъ съ холодной любезностью поддерживалъ разговоръ съ какой-нибудь свѣтской дамой. Раза два его обычной сдержанности не хватило, и намъ, товарищамъ, въ порывѣ нетерпѣнія, онъ признался, какъ тяжела для него подчасъ обязанность присутствовать на вечерахъ Анны Борисовны. И тяжело было для него именно постоянное выставленіе на показъ его дарованій; льстивыя рѣчи приходилось ему выслушивать даже изъ очень высокихъ устъ. У него были хорошія музыкальныя способности. Я помню, какъ въ первый разъ его усадили за пюпитръ въ знаменитомъ квартетѣ, гдѣ ему приходилось играть вторую скрипку. Лицо его оставалось спокойнымъ, только напряженное вниманіе читалось на немъ, пока его близорукіе глаза слѣдили за нотами. А на чертахъ Анны Борисовны сперва была тревога, потомъ ее смѣнило торжество. И было отчего, конечно: играть съ первоклассными виртуозами и не испортить классической вещи—удалось бы не всякому. А когда, по окончаніи пьесы, бывшіе тутъ извѣстные цѣнители искренно позд-

равляли молодого человѣка, какой-то стыдъ, нетерпѣливый, почти злобный, сквозилъ въ его красивыхъ, слегка лишь утомленныхъ чертахъ. Похвала раздражала его, коробила, почти оскорбляла. Самолюбіе у него было, правда, огромное, болѣзненно-чуткое, но мучилось оно какъ разъ тѣмъ, что инымъ заурядным натурамъ доставляетъ такое жгучее наслажденіе. Въ тайнѣ, можетъ быть, ему хотѣлось успѣха, власти надъ умами. Но какъ разъ потому, что все это давалось такъ легко, Кочетову претили внѣшнія выраженія этого успѣха. Онъ видѣлъ въ нихъ что-то похожее на обиду. Дорожилъ онъ по настоящему, кажется, только собственнымъ мнѣніемъ. И несмотря на то, что такимъ еще молодымъ онъ былъ избалованъ ласкою женскихъ глазъ,—и незаурядною ласкою вдобавокъ,—ему дарили свое вниманіе женщины, не замѣчавшія вовсе его сверстниковъ, — несмотря на все это, онъ часто спѣшилъ укрыться изъ ярко освѣщенной гостиной матери въ большой кабинетъ отца, весь уставленный книжными шкафами, гдѣ, при свѣтѣ одинокой лампы, шла совсѣмъ иная, неторопливая бесѣда.

Отецъ Димы, Петръ Сергѣевичъ, всю жизнь провозился среди вороха старинныхъ книгъ и рукописей. Въ этомъ мірѣ неодушевленныхъ свидѣтелей прошлаго онъ чувствовалъ себя какъ среди близкихъ; точно старина оживала для него среди этой мертвой груды пожелтѣвшей бумаги. Страсть къ археологіи сдѣлала Петра Сергѣевича нѣсколько смѣшнымъ въ глазахъ его блестящей супруги, всѣми помыслами, всѣми фибрами души обращенной къ настоящему. Когда она заговаривала съ мужемъ, что-то похожее на жалость сквозило въ ея голосѣ, иной разъ даже сбивавшемся на чуть-чуть насмѣшливую ноту. Смѣяться надъ кѣмъ-либо она себѣ вообще не позволяла. Иронія у нея сказывалась въ однихъ глазахъ, да пожалуй еще въ тонкой линіи рта. Но съ мужемъ она, повидимому, не стѣснялась.

Петръ Сергѣевичъ не оскорблялся этимъ и даже

просто этого не замѣчалъ. Интересъ, какой вызывало въ немъ одно прошлое, отрывалъ его отъ дѣйствительности, и вѣроятно онъ улыбнулся бы только своей мягкой, немного грустной улыбкой, еслибы ему намекнули, что онъ можетъ быть смѣшонъ въ своей страсти къ памятникамъ прошлаго.

По взглядамъ Петръ Сергѣевичъ былъ правовѣрный славянофилъ и твердо вѣрилъ, что когда-то, очень давно, у насъ было и свое искусство, и своя готовая сложиться политическая, самобытная организація. И все-таки я никогда не слышалъ отъ него слова по-русски.

Этотъ поклонникъ древней Москвы былъ европейцемъ до мозга костей. И когда мнѣ доводилось слышать его пламенную, хотя и нѣсколько сбивчивую рѣчь, я не всегда могъ уловить его терявшейся въ отвлеченностяхъ мысли. Но глубина и оригинальность этой мысли вызывала во мнѣ невольное уваженіе.

Собирались у Петра Сергѣевича все такіе же ученые, какъ и онъ, люди уже немолодые и довольно-таки односторонніе въ своихъ занятіяхъ. Но Димѣ большое наслажденіе доставляло ихъ слушать. И меня онъ часто водилъ въ кабинетъ отца.

Странное дѣло, — тутъ, въ кругу этихъ высохшихъ въ сторонѣ отъ жизни любителей историческаго хлама, никогда я не замѣчалъ въ его глазахъ той слегка презрительной искры, какая зажигалась въ нихъ иной разъ, когда онъ говорилъ съ одной изъ великосвѣтскихъ звѣздъ, посѣщавшихъ салонъ его матери. Онъ какъ-то смирялся и глядѣлъ послушнымъ, внимательнымъ ученикомъ, пока Анна Борисовна, замѣтивъ отсутствіе сына, отыщетъ его въ полу-темномъ углу, гдѣ онъ прятался, и позоветъ опять въ свои наполненныя блестящей толпой гостиныя.

Была впрочемъ въ числѣ обычныхъ посѣтительницъ ея дома одна женщина, съ которой Дима разговаривалъ охотно. Это была княгиня Софья Викторовна Тургайская. Вы ее знаете оба, хотя бы по наслышкѣ, и

описывать вамъ ее незачѣмъ. Въ то время княгиня была еще совсѣмъ молодая женщина—ей недавно минуло тридцать. Но она успѣла уже прослыть за первѣйшую изъ петербургскихъ умницъ, оттого, можетъ быть, что такая красивая, изящная и вдобавокъ, выданная замужъ почти ребенкомъ за человѣка совсѣмъ зауряднаго, княгиня уже въ ранніе годы сторонилась отъ шумной праздности, въ которой протекала жизнь ея сверстницъ. Дурная молва ея и коснуться не смѣла — до того стояла она выше пересудовъ свѣта, вся отданная страстному, почти религіозному культу искусства. Всѣ знали, конечно, что съ мужемъ она не можетъ быть счастлива. Обаяніе ея ума, какъ бы одухотворявшаго прелесть ея наружности, дѣйствовало неотразимо. Но своеобразность ея тонкой красоты, напоминавшей портреты XVIII вѣка, вызывала у мужчинъ то особое поклоненіе, котораго страсть коснуться будто не смѣетъ. И не приходилось ли ей порой сожалѣть объ иномъ, болѣе жгучемъ счастьѣ, котораго она себя добровольно лишала—я не берусь судить. Какъ бы то ни было, петербургская сплетня ее щадила. Не коснусь ея прошлаго и я.

Свита княгини состояла почти исключительно изъ людей уже нѣсколько зрѣлыхъ. Молодежь ея слегка даже побаивалась; единственнымъ исключеніемъ, я думаю, былъ Кочетовъ. Говоря съ нимъ, она, правда, любила напоминать про свою дружбу къ его матери. Но едва ли одна эта дружба—Анна Борисовна была на цѣлыхъ десять лѣтъ ея старше—побуждала княгиню находить удовольствіе въ разговорахъ съ Димой. Онъ былъ серьезенъ не по годамъ, и пониманіе искусства раскрылось для него очень рано. Женщина, когда она отвѣдала науки, правда, становится отъ этого много старше своихъ лѣтъ; и княгиня любила увѣрять Диму, что въ сравненіи съ нимъ она старуха—такой ужъ былъ у нея своеобразный видъ кокетства. Но по складу ума и по вкусамъ они все-таки оказывались почти сверстниками. Анна Бори-

совна была очень довольна этой дружбой между ея сыномъ и княгиней. Кто знаетъ, не заходила ли она даже очень далеко въ своемъ покровительствѣ этой дружбѣ,— у матерей иногда бываютъ странныя причуды. Но у меня, знавшаго такъ хорошо Диму, не могло оставаться сомнѣнія насчетъ его истинныхъ чувствъ къ княгинѣ. Ихъ близость оставалась въ безмятежной, почти ледяной области чисто-умственной дружбы. Правда, и на снѣжныхъ высотахъ разражаются громы,—но пока ни о чемъ подобномъ не могло быть и рѣчи. И врядъ-ли много отыщется молодыхъ людей, которые бы въ двадцать лѣтъ такъ мало грезили о любви, какъ Дима Кочетовъ.

— Онъ былъ просто избалованный эгоистъ — твой Дима!—перебилъ меня Колтовской: — да и рыба вдобавокъ какая-то...

— Ну, врядъ ли... Самъ увидишь, впрочемъ. Способность любить не у всѣхъ людей выражается одинаково. Да и была у Кочетова особаго рода застѣнчивость,—не та, разумѣется, какую вызываетъ болѣзненное самолюбіе, а та иная, болѣе рѣдкая, застѣнчивость передъ собой, которая заставляетъ бояться испортить, загрязнить свое чувство. Отдать свою любовь неосторожно первому попавшемуся смазливому личику — Димѣ казалось чѣмъ-то вродѣ кощунства. Да и не думалъ онъ объ этомъ тогда. Настоящая любовь его еще не коснулась. Она стерегла его впереди. А въ то время, кажется, одно только существо вызывало въ немъ не привязанность только, а горячее, нѣжное до страстности чувство—его маленькая сестра Зина.

Голосъ у меня дрогнулъ слегка, когда я заговорилъ о сестрѣ Кочетова.

IV.

— Странное, поистинѣ, существо,—продолжалъ я, минуту спустя,—была шестнадцатилѣтняя Зина. Сказать о ней что-либо опредѣленное—я и теперь не могу,

хотя минуло слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ нашей первой встрѣчи. Я не знаю, была ли она даже хороша собой. Невысокаго роста, совсѣмъ худенькая, съ узкими плечиками и тонкой шейкой, съ подвижными, поразительно измѣнчивыми чертами, въ которыхъ и кротость почти младенческая, и своевольная вспыльчивость, и что-то гордое не по лѣтамъ, попеременно читались— она могла произвести и необыкновенно чарующее, и почти отталкивающее впечатлѣніе. Наружность какъ бы стушевывалась въ ней, послушно выражая собой каждое быстро смѣнявшееся чувство. И смотря потому, что это было за чувство,—злобный или свѣтлый огонь загорался въ ея карихъ глазахъ, въ мягкую улыбку складывался ея изящно очерченный ротикъ, или капризная заносчивость его искривляла — личико Зины то казалось плѣнительно милымъ, то становилось почти некрасивымъ. А внутренній ея міръ остался для меня загадкой до сихъ поръ. Да и загадкою онъ былъ, вѣроятно, для нея самой. Избалованная до крайности, она была, кажется, почти безсознательна въ капризныхъ проявленіяхъ своей непокорной природы. Можно было подчасъ ее назвать безсердечной эгоисткой — безсердечной до жестокости — до того она равнодушно относилась къ чужому горю, иногда причиняя съ полнымъ хладнокровіемъ страданія самымъ близкимъ людямъ. Видъ этихъ страданій порой ее даже прямо отталкивалъ, вызывалъ въ ней какую-то каменную ненависть. Я помню до сихъ поръ, какъ возмущало меня, совсѣмъ посторонняго человѣка, ея поведеніе съ отцомъ. Петръ Сергѣевичъ былъ къ ней привязанъ какою-то особой жалостливой любовью, точно сознавалъ, что есть въ ней что-то роковое, въ чемъ сама она безвинна, но что неминуемо должно принести горе ея близкимъ. И вотъ самаго этого оттѣнка жалости, который Зина чувствовала смутно, она не могла простить отцу. Какъ это ни странно — на ея полудѣтскомъ личикѣ я не разъ читалъ что-то похожее на презрѣніе къ Петру Сергѣ-

вичу. Да, она какъ будто презирала отца за добровольную замкнутость его жизни, за его вкусы, за то даже, что онъ казался такимъ старикомъ въ сравнительно ранніе годы. Петру Сергѣевичу было съ небольшимъ пятьдесятъ, а его пожелтѣвшее, сморщенное лицо глядѣло совсѣмъ уже хилымъ, изношеннымъ жизнью.

Когда дочь къ нему подходила, иной разъ у нея будто какая-то брезгливость сказывалась,—точно Зина боялась, какъ бы не запачкала ее пыль отъ старинныхъ рукописей, съ которыми возился отецъ. И все-таки я видѣлъ, какъ эта самая Зина бросалась къ нему на грудь въ страстномъ порывѣ, плакала, обнимая его, просила у него за что-то прощенія. И самая искренняя, самая горячая привязанность выражалась на ея пламенѣвшемъ личикѣ. Эта маленькая, черствая эгоистка на самомъ дѣлѣ вся дышала внутреннею страстью.

Удивительныя отношенія у нея были съ братомъ: привязаны они были другъ къ другу сильно, но каждый по-своему. Онъ не переставалъ смотрѣть на нее, какъ на ребенка, баловалъ ее, нѣжилъ и прощалъ каждую, подчасъ дикую, сумасшедшую выходку. Она то поддавалась съ дѣтской покорностью его любви, въ которой было и покровительство сильнаго слабому, и всепрощающая, терпѣливая доброта, то вдругъ ее, бывало, возмутитъ это превосходство брата, и она примется съ изобрѣтательной злобой терзать его, какъ одни эти хрупкія существа терзать умѣютъ,—прикидываться холодной, плакать безъ горя злыми, самолюбивыми слезами, говорить ему, даже въ присутствіи чужихъ, самыя обидныя колкости. И вотъ что еще было въ ней своеобразнаго: въ присутствіи матери, при гостяхъ—Анна Борисовна ее постоянно держала при себѣ, и еще подросткомъ охотно показывала вопреки обычаю—Зина казалась до совершенства благовоспитанной барышней, и непринужденная граціозность не мѣшала ей держать себя безукоризненно. Случалось, конечно, что и въ гостиной матери бѣсенокъ въ ней прорывался наружу,

но это было всего на мигъ, и одного взгляда Анны Борисовны хватало, чтобы сгладить, опять принимавшееся въ ней бурлить, затаенное непокорство. Зато, когда она сходила внизъ, въ комнаты брата,—свѣтской чопорности какъ не бывало. Она вспрыгивала на мебель, шалила, говорила невѣроятный вздоръ, не стѣсняясь даже присутствіемъ его товарищей, закуривала папироски, являясь то дурно воспитаннымъ ребенкомъ, то кокетливой волшебницей. При этомъ она высказывала даже — странно это сказать — полное равнодушіе къ своей наружности. Разъ я зашелъ къ Димѣ рано и, не заставъ его, остался ожидать его возвращенія,—какъ вдругъ дверь распахнулась и въ комнату влетѣла Зина, съ выбѣгавшими изъ-подъ гребня распущенными волосами, въ утренней сѣрой блузѣ, опоясанной кушакомъ, въ изношенныхъ башмачкахъ. Она не смутилась ничуть, увидя меня.

— Ахъ, это вы! — проронила она съ презрительной гримаской.—А брата нѣтъ? Какъ у него здѣсь нечисто, не прибрано! А еще увѣряетъ, что любитъ искусство! Искусство — а комнаты свои держитъ такъ... тетради, книги, пепельницы — все разбросано!..

Смущенъ былъ я. Я стоялъ передъ ней, не зная, что сказать. А она принялась шарить по столамъ, дѣйствительно заваленнымъ всякимъ хламомъ.

— Надо привести все это въ порядокъ, Александръ Григорьевичъ. Помогите мнѣ.

И мы очень поусердствовали, прибирая комнаты Димы. То-есть, собственно усердствовалъ я, послушно исполняя ея приказанія и въ сущности вовсе не зная, какого рода порядокъ надо было водворить. Зина очень скоро отстала отъ работы, предоставляя трудиться мнѣ. А я, разумѣется, не сводилъ съ нея глазъ и, чего грѣха таить... ну, да вѣдь вы знаете оба, что я былъ въ нее когда-то безъ памяти влюбленъ....

— Никогда, признаюсь, не могъ понять,—ворчливо перебилъ меня Колтовской: — что тебѣ въ ней нрави-

лось. На меня она производила впечатлѣніе дурно воспитанной и, вдобавокъ, очень непривлекательной дѣвчонки... Худа какъ кошка, съ какими-то неестественно большими, прыгающими глазами, избалованная, капризная...

Я не отвѣтилъ ни слова и только всмотрѣлся пристально въ Мишу, и Колтовской такъ и осѣкся на полусловѣ. Должно быть, онъ вспомнилъ, какъ неблаговолила къ нему Зина.

— Дима насъ засталъ за неоконченной работой, — принялся я опять за прерванный разсказъ.—Въ первый мигъ онъ почти разсердился.

— Что вы тутъ хозяйничаете?—спросилъ онъ, сдвинувъ брови. — Ты знаешь, Зина, я этого терпѣть не могу!..

Но одного взгляда сестры, и смѣющагося, и мягкаго въ то же время, — удивительно мягкими становились ея глаза, когда ей хотѣлось, чтобъ ее не бранили, — одного ея взгляда было достаточно, чтобы улеглось раздраженіе Димы. Сестрѣ онъ спускалъ рѣшительно все. И довольно сухо пожавъ мнѣ руку, онъ нѣжно принялся гладить ей волосы.

— Какая ты растрепанная, Зина! И какъ одѣта! Ни на что непохоже!—Онъ говорилъ это ласково, скорѣе любуясь ею, чѣмъ браня.

Она только повела плечиками, сдѣлала нѣсколько замѣчаній, не особенно лестныхъ, на счетъ двухъ изъ товарищей брата, передразнивая ихъ притомъ самымъ уморительнымъ образомъ, и вдругъ, обратившись ко мнѣ, спросила въ упоръ:

— А что, вамъ очень страшно бываетъ наверху у мама на ея большихъ вечерахъ?

— Отчего страшно?—слегка конфузясь, спросилъ я.

— Да такъ!.. Вы глядите такимъ... Точно не знаете, кудаприткнуться. Мнѣ иногда жалко, что людей нельзя взять и поставить на мѣсто, какъ вещь какую-нибудь, когда они сами не знаютъ, куда имъ дѣться.

— Зина!—перебилъ ее братъ.

— Ну, ничего... Я вѣдь знаю, что Александръ Григорьевичъ не разсердится. Не разсердится, да?..

Слова ея сопровождалъ быстрый взглядъ, брошенный на меня, и ласкающій, и насмѣшливый, потомъ короткій, звонкій смѣхъ; объявивъ, что идетъ переодѣваться, Зина выбѣжала изъ комнаты.

Случалось ей, впрочемъ, рѣшительно выводить брата изъ терпѣнія. Какъ ни любилъ онъ ее, а иныхъ выходокъ Дима все-таки простить сестрѣ не могъ.

Разъ я засталъ ихъ невзначай за громкимъ споромъ. Я чувствовалъ, что явился невпопадъ, но уйти было нельзя. И хотя Дима, съ обычною властью надъ собой, тотчасъ умѣрилъ гнѣвныя ноты своего голоса, нѣсколько бурныхъ словъ я все-таки невольно разслышалъ, входя въ комнату.

— Не смѣй ты такъ говорить про отца, не смѣй, дрянная дѣвчонка!

И разгоряченное лицо Димы досказывало за него, какъ сильно было его негодованіе. А сухой блескъ въ большихъ глазахъ дѣвушки говорилъ объ иномъ — объ упорномъ нежеланіи признать себя неправой и о самолюбивомъ раздраженіи за то, что чужой засталъ ихъ въ минуту объясненія. Тонкія черты Зины исказились почти до неузнаваемости. И долго она потомъ дулась на меня, словно я былъ передъ нею въ чемъ-нибудь виноватъ. Неугомонный бѣсъ гордости успѣлъ уже прочно завладѣть ея полудѣтскимъ сердцемъ. И вотъ почему—вся нѣжная чарующая ласка, когда ее тѣшили и баловали,—Зина становилась упрямо-злою, какъ только ей не давали полной воли. Впрочемъ, и въ самомъ Димѣ сидѣлъ этотъ бѣсъ,—эта черта у нихъ была общая съ сестрой,—только въ немъ гордость проявлялась въ спокойномъ сознаніи внутренней силы, а не въ заносчивомъ своенравіи.

Насчетъ сестры, какъ ни былъ онъ къ ней привязанъ, Дима, кажется, себѣ не дѣлалъ иллюзій. Каприз-

ное своенравіе Зины, ея настойчивая рѣшимость всегда поставить на своемъ безпокоили Диму не на шутку, хоть онъ и баловалъ сестру болѣе всѣхъ въ домѣ.

— Ты себѣ горе только готовишь, дружокъ мой. Въ дѣтствѣ ты свои игрушки ломала, когда сердилась на что-нибудь. Но люди не игрушки, а жизнь и подавно. Берегись, какъ бы она тебя сама не сломила...— говорилъ онъ ей это не разъ и всегда мягко, участливо, нѣжно.

— А я—я всегда готовъ былъ извинить это странное маленькое существо. Вѣдь и у нея бывали порывы широкаго, горячаго состраданія. Щедрость такая же неудержимая, какъ всѣ ея порывы, всегда готова была откликнуться на чужую нужду. Сердце не могло быть у нея испорченнымъ, недобрымъ... Заступаясь за нее мысленно, я не предвидѣлъ тогда будущаго...

— Ну, я, по крайней мѣрѣ,—вставилъ Колтовской,- ничего хорошаго отъ Зины не ждалъ. Такія натуры, не знающія нравственной дисциплины, — „нравственная дисциплина“ была любимымъ выраженіемъ Колтовскаго, даже въ его оффиціальныхъ запискахъ,—такія натуры годятся на то лишь, чтобы мучить всѣхъ окружающихъ...

Мы переглянулись съ Сермягинымъ.

— Однако, господа, — сказалъ я, вынимая—часы,— что-то поздно становится. Не отложить ли конецъ разсказа до другого дня? Но меня упросили продолжать.

V.

По субботамъ всѣмъ домомъ Кочетовыхъ завладѣвала молодежь. Старшіе, то-есть обычные гости Анны Борисовны, укрывались съ нею въ ея маленькій кабинетъ, въ святилище, куда допускались только избранные, а по залѣ и гостинымъ свободно раздавались молодой хохотъ и веселая бѣготня. Иногда устраивались танцы, совсѣмъ, впрочемъ, запросто. Кто-нибудь садился

за рояль, и юныя пары оживленно принимались скользить по паркету. Это было совершенно непринужденное веселье. Глядя на эту беззаботную молодежь, не знавшую чопорности, многимъ, я думаю жалко становилось при мысли, что черезъ годъ или два холодный этикетъ свѣта заморозитъ ее своими условными законами.

Центромъ этого юнаго мірка была, разумѣется, Зина. Ея неистощимое, бившее ключомъ оживленіе, заражало всѣхъ. Даже какого-нибудь увальня,—а были между нами и такіе—ей удавалось растормошить. Немудрено, что всѣ были въ нее влюблены...

Впрочемъ, въ ту шальную зиму—было это передъ самымъ нашимъ выпускомъ—на вечеринкахъ у Кочетовыхъ дышалось такой атмосферой всеобщей влюбленности, что въ этомъ миломъ сумбурѣ и разобраться было трудно. Ко мнѣ Зина явно благоволила. Она избрала меня въ повѣренные и говорила со мной совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими—вдумчивѣе и откровеннѣе тоже. Я былъ, разумѣется, на седьмомъ небѣ, не замѣчая даже, что всѣ остальные тоже воображали себя ея избранниками, и добродушно вѣрилъ въ искренность ея задушевныхъ словъ, когда, бывало, маленькая волшебница примется со мной толковать о предметахъ важныхъ—о музыкѣ, литературѣ, своихъ планахъ на будущее, о тревожившихъ ее вопросахъ... И я чистосердечно думалъ, что ея маленькую головку въ самомъ дѣлѣ занимали какіе-то планы и какіе-то вопросы тревожили. Не догадывался я, что все это было мимолетныя причуды, интересовавшія ее день, другой, и ничуть не болѣе, чѣмъ ухаживаніе ловкаго кавалергарда Пѣнскаго, или начинавшаго дипломата, барона Шмеллера. Глупо это было, и даже очень. Но безъ такихъ глупостей, повѣрьте мнѣ, молодость не красна.

Особенно часто говорили мы съ ней о ея братѣ.

— Вы вѣдь очень любите Диму, не правда ли, и очень ему преданы, да?—сказала она мнѣ разъ, усѣвшись со мной въ углу залы, во время перерыва между

танцами.—Знаете, я за него очень безпокоюсь. Да... да... не дѣлайте удивленнаго лица. Кажется, счастливѣе его быть нельзя, а все-таки... Онъ не изъ тѣхъ, которые умѣютъ просто жить и просто быть счастливы. Посмотрите-ка на него теперь вотъ.

Дима въ эту минуту стоялъ въ дверяхъ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Тѣнь будто набѣжала на его лицо.

— И часто съ нимъ такъ бываетъ...—продолжала Зина.

— Помилуйте,—воскликнулъ я:—онъ такой веселый, душа всего нашего товарищескаго кружка...

— Да! И все-таки, едва онъ на минуту уйдетъ въ себя, какъ теперь вотъ, точно облакомъ его прикроетъ. А въ облакахъ, вы знаете, и дождь, и гроза скрываются.

Я посмотрѣлъ на Диму пристальнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя онъ всѣхъ насъ увлекалъ своей заразительной остроумной веселостью, что-то въ немъ было странное, что-то обособлявшее его отъ всей этой шальной, беззаботной гурьбы. И такой стихъ нападалъ на него и среди товарищей, и въ круговоротѣ бала.

— Дима!—вполголоса подозвала его сестра, онъ проходилъ мимо насъ;—пригласи на мазурку Мери! Я знаю, она не танцуетъ.

— Зачѣмъ непремѣнно Мери?—равнодушно повелъ онъ плечами.—А впрочемъ, какъ хочешь, не все ли равно?

— Вы слышите?—шепнула она мнѣ:—„не все равно“? Это вѣдь дурной признакъ... А мнѣ очень хотѣлось, да, очень, очень хотѣлось бы, чтобы Дима влюбился...

— Въ Мери?..—засмѣялся я.

— Да, хотя бы въ нее! Впрочемъ, это все равно.

— Вотъ какъ! Все равно!—продолжалъ я смѣяться.

Княжна Мери Стремнина, очень миловидная шестнадцатилѣтняя блондинка, съ необыкновенно тонкими чертами и нѣжнымъ, черезчуръ даже нѣжнымъ румянцемъ, была живымъ контрастомъ Зины. Благовоспитанная въ совершенствѣ, до того благовоспитанная, что каждое

движеніе, каждый взглядъ ея спокойныхъ и все-таки блестящихъ глазъ, точно просились на полотно.

Она совсѣмъ мнѣ не нравилась. Я подозрѣвалъ, что она слишкомъ увѣрена въ своихъ совершенствахъ и любуется ими сама.

А между тѣмъ, въ будущемъ всѣ ей предрекали блестящій успѣхъ, и головы она могла кружить не хуже Зины, не будь въ ней чего-то слегка пугавшаго молодыхъ людей, какой-то затаенной неприступности, чего-то гордаго, сквозившаго черезъ ея слегка оффиціальную любезность.

Среди товарищей Димы ходилъ слухъ, что ее прочатъ ему въ невѣсты. И Анна Борисовна, кажется, въ самомъ дѣлѣ про это думала,—княжна была очень блестящей партіей.

Но въ обращеніи Димы съ молодой дѣвушкой нельзя было примѣтить и тѣни чего-нибудь похожаго на ухаживаніе.

Они были съ дѣтства знакомы, а дѣтская дружба—извѣстное дѣло—не предрасполагаетъ къ болѣе тревожному чувству. Съ нимъ, впрочемъ, благовоспитанная княжна держалась гораздо вольнѣе и проще, чѣмъ съ другими. Разговаривая съ Димой, она становилась милымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, и въ глазахъ ея свѣтилось тогда что-то доброе, близкое, чего другимъ въ этихъ глазахъ вызывать не удавалось.

Но Дима какъ будто этого не замѣчалъ. И въ тотъ вечеръ, танцуя съ ней мазурку, онъ говорилъ, правда, оживленно и просто, но мнѣ не трудно было замѣтить, глядя на него, что за этимъ оживленіемъ кроется что-то иное, и настоящія его, болѣе глубокія и задушевныя мысли далеко отъ миловидной княжны.

„Онъ не умѣетъ просто жить и просто быть счастливымъ“,—мысленно повторялъ я слова Зины.

И часто потомъ случалось мнѣ замѣчать, что и въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ, гдѣ мы были такъ откровенны другъ съ другомъ, онъ не высказывался

вполнѣ, уходя какъ будто въ свой затаенный міръ, какъ мѣсяцъ по ночамъ скрываетъ отъ земли недоступную ей свою темную сторону.

Разъ, передъ самыми экзаменами, мы засидѣлись у Димы поздно ночью, и поднялся у насъ одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, не приводящихъ ни къ чему, и все-таки своею неразрѣшимостью глубоко волнующихъ молодые умы.

— Помнишь, Сермягинъ,—это былъ тотъ самый знаменитый споръ, который мы чуть-было не подняли опять сегодня. Ты какъ разъ въ то время сблизился съ Кочетовымъ и сталъ у него часто бывать, хотя на вечерахъ у Анны Борисовны ты не показывался.

— Ты говорилъ тогда, какъ сегодня; у тебя вѣдь съ раннихъ лѣтъ была охота вызывать призракъ будущаго жизненнаго горя, словно тебѣ не вѣрилось въ самую возможность полнаго счастья.

— Не вѣрилось и не вѣрится теперь,—сквозь зубы процѣдилъ Сермягинъ.—Да и какое это счастье, когда оно дается людямъ случайно, по капризу, по какой-то нелѣпой протекціи, а сами они себѣ завоевать его не могутъ? Хорошо то только, что можно взять съ бою. А когда однихъ жизнь только пинками награждаетъ, а на другихъ съ неба льется золотой дождь, котораго они и цѣнить не умѣютъ—куда годится это несправедливое, это неравномѣрное счастье? Богъ съ нимъ...

— А помнишь, что отвѣтилъ тогда Кочетовъ: „Счастье, говорилъ онъ,—и съ какимъ жаромъ, съ какою страстью говорилъ,—въ томъ развѣ, чтобы сидѣть за какимъ-то пиромъ, гдѣ передъ тобой полная чаша, отъ которой тебѣ и отвѣдать не хочется, потому что она черезчуръ ужъ полна, а хочется намъ того лишь, чего добиваться надо и чѣмъ намъ вполнѣ утолить свою жажду не даютъ. Вѣдь ни въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ, въ стремленіи, пожалуй даже въ страданіяхъ и есть оно, настоящее счастье, а не въ глупомъ пресыщеніи, отъ котораго одна оскомина остается“...

— Экій вздоръ!—сердито выпалилъ Колтовской.— Значитъ,—лѣзть постоянно въ гору и никогда не долѣзть до самого верху, искать и не находить, работать и вѣчно оставаться неудовлетвореннымъ,—это хорошо? Я на свою жизнь пожаловаться не могу и не плакалъ оттого, что мнѣ давалась удача. Я хорошо помню до сихъ поръ минуты полнаго удовлетворенія.

— Да! Вотъ, напримѣръ,—разсмѣялся я,—когда тебя назначили вице-директоромъ, и ты сталъ получать по семи тысячъ въ годъ, и потомъ, когда тебя въ генералы произвели и первую звѣзду ты свою получилъ, да и вторую тоже. У тебя, я думаю, сладкія мурашки тогда по тѣлу бѣгали, и ты чувствовалъ себя довольнымъ, какъ котенокъ, которому щекочутъ спину. Не таковъ былъ Кочетовъ.—„Благодарю судьбу,—говорилъ онъ въ ту памятную ночь,—что до сихъ поръ мнѣ никогда не приходилось чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, что все дальше, пока я шелъ впередъ, отодвигалась отъ меня желанная цѣль, что есть во мнѣ какая-то жажда неизмѣримаго, недосягаемаго, безконечнаго... Да что мы все про счастье толкуемъ,—точно оно одно для всѣхъ и можетъ кто-нибудь для него дать точный рецептъ! То и хорошо, что оно для каждаго различно и по настоящему никому въ руки не дается, какъ жаръ-птица. Для меня, по крайней мѣрѣ, оно такъ. А поймай я его за хвостъ—голосъ у него вдругъ упалъ—оно перестанетъ быть для меня счастьемъ“!..

Что-то грустное, почти болѣзненное пробѣжала по лицу Кочетова, когда онъ замолкъ. И показалось мнѣ въ эту минуту, что я полюбилъ его больше прежняго. Слушая его всегда сдержанныя рѣчи, видя, какъ онъ владѣетъ собою, я иногда, признаюсь, былъ готовъ обвинить его въ холодности, въ эгоизмѣ. Многіе изъ товарищей его въ этомъ обвиняли. И мнѣ хорошо было сознавать, что въ немъ сидитъ этотъ безпокойный, ненасытный червь, который все гонитъ человѣка впередъ и ничѣмъ не удовлетворяется никогда.

Можетъ быть, Дима за звѣзды хватался,—но тогда только и хороша жизнь, когда надъ нею свѣтитъ что-то далекое, недосягаемое...

— Да что же это?—нетерпѣливо заспорилъ Колтовской:—работа безъ награды, жажда безъ удовлетворенія?

— Успокойся, мой милый, отвѣтилъ я ему:—въ жизни не проигрываютъ никогда тѣ только, кто, подобно мнѣ, совсѣмъ не участвуетъ въ игрѣ и со стороны развѣ глядитъ на чужую жизнь, или кто осторожно расчитываетъ каждый ударъ и понемногу, навѣрняка, удвоиваетъ ставки. Незавидная это доля, повѣрь мнѣ! Горе это, по большей части, печать незаурядности... Своихъ избранниковъ судьба отмѣчаетъ роковымъ знакомъ...

— Спасибо за такую привилегію!—кисловато замѣтилъ Колтовской.

Я пропустилъ эти слова безъ отвѣта и продолжалъ.

— Вотъ Кочетовъ, напримѣръ,—жизнь передъ нимъ растилалась скатертью. Стоило захотѣть,—и съ его способностями, при его связахъ, карьера ему далась бы какъ нельзя проще, а затѣмъ и блестящая женитьба и такъ называемое положеніе въ обществѣ... Чего же лучше, казалось бы? А Кочетовъ даже на службу поступить не захотѣлъ, какъ разъ потому, что все ему давалось такъ легко.—„Воспользоваться тѣмъ, говорилъ онъ, что разныя тетушки мнѣ ворожить будутъ, и мѣсто занять повиднѣе, то-есть, другими словами, обманывать родину, потому что я вѣдь ничего не могу принести ей своего, ни опыта, ни знанія жизни—слуга покорный!.. Помоему, это подло... А впрочемъ, можетъ быть и нѣтъ... Другіе вѣдь такъ дѣлаютъ... Не по вкусу оно мнѣ—и баста! Да и свобода мнѣ дорога и не промѣняю я ее ни на что. Вотъ какъ нагляжусь на Божій міръ, наберусь впечатлѣній и почувствую, что у меня есть что-то свое на душѣ, тогда пожалуй, стану лямку тянуть. А пока нѣтъ! Слишкомъ хороша жизнь,

слишкомъ много въ ней неизвѣданнаго, чтобъ я добровольно отрекся отъ величайшаго наслажденія—будить въ себѣ творческую силу зрѣлищемъ жизни... Я вѣдь хорошенько еще и не знаю, что во мнѣ проснется когда-нибудь. А что-нибудь да проснется, въ этомъ я увѣренъ. И губить это за канцелярскимъ столомъ и писать никому ненужныя бумаги—ни за что"!..

Кое-кто изъ товарищей надъ нимъ посмѣивался исподтишка. И были это какъ разъ тѣ самые, которые обвиняли его въ эгоизмѣ. Имъ страннымъ казалось, что Кочетовъ не думалъ воспользоваться козырями, которыхъ у него рука была полна. Да поди вотъ! Такъ думали про себя какъ разъ тѣ изъ насъ, которые были всѣхъ болѣе падки на трескучія фразы, и Диму укоряли за то, что такихъ фразъ онъ не отпускалъ никогда. Вотъ одному изъ этихъ молодчиковъ и пришлось разъ упрекнуть Кочетова въ холодности: „ты, молъ, отстаешь отъ прочихъ, не сочувствуешь великимъ идеямъ"... и пошелъ, и пошелъ... А Кочетовъ слушалъ молча, и ни одинъ мускулъ на его лицѣ не дрогнулъ.

— Кончилъ? — спросилъ онъ только, когда тотъ охрипъ отъ своего ораторства. — Ну, теперь вотъ что я тебѣ скажу,—и теперь дослушай тоже! Ты думаешь, я не знаю, сколько на свѣтѣ горя и нищеты, и не желалъ бы этому помочь? Знаю, можетъ быть, лучше твоего. Только, видишь, мой милый,—изъ того, что существуетъ болѣзнь, еще не слѣдуетъ, будто пригодно для нея каждое лекарство. Вамъ все какія-то медовыя рѣки мерещутся, по берегамъ которыхъ будетъ сытно пастись грядущее человѣчество. Да, именно пастись! Вы все сводите на желудокъ и не замѣчаете, что у откормленнаго стада нѣтъ ни воли, ни охоты работать, и ужъ, конечно, нѣтъ чувства собственнаго достоинства. Слишкомъ уже дорогой цѣной надо платить за такое благополучіе. Нѣтъ, наша судьба — и слава Богу, что она такова — вѣчно стремиться къ недостижимой цѣли. И остановись мы когда-нибудь, скажи себѣ, что цѣль до-

стигнута—кончено! Убито въ насъ и стремленіе впередъ, и сила работать. И вотъ тебѣ примѣръ. Представь себѣ, что десятку школьниковъ посулили какой-нибудь подарокъ, который повѣсили на высокую мачту, и достанется этотъ подарокъ тому, кто вскарабкается раньше всѣхъ. Вотъ теперешнее общество! Ну, а какъ ты думаешь,—еслибы мачта была не одна, а цѣлыхъ десять и на каждой по подарку, и къ тому же подарки неважные, дешевенькіе,—стали бы школьники выбиваться изъ силъ, чтобы вскарабкаться до верху?

Никто не нашелся отвѣтить.

VI.

Экзамены были окончены. Жизнь широко раскрывалась передъ нами, черезчуръ даже широко; многіе хорошенько не знали, на какую дорогу имъ вступить. Что меня касается, я давно мечталъ о профессурѣ, хоть и хранилъ это про себя, боясь насмѣшекъ товарищей. Профессура и я—это, не правда ли, плохо вяжется? А все-таки я долго носился съ этой мыслью и привелъ бы ее, пожалуй, въ исполненіе, — не потеряй я тогда отца. Приходилось заняться такъ-называемыми дѣлами, къ которымъ я былъ, разумѣется, еще менѣе подготовленъ, чѣмъ къ каѳедрѣ. Вотъ вамъ и примѣръ, какъ по-своему распоряжается нами жизнь. Я долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга и болѣе года не видался съ Кочетовымъ.

Признаюсь, была у меня и другая причина убраться подальше отъ береговъ Невы.

Мой крошечный романъ съ Зиной окончился нелестнымъ для меня образомъ. Въ одинъ прекрасный день Зина просто такъ-таки перестала обращать на меня вниманіе. Наши задушевныя бесѣды прекратились. Я получалъ одни сухіе, короткіе отвѣты на мои неоднократныя попытки возобновить оборвавшуюся близость.

Да, она оборвалась, эта близость, до того безпричинно и неожиданно, что не оставалось даже нити, за которую можно было бы ухватиться.

Я попробовалъ разъ спросить, что вызвало случившуюся перемѣну, и удивленно-холодный взглядъ ея широко раскрывшихся глазъ и какое-то неподвижно-каменное выраженіе на стиснутыхъ губкахъ были единственнымъ отвѣтомъ. А когда прочтешь такое выраженіе на любимомъ лицѣ, надо сказать себѣ, что все кончено, и никому бы я не совѣтовалъ въ такомъ случаѣ настаивать.

Я думаю, каменное выраженіе смѣнилось насмѣшливымъ, когда я отвернулся... А впрочемъ, можетъ быть и нѣтъ. Ей было даже не до насмѣшекъ.

Какъ видите, очень глупая вышла развязка. А, признаюсь, выстрадалъ я тогда много, или по крайней мѣрѣ, воображалъ, что страдаю.

Странно это, не правда ли, — когда пройдутъ годы, оглядываться назадъ на минувшее разочарованіе, казавшееся прежде такимъ безутѣшнымъ... И знаете, о чемъ всего болѣе сожалѣешь въ такія минуты — о самомъ этомъ прошломъ страданіи, отъ котораго одно только осталось—какое-то чуть-чуть тоскливое и въ то же время какъ бы неловкое воспоминаніе... Сожалѣешь потому, что въ сущности такъ мало слѣдовъ оставило послѣ себя минувшее горе...

Ну, да не въ этомъ дѣло. Я вѣдь не о себѣ вамъ собирался разсказывать...

Слишкомъ годъ, стало быть, я не видался съ Димой. Слухи только до меня доходили, что онъ ѣздилъ за границу и въ нѣмецкомъ университетѣ побывалъ, а потомъ на Востокѣ гдѣ-то путешествовалъ, чтобы лицомъ къ лицу увидать настоящій, занесенный наполовину пескомъ древній міръ. Точныхъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ я не имѣю. Разъ только въ мое захолустье пришло отъ него письмо, все дышавшее священнымъ восторгомъ передъ красотой античнаго міра. Написано оно

было изъ Аѳинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Парѳенона. Какое-то строгое, почти религіозное восхищеніе говорило въ каждой строкѣ. Это былъ не скоро преходящій энтузіазмъ заѣзжаго дилетанта; въ словахъ Димы чувствовалось вѣяніе неувядаемой великой красоты древности, которую постичь можетъ тотъ лишь, кому истинно дорого искусство.

— Я живо помню,—перебилъ меня Сермягинъ,— какъ мы прощались съ Димой передъ его отъѣздомъ. Онъ былъ полонъ широкихъ плановъ, собирался древнее искусство изучать, сперва на профессорскихъ лекціяхъ, а потомъ, какъ онъ говорилъ, въ самое нутро древняго міра окунуться. Онъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ стариннымъ памятникамъ. Только его тянуло не къ рукописямъ, какъ Петра Сергѣевича, а къ высѣченнымъ изъ камня свидѣтелямъ старины. Онъ часто говорилъ, что мы въ сущности древняго міра не знаемъ совсѣмъ, хоть и увѣряемъ себя, что мы его прямыя дѣти.

Про службу онъ и слышать не хотѣлъ, и для вида только, чтобы не огорчить матери, зачислился въ одно изъ министерствъ.

— „Я тоже хочу служить родинѣ,—говорилъ онъ иногда съ обычною своей спокойною улыбкой,—только не за канцелярскимъ столомъ“.

Кочетовъ твердо вѣрилъ, что изъ него выйдетъ художникъ. И когда онъ вернулся, я тотчасъ замѣтилъ, что онъ былъ не совсѣмъ доволенъ собой. Но разочарованіе высказывалось у него совсѣмъ не такъ, какъ у прочихъ. Онъ не хныкалъ, не нянчился съ своими иллюзіями, и не баловалъ себя тоже. А прямо убѣдившись, что настоящаго, крупнаго, самостоятельнаго таланта въ немъ нѣтъ, мужественно отбросилъ несбывшуюся мечту.—„Посредственность для художника, сказалъ онъ не разъ это самая жалкая, самая презрѣнная доля. Сознавать, что нельзя дорости до своего идеала, и на этомъ успокоиться, это значитъ не уважать себя

и жизнь свою обречь на пустое дѣло. Нѣтъ, самая скучная прозаическая работа въ тысячу разъ лучше такого дрянненькаго творчества".

Отецъ ему тогда поручилъ объѣздить имѣнія, признаваясь, что управлялъ ими всегда плохо, а теперь, подъ старость, и совсѣмъ запустилъ.

И Дима поѣхалъ, готовый всецѣло посвятить себя новому роду занятій и, если нужно, надолго зарыться въ провинціи. И дѣлалъ онъ это совсѣмъ просто, сознавая свою неподготовленность и твердо рѣшившись приняться за ученіе съ самыхъ азовъ...

— Тутъ-то,—заговорилъ я опять — мы съ нимъ и встрѣтились. Случилось это вотъ какъ.

Я спускался по Волгѣ отъ Нижняго къ Самарѣ. Былъ конецъ августа, но дни стояли чудные, прозрачные и теплые, а ночи... такихъ глубокихъ, торжественно прекрасныхъ ночей я съ тѣхъ поръ, кажется, на нашемъ сѣверѣ не видалъ. Точно подъ сводами храма чувствовалъ я себя, и какое-то благоговѣніе на меня навѣвало это усѣянное звѣздами безмолвное небо, такъ чудно отражавшееся въ безмолвной огромной рѣкѣ. И полный мѣсяцъ, широкимъ столбомъ пересѣкавшій водную гладь, точно серебромъ сыпалъ изъ-подъ колесъ парохода. А справа мрачныя и угрюмыя, даже при лунномъ блескѣ, безконечною стѣной тянулись Жигули. На какой-то пристани, ниже Симбирска—дѣло шло къ полуночи—одинокій пассажиръ вошелъ на пароходъ.

Я сперва его не узналъ. Онъ стоялъ повернувшись ко мнѣ спиной и долго смотрѣлъ въ сторону уходившей отъ насъ пристани. Наконецъ онъ оглянулся—и радостное восклицаніе разомъ вырвалось у насъ обоихъ. Я бросился впередъ къ Димѣ, но онъ уже предупредилъ меня и крѣпко обнялъ.

Онъ сильно измѣнился, возмужалъ, загорѣлъ, и черты его приняли совсѣмъ даже не по лѣтамъ твердое, законченное выраженіе. Онъ казался многимъ старше меня. Видно, не мало впечатлѣній успѣло наслоиться

на его душѣ съ тѣхъ поръ, какъ почти еще мальчикомъ онъ оставилъ университетъ. Только въ глазахъ молодой огонь искрился по прежнему, когда что-нибудь захватывало за живое. И не потерялъ онъ способности увлекаться и негодовать тоже—въ этомъ я могъ убѣдиться, проговоривъ съ нимъ полчаса.

— Да, милый мой,—сказалъ онъ между прочимъ,—что за непочатый уголъ для насъ, петербуржцевъ, матушка-Россія, что за ворохъ и безобразнаго, и добраго, въ ней кроется. И все это перепутано вмѣстѣ, а главное,—все это незнакомо намъ, страшно, страшно незнакомо...

Самому себѣ онъ, не обинуясь, безъ всякой рисовки и безъ ложнаго стыда, тоже выдалъ аттестатъ въ полномъ незнаніи Россіи.

— Теперь только я понялъ,—признавался онъ,—какъ далека наша школа отъ настоящей жизни. Тамъ, въ университетѣ, мы горы съ мѣста сдвигали, и все намъ бывало ни по чемъ—и прошлое нашей родины, и ея настоящее—а на самомъ дѣлѣ вся наша наука въ тупикъ становится передъ самой маленькой задачей деревенской жизни, и любой, самый лядащій мужиченко, нашего брата проведетъ. Нелестно это для самолюбія: да что дѣлать,—надо сознаваться! Жизнь вѣдь не справляется, подготовлены ли мы къ ея запросамъ... И со вкусами нашими не справляется тоже... Вотъ я, напримѣръ,—съ дѣтскихъ лѣтъ я чувствовалъ призваніе къ искусству и хотѣлъ ему отдаться весь, хоть и не зналъ даже хорошенько, есть ли у меня настоящій, крупный талантъ. А теперь приходится это баловство бросить... На время, по крайней мѣрѣ... Больной отецъ требуетъ, чтобы я занялся дѣлами. И онъ имѣетъ право этого требовать. Да и крупный художникъ изъ меня все-таки не выйдетъ. А отворачиваться отъ заурядныхъ, сухихъ задачъ дѣйствительности можетъ тотъ только, въ комъ сидитъ настоящій, великій талантъ. И я сказалъ себѣ это прямо, не колеблясь. Но ломать себя я не хочу...

Мы просидѣли съ нимъ на палубѣ до утра, любуясь, какъ медленно протекала тихая ночь надъ тихой и медленной рѣкой. О многомъ мы переговорили, и кучу впечатлѣній онъ мнѣ передалъ. Онъ чувствовалъ приливъ искренняго желанія посвятить себя не семьѣ только, но и родинѣ, и пойти, какъ онъ говорилъ, на выучку въ деревню. Порой только вырывалось у него невольное восклицаніе, ясно говорившее, что къ деревнѣ этой сердце у него не лежитъ. Его глазъ требовалъ законченнаго изящества формы, и расплывчатая краса русской природы его удовлетворить не могла.

— А вѣдь хороша эта ночь, Дима. Не хуже, пожалуй, итальянской. И чудесна эта широкая рѣка, по которой звѣзды, точно искрами, сыплютъ. Мощь въ этомъ есть—и раздолье...

Улыбка чуть-чуть обрисовалась на губахъ Димы.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше не сравнивай! — сказалъ онъ. — Все это хорошо, положимъ, а главное — наше родное, и оттого намъ дорого. Вѣдь родину мы любимъ не изъ-за красоты ея... Только не требуй отъ нея того, чего она дать не въ силахъ. Мы сѣрый народъ, и въ сѣрой странѣ должны трудиться, такъ нечего баловать свое воображеніе чужими образами...

Дима замолкъ, опустивъ слегка голову. Онъ ушелъ словно въ иной, далекій міръ, и въ глазахъ его будто отражались дорогія картины. Что-то мягкое свѣтилось въ этихъ глазахъ, какой-то отблескъ счастливыхъ воспоминаній.

— Я совсѣмъ примирился съ мыслью здѣсь поселиться, можетъ быть на долго,—заговорилъ онъ опять, кладя мнѣ руку на плечо.— И сдѣлалъ я это безъ всякаго сожалѣнія... тѣмъ болѣе... — Кочетовъ не договорилъ. Онъ словно колебался, досказать ли просившееся на его губы признаніе.—Я буду здѣсь жить, вѣроятно, не одинъ,—началъ онъ снова, сперва долго всматриваясь въ меня своими мягко-блестѣвшими глазами.

— Ты думаешь жениться? — воскликнулъ я, живо протягивая ему обѣ руки.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ онъ весело. —Не торопись поздравлять, ничего еще не рѣшено... Ты помнишь Мери Стремнину?

— Княжну Мери? Эту стройную маленькую блондинку, съ выраженіемъ изящной надменности на лицѣ.

Кочетовъ тихо наклонилъ голову.

— Эта изящная надменность, какъ ты говоришь, не мѣшаетъ ей чувствовать глубоко и многое понимать, что недоступно большинству дѣвушекъ ея лѣтъ. Я ея не зналъ вовсе, хотя былъ съ нею знакомъ съ самаго дѣтства, и можетъ быть какъ разъ поэтому. Въ ту зиму, когда я уѣхалъ за границу, ровно полтора года назадъ, ея не было въ Петербургѣ. Я, ты знаешь, сперва прослушалъ семестръ въ Берлинѣ, а потомъ лѣтомъ пустился странствовать. Іюль и августъ я провелъ въ Австріи и изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ. Попалъ я случайно, этому будетъ ровно годъ, въ одно изъ тамошнихъ прелестныхъ горныхъ мѣстечекъ, которыхъ не успѣли еще опошлить туристы. Въ самый день моего пріѣзда давалъ тамъ концертъ подъ открытымъ небомъ пріѣзжій изъ Вѣны хоръ. Ты не можешь себѣ представить, что это было за очарованіе. Ночь, какъ вотъ эта, но еще лучше, можетъ быть,—надъ головой звѣздная синева... и это восхитительное нѣмецкое хоровое пѣніе, гдѣ каждый участникъ — природный музыкантъ. И публика, толпившаяся въ открытомъ амфитеатрѣ, хотя это большей частью были добродушные нѣмецкіе бюргеры — что у нея за пониманіе музыки! Съ какимъ благоговѣйнымъ молчаніемъ она слушаетъ и какъ наэлектризована она пѣніемъ!

Кончили послѣдній нумеръ. Это была извѣстная пьеса: „O, Nacht, du, heilige, Nacht!..“—къ которой такъ шла прозрачная полутьма тихой ночи. Мнѣ казалось, что долго еще въ воздухѣ дрожалъ послѣдній аккордъ, и я оставался на мѣстѣ очарованный, пока всѣ спѣ-

шили къ выходу. Меня подхватила и понесла съ собой людская волна. И вдругъ изъ этой толпы раздался знакомый голосъ:

— „Monsieur Кочетовъ! venez à notre secour!"

Это была княгиня Стремнина съ дочерью.

Услыхать французскую рѣчь, встрѣтиться съ княгиней Ольгой Всеволодовной въ захолустномъ австрійскомъ городкѣ, это было совсѣмъ неожиданно. Я подалъ ей руку и провелъ обѣихъ дамъ къ выходу безъ особаго затрудненія. Австрійская толпа вѣжлива даже при давкѣ.

— Вотъ ужъ, признаюсь, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить, княгиня!—началъ я.

— Отчего не ожидали? Vous savez, je n'aime point les chemins battus! Я люблю открывать незнакомыя мѣста. Интересно только новое... И у Мери такой же вкусъ...

— А вы давно пріѣхали?—обратился я къ княжнѣ, теперь только, при слабомъ мерцаніи звѣздъ, разглядѣвъ ее хорошенько.

Княжна за полтора года, что мы не видались, измѣнилась такъ какъ могутъ измѣняться только подростающія дѣвушки.

Когда мы выдѣлись въ послѣдній разъ, она была еще ребенкомъ, у котораго не успѣли сложиться ни мысли, ни выраженіе лица. Теперь этотъ ребенокъ превратился въ стройную дѣвушку, у которой все — и наружность, и черты, и самая рѣчь—приняли что-то прелестно законченное въ своей гибкой и свободной простотѣ. Именно свобода, самостоятельность, чувствовались и въ каждомъ ея движеніи, и въ томъ, что она говорила. Ничего заученнаго, условнаго... Воспитаніе только отшлифовало ея природныя качества, не давя ее отпечаткомъ искусственности. Это я почувствовалъ сразу, съ первыхъ же сказанныхъ ею словъ. Въ самомъ звукѣ ея голоса непринужденная прелесть. И странное дѣло, эта непринужденность передалась и ея матери.

Чопорная княгиня Стремнина, которой въ свѣтѣ многіе боятся, становилась здѣсь просто милою женщиной, милою — какъ разъ благодаря своей оригинальности.

— Мы пріѣхади вчера,—отвѣтила княжна.—И намъ такъ нравится здѣсь, что мы останемся, вѣроятно, дня три.

Мы долго гуляли втроемъ по берегу озера, надъ которымъ по склону горы тянулось мѣстечко. Всѣ давно разошлись по домамъ, а мы не могли оторваться отъ дивной картины окаймляющихъ озеро горъ, очертанія которыхъ чуть-чуть лишь вырисовывались въ мягкой полутьмѣ. Было далеко за полночь, когда мы разстались, разстались какъ старинные, искренніе друзья. И слѣдующіе дни насъ сблизили еще болѣе.

Мы поднимались вверхъ по узкимъ, довольно первобытнымъ тропинкамъ, и я диву давался, какъ это княгиня Стремнина, которая въ Петербургѣ, кажется, никогда по улицамъ пѣшкомъ не ходитъ, здѣсь обнаруживала такую охоту лазить по горамъ; иногда, впрочемъ, она утомлялась, и затѣмъ уже предоставляла намъ съ Мери вдвоемъ карабкаться выше. Мы пользовались этимъ охотно. И невыразимое удовольствіе мнѣ доставляло видѣть эту воспитанную для свѣта дѣвушку, такъ ловко и свободно поднимающуюся по крутымъ склонамъ и такъ очевидно счастливую въ этой обстановкѣ, полной свободы, съ такою радостью дышавшую свѣжимъ воздухомъ Альпъ. Конечно, за эти три дня я ее узналъ гораздо больше, чѣмъ за всѣ прежніе годы нашего знакомства. Смѣсь легкаго изящества въ станѣ и поступи съ чѣмъ-то рѣшительнымъ и откровеннымъ по-мужскому придавала особую, совсѣмъ не заурядную прелесть этой дѣвушкѣ, которая многимъ, быть можетъ, казалась тепличнымъ цвѣткомъ. Разъ княгиня упомянула вскользь, что въ сентябрѣ поѣдетъ въ Италію.

— Я хочу Венецію и Римъ показать Мери. Лучше этого ничего нѣтъ. Пусть она передъ началомъ этой

нелѣпой свѣтской петербургской жизни наберется сильныхъ впечатлѣній. Съ искусствомъ надо знакомиться рано. Оно лучше всего иного заканчиваетъ воспитаніе. Какъ вы объ этомъ думаете?

Я, разумѣется, поспѣшилъ согласиться съ княгиней, рѣшивъ про себя, что непремѣнно встрѣчусь опять съ Стремниными въ Италіи.

Такъ оно и случилось. Въ концѣ сентября я спустился туда черезъ Тироль, собираясь заглянуть сперва на Гардское озеро. И судьба устроила такъ, что на пароходѣ, съ которымъ я поѣхалъ, я опять неожиданно встрѣтилъ княгиню и Мери. И эта неожиданность придала нашей встрѣчѣ что-то незаурядно милое. Поѣздка эта оставила во мнѣ особенно живое воспоминаніе. Я не могъ налюбоваться, съ какою художественной тонкостью Мери наслаждалась видами озера, гдѣ дикія крутизны обнаженныхъ скалистыхъ горъ такъ близко подходятъ къ мягкимъ, улыбающимся очертаніямъ виноградниковъ и садовъ.

Остановившись на день въ Веронѣ, мы вмѣстѣ поѣхали въ Венецію и, пробывъ тамъ недѣли двѣ, продолжали путь далѣе. Княгиня часто отпускала насъ вдвоемъ странствовать по церквамъ и музеямъ. И чуткая къ красотамъ природы, Мери съ тою же изящною вѣрностью умѣла цѣнить произведенія искусства. Прирожденное чутье ей подсказываетъ, должно быть то, что другимъ дается только путемъ долгаго изученія. И ты не можешь себѣ представить, что за наслажденіе было для меня, знавшаго уже Римъ и Венецію, дѣлиться моей наукой съ непосредственно свѣжей впечатлительностью Мери.

Это были по-истинѣ очарованные дни. Жаль только, что кончились они такъ скоро. Княгиня собиралась на зиму въ Петербургъ и дорогою туда хотѣла заѣхать въ Парижъ.

Я простился съ нею, въ ожиданіи увидѣться снова, черезъ какихъ-нибудь полтора мѣсяца, и поѣхалъ на

Востокъ. И тамъ, среди величественныхъ громадъ египетскихъ памятниковъ, или въ безконечномъ просторѣ сирійской пустыни, въ моихъ ушахъ все еще звучалъ чарующій, молодой голосъ, и нѣжныя юныя черты будто глядѣли на меня съ своей тонкой улыбкой.

— Прошлую зиму ты, стало быть, провелъ въ Петербургѣ?—спросилъ я, перебивая Диму.

— Да, и представь себѣ, велъ самую безобразную свѣтскую жизнь. И все-таки не стыжусь этого, потому что вся эта шумная кутерьма была лишь рамкой, среди которой я видѣлъ одно только прелестное, дорогое существо...

Дима замолкъ.

— И стало быть,—перебилъ я снова,—свадьба твоя рѣшена?

— И да, и нѣтъ...

Счастливая улыбка заиграла на губахъ Кочетова.

— Рѣшающаго слова не было сказано — она слишкомъ молода еще. Но мы оба знаемъ, что принадлежимъ другъ другу. Развѣ этого не довольно?

И Дима вдругъ стремительно меня обнялъ..

— Да, ты и представить себѣ не можешь, какъ я безобразно, какъ я глупо счастливъ!

Бѣдный малый и не подозрѣвалъ, что ожидало его черезъ нѣсколько часовъ. Едва мы въ полдень подъѣхали къ Самарѣ, на пристани къ нему подошелъ очевидно поджидавшій его человѣкъ и подалъ телеграмму. Кочетовъ, продолжая весело болтать со мной, разорвалъ конвертъ и поблѣднѣлъ, прочитавъ содержаніе.

— Вельскій,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подавая мнѣ депешу:—прочти и ты... Это ужасно... такъ быстро, такъ неожиданно!.. Отецъ скончался... Мать телеграфируетъ изъ Москвы...

Слезы навернулись у него на глазахъ.

Я тотчасъ предложилъ ему поѣхать съ нимъ на похороны Петра Сергѣевича. И Дима поблагодарилъ меня нѣмымъ, горячимъ пожатіемъ руки.

VII.

Петръ Сергѣевичъ лѣто провелъ въ своей подмосковной. Врачи посылали его за границу, но онъ ихъ не послушался, махнувъ рукой на свое здоровье и предвидя близкій конецъ. Почувствовавъ себя хуже, онъ поѣхалъ въ Москву посовѣтоваться съ медицинскою знаменитостью. Но приглашенный къ нему профессоръ успѣлъ только признать безнадежность положенія и получилъ за то радужную. Передъ самымъ концомъ Петръ Сергѣевичъ подозвалъ жену и сказалъ ей слабѣвшимъ голосомъ:

— Анна... я все собирался написать духовную и оставить все тебѣ въ пожизненное... да вотъ не успѣлъ... извини... Впрочемъ, Дима, я думаю, самъ...—Помолчавъ немного, онъ нѣсколько разъ произнесъ, вздыхая:— Бѣдный, бѣдный Дима!..

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить — такъ и осталось тайной. Можетъ быть, кто знаетъ, предчувствіе будущаго пронеслось передъ его потухающею мыслью.

Анна Борисовна, хоть и не любила мужа, была сильно поражена. Что-то неопредѣленно-мучительное, что-то похожее на укоръ совѣсти сжало ей сердце. Всѣ нужныя распоряженія она сдѣлала, однако, съ удивительнымъ присутствіемъ духа. Телеграммы были посланы въ нѣсколько пунктовъ, чтобы захватить Диму въ пути.

Въ деревню она послала нарочнаго за дочерью, и Зину успѣли привезти во-время.

Вся дрожа отъ волненія, заливаясь истерическими слезами, она стояла на колѣняхъ передъ кроватью умирающаго и блѣдными губами цѣловала его руку, тщетно силившуюся ее перекрестить. И въ ней тоже совѣсть заговорила, и, какъ всегда, она страстно, неудержимо отдалась своему горю. Это было, правда, очень кратковременное горе. Но въ первыя минуты дѣвушка искренно

чувствовала, что ее постигла непоправимая утрата. И цѣлые часы потомъ Зина не отходила отъ покойника, читая вслухъ молитвы. Нервы ея были возбуждены до крайности, воспаленные глаза широко раскрыты. Усталости она не чувствовала. Но потомъ вдругъ съ ней опять сдѣлался истерическій припадокъ, и громкія рыданія долго не стихали.

Несмотря на время года и на то, что смерть постигла Петра Сергѣевича въ чужомъ городѣ, на похороны съѣхалось много знакомыхъ. Хоть и велъ онъ затворническую жизнь и занятія его были не громкія, отецъ Димы пользовался большой извѣстностью. Въ числѣ прибывшихъ была и княгиня Тургайская, получившая извѣстіе о смерти въ своей тульской деревнѣ. Никто лучше ея не умѣлъ выразить сочувствіе и успокоить незаурядными словами утѣшенія. Каковы были настоящія вѣрованія княгини, не зналъ хорошенько никто, въ томъ числѣ и она сама.

Но выбрать изъ священнаго писанія подходящее изреченіе и своимъ удивительно красивымъ голосомъ напомнить о необходимости съ покорностью и довѣріемъ преклониться передъ всевышней волей княгиня могла не хуже самой ревностной христіанки. Она догадалась сразу, что всего искреннѣе и глубже чувствуетъ Дима, что хотя его горе не выражается громко, но глубоко потрясло его сердце. Дима пріѣхалъ наканунѣ похоронъ. Дрожь прошла по всему его тѣлу, когда онъ взбѣгалъ по ступенямъ лѣстницы въ домѣ Варгина, гдѣ остановился Петръ Сергѣевичъ. Было какъ-то особенно тяжело въ послѣдній разъ увидать дорогого покойника среди этой чужой, холодной обстановки меблированныхъ комнатъ, столько разъ видавшихъ зрѣлище людскихъ радостей и людского горя.

Анна Борисовна долго обнимала сына, склонивъ къ нему на грудь заплаканное лицо. Она была необыкновенно красива въ эту минуту. Потомъ бросилась къ нему и Зина, стремительно и бурно, какъ всегда.

А у него только вздрагивало немного лицо. Глаза оставались сухими. И, быть можетъ, кое-кто изъ присутствующихъ осудилъ его мысленно за кажущееся безучастіе, совсѣмъ и не подозрѣвая, какъ тяжело отозвалась на немъ кончина отца, съ которымъ не привелось ему и проститься. Весь остальной міръ словно пересталъ для него существовать въ эту минуту. Даже когда Анна Борисовна передала ему только-что полученную телеграмму княгини Стремниной, онъ пробѣжалъ ее разсѣяннымъ взглядомъ. А княгиня намѣренно упомянула, что за участіе въ семейномъ горѣ Кочетовыхъ принимаетъ ея Мери. Но и это дорогое имя не вывело его теперь изъ оцепѣнѣнія. И когда, въ самый день похоронъ, Анна Борисовна напомнила сыну, что теперь за нимъ очередь распоряжаться, что онъ глава семьи, лицо Димы перекосилось отъ боли, и онъ могъ только отвѣтить, какъ бы отстраняя самый вопросъ объ этомъ.

— Послѣ... послѣ... успѣемъ... Теперь намъ всѣмъ не до этого... Пусть все остается по старому. Не я... ты—глава семьи... все твое, разумѣется...

Мнѣ померещилось, что, услыхавъ эти слова, Анна Борисовна всмотрѣлась въ сына съ особымъ пристальнымъ вниманіемъ.

— Ну, хорошо, пусть будетъ по-твоему, — сказала она, отирая слезы:—поговоримъ объ этомъ послѣ.

Это „послѣ", однако, наступило очень скоро. Неумолимая дѣйствительность, равнодушная къ людскому горю, сторожила Диму съ цѣлой кучей безотлагательныхъ хлопотъ, мелкихъ и крупныхъ вопросовъ, ожидавшихъ немедленнаго разрѣшенія.

Надо было совершить рядъ докучливыхъ законныхъ формальностей, просмотрѣть бумаги, распорядиться на счетъ ближайшаго будущаго.

Петра Сергѣевича послѣ отпѣванія отвезли въ деревню. И едва гробъ опустили въ землю, семья покойнаго была вынуждена оторваться отъ дорогой могилы

и подумать о будущемъ. Рѣшено было, что на другой же день Анна Борисовна съ сыномъ и дочерью переѣдутъ въ Петербургъ, чтобы тамъ разобраться съ дѣлами, о положеніи которыхъ никто въ семьѣ не имѣлъ точнаго понятія.

И дѣла эти, какъ я узналъ послѣ, оказались очень запутанными. Несмотря на скромные вкусы Петра Сергѣевича, много лѣтъ сряду Кочетовы жили не по средствамъ, и Анна Борисовна, распоряжавшаяся всѣмъ, не давала себѣ труда подумать, откуда берутся деньги. А Петръ Сергѣевичъ, весь ушедшій въ свои ученыя занятія, съ какою-то равнодушною покорностью закладывалъ одно имѣніе за другимъ, чтобы удовлетворить вкусамъ жены. И теперь, едва окунулся Дима въ ворохъ обступившихъ его затрудненій, неожиданные долги выростали одинъ за другимъ, грозя подавить своей тяжестью крупное состояніе Кочетовыхъ. До самой смерти отца, Дима совсѣмъ былъ въ сторонѣ отъ денежныхъ вопросовъ. И почти извиняясь передъ матерью за сдѣланное неожиданное открытіе, точно на немъ лежала какая-то вина, онъ бережно сказалъ ей, что имъ придется совершенно измѣнить привычный родъ жизни.

Про все это я узналъ послѣ отъ самого Димы.

— Я, разумѣется, постараюсь, — повторялъ онъ нѣсколько разъ Аннѣ Борисовнѣ:—чтобы ты почувствовала это какъ можно меньше. Но все-таки, я думаю, придется ограничить себя во многомъ...

Анна Борисовна приняла это извѣстіе съ поразительнымъ спокойствіемъ. Ей казалось невозможнымъ, чтобы въ ея привычномъ образѣ жизни можно было что-нибудь измѣнить. Эта умная женщина и не подозрѣвала, какой роскошью она была окружена. И говоря сыну, что вполнѣ довѣряетъ ему, что готова на какія угодно лишенія, она въ то же время почти съ упрямствомъ ребенка, не хотѣла понять, въ чемъ эти лишенія должны заключаться. Въ общемъ она была согласна

на все, а въ частности давала понять Димѣ, что для нея совсѣмъ немыслимо жить при иной обстановкѣ.

— Ты знаешь, кстати,—всматриваясь въ него, сказала Анна Борисовна:—каковы были послѣднія слова твоего отца? Я съ тобой про это еще не говорила... умирая, онъ просилъ у меня прощенія за то...

И Анна Борисовна передала сыну предсмертныя слова мужа.

— Конечно, это не имѣетъ никакой законной силы,—добавила она какъ бы равнодушно.

— Какъ можешь ты говорить о какой-то законной силѣ?—горячо перебилъ ее Дима.—Да если-бы отецъ этого и не сказалъ, я бы самъ не допустилъ, чтобы между нами могли возникнуть какіе-нибудь вопросы о наслѣдствѣ. Прежде всего надо, чтобы ты и Зина тоже никогда не ощущали нужды. Я буду твоимъ управляющимъ — вотъ и все. И постараюсь, насколько могу, понравить дѣла.

Дима, говоря это, бодро глядѣлъ на будущее. Мысль о деньгахъ была такъ далека отъ него, что онъ безъ малѣйшаго колебанія, не задумываясь, отдалъ матери все отцовское наслѣдство. Это было не простое безкорыстіе, а полное равнодушіе къ денежнымъ вопросамъ. Быть можетъ, въ этомъ сказывалось рѣдкое въ его года, почти ребяческое, непониманіе жизни. Но упрекнуть его за это я не рѣшаюсь.

Молодость его прошла среди такой исключительной обстановки и такъ привыкъ онъ вращаться въ чистой сферѣ умственныхъ интересовъ, что матеріальныя заботы были для него чѣмъ-то совершенно чужимъ и незнакомымъ. Онъ еще не предвидѣлъ, что за тяжелую обузу на себя принимаетъ. Довѣрчивый къ людямъ, онъ ни въ комъ не подозрѣвалъ корыстныхъ побужденій, и, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, взялся за непривычное дѣло управленія.

Какъ ни тяжело ему было разставаться съ родными, какъ разъ теперь, онъ рѣшился провести зиму въ де-

ревнѣ и на дѣлѣ выполнить свое обѣщаніе—быть управляющимъ матери.

Задача оказалась не легкою. Долголѣтнее безучастіе Петра Сергѣевича къ дѣламъ слишкомъ ужъ избаловало всѣхъ служащихъ въ имѣніяхъ, и разомъ натянуть возжи Димѣ оказалось не подъ силу. Очень скоро онъ увидѣлъ, что полумѣрами ничего не подѣлаешь и надо рѣшиться на крупныя жертвы, чтобы спасти хоть часть расшатаннаго состоянія.

А отъ матери онъ получалъ одну за другой настоятельныя просьбы о присылкѣ денегъ. И когда онъ съ болью на сердцѣ писалъ ей, что изъ четырехъ имѣній придется два продать, онъ получилъ въ отвѣтъ, что все она предоставляетъ на его усмотрѣніе и не понимаетъ одного только, какъ можетъ быть трудно, при крупномъ ихъ состояніи, выслать въ Петербургъ какихъ-нибудь десять тысячъ.

Анна Борисовна была, очевидно, совершенно равнодушна къ судьбѣ старинныхъ родовыхъ помѣстій, въ которыхъ видѣла только необходимое средство къ поддержанію обычной широкой жизни. Дима силился заглушить въ себѣ невольно поднимавшійся ропотъ противъ матери. Но мало-по-малу горькая истина всетаки проникла въ его сознаніе.

Всю эту зиму Анна Борисовна не переставала усердно переписываться съ двумя членами французской академіи, которые изумлялись ея глубокимъ и мѣткимъ сужденіямъ объ истинномъ смыслѣ жизни и о жалкой тщетѣ всего земного. А на самомъ дѣлѣ она не умѣла отказать себѣ въ прихотяхъ, безъ которыхъ эта жизнь утратила бы для нея всякую цѣну. Дима выбивался изъ силъ, чтобы распутать затянувшійся узелъ; чѣмъ-то постыднымъ ему казалась распродажа отцовскаго наслѣдства.

Съ цѣлой кучей плановъ на будущее онъ къ Рождеству поѣхалъ въ Петербургъ. Ему предлагали на выгодныхъ условіяхъ продать петербургскій домъ — и

этой жертвой онъ надѣялся, быть можетъ, спасти осталь ное. Но какъ разъ на продажу дома Анна Борисовна согласиться не хотѣла, — это значило вѣдь разстаться со всѣми блестящими воспоминаніями прошлаго. Да и какъ выставить такимъ образомъ на показъ свое разореніе именно теперь, когда Зинѣ предстояло выйти замужъ? Ея женихъ, состоявшій при германскомъ посольствѣ, принадлежалъ къ самой отборной нѣмецкой *знати*. Въ виду такой громкой партіи, нечего было, конечно, и думать о продажѣ дома. — И, кстати, — добавила Анна Борисовна, сообщая обо всемъ этомъ сыну, — къ веснѣ придется собрать крупную сумму на приданое.

Долго Анна Борисовна говорила съ нимъ на эту тему, вся отдаваясь тщеславной радости. Дима упорно молчалъ, оскорбленный до глубины души въ своемъ чувствѣ сыновняго уваженія. Онъ помнилъ съ прошлой зимы жениха сестры, этого вылощеннаго до-нельзя и пустоголоваго потомка одного изъ самыхъ гордыхъ княжескихъ родовъ Германіи. И такого человѣка могла полюбить его дорогая, независимая, умная Зина... И въ минуту полнаго разстройства дѣлъ, когда онъ силится придумать средство избѣгнуть позорной распродажи отцовскихъ имѣній, мать занята однимъ только — боязнью не уронить своего тщеславія передъ знатною родней будущаго зятя...

Но онъ все еще надѣялся на Зину. Онъ не могъ допустить, чтобы сестра въ самомъ дѣлѣ рѣшилась связать себя навѣки съ этимъ накрахмаленнымъ, самодовольнымъ прусскимъ гвардейцемъ, одинъ видъ котораго возбуждалъ въ немъ живѣйшую ненависть.

Объясненіе съ Зиной было для него новымъ ударомъ. Въ ея уклончивыхъ отвѣтахъ, какъ-то избѣгавшихъ рѣшительнаго признанія, любитъ ли она въ самомъ дѣлѣ будущаго мужа, онъ не могъ не увидать боязни сказать ему правду, тайной готовности пожертвовать собой, чтобы стать княгиней Ирренлое.

— Зина,—настаивалъ онъ,—да неужели ты не видишь, что онъ глупъ и мало образованъ, что въ немъ одна только военная и свѣтская дрессировка?.. И ты пойдешь за этого человѣка, пойдешь для того только, чтобы твое имя было напечатано въ готскомъ альманахѣ?..

Онъ не могъ догадаться, по своей мужской правдивости, что только портитъ дѣло этими словами, что напрасно лишь возстановляетъ противъ себя сестру, принуждая ее краснѣть за свой выборъ. Прямыми упреками онъ могъ только укрѣпить Зину въ тайномъ желаніи, котораго она стыдилась. А рѣзкія выходки противъ жениха тѣмъ болѣе оскорбляли ее, чѣмъ менѣе на самомъ дѣлѣ она этого жениха любила.

Мѣсяцъ, проведенный Димой въ Петербургѣ, былъ для него тяжелой порой. И онъ поспѣшилъ бы раньше уѣхать на свой боевой постъ въ деревнѣ, еслибы его не удерживала возможность часто видѣться съ княгиней Стремниной и ея дочерью. Княгиня ему очень обрадовалась, Мери тоже. Въ ихъ обществѣ онъ находилъ болѣе искренней сердечности, чѣмъ дома. И милая дѣвушка становилась для него еще милѣе, какъ разъ оттого, что въ родной семьѣ онъ испытывалъ столько разочарованія. Они сблизились еще тѣснѣе. И судьба ихъ могла бы рѣшиться теперь же. Княгиня этого, повидимому, ожидала. Не разъ ея вопрошающій взглядъ останавливался на молодомъ человѣкѣ. Но могъ онъ развѣ стать объявленнымъ женихомъ Мери Стремниной не признавшись ея матери въ своихъ измѣнившихся обстоятельствахъ? Княгиня считала его богатымъ, и не сказать ей правды было бы съ его стороны обманомъ. А могъ ли онъ это сдѣлать теперь, когда Анна Борисовна такъ тщательно скрываетъ истинное положеніе ихъ дѣлъ? Да и тайная, полубезсознательная робость его останавливала. Къ чему было, въ самомъ дѣлѣ, спѣшить, когда все еще могло устроиться къ лучшему? И Дима рѣшился отложить объясненіе до лѣта.

VIII.

Къ Пасхѣ, на свадьбу Зины, Дима вернулся въ Петербургъ. Сперва онъ думалъ не присутствовать на вѣнчаніи сестры. Но старинная привязанность взяла верхъ надъ чувствомъ оскорбленнаго раздраженія. Образъ маленькой своевольной шалуньи, которую онъ такъ любилъ съ дѣтства, упорно носился передъ его воображеніемъ, и несказанно больно ему было бы дать ей уйти изъ родного дома, не простившись съ ней. Да и надѣялся онъ тоже снова увидѣть Мери и, кто знаетъ, можетъ быть, сказать ей то рѣшающее слово, которое такъ долго берегъ про себя. Положеніе теперь выяснилось. Самое цѣнное изъ четырехъ имѣній—тамбовское—было продано, и съ частными долгами отца онъ могъ расплатиться. Другое—пензенское—должно было идти въ приданое Зинѣ. Два остальныхъ, симбирское и московское—съ послѣднимъ, гдѣ былъ похороненъ отецъ, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться—могли приносить тысячъ до тридцати. Это было, конечно, далеко отъ того, что недавно еще тратила Анна Борисовна, но при нѣкоторомъ благоразуміи съ ея стороны можно было прекрасно устроиться и съ такими средствами, конечно, подъ условіемъ перемѣны образа жизни и продажи разорительнаго петербургскаго дома. Что останется лично ему и чѣмъ онъ будетъ жить—надъ этимъ онъ не задумывался.

Димѣ казалось очень легкимъ ограничить себя во всемъ и удовольствоваться тѣмъ, что оставитъ на его долю мать.

— Ну, скажи пожалуйста,—засмѣялся Колтовской:—развѣ настоящіе серьезные и, скажу болѣе, умные люди такъ поступаютъ? Во всемъ, что ты разсказываешь, я вижу одно—легкомысліе и сентиментальность. Вотъ, хотя бы подмосковная—ее можно было выгодно про-

дать какому-нибудь фабриканту. А дохода она, разумѣется, не давала.

— Ты забываешь,—отвѣтилъ я:—что это родовое гнѣздо Кочетовыхъ.

— Ну да, ну да,—кажется, оно имъ принадлежало чуть не со временъ Алексѣя Михайловича... и могила отца тоже...—Колтовской пожалъ плечами.— Съ такими соображеніями, разумѣется, далеко не уѣдешь. Одно изъ двухъ — расчетъ или нѣжничанье. Первый тѣмъ хорошъ, что его можно точно выяснить, а второе—ну, скажи пожалуйста, какой оно подлежитъ оцѣнкѣ?... И не глупо развѣ съ пустыми руками, все отдавъ матушкѣ, еще мечтать о женитьбѣ на княжнѣ Мери? Точно не зналъ Кочетовъ, что за люди Стремнины?..

— Что прикажешь дѣлать, Колтовской, Дима былъ идеалистъ... Это, конечно, грѣхъ большой... И все-таки, когда, много лѣтъ спустя, мы съ нимъ про все это говорили, онъ не разъ повторялъ, что случись ему вторично пережить свою жизнь, онъ поступилъ бы также.. Видишь, братецъ мой, какіе бываютъ чудаки,—готовые вновь идти на добровольное горе.

— Надежда увидать Мери Стремнину,—продолжалъ я минуту спустя,—обманула Кочетова. Княгини уже не было въ Петербургѣ. Она уѣхала за границу... И не одно это разочарованіе ожидало его. Мать и сестра были до того охвачены вихремъ тщеславія, что для бѣднаго Димы у нихъ какъ будто даже не оставалось свободнаго времени. Онъ живо чувствовалъ, какъ далеко ихъ настроеніе отъ его собственнаго, и это чувство не давало ему даже сердечно и свободно объясниться съ ними, какъ бывало прежде. Какая-то холодная струя будто отдѣляла его отъ близкихъ. И Димѣ пришлось до конца разыграть свою оффиціальную роль на вѣнчаніи Зины, выслушивать поздравленія и съ притворною дружбой пожимать руку ея мужу, самодовольно улыбавшемуся въ своемъ деревянномъ величіи.

Прощаясь съ сестрой, когда молодые уѣзжали за

границу, онъ чувствовалъ, что она вдвойнѣ потеряна для него, что между ними ляжетъ не одно только разстояніе, а глубокій, быть можетъ, непоправимый, разрывъ. —„И хотя бы можно было надѣяться,—думалъ онъ про себя,—что она станетъ счастлива... Но развѣ для такой прямой воспріимчивой натуры счастье мыслимо въ этой искусственной средѣ этикета и спѣси"?...

Съ матерью онъ переговорилъ какъ слѣдуетъ уже послѣ отъѣзда Зины. Возбужденіе, охватившее было Анну Борисовну, теперь улеглось, и смѣнило его какое-то странное, небывалое равнодушіе ко всему. Даже петербургскій домъ теперь пересталъ быть для нея дорогимъ, и, убѣжденная доводами сына, она согласилась его продать.

Анна Борисовна тайно признавалась себѣ, что петербурская роль ея окончена, что блестящая свадьба дочери какъ бы послѣдній актъ ея свѣтской жизни. Должно быть, серебряныя нити, которыя она, къ неописанному ужасу, разъ увидала въ своихъ чудныхъ темно-каштановыхъ волосахъ, дотолѣ нетронутыхъ сѣдиной, подсказали ей добровольное отреченіе отъ этой доли. Всѣ ея помыслы увлекали ее теперь за границу, гдѣ были ея настоящія умственныя симпатіи. Ея мѣсто,—говорила она себѣ,—въ той блестящей космополитической толпѣ, которая вѣчно снуетъ по западнымъ столицамъ и лѣтнимъ курортамъ, переходя отъ береговъ Женевскаго озера къ унылому величію Рима, отъ баденскихъ скачекъ къ морскимъ купаньямъ въ Біаррицѣ или Динарѣ. Ей словно казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ имя дочери ея попало въ готскій альманахъ, сама она уже сдѣлалась членомъ той международной знати, у которой отечества нѣтъ, и единственныя вѣрованія которой сводятся къ болѣзненно-утонченнымъ вкусамъ.

— И знаешь что,—закончила она длинный разговоръ съ сыномъ:—тебѣ бы перейти въ министерство иностранныхъ дѣлъ... Это было бы самое лучшее. По-

думай объ этомъ. Тебя бы назначили куда-нибудь секретаремъ, и я бы стала жить въ томъ же городѣ... По крайней мѣрѣ, большую часть года,—добавила она.—А то здѣсь, въ этомъ скучномъ, вѣчно сыромъ Петербургѣ...—и горькая складка, въ которой сказывалось что-то утомленное и презрительное, обрисовалась въ углахъ ея губъ.

— Какъ! бросить Россію?—воскликнулъ Дима:—бросить имѣнія?..

— Да вѣдь тебя самого всѣми твоими вкусами тянуло на Западъ. Ты любишь искусство, а здѣсь о немъ только говорятъ, да вкривь и вкосъ... А что касается имѣній,—развѣ это по твоей части?—Ты, я думаю, бѣдный мой Дима, жестоко проскучалъ всю зиму въ деревнѣ... Найди хорошаго управляющаго. Да и потомъ, когда ты женишься на Мери, она тоже, я думаю, будетъ рада не жить въ Россіи.

Но Дима упорно качалъ головой. Почему-то именно теперь родина ему стала вдвойнѣ дорога. Разстаться съ ней, бросить на произволъ судьбы отцовское наслѣдство, ему казалось почти измѣной. И онъ былъ увѣренъ, что Мери, когда онъ откроется ей, пойметъ это, какъ нельзя лучше, и охотно раздѣлитъ съ нимъ обязанности и заботы, какія на него возложила судьба. Съ этою мыслью онъ въ половинѣ апрѣля уѣхалъ опять въ симбирское имѣніе, намѣреваясь въ началѣ осени отправиться въ Баденъ, гдѣ будетъ тогда княгиня Стремнина.

IX.

— То, что имѣю еще разсказать вамъ, я узналъ уже гораздо позднѣе, и узналъ не отъ самого Димы. Не моя вина, коли разсказъ выйдетъ сбивчивымъ и неполнымъ.

Въ концѣ августа Кочетовъ пріѣхалъ въ Баденъ. Первымъ его дѣломъ было отправиться къ княгинѣ

Стремниной У нея была собственная вилла на косогорѣ, недалеко отъ Лихтентальской аллеи. Дима засталъ ее одну. Княгиня его приняла какъ родного, назвавъ даже разъ „mon cher enfant“. Нечего было, конечно, объяснять ей, зачѣмъ пріѣхалъ Дима. Для нея было совершенно ясно, что онъ сдѣлаетъ предложеніе Мери, и она дала ему недвусмысленно понять, что въ согласіи не можетъ быть сомнѣнія.

— Прежде всего, Дима, вы должны мнѣ обѣщать у насъ завтра отобѣдать. Мы будемъ совершенно одни, и вы можете наговориться съ Мери сколько угодно. Какъ жаль, что ея нѣтъ дома сегодня. Она отправилась въ горы съ однимъ англійскимъ семействомъ... Ну, что ваша мать, ваша сестра?.. Имѣете вы отъ нея извѣстія? Она счастлива, конечно? Милая Зина, она такъ заслуживаетъ быть счастливой...

Дима пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, что княгинѣ угодно было принять за благопріятное извѣстіе о судьбѣ Зины. На самомъ дѣлѣ, братъ ничего положительнаго о ней сказать не могъ. Ея нечастыя письма говорили очень много о людяхъ, которыхъ она встрѣчала, о живописныхъ мѣстахъ, ею видѣнныхъ; искрами мелькали въ нихъ иной разъ остроумныя, а то и шальныя мысли, но о себѣ самой, о своемъ внутреннемъ мірѣ она не говорила почти ничего. Впрочемъ, княгиня спрашивала про Зину больше изъ любезности. Въ эту минуту она интересовалась только ея братомъ и обратилась къ нему съ новымъ рядомъ вопросовъ.— Ну, а вы какъ провели эту зиму, бѣдный мой? Мнѣ очень васъ было жаль. Знать, что вы тамъ, въ глуши, и возитесь съ этими скучными дѣлами... Это было, право, ужасно! Воображаю, какъ было вамъ тяжело... И какъ это хорошо съ вашей стороны, какъ благородно!.. Вы получили мое письмо, не правда ли? И Мери тоже хотѣла вамъ писать, но я не позволила.

Самая милая, ободряющая улыбка сопровождала эти слова, очевидно говорившія молодому человѣку:

вы можете высказаться... препятствій съ моей стороны нѣтъ никакихъ.

И Дима какъ нельзя лучше понялъ этотъ недоговоренный смыслъ любезныхъ разспросовъ княгини. Онъ слегка пододвинулъ свой стулъ къ ея кушеткѣ и сказалъ ей то самое, чего она ожидала отъ него давно. Съ первыхъ же словъ она его остановила.

— Ну да, ну да,—разумѣется... Голосъ ея слегка дрожалъ отъ волненія — отъ того благовоспитаннаго волненія, которое въ рѣшительныя минуты охватываетъ умныхъ и расчетливыхъ матерей. Она притянула къ себѣ обѣими руками слегка наклоненную голову Димы и поцѣловала его лобъ.

— Милый мой... добрый,—шептали ея красивыя губы.—Она будетъ съ вами счастлива... Я увѣрена въ этомъ... Она у меня такая хорошая, честная, прямая... Поговорите съ ней завтра сами... Вы знаете,—добавила она чуть-чуть вздохнувъ,—молодыя дѣвушки не любятъ узнавать про это отъ матерей...

Лицо княгини сіяло. Она даже не считала нужнымъ скрывать своей радости. И тотчасъ она заговорила о будущемъ, какъ бы невольно рисуя себѣ это будущее въ воображеніи.

— Вы гдѣ думаете жить?—спросила она:—въ Петербургѣ? за границей?

— Это будетъ зависѣть отъ Мери,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, съ радостью въ эту минуту отдававшій свою волю въ полное распоряженіе невѣсты. Волна счастья, вливавшаяся къ нему въ сердце, не давала думать о завтрашнемъ днѣ. — Я увѣренъ, что наши вкусы сойдутся...

Такъ они проговорили еще съ полчаса, совершенно отдавшись своему радужному настроенію. Но Димѣ предстояло иное, болѣе прозаическое, объясненіе съ княгиней. Онъ не могъ оставить ее въ невѣдѣніи о настоящемъ положеніи своихъ дѣлъ. Съ полной откровенностью онъ признался княгинѣ во всемъ.

Она выслушала его молча, и боязливая тревога, съ которой молодой человѣкъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, не разгадала, что скрывали отъ него безмятежныя черты матери Мери.

— Я долженъ былъ васъ предупредить объ этомъ. Вы, можетъ быть, думали, какъ думаютъ всѣ, что я очень богатъ, и оставить васъ въ этомъ заблужденіи было бы...

— Конечно, конечно...—перебила она его: — вы поступаете очень благородно, Дима... Иначе вы поступить бы и не могли...

Она оглянулась и посмотрѣла на часы—было пять.

— Какъ жаль, что Мери не возвращается. Она должно быть не будетъ къ обѣду, и останется весь вечеръ съ этими англичанами... И такъ, до завтра, милый, милый Дима!!..—Она еще разъ поцѣловала его въ лобъ, но уже чуть-чуть похолоднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Когда, на слѣдующій день, въ седьмомъ часу, Дима опять входилъ въ гостиную княгини, онъ увидѣлъ тамъ, къ своему удивленію, нѣсколькихъ гостей. И припомнивъ, что она говорила ему наканунѣ, онъ сразу понялъ, что это былъ дурной знакъ. На самомъ дѣлѣ ему не нужно было и этого знака, чтобы догадаться о вѣроятномъ крушеніи своихъ надеждъ. Онѣ разлетѣлись въ дымъ, едва онъ оставилъ домъ княгини послѣ вчерашней бесѣды. Онъ понялъ вдругъ, что означало неподвижное выраженіе ея лица, и этотъ не столь уже радушный поцѣлуй, и выраженное опасеніе, что дочь ея не вернется до вечера... Приняли его, впрочемъ, какъ нельзя лучше... Блестящіе глаза Мери и улыбка на ея губахъ были исполнены такого же очарованія, какъ всегда, и пожала она ему руку совсѣмъ по-дружески.

— Я ужасно сожалѣла, что вчера меня не было дома,—сказала она при этомъ совсѣмъ просто.

Княгиня представила его гостямъ—одной англійской

дамѣ и двумъ австрійскимъ дипломатамъ, отрекомендовавъ какъ давнишняго, хорошаго друга их семьи.

— А княгиню Софію Викторовну, я думаю, вы знаете,—добавила она улыбаясь.

Княгиня Тургайская, когда вошелъ Дима, сидѣла поодаль, вся погруженная въ какой-то альбомъ. Теперь она поднялась, живо протягивая руку молодому человѣку, и Дима тотчасъ сказалъ себѣ, что въ ласкѣ ея красивыхъ глазъ что-то совсѣмъ иное, былъ привѣтъ болѣе искренній и сердечный, чѣмъ въ любезныхъ словахъ княгини и ея дочери. Они не видались съ самыхъ похоронъ отца Димы. Софія Викторовна провела зиму въ Италіи.

— Представьте себѣ,—говорила она ему,—мы живемъ въ одной гостинницѣ, и я этого даже не знала... Иначе я не пропустила бы цѣлый день, не повидавшись съ вами...

За обѣдомъ Диму усадили между ними и Мери. И княгиня Тургайская до того завладѣла имъ, что съ своей. болѣе юной, сосѣдкой онъ не успѣлъ и переговорить. Два-три раза только обмѣнялись они нѣсколькими словами. И всего страннѣе было Димѣ чувствовать, что его даже не тянетъ переговорить съ Мери, какъ слѣдовало бы. Между ними, а можетъ быть только въ немъ самомъ, въ его воображеніи, какая-то преграда выростала, дѣлавшая ихъ чужими другъ для друга. Дима не могъ уловить, откуда взялось это впечатлѣніе, но все сильнѣе въ немъ сказывалась боязнь, почти даже увѣренность, что не услыхать ему отъ молодой дѣвушки того, что онъ такъ жаждалъ услышать.

Разговоръ за столомъ, между тѣмъ, все оживлялся и подъ конецъ сталъ общимъ. И благодаря Софіи Викторовнѣ это былъ совсѣмъ незаурядный разговоръ. Суетныхъ вопросовъ дня и мелочныхъ сплетенъ онъ не касался вовсе. Говорили о послѣдней оперѣ Вагнера, о новомъ направленіи въ живописи, о возвращеніи изящной литературы отъ натурализма къ эстетикѣ. Всѣ

эти люди, изъѣздившіе Европу вдоль и поперекъ, будто имѣли одно общее имъ всѣмъ отечество — культъ искусства. Одинъ Кочетовъ не принималъ въ бесѣдѣ почти никакого участія. Оживленіе прочихъ съ какой-то все возроставшей тяжестью ложилось къ нему на душу. Софія Викторовна замѣтила его странную молчаливость, и удивленно спросила:

— Что съ вами? Развѣ васъ перестало интересовать все это?

Онъ попробовалъ улыбнуться, и пробормоталъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное. Княгиня посмотрѣла на него внимательно, и не повторила вопроса. А Дима, слушая, какъ непринужденно говорила Мери о своемъ недавнемъ путешествіи въ Италію, куда Стремнины ѣздили весной, переживалъ тяжелыя минуты. И когда Мери, обратившись къ нему, сказала вдругъ:

— Мы побывали съ мама въ такихъ мѣстахъ, куда, я увѣрена, вы и не заглядывали. Въ этихъ маленькихъ итальянскихъ городахъ, куда большинство путешественниковъ и не заѣзжаетъ никогда, столько неожиданно-интереснаго...

— Да...—отвѣтилъ онъ разсѣянно:—я непремѣнно туда когда-нибудь поѣду...

— Вотъ и прекрасно!—сказала княгиня Тургайская:—я васъ ловлю на словѣ. Осенью я собираюсь опять въ Италію. И не одна... насъ ѣдетъ цѣлое общество. И вы непремѣнно должны поѣхать съ нами. Это будетъ цѣлый рядъ открытій...

Дима только слегка кивнулъ головой, думая совсѣмъ о другомъ. Онъ вспоминалъ свой послѣдній разговоръ съ Мери прошлой зимой, когда они были, казалось, такъ искренно близки другъ съ другомъ. Рука его чувствовала еще пожатіе ея мягкой ручки, и онъ спрашивалъ себя съ болѣзненнымъ изумленіемъ, какъ могутъ такъ научиться лгать эти молодыя, невинныя губы, эти глаза, исполненные чистаго блеска юности. Неужели никакого сердца не было у этой, дышав-

шей сердечностью, дѣвушки? И то, что онъ принималъ за искреннее участіе, за тонкое изящество натуры, было только дрессировкой старательнаго воспитанія.

Вскорѣ послѣ обѣда англійская лэди увела съ собою Мери, попросивъ молодую дѣвушку показать ей садъ. Диму удержала княгиня-мать, впутавъ его въ какой-то политическій разговоръ съ дипломатами. И должно быть невысокаго мнѣнія о немъ остались эти господа, до того не впопадъ выходили его разсѣянныя слова. Теперь, когда Мери не было съ нимъ, его неудержимо потянуло къ ней. И хотя онъ не сомнѣвался въ томъ, что ему придется отъ нея услышать, ему болѣзненно хотѣлось этого послѣдняго, непоправимаго удара. Княгиня Тургайская будто угадала его желаніе, и предложила сойти вмѣстѣ въ садъ.

Софья Викторовна догадалась, что̀ происходило въ душѣ молодого человѣка. Романъ Димы не былъ для нея тайной, и она понимала, что присутствуетъ при развязкѣ. Имъ недолго пришлось отыскивать обѣихъ дамъ.

Едва они въ четверомъ пошли вмѣстѣ по аллеѣ, княгиня намѣренно увела впередъ англичанку, оставивъ молодого человѣка вдвоемъ съ Мери. Онъ поднялъ на дѣвушку заблестѣвшій отъ сдержаннаго негодованія взглядъ и спросилъ:

— Княжна, вы знаете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, или если не знаете,—горькая усмѣшка показалась на его губахъ,—то догадываетесь по крайней мѣрѣ?

— Да развѣ нужна особая причина, чтобы пріѣхать въ Баденъ?—спросила Мери.—Здѣсь, въ эту пору года, вся Европа бываетъ...

Онъ молча посмотрѣлъ на нее, и глаза дѣвушки опустились передъ его упорнымъ взглядомъ.

— Я не имѣю возможности, подобно вамъ,—заговорилъ онъ опять, спустя минуту,—путешествовать только для своего удовольствія. Я оторвался отъ своихъ занятій не для того, чтобы бывать тамъ, гдѣ вся Европа.

Я хотѣлъ узнать... узнать положительно, — съ рѣшимостью отчаянія добавилъ онъ,—думаете ли вы все еще, какъ думали прошлою зимою, когда увѣряли меня, что васъ не страшитъ деревенская жизнь.

У молодой дѣвушки въ эту минуту, должно быть, заговорило раздраженіе. Дима хотѣлъ поставить ее въ противорѣчіе съ ней самой, и за это надо было его наказ

— Можетъ быть, я вамъ и говорила что-нибудь въ этомъ родѣ...—сказала она.—Теперь я убѣдилась, что деревенская жизнь не по мнѣ...

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Петровичъ!—сказала она:—вы заставляете меня быть невѣжливой... Пойдемте скорѣе... надо догнать княгиню Софью Викторовну.

— Я думаю, княжна,—отвѣтилъ онъ, весь вспыхнувъ:—что мое общество для этого будетъ совершенно излишнимъ. Вы догоните княгиню и безъ меня...

И поклонившись ей, онъ удалился быстрыми шагами, не заходя болѣе въ домъ. Онъ чувствовалъ то, что испытываетъ каждый, кому въ первый разъ пришлось извѣдать суровую изнанку жизни. Къ собственному личному горю примѣшивалось иное, болѣе высокое и чистое,—горе по разбитому кумиру, по утраченному довѣрію къ людямъ.

Пока онъ шелъ по Лихтентальской аллеѣ, его нагнала коляска княгини Тургайской.

— Кочетовъ! это вы?—остановивъ кучера, подозвала его княгиня.—Хотите я васъ довезу?

Въ первую минуту онъ думалъ отказаться. Но тутъ же припомнилъ, какъ сердечно всегда относилась къ нему Софья Викторовна, какъ радушно она встрѣтила его и сегодня. А какъ разъ теперь, когда его постигло неожиданное горе, онъ такимъ одинокимъ себя чувствовалъ среди людей, и такъ сильно въ немъ заговорила потребность въ чьемъ-либо искреннемъ участіи. Мать его была далеко, сестра тоже, а мягкій, серебристый голосъ княгини звучалъ такъ дружески, ласково...

— Могу я васъ спросить, княгиня,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ нею, —и пожалуйста не удивляйтесь моему нескромному вопросу,—когда вы получили приглашеніе на сегодняшній обѣдъ?

— Да всего только вчера вечеромъ. Это устроилось, кажется, совсѣмъ невзначай.

„Сомнѣнія нѣтъ!—подумалъ Дима:—чужіе были приглашены для того только, чтобы избѣгнуть неловкаго объясненія“.

И новая волна горькаго чувства захолонула ему сердце. А ясные глаза Софьи Викторовны не переставали смотрѣть на него съ тѣмъ неподдѣльнымъ участіемъ, какое встрѣчается только у избранныхъ натуръ, недоступныхъ мелкимъ ощущеніямъ равнодушнаго любопытства. Княгиня догадывалась, что произошло у Стремниныхъ. И Дима это понялъ сразу. Но ему не тяжело было знать, что его тайна извѣстна этой умной, проницательной женщинѣ. Она была вѣдь не изъ тѣхъ, которыя могутъ холодною рукой небрежно коснуться чужого наболѣвшаго горя. Княгиня хорошо понимала, что утѣшать Диму еще не наступило время. Въ такую минуту, когда въ жизни оказывается вдругъ пустое мѣсто, какъ разъ тамъ, гдѣ было дорогое святилище сердца, надо прежде всего постараться замѣнить прошлое, навѣки погибшее, чѣмъ-нибудь новымъ.

Дима былъ глубоко оскорбленъ разочарованіемъ въ любимой дѣвушкѣ, и надо было его больному сердцу дать единственное пригодное лекарство—сознаніе, что онъ не всѣми покинутъ, что есть у кого искать довѣрія и сочувствія.

— Знаете что, Дима,—извините, что я васъ называю такъ,—заговорила княгиня, — вы были ребенкомъ, когда мы познакомились, и я, кажется, почти на десять лѣтъ васъ старше...

Княгиня немножко убавляла разницу въ лѣтахъ.— Знаете что, вы, должно быть, не щадили себя это время и переутомились. Вамъ отдохнуть надо, право! А то

почти цѣлый годъ провести въ деревнѣ одному и возиться съ такимъ чужимъ для васъ дѣломъ, какъ хозяйство... Я много журила вашу мать за то, что она позволила вамъ такъ пожертвовать собой для нея и для Зины... Не возражайте мнѣ, пожалуйста!—остановила она его протестующій отвѣтъ.—Я вѣдь знаю, какъ вы поступили, и я очень, очень была сердита за это на вашу мать. Сыновняя любовь—прекрасное дѣло, но злоупотреблять ничѣмъ не слѣдуетъ, и каждый имѣетъ право на свою долю жизненнаго счастья... Я бы вамъ очень совѣтовала не спѣшить возвращеніемъ въ Россію. Вамъ бы хоть осень провести на югѣ и набраться болѣе свѣтлыхъ впечатлѣній, чѣмъ этотъ вѣчный скучный вопросъ о деньгахъ и это несносное хозяйство...

Говоря это, она улыбалась, какъ улыбаются больному ребенку. И Дима былъ тронутъ ея внимательной заботливостью. Онъ самъ говорилъ себѣ часто, что за послѣднее время докучливый вопросъ о деньгахъ, котораго онъ прежде не зналъ вовсе, занялъ въ его жизни слишкомъ ужъ большое мѣсто.

Цѣлыхъ два часа провелъ онъ въ этотъ вечеръ у княгини, сидя съ нею на балконѣ. Ихъ тихой задушевной бесѣдѣ будто вторилъ едва внятный, хоть и неумолкавшій, голосъ ручья, журчавшій у ихъ ногъ. Софья Викторовна много разспрашивала молодого человѣка о его деревенскихъ впечатлѣніяхъ и много тоже говорила о видѣнномъ ею въ Италіи.

— Искусство, повѣрьте мнѣ,—сказала она, между прочимъ,—это единственный неистощимый источникъ наслажденій. Оно обмануть не можетъ. И въ немъ каждый находитъ, что ему нужно, и сочувствіе къ собственному горю и ободреніе для будущаго. Вы, кажется, на него махнули рукой, Дима, это нехорошо. Нужды нѣтъ, что вы сами не будете художникомъ. Это книга, открытая для всѣхъ, хотя не каждый ее одинаково понимаетъ. А вы изъ тѣхъ, кто способенъ понимать многое, пожалуй даже и все.

Дима чувствовалъ, что откуда-то миромъ на него повѣяло. Его ожесточенное сердце смягчалось понемногу, уступая потребности высказаться вполнѣ. И Дима все высказалъ Софьѣ Викторовнѣ, какъ зародилась его любовь, какъ она росла и какъ ее немилосердно смяли.

Княгиня слушала молча, вся, — ласковое, нѣжное вниманіе, и сказала только, когда онъ кончилъ:

— Я утѣшать васъ не стану. Знайте только одно, Дима—говорю вамъ это по опыту—горе нужно человѣку. И тотъ, кто не прошелъ черезъ эту школу, никогда не узнаетъ настоящаго счастья. Вѣрьте мнѣ пока на слово... Когда-нибудь вы со мною согласитесь... А теперь до свиданія... Мы увидимся завтра...

X.

Дима не долго оставался въ Баденѣ. Уже три дня спустя княгиня Софья Викторовна увезла его съ собою въ Байрейтъ, гдѣ должно было происходить торжественное представленіе „Нибелунговъ“ подъ руководствомъ самого Вагнера.

— Вамъ надо набраться новыхъ впечатлѣній!—убѣждала его княгиня.—А ничто такъ много ихъ не даетъ, какъ вагнеровская музыка, особенно въ этой обстановкѣ. Вагнеръ—это вѣдь цѣлый океанъ звуковъ... и океанъ мыслей тоже... По-моему, это даже своего рода леченіе.

И леченіе какъ будто подѣйствовало. Послѣ ряда вечеровъ, проведенныхъ въ байрейтскомъ театрѣ среди могучихъ волнъ шумнаго вагнеровскаго оркестра, Дима былъ точно перенесенъ въ иную, умиротворяющую сферу, гдѣ въ громѣ аккордовъ какъ-то стихаютъ душевныя грозы. И княгиня была, можетъ быть, права, говоря ему, когда они только-что выслушали послѣднюю часть „Нибелунговъ“, что настоящая жизнь только въ искусствѣ, потому что оно одно даетъ полноту безу-

словно чистыхъ ощущенiй, доступныхъ человѣку тамъ только, гдѣ онъ отрѣшается отъ дѣйствительности.

— Вы напрасно усомнились въ своемъ призванiи,— твердила ему Софья Викторовна, сидя съ нимъ на террасѣ маленькаго отеля подъ навѣсомъ яркаго звѣзднаго неба:—вы не для будничной жизни созданы, съ ея напрасными и дрянными тревогами. Я видѣла это, когда вы тамъ, въ театрѣ, слушали эту дивную музыку. Ваше лицо совсѣмъ преобразилось. Съ него исчезло напряженное, болѣзненное выраженiе, такъ пугавшее меня въ Баденѣ.

Онъ внималъ ея словамъ, не совсѣмъ вѣря имъ, но давая княгинѣ понемногу убаюкивать его горе. Она долго и краснорѣчиво говорила ему о той неувядаемой красотѣ, о тѣхъ высшихъ радостяхъ, которыя знаетъ одно искусство.

— Я сама счастлива оттого только,—повторяла она не разъ,—что я въ жизни отъ людей не просила счастья. Искусство не измѣнитъ никогда. Оно безконечно, какъ вѣчность, и неистощимо, какъ божество. И вотъ, что я вамъ предложу, Кочетовъ: отсюда я завтра поѣду на Женевское озеро, гдѣ все наше общество соберется, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Италiю. Мы посѣтимъ такiя мѣста, гдѣ путешественники рѣдко бываютъ; мѣста, гдѣ есть одно только прошлое, и нелѣпая современная жизнь не тревожитъ его величiя... Мы начнемъ съ Феррары, потомъ заѣдемъ въ Равенну, въ Фаэнцу, въ Римини... Вы увидите, сколько васъ тамъ ждетъ незнакомаго и замѣчательнаго.

Онъ далъ себя уговорить... Общество, съ которымъ должна была отправиться княгиня, оказалось въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Двѣ русскихъ дамы— одна немного восторженная, другая склонная къ насмѣшливости, но обѣ очень умныя; нѣмецъ-профессоръ, большой знатокъ древностей, католическiй аббатъ, удивительно хорошо разсказывавшiй анекдоты, подчасъ довольно скабрезные; старый французъ легитимистъ,

до такой степени вѣжливый, что всѣмъ становилось какъ будто совѣстно, и одна англійская лэди, вѣчно путешествовавшая безъ мужа и дѣтей, хотя ее почему-то считали образцовой супругой и матерью,—вотъ изъ кого состояло это общество.

За недѣлю, проведенную этими господами въ одномъ швейцарскомъ отелѣ, всѣ его члены невольно подружились, оттого, должно быть, что шероховатостей у нихъ не оказывалось никакихъ, и вѣчная толкотня среди представителей самыхъ различныхъ національностей отшлифовала ихъ въ совершенствѣ. И Димѣ пришлось ощутить на себѣ мягкую, но все же непреодолимую власть этого, вполнѣ спѣвшагося, кружка. Иногда онъ тяготился этой совмѣстной жизнью съ утра до вечера, и ему хотѣлось остаться наединѣ съ своимъ горемъ, но маленькая неволя, въ которой онъ очутился, оказала на него полезное дѣйствіе, не давая углубиться въ себя. А когда къ этой изящной сутолокѣ прибавился болѣе могучій интересъ памятниковъ старины, онъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ, что ему легче стало, что зодчіе и художники эпохи Возрожденія какъ будто ему сродни, и горе его словно таетъ въ мирныхъ лучахъ безсмертной красоты ихъ произведеній.

И понемногу иное чувство въ немъ тоже сказывалось. Дима входилъ во вкусъ изысканной умственной жизни, которою дышало общество княгини и ея спутниковъ. Въ молодомъ человѣкѣ пробуждались снова заглохшія-было на время стремленія юности. Простоять нѣсколько минутъ въ сладкомъ забытьѣ передъ картиной Боттичелли или Мазаччіо, впивая въ себя ощущеніе дивной чистоты этихъ линій, безгрѣшнаго очарованія этихъ ликовъ до-рафаэлевскихъ мадоннъ, и потомъ услышать незаурядную, мѣткую оцѣнку изъ красивыхъ женскихъ устъ, способныхъ мигъ спустя поразить неожиданной смѣлостью какого-нибудь парадокса, остроуміемъ бойкой, иногда сумасбродной мысли,—это было въ самомъ дѣлѣ рѣдкое, драгоцѣнное насла-

жденіе. Дима какъ бы пьянѣлъ отъ того особаго раздраженія нервовъ, похожаго на запахъ тончайшихъ духовъ, въ которомъ есть и освобожденіе отъ грубой будничной жизни, и какая-то своеобразная, далеко не всѣмъ доступная отрава. И постоянно видѣть ту, которая всегда готова была доставлять ему это наслажденіе, слышать ея мелодичный, умный голосъ,—становилось для него потребностью. Онъ бы не могъ изъ-за какой-нибудь другой дѣвушки позабыть Мери Стремнину, хотя бы судьба и натолкнула его на молодое существо, несравненно болѣе обольстительное. Разсѣять его горе могли только впечатлѣнія совершенно иного порядка, и онъ находилъ ихъ теперь въ затѣянномъ княгиней Тургайской артистическомъ путешествіи.

— Я удивляюсь, право, вашему эклектизму, княгиня,—замѣтила ей разъ, въ присутствіи Димы, насмѣшливая русская дама, когда они только-что выходили изъ собора въ Перуджіи.—Вы готовы цѣлыми часами любоваться этими костлявыми мадоннами, которыя будто сорокадневный постъ только-что выдержали. И, рядомъ съ этимъ, вамъ нравятся венеціанцы, съ ихъ чувственной живописью. Какъ вамъ это удается примирять?

— Да очень просто!—улыбнулась княгиня.—Абсолютнаго въ искусствѣ нѣтъ. Его интересъ какъ разъ въ томъ, что оно такъ разнообразно и, стало быть, такъ несовершенно. Отдѣльныя произведенія — тоже, что отдѣльныя ноты въ музыкѣ, а гармонія создается изъ разныхъ звуковъ. Каждый художникъ убѣжденъ, что онъ достигаетъ идеала—и, конечно, ошибается... А намъ дано заразъ наслаждаться ихъ разнообразными попытками.

Французъ-лигитимистъ чуть-чуть было закипятился: Vous poussez l'inpartialité presque jusqu'au cynisme et si l'on appliquait cela à la politique...

— На политику мы не любуемся, мы отъ нея только страдаемъ,—отвѣтила Софья Викторовна,—а въ искус-

ствѣ всѣ принципы законны, именно потому, что оно внѣ жизни. Доказать оно вѣдь ничего не можетъ и не берется...

— Не слушайте, молодой человѣкъ, не слушайте!— сказала Димѣ восторженная дама:—вы совершенно развратитесь отъ такихъ рѣчей...

— Но позвольте, однако,—сказала Софья Викторовна,—огромное большинство этихъ картинъ, что представляютъ?—религіозныя темы. А какъ разнообразно онѣ ихъ представляютъ, хотя всѣ навѣяны духомъ той же единой, нераздѣльной церкви.—Развѣ я не права?— обратилась она къ аббату.

— Церковь прощаетъ ереси въ искусствѣ, — отвѣтилъ тотъ улыбаясь.

— Нѣмецъ-профессоръ сказалъ очень глубокомысленную фразу, которой никто, въ томъ числѣ и онъ самъ, хорошенько не понялъ. Англійская лэди замѣтила съ сильнымъ британскимъ акцентомъ:

— Il ne faut pas trop approfondir ni l'art, ni même la vie... L'essentiel—c'est d'avoir le plus d'impressions possible...

— Хорошихъ или дурныхъ впечатлѣній?—переспросила насмѣшливая дама:—или вамъ это все равно...

— Развѣ мы знаемъ—что хорошо, что дурно?—въ свою очередь сказала княгиня Тургайская. Мы едва въ состояніи сказать, что уродливо, что красиво, да и то мы не всегда понимаемъ, отчего.

Этимъ и закончился споръ, не приведя ни къ чему, какъ всѣ споры объ искусствѣ. Имъ всѣмъ ничего и не хотѣлось доказать. Имъ нравилась та неопредѣленность убѣжденій, среди которой такъ свободно обращался ихъ избалованный умъ.

Путешествіе подходило къ концу. Въ Римѣ, куда они поѣхали изъ Перуджіи, общество предполагало разстаться. Минута разставанія съ княгиней наступила и для Димы. И сидя съ ней вечеромъ въ обширной гостиной стариннаго палаццо, превращеннаго въ отель, онъ грустно любовался уходившими въ блѣдное небо

колокольнями церкви Trinita dei Monti и строгими линіями старинныхъ домовъ, столько видѣвшихъ на своемъ вѣку грознаго и величественнаго, что, казалось, никакія перемѣны въ судьбѣ народовъ ихъ удивить не могли, и само итальянское солнце не могло развеселить ихъ равнодушной угрюмости.

Въ то же утро почта привезла Димѣ давно ожидаемое письмо отъ матери. Анна Борисовна писала изъ Парижа, гдѣ проводила осень, и страннымъ ея сыну показалось содержаніе письма послѣ только-что оконченной поѣздки, во время которой онъ жилъ среди безмятежнаго міра неувядаемой красоты искусства. Анна Борисовна писала исключительно о денежныхъ вопросахъ и писала въ довольно раздраженномъ тонѣ. Она сильно поистратилась, какъ-то все еще не привыкнувъ напередъ расчитывать издержки.

„Je reste ici sans le sou pendant que vous courez l'Europe", писала она между прочимъ.—Я два раза телеграфировала управляющему въ Симбирскъ, въ надеждѣ, что онъ мнѣ пришлетъ что-нибудь,—и онъ не прислалъ даже отвѣта.

Диму этотъ упрекъ поразилъ своей несправедливостью. Онъ почти всѣ доходы съ имѣній посылалъ матери, оставляя себѣ лишь крайне необходимое.

Аннѣ Борисовнѣ не на что было жаловаться. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ написалъ управляющему—сколько можно было денегъ отправить въ Парижъ. И въ то же время онъ сказалъ себѣ, что надо покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какое онъ добровольно поставилъ себя къ матери послѣ смерти отца. Все симбирское имѣніе онъ рѣшился ей отдать, оставивъ себѣ одну подмосковную. Конечно, ему придется стѣснять себя еще болѣе прежняго, но это было все-таки лучше теперешнихъ, до-нельзя претившихъ ему денежныхъ дрязгъ, которыя грозили, вдобавокъ, разстроить его добрыя отношенія къ матери. А съ роднымъ гнѣздомъ Кочетовыхъ онъ, конечно, уже не разстанется ни за что.

Эти мысли занимали его, когда случайно, на Корсо, онъ почти столкнулся съ однимъ изъ обычныхъ посѣтителей гостиной Анны Борисовны, недавно получившимъ очень высокое назначеніе. Какъ всѣ новоиспеченные сановники, государственный человѣкъ былъ очень доволенъ и собой и всѣмъ окружающимъ міромъ. Но въ отличіе отъ нихъ, онъ не считалъ нужнымъ не узнавать своихъ бывшихъ знакомыхъ. Онъ любезно остановилъ Кочетова, разспрашивая, съ какихъ поръ онъ въ Римѣ.

— Вы совсѣмъ погружены въ глубокомысленныя думы, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ шутя,—надѣюсь, это Римъ такъ завладѣлъ вашимъ вниманіемъ. У воротъ Рима надо вѣдь оставлять всѣ свои заботы, чтобы отдаться восхищенію. Я здѣсь въ десятый разъ, и насмотрѣться не могу. Ну, что вы подѣлываете? Что ваша мать?..

Онъ взялъ молодого человѣка подъ-руку и повернулъ въ ту сторону, въ которую самъ шелъ.

— Я долженъ сейчасъ зайти къ кардиналу Ламбрускини. Онъ обѣщалъ мнѣ показать свои коллекціи. Хотите побывать тамъ со мной? Я васъ представлю. Это премилый человѣкъ... Кто, вы говорите, здѣсь?... Княгиня Софья Викторовна?.. Я непремѣнно, непремѣнно заверну... А!.. и вы съ ней объѣздили всю восточную Италію? Очень, очень интересно!.. Я вамъ положительно завидую.

И государственный человѣкъ, прищуривъ лѣвый глазъ, слегка насмѣшливо уставился въ Кочетова. И вдругъ рѣзко перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ опять:

— Однако, искусство искусствомъ, а пора бы вамъ позаняться чѣмъ-нибудь настоящимъ. Вѣдь что тамъ ни говори — l'art, c'est l'ornement de la vie, ce n'est pas la vie elle-même...

Петербургъ сказывался въ сановникѣ.

— Да я занимаюсь пресерьезнымъ дѣломъ,—отвѣтилъ Дима.

— Ну да... управляете имѣніями, знаю! Но хозяйство, mon cher, par le temps qui court, — выѣденнаго яйца не стоитъ. И знаете что? Поступайте ко мнѣ... Я старинный другъ вашей матери и займу васъ, какъ слѣдуетъ. Мѣсто для васъ у меня всегда найдется. Совѣтую вамъ объ этомъ подумать.

Случись Димѣ получить такое предложеніе хотя бы днемъ ранѣе, онъ бы надъ нимъ и не задумался. Для самой быстрой карьеры онъ не пожертвовалъ бы свободой, но теперь, когда почти уже нужда къ нему стучалась, рѣшительно отвергнуть это предложеніе было невозможно. И Дима въ первый разъ почувствовалъ слабое, но уже тяжелое прикосновеніе жизненной неволи.

И теперь, когда онъ былъ вдвоемъ съ княгиней въ ея полутемной гостиной, гдѣ высокія стѣны кутались въ сумракъ, онъ раздумывалъ, не посовѣтоваться ли съ нею. Княгиня его предупредила, спросивъ, какъ сдѣлалъ это утромъ сановникъ, куда онъ собирается и что намѣренъ дѣлать.

— Пока вы здѣсь, я останусь въ Римѣ,—было его отвѣтомъ. И онъ почувствовалъ вдругъ, какъ дорога ему стала эта женщина и какъ тяжело ему съ нею разстаться.

— Да! но я думаю здѣсь пробыть всего недѣлю. Мнѣ пора въ Россію. Да и вамъ тоже не мѣшаетъ дѣломъ заняться. Жизнь — не праздникъ, а суровая школа...

Совсѣмъ не суровымъ, однако, глядѣло лицо княгини, пока она говорила это. И все съ тою же улыбкой на красивыхъ губахъ она принялась читать Димѣ наставленія самаго практическаго свойства, —наставленія, которыхъ онъ вовсе отъ нея услышать не ожидалъ. Она убѣждала его поступить на службу и воспользоваться предложеніемъ Семена Васильевича Темноокаго,—такъ звали сановника, съ которымъ Кочетовъ встрѣтился утромъ на Корсо. Онъ заѣзжалъ къ ней въ тотъ же

день передъ обѣдомъ, и они разговорились о молодомъ человѣкѣ.

— Да, да...—повторяла она:—не удивляйтесь, что я вамъ такъ говорю — свои способности вы не имѣете права зарывать въ землю. Это вашъ долгъ, и тѣмъ лучше для васъ, коли онъ сходится съ вашей выгодой. Умные люди всегда находятъ точку, гдѣ то и другое совпадаетъ.

Дима слушалъ разсѣянно. Совсѣмъ иныя мысли бродили у него въ головѣ.

— Вы, можетъ быть, правы,—отвѣтилъ онъ,—только зачѣмъ торопиться? Время не ушло, а пока... пока...

Щеки его пылали. Онъ пододвинулся ближе къ Софьѣ Викторовнѣ и, наклонясь къ ней, умоляющимъ, едва слышнымъ голосомъ добавилъ:

— Неужели вы уѣдете въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней? И мнѣ... мнѣ... съ вами разстаться надо...

Загадочная улыбка не сходила съ лица княгини.

Онъ наклонился къ ней еще ближе.

— Я мечталъ объ иномъ... Я не смѣлъ васъ спросить объ этомъ... Я думалъ, вы уѣдете отсюда не въ Россію, а куда-нибудь, гдѣ мы были бы одни... совершенно одни... куда-нибудь на югъ...

Голосъ его осѣкся. Княгиня помолчала съ минуту, продолжая улыбаться, а въ глазахъ у нея словно искры зажглись. Только это были такія мягкія, ласковыя искры.

— Какой вы ребенокъ,—проговорила она наконецъ, отдавая ему свои руки, которыя онъ принялся горячо цѣловать.—Ну, да... ну, да... спѣшить не зачѣмъ... Я уѣду на югъ, какъ вы говорите... въ какое-нибудь совсѣмъ тихое мѣсто... въ Амальфи, напримѣръ, или на островъ Капри, и тамъ...—Она не договорила. Его затрепетавшія руки обвивали ея станъ.

XI.

Когда Димѣ Кочетову сразу дали мѣсто въ двѣ съ половиной тысячи, его новые товарищи по министерству съ нескрываемою завистью увидѣли въ этомъ вопіющее нарушеніе своихъ правъ въ пользу „баловня счастья“. А этотъ баловень стыдился своего назначенія. И необходимость получать жалованье глубоко оскорбляла его нетронутое до сихъ поръ чувство независимости. Не разъ онъ говорилъ мнѣ, какъ горько ему разставаться съ прежней свободой.

— Вотъ чудакъ! — пожимая плечами воскликнулъ Колтовской.—У него все было навыворотъ...

— Да, именно навыворотъ... То самое, чего добиваются другіе, его тяготило.

„Если бы я въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, что приношу пользу,—говорилъ онъ мнѣ часто,—мнѣ было бы не стыдно получать деньги. А это нелѣпое, безплодное маранье бумаги, это сознаніе, что никому не нужна моя работа“...

Дима пришелся министерству не ко двору. Его хвалили за прекрасное изложеніе, за превосходный языкъ, но записки, которыя ему давали составлять, почти всегда шли только для умноженія архива. И заодно съ лестными отзывами о его способностяхъ, ему приходилось выслушивать и наставленія, правда, очень мягкія, насчетъ того, что онъ не совсѣмъ усвоилъ себѣ изво́роты оффиціальнаго слога.

— Это, какъ бы вамъ сказать... слишкомъ литературно... написано будто для публики...—замѣчалъ ему прямой его начальникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Подхалимскій, мысленно добавляющій:—Странное дѣло, эти молодые люди изъ университета воображаютъ, что изъ всего ихъ писанія что-нибудь на самомъ дѣлѣ выйдетъ, и нужно это не только для дѣлопроизводства, а для какого-то настоящаго дѣла....

А настоящаго дѣла, котораго такъ жаждалъ Дима, какъ разъ и не было вовсе. Писались отношенія ко всевозможнымъ мѣстамъ и лицамъ, составлялись отвѣты большей частью уклончивые, ссылавшіеся на такую-то статью, въ силу которой нельзя было отвѣтить ничего положительнаго. И очень важные проекты сочинялись, чтобы потомъ цѣлые годы лежать въ оффиціальныхъ картонахъ.

Димѣ поручили составить записку объ устройствѣ земледѣльческой колоніи близъ устьевъ Енисея, потомъ его назначили дѣлопроизводителемъ по двумъ коммиссіямъ о заселеніи Камчатки и объ устройствѣ быта самоѣдовъ на Новой Землѣ. Онъ принимался за работу съ жаромъ, но очень скоро его проникало убѣжденіе, что есть какое-то основное недоразумѣніе въ поднятомъ вопросѣ, какой-то нелѣпый контрастъ между усиліями совершить невозможное, вопреки условіямъ природы, и полнымъ безучастіемъ къ судьбѣ коренныхъ русскихъ губерній. А къ этому сознанію прибавлялось другое, еще болѣе тягостное убѣжденіе, что поручавшіе ему эти работы относятся къ ихъ результату совершенно равнодушно. Раза два онъ высказался съ полной откровенностью передъ начальникомъ, объясняя, что разрѣшеніе вопроса совершенно немыслимо и трата на него времени и денегъ безполезна.

— Да намъ-то какое дѣло,—нетерпѣливо отвѣтилъ Подхалимскій:—мы получили изъ другого министерства бумагу, и надо отвѣтить. Вотъ и все! Вамъ слѣдуетъ принять въ соображеніе всѣ обстоятельства, изложенныя въ запискѣ, и пріискать, подходящую статью закона. Больше ничего отъ васъ не требуется.

— Послушай!—остановилъ меня Колтовской:— все это сто разъ писали въ передовыхъ журналахъ.—И въ наши годы смѣшно повторять эти заѣзженныя обвиненія. Прежде, можетъ быть, въ министерствахъ сидѣли сложа руки. Но теперь, могу тебя увѣрить, работа кипитъ. Я вотъ, напримѣръ, участвую въ семнадцати коммиссіяхъ.

— Хорошо, любезный другъ, — возразилъ я — а позволь тебя спросить, изъ этихъ коммиссій что-нибудь выходитъ?

Ну, да не въ томъ дѣло. Вернусь лучше къ Димѣ.

Водотолченіемъ этимъ онъ сперва занимался добросовѣстно. Потомъ рѣшился обратиться къ самому Темнокову, прося дать ему работу посерьезнѣе, и получилъ въ отвѣтъ: Mon cher, le sérieux n'est pas dans les affaires mêmes, il est dans la manière de les traiter! Помните это и вы навѣрно сдѣлаете карьеру.

Но Дима никакъ не могъ примириться съ мыслью о простомъ дѣланьѣ карьеры безъ принесенія пользы.

И первоначальное усердіе въ немъ очень скоро остыло. Онъ сталъ уже помышлять о переходѣ въ другое вѣдомство. Но объ этомъ нельзя было думать. Анна Борисовна, несмотря на то, что ей принадлежали теперь всѣ доходы съ симбирскаго имѣнія, не переставала обращаться къ сыну съ просьбами о присылкѣ денегъ, суля ему въ то же время скорое повышеніе.

„Я видѣла здѣсь,—писала она изъ Парижа,—твоего начальника, Семена Васильевича. Онъ отъ тебя въ восторгѣ. И могу тебѣ только посовѣтовать упрочить за собой его доброе мнѣніе. Тебѣ черезъ годъ дадутъ новое мѣсто, гдѣ ты получишь уже прямое вліяніе на ходъ дѣлъ. Я думаю поѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренцію, гдѣ теперь Зина“...

Зина во Флоренціи! Это извѣстіе изумило Диму. Ея мужа только-что назначили военнымъ агентомъ въ Вѣну. И она, стало быть, проводитъ зиму не въ одномъ городѣ съ нимъ. Что это значило? Неужели такъ быстро оправдывались его предчувствія? Да, уже прошлою зимою, когда она была въ Петербургѣ, его поразилъ какой-то странный оттѣнокъ презрительной независимости въ ея обращеніи съ мужемъ и въ ея отзывахъ о немъ... И это было всего годъ послѣ свадьбы. Дима предостерегалъ сестру, останавливалъ ее, — теперь, когда безповоротный шагъ былъ сдѣланъ, онъ

становился на сторону князя. А она въ отвѣтъ только пожимала плечами, да смѣялась, что онъ сталъ горячо принимать къ сердцу интересы ея мужа. Въ отвѣтъ на письмо матери, Дима осторожно выразилъ удивленіе, что сестра проводитъ зиму въ Италіи. И Анна Борисовна очень пространно написала ему изъ Флоренціи, что молодой женщинѣ нуженъ югъ, что послѣ родовъ ея здоровье стало слабымъ. И въ заключеніе мать повторяла снова, что вся ея надежда на него, что съ дѣлами ей справиться невозможно и управляющій ее безсовѣстно обкрадываетъ.

„Не можешь ли ты, — говорила она между прочимъ,—съѣздить на праздникахъ въ Симбирскъ? Ты, конечно, все приведешь въ порядокъ и хорошенько пугнешь этого зазнавшагося негодяя. Я чувствую, что съ моей стороны очень неделикатно тебѣ навязывать такую обузу послѣ того, какъ ты поступилъ такъ щедро и со мной и съ Зиной. Но что же дѣлать, когда мы обѣ вынуждены жить за границей, и мои письма на господъ управляющихъ не дѣйствуютъ“?..

Диму удивляло, какъ это двухъ такихъ имѣній, какъ пензенское и симбирское, прежде дававшихъ большіе доходы, не хватаетъ на Анну Борисовну и Зину. Подыскалъ онъ вѣдь для обоихъ имѣній людей, вполнѣ внушавшихъ довѣріе. Просьбу матери онъ, однако, исполнилъ и убѣдился, что на управляющихъ жаловаться нечего, и Анна Борисовна да и Зина, тоже, уже успѣли получить съ осени изрядныя суммы. Тщетно онъ подыскивалъ извиненія для матери. Ему было совершенно непонятно, какъ можно съ ея умомъ такъ упорно отворачиваться отъ дѣйствительности.

И онъ рѣшился весной отправиться въ отпускъ, чтобы сдѣлать новую попытку повліять на Анну Борисовну. Но мать его предупредила, сама пріѣхавъ неожиданно въ Петербургъ еще до конца зимы. По ея наружности, ея туалетамъ и въ особенности по той удивительной быстротѣ, съ которой она окружила себя,

едва проживъ въ Петербургѣ нѣсколько дней, цѣлымъ сонмомъ знакомыхъ и друзей, нельзя было подумать, что ее удручали заботы.

Съ прежней свободою духа, съ обычнымъ блескомъ ума, Анна Борисовна, принимая гостей съ утра до вечера, вела съ ними оживленныя бесѣды о всевозможныхъ вопросахъ, удивляя всѣхъ многосторонностью свѣдѣній и оригинальностью замѣчаній. За то, когда она оставалась вдвоемъ съ сыномъ, совсѣмъ иныя рѣчи приходилось ему выслушивать. Тревога за дочь, семейная жизнь которой, повидимому, разстраивалась, тревога за дѣла, становившіяся все запутаннѣе, одинаково не давали покоя Аннѣ Борисовнѣ, хотя при чужихъ она и казалась беззаботной. И она пріѣхала посовѣтоваться съ сыномъ.

— Можетъ быть, въ концѣ концовъ даже придется симбирское имѣніе продать...

Анна Борисовна неохотно призналась сыну, что въ Парижѣ осенью пустилась въ биржевую игру и много потеряла. У нея были долги, и въ магазинахъ уже переставали вѣрить. Вотъ какова была изнанка жизни этой блестящей женщины, такъ хорошо умѣвшей оживить цѣлое общество и всегда одѣтой съ такимъ изысканнымъ вкусомъ... Жертвы, принесенныя сыномъ, не привели, стало быть, ни къ чему.

— Не понимаю,—говорила она ему разъ, перебирая кольца на правой рукѣ,—отчего ты совсѣмъ не думаешь о женитьбѣ. Тебѣ пошелъ двадцать шестой годъ — самая пора!.. Надо умѣть пользоваться молодостью, когда, заодно съ нею, есть и положеніе. За тебя бы многіе пошли, и ты могъ бы сдѣлать партію, гораздо лучшую, чѣмъ даже Мери. Или ты все еще про нее не забылъ? Или пустила такіе глубокіе корни у тебя „cette passion intellectuelle toute de cerveau?..“

И Анна Борисовна вскользь сдѣлала два-три довольно-таки презрительныхъ намека на княгиню Софью Викторовну. Неужели сынъ ея такъ ужъ безпово-

ротно въ плѣну у этой тридцатисемилѣтней красавицы?..

Диму покоробило отъ словъ матери, но онъ сдержался, и готовый запальчивый отвѣтъ такъ и застылъ на его губахъ. Этой новой жертвы онъ не принесетъ Аннѣ Борисовнѣ. Его „интеллектуальная страсть“, какъ называла ее мать, владѣла всѣмъ его существомъ, мысль о женитьбѣ не приходила ему въ голову. Отношенія его къ княгинѣ оставались тайною почти для всѣхъ. А тѣ немногіе, которые про нихъ знали, хранили это про себя. Дима чувствовалъ, что для него одного Софья Викторовна раскрываетъ недоступныя другимъ сокровища своего ума, что свѣтская женщина, которую всѣ считаютъ холодной, хоть и блестящей, сберегаетъ для него не одно свое будто отточенное остроуміе, но и глубокое пониманіе человѣческаго сердца, отзывчивость на всѣ его запросы. И эта любовь точно застраховывала Кочетова отъ всякаго иного увлеченія. Привлекательность другихъ женщинъ для него не существовала. Княгиня теперь каждый годъ пріѣзжала въ Петербургъ, но пріѣзжала всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Она хорошо знала, какъ нужно пользоваться разлукой и какое это могучее средство для поддержанія чувства. И Софья Викторовна даже не зазывала молодого человѣка въ тѣ мѣста, гдѣ проводила остальное время года. Туда Диму тянуло и безъ того. Онъ бралъ отпускъ и поселялся вблизи отъ дома княгини, въ одномъ изъ маленькихъ уединенныхъ городковъ на предгорьяхъ Альпъ. Софья Викторовна избѣгала людныхъ мѣстъ. Ей нравилось только исключительное, то, чѣмъ пользуются немногіе. И эти поѣздки за границу, гдѣ гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ можно было укрыться отъ непрошенныхъ глазъ, были настоящимъ праздникомъ для Кочетова. Тутъ онъ наслаждался вполнѣ, какъ бы отпивая глотками рѣдкій напитокъ, который подносила ему Софья Викторовна.

А года шли. Дима все замѣтнѣе удалялся отъ

широкой жизненной струи, уносившей съ собою его сверстниковъ. Въ обществѣ онъ показывался рѣдко, хоть и не переставали его приглашать, какъ всегда цѣнимаго гостя. Онъ приносилъ съ собою умъ, открытый для любого современнаго вопроса. Но Дима все-таки чувствовалъ себя будто чужимъ среди толпы; его душой владѣли не ея интересы. Министерство, въ которомъ онъ тянулъ лямку—настоящую лямку теперь,—съ грустною улыбкой говоря товарищамъ, что отбываетъ повинность,—и все сильнѣе покорявшая его любовь—были двумя полюсами жизни Кочетова.

Въ первомъ олицетворялось исполненіе долга, во второмъ—все, что было для него радостнаго на свѣтѣ. Многіе изъ сослуживцевъ на него косились за частыя отлучки. Но перо Димы слишкомъ цѣнили, чтобы не смотрѣть на это сквозь пальцы.

А онъ теперь покорно несъ служебную обузу, сознавая, что при его теперешнемъ положеніи эту обузу стряхнуть уже нельзя. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался по служебной лѣстницѣ, ему не разъ удавалось внести живую мысль въ оффиціальную работу. Но все-таки счастливъ онъ былъ въ тѣ только минуты, которыя проводилъ съ княгиней.

Въ эти минуты онъ могъ забыться, заглушить въ себѣ все сильнѣе поднимавшійся ропотъ, все чаще повторявшіяся напоминанія, какъ разошлась его настоящая жизнь съ юношескими мечтами. А въ забвеніи Дима ощущалъ уже потребность. Знакомые диву давались, отчего этотъ милый, умный молодой человѣкъ, которому теперь уже перевалило за-тридцать, такъ долго не женится. Доискивались причины, но о настоящей не догадывались. Разумѣется, не было недостатка въ пересудахъ, намекавшихъ на какую-то тайну въ его жизни,—тайну, быть можетъ, позорную.

И Анна Борисовна, опять поселившаяся въ Петербургѣ, не щадила сына наставленіями и упреками. Отъ прежней роскоши не было теперь и слѣда. Она зани-

мала небольшую квартиру въ третьемъ этажѣ, скромно отдѣланную. Но въ друзьяхъ у нея недостатка не было. Вокругъ нея собирались по прежнему послушать ея остроумныхъ, всегда мѣткихъ, рѣчей. И передъ гостями Анна Борисовна тщательно скрывала внутреннюю горечь, разъѣдавшую ея жизнь. Зато съ Димой она давала волю накипавшему у нея озлобленію, точно не она сама довела себя до того, что у нея однѣ крохи оставались отъ крупнаго нѣкогда состоянія.

Я заходилъ къ ней часто, и не разъ мнѣ доводилось слышать—въ моемъ присутствіи Анна Борисовна не стѣснялась—какъ настойчиво она повторяла сыну, что онъ губитъ свою жизнь, не выполняя перваго назначенія человѣка—создать себѣ прочный домашній очагъ. Главнаго она не договаривала, конечно, что въ постоянныхъ совѣтахъ Димѣ жениться скрывалось горячее желаніе подыскать ему богатую партію. Но эта задняя мысль просвѣчивала въ ея словахъ.

И, признаюсь, мнѣ самому непонятнымъ казалось, отчего это Дима, съ своимъ мягкимъ сердцемъ, съ наклонностью къ домашней жизни, оставался глухимъ къ увѣщаніямъ матери. Про его отношенія къ Софьѣ Викторовнѣ я тогда еще не зналъ. Разъ я тоже заговорилъ съ нимъ о женитьбѣ, удивляясь, что самъ онъ объ этомъ не думаетъ. Я не ожидалъ, что за бурю вызову своими неосторожными словами.

— Оставь меня, оставь!.. Не напоминай про это! — воскликнулъ онъ, схватывая себя за голову обѣими руками:—довольно я и безъ того наслушался такихъ совѣтовъ!

— Да вѣдь ты, — сталъ я оправдываться, — такъ дорожишь воспоминаніями старины, родовымъ помѣстьемъ... отчего же ты не хочешь свое гнѣздо завести?..

Кочетовъ бурно заходилъ по комнатѣ.

— Самъ знаю, что изъ жизни моей ничего не вышло. Тысячу разъ повторялъ себѣ это. Такъ не мучь меня, по крайней мѣрѣ, ты. Видитъ Богъ, я отъ исполненія

долга не уклонялся никогда, всегда поступалъ такъ, какъ мнѣ лучшимъ казалось. Можетъ, и ошибался... какъ знать? И ты, пожалуй, правъ... И все-таки... все-таки... не могу!.. Не могу!..—повторилъ онъ.

Позже я понялъ, что значили эти слова, понялъ, что въ немъ говорила уже не счастливая любовь, а сознаніе неволи, отъ которой онъ, какъ честный человѣкъ,—такъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ, — не хотѣлъ, или не могъ освободиться.

Его тайну выдала мнѣ Анна Борисовна, выдала, быть можетъ, невольно. Разъ я засталъ ее среди бурнаго объясненія съ сыномъ, и она проговорилась.—Не стыдно ли тебѣ всю жизнь свою, все будущее отдавать этой женщинѣ? Вѣдь ей слишкомъ сорокъ лѣтъ...

Она ужъ не стѣснялась теперь, и все свое негодованіе излила въ моемъ присутствіи. И долго послѣ того Дима избѣгалъ со мной встрѣчаться: ему совѣстно было за мать. А настойчивость Анны Борисовны теперь высказывалась все сильнѣе. Ею была отыска наподходящая, какъ она думала, невѣста для сына, совсѣмъ молоденькая еще племянница его начальника, Вѣрочка Темноокова, у матери которой было огромное состояніе, нѣсколько сомнительнаго, быть можетъ даже еврейскаго происхожденія. Вѣрочка была довольна миловидное существо, невинно глядѣвшее своими блестящими карими глазками, одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя до замужества остаются полною загадкою. Димѣ она скорѣе нравилась, хотя ему должна была претить та очевидная, нескрываемая готовность выдать за него дочь, какую выказывали родители дѣвушки. Все-таки это была женитьба изъ-за денегъ, то-есть какъ разъ то, что вызывало въ немъ самое рѣшительное отвращеніе.

И тѣмъ не менѣе, онъ не ушелъ отъ своей участи. Судьба принесла ему одновременно и освобожденіе, и новую неволю—увы, болѣе тяжкую, чѣмъ первая. Причиною была его сестра.

Долго носились смутные слухи о ея дурныхъ отно-

шеніяхъ съ мужемъ, и наконецъ грянулъ громъ; скандальная исторія съ шумомъ пронеслась по гостиннымъ Петербурга, волной занесенная изъ-за границы. Поговаривали даже о процессѣ. Зина не только разъѣхалась съ княземъ, — она должна была вернуться въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, и съ крупными долгами въ добавокъ. У Димы повисли теперь на шеѣ двѣ женщины, одинаково безпомощныя. Содержать ихъ онъ не могъ, и послѣ мучительной борьбы съ собой рѣшился на послѣднюю отчаянную жертву— на жертву своимъ достоинствомъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе Вѣрочкѣ Темнооковой и отправилъ въ Венецію, гдѣ жила тогда Софья Викторовна, длинное горячее письмо въ объясненіе своего поступка.

Отвѣта долго не было. Наконецъ онъ пришелъ. Но когда Дима въ лихорадочномъ волненіи разорвалъ конвертъ, въ немъ оказалось одно только его собственное письмо.

XII.

Совсѣмъ не женихомъ смотрѣлъ Дима Кочетовъ. Онъ шелъ подъ вѣнецъ, точно это былъ вѣнецъ терновый. Чувствовалось, глядя на него, что тяжкій вопросъ засѣлъ у него въ головѣ, неотступно требуя разрѣшенія.

Разумѣется, я его не разспрашивалъ. И безъ того я зналъ, какъ мучительно для независимо гордаго Димы сознавать, что онъ женится на деньгахъ. Какъ проигравшаго партію шахматнаго игрока, судьба поставила его въ необходимость принять окончательный шахъ и матъ. Онъ понималъ, что это былъ лишь послѣдній выводъ изъ цѣлаго ряда вынужденныхъ уступокъ сложившимся помимо его воли обстоятельствамъ. Разъ въ моемъ присутствіи онъ не выдержалъ и съ болѣзненнымъ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Вѣдь я иду наперекоръ цѣлой своей жизни,—наперекоръ тому, по крайней мѣрѣ, какъ я себѣ эту жизнь представлялъ. Вотъ чего я себѣ простить не могу, и ломаю себѣ голову, чтобы найти — гдѣ, въ какую минуту я себѣ измѣнилъ, когда именно я сталъ трусомъ и подлецомъ. Не могу, не могу опредѣлить, когда это случилось...

— Да вѣдь невѣста твоя премилая, Кочетовъ—пробовалъ я его утѣшить.—Чего-жъ мучить себя упреками?

— Да, милая, знаю это и могъ бы ее полюбить отъ всего сердца. И мѣшаетъ какъ разъ это гадкое чувство, что въ сущности я обманываю невѣсту, потому что женюсь на ней по принужденію.

На самомъ дѣлѣ, однако, Вѣрочка, всегда кроткая и тихая, всегда сердечно улыбавшаяся въ своемъ негромкомъ счастьѣ, была единственнымъ утѣшеніемъ Димы. И, когда онъ уставалъ отъ внутренней борьбы, онъ говорилъ себѣ, заглушая упреки совѣсти, что съумѣетъ полюбить ее по-настоящему и загладить тѣмъ свою вину.

Это была уже послѣдняя иллюзія въ его жизни.

На первыхъ порахъ послѣ женитьбы, ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что поднимавшаяся надъ нимъ блѣдная заря мнимаго счастья можетъ еще развернуться въ яркій, полный сіянія, день. Понемногу онъ разочаровывался. Вѣрочка, податливая, какъ ласковый ребенокъ, могла бы, пожалуй, отдаться ему всей душой и подчиниться его вліянію. На бѣду вліяніе матери оказалось сильнѣе. Аглая Рафаиловна Темноокова стояла твердо на одномъ, что ея деньги купили дочери виднаго, хоть и небогатаго мужа, и что этотъ мужъ обязанъ быть ея рабомъ. А она, какъ послушная дочь, не менѣе обязана настойчиво требовать отъ него, чтобы онъ служилъ ей оправой, давая ей случай блистать въ обществѣ всѣмъ блескомъ своего крупнаго приданаго. Димѣ хотѣлось одного только, чтобы въ его жизни какъ можно менѣе чувствовались деньги жены, чтобъ эта жизнь была

какъ можно проще, замкнутѣе. Вдвоемъ съ нею, у домашняго очага, горящаго только для нихъ обоихъ, онъ надѣялся отвоевать Вѣрочку у ея семьи и привить къ ней пониманіе того, что не въ деньгахъ и не въ роскоши счастье.

Но ему дали только передохнуть во время короткой послѣ свадебной поѣздки за границу. И тутъ же онъ понялъ, какъ не готова была жена послушно развернуться въ теплѣ его ласковой нѣжности. Вѣрочка не могла подняться въ ту область умственныхъ наслажденій, которую онъ цѣнилъ выше всего, и гдѣ столько лѣтъ не переставала удерживать его княгиня Софья Викторовна. Воспоминаніе о княгинѣ преслѣдовало его, какъ насмѣшливый призракъ, и сравненія, нелестныя для Вѣрочки, напрашивались постоянно и докучливо. Дима силился ввести жену въ то святилище искусства, въ которомъ провелъ онъ лучшія минуты жизни; а она, когда мужъ пытался объяснить ей исторію живописи передъ картиной Андреа дель-Сарто или Корреджіо—она подавляла тайный зѣвокъ и думала, какъ хорошо было бы передъ сверстницами блеснуть своей вновь отдѣланной квартирой.

И вотъ, они вернулись въ Петербургъ въ свое новое старательно изукрашенное жилище. Диму каждая комната, каждая подробность меблировки возмущала своимъ тяжелымъ безвкусіемъ,—плодомъ артистическихъ измышленій Аглаи Рафаиловны. И каждую мелочь—выборъ ковра, отдѣлку стѣнъ, разстановку какихъ-нибудь дорого стоющихъ бездѣлушекъ, надо было съ боя брать у тещи.

Едва все было устроено, она стала проектировать цѣлый рядъ вечеровъ и обѣдовъ, на которые прежде всего, конечно, надо было зазвать какъ можно больше знатныхъ и чиновныхъ особъ, приглашая непремѣнно въ то же время и ея собственную родню, обнимавшую добрую половину петербургскаго финансоваго міра. Неизвѣстно, чего сильнѣе хотѣлось Аглаѣ Рафаи-

ловнѣ—поразить эту родню блескомъ знакомыхъ Анны Борисовны, или, наоборотъ, открыть ей доступъ въ тотъ замкнутый кругъ, куда и сама госпожа Темноокова допускалась не совсѣмъ на равныхъ правахъ.

Дима боролся упорно, но уступить въ концѣ концовъ онъ все-таки былъ вынужденъ. Въ главномъ вѣдь, чего добивалась его мать, отказа не было. Ея долги и долги Зины тоже были уплачены сполна, и Аглая Рафаиловна давала это чувствовать на каждомъ шагу прозрачными и ѣдкими намеками.

Словомъ, это былъ настоящій адъ, и вырваться изъ него стало горячей мечтой Кочетова. Я забылъ вамъ сказать, что, еще въ первый годъ послѣ женитьбы, Дима покинулъ министерство Семена Васильевича. Ему нестерпимо было чувствовать завистливые взгляды сослуживцевъ, въ которыхъ ему мерещился худо скрытый насмѣшливый упрекъ. Быть на особомъ положеніи племянника, сознавать, что всякая награда, какую онъ получитъ, будетъ приписываться не его работѣ, а близкому родству съ начальникомъ—этого онъ вынести не могъ. И къ немалому удивленію Темноокова, Дима объявилъ ему разъ, что переходитъ въ другое вѣдомство.

Колтовской такъ и вскочилъ со стула, услыхавъ это.

— Удивительный, право, человѣкъ былъ этотъ Кочетовъ. Онъ просто бѣгалъ отъ собственнаго счастья. И послѣ этого ты удивляешься, что ему счастье не далось!

— Другой на его мѣстѣ, конечно,—медленно отчеканилъ Сермягинъ:—поспѣшилъ бы, напротивъ, реализовать поскорѣе протекцію дядюшки.

— Ахъ, господа, господа!—вмѣшался я въ начинавшійся споръ.—Оба вы не хотите понять, что у каждаго изъ насъ есть свой кумиръ, и упрекать за это никого не приходится. Что одному дорого, можетъ другому казаться постыднымъ, и наоборотъ. Каждому хочется быть счастливымъ по-своему, вотъ и все! Дима хотѣлъ и на службѣ, и у себя дома быть независи-

мымъ. Открывавшуюся передъ нимъ вѣрную карьеру онъ добровольно промѣнялъ на скромную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ богатыхъ щедротъ онъ ожидать не могъ. А въ своемъ домѣ онъ выгораживалъ себя отъ роскоши жены, и кабинетъ его, куда онъ уходилъ какъ можно чаще, своимъ простымъ, спартанскимъ убранствомъ рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ комнатъ. На себя лично онъ никогда не тратилъ ни копѣйки изъ жениныхъ денегъ. Онъ и безъ того сгоралъ отъ стыда, припоминая, что деньгами этими воспользовались его мать и сестра. Дима зналъ, конечно, что своей щепетильностью только портитъ домашнія отношенія. Аглая Рафаиловна готова была бы съ зятемъ щедро подѣлиться своимъ богатствомъ, выкажи онъ ей, хотя бы для виду, ту искательную покорность, которой она требовала. Одного ей было надо, выставить на показъ передъ своими дружескія отношенія съ тѣмъ избраннымъ міромъ, къ которому всегда принадлежали Кочетовы. Для удовлетворенія тщеславія она не поскупилась бы ни на что. Но какъ разъ этого удовлетворенія ей Дима дать не хотѣлъ. Онъ страдалъ отъ того воображаемаго презрѣнія, какое ему чудилось у людей его круга, словно его женитьба была въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то позорнымъ. И передъ собой, по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ сохранить право на полное уваженіе. Это была гордость, быть можетъ, нелѣпая ребяческая гордость, но такимъ ужъ онъ былъ отъ рожденія. Щедро его одарила судьба, но прибавила, на горе ему, одинъ лишній, тяжелый даръ—неспособность мириться съ заурядным ъ, пошлымъ счастьемъ толпы.

И всего хуже для Кочетова было то, что и въ родныхъ, для которыхъ онъ собою пожертвовалъ, онъ не могъ уже находить прежней искренней близости. Анна Борисовна, какъ бы зачерствѣвъ отъ ряда униженій, вынесенныхъ ея самолюбіемъ, не щадила сына язвительными намеками, которымъ ея природное остроуміе придавало особую жгучесть.

Она перестала его понимать. А Зина все болѣе отрывалась отъ семьи, съ какою-то своенравной злобой кичась своимъ двусмысленнымъ положеніемъ. Въ обществѣ ее принимали не то чтобы дурно, но какъ-то давая чуть замѣтно чувствовать неполную ея равноправность съ прочими. И Зина не только не старалась вернуть себѣ утраченныя права, а будто на зло мнѣнію людей своего круга, совершала одинъ рискованный поступокъ за другимъ. Долго она добивалась развода отъ мужа и, наконецъ, добилась. Онъ ставилъ ей тяжкое условіе—не носить болѣе его фамиліи. И ей пришлось согласиться. Кстати, нашелся человѣкъ, готовый жениться на ней и взять въ приданое ея прошлое. Бывшая княгиня Ирренлое сдѣлалась по просту г-жей Петрищевой. Но Зинѣ быть разборчивой уже не приходилось.

Все это было очень тяжело для Кочетова. А всего тяжелѣе было сознавать, что самъ онъ похолодѣлъ къ близкимъ, что и въ немъ уже нѣтъ прежней любви къ нимъ, прежней сердечности. Жизнь все строже осуждала его на одиночество. Онъ становился даже неспособнымъ находить себѣ новыхъ друзей. Зато къ старымъ—къ Сермягину, напримѣръ, и ко мнѣ—онъ привязывался все болѣе. И мы съ горестью замѣчали, какъ съ каждымъ годомъ черты его лица удлиннялись и становились какъ-то строже. Ранняя сѣдина показывалась въ его рѣдѣвшихъ волосахъ. Отъ прежней веселости онъ отвыкъ совсѣмъ... И молодая жена, которую онъ почти было полюбилъ, все замѣтнѣе отъ него отчуждалась. Послушная ядовитымъ наставленіямъ матери, она все сильнѣе ощущала какую-то обиду себѣ въ обращеніи мужа и мстила за это намѣренной холодностью, въ которой то-и-дѣло звучала оскорбленная, а порой и язвительная нотка. Большимъ остроуміемъ ее судьба не одарила, и Димѣ приходилось только улыбаться, когда жена говорила ему колкости. А въ этой улыбкѣ она читала презрѣніе къ себѣ и ожесто-

чалась еще болѣе. Неудивительно, что совмѣстная жизнь становилась для нихъ все тяжелѣе, все невыносимѣе.

Пять лѣтъ прошло со времени женитьбы Димы, когда вдругъ Анны Борисовны не стало. Она покинула этотъ міръ сравнительно еще молодою и оставила его безъ страданій, но не безъ горечи. Предчувствуя наступившій конецъ, она, въ присутствіи сына и уцѣлѣвшихъ у нея немногихъ друзей, перебирала воспоминанія прошлаго, все сравнивая его съ настоящимъ. И хотя передъ смертью она пригласила священника, чтобы причаститься, едва ли она отошла примиренною съ Богомъ и съ людьми.

Дима горевалъ искренно, хотя горевалъ скорѣе о прошломъ, о томъ, чѣмъ была для него мать въ юные годы. Онъ говорилъ себѣ, что оборвалась теперь послѣдняя связь съ ненавистной для него обстановкой Петербурга.

Ничто его болѣе не удерживало. Дѣтей у него не было, и онъ рѣшился оставить родину, оставить навсегда.

Ему дали мѣсто консула на Востокѣ, и онъ простился съ Петербургомъ, простился съ немногими оставшимися у него друзьями. Сермягинъ помнитъ, конечно, какъ горестно намъ было съ нимъ разставаться, съ какой безпросвѣтной грустью на сердцѣ онъ порывалъ съ своимъ прошлымъ, когда-то сулившимъ ему столько блеска и радости...

Это было пять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ мы уже не видались. Всего два раза онъ мнѣ писалъ изъ своего добровольнаго изгнанія, и въ его письмахъ былъ только блѣдный отголосокъ прежняго Димы. Даже солнце юга, нѣкогда ему такъ дорогое, не могло вновь пробудить въ немъ охоту къ жизни, стремленіе впередъ, безъ котораго для такой натуры, какъ Дима, ни красоты природы, ни общество людей не имѣютъ уже цѣны.

Сперва его назначили въ Корфу, затѣмъ перевели

въ Палермо. Къ жизни онъ становился все болѣе равнодушнымъ. Одно только чувство теплилось въ немъ—любовь къ античному искусству. И вотъ, во время поѣздки къ развалинамъ Пестума, онъ схватилъ тамъ злокачественную лихорадку, съ которой не могъ уже раздѣлаться. Она медленно подтачивала его организмъ, какъ сознаніе испорченной жизни подтачивало его духовныя силы.

Прошлой осенью онъ получилъ новое, болѣе высокое назначеніе и пріѣхалъ въ Петербургъ уладить какія-то дѣла и повидаться съ начальствомъ.

Встрѣтиться мнѣ съ нимъ не удалось: меня тогда не было въ Петербургѣ. И уже позднѣе—увы, слишкомъ поздно—я узналъ, что онъ схватилъ здѣсь воспаленіе легкихъ, и расшатанный его организмъ не выдержалъ.

Увольте меня отъ подробностей — мнѣ слишкомъ больно про это вспоминать.

Похоронили его пышно Аглая Рафаиловна и тутъ не забыла о своемъ тщеславіи. Мнѣ говорили, что на похоронахъ, въ числѣ не многихъ присутствующихъ, была и княгиня Софья Викторовна, и что по ея все еще красивому лицу долго катилась алмазная слезинка, когда она прощалась съ покойнымъ...

Я умолкъ, и съ минуту помолчали и мои слушатели. Алеша Сермягинъ склонилъ голову на грудь, должно быть, вызывая воспоминанія прошлаго. Первымъ заговорилъ Колтовской.

— А все-таки я тебѣ скажу, — обратился онъ ко мнѣ,—что твой Кочетовъ былъ настоящимъ баловнемъ счастья, хоть ты и называлъ его такъ съ какой-то скрытой ироніей. Все ему въ сущности удавалось! Баловали его и въ дѣтствѣ, баловали и потомъ. Стоило ему руку протянуть, и все у него было бы—и состояніе, и карьера, и женщины... Маленькое разочарованіе съ Мери Стремниной не такое ужъ великое горе... Бѣда въ томъ, что ему не хотѣлось руку протянуть, и самое счастье ему

становилось постылымъ, когда оно было въ его власти. Даже его женитьба, которую тебѣ угодно представлять великимъ бѣдствіемъ—многіе бы ей позавидовали.

— Ты вѣрно сказалъ,—возразилъ Сермягинъ: — что ему не хотѣлось даже руки протягивать, не хотѣлось ее протягивать, чтобы просить чего нибудь! А еще менѣе готовъ онъ былъ нагнуться, чтобы счастье свое поднять изъ грязи.

— Ну вотъ—и пошелъ!.. Сейчасъ видно, что писатель!—сухо разсмѣялся Колтовской.—Скажи просто, что человѣкъ за призраками цѣлый вѣкъ гонялся, потому что настоящая жизнь ему претила.

— Я могу помирить васъ, господа,—медленно добавалъ я съ своей стороны.—Все дѣло въ томъ, что напрасно люди счастья ищутъ вокругъ себя. Искать его не зачѣмъ. Оно не гдѣ-нибудь на сторонѣ, оно не вверху на облакахъ и не внизу тоже въ жизненной грязи,— оно въ насъ самихъ...

Въ ту минуту часы на каминѣ пробили разъ.

— Что это? Часъ ночи? Батюшки! А у насъ завтра докладъ!.. Прощайте, господа, прощайте!..

И торопливо пожавъ намъ обоимъ руки, Колтовской уже въ дверяхъ нахлобучилъ себѣ на голову шляпу.

— Вотъ это настоящая жизнь!— разсмѣялся ему вслѣдъ Сермягинъ.

— А пожалуй, онъ и правъ!—отозвался я:—все то настоящее, къ чему лежитъ наше сердце, въ томъ числѣ и призраки...

Съ этихъ поръ нашъ кружокъ болѣе не собирался праздновать годовщину университета.

ТЫ.

Отрывокъ изъ воспоминаній Вологдина.

Въ 18..... Но зачѣмъ, господа, вамъ знать годъ и число столь маловажнаго происшествія? Достаточно съ васъ и того, что была ночь, или вѣрнѣе утро, что въ воздухѣ носился тотъ особый запахъ влажности, который свойственъ петербургской осени, и не то дождь, не то снѣгъ тяжело билъ по стекламъ и примѣшивалъ свой неотвязчивый звукъ къ безсильнымъ, но настойчивымъ порывамъ петербургской вьюги.

— Что-жъ ты не пьешь?—сказалъ мнѣ, лѣниво потягиваясь, Брянцевъ, сидѣвшій рядомъ со мною на диванѣ.—Бургонское, право, не дурно. А рейнвейна не хочешь?

И тутъ-же онъ сталъ про себя бормотать какіе-то стихи, изъ которыхъ можно было только разобрать часто повторяемый стихъ:

„Съ пулемъ въ груди лежалъ я въ Дагестанѣ“...

Подъ вліяніемъ ужина, онъ подвергалъ Лермонтова извинительному искаженію.

Сергѣй Антоновичъ Брянцевъ былъ мой хорошій пріятель, окончившій курсъ въ университетѣ кандидатомъ правъ, въ числѣ которыхъ были, впрочемъ, и вовсе ему неизвѣстныя. Онъ былъ роста высокаго, съ бородой, обѣщавшей многое, и... Впрочемъ, иныхъ качествъ, что-либо обѣщавшихъ, въ немъ не было.

Я машинально придвинулъ бутылку и нехотя налилъ себѣ неполный стаканъ вина.

Въ эту минуту нашъ третій собесѣдникъ, предававшійся до тѣхъ поръ не то дремотѣ, не то вдохно-

венію, вдругъ живо оттолкнулъ кресло, на которомъ сидѣлъ, громко ударилъ рукой по столу и принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

— Эхъ, право,—сказалъ онъ:—куда мы годимся! Что за блѣдная тѣнь нашихъ юныхъ лѣтъ! Вѣдь ни работать, ни веселиться, ни просто жить мы не умѣемъ!

Кстати или не кстати была эта выходка, но она видимо произвела на насъ впечатлѣніе. Брянцевъ задумчиво гладилъ свою бороду лѣвою рукою; я внимательно слѣдилъ за кольцами дыма, медленно и тяжело извивавшимися въ душной атмосферѣ комнаты.

На столѣ догорали свѣчи. Еще немного, и сквозь занавѣсы окна покажется первый застѣнчивый лучъ невеселаго петербургскаго утра.

Нашъ товарищъ—я еще не познакомилъ съ нимъ читателя— былъ блѣдный, худощавый малый, съ жиденькой бородой и необыкновенно мягкими, добрыми сѣрыми глазами. На всей его натурѣ лежала какая-то печать пассивности, изрѣдка нарушаемой порывами напускнаго вдохновенія. Они придавали его характеру нѣкоторую неровность; тѣмъ не менѣе, всѣ мы его обожали. Звали его Михаиломъ Павловичемъ Валутиновымъ.

— Мы состарѣлись,—продолжалъ Валутиновъ:—мы не въ состояніи, по-прежнему, находить удовольствіе въ товарищеской жизни на распашку.

— Другими словами, жить спустя рукава,—сказалъ я, чтобъ остановить этотъ внезапный потокъ краснорѣчія.

— Въ томъ-то и дѣло, что живемъ мы ужъ больно спустя рукава,—замѣтилъ Брянцевъ.—Ничего полезнаго не дѣлаемъ, а еще претендуемъ на роль какихъ-то дѣятелей.

— Нѣтъ, съ этимъ пора покончить! Я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ наши теоріи никуда не годятся, что морочатъ онѣ развѣ только насъ самихъ. У насъ своя работа есть, и для меня всего дороже, все таки, своя личная польза. Вотъ когда мы для нея будемъ

трудиться и въ ней видѣть цѣль, такъ будемъ знать, изъ-за чего бьемся...

При этихъ словахъ Валутиновъ пустилъ огромное облако дыма и глубокомысленно устремилъ на него задумчивый взоръ, воображая, конечно, что достигъ крайнихъ предѣловъ мефистофельской практичности.

Мы съ Брянцевымъ разсмѣялись. Подобныя воззрѣнія такъ мало шли къ Валутинову, что контрастъ между его словами и характеромъ поневолѣ вызвалъ взрывъ хохота.

— Полно вздоръ молоть!—перебилъ я его.—Мы всѣ знаемъ, что ты до крайности любишь рисоваться передъ собою. Теперь ты ни съ того, ни съ сего вдругъ захотѣлъ преобразиться въ какого-то мошенника. А что правда, то правда. Не дѣлаемъ мы ровно ничего, а могли-бы дѣлать, да и время пока не ушло.

— Гдѣ тебѣ, эпикурейцу!—отвѣтилъ мнѣ Брянцевъ.— Ты сидишь себѣ въ Петербургѣ, и толкуешь съ каждымъ встрѣчнымъ о политическихъ вопросахъ. А попробовалъ-бы ты пожить въ деревнѣ и позаняться по земству,—ну хоть бы народную школу завести. Вотъ это было-бы таки дѣло.

— Да въ 30 градусовъ мороза, либо по аршинной грязи плестись по земскимъ дорогамъ, да принимать живѣйшій интересъ въ борьбѣ Ивана Петровича съ Петромъ Ивановичемъ... Знаю я вашу провинцію!

— Ну, такъ на что-жъ ты годенъ послѣ этого.

Разговоръ оживился. Послышались возраженія, возникла перепалка; только не прошло и четверти часа, какъ земскія учрежденія и народныя школы отошли на задній планъ, и разговоръ путемъ остротъ и насмѣшекъ дошелъ до злословія и сплетни,—той скользкой, незамѣтной тропой, которой всегда до нихъ доходитъ любой петербургскій разговоръ. Я первый это замѣтилъ.

— А вѣдь силенъ въ насъ старый человѣкъ, — сказалъ я Брянцеву.—Вотъ мы отъ души смѣемся по-

хожденіямъ разныхъ знакомыхъ, а ты насъ хотѣлъ засадить чуть-ли не въ чухломскую земскую управу. Эхъ вы, серьезные люди!

Брянцевъ видимо смутился. Онъ сталъ опять гладить окладистую бороду, что для него очевидно было равносильно почесыванью затылка у крестьянина. Валутиновъ уставился на дно бокала и сталъ, ни къ селу, ни къ городу, напѣвать безобразный мотивъ собственнаго произведенія. Мы всѣ трое достигли — чего грѣха таить! — того апогея полунощной бесѣды, когда призраки кажутся дѣйствительностью, когда теряется понятіе о логической послѣдовательности мысли.

— Дрянь мы, это правда, совершенная дрянь! — сурово промолвилъ Брянцевъ, и почему-то лѣвой рукой взъерошилъ свои густые волосы. — Мы даромъ пропадающія силы... Да силы-ли мы еще—это вопросъ!

— Parlez pour vous, mon cher—отвѣтилъ я ему. — А вѣдь такіе безобразные разговоры возможны, право, только здѣсь, у насъ на родинѣ. Ну представь себѣ любыхъ трехъ молодыхъ людей за ужиномъ гдѣ-нибудь за границею,—въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Неаполѣ, ну хоть-бы во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, и скажи, пожалуйста, придетъ-ли имъ въ голову спрашивать у себя въ три часа ночи: силы-ли они, или нѣтъ?

Валутиновъ между тѣмъ всталъ, торжественно поднялъ дрожащей рукой свой стаканъ и сказалъ полусмѣясь, полусерьезно.

— Вы настоящія дѣти. Не все намъ шумѣть, да колесничать, пора намъ за дѣло взяться.

— Какое дѣло?—перебилъ Брянцевъ.

— Да, за дѣло!—продолжалъ Валутиновъ уже совершенно величаво.—Стыдно вамъ терять время на пустяки! Наше прошедшее никуда не годится, я съ этимъ совершенно согласенъ, но кто намъ мѣшаетъ обезпечить себѣ лучшее будущее?

— Браво, браво!—отозвались мы.—Валутиновъ хочетъ сказать рѣчь.

Валутиновъ нисколько не смутился. Несмотря на безсвязность его словъ, онъ казался вдохновеннымъ. Такой стихъ на него, впрочемъ, часто находилъ.

— Намъ слѣдуетъ,—продолжалъ онъ торжественно,— поставить себѣ цѣль. Пью за здоровье этой цѣли! Вы всѣ—*ты*, Брянцевъ и Вологдинъ, должны стать на твердую почву и взаимно другъ друга поддерживать. Всѣ вы трое...—

— Что, что такое?!—воскликнули мы.

— Ну, да, *ты*, Брянцевъ и Вологдинъ,—и при этихъ словахъ Валутиновъ какъ будто обращался къ невидимой личности, указывая на пустое мѣсто у стола.

— Да у тебя двоится, что-ли въ умѣ или въ глазахъ? Какого ты еще не бывалаго *ты* приплелъ? Насъ трое всего.

— Ну, конечно, трое. Ахъ, да!..—Валутиновъ окончательно смутился.

Мы дружно захохотали. Смѣхъ нашъ, однако, тотчасъ же замолкъ, и какая-то непонятная торжественность насъ охватила, какъ будто въ словахъ Валутинова было что-то иное, чѣмъ бредъ разгоряченнаго воображенія.

— Странно, тѣмъ не менѣе,—сказалъ я:—что-жъ тебѣ померещилось? И какъ серьезно говорилъ ты,— какъ будто въ самомъ дѣлѣ тутъ кто-то съ нами сидитъ.

— А что,—подхватилъ Брянцевъ:—если и въ самомъ дѣлѣ оно такъ? Если мы не одни, какъ полагали, а здѣсь невидимо присутствуетъ это таинственное „ты"?

— Какая чепуха!—перебилъ я.

— Нѣтъ, не чепуха!—Слова Валутинова не даромъ у него сорвались съ языка. Въ нихъ было неясное сознаніе того, что съ нами здѣсь, да и вездѣ, быть можетъ, со всѣми людьми, есть непонятное, незримое существо, которое всегда подразумѣвается въ человѣческой жизни.

— Какая, однако, курьезная мысль!—замѣтилъ я. У

насъ прошла почему-то охота смѣяться. Странная дрожь пробѣжала по спинѣ. Мы задумчиво глядѣли другъ на друга.

— Она не по тебѣ, быть можетъ,—продолжалъ Брянцевъ.—Но и тебѣ не мѣшаетъ оглянуться на свою даромъ потраченную жизнь. И ты когда-то вѣрилъ въ себя и въ свое призваніе, хоть ты и стряхнулъ съ себя эти дѣтскія мечты. Но вѣдь правы не мы, сухіе, разочарованные люди, а права была наша молодость, когда она золотыя горы намъ сулила. Что-жъ дѣлать, когда мы и ей не повѣрили, и ее обманули? А вѣдь этотъ обманъ даромъ не обходится, Вологдинъ. Наши былыя надежды звучать еще, хоть глухо, въ нашемъ сердцѣ, и призракъ молодыхъ годовъ порой насъ еще посѣщаетъ, какъ живая укоризна за нашу измѣну. Вотъ оно, это таинственное „ты“!.. И горе намъ, когда оно перестанетъ намъ являтся: мы засохнемъ, какъ дерево, не творящее плода. Помни, Вологдинъ, „есть много вещей на свѣтѣ, другъ Горацію“...

— Да, Брянцевъ правъ,—сказалъ Валутиновъ.—Это *ты* съ нами всегда было, мы только его до сихъ поръ не замѣчали. Это не призракъ, не духъ какой-то, а сознаніе двойственности нашей природы, въ которомъ каждый изъ насъ себя видитъ какъ-бы въ зеркалѣ. Это память нашей молодости, когда мы такъ горячо за все хватались, всему вѣрили и хотѣли служить и наукѣ и искусству.

— Ангелъ хранитель литературы, однимъ словомъ, любезный непризнанный поэтъ, — сказалъ я, стараясь отшутиться.

— Не смѣйся, Вологдинъ, — строго отвѣтилъ Брянцевъ. — Когда мы тратимъ нашу жизнь на ужины, на игру, на свѣтское бездѣлье, когда мы цѣлыя ночи напролетъ толкуемъ о пустякахъ, мы заглушаемъ въ себѣ чувство нашего священнаго долга. Мы слишкомъ мелки, слишкомъ эгоистичны, чтобы помнить, что есть у насъ иное призваніе. Это настоящая, вопіющая безнравствен-

ность. Не всякій способенъ, подобно тебѣ, беззаботно думать объ однихъ развлеченіяхъ, когда вездѣ, кругомъ тебя люди борются за свое существованіе.

— Ба, соціальный вопросъ! куда укатилъ!

— Вотъ о немъ-то и напоминаетъ намъ таинственный гость, усѣвшійся за нашимъ столомъ. Не для каждаго онъ имѣетъ одинаковое значеніе, его каждый понимаетъ по своему; но сожалѣю о тѣхъ, которые отъ него отворачиваются. Для нихъ онъ рано или поздно сдѣлается „Каменнымъ Гостемъ".

— Ты Вологдина произвелъ въ „Донъ-Жуаны",— сказалъ Валутиновъ.

— Бываютъ всякіе донъ-Жуаны, хотя всѣ они вредны, на сколько хватаетъ имъ силъ. Жалкимъ мнѣ кажется это вѣчное легкомысліе, которому въ жизни все одна забава...

— Помилуй, гдѣ тутъ легкомысліе? Я пресерьезный человѣкъ.

— Знаю, батюшка, знаю: Герберта - Спенсера ты читалъ, и Дарвина, и Милля, и французскую литературу изучилъ вполнѣ—чего-же еще?

— Нѣтъ, право, господа, шутки въ сторону: хоть вашъ миѳическій „ты" — плодъ фантазіи, вами окрашенный либеральнымъ оттѣнкомъ, но можно намъ пользу извлечь даже изъ этого миѳа. Давайте, въ самомъ дѣлѣ, работать, кто къ чему способенъ, и пусть нашъ незванный собесѣдникъ насъ похвалитъ, когда мы соберемся здѣсь вновь.

— Ты не для шутки говоришь это, Вологдинъ? — строго перебилъ меня Брянцевъ. — Помни, здѣсь грозный свидѣтель твоихъ словъ.

— Ну, грозный! куда хватилъ! — отвѣчалъ я въ новомъ припадкѣ скептицизма. — Нашелъ чѣмъ пугать! А! въ самомъ дѣлѣ, я готовъ обѣщаться, что сегодняшній вечеръ даромъ не пропадетъ.

— Но что-же, однако, мы будемъ дѣлать? — вмѣшался Валутиновъ.—Для работы нужна программа.

— Эхъ, господа, какая тутъ еще программа! Работа

всегда найдется, лишь была-бы охота взяться за дѣло съ сознаніемъ долга и съ твердой волею его довести до конца. Вѣдь мы не наемники, не для барыша станемъ трудиться, а вѣдь это главное.

Мы смолкли, какъ-бы сознавая нравственное превосходство Брянцева. Иронический отвѣтъ у меня замеръ на языкѣ. Я бойко отрицалъ существованіе „ты“, этой новой статуи командора, изобрѣтенный Брянцевымъ; но, положа руку на сердце, я не стану утверждать, чтобы въ ту минуту я не вѣрилъ хоть чуть-чуть въ его присутствіе. Нервное ли раздраженіе отъ поздней бесѣды, вліяніе-ли ужина, только я долженъ сознаться, что и во мнѣ зазвучала мистическая струнка. Я-бы не удивился, если-бы вдругъ напротивъ меня, въ пустомъ пространствѣ, явилась таинственная личность, надъ которой я старался трунить.

Въ комнатѣ господствовалъ полумракъ. Свѣчи тускло горѣли среди табачнаго дыма, лампа вдругъ стала потухать, потомъ на секунду брызнула яркимъ свѣтомъ, наконецъ совершенно погасла.

— И такъ, господа, — закончилъ я: — долой нашу праздность! Будьте свидѣтелями моего обѣщанія,—ты, Валутиновъ, ты, Брянцевъ, и то, другое, загадочное ты...

Мы попробовали разсмѣяться, но намъ померещилось, будто за другимъ концомъ стола кто-то, глядя на насъ, киваетъ головой... Мы всѣ были въ сильно возбужденномъ настроеніи. Не могу сказать, было-ли то чутье присутствія чего-то сверхъестественнаго, но помню, что въ ту минуту мы не думали шутить, призывая въ свидѣтели невидимое „ты“.

Двери комнаты широко распахнулись. Показался татаринъ-слуга съ явнымъ желаніемъ напомнить, что пора-бы разойтись. Струя холоднаго воздуха пробѣжала по комнатѣ и неожиданно въ окнѣ .что-то стукнуло и захлопнулось. Насъ обдало невольнымъ страхомъ. Оказалось потомъ, конечно, что форточка у окна была растворена и, вѣроятно, сама собой закрылась отъ сквоз-

ного вѣтра... Блѣдный, дрожащій лучъ утренняго свѣта прокрадывался въ комнату и боролся съ мерцаніемъ потухавшихъ свѣчъ. День вступалъ въ свои права для трудящагося населенія, а насъ заставалъ за ужиномъ, среди взаимныхъ обѣщаній посвятить себя дѣятельной жизни. Было пять часовъ утра.

Мы молча спустились съ лѣстницы. По пустой улицѣ накрапывалъ дождь.

Я вернулся домой въ скверномъ расположеніе духа. Все мнѣ казалось и глупо, и скучно; и Брянцевъ и Валутиновъ, и городъ этотъ, сырой и холодный, который какъ будто такъ и втягиваетъ въ свою атмосферу эгоизма и безцѣльности.

Тѣмъ не менѣе, не находя въ этихъ мечтахъ ничего привлекательнаго, я поступилъ такъ, какъ то сдѣлалъ бы всякій разсудительный человѣкъ, т. е. затушилъ свѣчку и улегся.

Однако мнѣ не спалось. Смутные образы носились передъ моимъ воображеніемъ, хотѣлось мнѣ ихъ уловить, и вотъ, казалось, сейчасъ они примутъ осязательный видъ; а нѣтъ—опять расплывутся въ бездонное море призрачныхъ впечатлѣній.

У меня гудѣло въ ушахъ; какая-то лихорадочная дрожь бѣгала по спинѣ, и неотвязчивыя грезы не давали уснуть. Я метался съ боку на бокъ, и все какъ будто съ той стороны, на которую я не глядѣлъ, стоитъ нечеловѣческій, загадочный образъ, подобнаго которому я не видѣлъ нигдѣ. Иногда онъ какъ будто нагибался надъ моею постелью—и вотъ сейчасъ ляжетъ мнѣ на грудь всею своею тяжестью. Наконецъ, мнѣ это надоѣло; я судорожно вскочилъ, хотѣлъ за него ухватиться и почувствовалъ, какъ что-то неопредѣленное ускользаетъ изъ моихъ рукъ.

— Ты не вѣрилъ въ меня!—послышался мнѣ голосъ: — узнаешь меня впослѣдствіи. — Я бросился къ окну и отдернулъ занавѣску. Было совершенно свѣтло.

Когда я на другой день встрѣтилъ Валутинова, онъ тотчасъ-же спросилъ:

— А помнишь вчерашній ужинъ? До какихъ мы геркулесовскихъ столбовъ доврались! А вѣдь признайся, странная штука это „ты“?

— Пожалуйста, не говори мнѣ про эту нелѣпость!— сердито отвѣчалъ я.

Во всю эту зиму намъ уже не удавалось собраться снова втроемъ. Все что-то намъ мѣшало. Валутинова отвлекали дѣловыя занятія: меня — разныя свѣтскія увеселенія, въ которыя я погрузился очертя голову; а Брянцевъ все пропадалъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ кружкахъ и носился съ завѣтными мыслями, которыхъ намъ не считалъ нужнымъ передавать. Вообще мы за это время какъ-то разошлись. Въ Петербургѣ это довольно естественно.

Слѣдующимъ лѣтомъ мы свидѣлись неожиданнымъ образомъ. Вотъ какъ это было. Я въ первыхъ числахъ мая уѣхалъ съ семействомъ за-границу, на богемскія воды. Прелести Карлсбада мнѣ скоро надоѣли, и я отправился странствовать одинъ.

Разъ—это было, кажется, въ іюнѣ,—я поѣхалъ осматривать гейдельбергскій замокъ. Отдавъ приличную дань обязательнымъ восторгамъ, я медленно спускался подъ гору. Былъ восхитительно-ясный лѣтній вечеръ. Солнце почти закатилось на безоблачномъ небѣ. Въ воздухѣ слышалась еще нѣга весенней природы, которой не знаютъ страстныя лѣтнія ночи.

Я всегда болѣе дорожилъ тѣми неожиданными впечатлѣніями, которыя успѣешь случайно уловить среди обычнаго посѣщенія достопримѣчательныхъ мѣстъ, чѣмъ осмотромъ знаменитыхъ памятниковъ и произведеній искусства.

Я остановился на косогорѣ, чтобы вдоволь насмотрѣться на широкую мирную долину, медленно исчезавшую въ полумракѣ, на быструю смѣну яркаго колорита горъ, по которымъ скользили потухавшіе лучи солнца.

Вдругъ рядомъ со мной, за поворотомъ дороги, услышалъ я знакомый мнѣ голосъ Валутинова, толковавшаго на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ съ проводникомъ.

— Чрезвычайно интересный замокъ, — говорилъ онъ:—мнѣ особенно понравилась одна зала, нижняя съ колоннами, и знаете, прекурьезныя тамъ эти разноцвѣтныя окна. Одно особенно замѣчательно,—вѣроятно XIII вѣка...

— Валутиновъ,—крикнулъ я ему:—вотъ встрѣча!

— Ба, Вологдинъ! здравствуй, любезный другъ!

— А ты, какъ водится,—отвѣтилъ я, смѣясь,—пустился въ археологію и открылъ окна XIII вѣка въ замкѣ XVII столѣтія!

— Какъ ты похудѣлъ, однако,—сказалъ Валутиновъ, не отвѣчая мнѣ.—Сойдемъ, впрочемъ, поскорѣе; становится холодно. А знаешь, кто здѣсь, въ Гейдельбергѣ? Брянцевъ; мы его тамъ встрѣтимъ.

Мы спустились къ городу, живо толкуя о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о товарищахъ, о путешествіи, такъ неожиданно забросившемъ насъ вмѣстѣ въ прелестный уголокъ Германіи. Брянцева мы дѣйствительно нашли за столомъ около Bierhalle, гдѣ онъ курилъ и пилъ пиво съ цѣлой сворой студентовъ въ безобразныхъ венгеркахъ, которымъ онъ съ жаромъ доказывалъ, что объединеніе Германіи гроша не стоитъ, а необходима прежде всего федерація цѣлаго человѣчества съ краснокожими индійцами включительно. Намъ, впрочемъ, безъ труда удалось отвлечь его отъ этой бурной компаніи и усадить его съ нами за отдѣльный столъ.

Мы спросили рейнвейна. Малу-по-малу около насъ опустѣло: рано ложатся въ Германіи, даже объединенной. Впрочемъ, спѣшу оговориться, чтобъ не согрѣшить анахронизмомъ: въ то время Германія не успѣла еще окончательно вкусить сладость власти г. фонъ-Бисмарка, и горячіе умы молодого поколѣнія сильно возставали противъ вновь изобрѣтенной линіи Майна.

— Что-жъ ты, Брянцевъ, здѣсь собственно творишь?— спросилъ я его.

— Да, вотъ, отдыхаю немного, да готовлюсь держать на магистра.

— И все собой недоволенъ?

— Я самодовольства, ты знаешь, ни въ себѣ, ни въ другихъ не терплю. А ты, Вологдинъ?

— Да какъ тебѣ сказать? Странствую весьма пріятно. Тамъ въ Карлсбадѣ, много народа и милые соотечественники есть; графиня Р., княгиня Т.; познакомился съ прелестнѣйшей женщиной въ мірѣ, графиней Ротенфельсъ, — ты знаешь, изъ Вѣны?

— Все это прекрасно, а затѣмъ что?

— Затѣмъ отправляюсь въ Баденъ. Конечно, безъ рулетки не обойдется; оттуда заберусь въ Швейцарію, гдѣ, конечно, встрѣчусь съ нашимъ общимъ пріятелемъ, Мишей Буяновымъ. Онъ, между прочимъ, сталъ окончательно заграничнымъ русскимъ.

— Да и ты, кажется, на этотъ очаровательный типъ нѣсколько смахиваешь.

— Не знаю, на какой типъ я смахиваю, но нахожу нелѣпымъ сиднемъ сидѣть въ Петербургѣ, когда есть возможность подышать свѣжимъ воздухомъ. Я на зиму, вѣроятно, уѣду въ Италію.

— А помнишь, Вологдинъ,—началъ опять Брянцевъ, мѣрно отчеканивая каждое слово:—нашъ послѣдній ужинъ прошлою осенью?

— Ну, да; такъ что-жъ тутъ особеннаго?

— Какъ? забылъ!—вмѣшался Валутиновъ:—а „ты“, знаменитое „ты“ помнишь?

— Охота тебѣ помнить это ребячество,—отвѣчалъ я. Однако, не знаю почему, я сказалъ это не особенно шутливымъ тономъ. Признаюсь, воспоминаніе о *ты* меня почему-то коробило.

— Ребячество?—сказалъ Брянцевъ.—И то, конечно, было ребячество, что нами было высказано въ этотъ

вечеръ, и твоя рѣшимость отстать отъ погони за свѣтской пустотой.

— Послушай, Брянцевъ, нельзя-ли перемѣнить разговоръ?

— То-то,—перемѣнить разговоръ! а самъ говорилъ о серьезной дѣятельности!

— Ну, а ты, Брянцевъ, какая-же твоя „серьезная дѣятельность"?

— Самъ знаю, что нѣтъ ея, да не по моей винѣ, а по винѣ обстоятельствъ. Нѣтъ ты во многомъ перемѣнился, Вологдинъ.

— Должно быть тоже по винѣ обстоятельствъ.

— Ну, господа,—вмѣшался Валутиновъ,—у меня работы довольно. Во-первыхъ, я изучаю народныя преданія по мѣстности рѣки Хопра, и нашелъ премного интереснаго; во-вторыхъ, все-таки, знаете, служба. А, наконецъ, въ особенности мои дѣла по имѣнію. Тамъ у меня по сосѣдству есть одинъ раззорившійся помѣщикъ. Я все жду, какъ паукъ насѣкомаго, пока онъ совсѣмъ раззорится, чтобъ купить имѣніе за безцѣнокъ.

— Ну, вѣдь, и ты хорошъ. Чудесный принципъ въ теоріи, мимоходомъ сказать, но вѣдь то бѣда, что это все одна теорія, а въ сущности я убѣжденъ, что тебя всѣ тамъ на рѣкѣ Хопрѣ за-носъ водятъ.

— А знаешь, Брянцевъ,—обратился я къ нему:— вѣдь ты дождешься плохого конца.

— Какой будетъ конецъ—не знаю, господа; но скажу вамъ то, что мало вами сдѣлано успѣховъ съ тѣхъ поръ, какъ вы горюете надъ потеряннымъ временемъ. Не помните вы про существованіе того таинственнаго „*ты*", въ которомъ отражается ваша даромъ потраченная жизнь. А что, если оно и теперь среди насъ, какъ было въ тотъ достопамятный вечеръ?..

Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Молодой серпъ луны слабо освѣщалъ листву деревьевъ. Легкій вѣтеръ сталъ шелестить въ вѣтвяхъ. По землѣ ползали и исчезали неясныя тѣни. Среди глубокаго безмолвія

ночи господствовала какая-то таинственность и невольно настраивала умъ на фантастическія грезы. Въ темнотѣ бродили, казалось, вокругъ насъ существа неземныя, сверхъестественныя...

Разговоръ не клеился. Я первый это замѣтилъ и напомнилъ товарищамъ, что пора разойтись по домамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я оставилъ Петербургъ: меня назначили секретаремъ въ одно изъ нашихъ посольствъ. Валутиновъ живетъ попеременно въ деревнѣ и въ Петербургѣ и изрѣдка путешествуетъ. Онъ, попрежнему, прекрасный малый, но пересталъ корчить Мефистофеля. Надняхъ выходитъ второй выпускъ его „Народныхъ преданій съ береговъ Хопра".

Брянцевъ почему-то исчезъ: онъ, говорятъ, не совсѣмъ добровольно проживаетъ въ одной изъ отдаленныхъ губерній.

Спѣшу добавить, что несмотря на слова, когда-то слышанныя мною ночью въ моей комнатѣ, я никогда не узналъ, кто такое собственно было „ты", и потому полагаю, что оно существовало только въ моемъ воображеніи.

ДЯДЮШКА МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

Изъ записной книжки Сергѣя Васильевича Градищева.

К. Головинъ (К. Орловскій).

ДЯДЮШКА МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Сергѣя Васильевича Градищева.

Изданіе А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. Т-ва Печатн. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.
1903.

Венеція, 7 октября 1873 года.

Сегодня опять дождь льетъ съ самаго утра. Приходится поневолѣ сидѣть взаперти, да любоваться изъ окна, какъ дождевыя капли привскакиваютъ одна за другой, падая на крышу и на каменные балконы противоположнаго дома, и потомъ, точно слезы на сморщенномъ лицѣ, медленными струйками стекаютъ по трещинамъ стѣнъ. Ну, ужъ хваленое итальянское небо! Второй день все то же. Глядишь и ждешь, не скользнетъ ли хоть разъ по огромнымъ окнамъ стараго палаццо, на который мнѣ приходится глядѣть, хоть одинъ только, хоть блѣдненькій солнечный лучъ, какъ у насъ на сѣверѣ. Нѣтъ. Все тотъ же непроницаемый, тяжелый и безцвѣтный паръ, все тѣ же почернѣвшія стѣны, а между ними и мною—узкая темная полоса—не то вода, не то пустое черное мѣсто, яма или ровъ какой-то. Это каналъ. И за эти два дня хоть бы одинъ человѣческій голосъ раздался съ его мутной поверхности, хоть бы одна гондола проскользнула по его нѣмымъ волнамъ. Все сырость, да мракъ, да безмолвіе. А темныя стѣны противъ моихъ оконъ глядятъ — не скажу грустно, а строго, неподвижно, какъ тѣ старики, у которыхъ семья вымерла, и которые сурово ждутъ, пока кончится ихъ опустѣвшая жизнь. Я тщетно надѣялся, что вотъ-вотъ покажется живое существо за однимъ изъ этихъ большихъ, вѣчно запертыхъ оконъ. Разъ, правда,—это было вчера—одно изъ нихъ растворилось, и какая-то женщина принялась лѣниво сметать соръ съ мраморнаго подоконника. Кто-нибудь можетъ

быть и займетъ давно заброшенное палаццо, А что̀ это была за роскошь когда-то! Какая зала! Старинная позолота кое-гдѣ тускло блестѣла на стѣнахъ, и ворвавшаяся струя вѣтра зашелестила оборваннымъ кускомъ тяжелой шелковой ткани. Воздухъ точно помѣшалъ мрачному сну этого запертаго жилья, гдѣ давно ужъ пребываютъ одни неодушевленные предметы; и сердито должно-быть зашевелились они отъ непривычнаго прикосновенія воздуха. Старая служанка съ добрый часъ вяло продолжала свою работу, потомъ снова захлопнулось окно, и только голуби, прилетавшіе на крышу, да кошка, которая вотъ сейчасъ, пока я пишу эти строки, осторожно крадется по карнизу второго этажа, мѣшаютъ тяжелому покою старческаго дворца, которому, я думаю, жутко доживать свой когда-то блестящій вѣкъ.

Скучно и сыро. Вчера̀ я хотѣлъ было продолжать свой осмотръ достопримѣчательностей. Что дѣлать? Вѣдь сознаешь за собой какую-то неисполненную обязанность, пока всего не осмотришь и не зароешь впечатлѣній въ какой-то пестрый ворохъ своей памяти. Да пришлось бросить это занятіе. Въ церковь San-Mosè, куда, правда, не проникаетъ дождь, немилосердно пронизавшій меня даже подъ навѣсомъ гондолы, не проникалъ и Божій свѣтъ, и какъ ни силился чичероне восхвалять мнѣ ея мрачное великолѣпіе, тусклая полутьма застилала это великолѣпіе отъ моихъ усердныхъ глазъ, точно надъ всѣмъ городомъ натянутъ былъ флеръ, и весь онъ, безмолвный и скорбный, словно совершалъ надъ собой какой-то неслышный погребальный обрядъ. Надо ѣхать отсюда подальше на югъ, въ Римъ, гдѣ не грустью, а спокойною гордостью вѣетъ отъ развалинъ, или въ Неаполь, гдѣ природа и люди цѣлыми вѣками не устаютъ отъ вѣчнаго праздника солнца; да совѣстно какъ-то уѣзжать. Надо дождаться, пока съ безоблачнаго неба мѣсяцъ станетъ серебрить широкую черную зыбь Canal Grande и слать яркія бѣлыя полосы на мраморныя плиты Piazza San-Marco. Тогда,

говорятъ, при этомъ, словно загробномъ свѣтѣ, мертвая Венеція возстаетъ изъ могилы и, какъ полночное привидѣніе, оживаетъ въ волшебномъ лунномъ освѣщеніи. Торопиться мнѣ незачѣмъ: никто и ничто меня не ждетъ; я самъ, напротивъ, будто ожидаю жизнь. Я и задумалъ отъ нечего - дѣлать писать свой дневникъ, пользуясь тусклымъ свѣтомъ изъ широкаго окна въ моей комнатѣ.

Да, странное это дѣло, право! Мнѣ двадцать три года; я, кажется, здоровъ и въ деньгахъ не нуждаюсь, а что-то настоящая жизнь не наступаетъ, точно мимо идетъ и забываетъ мое существованіе. Тишь да гладь. Неужели это и дальше такъ будетъ? И молодые годы съ ихъ тревожнымъ счастіемъ—какая-то книжная басня? и все то, про что столько писано, о чемъ съ такимъ сожалѣніемъ вспоминаютъ старики, — обманъ воображенія?

Дѣтство мое и родной домъ часто приходятъ мнѣ на память именно здѣсь, гдѣ я такъ далеко отъ семьи, гдѣ ни одно знакомое лицо не напоминаетъ мнѣ о родинѣ. А по-настоящему мнѣ и дѣтство-то нечѣмъ помянуть. Я росъ одинъ; меня не баловали, но за то и строгости никакой почти не было; я былъ не то, что бы свободенъ, а какъ-то въ сторонѣ отъ старшихъ; да, именно—въ сторонѣ. Мать моя, бывало, всего на нѣсколько минутъ зайдетъ въ мою комнату, спроситъ учителя, какъ я занимаюсь, и какъ будто не слушаетъ вовсе его отвѣта. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ всегда казалось. Потомъ она меня, бывало, поцѣлуетъ въ лобъ или въ щеку—въ губы она меня, помниться, никогда не цѣловала—и скажетъ: „Сережа, пожалуйста, учись хорошо, будь прилеженъ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и потомъ уйдетъ. Иногда при этомъ, когда она бывала въ нарядномъ платьѣ, она бережно приподнимала свой шлейфъ, точно боясь задѣть имъ соръ на полу. Ей почему-то всегда казалось, что въ моей дѣтской должно быть не чисто. Странное дѣло! мать была

очень добра ко мнѣ, почти никогда не бранила, я же ее отчего-то боялся. Если она меня заставала за книгой или за игрой, я тотчасъ бросалъ и то, и другое, и смотрѣлъ на нее съ испугомъ, точно она меня застала за чѣмъ-то дурнымъ. Если у меня бывали другіе мальчики, или я просто даже разговаривалъ съ учителемъ,—а учитель у меня былъ очень добрый, не молодой ужъ, но веселый такой,—болтовня у насъ немедленно прекращалась; въ присутствіи мамà и товарищи мои, и самъ учитель какъ-то странно каменѣли. А что за красавица была мать! Я помню еще, какое странное впечатлѣніе на меня производили слышанныя мною иногда мелькомъ похвалы чужихъ насчетъ ея красоты; и каждый разъ эти похвалы дѣйствовали на меня какъ-то непріятно, точно въ нихъ было что-то обидное. Волосы у нея были черные съ синеватымъ отливомъ, какіе у русскихъ бываютъ рѣдко, и при томъ шелковистые, мягкіе; всегда они, какъ ни зачешетъ она ихъ, ложились послушными красивыми волнами. Роста она была высокаго и даже въ тридцать лѣтъ не утратила легкой, почти дѣвической гибкости стана и упругости походки. Замужъ она вышла очень рано и теперь ей недавно минуло сорокъ.

Гостей у насъ всегда бывало много. Мы жили не въ своемъ домѣ: старинный нашъ домъ въ Москвѣ на Поварской проданъ давно; мнѣ всего было восемь лѣтъ, когда его продали, и я смутно лишь помню его большія залы съ полинялыми тяжелыми гардинами и какою-то чопорною затхлостью въ самомъ воздухѣ,—тою затхлостью, какою вѣетъ, напримѣръ, отъ очень старинныхъ, пожелтѣвшихъ кружевъ. Я до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ его продали. И пошелъ онъ, кажется, за-безцѣнокъ. Мнѣ тогда, разумѣется, не считали нужнымъ давать объясненія, а послѣ, когда жизнь пошла по иной колеѣ, мнѣ и спрашивать не приходилось. Знаю только, что переселились мы тогда въ Петербургъ и что про это много толковали отецъ съ матерью, да

еще съ разными московскими тетками, принимавшими всегда большое участіе въ томъ, что у насъ дѣлалось. Помню даже, что вся эта суетливая родня—она была съ отцовской стороны—очень надоѣдала мамá, которая не разъ даже при мнѣ выражала свое нетерпѣніе по поводу этого постояннаго вмѣшательства. Отецъ тогда не хотѣлъ переѣзжать въ Петербургъ, хоть ему и говорили, что такъ нужно для его службы. И потомъ онъ въ самомъ дѣлѣ получилъ въ Петербургѣ какое-то мѣсто, должно-быть очень почетное, такъ какъ курьеръ все приносилъ ему бумаги подписывать, и ордена онъ сталъ получать, а потомъ и ленты. А въ Москвѣ онъ говаривалъ, что служить хочетъ только по выборамъ; папà долго былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Совѣтовали ему переѣхать двѣ родственницы, обѣ очень важныя и сердитыя въ добавокъ. Онѣ всегда держали сторону мамà и говорили даже, что отецъ не умѣетъ ее цѣнить. Того же мнѣнія былъ одинъ изъ лучшихъ друзей папà, графъ Андрей Павловичъ Завойскій; его совѣтовъ отецъ слушался, кажется, всего охотнѣе, хотя графъ былъ цѣлыми пятью годами его моложе. У графа было очень блестящее положеніе (отецъ его былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ петербургскихъ тузовъ), но жилъ онъ тогда почему-то въ Москвѣ, гдѣ и познакомился съ нашей семьей. Его туда, кажется, отправили въ почетное изгнаніе за какую-то полковую исторію. Все это теперь я смутно припоминаю, какими-то урывками. Подумаешь о старинѣ, вглядишься въ ея тусклый образъ, и вдругъ невѣсть откуда нахлынутъ забытыя воспоминанія. Графа я помню, впрочемъ, хорошо: онъ и послѣ оставался близкимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ, и ко мнѣ онъ всегда благоволилъ почему-то съ самаго дѣтства, а молодые люди—графу было всего тридцать лѣтъ, когда мы жили въ Москвѣ—обыкновенно не любятъ дѣтей и не занимаются съ ними. Иной на моемъ бы мѣстѣ былъ бы радъ, можетъ-быть, близкому знакомству съ такимъ важнымъ лицомъ, ка-

кимъ теперь графъ Завойскій. Ему стоитъ захотѣть, и моя карьера обезпечена. У меня, однако, къ нему сердце не лежитъ и никогда не лежало, какъ ни ласкалъ онъ меня тогда своею надушенною, выхоленною рукой. Удивительно у него красивыя были руки: большія, съ бѣлою тонкою кожей и длинными пальцами. Но когда онъ меня, бывало, возьметъ за подбородокъ или погладитъ по головѣ, мнѣ всегда мерещилось, что я чувствую прикосновеніе лапы хищнаго звѣря. Да что-то хищное всегда сквозило въ остромъ взглядѣ его черныхъ глазъ. Удивительное было въ нихъ, да и въ немъ самомъ тоже, смѣшеніе ласки и самоувѣренности, той самоувѣренности, которая ни передъ чѣмъ не останавливается. Въ своемъ обращеніи онъ былъ любезенъ до изысканности, особенно съ женщинами. Но я помню, какъ часто бывало мѣнялся его взглядъ, какая стальная холодность блестѣла въ немъ порой, когда графъ отворачивался и его не могъ ужъ видѣть тотъ, съ кѣмъ онъ передъ тѣмъ говорилъ.

Графъ усердно доказывалъ отцу всѣ выгоды переѣзда въ Петербургъ. Самъ онъ тоже собирался туда: его опала кончилась. Кажется даже, стараніями его отца было достигнуто назначеніе папà. Въ то время, о которомъ я говорю, происходила коронація, и тогда, кажется, пріѣхавшій въ Москву старый графъ все устроилъ. Мы однако собрались въ путь не скоро: отецъ неохотно поддавался увѣщаніямъ. Впрочемъ, и тогда, и послѣ, когда ему случалось въ чемъ-либо не соглашаться съ матушкой, онъ, бывало, поспоритъ, погорячится, а потомъ и уступитъ. Мамà, никогда не спорившая, неизмѣнно ставила на своемъ. Рѣшено было только, что мы дождемся въ Москвѣ пріѣзда старшаго брата папà, дядюшки Михаила Петровича. Его только-что простили по случаю коронаціи, и со дня на день мы ожидали его возвращенія изъ Сибири. Дядюшка Михаилъ Петровичъ—про это я узналъ уже гораздо позже—былъ сосланъ въ 1849 году за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго.

Когда случалось отцу заговорить о немъ при мнѣ,—случалось это очень рѣдко,—онъ всегда выражался на счетъ дяди съ какимъ-то благоговѣніемъ, и въ то же время въ словахъ его была и боязнь какая-то. Да, именно боязнь: онъ говорилъ вполголоса и всегда былъ озабоченъ, какъ бы не услыхала прислуга. Тогда, разумѣется, я этого не понималъ, но теперь мнѣ ясно приходитъ на память эта боязливость отца. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше я съ годами понималъ его характеръ, тѣмъ болѣе меня поражала въ немъ странная смѣсь вспыльчиваго нрава съ какою-то непонятною, пугливою уступчивостью. Я видѣлъ его иногда въ страшномъ гнѣвѣ: разъ онъ въ моемъ присутствіи ударилъ изо всѣхъ силъ своего камердинера, сказавшаго ему что-то дерзкое. Я страшно перепугался, того-ли, что съ отцомъ можетъ случиться что-нибудь—такъ налилось кровью все его лицо, или того, что занося руку на слугу, отецъ мой совершалъ недостойный и возмущавшій меня поступокъ. Мнѣ было въ то время тринадцать лѣтъ, и я ужъ понималъ неприкосновенность человѣческой личности. Но гнѣвъ отца проходилъ скоро, и тогда на его поблѣднѣвшемъ лицѣ читалась какая-то виновность передъ всѣми. Съ мама̀ у него иногда бывали страшныя сцены. Когда я былъ совсѣмъ еще мальчикомъ, мнѣ приходилось слышать изъ-за двери запертой спальни мама̀ гнѣвные раскаты голоса отца, и тогда я, весь дрожа отъ волненія, убѣгу, бывало, къ себѣ въ дѣтскую и уткнусь головой въ постель, чтобы ничего не слышать: мнѣ больно было знать, что у отца съ матерью случались ссоры. Но, повторяю это, отецъ мой никогда не былъ крутого нрава. Мнѣ на него жаловаться нечего. Онъ, правда, мало входилъ въ мое воспитаніе, не старался пріучить меня къ себѣ, но въ обращеніи его со мной было всегда столько мягкости, что ни одного горькаго воспоминанія у меня не связано съ нимъ. Бѣдный, бѣдный папа̀! Въ дѣтствѣ я не любилъ его. Мнѣ помнится, я даже огорчалъ его очень,

говоря ему часто, что гораздо больше люблю мамашу; а, бывало, онъ подойдетъ ко мнѣ и разсѣянно погладитъ мои густые волосы, а въ глазахъ его скажется такая грустная улыбка... Бѣдный папà! Послѣ я лучше узналъ и оцѣнилъ его.

Я какъ теперь помню, хотя мнѣ тогда было всего шесть лѣтъ, какъ пріѣхалъ къ намъ дядюшка Михаилъ Петровичъ. Онъ былъ старше отца только четырьмя годами, но глядѣлъ почти старикомъ. Онъ былъ очень высокаго роста, съ большою головой, которую держалъ всегда прямо, какъ будто даже откидывая ее немного назадъ, съ крупными, рѣзкими чертами лица; да у него и все было крупное: и руки, и ноги, и сама походка. Но густые волосы и длинная борода уже тогда замѣтно посѣдѣли, сѣрые глаза, съ тонкими кровяными жилками, казались впалыми; и каждая черта на его лицѣ была какъ будто глубоко врѣзана, отчего все оно получало какое-то суровое застывшее выраженіе. Голосъ у него звучалъ негромко и глухо, и я не помню, чтобъ онъ когда-либо при мнѣ смѣялся. Словомъ, его длинная, худощавая, почти мрачная фигура глядѣла совсѣмъ по-старчески, хотя онъ держался всегда необыкновенно прямо и не было ему еще сорока лѣтъ отъ роду. Да, въ Сибири люди старѣются быстро! Странное онъ на меня производилъ впечатлѣніе: въ этомъ впечатлѣніи было какое-то невольное поклоненіе чему-то необыкновенно великому и въ то же время безсознательный страхъ, словомъ, что-то похожее на то чувство, съ какимъ я въ дѣтскіе годы подходилъ бывало въ церкви къ инымъ образамъ, предъ которыми всѣ клали усердные земные поклоны. Въ тѣ годы, мнѣ даже это теперь смѣшнымъ кажется, во мнѣ сильно было развито религіозное суевѣріе, и все, что соединялось съ религіей, внушало мнѣ какой-то непонятный страхъ. Перенялъ я это чувство, котораго теперь, конечно, стыжусь, не отъ родителей: мать не была набожна, она даже въ праздники рѣдко ѣздила въ церковь, а папà ужъ конечно не могъ

развить во мнѣ этого чувства. Когда онъ заговаривалъ со мною о Богѣ, онъ всегда представлялъ его такимъ кроткимъ и всепрощающимъ, что самъ онъ былъ очевидно свободенъ отъ всякаго суевѣрнаго страха. Но на меня должно быть подѣйствовала старая няня, женщина очень добрая, но ханжа. Она чѣмъ свѣтъ, бывало, пойдетъ къ заутрени и послѣднюю копѣйку истратитъ на свѣчку угоднику. Теперь мнѣ это дикимъ и смѣшнымъ кажется, а тогда я на нее смотрѣлъ какъ на святую, потому, должно-быть, что я ее очень любилъ. Еще бы не дико было для бѣдной женщины тратиться на эти свѣчки! Потомъ, конечно, когда я сталъ учиться и понятія мои разъяснились, я увидалъ нелѣпость ея ханжества и сказалъ бы ей это, да не успѣлъ: ея ужъ не было въ живыхъ. А тогда, повторяю, я на нее почти молился. И, бывало, такія страсти она мнѣ разскажетъ о Божьемъ судѣ, о мученіяхъ грѣшниковъ, что у меня морозъ по кожѣ такъ и ходитъ. А все-таки, какъ ни глупо это далекое дѣтство, когда вспомнишь о немъ теперь, будто жаль чего-то...

Ну, вотъ какъ разъ такое почтительное суевѣрное отношеніе у меня было и къ дядѣ. Я воображалъ, что его строгіе глаза такъ и пронизываютъ насквозь мою дѣтскую душу и видятъ въ ней всѣ мои маленькія дурныя мысли. Дядюшка меня, кажется, очень любилъ. Онъ остановитъ бывало на мнѣ долгій внимательный взглядъ и скажетъ отцу: „Вѣдь онъ у тебя, Василій, славный мальчикъ. Толкъ изъ него выйдетъ. Глаза у него откровенные, вотъ что хорошо. Когда на нихъ посмотришь пристально, они не улепетываютъ по сторонамъ, какъ у другихъ дѣтей... Что, Сережа, обращался онъ уже ко мнѣ, посмотри-ка на меня, да прямо, вотъ такъ!“ И я смотрю прямо, не моргая, а душа въ пятки такъ и уходитъ.

Дядюшка сперва поселился у насъ въ домѣ. Но скоро переѣхалъ къ себѣ на квартиру. Отчего это случилось не знаю. Кажется у него какія-то непріятности

вышли съ мама. Я съ самаго его пріѣзда замѣтилъ, что мама ему не обрадовалась; но тогда я на это особаго вниманія не обратилъ: впечатлѣнія осаждались въ моей дѣтской головѣ и застывали тамъ, незамѣченныя мною самимъ. Уже много лѣтъ спустя, я про это вспомнилъ. Я тогда готовился къ поступленію въ университетъ. Впрочемъ и теперь, когда я про все это вспоминаю, многое изъ того, что происходило въ нашей семьѣ, мнѣ кажется неяснымъ. Да, чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ прошлое, тѣмъ страннѣе и загадочнѣе мнѣ кажется дядюшка.

Однако полно теперь писать: рука устала, да и темно становится. Надо подышать свѣжимъ воздухомъ. Кстати дождь пересталъ. Перелистывая написанное мною сегодня, вижу, что выходитъ оно очень нескладно. Я хотѣлъ занести въ тетрадь свои венеціанскія впечатлѣнія, а вмѣсто того припомнилъ кучу дѣтскихъ воспоминаній. Видно и надъ перомъ своимъ я не господинъ. Экая, право, русская натура! Воли не хватаетъ даже и на веденіе записной книжки: расплывается все какъ-то и въ умѣ, и на бумагѣ. Ну, да ладно хандрить и на себя жаловаться: никто меня не заставлялъ просидѣть надъ этою глупою работой битыхъ два часа.

8 октября.

Сегодня мнѣ приходится занести въ свою тетрадь очень многое. День выдался совсѣмъ необыкновенный, и вдобавокъ сейчасъ вотъ, когда я шелъ домой, эта неожиданная встрѣча: я даже не совсѣмъ увѣренъ, встрѣтилъ ли я его на самомъ дѣлѣ, и не былъ ли то просто обманъ воображенія: ну, да запишу лучше все по порядку. Приходится начинать еще со вчерашняго вечера.

Покончивъ со своимъ писаніемъ, я облокотился на подоконникъ и упорно глядѣлъ въ туманную мглу, все темнѣвшую передъ раскрытымъ окномъ. Вдругъ мнѣ показалось, что въ окнахъ противуположнаго дома блес-

нулъ огонь. Неужели появились опять жильцы въ давно опустѣломъ домѣ? Свѣтъ медленно переходилъ отъ одного окна къ другому; одно изъ нихъ было растворено, и я могъ теперь ясно различить человѣка, державшаго въ рукахъ лампу. За нимъ въ полосу свѣта вступили двѣ женщины. Впереди шла довольно полная дама, должно-быть уже не молодая, за нею показалась другая, высокая, стройная. Дамы скрылись за дверью. Слѣдующее окно было завѣшано, и за драпировкой я не могъ уже различить ничего. Какое-то нелѣпое, дѣтское любопытство подстрекало меня узнать, кто были прiѣзжiя незнакомки.

Мнѣ не долго пришлось ожидать разгадки: въ мою комнату вошелъ лакей, чтобы зажечь газовый рожекъ и, слегка запинаясь, я спросилъ у него, не знаетъ ли онъ, кто занялъ Palazzo Cornarini. Онъ тотчасъ удовлетворилъ мое любопытство. По его словамъ, прiѣхавшiя дамы были очень знатныя и богатыя англичанки. Старинный домъ нанятъ ими на цѣлую зиму. Онъ долго расхваливалъ и громадное богатство прiѣзжихъ, и красоту молодой иностранки и, говоря о ней, противно ухмылялся, и черные его глаза при этомъ блестѣли и улыбались, словно онъ былъ увѣренъ, что меня сильно интересуетъ его болтовня.

Когда я проснулся на слѣдующее утро, комната моя глядѣла совсѣмъ иначе, чѣмъ наканунѣ. Сквозь притворенныя ставни дрожащiй лучъ проникалъ въ нее, ярко играя на стѣнѣ. Наконецъ-то я увижу солнце, настоящее итальянское солнце, подумалъ я, и бросился растворять окна. Прозрачный, утреннiй туманъ еще висѣлъ надъ узкимъ каналомъ, но изъ-за него уже глядѣло привѣтливое южное солнце и радостно будило дремлющiе старинные дома. Слѣды вчерашняго дождя, какъ высохшiя слезы, еще виднѣлись подъ мраморными подоконниками, но побѣдный солнечный свѣтъ уже стиралъ ихъ, какъ улыбка любимаго человѣка сгоняетъ слѣды грусти съ дорогого лица. И дряхлая Венецiя

какъ будто молодѣла отъ утреннихъ поцѣлуевъ вѣчно юнаго солнца.

Меня тянуло на открытый воздухъ. Надо полюбоваться Венеціей въ этотъ рѣдкій осенній день.

Случай меня свелъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ ресторанѣ, куда я зашелъ позавтракать, рядомъ съ моимъ столомъ помѣстились двое господъ, сразу обратившихъ на себя вниманіе: они говорили по-русски и притомъ такъ громко, что я невольно прислушался. Одинъ изъ нихъ былъ очень еще молодой человѣкъ, необыкновенно длинный и худощавый, съ утиною физіономіей, съ заостреннымъ подбородкомъ и съ какими-то упорно-неподвижными глазами. Одѣтъ онъ былъ по модѣ, но платье его сидѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ. Голосъ его то и дѣло взвизгивалъ; слова прерывались тяжелымъ, принужденнымъ смѣхомъ. Онъ видимо ухаживалъ за своимъ товарищемъ; вотъ на этомъ товарищѣ и сосредоточилось все мое вниманіе. Онъ былъ замѣчательно некрасивъ собою: жесткіе волосы безпорядочно торчали надъ низкимъ лбомъ, падали жидкими космами на воротникъ чернаго, не слишкомъ опрятнаго сюртука; борода и усы щетинились; брови казались слишкомъ густыми, носъ черезчуръ короткимъ, словомъ, природа создала его какъ бы на зло всѣмъ законамъ эстетики. На видъ ему казалось лѣтъ подъ тридцать.

Въ его небольшой сутуловатой фигурѣ все было какъ бы не на своемъ мѣстѣ. И самъ онъ должно-быть не старался придать своей наружности приличный видъ, такая печать грубой неряшливости лежала и на лицѣ его, и на платьѣ. И все-таки онъ произвелъ на меня скорѣе выгодное впечатлѣніе: голосъ звучалъ твердо и ровно, и глаза—они у него одни только и были красивы—смотрѣли увѣренно, почти гордо. Его собесѣдникъ съ боязливымъ смущеніемъ расспрашивалъ его о достопримѣчательностяхъ Венеціи, и съ какою побѣдною ироніей разбивалъ онъ дѣтскіе восторги юнаго птенца.

— Эге!—говорилъ онъ,—у насъ тамъ, въ Петербургѣ, видно еще вѣрятъ старой баснѣ объ итальянскихъ мастерахъ. Что-жъ? Коли у тебя деньги лишнія есть, пріѣзжай, любуйся! Путешествовать всегда полезно: вытряси изъ себя русскую лѣнь, да русскіе предразсудки. Только на поклоненіе сюда являться незачѣмъ, потому, доложу тебѣ, все это—дѣланность, манерничаніе одно, ну, фальшь, словомъ. И расхваливаютъ эти побрякушки только по старинной привычкѣ, да отъ худосочнаго безсилія что-нибудь выжать новаго изъ своего мозга. А коли ты самъ хочешь быть художникомъ, гляди широко, свободно на свободную природу и бери у нея, что попадетъ тебѣ подъ руку. Да, впрочемъ, какой ты художникъ! Тебѣ за отцовскимъ прилавкомъ съ аршиномъ стоять, и баста, signor mio.

Сказавъ это, онъ безцеремонно похлопалъ сосѣда по колѣну. Тотъ вытаращилъ на него глупо-удивленные глаза и почему-то захихикалъ.

— Чего ты на меня уставился? Впервые что-ли тебѣ пришлось слышать такія богохульныя рѣчи? Или ты думаешь, если я итальянское небо копчу, да нашу лѣнь смѣнилъ ихнимъ far niente, значитъ я ужъ обязанъ таять отъ восторга передъ красивой мертвечиной такъ называемаго Возрожденія? Ну, нѣтъ-съ, я не затѣмъ въ этомъ вонючемъ, полуразвалившемся городишкѣ живу. Стряхнуть съ себя надо старину. Но для этого ее сперва надо знать. И вотъ какъ уразумѣлъ я ее теперь, всю тайну ея мишурнаго блеска проникъ, я ее осилить могу. И я новую дорогу найду, будь увѣренъ.

Слушавшій внималъ этимъ словамъ съ настоящимъ благоговѣніемъ. Признаюсь, мнѣ самому нравилась вѣра въ собственныя силы, какою дышала рѣчь неуклюжаго молодого человѣка.

Я положительно заслушался: „Только охота ему“,—думалось мнѣ, „сыпать такими умными рѣчами предъ этимъ олухомъ“.

Мнѣ очень хотѣлось свести знакомство съ моимъ сосѣдомъ, только я рѣшительно не зналъ, какъ приступить къ дѣлу. На мое счастье онъ самъ вывелъ меня изъ затрудненія. Онъ досталъ было папироску изъ лежавшаго на столѣ серебрянаго портсигара товарища и хотѣлъ закурить, но спичекъ ни у того, ни у другого не оказалось.

— Ну ужъ хорошъ ты, милый мой,—сказалъ онъ ему смѣясь:—вѣчно у тебя все наполовину выходитъ: папиросы съ собой, а спичекъ нѣтъ. А, да вотъ...

Онъ обернулся ко мнѣ и замѣтивъ, что я курю, по-итальянски попросилъ у меня огня.

— Сдѣлайте милость,—поспѣшилъ я отвѣтить и подалъ ему папироску,

— Вы русскій, вотъ какъ!—живо воскликнулъ онъ.— Да не угодно ли къ намъ присоединиться. Пожалуйста безъ церемоніи, мы люди простые.

Я, разумѣется, тотчасъ принялъ его предложеніе.

— Моя фамилія Градищевъ,—отрекомендовался я, подсаживаясь.

— Градищевъ! а!.. словно припоминалъ онъ что-то.— Очень радъ, очень радъ, тотчасъ протянулъ онъ мнѣ руку.—А меня Трухинымъ зовутъ. Илья Петровъ сынъ Трухинъ, разсмѣялся онъ.—Не взыщите: фамилія, какъ видите, не громкая; плебей настоящій. А этотъ баринъ вотъ, ткнулъ онъ пальцемъ въ сидѣвшаго возлѣ пріятеля,—Скорняжниковымъ прозывается. Батюшка ихній въ Казани саломъ торговать изволятъ, а они вотъ по-заграницамъ прохлаждаются. На университетскомъ экзаменѣ провалились, но прогрессивныхъ идей придерживаются, какъ оно современному человѣку и подобаетъ. Рекомендую-съ: хотя на французскихъ карточкахъ и прописываются Basile de Scorniajnikoff, да еще съ дворянскою короной наверху. Такъ ли-съ, Василій Ѳомичъ?

Василій Ѳомичъ осклабился и протянулъ мнѣ свою потную руку съ двумя дорогими перстнями на короткихъ пальцахъ.

Разговоръ у насъ скоро завязался оживленный, то-есть говорилъ всего болѣе Трухинъ, а Василій Ѳомичъ ему изрѣдка поддакивалъ. Для поддержанія священнаго огня онъ, впрочемъ, соблаговолилъ потребовать бутылку шампанскаго. За ней послѣдовала другая. Скорняжниковъ, очевидно, не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь.

— Однако, господа,—заявилъ Трухинъ, допивая послѣдній стаканъ,—пора и честь знать. Мы здѣсь битыхъ два часа засѣдаемъ. Скорняжниковъ, спроси-ка счетъ.

— Ты куда отсюда?—нерѣшительно спросилъ Василій Ѳомичъ, расплачиваясь съ гарсономъ.

— Да вотъ мы съ господиномъ Градищевымъ во Дворецъ Дожей завернемъ. Онъ туда собирается, а у меня этотъ день, кстати, свободный. Тебя я съ собой не возьму. Ты отдохни-ка съ дороги. Да и мѣшать ты намъ станешь своимъ телячьимъ восторгомъ. А съ господиномъ Градищевымъ потолковать можно, какъ слѣдуетъ. Что прикажете дѣлать, счелъ онъ долгомъ разъяснить, оставшись со мною вдвоемъ.—Съ этимъ народцемъ иначе обходиться нельзя, а то, пожалуй, зазнаются. Надо имъ вдолбить хорошенько, что отцовскія тысченки имъ отмаливать надо, какъ грѣхъ первородный. А вѣдь они тоже пригодиться могутъ, эти юные аршинники. И какъ изволите видѣть, въ ихъ тупыя головы тоже новѣйшія идеи проникать стали.

Мы шли по узкому переулку.

— Про что, бишь, мы говорили,—продолжалъ Трухинъ.—Да, вотъ что; вы находили, кажется, что я слишкомъ рѣзко сужу объ итальянскомъ искусствѣ. Вамъ оно нравится и жаль сказать себѣ, что оно хламъ, никуда не годный, хламъ, которымъ нашему вѣку забавляться стыдно, какъ взрослымъ стыдно забавляться игрушками. И знаете, отчего я такъ думаю? Потому, что вся эта плѣняющая васъ яркость красокъ, это изящество очертаній въ сущности одинъ развратъ фанта-

зіи и больше ничего. Кого плѣняетъ все это—тотъ ужъ не пойметъ, что отъ насъ суровая работа требуется, и отъ художниковъ не меньше, чѣмъ отъ прочихъ,—работа и голая правда. Взгляните-ка на нашихъ живописцевъ. Кто завязъ въ этомъ изящномъ болотѣ, отъ того не жди ужъ ничего самостоятельнаго, трезваго: форма, краска, а мысли никакой. Тфу! даже вспомнить противно. Это баловство, эпикурейство для праздныхъ баръ. А въ нашъ вѣкъ всякій работать долженъ, мастеровымъ быть, и художникъ тоже вѣдь мастеровой.

— Это вы великую правду сказали, Илья Петровичъ, что мы работать должны. И вотъ на этотъ счетъ мы русскіе...

— Посмотрите,—не слушая меня, продолжалъ Трухинъ и рукой указалъ на полуразвалившійся дворецъ, откуда черезъ выбитое окно передъ нашими глазами вылетѣла пара голубей,—вотъ этотъ городъ построенъ какъ разъ наперекоръ природѣ, и какъ построенъ! Дворцы на болотѣ, вся гордость власти и богатства на какихъ-то отмеляхъ, какъ бы на зло здравому разсудку. И вотъ время взяло свое: мишура исчезла, отъ искусственнаго созданія прихоти остался одинъ скелетъ... Да, здѣсь учиться можно, какъ нигдѣ! Какъ увидишь эту пустынную гавань, это ненужное тлѣющее великолѣпіе, эти дворцы, которые гніютъ себѣ помаленьку, коль не вздумаетъ какой-нибудь трактирщикъ открыть тамъ гостинницу,—такъ поймешь, что въ нашъ вѣкъ въ трудѣ только и есть сила.

— Неужели вамъ не нравится Венеція?—спросилъ я.

— Нѣтъ, очень нравится. И то въ особенности нравится, что я расхаживаю по этимъ мраморнымъ плитамъ и вижу, какъ рушится это великолѣпіе. Я торжествую какъ новый человѣкъ, какъ плебей, эту побѣду надъ тѣмъ, чему уже никогда не воскреснуть.

Мы поднимались по широкимъ мраморнымъ ступенямъ дворцовой лѣстницы, знаменитой „лѣстницы великановъ". Я невольно взглянулъ на Трухина, и меня

поразилъ странный блескъ его глазъ и что-то гордое и самоувѣренное въ его поступи, точно онъ въ самомъ дѣлѣ надъ чѣмъ-то праздновалъ побѣду и входилъ сюда не одинъ, а во главѣ нахлынувшей торжествующей толпы.

— А вѣдь сто лѣтъ назадъ, усмѣхнулся онъ,—насъ бы съ вами сюда не впустили! Какъ вы думаете? И вѣдь пріятно сознавать, что мы здѣсь теперь настоящіе господа, и всѣ эти сокровища какъ-будто для насъ собраны.

Прогулка съ Трухинымъ по заламъ дворца доставила мнѣ своеобразное удовольствіе. Онъ понималъ все по своему, понималъ глубоко и оригинально. Признаюсь, меня смущали иногда его рѣзкія выходки: то, чѣмъ я привыкъ восторгаться, вызывало въ немъ презрительную насмѣшку. Веронеза онъ честилъ жалкимъ декораторомъ, рисующимъ не живого человѣка, а лишь шелкъ и парчу. Даже великаго Тиціана онъ безцеремонно обзывалъ рисовальщикомъ жирнаго мяса.

— Развѣ вамъ не противно глядѣть на этихъ сытыхъ людей? — говорилъ онъ, указывая на знаменитый портретъ догарессы.—Посмотрите, вѣдь это ни дать, ни взять замоскворѣцкая купчиха, разодѣтая въ пухъ. Такъ и видно, что въ этомъ дворцѣ награбленнымъ золотомъ воняло, какъ у нашихъ доморощенныхъ кулаковъ.

— А что же вы скажете про Тиціанову мадонну?— перебилъ я его.

— Хороши мадонны, отъ которыхъ такъ и вѣетъ плотскою чувственностью. Это сытый языческій развратъ подъ личиной религіи, вотъ и все.

— Ну не всегда, посмотрите...

Я подвелъ его къ картинѣ, изображавшей женщину, стоявшую на колѣнахъ, прекрасное лицо которой дышало аскетическимъ экстазомъ.

— Вамъ нравится этотъ пошлякъ Тинторетто? — произнесъ онъ сквозь зубы.—Гдѣ тутъ правда, скажите

мнѣ? Стоитъ она подъ какимъ-то золоченымъ сводомъ, надъ головой это глупое сіяніе; не доставало только написать сверху какую молитву она шепчетъ, перебирая четки. Это богомазъ написалъ, а не художникъ. Да, здѣсь одно изъ двухъ: либо наглая чувственная плоть, либо полное отсутствіе жизни, а часто то и другое вмѣстѣ. И кого они пишутъ? языческихъ боговъ, святыхъ католическихъ, да разныхъ герцоговъ въ шелку и бархатѣ. На что же все это намъ съ вами?

— Ну, а Фламандцы? — заступился я снова за старинную живопись. — Они, кажется, съ настоящей, съ живой природы писали.

— Что это за природа!—воскликнулъ онъ,—прилизанная, и мужики у нихъ, и коровы, и лошади, точно на инспекторскій смотръ выведены, такъ они здоровы и сыты; и сюжеты для пейзажей какіе подобраны: все милые, улыбающіеся. Нѣтъ, это не правда, какъ хотите! По моему, коль берешься за кисть, не смѣй выбирать, пиши что попало; схватывай жизнь на лету, тогда будетъ правда; природа не обманетъ.

Трухинъ говорилъ такъ громко, что двѣ англичанки, стоявшія поодаль, обернулись и бросили на насъ укоряющій взглядъ. Мнѣ немного стыдно стало за него.

— Однако, возразилъ я,—всѣ говорятъ и отъ васъ я тоже это слышалъ, что искусство всегда должно служить идеѣ. А какую же идею вы отыщите въ природѣ.

— Какую идею? — почти закричалъ онъ въ отвѣтъ. Да вся она борьба, значитъ протестъ, а значитъ и идея. Вездѣ слабаго давитъ сильный, будь это человѣкъ или звѣрь: вотъ вамъ и готовый мотивъ.

Эти слова во мнѣ оставили какое-то недоумѣніе. „Какъ же это“, думалось мнѣ, „съ одной стороны, протестъ, возбуждаемый насиліемъ, а съ другой, признаніе этого насилія законнымъ и всеобщимъ. Но я этого не высказалъ Трухину, боясь разсердить его.

— Значитъ,—отвѣтилъ я только, — по вашему все

таки выходитъ, что сюжеты выбирать надо, коли въ природѣ прежде всего слѣдуетъ искать борьбы.

— Искать! чего тамъ искать?—недовольнымъ голосомъ пробормоталъ онъ,—на каждомъ шагу ее найдешь, эту борьбу...

Мое недоумѣніе такъ и осталось неразрѣшеннымъ. Я однако не настаивалъ. Я сознавалъ надъ собою превосходство Трухина. Онъ говорилъ мнѣ про затѣянную имъ большую картину, гдѣ будетъ выражена вся суть неумолимой, современной борьбы сытыхъ и голодныхъ. Правда, эта картина еще не была начата; Трухинъ былъ еще занятъ подготовительными этюдами, но самые эти этюды живо возбуждали мое любопытство.

Трухинъ былъ настоящимъ самородкомъ. Отецъ его, владимірскій мѣщанинъ, занимался иконописью. Онъ выучилъ сына рисовать, но уже съ раннихъ лѣтъ мальчику претили узкія, сухія рамки отцовскаго ремесла. Его способности были замѣчены какимъ-то сосѣдомъ, помѣщикомъ,—про него Трухинъ упоминалъ вскользь, будто нехотя,—и стараніями этого господина его помѣстили въ рисовальные классы Академіи. Тамъ онъ работалъ лѣтъ шесть, потомъ разошелся съ профессорами. Онъ хотѣлъ получить настоящее образованіе: его тянуло въ университетъ. Тамъ онъ прослушалъ два курса, перебиваясь грошевыми уроками, и не имѣя даже времени заняться своею кистью. И вотъ его исключили за какую-то глупую исторію. Года четыре онъ кочевалъ по разнымь городамъ, терпя всякія лишенія; талантъ его глушила жалкая обстановка, но все же Трухинъ не терялъ бодрости. Онъ познакомился съ однимъ извѣстнымъ художникомъ изъ новой, передовой школы. Тотъ помогалъ ему совѣтами, иногда и деньгами, но потомъ вдругъ рѣзко съ нимъ разошелся. Позавидовалъ онъ его крѣпнувшему таланту, или побоялся знакомства съ человѣкомъ не совсѣмъ благонамѣреннымъ, — только его патронъ порвалъ съ нимъ безпричинно и рѣзко. Теперь уже Трухинъ не можетъ

вернуться въ Россію, онъ эмигрантъ, и живетъ своею кистью.

Все это онъ передалъ мнѣ урывками, оставляя многое недосказаннымъ. Но при всей отрывочности и неполнотѣ его печальной повѣсти, я живо заинтересовался этимъ скромнымъ труженикомъ, которому родина не дала ни порядочной школы, ни поощренія, ни даже хлѣба.

Мы вышли на набережную. День уже склонялся къ вечеру. Опустившееся солнце пряталось за крыши домовъ, красивымъ полукругомъ огибающихъ берегъ. Сѣроватая, полупрозрачная мгла ложилась надъ моремъ, и только въ дали на мелкой зыби спокойной воды кое-гдѣ блестѣли, отражаясь въ ней, косые лучи солнца. Слабый морской вѣтерокъ гналъ намъ въ лицо вечернюю свѣжесть, всю пропитанную ѣдкимъ, возбуждающимъ запахомъ моря. Въ широкой гавани не виднѣлось ни мачты, ни паруса, ни пароходной трубы. Все было тихо и безлюдно, какъ бы въ ожиданіи вечерняго покоя. Какъ разъ въ этотъ прозрачный, октябрьскій день, когда самъ нѣжный воздухъ былъ словно пропитанъ радостью жизни, еще сильнѣе чувствовался тотъ вѣчно-непробудный покой, отъ котораго никогда уже не проснется Венеція. И какъ хороша, какъ нарядна она была въ своемъ мраморномъ гробу! Какимъ строгимъ, умиротвореннымъ спокойствіемъ вѣяло отъ ея древнихъ стѣнъ, словно онѣ не горюютъ о погибшемъ блескѣ и съ равнодушною гордостью смотрятъ на свое запустѣніе!

Я въ этотъ день особенно почувствовалъ, какъ привязался я къ Венеціи.

— Эхъ, батенька, сидитъ же въ васъ еще романтизмъ!— сказалъ мнѣ Трухинъ, которому я передалъ свои впечатлѣнія.—Хороша она, покойница, слова нѣтъ, да охота вамъ о ней жалѣть! Красота красотой, а еще лучше то, что мы здѣсь съ вами спокойно разгуливаемъ и не тронетъ насъ никакой сыщикъ Совѣта Десяти. Это вотъ настоящее, а горевать о прошломъ не приходится.

Мы немного помолчали.

— Скажите мнѣ,—вдругъ спросилъ онъ, насупившись,—вы собственно ради чего за границей? Такъ, просто, ухлопать побольше деньжонокъ и времени? Или имѣете въ виду что-нибудь опредѣленное?

Въ первый мигъ этотъ неожиданный вопросъ Трухина мнѣ показался чуть-чуть нескромнымъ, но я тотчасъ упрекнулъ себя за неумѣстную щепетильность.

— Да мнѣ кажется,—было моимъ отвѣтомъ,—послѣ университета на міръ Божій посмотрѣть не мѣшаетъ даже безъ всякой опредѣленной цѣли.

И въ то же время я мысленно добавилъ: „а вѣдь въ самомъ дѣлѣ не легко бы мнѣ сказать, что я собственно дѣлаю за границей, и зачѣмъ пока остаюсь въ Венеціи“.

Когда я выдержалъ на кандидата, родные мнѣ, какъ водится, совѣтовали поступить на службу, и мать очень настаивала, что-бъ я выбралъ дипломатическую карьеру. Но къ службѣ я питалъ какое-то не вполнѣ сознательное отвращеніе и сразу рѣшиться я не хотѣлъ. Какъ всѣ люди, для которыхъ путь впереди не совсѣмъ ясенъ, я захотѣлъ отсрочки, и съ радостью согласился на предложеніе матери, съ годъ попутешествовать за границей и тамъ пообдумать насчетъ своего будущаго.

— Такъ-съ,—неумолимо продолжалъ Трухинъ,—вы, значитъ, попросту сказать, благодушествуете. Что жъ, это даже очень пріятно. А позвольте узнать, долго вы намѣрены наслаждаться лицезрѣніемъ красотъ природы и искусства?

Трухинъ начиналъ выводить меня изъ терпѣнья.

— Да скажите мнѣ, въ свою очередь отвѣтилъ я,— что же въ этомъ вы находите особенно предосудительнаго, и какія я могу себѣ поставить высокія цѣли?

— Гм! это другой вопросъ. По моему, взрослый человѣкъ, у котораго и въ головѣ и въ карманѣ не пусто, коли онъ не байбакъ, обязанъ знать, куда идетъ. А кому хочется настоящаго дѣла, тотъ его найдетъ и у себя

дома, и за границей, скажу даже въ особенности за границей,—добавилъ онъ, подчеркивая эти слова.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча.—Вотъ, напримѣръ,—заговорилъ снова Трухинъ,—у васъ есть однофамилецъ, или онъ вамъ, можетъ, родственникомъ приходится, Михаилъ Петровичъ Градищевъ.

— Онъ мнѣ дядя,—живо воскликнулъ я.

— Вотъ какъ! Ну такъ дядюшка вашъ, когда онъ былъ вашихъ лѣтъ, нашелъ для себя дѣло и не побоялся отвѣтственности. Натура не дюжинная.

— Какъ я радъ это слышать отъ васъ! вырвалось у меня въ отвѣтъ.—Вы знаете, какъ я преданъ дядѣ, какъ восторгаюсь имъ.

И въ порывѣ чувства я живо пожалъ руку Трухину.

— Восторгаться, положимъ, тутъ еще не чѣмъ, отвѣтилъ онъ, сухо разсмѣявшись.—Вашъ дядюшка человѣкъ очень почтенный, спору нѣтъ, и слегка даже пострадалъ, какъ говорится, за свои убѣжденія.

— Какъ слегка? воскликнулъ я почти съ негодованіемъ.—Семь лѣтъ въ Сибири, это слегка по вашему?

Трухинъ пожалъ плечами.

— Эхъ, батенька, отъ того, что любой изъ насъ вынесетъ на своемъ крошечномъ вѣку, народу ни тепло, ни холодно. И дядюшка вашъ, что тамъ ни говори, все-таки романтикъ и больше ничего, да еще романтикъ, измѣнившій прежнему знамени и ставшій реакціонеромъ. Иной на его мѣстѣ вернулся бы оттуда закаленнымъ, съ требованіемъ мести, а онъ разнюнился, да какую-то религіозную блажъ на себя напустилъ.

Трухинъ должно-быть замѣтилъ, какъ возмущали меня его слова, только онъ разомъ перемѣнилъ тонъ и словно извиняясь добавилъ: — ну, да что толковать, Михаилъ Петровичъ иного поколѣнія человѣкъ, нельзя требовать, чтобъ онъ мыслилъ по нашему...

— Да вы съ нимъ встрѣчались, знаете его хорошо?— спросилъ я порывисто.

— Нѣтъ, не знаю,—сухо отвѣтилъ Трухинъ.—То-есть

ни въ какихъ отношеніяхъ съ нимъ не состою и все-таки знаю досконально, что онъ за субъектъ. Ну, да полно, нечего намъ изъ-за него спорить; понятно, въ васъ родственное чувство говоритъ.

Я пе возражалъ, хотя чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Мнѣ не хотѣлось довести нашъ разговоръ до открытой размолвки, но я сознавалъ отлично, что пріятелемъ Трухина я уже сдѣлаться не могу.

Мы стали говорить о безразличныхъ предметахъ и говорили, разумѣется, вяло, какъ люди, которымъ надо ради приличія обмѣниваться словами. Трухинъ снисходительно посмѣивался, а во мнѣ все еще не улеглась досада.

Между тѣмъ насъ понемногу обступали сумерки. Солнце закатилось; очертанія полуострова Джудекки уже кутались въ вечернемъ полумракѣ, и только бѣлые куполы церкви Santa Maria della salute стыдливо алѣли въ послѣднихъ лучахъ заката. Блѣдный молодой мѣсяцъ выплывалъ изъ морской глади, слабо бѣлѣя на потемнѣвшемъ небѣ. Гдѣ-то вдали слышался плескъ весла, да чей-то голосъ слабо и заунывно, какъ бы замирая, допѣвалъ послѣдніе слова романса: „vieni, la barca è pronta“.

Мнѣ стало казаться, что Трухинъ тяготится нашею долгою прогулкой, но почему-то я не рѣшился съ нимъ разстаться. Какъ бы сговорившись, мы молча свернули на площадь, гдѣ за окнами магазиновъ уже засвѣтились газовые рожки. Пройдя ее, мы очутились въ узкомъ переулкѣ. Тамъ было уже почти совершенно темно. Едва прошли мы нѣсколько шаговъ, какъ съ нами поравнялась высокая фигура мужчины въ длинномъ пальто съ приподнятымъ воротникомъ. Мы посторонились, чтобы дать ему мѣсто. Онъ прошелъ торопясь, и въ темнотѣ я не могъ разглядѣть его лица. Но что-то знакомое поразило меня въ его осанкѣ и въ длинной сѣдой бородѣ. Я остановился, глядя ему вслѣдъ, и тутъ мнѣ вдругъ показалось, что я его

узналъ. Да, это былъ онъ, дядюшка Михаилъ Петровичъ! Сердце во мнѣ забилось, я готовъ былъ вскрикнуть ему вслѣдъ, но голосъ мнѣ не повиновался, да и прохожій исчезъ уже за угломъ дома.

Я схватилъ Трухина за руку.

— Вы его не узнали? Это былъ дядюшка Михаилъ Петровичъ.

Трухинъ пожалъ плечами.

— Вамъ должно быть это померещилось.

Голосъ его звучалъ какъ-то неестественно, словно пугливо. Можетъ-быть, я и въ самомъ дѣлѣ ошибся; но отчего же тогда, за минуту передъ тѣмъ, я былъ такъ увѣренъ, что узналъ дядю? Отчего меня охватило такое волненіе? А если это въ самомъ дѣлѣ былъ онъ, то какъ же не узналъ онъ меня, не остановилъ? Или онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что меня и не замѣтилъ, или, можетъ, не захотѣлъ узнать?

Я уже не заговаривалъ съ Трухинымъ. Воспоминанія прошлаго пестрою вереницей нахлынули мнѣ въ голову. Я опомнился только, подходя къ своей гостинницѣ, и, прощаясь съ Трухинымъ, спросилъ его адресъ.

9 октября.

Я перечиталъ написанное мною вчера и остался очень недоволенъ. Въ каждой строчкѣ такъ и сквозитъ какое-то нелѣпое, высокомѣрное отношеніе къ Трухину, словно его пріемы и вся невзрачная наружность коробитъ во мнѣ изнѣженную барскую щепетильность. А куда гожусь я въ сравненіи съ нимъ! Онъ — человѣкъ, пробившій трудомъ себѣ дорогу, а я баричъ, воображающій, что судьба такъ и обязана холить и забавлять его, и не знающій даже хорошенько, за какую забаву приняться. Да, Трухинъ правъ, тысячу разъ правъ! Нельзя жить изо дня въ день, да ждать себѣ какого-то несбыточнаго, неопредѣленнаго дѣла. Само оно не дается въ руки никогда, коли не выбрать его. Дѣло не кладъ; оно не скрыто подъ землей, и на него случайно не наткнешься. Увѣрять себя, что не видишь

дѣла предъ собой—это малодушное самообольщенiе, отговорка, какую можетъ подсказать развѣ лѣнь.

И вѣдь не то ли самое говорилъ мнѣ дядюшка? Я хорошо помню каждое его слово въ тотъ день, когда онъ простился со мной передъ отъѣздомъ. Это было четыре года назадъ, я только-что перешелъ на второй курсъ. Съ дядюшкой я видѣлся рѣдко, и меня поражала тогда въ немъ какая-то странная, несвойственная ему нервность. Встрѣча съ дядей—я теперь почти увѣренъ, что это былъ онъ вчера—разомъ напомнила мнѣ прошлое. Всю ночь оно обступало меня, не давая уснуть, и сегодня оно такъ ясно, такъ отчетливо стоитъ передъ моею памятью, что я не могу отвернутся отъ него, не могу и подумать объ иномъ. И не знаю, отчего мнѣ кажется, что почти съ укоромъ глядитъ на меня какъ бы изъ туманной дали строгое лицо дяди.

Когда мы, послѣ его возвращенiя изъ ссылки, переѣхали въ Петербургъ, онъ за нами туда не послѣдовалъ: въѣздъ въ столицу ему былъ запрещенъ. Такъ прошло лѣтъ пять. Все это время дядюшка провелъ въ нашемъ Тамбовскомъ имѣнiи, которымъ взялся управлять. Съ моимъ отцомъ онъ никогда не дѣлился ни прежде ссылки, ни послѣ. Отецъ еще въ Москвѣ предложилъ ему совершить раздѣлъ, но дядя отказался. „На что мнѣ брать себѣ часть“, говаривалъ онъ отцу, „когда у меня нѣтъ дѣтей и никогда не будетъ; лучше буду твоимъ управляющимъ: ты служишь, станешь жить въ Петербургѣ, тебѣ некогда заниматься дѣлами.“ На томъ и рѣшили. Было положено, что дядя станетъ брать себѣ часть изъ доходовъ. Отецъ не могъ нахвалиться братомъ: имѣнiе наше, порядочно-таки запущенное, стало давать гораздо больше.

Въ Петербургъ дядюшка прiѣхалъ въ 1863 году весной. Какъ теперь помню его прiѣздъ. Я былъ почти уже взрослымъ, мнѣ шелъ четырнадцатый годъ. Меня поразила перемѣна, случившаяся съ дядей: что-то горестное, даже мрачное легло на его лицо; этого выра-

женія у него не было, когда онъ вернулся изъ Сибири. И повидимому свиданіе съ родными послужило ему не на радость. Пріѣзжалъ онъ къ намъ рѣдко и оставался не по долгу. Съ отцомъ и съ матушкой онъ держалъ себя угрюмо, точно у нихъ произошла затаенная, недосказанная размолвка. Съ однимъ мною онъ былъ попрежнему ласковъ; онъ зазывалъ меня къ себѣ, разспрашивалъ про мои занятія. Должно-быть мои частыя посѣщенія очень не нравились мама̀, хоть она и не запрещала мнѣ бывать у дяди. Только каждый разъ, какъ мы отъ него возвращались, она казалась недовольною, словно гнѣвная тѣнь проходила по ея прекрасному лицу. Я даже неохотно признавался ей, что заходилъ къ дядѣ.

Я помню еще теперь, съ какимъ замираніемъ сердца я въ первый разъ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ онъ жилъ. Для меня было что-то священное въ самой обстановкѣ его жизни. Мнѣ давно хотѣлось услыхать отъ него полный разсказъ про его сибирскую жизнь, и при одной только мысли о томъ, что онъ выстрадалъ, негодованіе во мнѣ закипало. Мнѣ хотѣлось кому-то отомстить за дядю. Но онъ говорилъ со мною совсѣмъ просто и тихо, и часто повторялъ, что я долженъ прилежно учиться и что изъ меня непремѣнно выйдетъ честный, хорошій человѣкъ, Разъ, когда я засидѣлся у него дольше обыкновеннаго, онъ прочелъ въ моихъ глазахъ нѣмой, долго сдерживаемый вопросъ.

— Что, Сережа, сказалъ онъ, улыбаясь, — ты какъ будто хочешь меня о чемъ-то распросить, да не рѣшаешься?

Тутъ я собрался съ духомъ и, краснѣя отъ волненіи, признался, что давно, давно мнѣ хочется узнать отъ него, что было съ нимъ въ Сибири и зачѣмъ его туда сослали. Лицо дяди мгновенно потемнѣло, и на черты легла какая-то строгая грусть.

— На что тебѣ, Сережа? Я про это вспоминать не люблю, да и молодъ ты еще очень.

Однако дядюшка уступилъ моимъ просьбамъ и все мнѣ разсказалъ, то-есть говорилъ онъ собственно про свою сибирскую жизнь, а не про то, что было до его ссылки. Страннымъ образомъ, ему было, повидимому, особенно тяжело вспоминать не про Сибирь, а про годы, прожитые раньше въ Петербургѣ. А меня, какъ разъ, подмывало узнать про это время и про то политическое дѣло, въ которомъ дядя участвовалъ. Я сталъ увѣрять его, что догадываюсь въ чемъ его обвиняли и что, разумѣется, я всею душой сочувствую ему и тогдашнимъ его товарищамъ. Но слова мои усилили только строгое выраженіе на его лицѣ.

— Нѣтъ, Сережа, сказалъ онъ, — про то лучше забыть. Послѣ, когда ты выростешь, можетъ-быть я тебѣ и скажу про это, чтобы ты моимъ примѣромъ научился. А теперь еще не пора, тебѣ не понять.

Мое любопытство такъ и осталось не удовлетвореннымъ, да и пришлось мнѣ услыхать отъ дяди совсѣмъ не то, чего я ожидалъ. Негодованія и гнѣва не было и слѣда въ его словахъ. Его простой разсказъ дышалъ какимъ-то непонятнымъ мнѣ, спокойнымъ смиреніемъ. Онъ не только простилъ, онъ какъ будто радовался тому, что перенесъ, потому что каторга научила его вѣровать и смиряться.

Я слушалъ его съ благоговѣніемъ. А между тѣмъ на самой глубинѣ души у меня шевелилось недоумѣніе. То, что говорилъ дядя, было слишкомъ для меня высоко. Мнѣ хотѣлось иного, болѣе страстнаго, протестующаго. Должно быть дядя это замѣтилъ; улыбнувшись какою-то особенно доброю улыбкою, Михаилъ Петровичъ добавилъ, гладя меня по головѣ:

— Пойми, Сережа, этими семью сибирскими годами я купилъ себѣ примиреніе съ собою. У меня теперь такъ спокойно, такъ ясно на душѣ, какъ прежде не было никогда.

Я, однако, не совсѣмъ понималъ. Жертвовать собой, конечно, хорошо, и мнѣ на умъ приходило много исто-

рическихъ примѣровъ безкорыстнаго самоотверженія. Но мое воображеніе требовало при этомъ какого-нибудь опредѣленнаго результата, да еще окруженнаго славой, пожалуй даже трескомъ; а эта работа въ сибирскихъ рудникахъ темная, безгласная, кому она нужна и какую славу могла она принести дядѣ?

Михаилъ Петровичъ никогда уже послѣ этого, говоря со мной, не упоминалъ про свои сибирскіе годы. Его разсказъ такъ и остался для меня окруженнымъ неразгаданною таинственностью. Но одна черта въ характерѣ дяди для меня постепенно разъяснялась. Ссылка развила въ немъ восторженное религіозное чувство; и это чувство побуждало его видѣть на своей судьбѣ дѣйствіе всесильной воли Бога. Этой волѣ онъ подчинялся безропотно. Странное дѣло, я сталъ понимать это именно съ тѣхъ поръ, какъ во мнѣ самомъ пошатнулись вѣрованія дѣтства. Я не упрекалъ дядю за то, что мнѣ слабостью казалось. Одиночество и страданіе настроили его умъ на мистическій ладъ. Что-жъ, и самые сильные умы теряютъ равновѣсіе отъ давленія незаслуженнаго горя. Мнѣ непріятно было сознавать, что я въ восемнадцать лѣтъ, благодаря трезвому вліянію духа времени, могу такъ спокойно и безпристрастно относиться къ вопросу, который волновалъ и волнуетъ столько зрѣлыхъ умовъ.

Образъ дяди отъ этого можетъ-быть сталъ въ моихъ глазахъ даже выше и чище. Нужды нѣтъ, что мистицизмъ овладѣлъ его душой: въ сущности въ ней горѣлъ священный огонь братскаго чувства къ людямъ, изъ-за этого чувства онъ пострадалъ, и если ему угодно теперь увѣрить себя, что свои страданія онъ принесъ въ жертву какой-то высшей волѣ, сама жертва отъ того не умаляется.

Я помню, какъ, почти годъ спустя, я зашелъ къ дядѣ рано утромъ и встрѣтилъ его въ передней.

— Куда вы такъ рано собираетесь, дядюшка? спросилъ я.

— Въ церковь, мой милый. Сегодня 19 февраля. Я въ этотъ день всегда молюсь за того, кто три года назадъ осуществилъ мою давнишнюю мечту.

Голосъ дяди при этомъ звучалъ нѣсколько торжественно. — Хочешь, пойдемъ туда вмѣстѣ, Сережа; и тебѣ не мѣшало-бы въ этотъ день помолиться. Ты еще мальчикъ, но и ты понимаешь, я думаю, что это за великій день для каждаго, въ комъ бьется русское сердце.

Меня покоробило немного отъ слова „мальчикъ". Да и не пришло бы мнѣ, конечно, въ голову пойти къ обѣднѣ. Но почему-то во мнѣ зашевелилось смутное чувство стыда и, не отвѣтивъ ни слова, я пошелъ съ дядей въ Казанскій соборъ. Мы стали въ темномъ углу, поодаль отъ толпы. Дядя молился какъ-то строго, почти неподвижно. Но по сосредоточенному умиленію его лица видно было, что за живое чувство благодарности и любви теплилось у него на сердцѣ.

Да, многимъ я обязанъ дядѣ. Онъ рано научилъ меня строго, сознательно глядѣть на жизнь, видѣть въ ней прежде всего не забаву, а трудъ. На своемъ примѣрѣ онъ показалъ мнѣ, что тяжелая доля не помрачаетъ жизни, что сама каторга не служитъ униженіемъ. И мнѣ понятно стало, въ чемъ истинное достоинство человѣка. Если я и не раздѣляю теперь вѣрованій дяди, если въ моихъ глазахъ потеряли свою цѣну прежнія мечты, будто любому изъ насъ можно сдвинуть съ мѣста тяжелое бремя, нагроможденное прошлымъ, — все равно, я понялъ, что каждый изъ насъ русскихъ обязанъ свое знаніе и силы отдать на службу народу.

И чѣмъ менѣе успѣха намъ сулитъ будущее, тѣмъ безкорыстнѣе будутъ наши усилія.

Года шли, казалось, однообразно. Каждый день походилъ на предыдущій, а между тѣмъ все и во мнѣ самомъ, и вокругъ меня постепенно измѣнялось. Отецъ становился все угрюмѣе; все больше сторонился отъ меня, да и былъ онъ человѣкъ стараго покроя. Честный и хорошій, конечно, но съ недовѣріемъ смотрѣвшій на

охватившую Россію новизну. Мать была, правда, гораздо отзывчивѣе. У нея въ гостиной шли часто живые толки о политикѣ. Много бойкихъ, умныхъ словъ мнѣ приходилось тамъ слышать, но я смутно сознавалъ, что подъ этими словами было полное равнодушіе. Холодомъ вѣяло отъ ихъ остроумія. Особенно возмущалъ меня иной разъ графъ Андрей Павловичъ, попрежнему очень часто бывавшій у насъ въ домѣ.

И съ каждымъ годомъ я все больше отдалялся отъ семьи. Настоящая родственная связь у меня была только съ дядей. Но въ нашемъ домѣ онъ показывался все рѣже. Отношенія его къ матери становились все холоднѣе. А между тѣмъ я зналъ, что въ семьѣ нашей ходили слухи будто прежде, до своей ссылки, онъ долженъ былъ жениться на мама. Она вышла за моего отца уже послѣ того, какъ Михаила Петровича отвезли въ Сибирь. Я разъ попробовалъ объ этомъ разспросить матушку, но она холодно и строго отвѣтила мнѣ, что это неправда, и чтобъ я не смѣлъ при ней упоминать объ этихъ пустякахъ. Я почувствовалъ, однако, что мать говорила не искренно. Съ отцомъ я про это не заикался. Разъ только я пробовалъ было спросить у него, зачѣмъ это мама какъ будто не любитъ дядюшку, но онъ мнѣ только глухо отвѣтилъ, что мнѣ должно-быть такъ показалось. И его лицо приняло вдругъ такое горькое и въ то же время почти испуганное выраженіе, что вопроса я уже не повторялъ.

Впрочемъ, я долженъ признаться, что не особенно ломалъ себѣ голову надъ разгадкой странностей нашей семейной жизни. Иной разъ я задумывался надъ ними, но собственныхъ личныхъ впечатлѣній было такъ много, что они не давали моей мысли надолго останавливаться на семьѣ. Во мнѣ шевелилось изрѣдка смутное сознаніе, что въ тѣсномъ кругу домашнихъ кроется что-то неладное. Подчасъ горькая, болѣзненная нота прозвучитъ въ голосѣ отца, или на черты матери ляжетъ напряженно холодное и, казалось мнѣ, недоброе выраже-

ніе. До меня доходили иногда и денежныя дрязги, какъ будто отецъ въ чемъ-то упрекалъ матушку. Нѣсколько разъ въ этихъ упрекахъ говорилось даже о раззореніи, о возможной нищетѣ въ будущемъ. Но эти грозныя слова не производили на меня особаго впечатлѣнія. Я былъ очень равнодушенъ къ денежнымъ вопросамъ. Въ домѣ все было въ порядкѣ, и если иной разъ люди, неоднократно приходившіе за полученіемъ денегъ по счетамъ, упорно жаловались и не хотѣли уходить, если порой даже прислуга становилась дерзкою, то въ концѣ концовъ послѣ минутной вспышки все опять шло обычнымъ порядкомъ. Словомъ, незамѣтно для меня самого, моя личная жизнь пробивала себѣ особую колею.

Но одинъ случай пробудилъ меня вдругъ отъ моего равнодушія. Разъ весной, четыре съ лишкомъ года назадъ, придя домой изъ университета, я услышалъ въ гостиной мама громко спорившіе голоса. Дядюшка Михаилъ Петровичъ, всегда сдержанный и спокойный, говорилъ страстнымъ, возбужденнымъ тономъ, и ему отвѣчали озлобленные, гнѣвные звуки, въ которыхъ трудно было и узнать красивый, мягкій голосъ моей матери.

— Я этого не потерплю. Я велю васъ не пускать сюда болѣе,—донеслись до меня ея слова.

— И это вы смѣете говорить,—возразилъ негодующій голосъ дядюшки.—Вы, опозорившая брата... Да знайте же...

Онъ мгновенно замолкъ, должно быть услыхавъ мои приближавшіеся шаги. Мамаша что-то быстро шептала, чего я разслышать не могъ. Я остановился какъ вкопанный среди залы. Въ сосѣдней гостиной, гдѣ происходило объясненіе матери съ дядей, послышался шелестъ платья, и дверь въ кабинетъ матери съ шумомъ захлопнулась. Почти въ то же мгновеніе вышелъ ко мнѣ дядя. На немъ лица не было. Его красивыя строгія черты исказились глубокимъ, скорбнымъ гнѣвомъ;

— Зачѣмъ ты здѣсь? уходи къ себѣ,—сказалъ онъ мнѣ, еще не вполнѣ владѣя собой.

— Дядюшка!.. воскликнулъ я, не трогаясь съ мѣста,— что это у васъ было съ мама? И какъ она могла вамъ сказать...

Я не въ силахъ былъ договорить отъ душившаго меня волненія. Несмотря на оскорбительныя слова, брошенныя дядей въ лицо матери, я весь былъ на его сторонѣ. Меня возмущала угроза не пускать къ себѣ въ домъ человѣка, котораго я уважалъ выше всего на свѣтѣ. Я кинулся къ дядѣ, обнимая его, и мое негодованіе вылилось горячими разспросами. Но дядя остановилъ меня.

— Сережа, не твое дѣло про это судить, сказалъ онъ строго. — Забудь все, что тебѣ пришлось здѣсь услышать. Для тебя мать не можетъ быть неправою.

Конечно, эти слова успокоить меня не могли. Я продолжалъ разспрашивать дядю настойчиво и страстно, но онъ упорно отказался мнѣ что-либо объяснить.

— Ты не имѣешь права быть судьей надъ своими родителями,—отвѣчалъ онъ мнѣ уже спокойнымъ голосомъ.—Обѣщай мнѣ, что ты не заикнешься про это своему отцу.

Никогда еще дядя не глядѣлъ на меня такъ повелительно и сурово. Привычка подчиняться его авторитету и тутъ взяла верхъ надъ охватившимъ меня тревожнымъ недоумѣніемъ. Я догадывался, что дѣло идетъ о какой-то страшной семейной тайнѣ, но въ то же время какъ будто боялся проникнуть эту тайну.

Слѣдующіе дни я не видалъ дяди. Это были самые тяжелые дни въ моей жизни. Я сторонился отъ родныхъ. Я избѣгалъ самаго взгляда матери, смутно чувствуя, что глаза ея зачастую упорно и пытливо останавливаются на мнѣ. Роковая недомолвка легла между нами. А въ то же время я не могъ успокоиться и внѣ дома.

Прошло дней десять. Я искалъ случая повидаться съ дядей, но каждый разъ, когда я къ нему заходилъ, его не было дома. Наконецъ я его засталъ, и къ удив-

ленію моему засталъ за сборами къ отъѣзду. Я закидалъ его вопросами, куда и на долго ли онъ ѣдетъ.

— Я уѣзжаю за границу, Сережа,—было его отвѣтомъ,—и боюсь, что очень на долго.

Грусть слышалась въ его голосѣ.

— Да какъ же, да какъ же дядюшка!—воскликнулъ я.—Зачѣмъ вы ѣдете и какъ же я ничего про это не зналъ?

Во мнѣ точно зародилась мысль, что этотъ неожиданный отъѣздъ находится почему-то въ связи съ размолвкою дяди съ матерью. Я сказалъ ему это, старался отговорить его. Я увѣрилъ дядю, что онъ необходимъ всей нашей семьѣ, что всякое несогласіе можетъ быть улажено, что онъ долженъ остаться хотя бы ради отца. Мнѣ казалось, что бѣдному папѣ нужна защита, хотя я не зналъ противъ кого.

— Я не могу не ѣхать, Сережа,—тихо отвѣтилъ онъ, еслибы и захотѣлъ.

— Какъ? васъ опять высылаютъ отсюда, и кто же это? По чьей винѣ это случилось?

Я далъ волю своему негодованію. Мнѣ вдругъ припомнилось, что дня четыре предъ тѣмъ графъ Андрей Павловичъ Завойскій про что-то очень долго толковалъ вдвоемъ съ матушкой. Мнѣ почему-то показалось, что никто иной, какъ этотъ человѣкъ, котораго я въ душѣ ненавидѣлъ, былъ настоящею причиной новой высылки дяди. Графъ Андрей Павловичъ тогда уже пользовался большимъ вліяніемъ.

Лицо дяди стало темнѣе ночи, какъ только я упомянулъ имя графа.

— Не говори мнѣ про него! воскликнулъ Михаилъ Петровичъ.—Этотъ человѣкъ...

Голосъ его оборвался, словно онъ съ трудомъ удержалъ готовое вырваться признаніе.

— Ну да, поспѣшилъ онъ добавить,—ты отгадалъ: меня высылаютъ отсюда.

— Одно мнѣ только скажите, одно только, умоляю я. — Не виновата ли въ этомъ сколько-нибудь матушка?

Онъ пристально на меня посмотрѣлъ, и минутное колебаніе сказалось у него на лицѣ. — Нѣтъ, Сережа, проговорилъ онъ тихо,—про это я тебѣ все-таки сказать не могу. Когда нибудь ты и безъ меня все узнаешь. Помни одно только, — и голосъ его прозвучалъ торжественно,—береги отца. Поручаю его тебѣ. Ты любишь его, я знаю, но ты холоденъ съ нимъ. Онъ, бѣдный, можетъ быть и не умѣетъ вызывать тебя на откровенность; онъ молчаливъ и угрюмъ... Кабы ты зналъ, Сережа, что за горькая жизнь у него, ты бы утѣшилъ его хоть своею привязанностью. Береги его... Богъ вѣсть, долго ли онъ проживетъ: здоровье у него плохое.

Мы промолчали нѣсколько минутъ. Я чувствовалъ себя какъ бы осиротѣлымъ.

— Мы еще увидимся, дядюшка? вполголоса спросилъ я.

— Врядъ ли, Сережа. Я уѣзжаю завтра. Не провожай меня на желѣзную дорогу. Къ чему эти проводы? Лишній разъ только разстроишься. Я и безъ того знаю вѣдь, что ты обо мнѣ жалѣть станешь.

— А съ папашей вы не повидаетесь?

— Твой отецъ былъ у меня сегодня. Я съ нимъ простился.

Вопросы такъ и просились у меня на языкъ, но Михаилъ Петровичъ не далъ мнѣ говорить.

— Пойми, Сережа, сказалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо.—Кабы я могъ тебѣ все передать, я бы это сдѣлалъ давно. Помирись съ этимъ и не допытывайся, ты вѣдь не мальчикъ. И вотъ что я тебѣ скажу на прощанье. Тебѣ можетъ быть рано суждено узнать настоящую, суровую сторону жизни, и тѣмъ лучше для тебя. Жизнь вѣдь не сплошной праздникъ, Сережа. Я тебѣ не надоѣдалъ совѣтами до сихъ поръ, потому что въ твои годы можно и поребячиться. Да и тогда только

узнаешь, выйдетъ ли прокъ изъ человѣка, когда ему даешь ходить безъ помочей. Ну, теперь я уѣзжаю, ты будешь отъ меня далеко. Тебѣ всего двадцатый годъ пошелъ, да разсудокъ у тебя кажется есть.

— Обѣщаю вамъ, горячо перебилъ я дядю,—что и я тоже...

— Постой, Сережа, дай мнѣ договорить. Въ твои годы мнѣ крѣпко вѣрилось, что отъ меня зависитъ многое сдѣлать для пользы родины. Мнѣ казалось, что силы у меня хватитъ на какой-угодно подвигъ. Чѣмъ шире была задача, тѣмъ болѣе она прельщала мое воображеніе. Конечно, это были пустыя мечты.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пустыя, горячо перебилъ я его,— вы доказали это на дѣлѣ...

Дядя улыбнулся.

— Ну, да это вѣдь не бѣда. Молодежи вѣдь всегда хочется расправить крылья и взлетѣть какъ можно выше. Правда, нынѣшняя молодежь на моихъ сверстниковъ ужъ не похожа. Ей смѣшными кажутся наши мечты. Намъ, старикамъ, отходную читаютъ во имя трезвыхъ реальныхъ цѣлей. А мнѣ всетаки сдается, что при всей этой трезвости вашему брату также хочется какъ и намъ хотѣлось, на седьмое небо, въ безвоздушное пространство...

— Въ седьмое небо мы плохо вѣримъ, дядюшка, возразилъ я съ нѣкоторою гордостью.—Мы собираемся его поближе, на землѣ устроить.

Дядя опять улыбнулся.

— Ну-да, разсказывай, потрепалъ онъ меня по плечу.— А коли въ самомъ дѣлѣ въ тебѣ сидитъ такая положительность не по лѣтамъ, докажи это на дѣлѣ. Выбирай себѣ работу по плечу, но за то ужъ оставайся ей вѣренъ. А то знаешь что, Сережа: выходитъ теперь какой-нибудь изъ вашихъ птенцовъ на бой съ вражьею силой, точно онъ на самомъ дѣлѣ богатырь, а потомъ, какъ увидитъ, что бороться трудненько, на первыхъ же шагахъ и спотыкнется...

Я слушалъ молча, понуривъ голову, нѣсколько разочарованный словами дяди. Не такихъ совѣтовъ я ожидалъ отъ него. Черезчуръ мелкою, заурядною казалась мнѣ такая жизненная цѣль. Но слова эти во мнѣ засѣли крѣпко, и до сихъ поръ, какъ живая воскресаетъ передо мной строгая, величавая осанка, съ какою онъ ихъ произносилъ. Теперь, мнѣ сдается, я понялъ наконецъ ихъ настоящій недосказанный смыслъ. Работа, на которую онъ меня вызывалъ—та самая, которой онъ отдалъ и свою жизнь, работая на пользу народа. „Тотъ имѣетъ право на участіе въ земныхъ благахъ, кто сперва потрудился“, говорилъ дядя. Что же это, какъ не основной догматъ того самаго ученія, которое все болѣе замѣняетъ теперь неполную и узкую христіанскую мораль. Дядя не хотѣлъ тогда предо мной высказаться яснѣе, потому что въ его глазахъ я былъ еще слишкомъ молодъ. Ему жаль было моихъ двадцати лѣтъ; ему казалось, что рано было меня обречь на этотъ новый аскетическій подвигъ. Но теперь, когда я вновь увижусь съ нимъ, я скажу ему, что понялъ его, какъ слѣдуетъ, что готовъ идти по его стопамъ, хоть и иною дорогой.

12 октября.

Вотъ уже третій день, какъ я тщетно разыскиваю дядю. Я перебывалъ во всѣхъ сколько-нибудь приличныхъ гостинницахъ, чтобъ узнать не остановился ли онъ тамъ, но про него нигдѣ не слыхать. Ужъ не скрывается ли онъ подъ вымышленнымъ именемъ? промелькнуло у меня въ умѣ. Но зачѣмъ бы онъ это сдѣлалъ? Не въ привычкахъ Михаила Петровича скрываться. Должно-быть онъ остановился въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. И я боялся, какъ бы дядя не уѣхалъ изъ Венеціи, пока я такъ стараюсь напасть на его слѣдъ. Я зналъ, что въ послѣдніе мѣсяцы онъ жилъ въ Парижѣ: туда ему посылались деньги изъ имѣнія. Я отправилъ телеграмму по его тамошнему адресу, и въ тотъ же день получилъ на нее отвѣтъ, что Михаила Петровича въ Парижѣ не оказалось. Это еще болѣе утвердило меня въ моемъ убѣ-

жденіи, что дядя здѣсь, въ Венеціи. Можетъ-быть онъ поселился въ двухъ шагахъ отъ меня, а между тѣмъ я долженъ положиться на слѣпой случай, чтобы съ нимъ встрѣтиться. Я побывалъ и у Трухина въ надеждѣ, что онъ поможетъ въ моихъ поискахъ, но Ильи Петровича я дома не засталъ. Старая, беззубая служанка, впустившая меня въ темныя, грязныя сѣни, гдѣ отдавало сыростью, съ какимъ-то тупымъ недовѣріемъ глядѣла на меня, объявляя, что il signore non è in casa. Ей, повидимому, казалось, что я замышляю что-то недоброе, до того неохотно она мнѣ отвѣчала, спѣша меня выпроводить на улицу. Домъ, гдѣ живетъ Трухинъ — удивительно мрачный, отъ его стѣнъ такъ и отдаетъ тлѣніемъ, стекла кое-гдѣ выбиты, а изъ оконъ второго этажа вывѣсили бѣлье сушить на солнцѣ.

На возвратномъ пути отъ Трухина я взялъ черезъ набережную. Подходя къ ней, я снова увидалъ того господина, котораго встрѣтилъ два дня предъ тѣмъ и принялъ за дядю, Михаила Петровича. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной у самаго берега и говорилъ съ гондольеромъ. Я тотчасъ узналъ его. Да, это точно была осанка дяди, хоть онъ и показался мнѣ немного сгорбленнымъ. Я прибавилъ шагу, но онъ успѣлъ уже сѣсть въ гондолу, когда я дошелъ до того мѣста, гдѣ онъ прежде стоялъ. Тутъ, кстати, была другая лодка; я живо ее нанялъ и пустился въ погоню. Но какъ ни усердно гребъ мой гондольеръ, нагнать уплывшую лодку намъ не удалось. Она остановилась на Canal Grande, передъ стариннымъ дворцомъ. Сидѣвшій въ ней человѣкъ живо вышелъ и скрылся за входною дверью. Во мнѣ сильно билось сердце. Я не сомнѣвался, что это былъ дядя. Еще нѣсколько минутъ, и я съ нимъ увижусь. Но тутъ меня ожидало разочарованіе. Едва вошелъ я въ сѣни, меня остановилъ старикъ-швейцаръ, съ внушительною булавой въ рукѣ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ, покачивая головой. „Никакого русскаго здѣсь нѣтъ“, объявилъ онъ недовольнымъ тономъ. „Здѣсь живетъ графъ Р.“, онъ

назвалъ знатную французскую фамилію. Я настаивалъ, что вотъ сейчасъ за минуту передъ тѣмъ вошелъ тотъ господинъ, il signore russo, про котораго я спрашивалъ. „Signor ошибается“, упорно отвѣчалъ швейцаръ, „это былъ не русскій, а учитель дѣтей графа“. Нѣсколько минутъ я простоялъ въ нерѣшительности. Меня преслѣдовала какая-то злая, насмѣшливая судьба. Неужели я все-таки принялъ за дядю совершенно чужого мнѣ человѣка?

Нечего дѣлать, приходилось вернуться домой. Когда я подъѣзжалъ къ своей гостинницѣ, я увидѣлъ гондолу, стоявшую передъ крыльцомъ Palazzo Cornarini. Изъ нея выходили двѣ дамы. Старшая, довольно полная особа, но еще съ замѣтными слѣдами красоты на мягкихъ, округленныхъ чертахъ, уже стояла на верхней ступени крыльца. Младшая еще расплачивалась съ гондольеромъ. Я могъ ясно разглядѣть ея лицо. Глаза были опущены, но изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ точно вспыхивали мимолетныя искры. Мой взглядъ невольно остановился на ней, и не то чтобы меня поразила красота молодой дѣвушки—ее даже, строго говоря, и нельзя было назвать красавицей,—но что-то особенно изящное и мягкое было во всей ея осанкѣ, что-то ласкающее глазъ лучше даже самой красоты. Черты были неправильны, ротъ немного великъ, и что-то гордое, почти рѣзкое было въ изгибѣ ея согнутыхъ губъ. Такія губы, говорящія о сильной волѣ, я, помнится, видѣлъ на одномъ портретѣ въ какой-то галлереѣ. За то жизнь и движеніе такъ и сквозили въ этихъ тонкихъ чертахъ, полныхъ ума и выразительности, нѣжный румянецъ игралъ на прозрачной бѣлизнѣ кожи; золотистые, необыкновенно мягкіе волосы съ прелестною небрежностью были свернуты въ клубокъ на затылкѣ, а правильныя, почти черныя брови, такъ ярко отличавшіяся отъ цвѣта волосъ, придавали всему лицу какой-то южный оттѣнокъ. Она повернулась и тоже взошла на крыльцо. Въ этотъ мигъ ея рѣсницы поднялись, взглядъ ея скольз-

нулъ по мнѣ и словно обжегъ меня блескомъ большихъ черныхъ глазъ, и смѣющихся, и ласкающихъ, и въ то же время какъ бы грозящихъ. Одѣта она была въ темно-лиловое, плюшевое платье: въ своей круглой шляпѣ съ большимъ сѣрымъ развѣвающимся перомъ она удивительно походила на средневѣковую героиню, точно она только-что сошла съ полотна какой-нибудь старинной картины. На послѣдней ступени она еще разъ обернулась, точно задумавшись надъ чѣмъ-то, и долго я невольно все еще глядѣлъ ей въ слѣдъ, когда она давно уже скрылась въ обхватившемъ ея полумракѣ стариннаго дома.

Въ гостинницѣ мнѣ обязательно сообщили, что только-что видѣнныя мною особы были тѣ самыя иностранки, которыя четыре дня предъ тѣмъ заняли Palazzo Cornarini. При этомъ мнѣ сочли нужнымъ объяснить, что пріѣзжія вовсе не англичанки—въ Венеціи богатыхъ иностранцевъ прислуга всегда считаетъ англичанами,—а мои соотечественницы. Старшую даму зовутъ княгиней Козельскою, а молодая дѣвушка—ея дочь. Я тотчасъ вспомнилъ, что въ прежніе годы, когда мы еще жили въ Москвѣ, у насъ въ домѣ часто бывалъ одинъ пріятель моего отца, по фамиліи Козельскій. Тогда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, и у меня въ памяти смутно осталось его красивое, симпатичное, нѣсколько задумчивое лицо. Въ послѣдствіи онъ уѣхалъ за границу и кажется не возвращался уже въ Россію. Доктора его послали на югъ: у него были зародыши чахотки. Кто знаетъ, можетъ-быть, дѣвушка видѣнная мною—его дочь? Впрочемъ, сколько помнится, княжескаго титула онъ не носилъ. Да, въ сущности, какое мнѣ до этого дѣло?

Кто-то постучался ко мнѣ въ дверь. Оказалось, что это Трухинъ зашелъ навѣстить меня. Я ему очень обрадовался.

— Вотъ, кстати, я только-что былъ у васъ.

— Ну, меня застать не легко, объявилъ онъ, швыряя на столъ мягкую войлочную шляпу.—Въ своей конурѣ

я рѣдко остаюсь. Полюбовались моимъ жильемъ? Не важно? а?.. Барскимъ нервамъ, должно-быть, не по нутру пришлось?—Онъ сухо разсмѣялся, бросился на диванъ и обвелъ комнату глазами.—А у васъ здѣсь ничего. Получше будетъ моихъ палатъ. А папиросы есть? Дайте, пожалуйста; съ утра не курилъ, а пятый часъ, какъ рыскаю по городу, глотка такъ и проситъ курева.

Я подалъ ему коробку съ папиросами и спички. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ затянулся. Я разсказалъ Трухину про свои тщательные розыски дяди, прося его мнѣ на этотъ счетъ помочь.

— Да говорятъ же вамъ, отвѣтилъ онъ,—что мѣстопребываніе вашего достопочтеннаго дядюшки мнѣ неизвѣстно. Встрѣчался я съ нимъ, правда, мелькомъ, да потерялъ его съ тѣхъ поръ изъ виду.

Въ голосѣ Трухина опять звучало какое-то нетерпѣливое раздраженіе.

— Что это вамъ такъ приспичило дядюшку отыскивать?

Я передалъ ему, какое значеніе имѣлъ для меня дядя, какъ привыкъ я съ юныхъ лѣтъ подчиняться его руководству. Трухинъ пожалъ плечами.

— Экая же у васъ охота,—проговорилъ онъ,—подъ чужую указку лѣзть, да создавать себѣ авторитеты. Вы, кажется, свободны. Можете идти, куда хотите. Чего-жъ вамъ еще? Дорогу вамъ что ли спрашивать надо у дяденьки?

— Да вѣдь не родственное чувство только,—отвѣтилъ я,—меня привязываетъ къ дядѣ, а общность убѣжденій.

— Ага! вотъ какъ! А позвольте узнать, что эти убѣжденія ваши такъ себѣ простой дилеттантизмъ, или въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что проникло у васъ въ плоть и кровь?

— Да послушайте, Трухинъ,—немного обиженно возразилъ я,—съ какой стати вы все какъ будто сомнѣваетесь, что я способенъ всецѣло отдаться серьезному

дѣлу, согласовать свою жизнь съ тѣмъ, чего требуютъ мои убѣжденія.

Трухинъ пожалъ плечами.

— Пожилъ я, батенька, и наслышался-таки звучныхъ фразъ, которыя такъ и оставались фразами.

— Могу васъ увѣрить,—перебилъ я его взнолнованнымъ голосомъ,—что у меня это не однѣ фразы. Я, знайте это, твердо рѣшился посвятить себя той же задачѣ, ради которой дядя Михаилъ Петровичъ съ такимъ самоотверженіемъ перенесъ ссылку и каторгу.

— Будто?—скептически отозвался Трухинъ.—Такъ и рѣшились? Вы, кажется, тотъ разъ мнѣ еще говорили, что готовите себя къ дипломатической карьерѣ. Это что-ли вы подъ каторгой разумѣете?

Я вспыхнулъ.

— Перестаньте шутить, Трухинъ,—отвѣтилъ я съ раздраженіемъ.—Разорвать съ прошлымъ не легко. Не всякому дается вдругъ разомъ вступить на новую дорогу.

Трухинъ обдалъ меня быстрымъ вопрошающимъ взглядомъ.

— А позвольте узнать,—спросилъ онъ, нѣсколько разъ затянувшись папиросой,—отчего, когда случится вамъ заговорить про это самое дѣло, вы какъ будто не можете выражаться точно. Словно вамъ боязно назвать его даже по имени.

Это замѣчаніе Ильи Петровича меня задѣло за живое. Въ самомъ дѣлѣ, я давно замѣтилъ, что когда мнѣ случалось даже наединѣ съ собою выяснять себѣ, въ чемъ собственно заключается предстоявшая мнѣ задача, она все какъ будто расплывалась въ туманѣ, и эта неотчетливость мысли мнѣ самому даже словно нравилась.

— Какъ будто вы меня не поняли,—отвѣтилъ я, не желая выдать себя передъ Трухинымъ.—Говорю вамъ, я готовъ идти на все... слышите ли, на все...

Трухинъ выпрямился и всталъ.

— На все? Вотъ какъ!—Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.—И вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что это словечко означаетъ.

— Да вы сами, Трухинъ,—нетерпѣливо возразилъ я,—потрудитесь же мнѣ наконецъ сказать, въ чемъ вы-то понимаете настоящую цѣль, а то вы также охотно прибѣгаете къ увертливымъ оговоркамъ.

— Извольте-съ. Стану говорить прямо. Вамъ угодно изъ комфортабельной области либеральныхъ мечтаній перейти къ настоящей, не всегда пріятной работѣ. Такъ ли-съ?

— Да, разумѣется, такъ. Какихъ вамъ еще нужно увѣреній?

— Хорошо-съ. Я человѣкъ конечно маленькій, вліяніемъ особымъ не пользуюсь, но могу, коли хотите свести васъ и съ настоящими людьми; кое съ кѣмъ таки знакомъ. Отрекомендую васъ, какъ человѣка вполнѣ готоваго не жалѣть ни времени своего, ни карбованцевъ, благо таковые у васъ имѣются, ни своей шкуры. Отпишу кому слѣдуетъ въ Женеву, а вы ужъ туда отправляйтесь вмѣсто того, чтобы здѣсь благодушествовать. Но ужъ тогда, предупреждаю васъ, не извольте на попятный. Дѣло не шуточное. Никого мы къ себѣ не зазываемъ, а кто къ намъ идетъ добровольно, тотъ ужъ потомъ не отнѣкивайся. Своего рода монашество.

Говоря это, онъ не сводилъ съ меня пристальнаго взгляда. Не стану отъ себя этого скрывать, Трухинъ вдругъ необыкновенно выросъ въ моемъ мнѣніи. Я давно жаждалъ встрѣтиться съ однимъ изъ тѣхъ, кто прямо, непосредстственно участвуетъ въ великой работѣ, въ томъ, что близорукіе и недобросовѣстные люди называютъ дѣломъ разрушенія. И вотъ передо мной одинъ изъ такихъ, и черезъ него я могу проникнуть въ самую суть, такъ долго манившаго меня сокровеннаго дѣла. Я сталъ горячо разспрашивать Трухина. Онъ много передалъ мнѣ подробностей про жизнь нашихъ эмигрантовъ. Правда, на мои разспросы о ближайшихъ

цѣляхъ эмиграціи я прямого отвѣта не получилъ. Можетъ-быть на этотъ счетъ Трухинъ передо мной не хотѣлъ высказаться. Но какое же право имѣю я пока на безусловное довѣріе?

13 октября.

На душѣ какъ-то холодно и туманно. Странное дѣло—повторяю я здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало, это слово „душа"—хоть и рѣшительно не знаю, что собственно оно для меня выражаетъ. Сильна же въ насъ привычка! Хоть и давно намъ твердитъ положительная наука, что за тѣсными предѣлами нашего наблюденія мы не знаемъ рѣшительно ничего, все какъ-то насъ тянетъ снова прибѣгать къ стариннымъ, изношеннымъ терминамъ, откуда уже вывѣтрилось оживлявшее ихъ прежде смутное понятіе. Не слѣдовало бы такъ поступать, да нечего дѣлать. Непокорная мысль стряхиваетъ узду строгаго точнаго знанія.

Внутри бьется желаніе сильной полной жизни, полной всего: и работы, и движенія, и счастія, а на самомъ дѣлѣ плетется она, эта самая жизнь, по скучному проселку, никакъ не выходя на прямую ясную дорогу... Неужели этой жаждѣ такъ и остаться неудовлетворенною? И не отъ того ли все это, что мнѣ разомъ для себя хочется и труда и счастія, а разомъ оба они не даются, и надъ всѣми людьми тяготѣетъ роковой законъ, предписывающій имъ трудиться, и даже не знать, приведетъ ли ихъ трудъ къ чему-нибудь?..

— Я знаю, это не хорошія мысли. Да что же наконецъ хорошо, что дурно?

Нѣтъ, перестану лучше писать. Чѣмъ болѣе я задумываюсь надъ этими вопросами, тѣмъ дальше уходитъ отъ меня ихъ рѣшеніе. Должно-быть сѣрый, туманный день—сегодня опять Венеція облеклась въ осенній сумракъ—навѣялъ на меня изнеможеніе воли. Скука и одиночество хоть кому подскажутъ тоскливыя, навязчивыя мысли. Хоть бы Трухинъ опять завернулъ на минуту; онъ хотѣлъ зайти сегодня вечеромъ.

Я люблю бесѣдоватъ съ Трухинымъ: самая его рѣзкость дѣйствуетъ на меня возбуждающимъ образомъ, и мнѣ нравится въ немъ именно то, что онъ, кажется, не знаетъ колебаній.

Но становится поздно, а Трухина все еще нѣтъ. Между тѣмъ въ окнахъ Palazzo Cornarini сквозь опущенныя занавѣси показался свѣтъ. Должно быть у княгини Козельской сегодня гости. И странное дѣло, эти большія освѣщенныя окна глядятъ сегодня какъ-то особенно гостепріимно, точно за ними должна непремѣнно идти веселая, живая бесѣда. Я что-то сталъ наблюдать за своими сосѣдками съ тѣхъ поръ, должно быть, какъ мнѣ сказами, что онѣ русскія. Впрочемъ, у княгини совсѣмъ не русскія черты; за то ея дочь... нѣтъ, и въ ней русскаго мало, но лицо ея одно изъ тѣхъ, которыя забыть не легко. Въ немъ столько ума и движенія, въ глазахъ столько задумчивости и въ то же время огня, что дѣвушка эта, конечно, не заурядная. Я надѣялся, что встрѣчусь съ ней опять сегодня, или по крайней мѣрѣ увижу ее мелькомъ сквозь открытое окно, но весь день она не показывалась. Ну да не все ли равно! Что мнѣ за охота вспоминать о ней.

14 Октября.

Не прошло и двадцати четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ какъ я это писалъ, а благодаря скучаю—не люблю я это слово, да нечего дѣлать,—благодаря случаю я уже познакомился съ княгиней и ея дочерью. Вотъ какъ это было. Сегодня, часу во второмъ я отправился въ церковь San-Mosé. Погода стояла чудесная. Солнце грѣло почти по весеннему съ ярко-голубого неба. И въ отвѣтъ на все сіяніе я ощущалъ въ себѣ давно небывалое праздничное настроеніе.

Подъѣхавъ къ церкви, я увидалъ стоявшихъ на паперти двухъ дамъ. Это были княгиня Козельская и ея дочь. Я ихъ тотчасъ узналъ. Онѣ оглядывались по сторонамъ въ тревожномъ недоумѣніи. Не трудно было

догадаться, чѣмъ оно было вызвано: кромѣ моей, только что причалившей гондолы, у берега не стояло ни одной лодки. Не случись мнѣ подъѣхать, дамамъ можетъ быть долго пришлось бы дожидаться на паперти. Онѣ разговаривали на незнакомомъ мнѣ польскомъ языкѣ. Но по выраженію лица княгини я тотчасъ понялъ, что могу ей предложить свои услуги, не рискуя получить въ отвѣтъ холодный, удивленный взглядъ. Про себя я благословлялъ судьбу за постигшую княгиню маленькую невзгоду, тѣмъ болѣе необычайную, что обыкновенно у паперти San-Mosé стоитъ по нѣскольку гондолъ. Я быстро выскочилъ на берегъ и, приподнявъ шляпу, по-французски обратился къ княгинѣ съ предложеніемъ уступить ей свою лодку.

На красивыхъ, хоть немного полныхъ чертахъ пожилой дамы выразилась самая любезная улыбка.

— Я вамъ очень, очень благодарна,—отвѣтила она съ особенною живостью, совсѣмъ даже несвойственною, какъ мнѣ показалось, ея лѣтамъ и сановитости.—Представьте себѣ,—продолжала она,—гондола, въ которой мы сюда пріѣхали, куда-то исчезла. Вы насъ застали здѣсь въ совершенной безпомощности.

Ея живые, черные глаза, впрочемъ, увы! слегка подведенные, при этомъ вторили улыбкѣ красивыхъ губъ. Что-то необыкновенно ласковое, какое-то прирожденное умѣніе быть привѣтливою, даже льстивою, сказывалось на ея подвижномъ лицѣ. Совсѣмъ не такою представлялъ я себѣ, когда видѣлъ ее лишь издалека, эту неприступную, какъ я думалъ, великосвѣтскую барыню.

— Я очень радъ, что могу...—пробормоталъ я, не доканчивая своей фразы, и случайно взглянулъ на стоявшую возлѣ молодую дѣвушку. Мнѣ хотѣлось на ея лицѣ увидать ту же ласковую улыбку, которая мелькала въ глазахъ ея матери. Но молодая дѣвушка глядѣла неподвижно, почти строго. Брови у нея даже немного сдвинулись.

— Но какъ же вы сами?—смѣясь возразила княгиня.— Мы васъ лишимъ вашей гондолы, и вамъ здѣсь можетъ быть придется очень долго ждать.

— Вы можетъ быть позволите мнѣ,—сказалъ я нерѣшительно и при этомъ кажется покраснѣлъ,—сперва отвезти васъ...

— Ахъ! да это будетъ отлично,—еще живѣе прежняго отвѣтила княгиня,—сопутствуйте намъ, такъ будетъ гораздо веселѣе.

И долго не думая, она оперлась на мою протянутую руку и необыкновенно ловко вступила ногой на одну изъ скамеекъ гондолы. Нога эта—княгиня при этомъ довольно высоко приподняла платье—оказалась красивою и обута была щегольски.

— Ванда!—обратилась она къ своей дочери,—садись и ты!

Взглядъ ея при этомъ, повидимому съ оттѣнкомъ нерѣшительности, скользнулъ по молодой дѣвушкѣ. Я хотѣлъ помочь и княжнѣ перейти въ лодку, но она не приняла моей руки, какъ будто даже не замѣчая моего движенія, и легко и плавно переступила черезъ край гондолы. На лицѣ ея попрежнему выражалось что-то похожее на неудовольствіе.

Я занялъ мѣсто возлѣ княгини, пригласившей меня сѣсть рядомъ съ собою. Княжна помѣстилась нѣсколько поотдаль.

— Итакъ вы для насъ пожертвовали красотами San-Mosé—сказала княгиня съ полунасмѣшливою ласковостью. — Это очень, очень любезно... Не правда ли, Ванда?—добавила она, какъ бы желая втянуть дочь въ разговоръ.

Княжна не отвѣтила, слегка лишь скользнувъ по мнѣ своими бархатными, черными глазами.

— Или васъ, можетъ быть, не особенно интересовалъ осмотръ церкви?—продолжала княгиня.—Часто, вѣдь, случается, что молодые люди, вотъ какъ вы, только изъ какого-то чувства долга идутъ любоваться про-

изведенiемъ стариннаго искусства и въ сущности очень довольны, когда имъ что-нибудь помѣшаетъ.

Я отвѣтилъ ей, что гораздо болѣе дорожу обществомъ своихъ спутницъ, чѣмъ всякими артистическими памятниками. При этомъ я вторично покраснѣлъ, внутренно сознавая, что все болѣе роняю себя въ глазахъ Ванды.

Княгиня снисходительно улыбнулась.

— Я обращусь къ вамъ съ нескромнымъ вопросомъ,— сказала она.—Я никакъ не въ состоянiи себѣ опредѣлить вашу нацiональность. Вы такъ чисто выражаетесь по-французски...

— Я русскiй,—отвѣтилъ я, немного сконфуженный ея словами. Сама княгиня говорила на этомъ языкѣ очень бойко, хоть съ чуть замѣтнымъ польскимъ акцентомъ.

— Я почти была въ этомъ увѣрена. Только одни славяне умѣютъ быть такими любезными.

— Мы, кажется, соотечественники?—продолжалъ я.

— И да, и нѣтъ,—было ея отвѣтомъ. На мигъ въ ея глазахъ показалось нѣкоторое удивленiе.—Мой покойный мужъ былъ русскимъ подданнымъ, это правда.

— А! князя ужъ нѣтъ болѣе въ живыхъ?—перебилъ я.

— Какъ, вы знаете, кто я?—воскликнула она въ свою очередь.

Я объяснилъ ей, что мы сосѣди, что мнѣ случайно назвали ея фамилiю, и что ея покойный мужъ былъ когда-то друженъ съ моею семьей. Когда я назвалъ свое имя, она какъ будто припомнила что-то.

— Да, да... мужъ мнѣ, кажется, говорилъ... Градищевъ... Я слышала про вашу фамилiю. Я стало-быть могу смотрѣть на васъ почти, какъ на стараго знакомаго.

— Но тогда почему же мы не соотечественники?— спросилъ я опять.

— Мой мужъ давно покинулъ Россiю, а я и Ванда никогда тамъ не были. Мы—польки. Я рожденная гра-

финя Брониславская, и хоть очень люблю русскихъ и нахожу ихъ очень милыми, къ отечеству вашему, вы это поймете, я не могу питать особенной симпатіи.

Въ послѣднихъ словахъ княгини было что-то немного вызывающее, слегка задѣвшее меня за живое.

— Но вы, княжна, — обратился я къ молодой дѣвушкѣ,—вы все-таки русская?

— Я знаю по-русски, да,—отвѣтила она:—отецъ меня выучилъ. Но въ сердцѣ я такая же полька, какъ мать.

— Надѣюсь, мы не станемъ изъ-за этого ссориться, обязательно вставила княгиня.—Здѣсь мы на нейтральной почвѣ и къ тому же у насъ, кажется, есть съ вами общій интересъ—искусство.

Благодаря княгинѣ разговоръ оживился. Первые трудные шаги были сдѣланы. Мы вышли изъ области безсодержательныхъ рѣчей, неизбѣжныхъ при началѣ знакомства.

— Я вижу, вы совсѣмъ увлечены Венеціей,—одобрительно сказала княгиня;—это хорошо; я люблю, когда молодые люди увлекаются.

— А вы, княжна? нерѣшительно спросилъ я молодую дѣвушку.

Въ глазахъ ея опять блеснули искры, какъ два дня передъ тѣмъ, когда я увидалъ ее у крыльца ея дома.

— Все это слишкомъ мертво, чтобъ увлечь меня,—сказала она, покачавъ головой.—Венеція, это могильный склепъ.

— Да, но такой красивый склепъ...

— Мнѣ одной красоты мало, возразила она.

— Вы ея не слушайте,—перебила мать,—на нее иногда причуды находятъ. Напротивъ, ей очень нравится здѣсь. Мы пріѣхали сюда по ея настоянію. По-моему, признаюсь вамъ, здѣсь немного скучно.

Мы причалили. Княгиня поблагодарила меня, даже протянула мнѣ руку. Я ожидалъ, что она пригласитъ меня у нея бывать, но она про это не сказала ни

слова. Ванда только кивнула мнѣ головой, но въ ея глазахъ уже не было прежняго непривѣтливаго выраженія. Я велѣлъ лодочнику ѣхать опять въ San-Mosé. Долго я пробылъ подъ мрачными сводами церкви, любуясь какъ низкое солнце, прокрадываясь въ узкія окна, странно играло на темныхъ стѣнахъ и на позолоченныхъ рамахъ картинъ. Но любовался я не одною старинною красотой церкви, не одними переливами солнечныхъ лучей, безсильныхъ озарить угрюмыя стѣны и разогнать охватившій ихъ сырой мракъ. Передъ моимъ воображеніемъ носился образъ только-что видѣнной мною дѣвушки; вся церковь казалась мнѣ наполненною ея недавнимъ присутствіемъ, и мысль о ней озаряла древній храмъ болѣе живымъ блескомъ, чѣмъ лучи итальянскаго солнца.

Когда я снова вошелъ въ гондолу, лодочникъ подалъ мнѣ найденную имъ на днѣ ея крошечную, изящно переплетенную записную книжку съ золотыми обрѣзами.

Eccelenza, молодая барышня должно-быть обронила эту вещицу, сказалъ онъ ухмыляясь.

Я живо схватилъ изъ его рукъ книжку, обдавшую меня запахомъ духовъ. Въ награду за находку я сунулъ ему двѣ лиры на чай. У меня былъ теперь готовый предлогъ, чтобъ явиться къ княгинѣ. Меня до крайности возмутило, что лодочникъ, спустя нѣсколько минутъ, позволилъ себѣ сдѣлать намекъ, будто книжка была забыта не случайно.

15 Октября.

Когда я вернулся вчера домой, было уже слишкомъ поздно, чтобы зайти къ Козельскимъ. Сегодня въ третьемъ часу я велѣлъ о себѣ доложить княгинѣ, меня приняли. Я поднялся во второй этажъ, вошелъ въ обширную залу съ рѣдкою меблировкой и полинялыми штофными обоями, прошелъ еще вторую комнату меньшихъ размѣровъ, гдѣ былая роскошь носила на себѣ тѣ же слѣды запустѣнія, и очутился въ небольшомъ

кабинетѣ, гдѣ, казалось, была собрана вся уцѣлѣвшая въ домѣ мебель. Княгиня очевидно сдѣлала, что могла, дабы придать хоть этому уголку внѣшній видъ уютнаго жилья. Здѣсь были наставлены кресла и стулья самыхъ разнообразныхъ формъ. На двухъ мраморныхъ столахъ были небрежно разбросаны всякія бездѣлки; и эти новенькія изящныя вещицы странно поражали глазъ среди обветшалой роскоши дряхлаго palazzo. Въ большомъ мраморномъ каминѣ весело пылали уголья, и все-таки даже тутъ это старательное убранство глядѣло какъ рубище, но рубище изъ дорогой старинной ткани. Гордой нищетой, вотъ чѣмъ отзывался старинный домъ съ мраморными надтреснутыми полами и съ ветхою штофною драпировкой. И, казалось, эта обстановка придала гордости самой княгинѣ. Она сидѣла, вся выпрямившись въ большомъ креслѣ съ высокою рѣзною спинкой. Она приняла меня съ какою-то снисходительною величавостью, и, не протягивая мнѣ руки, едва замѣтнымъ движеніемъ пригласила сѣсть. Рядомъ съ нею, въ непринужденной, слегка даже небрежной позѣ, находился господинъ среднихъ лѣтъ, худощавый и блѣдный, съ длинными черными усами и надменнымъ выраженіемъ на сухомъ лицѣ. Княгиня не сочла долгомъ насъ познакомить другъ съ другомъ; зато ея дочь, сидѣвшая немного поодаль на табуретѣ, поздоровавшись со мной, обратилась къ незнакомцу и назвала меня.

— Графъ Короньи, отрекомендовала она его.

Венгерецъ посмотрѣлъ на меня величаво кивнулъ слегка головой, и медленно повернувшись въ сторону княгини, возобновилъ съ нею прерванный моимъ появленіемъ разговоръ. Княжна поспѣшила вознаградить меня за очевидную небрежность въ обращеніи со мной матери. Я даже совсѣмъ не узналъ въ ней вчерашнюю неприступную дѣвушку. Она говорила такъ просто и непринужденно, какъ будто мы были давнишніе знакомые. На венгерскаго графа она повидимому не обра-

щала вниманія. Раза два онъ пытался вмѣшаться въ нашъ разговоръ, но она отвѣчала ему коротко, почти непріязненно. Я не могъ не замѣтить преднамѣреннаго различія въ ея обращеніи со мной и съ этимъ господиномъ. Когда я передалъ ей найденную мной книжку, она поблагодарила меня съ живою задушевностью. У нея удивительное умѣніе придавать смыслъ и цѣну самымъ ничтожнымъ мелочамъ. Не только въ словахъ ея, въ самой интонаціи голоса, въ каждомъ движеніи лежитъ печать какой-то законченности, что-то похожее на тонкое искусство великаго музыканта, умѣющаго каждой нотѣ придать особый оттѣнокъ выраженія. Какъ все это у нея выходитъ просто и мило! Сама искренность, теплая и вольная свѣтится въ ея открытыхъ глазахъ, какъ дышетъ она во всемъ ея существѣ. Вандѣ уже за двадцать лѣтъ; она этого не скрываетъ: она мнѣ прямо сказала, что на дняхъ ей минуло двадцать два. А между тѣмъ какъ дѣтски чистъ ея профиль, какъ свѣжъ румянецъ ея щекъ и какую особую прелесть сообщаетъ ея молодому существу выраженіе ея умныхъ глазъ, въ которыхъ такъ и блеститъ живая, уже созрѣвшая мысль и сила воли, которую не мудрено прочесть въ законченной, изящной линіи ея губъ. Одѣта она была и просто, и оригинально. Суконное темно-синее платье туго обхватывало ея легкій станъ, лифъ былъ застегнутъ сбоку по мужскому и длинные матросскіе воротнички спускались на бархатный отворотъ платья, открывая тонкую, бѣлую шею. Ея густые волосы, мягкіе и слегка волнистые, точно хотѣли выбиться изъ-подъ гребня и всей своею роскошною тяжестью упасть на тонкія и стройныя плечи. Ни слѣда кокетства не было въ ней. Она какъ будто и не сознавала своей обаятельной прелести, какъ не сознаетъ ея залитое солнцемъ весеннее утро.

Не помню ужъ, какъ это случилось, но я разсказалъ ей про свои студенческіе годы и чувствовалъ, что она слушаетъ съ внимательнымъ участіемъ, хоть я и былъ для нея

совершенно чужой, и мое прошлое, казалось, не могло занимать ее нисколько.

— А что вы намѣрены дѣлать теперь? спросила она, когда я кончилъ свой разсказъ.

— Что?...

Признаюсь, вопросъ этотъ засталъ меня въ расплохъ. Странное дѣло, всѣ мои планы куда-то разлетѣлись. Для меня существовалъ лишь настоящій мигъ, и мнѣ хотѣлось одного только, какъ можно дольше говорить съ нею, видѣть ее, какъ можно чаще.

— Я кажусь вамъ нескромною, продолжала она,— но что дѣлать? У меня ужъ такая привычка все смотрѣть впередъ. Мнѣ кажется, всегда надо знать заранѣе, что собираешься дѣлать. Я по крайней мѣрѣ всегда держусь этого правила, хотя для насъ, женщинъ, и нѣтъ особенно богатаго выбора дѣятельности.

— А вы не допускаете, вырвалось у меня какъ-то невольно,—что можно вполнѣ отдаться минутному впечатлѣнію и не заглядывать дальше.

Чуть замѣтная улыбка показалась на ея красивыхъ губахъ.

— Что-жъ, Венеція для васъ такъ богата впечатлѣніями? Я думаю, однако, ихъ хватитъ не надолго.

— Не знаю, право, старался я отшутиться,—я съ ними разставаться пока не хочу; не забудьте, я вѣдь совершенно свободенъ.

Куда дѣвались мои недавнія горячія увѣренія Трухину! Я не то что про нихъ забылъ, но въ присутствіи молодой дѣвушки они какъ будто поблекли. Да и не захотѣлъ бы я упомянуть о нихъ именно теперь.

— Совершенно свободны? возразила она, и слова эти прозвучали почти строго. Въ ея мягкомъ, пѣвучемъ голосѣ слышались иногда удивительно низкія грудныя ноты.—Позвольте мнѣ вамъ не повѣрить. Совершенно свободными бываютъ тѣ только люди, которымъ дѣлать нечего, потому что они ни на что не способны...

Разговоръ нашъ принималъ странный оборотъ. Я

собирался ей отвѣтить, убѣдить ее, что я не изъ числа этихъ людей, но въ эту самую минуту венгерскій графъ поднялся съ мѣста. Княгиня встала тоже и принялась его удерживать. Я тотчасъ схватился за шляпу: мое присутствіе могло, пожалуй, стѣснять хозяйку дома.

— Мы когда-нибудь возобновимъ этотъ разговоръ, сказала княжна, протягивая руку.

— Что мы завтра дѣлаемъ, Ванда? нерѣшительно спросила у дочери княгиня.—Графъ предлагаетъ ѣхать вмѣстѣ въ Кіоджію.

— Нѣтъ, мама, живо отвѣтила Ванда,—завтра я весь день проведу во Дворцѣ Дожей. Мы еще тамъ не были, а въ Кіоджію поѣхать всегда успѣемъ.

Графъ принялъ недовольный видъ. Было совершенно очевидно, что Ванда относится къ нему недружелюбно, что она, вдобавокъ, привыкла господствовать надъ матерью. Да развѣ она могла въ чемъ-либо не поставить на своемъ! Стоило ей только захотѣть.

Я ушелъ отъ Козельскихъ, рѣшивъ про себя, что завтра я тоже весь день проведу во Дворцѣ Дожей.

18 октября.

Сегодня пришло ко мнѣ письмо отъ отца. Онъ жалуется на здоровье, и жалуется съ какою-то смиренною, безнадежною покорностью. Словно онъ чего-то не досказываетъ, и силы его подтачиваетъ не одна болѣзнь, а заодно съ нею и какое-то затаенное, давящее горе. Отецъ какъ будто желаетъ, чтобъ я поскорѣе вернулся. Прямо онъ этого не говоритъ, но подъ конецъ его письма выражаются у него опасенія, суждено ли намъ свидѣться. Бѣдный отецъ! Онъ всегда былъ мнительнымъ, да и теперь къ письму его сдѣлана приписка рукой матери. Она совѣтуетъ мнѣ не безпокоиться. „Тебѣ не зачѣмъ сюда пріѣзжать, пишетъ она, ты знаешь, у него вѣчная привычка воображать себя опасно больнымъ. Онъ немножко простудился и закашлялъ. Осенью это въ Петербургѣ не мудрено; изъ-за такихъ пустяковъ тебѣ не зачѣмъ сюда возвращаться.“

Вечеромъ того же дня, когда я былъ у Козельскихъ, я снова встрѣтился съ ними. На этотъ разъ уже совершенно случайно. Проходя въ десятомъ часу черезъ ярко-освѣщенную площадь Св. Марка, я увидалъ княгиню, сидѣвшую вмѣстѣ съ дочерью у одного изъ маленькихъ столиковъ разставленныхъ предъ café. Съ ними былъ опять тотъ же венгерскій графъ, котораго я встрѣтилъ утромъ. Поклонившись дамамъ, я собирался пройти мимо, но княжна меня подозвала.

— Куда вы спѣшите?—сказала она мнѣ по-русски, протягивая руку.—Сядьте съ нами и давайте болтать

Меня почему-то несказанно обрадовала эта обращенная ко мнѣ русская рѣчь, точно на родномъ языкѣ ея голосъ особенно лелѣялъ мой слухъ.

— Какъ вы прекрасно говорите по-русски,—сказалъ я, усаживаясь возлѣ нея.—Вы любите нашъ языкъ, да?

— Я уже сказала вамъ, что меня выучилъ отецъ. А мнѣ дорого все, что связано съ его памятью.

Венгерскій графъ посмотрѣлъ на насъ съ неодобрительнымъ удивленіемъ. Онъ сухо мнѣ поклонился, и слегка отодвинувъ свой стулъ,—мнѣ показалось, что это сдѣлано было съ какимъ-то намѣреніемъ,—заговорилъ съ княгиней.

— А у васъ сильно звучитъ патріотическая струнка?—продолжала княжна, на этотъ разъ съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи.

— Узкаго патріотизма я не понимаю,—поспѣшилъ я отвѣтить.—Въ наше время...

— Да, да! не зачѣмъ договаривать, разсмѣялась она.—Всѣ русскіе таковы. Сколько я ихъ ни видала, всѣ они стараются какъ будто стереть съ себя національный оттѣнокъ,точно они извиняются, что они русскіе. А я, вотъ, хоть и заговорила съ вами по-русски, предупреждаю васъ, горячая патріотка. Я съ раннихъ лѣтъ привыкла считать себя полькой и не измѣню этому чувству никогда...

— Да какъ же,—возразилъ я,—вы мнѣ только-что

сказали, что вамъ такъ дорога память вашего отца, а князь, насколько я его помню...

Облако грусти на мигъ словно заволокло свѣтлые глаза Ванды.

— Я знаю, что вы хотите сказать,—тихо перебила она меня.—Отецъ мой былъ русскимъ по сердцу и мнѣ тяжело сознавать, что я такъ на него не похожа. Да что дѣлать? Въ своихъ симпатіяхъ мы не вольны... Отца я лишилась рано, въ Россіи не была никогда. Я выросла среди родныхъ и друзей матери и переняла отъ нихъ любовь къ нашей бѣдной, угнетенной отчизнѣ. Вы можетъ-быть меня за это осуждаете?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно...—поспѣшилъ я отвѣтить.— Вы не виноваты: воспитаніе, среда на васъ повліяли...

Опущенныя вѣки княжны на мгновеніе раскрылись, и я почувствовалъ на себѣ глубокій взглядъ ея умныхъ глазъ.

— Не думайте, пожалуйста,—опять заговорила она засмѣявшись,—чтобъ я захотѣла начать съ вами политическій споръ. Мнѣ сегодня не до споровъ. Эта мягкая, чудная ночь наводитъ на одни мирныя чувства. Не знаю какъ на васъ, а на меня сильно дѣйствуетъ обстановка. И въ такой вечеръ подъ этимъ дивнымъ звѣзднымъ небомъ мнѣ кажется, что я становлюсь какъ-то добрѣе.

И въ самомъ дѣлѣ какимъ-то волшебнымъ сводомъ разстилалось надъ высокими зданіями, обступавшими площадь съ четырехъ сторонъ, безоблачное темное небо. Вся площадь казалась громаднымъ храмомъ, и яркія звѣзды блестѣли надъ ней какъ зажженные свѣтильники. Будничная жизнь съ ея пустыми затѣями какъ-то отлетала прочь, и невольно ощущался какой-то подъемъ духа, какое-то желаніе настроить себя на лучшій, болѣе высокій и чистый ладъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы потухъ назойливый свѣтъ газа въ окнахъ, исчезла толпа гуляющихъ, словно все это мѣшало впечатлѣнію этой тихой ночи и внушительной строгости

старинныхъ зданій, видавшихъ столько громкихъ и ужасныхъ дѣлъ и какъ будто испытавшихъ всю тщету долговѣчной славы и всю скорбь медленнаго увяданія. Я бы хотѣлъ видѣть здѣсь одну эту чудную дѣвушку, какъ будто она одна могла понять все, что говорили мнѣ эти древнія стѣны. Мнѣ потому такъ и нравилось, что она заговорила со мной на моемъ родномъ языкѣ, какъ будто тѣмъ самымъ она уединялась со мною въ особый, для насъ однихъ понятный міръ ощущеній.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ раздался грубый рѣзкій хохотъ. Тутъ сидѣло нѣсколько офицеровъ, распивавшихъ вино за однимъ изъ столиковъ, и грубоватая веселость ихъ голосовъ непріятно звучало въ моихъ ушахъ, какъ фальшивый аккордъ въ стройной симфоніи.

— А вы не всегда развѣ добры?—спросилъ я въ отвѣтъ на послѣднія слова княжны.

— Смотря по тому, что вы подъ этимъ словомъ понимаете. Бываютъ случаи, когда я не считаю себя въ правѣ быть доброю. Всего вѣдь прощать нельзя. Стыдно за себя, точно унижаешь свое прощеніе.

— Да, какъ будто чувствуешь, что дорого заплатилъ за вещь, не имѣющую никакой цѣны. А тотъ, кто вамъ ее продалъ, вдобавокъ надъ вами смѣется.

— Надо мной, я думаю, никто бы не посмѣялся,— гордо отвѣтила она.—Мнѣ кажется, я сумѣла бы этого недопустить.

Странный у насъ завязался разговоръ! Въ немъ была какая-то искренняя близость, точно мы давно знакомы и можемъ довѣриться другъ другу. А въ то же время или насмѣшливымъ оборотомъ рѣчи, или быстрымъ, загадочнымъ взглядомъ своихъ глубокихъ глазъ, Ванда словно ускользала отъ меня. Я рѣшительно не зналъ, какова ея настоящая мысль, и не скрывается ли затаенная иронія въ задушевной теплотѣ ея словъ. Мнѣ чудилось тогда, что я будто стою надъ самымъ краемъ глубокаго обрыва, и одинъ невѣрный

шагъ можетъ увлечь меня внизъ въ какую-то темную бездну. И все-таки было во мнѣ какое-то пріятное ощущеніе, какъ разъ вызываемое этою близостью чего-то непонятнаго, таинственнаго и опаснаго.

Скоро въ нашу бесѣду вмѣшалась княгиня. Ей видимо не нравилось, что мы говорили по-русски. А венгерскій графъ даже не скрывалъ своего неудовольствія. Раза два онъ останавливалъ на насъ обоихъ долгій и удивленный взглядъ своихъ острыхъ глазъ. Разговоръ сталъ общимъ и, разумѣется, зауряднымъ. Для меня онъ утратилъ всякую прелесть.

Къ намъ подошелъ невзначай какой-то нищій и довольно назойливо обратился къ графу; онъ долго стоялъ предъ нимъ, держа въ рукахъ войлочную шляпу и жалобнымъ возгласомъ нѣсколько разъ повторялъ все ту же тоскливую фразу. Графъ сперва не обращавшій на него вниманія, наконецъ грубо обозвалъ его.

— Andate al diavolo! Lasciate mi in pace! *)—нетерпѣливо воскликнулъ онъ.

Нищій попятился назадъ и продолжалъ свое настойчивое, хотя и нѣсколько пугливое нытье. Я досталъ портмоне. Въ немъ мелочи не оказалось, и я кинулъ ему золотой. Не скрою, сдѣлалъ это я отчасти изъ какого-то смутнаго непріязненнаго чувства къ графу. Княгиня широко раскрыла удивленные глаза. Ванда посмотрѣла на меня украдкой и закусила нижнюю губу. А венгерскій графъ, къ немалому моему удовольствію, былъ очевидно взбѣшенъ. Пока нищій усердно и низко кланялся, осыпая меня выраженіями шумной благодарности, графъ всталъ, проговорилъ что-то сквозь зубы, подошелъ къ нему и швырнулъ въ его шляпу два луидора. При этомъ онъ вполголоса произнесъ какое-то ругательство. Нищій поспѣшилъ удалиться.

— Mais c'est une vraie folie, messieurs!—пожурила насъ княгиня.

---

*) Убирайтесь къ чорту! Оставьте меня въ покоѣ!

Наша щедрость ей, однако, очевидно нравилась. Графъ пожалъ плечами и съ недовольнымъ видомъ усѣлся. Нѣсколько секундъ длилось неловкое молчаніе. Потомъ Венгерецъ опять всталъ, подошелъ къ Вандѣ и вполголоса что-то ей сказалъ, не сводя съ нея пронзительнаго, вопрошающаго взгляда. Она слегка покачала головой, быстро посмотрѣла на него такъ презрительно, что онъ, несмотря на свой высокій ростъ, какъ будто съежился, и вслухъ проговорила: „Je vous remercie; c'est inutile".

Долго я не забуду этого взгляда и врядъ ли скоро позабудетъ его графъ. Его глаза сердито блеснули; пробормотавъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное, онъ повернулся на каблукахъ и нерѣшительно отошелъ на нѣсколько шаговъ. Тогда онъ вдругъ словно опомнился; и церемонно раскланявшись съ княгиней, быстро отошелъ прочь.

— Comte, où allez-vous; mais restez donc,—звала его княгиня, но усилія ея были тщетны: графъ уже не возвращался.

Послѣ его ухода княгиня совсѣмъ преобразилась. Она сдѣлалась со мною такою же ласковою, какъ въ день нашей первой встрѣчи, у паперти San-Mosè; слегка она пожурила меня за то, что я все время разговаривалъ съ ея дочерью на этомъ противномъ русскомъ языкѣ, какъ она выразилась. „Это было даже очень невѣжливо,—добавила она, шутя,—относительно графа и меня; мы съ нимъ ни слова не понимаемъ по-русски". Княгиня однако возвратила мнѣ всю свою прежнюю милость. Она даже принялась съ обычною словоохотливостью припоминать разные забавные случаи изъ своего прошлаго. Княгиня много путешествовала и знала почти всѣ европейскія столицы. Въ ея разсказахъ то и дѣло попадались имена знатныхъ лицъ всевозможныхъ національностей, съ которыми ей привелось встрѣчаться. Она какъ будто даже выставляла на показъ свои блестящія знакомства. Дочь ея слушала

молча, и мнѣ показалось, что Вандѣ эти похвальбы матери были слегка непріятны. Признаюсь, я бы дорого далъ, еслибы вмѣсто пустой болтовни княгини я бы могъ продолжать нашъ прерванный разговоръ съ ея дочерью. Да нечего было дѣлать, и я слушалъ съ покорною внимательностью.

Между тѣмъ изъ-за куполовъ собора медленно выплылъ не полный еще, но уже блестящій кругъ мѣсяца и озарилъ всю площадь бѣлымъ сіяніемъ. Мрачныя зданія рѣзко выдѣлялись въ лунномъ свѣтѣ, и смотрѣли на насъ, какъ привидѣнія прошлаго, вызванныя изъ тьмы. Косыя тѣни ложились на освѣщенныя мраморныя плиты. Сама ночь какъ-то побѣлѣла, словно неестественный, фантастическій свѣтъ обдалъ насъ волшебною струей.

— Знаете, что, мама, вдругъ сказала Ванда,—какъ бы хорошо было теперь прокатиться въ гондолѣ. Вечеръ такой теплый.

— Ты думаешь?—нерѣшительно отвѣтила княгиня, плотнѣе укутываясь въ свой бурнусъ.—Ты не боишься простудиться?

Но она возразила это только для виду. Княгиня повидимому привыкла во всемъ уступать дочери. Я вызвался достать лодку. Мы встали и направились къ набережной. Вся она была залита бѣлымъ свѣтомъ луны. Тихая гладь воды блестѣла въ серебристыхъ переливахъ. Прекрасна Венеція, когда на ея разноцвѣтныхъ, мраморныхъ стѣнахъ весело играетъ яркое солнце, которое и знать не хочетъ, что стѣны эти давно замолкли и даже солнцу не вызвать ихъ къ новой жизни! Но еще прелестнѣе глядитъ она, когда лучи мѣсяца снимаютъ съ нея покровъ ночи и заливаютъ ее ровною, тихою струей свѣта. Словно окутанная блестящимъ саваномъ, воскресаетъ она, какъ мертвецъ волшебной сказки въ полночь на мигъ возстаетъ изъ своего гроба.

На широкой набережной не было почти ни души; гулко и странно раздавались по мраморной мостовой

рѣдкіе шаги прохожихъ, тускло мерцали кое-гдѣ надъ водой зажженные въ гондолахъ фонари. И еще торжественнѣе глядѣли высокіе дома, осеребренные мѣсяцемъ среди этого пустыннаго безмолвія.

Мы наняли первую попавшуюся гондолу и пустились въ море. Какъ великанъ-часовой глядѣла на насъ съ берега высокая башня колокольни Св. Марка. Свѣтящаяся вода тихо плескалась о нашу лодку, пробужденная отъ сна ровными ударами веселъ. Такимъ миромъ, такою тишиной повѣяло на насъ, что намъ сперва и говорить не хотѣлось. Даже болтливая княгиня пріумолкла. Берегъ уходилъ все дальше. Гондола наша беззвучно скользила по водѣ, какъ по воздуху скользитъ ночная птица. Съ берега доносились до насъ мягкіе звуки рыбачьей пѣсни.

Ванда сидѣла у кормы, слегка облокотясь на бортъ и упорно всматриваясь въ просторную гладь, гдѣ искрилась и дрожала широкая полоса луннаго свѣта. Легкій вѣтерокъ игралъ ея мелкими прядями волосъ, выбившимися на свободу изъ-подъ гребня. Мнѣ не удавалось уловить ея взгляда. Глаза ея были опущены, и лишь изрѣдка на мигъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ мелькомъ вспыхивали ея зрачки. И странное дѣло, мнѣ чудилось порой, что глубокая, затаенная скорбь таится въ этихъ чудныхъ глазахъ, скорбь, такъ неидущая къ ея открытому живому лицу. Живою загадкой сидѣла она предъ моимъ упорнымъ, вопрошающимъ взглядомъ.

Княгинѣ, должно-быть, наскучило молчаніе, и снова она завела со мной легкую болтовню, въ которой уже, конечно, не отражалось торжественно-тихое впечатлѣніе венеціанской ночи. Она принялась меня разспрашивать насчетъ моей петербургской жизни.

— Какъ!—воскликнула она, услыхавъ, что я уклоняюсь отъ дипломатической карьеры,—вамъ эта служба не нравится? Да что же можетъ быть лучшаго? Частая перемѣна мѣстъ, легкое знакомство съ жизнью различ-

ныхъ столицъ, словомъ,—это удовольствіе, обращенное въ обязанность.

— Я ищу для себя задачи посерьезнѣе,—отвѣтилъ я.

Княгиня хотѣла что-то сказать, но дочь ее вдругъ перебила:

— Ищете, или уже нашли?—спросила она, прямо посмотрѣвъ мнѣ въ лицо.

— Можетъ-быть и нашелъ, княжна,—было моимъ отвѣтомъ.

— А я и не подозрѣвала, что у васъ есть какія-то таинственныя, заднія мысли,—разсмѣялась княгиня.

— А у васъ онѣ тоже есть? спросилъ я опять Ванду.

— У кого ихъ нѣтъ?..

Она чуть замѣтно повела плечами, и снова на мнѣ остановился ея будто испытующій взглядъ.

— Охота вамъ говорить загадками,—замѣтила княгиня чуть-чуть недовольнымъ тономъ. — Ванда, какая ты странная сегодня! Съ графомъ ты держала себя какъ-то непріязненно, теперь усѣлась на краю вдали отъ насъ, и то молчишь, то скажешь что-нибудь совсѣмъ непонятное.

Ванда посмотрѣла на мать, и удивительно строгимъ, почти укоряющимъ показалось мнѣ выраженіе ея большихъ глазъ.

— Однако становится холодно, — вдругъ объявила княгиня.—Прикажите лодочнику ѣхать домой.

Съ моря въ самомъ дѣлѣ поднимался свѣжій вѣтеръ. На возвратномъ пути я старался разговориться съ Вандой, благо княгиня уже не мѣшала ни вопросами своими, ни разсказами. Она видимо устала, и красивыя немного полныя черты ея округленнаго лица вдругъ осунулись и даже постарѣли. Я хотѣлъ вызвать молодую дѣвушку на откровенную бесѣду. Но Ванда отвѣчала лишь односложно. Она ушла въ себя; облако словно налетѣло на ея лицо, а между тѣмъ я былъ почему-то убѣжденъ, что знакомство наше не ограничится мимолетною встрѣчей.

Когда мы причалили къ крыльцу Palazzo Cornarini, пожимая ей руку на прощанье, я въ полголоса спросилъ у нея, повинуясь полубезсознательному желанію, чтобы княгиня не разслышала моихъ словъ:—Итакъ, мы завтра увидимся во дворцѣ.

— Развѣ я вамъ сказала, что тамъ буду?—проговорила она, и снова въ ея глазахъ я прочелъ то гордое выраженіе, которое было въ нихъ при первой нашей встрѣчѣ.

Княгиня, благодаря меня за прогулку, любезно мнѣ сказала, что она вечеромъ почти всегда дома и будетъ рада меня видѣть у себя. Итакъ, я получилъ право у нихъ бывать.

На слѣдующій день я, разумѣется, отправился во дворецъ, но тщетно я прождалъ тамъ Ванду и ея мать битыхъ три часа.

Съ чувствомъ досады и разочарованія я вышелъ изъ дворца, и едва свернулъ я на площадь, какъ мнѣ попался на встрѣчу пріятель Трухина, передовой купчикъ Скорняжниковъ. Онъ глядѣлъ какимъ-то необыкновенно забитымъ и унылымъ. Мы поздоровались.

— Позвольте мнѣ съ вами проститься,—заговорилъ онъ, останавливаясь.—Я сегодня вечеромъ уѣзжаю.

— Что такъ скоро?—счелъ я долгомъ отвѣтить, хотя былъ совершенно равнодушенъ къ отъѣзду г. Скорняжникова.

— Такъ... приходится... Не зачѣмъ мнѣ здѣсь болѣе оставаться,—промолвилъ онъ, грустно повѣсивъ голову.—Неужели вамъ Илья Петровичъ ничего не сообщилъ?—добавилъ онъ немного погодя.

— Ни слова. Да я съ Трухинымъ не видался вотъ уже нѣсколько дней.

— Такъ... Очень, очень я господиномъ Трухинымъ обиженъ.

Бѣдный малый взглянулъ на меня, какъ бы ища у меня сочувствія. Такъ глядятъ иногда черезчуръ добронравныя собаки, которыхъ только-что безпричинно по-

билъ хозяинъ. Очевидно, Скорняжниковъ искалъ случая излить предъ кѣмъ-нибудь свои наболѣвшія чувства.

— Чѣмъ же, помилуйте?—возразилъ я.—Вы съ нимъ, кажется, были въ наилучшихъ отношеніяхъ?

— Да, могу похвалиться... За пріятеля его считалъ и, кажется, за него готовъ былъ идти и въ огонь и въ воду, а вотъ представьте себѣ, какой случай. Прихожу это я вчера къ Трухину и застаю его за работой. „Илья Петровичъ“, говорю я, „покажите вы мнѣ наконецъ свою знаменитую картину“ (а онъ, завидя меня, схватилъ полотно, на которомъ писалъ, и поставилъ его лицомъ къ стѣнѣ).—„Ничего я вамъ не покажу“, отвѣчаетъ мнѣ Илья Петровичъ, и такъ знаете грубо, нахально отвѣчаетъ, „во-первыхъ, потому, что своихъ работъ вообще не показываю, а во-вторыхъ, затѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ вы ничего не смыслите“. — Господи, я-то не смыслю! Вѣдь я самъ тоже рисую...—„Хорошо вы рисуете, нечего сказать“, продолжаетъ Трухинъ, а я ему отвѣчаю, и все какъ нельзя вѣжливѣе:—Да я васъ сколько разъ просилъ, Илья Петровичъ, мнѣ уроки давать, сколько разъ уговаривалъ хоть пройтись со мной раза два по галлереѣ и меня поучить... Повѣрите ли, вѣдь добиться не могъ! и знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ выслушайте-ка это; я словъ этихъ въ вѣкъ не забуду: „Стану я съ вашими уроками время терять. Васъ учить—что тростью стучать о пень дубовый. Да и съ чего вы взяли, что я съ вами по галлереѣ расхаживать буду, да внимать вашимъ телячьимъ восторгамъ; очень весело съ такимъ болваномъ про искусство толковать“... Такъ и сказалъ „съ болваномъ“.

Я съ трудомъ сдерживалъ улыбку.

— Меня наконецъ взорвало, продолжалъ Скорняжниковъ.—Да я же не даромъ хочу у васъ уроки брать.— „Очень мнѣ нужны ваши деньги“, разсмѣялся Трухинъ. Этого я уже не стерпѣлъ. Какъ не нужны, а забыли... воскликнулъ я, забыли нешто, сколько ихъ вы у меня перезаняли?—„Что, что такое“, раскричался онъ,

и такъ, знаете, сталъ даже руками размахивать: „вы меня этимъ еще попрекать вздумали, вамъ это честь большая, что я ваши воровскія деньги позаимствовать соглашался... Идите вонъ, чтобы нога ваша здѣсь не была! И деньги ваши я вамъ всѣ по адресу черезъ мѣсяцъ вышлю“. Ну, на этотъ счетъ бабушка на двое сказала!

Я счелъ долгомъ заступиться за Трухина.

— Будьте увѣрены,—сказалъ я,—онъ все заплатитъ...

— Да Богъ съ нимъ, развѣ я про деньги тужу. Какъ обошелся онъ со мной, вотъ что обидно. Вѣдь души не чаялъ въ человѣкѣ, былъ такъ сказать его ученикомъ.

— Вы, стало-быть, черезъ Трухина пріобрѣли свой теперешній образъ мыслей?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я уже будучи въ Россіи все это постигъ, не безъ нѣкоторой гордости отвѣтилъ Скорняжниковъ.— Не даромъ вѣдь, сами посудите, въ Казанскомъ университетѣ цѣлыхъ два года пробылъ...

Я про себя подумалъ, что университетъ оставилъ довольно мало слѣдовъ на умственномъ развитіи г. Скорняжникова.

— Но Илья Петровичъ,—докончилъ онъ свою исповѣдь,—такъ сказать, довершилъ начатое университетомъ. И я ли не былъ ему за это благодаренъ! Денегъ, могу сказать, не пожалѣлъ: кормилъ его на свой счетъ, поилъ, давалъ въ займы...

Скорняжниковъ такъ и не договорилъ и лишь съ отчаяньемъ махнулъ рукой. Онъ видимо истощилъ свой запасъ негодующихъ словъ. Я простился съ нимъ, пожелавъ ему найти лучшихъ цѣнителей своихъ достоинствъ.

Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій я Козельскихъ не видалъ. Вчера вечеромъ я заходилъ къ княгинѣ, но мнѣ сказали, что она поѣхала въ театръ Фениче съ дочерью и съ графомъ Короньи. Я сперва думалъ отправиться туда въ слѣдъ за ними, чтобы увидать Ванду хотя бы издали; въ ложу ея матери я не за-

шелъ бы ни за что. Но при одной мысли, что я увижу рядомъ съ Вандой этого несноснаго Венгерца, замѣчу его наглый взглядъ, устремленный на нее съ такимъ безстыдствомъ, во мнѣ закипало такое негодованіе, что я рѣшился не ѣхать. И на радостное воспоминаніе вечера, проведеннаго мною съ Вандой, легла теперь уже тѣнь...

Но сегодня мнѣ довелось неожиданно съ нею встрѣтиться опять. Утромъ, въ одиннадцатомъ часу, я снова завернулъ во Дворецъ Дожей. Я собирался тамъ пробыть часа два, а затѣмъ попытать счастія и вторично зайти къ Козельскимъ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ Ванду въ одной изъ залъ дворца, стоящею передъ мольбертомъ съ палитрой и кистью въ рукѣ! Она срисовывала одинъ изъ женскихъ портретовъ Тиціана, и на полотнѣ уже виднѣлись очертанія фигуры.

— Какъ, вы приходите сюда рисовать!—вырвалось у меня восклицаніе.—Я этого и не подозрѣвалъ.

На этотъ разъ я заговорилъ съ нею по-французски.

— Не подозрѣвали, засмѣялась она, что я могу хотя бы копировать чужія произведенія...

Она тотчасъ опять принялась за работу.

Съ минуту я простоялъ молча, глядя на легкія и въ то же время увѣренныя движенія ея руки.

— Я вамъ не мѣшаю?—спросилъ я.—Позволяете любоваться?

— Тиціановымъ портретомъ?... Сколько угодно, на то онъ и выставленъ. А я, пока рисую, не стану обращать вниманія ни на васъ, ни на кого другого. Только, пожалуйста, не разговаривайте со мной. Я и безъ того сейчасъ кончу.

Я продолжалъ стоять возлѣ мольберта, всматриваясь то въ нее, то въ картину, и тутъ мнѣ показалось, что было какое-то неопредѣленное сходство между Вандой и молодою женщиною, написанною Тиціаномъ. Въ самомъ дѣлѣ, что-то венеціанское чудилось мнѣ въ красотѣ Ванды; что-то полное силы и жизни; свойствен-

ное дочерямъ средневѣковой Венеціи и такъ мастерски схваченное ея великими художниками.

— Come sta, caro mio,—послышался мнѣ возлѣ самаго уха густой насмѣшливый голосъ, и тяжелая рука легла мнѣ на плечо. Я обернулся, это былъ Трухинъ. Не скрою, появленіе Ильи Петровича и его фамильярность въ эту минуту были мнѣ не особенно пріятны.

— Частенько вы, однако, здѣсь бываете,—сказалъ я ему.

— Я? да развѣ я здѣсь для своего удовольствія? Я взялся быть чичероне одного русскаго семейства, которому я, конечно, не дамъ предаваться глупымъ восторгамъ. Прямо изъ Саратова прикатить изволили. Разумѣется, ни аза не смыслятъ въ живописи. Вотъ, посмотрите, тамъ въ углу стоятъ—черноземная порода чистѣйшей воды. Ну, до свиданія, я къ нимъ; а то, пожалуй, вломятся въ амбицію. И вамъ, кстати, мѣшать не желаю.

Трухинъ, сказавъ это, почему-то прищурился и отошелъ прочь. Я былъ очень радъ, что отдѣлался отъ него такъ скоро. Ванда, повидимому, его даже и не примѣтила.

— Третьяго дня,—заговорилъ я опять, слегка запинаясь,—я заходилъ сюда въ надеждѣ васъ встрѣтить съ княгиней. Вы говорили тогда... помните?

Брови у нея тотчасъ нахмурились.

— Я говорила это кажется не вамъ,—отвѣтила она холодно.—Напрасно вы потрудились. А, впрочемъ, время проведенное здѣсь—не потерянное.

— Вы, стало-быть, все-таки поѣхали въ Кіоджію,—продолжалъ я, чувствуя, что меня бросаетъ въ краску.

Она смѣрила меня удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ такъ и читалось непризнаніе за мной права ее разспрашивать.

— Я просто оставалась дома весь этотъ день,—проговорила она, какъ бы роняя слова.—Я просила васъ мнѣ не мѣшать,—добавила она спустя мгновеніе.

Странная дѣвушка! Какъ быстро и безотчетно мѣняется ея обращеніе со мною, то непринужденно ласковое, то почти суровое, заносчивое.

Нѣсколько минутъ она еще продолжала рисовать, потомъ сложила палитру и кисть на табуретъ.

— На этотъ разъ довольно,—обратилась она ко мнѣ.— Коли хотите, мы съ вами пройдемся немного по заламъ. Мнѣ любопытно будетъ провѣрить, сходятся ли наши впечатлѣнія. Да и надо вознаградить васъ за то, что вы такъ терпѣливо смотрѣли на мою работу.

Ванда накинула шляпку, лежавшую на скамейкѣ, и стала надѣвать длинныя шведскія перчатки. Руки у нея были немного велики, но красивы и тонки.

— Пойдемте, я готова,—сказала она.

— А вы сюда каждый день приходите?—спросилъ я.

— Я здѣсь четвертый разъ.

— Вы можетъ-быть удивлены, что меня пускаютъ сюда одну?

— Вотъ еще, помилуйте! Что можетъ быть лучше самостоятельности?

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы охотникъ до самостоятельности вообще, или для себя одного только?

Я горячо возразилъ, что принадлежу къ поколѣнію, которое привыкло признавать за всѣми равныя права. Я охотно бы даже поораторствовалъ на этотъ счетъ, но вдругъ мнѣ показалось, что въ глазахъ Ванды чуть-чуть мелькнула насмѣшливая искорка.

— Вотъ видите, княжна,—сразу оборвалъ я свою рѣчь,—вы улыбаетесь, а для меня вѣдь это дорогія убѣжденія.

Она молча пристально на меня взглянула, потомъ глаза ее опустились, и лицо приняло вдругъ сосредоточенное выраженіе. Но въ свою очередь это выраженіе почти тотчасъ слетѣло, и обычная, непринужденная веселость опять засіяла на ея чертахъ.

Мы пошли съ ней въ слѣдующую залу, и я тотчасъ почувствовалъ, какъ она освоилась не только съ древ-

ними мастерами, но и съ самою жизнью средневѣковой Венеціи. Она руководила мною, останавливаясь предъ своими любимыми картинами, и я не могъ не сознать тонкости ея художественнаго чутья.

Я высказалъ свое удивленіе ея вѣрному вкусу.

— Вы, должно быть, основательно изучали искусство—сказалъ я.

— Не думаю, что ужъ очень—отвѣтила она. По крайней мѣрѣ много времени это изученіе у меня не отняло. Что вѣдь тамъ ни говори, а искусство все же только прихоть—для тѣхъ по крайней мѣрѣ, у кого нѣтъ настоящей божественной искры, кому не дано создавать что-нибудь великое... Истинная задача жизни не въ этомъ—добавила она, понизивъ голосъ и вглядѣвшись въ меня пристально...—Я говорю это вамъ, потому что мнѣ показалось....

— Что во мнѣ вы найдете отголосокъ,—живо перебилъ я ее,—и вы не ошиблись. Я тоже изъ тѣхъ, кто ощущаетъ на себѣ гнетъ пустоты и безцѣльности жизни, кто собирается...

— Вы все только, собираетесь,—отвѣтила она.—Вы, кажется, уже намекали мнѣ на что-то въ этомъ родѣ; только намекали, какъ водится, довольно неопредѣленно.

— Я не считалъ себя въ правѣ говорить вамъ про свои убѣжденія.

— А теперь поняли, что право это имѣете. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, что люди такъ усердно прячутъ другъ отъ друга то, что у нихъ есть самаго лучшаго, то, что̀ дѣлаетъ ихъ настоящими людьми?

Признаюсь, я не ожидалъ, что разговоръ нашъ приметъ такой странный оборотъ. Я чувствовалъ, что въ рукахъ моихъ теперь былъ ключъ къ разгадкѣ этой необыкновенной дѣвушки, что мнѣ открывался доступъ въ сокровенный внутренній ея міръ.

— Однако пойдемте отсюда,—предложила она.—Здѣсь, право, не мѣсто для такихъ разговоровъ. Я под-

мѣтила уже кое-какіе удивленные взгляды... И знаете что! проѣдемтесь въ гондолѣ какъ въ тотъ вечеръ Тамъ мы ничьего слуха не оскорбимъ, и я могу исповѣдывать васъ, какъ слѣдуетъ.

Мы сошли на Піацетту и наняли одну изъ гондолъ, стоявшихъ у набережной. Я приказалъ лодочнику везти насъ по Canal Grande. Его широкія воды были нѣмы и пусты, какъ стоявшіе на его берегахъ полуразрушенные дворцы. Мы усѣлись съ Вандой подъ навѣсомъ гондолы. И на черныхъ водахъ канала, среди безмолвныхъ угрюмыхъ стѣнъ, наша бесѣда принимала какую-то особенную, заманчивую таинственность. Говорятъ, среди безучастной толпы сильнѣе ощущаешь всю прелесть взаимнаго сближенія. Но едва ли не живѣе еще это чувство среди полнаго безлюдія.

Я сказалъ ей, что собираюсь порвать съ условною обстановкой моей жизни на родинѣ, что удерживало меня до сихъ поръ въ этой обстановкѣ одно лишь— боязнь огорчить больного отца.

— И какое негаданное счастье для меня, — закончилъ я свое признаніе, — если въ васъ я найду сочувствіе тѣмъ же идеаламъ, если въ васъ тоже бьется живое стремленіе къ равноправной свободѣ для всѣхъ.

Ванда тихо покачала головой.

— Нѣтъ,—сказала она,—вы все-таки ошибаетесь. Въ моихъ глазахъ это слишкомъ туманная и можетъ-быть слишкомъ широкая цѣль. Свобода для всѣхъ, это очень хорошо, конечно, только насъ съ вами на это не хватитъ. Да и съ кого прикажете начинать? Съ русскаго мужика что ли, котораго мы съ вами и не знаемъ вовсе? Нѣтъ, есть у меня цѣль ближе и прямѣе. Есть народъ живой, настоящій народъ, страданія котораго у всѣхъ налицо, и который умѣетъ жертвовать своею кровью. Не его вина, коли онъ не въ силахъ стряхнуть тройное иго трехъ безсердечныхъ сосѣдей...

— Вашъ польскій народъ?—вставилъ я.

— Да, ему вы, какъ русскій, сочувствовать не можете; я это понимаю. Но я посвятила свою жизнь дѣлу его освобожденія. И хотя помочь я сама не могу, я поклялась, что все, все что можетъ быть у меня въ рукахъ, деньги ли, вліяніе ли, все, все я посвящу моему бѣдному народу, каждую минуту моей жизни, каждую мою мысль... Этого мало, очень мало, конечно... Но такихъ, какъ я, у насъ вѣдь много. Мы умѣемъ любить родину не по вашему...

Она проговорила это вполголоса, почти шепотомъ. Вдругъ она посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо пылающими отъ волненія глазами, и я понялъ, что значитъ настоящее одушевленіе идеей, какъ блѣдны, какъ хилы мои собственныя мечты и все, чего я наслышался отъ товарищей, предъ этою пылкою, страстною преданностью родинѣ. Я понялъ, что за нее только, за родину, а не за какое-то туманное, отвлеченное человѣчество можетъ такъ биться сердце. И хотя эта родина была не моя, ея слова находили во мнѣ живой отголосокъ.

Когда мы проѣзжали подъ сводами моста Ріальто, намъ попалась навстрѣчу другая гондола. Я разсѣянно взглянулъ на сидѣвшаго въ ней и почти вскрикнулъ. Я увидѣлъ того самаго старика, съ которымъ уже встрѣчался два раза. Лучше прежняго я теперь могъ различить его черты: онъ смотрѣлъ прямо на меня своими грустными глазами, и я уже не могъ сомнѣваться, что это въ самомъ дѣлѣ былъ дядя. Да, это были его черты, такого сходства объяснить случайностью нельзя. Но странное дѣло, на лицѣ его не выразилось ничего, и почти тотчасъ его глаза отъ меня отвернулись. Что-то кольнуло меня въ самое сердце, точно какой-то нѣмой упрекъ зашевелился во мнѣ какъ бы въ отвѣтъ на брошенный на меня мимолетный взглядъ старика. Ванда примѣтила мое волненіе.

— Вы знакомы съ этимъ господиномъ?—спросила она.

— То-есть, мнѣ кажется, что я его узналъ, и узналъ въ немъ родного дядю.

— Вамъ это только кажется? Какъ странно! Вы съ нимъ давно не видались?

Я разсказалъ ей въ короткихъ словахъ про Михаила Петровича, про видную роль, какую онъ игралъ въ моей жизни.

— Такъ вотъ откуда,—сказала она,—идутъ ваши революціонныя симпатіи. А дядя вашъ должно-быть личность замѣчательная. Одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ слово съ дѣломъ не расходится.

Въ этихъ словахъ мнѣ послышался косвенный упрекъ. И я поклялся, что съумѣю завоевать если не любовь, то уваженіе этой странной дѣвушки...

19 октября.

Трухинъ сегодня опять побывалъ у меня. Съ первыхъ же словъ его я замѣтилъ въ немъ перемѣну. Онъ словно присмирѣлъ, не говорилъ рѣзкостей, даже какъ будто заискивалъ во мнѣ. Онъ принесъ два письма на имя довольно извѣстныхъ женевскихъ воротилъ: это были обѣщанныя мнѣ вѣрительныя грамоты. Я поблагодарилъ его, но должно-быть поблагодарилъ нѣсколько вяло.

— Что, ужъ поостыть успѣли?—сказалъ Трухинъ, подмѣтивъ этотъ оттѣнокъ холодности.—Ну, да это ваше дѣло, моими цидулками можете воспользоваться, когда захотите.

Такой примирительный тонъ былъ вовсе не въ привычкахъ Трухина. Да онъ вообще какъ-то спряталъ на этотъ разъ свои когти, шутилъ, старался быть любезнымъ. И въ то же время мнѣ казалось, что ему какъ-то не по себѣ. Разгадка не заставила себя ждать. Пробалагуривъ съ полчаса,—при этомъ онъ даже ни одной папиросы у меня не выкурилъ,—Трухинъ осторожно намекнулъ, что желалъ бы призанять у меня небольшую сумму. Мнѣ тотчасъ пришелъ на память разсказъ Скорняжникова. „Должно-быть, подумалъ я, отсутствіе юнаго купчика даетъ себя чувствовать“. Исполнить желаніе Трухина я тѣмъ не менѣе изъявилъ готовность.

Получивъ отъ меня триста франковъ, Трухинъ сталъ прощаться. Онъ принялъ деньги съ видомъ человѣка, который не сомнѣвался въ томъ, что ему не будетъ отказано. И признаюсь, мнѣ понравилась въ Трухинѣ непринужденность, съ какою онъ принималъ отъ меня одолженіе: въ ней высказывалось и чувство собственнаго достоинства, и откровенное довѣріе ко мнѣ.

— Что это была за особа, съ которою вы такъ усердно бесѣдовали вчера во дворцѣ?—спросилъ Трухинъ, пряча деньги въ карманъ.

— Дочь одной знакомой мнѣ дамы, княгини Козельской,—отвѣтилъ я самымъ равнодушнымъ тономъ.

— А-а!—процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Стало-быть особа изъ высшихъ, такъ сказать, сферъ... Понимаю-съ.

Что именно такое понималъ Трухинъ, я не далъ себѣ труда разгадывать. Но я счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ.

Впрочемъ онъ куда-то спѣшилъ и остался у меня недолго.

— Въ другой разъ,—сказалъ онъ,—успѣемъ наговориться. А то хотите позавтракаемъ когда-нибудь вмѣстѣ. Или все свое время теперь посвящать изволите паннѣ Козельской?

На лицѣ Трухина опять показалась свойственная ему наглая улыбка.

— Я зайду къ вамъ на дняхъ, — сказалъ я, пропуская послѣднія его слова мимо ушей.—Давно собираюсь посмотрѣть на вашу работу. Или вы ее никому не показываете?

— Что, Скорняжниковъ вамъ нажаловался? Онъ и вы — это вѣдь не одно и то же! Вамъ я покажу что угодно. А пока—addio.

25 октября.

Съ Козельскими я вижусь теперь каждый день. Княгиня стала явно ко мнѣ благоволить. На слѣдующее утро, послѣ моей прогулки съ Вандой, я былъ у нея,

и на этотъ разъ ея пріемъ былъ уже совсѣмъ благосклонный. Ванды не было дома, и въ ея отсутствіе княгиня пустилась въ откровенности. Принялась меня называть mon jeune ami и слезливо разговорилась про свои трудныя обстоятельства. У нея въ Россіи есть какія-то запутанныя дѣла по наслѣдству мужа. Она жаловалась, что ей, какъ одинокой женщинѣ, незнакомой съ русскими порядками, дѣлаютъ всякія непріятности, и родственники мужа отказываются выдать принадлежащія ей деньги, „l'héritage de ma pauvre fille" какъ она выразилась. Къ сожалѣнію, я не былъ въ состояніи ей помочь совѣтомъ. Хотя я и кандидатъ юридическаго факультета, признаюсь, мнѣ плохо извѣстны хитросплетенія нашихъ законовъ. Убѣдившись въ моей безполезности, княгиня вздохнула и съ грустною покорностью вымолвила:

— Да, да, я понимаю, вы не можете мнѣ дать совѣта. Что дѣлать? Въ вашей странѣ правосудія нѣтъ.

И княгиня, не переставая вздыхать, пустилась безпощадно корить русскіе порядки. Мнѣ стало даже немного жутко отъ ея словъ, хоть я и готовъ былъ сочувствовать ей отъ всего сердца.

Скоро ко мнѣ на выручку явилась Ванда. При видѣ дочери княгиня тотчасъ же затихла: она положительно ее побаивается. Но легче мнѣ отъ этого не стало. Ванда была молчалива, брови у нея даже слегка нахмурились, и мнѣ снова показалось, что она отдаляется отъ меня на какую-то недосягаемую высоту. Странное дѣло, не смотря на недавнюю довѣрчивую нашу бесѣду, я чувствую, что стоитъ только ей замкнуться на мигъ въ свою величавую холодность, и я снова робѣю передъ ней, какъ мальчикъ.

Но чувство это разсѣется, конечно, со временемъ По крайней мѣрѣ я пріобрѣлъ несомнѣнное право бывать у нихъ въ домѣ, какъ близкій знакомый. Рано или поздно я заслужу полное довѣріе этой странной дѣвушки, я узнаю причину той неровности въ ея об-

ращеніи, которая меня до сихъ поръ такъ смущала. Между нею и матерью есть какая-то затаенная размолвка, и она должно-быть ложится порой темнымъ облакомъ на молодую жизнь Ванды. Мнѣ сдается даже, что причиной тому этотъ несносный венгерскій графъ. Ужъ не прочитъ ли его княгиня въ женихи дочери. Онъ бываетъ у нихъ такъ часто, и не разъ уже я ловилъ на лету жгучіе взгляды, бросаемые имъ на молодую дѣвушку.

Я положительно не выношу этого венгерца. Хотя его прежнее высокомѣріе въ обращеніи со мной теперь смѣнилось изысканною вѣжливостью, есть что-то дерзко-самоувѣренное въ его манерахъ, въ самомъ звукѣ его сухого голоса. Не разъ уже меня подмывало оборвать его дерзостью. Должно быть Ванда подмѣтила мою ненависть къ нему и неоднократно уже, когда въ присутствіи графа лицо мое выдавало кипѣвшую во мнѣ непріязнь, она останавливала однимъ взглядомъ своихъ краснорѣчивыхъ глазъ готовое вырваться у меня рѣзкое слово. Въ одномъ я не сомнѣваюсь: Вандѣ этотъ человѣкъ еще болѣе противенъ, чѣмъ мнѣ. Но зачѣмъ же тогда она соглашается его принимать. Зачѣмъ приневоливаетъ себя къ вѣжливости съ нимъ.

Третьяго дня у княгини были гости. Наканунѣ мнѣ принесли отъ нея карточку, гдѣ значилось, что „La princesse Kozielska (она почему-то передѣлала свою русскую фамилію на польскій ладъ) prie Mr. Serge Gradiszczew de lui faire l'honneur...“ и т. д. Не понимаю, къ чему эти оффиціальности при нашихъ короткихъ отношеніяхъ. Странно глядѣлъ ветхій дворецъ при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ, безсильныхъ вырвать изъ тьмы все широкое пространство его обширныхъ покоевъ. Рѣдкіе канделяры казались тусклыми подъ высокими потолками, гдѣ мѣстами блестѣли остатки позолоты, и въ отдаленныхъ углахъ комнатъ словно ежились согнанныя туда тѣни. Какъ-то особенно сурово глядѣли величавыя стѣны среди этого неполнаго освѣщенія,

точно онѣ щурились отъ непривычнаго свѣта и не хотѣли дать ему раскрыть передъ непрошенными глазами покрывавшіе ихъ дряхлые остатки прежняго великолѣпія. Да, рамки старинной жизни какъ-то нейдутъ къ современнымъ людямъ. Удивительно мелкими выходятъ они среди этихъ рамокъ, и мѣщански неприглядны наши пошлые черные фраки въ этихъ хоромахъ, выстроенныхъ для иныхъ людей, гдѣ портреты этихъ людей величаво и хмуро косятся на насъ, неподвижно и нѣмо присутствуя при нашей мелочной жизни.

Гостей собралось довольно много. Были тутъ представители почти всѣхъ національностей Европы. Носили они громкія титулованныя фамиліи, а между тѣмъ на меня они почему-то произвели впечатлѣніе какого-то пестраго сброда, собраннаго чуть не съ улицы; до того у нихъ было мало общаго, до того недовѣрчиво и косо оглядывали они другъ друга, рѣшительно не зная о чемъ заговорить, или ради чего ихъ собрала хозяйка.

Вечеръ тянулся долго и скучно. Княгиня разливала холодный чай, потомъ какой-то лакей въ ливреѣ съ полинялыми позументами разносилъ мороженое. Меня представили двумъ-тремъ немолодымъ уже и сильно разрумяненнымъ дамамъ, познакомился я кой съ кѣмъ изъ мущинъ. Какая-то англійская леди, сухощавая и неподвижная, словно примерзшая къ своему креслу (фамиліи ея я не припомню), едва шевеля губами, проронила передо мной нѣсколько словъ на такомъ ломаномъ французскомъ языкѣ, что я ихъ хорошенько не разобралъ; необыкновенно тучная старуха итальянка, въ черномъ парикѣ и съ раскрашенными щеками, пустилась со мной въ безконечное исчисленіе своей обширной и знатной родни; два польскіе пана сперва было залебезили передо мной, а потомъ-таки съумѣли въ свои льстивыя фразы вплести колкіе намеки про Россію; а когда я имъ отвѣтилъ, что не всему тому слѣдуетъ вѣрить, что разсказываютъ про русскихъ, они

гордо выпрямились и рѣшительно сказали, глядя на меня, какъ на подсудимаго, что русскіе — азіяты, надѣвшіе на себя маску европейцевъ. Словомъ не весело было у княгини. И я поспѣшилъ бы отъ нея уйти, не будь у меня надежды обмѣняться хотя бы нѣсколькими словами съ Вандой. Долго это мнѣ не удавалось. Она словно избѣгала меня, спокойно исполняя обязанности хозяйки. Я любовался тѣмъ мастерскимъ изяществомъ, съ которымъ она дарила каждаго изъ присутствующихъ нѣсколькими минутами равнодушнаго вниманія. И как разъ потому, что одному мнѣ она не сказала почти ничего, я чувствовалъ, что она какъ бы выдѣляетъ меня изъ этой безразличной толпы. „Посмотрите, говорили мнѣ ея глаза, какъ терпѣливо я играю свою утомительную роль и какъ не похожи на нашу задушевную бесѣду тѣ вѣжливыя слова, которыми я обмѣниваюсь съ этими людьми“. И когда графъ Короньи,—онъ тоже былъ тутъ,—подошелъ къ ней и наклонясь къ ея уху, что-то ей сказалъ, улыбаясь, какъ холодно она ему отвѣтила и какое царственное презрѣніе сказалось въ ея опущенныхъ глазахъ! Этого было достаточно, чтобы вознаградить меня за всю томительную скуку вечера.

Гостинная стала понемного пустѣть. Оставшіеся собрались вокругъ княгини. Я только-что избавился отъ сильно надоѣдавшей мнѣ старой итальянской маркизы и уже собирался уйти, какъ вдругъ почувствовалъ на своей рукѣ легкое прикосновеніе чьего-то вѣера. Это была Ванда. Ея лучистые глаза привѣтливо улыбались.

— Останьтесь еще на минуту, — проговорила она тихо.

Мы вмѣстѣ подошли къ растворенному окну сосѣдней залы. Звѣздная ночь пахнула на насъ своимъ умиротворяющимъ дыханьемъ. Полная луна озаряла противоположные дома. Съ канала доносился хоръ голосовъ, что-то распѣвавшихъ передъ крыльцомъ сосѣдняго

palazzo. Сладкою волной дрожали въ воздухѣ млѣющіе звуки итальянской пѣсни.

— Вамъ было очень скучно? да? признайтесь!—сказала Ванда, наклоняясь черезъ окно. Ея тонкіе пальцы играли пышнымъ цвѣткомъ алой розы—Я не хотѣла, чтобы вы ушли подъ такимъ впечатлѣніемъ. Мы съ вами не проговорили и двухъ словъ за весь этотъ вечеръ. Вы на меня сердитесь?

Она говорила почти шепотомъ; необыкновенно мягко и ласково звучалъ ея бархатный голосъ.

— Нѣтъ, я знаю, вы не могли разсердиться. Я ни за что не отпустила бы васъ такъ, не простившись съ вами.

— Дайте мнѣ этотъ цвѣтокъ,—вырвалось у меня вдругъ,—дайте мнѣ его на память.

— На память этого глупаго вечера?—беззвучно разсмѣялась она.

— Нѣтъ, не этого вечера, разумѣется, а такъ просто...

— Что̀ за ребячество! Ну пожалуй возьмите.—Она протянула мнѣ розу, глубоко вдыхая въ себя ночной воздухъ.—Вы видѣли,—заговорила она опять, спустя мгновеніе,—съ какими людьми мнѣ приходится встрѣчаться въ нашемъ миломъ космополитическомъ обществѣ. Вы успѣли, конечно убѣдиться, что̀ это за прелестные, умные люди. И вы понимаете теперь, почему я такъ ненавижу эту очаровательную среду.

— Отчего же вы тогда...

— Отчего?.. Да развѣ я имѣю право выбирать знакомства? Развѣ я могу пока освободиться отъ этого общества? Современемъ... надѣюсь...

Она не договорила и отвернула отъ меня свое лицо.—Ахъ, какъ хорошо было бы теперь,—промолвила она шепотомъ,—вмѣстѣ съ вами прокатиться по морю, уйти отъ всѣхъ этихъ людей.

— Ванда! гдѣ ты?—послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ княгини.

— Ну, прощайте! Вы слышите, меня зовутъ.

Она протянула мнѣ руку, и никогда еще передъ тѣмъ мнѣ не пришлось такъ искренно, такъ дружески пожать эту дорогую мнѣ руку.

27 Октября.

Вчера я былъ съ Козельскими въ театрѣ. Давали *Семирамиду* Россини; Ванда очень интересовалась этою оперой, которой никогда не слыхала, и княгиня милостиво разрѣшила мнѣ предложить ей ложу. Исполненіе было самое заурядное, какъ оно, впрочемъ, въ Италіи обыкновенно и бываетъ, а декораціи, костюмы— бѣдны до смѣшного. Пышная царица Ассиріи щеголяла въ шерстяной хламидѣ грязновато-голубого цвѣта. Но мнѣ, разумѣется, не было никакого дѣла до представленія, и я не обращалъ вниманія на тщетныя усилія пѣвцовъ справиться съ мудреною россиніевскою партитурой. Я весь отдался счастію провести нѣсколько часовъ въ обществѣ Ванды. Въ глазахъ ея и въ голосѣ была въ этотъ вечеръ какая-то особая мягкая покорность. Мы говорили немного, и то во время антрактовъ. Она не хотѣла, чтобъ я мѣшалъ ей слушать, и улыбаясь грозила мнѣ вѣеромъ, когда я заговаривалъ съ ней во время пѣнія. Но въ заурядныхъ отрывочныхъ словахъ, которыми мы обмѣнивались, въ самомъ выраженіи ея лица, я чувствовалъ какую-то небывалую до того близость между нами. Я гордился тѣмъ, что мнѣ было дозволено ей доставить это небольшое удовольствіе и чувствовать, что она какъ будто у меня въ гостяхъ.

Въ рядахъ партера я увидѣлъ графа Короньи. Порой я ловилъ гнѣвные его взгляды, обращенные въ нашу сторону. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ тутъ на моемъ мѣстѣ, и я не хотѣлъ даже отправиться въ театръ, чтобы не видать его въ обществѣ Ванды. Теперь мы обмѣнялись ролями: я зналъ, что его бѣситъ мое присутствіе въ этой ложѣ, и внутренно праздновалъ надъ нимъ свою первую побѣду. Въ одинъ

изъ антрактовъ мы встрѣтились въ корридорѣ, графъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня, но лицо его выдавало едва сдерживаемое раздраженіе. Я уже не боялся его соперничества. При всемъ его богатствѣ (у графа, какъ увѣряетъ княгиня, очень большое состояніе) онъ мнѣ теперь не страшенъ, такъ какъ Ванда за него не пойдетъ. Въ этомъ я увѣренъ.

На слѣдующій день, то есть сегодня, я зашелъ къ княгинѣ, чтобы поблагодарить ее за вчерашнюю любезность. Прощаясь съ Вандой при выходѣ изъ театра, я спросилъ у нея позволенія зайти на другой день. „Заходите, отвѣтила она,—я буду очень рада“.

Служанка, отворившая мнѣ, сказала, что княжны нѣтъ дома. „Княгиня у себя,—объявила она, впуская меня,—вы можете войти безъ доклада“.

Я поднялся во второй этажъ, и уже въ первой залѣ до меня дошли изъ кабинета княгини звуки гнѣвнаго голоса. Я тотчасъ узналъ графа: онъ говорилъ очень громко. Словъ его я однако разслышать не могъ. На мигъ я остановился, не зная идти ли мнѣ далѣе. Теперь заговорила княгиня, и голосъ ея звучалъ какъ-то смиренно и жалобно. Она какъ будто извинялась. Но Венгерецъ запальчиво перебилъ ее на этотъ разъ такъ громко, что слова явственно до меня долетѣли. „Это ни на что не похоже, говорилъ онъ по французски,—вы просто надо мною смѣетесь. Я не позволю вамъ себя водить за носъ. Этотъ русскій мальчишка... ce petit gamin russe“, были его подлинныя слова.

Меня взорвало. Я поспѣшилъ войти въ кабинетъ съ твердымъ намѣреніемъ наказать графа за его дерзость и положить конецъ этой неприличной сценѣ. Оба говорившіе были до того взволнованы, что не разслышали моихъ шаговъ. Увидя меня они обомлѣли. Венгерецъ мгновенно смолкъ. Въ лицѣ его, искаженномъ отъ гнѣва, читалось сознаніе неловкости его положенія. Княгиня встала и вся выпрямилась. Она должно-быть догадалась, что я все слышалъ и хочу

вмѣшаться въ ея объясненіе съ графомъ: въ повелительномъ взглядѣ ея заблестѣвшихъ глазъ была явная рѣшимость не допустить посторонняго вмѣшательства. И я тотчасъ понялъ, какъ нелѣпа и неумѣстна была бы всякая попытка съ моей стороны разыграть въ ея присутствіи роль ея заступника.

— Въ своемъ домѣ, графъ, я хозяйка,—заговорила она, не давая мнѣ вымолвить слова. Въ ея осанкѣ было столько достоинства, даже величавости, что трудно было въ ней узнать добродушную и довольно-таки пустую свѣтскую женщину, какою я привыкъ ее считать.—Прошу васъ этого впередъ не забывать, если вы желаете оказывать мнѣ честь посѣщать меня.

Графъ поклонился съ преувеличенною вѣжливостью.

— Je vous laisse à votre tête-à-tête avec M. de Gradistcheff,—сказалъ онъ не безъ нѣкоторой ироніи.—Посмотримъ, княгиня, долго ли вы безъ меня обойдетесь.

Глаза княгини сверкнули. Но она не успѣла отвѣтить: графъ уже вышелъ. Я хотѣлъ броситься въ слѣдъ за нимъ, чтобъ отплатить ему за дерзость и принудить его со мной драться; въ эту минуту я совсѣмъ даже забылъ, что на дуэль я привыкъ смотрѣть, какъ на жалкій остатокъ варварства. Княгиня меня удержала.

— Оставьте его, не затѣвайте съ нимъ ссоры,—сказала она, и улыбка смѣнила уже недавній гнѣвъ на ея губахъ.—Умоляю васъ, принесите эту жертву для меня. Вѣдь ссора между вами отзовется на мнѣ и на моей дочери... Узнаютъ, что вы встрѣтились здѣсь у меня... Объ этомъ станутъ говорить. Выдумаютъ разныя небылицы...

Я послушался. Для того, чтобъ избавить Ванду отъ малѣйшей непріятности, я бы и не такую жертву принесъ.

— Вы не можете себѣ представить, что это за человѣкъ,—продолжала княгиня,—и какъ я рада, что теперь отъ него отдѣлалась.

Она взвела на графа Короньи кучу запальчивыхъ обвиненій, но изъ ея словъ все-таки не легко было понять, въ чемъ собственно онъ былъ передъ ней виновенъ. Да и зачѣмъ же тогда, мелькнуло у меня въ головѣ, онъ былъ принятъ у нея на такой короткой ногѣ? Но мнѣ было не до того, чтобы рѣшать этотъ запутанный вопросъ. Я весь отдался чувству радости, что графъ уже не стоитъ мнѣ поперекъ дороги, что, наконецъ, разорваны столь претившія мнѣ отношенія его къ Козельскимъ. Правда, въ моихъ ушахъ все еще звенѣли его дерзкія слова: „посмотримъ, долго ли вы безъ меня обойдетесь“. И невольно я спрашивалъ себя, откуда у него берется эта самоувѣренность. Но какъ ни смущалъ меня этотъ докучливый вопросъ, я все-таки радовался, что врагъ разбитъ и оставилъ поле сраженія. Княгиня обошлась со мной еще ласковѣе прежняго. Признаюсь, однако, ея любезность мнѣ не особенно нравилась. Я ощущалъ даже какую-то неловкость и нетерпѣливо ждалъ возвращенія Ванды. Но Ванда не являлась, вопреки своему обѣщанію; должно-быть она хотѣла избѣгнуть возможной встрѣчи съ графомъ. И когда я ушелъ отъ княгини, къ моему торжеству уже примѣшивалась капля разочарованія.

1 ноября.

Всѣ эти дни я провелъ въ какой-то дикой радости. Я даже не подозрѣвалъ въ себѣ такой способности забыться, ни о чемъ не думая, кромѣ настоящей минуты. Съ Козельскими я почти неразлученъ. Мы вмѣстѣ странствуемъ по церквямъ и музеямъ; катаемся по морю, любуясь тихою прелестью послѣднихъ осеннихъ дней, которые такъ идутъ къ увядшей красотѣ Венеціи. Погода все это время стояла превосходная. Моя жизнь стремится впередъ, и никогда еще, никогда я не ощущалъ до сихъ поръ, что жить такъ хорошо и такъ радостно. За одно я себя упрекаю: я рѣдко вспоминаю про родную семью; мнѣ какъ будто даже хочется, чтобъ

оттуда не приходило извѣстій. И въ самомъ дѣлѣ, извѣстій оттуда нѣтъ: мать не пишетъ, отецъ не повторяетъ своей просьбы вернуться... Должно-быть и его здоровье поправилось. Мнѣ такъ хочется, чтобы всѣмъ было хорошо... Да и нельзя же мнѣ теперь, когда вся моя будущая судьба готова рѣшиться, уѣхать отсюда, не дождавшись, пока Ванда скажетъ то послѣднее слово, отъ котораго зависитъ мое будущее.

Да полно, любитъ ли она меня на самомъ дѣлѣ? Она, конечно, знаетъ давно, что всѣмъ своимъ существомъ, всѣми своими помыслами я принадлежу ей; но въ ея любви развѣ я могу быть увѣренъ?

Княгиня насъ часто оставляетъ вдвоемъ. И въ ея глазахъ я не разъ уже читалъ самую ободряющую улыбку. Она едва ли будетъ противиться нашему союзу. Но сама Ванда? Сколько разъ уже рѣшительное признаніе готово было у меня сорваться—и я удерживалъ его. Выраженіе ея измѣнчивыхъ глазъ все еще подчасъ остается для меня неразрѣшимою загадкой; все еще проявляется въ нихъ иногда строптивая гордость, какъ въ первые дни нашего знакомства. Но за то не разъ я читалъ въ нихъ полное довѣрчивое сочувствіе; не разъ ея рука, опираясь на мой локоть, какъ будто отдавалась мнѣ и, пожимая эту руку на прощаніе, я получалъ въ отвѣтъ дружеское пожатіе. Еще день-другой—и все между нами будетъ рѣшено. Къ чему колебаться! Вѣдь она и безъ того знаетъ, что я ее люблю; и еслибы мое чувство не находило въ ней отголоска, она бы во мнѣ не оставила сомнѣній на этотъ счетъ, не проводила бы со мной цѣлыхъ часовъ. Ванда не кокетка! Вѣдь сама ея гордость ни что иное, какъ проявленіе ею независимой прямоты. И вѣдь она знаетъ, что есть у насъ общіе идеалы, общія симпатіи... Мы нѣсколько разъ возвращались къ этому вопросу, и какъ-то все ближе, все роднѣе становится мнѣ ея собственное чувство къ ея народному дѣлу... Одно меня иногда смущаетъ. Я почти съ недоумѣніемъ гляжу на нее, когда

она невольно отдается мечтамъ о блестящей столичной жизни... Семья моя, конечно, не бѣдна, но все-таки я Вандѣ не могу дать той широкой роскоши, къ которой привыкло ея воображеніе, словно къ родной стихіи. Воспитаніе, привычка, говорю я себѣ... но какъ примирить это съ ея строгимъ взглядомъ на жизнь, требующимъ отъ себя и отъ прочихъ самопожертвованія?.. Ну, да мало ли какія капризныя мечты проходятъ въ своевольной головкѣ двадцатилѣтней дѣвушки.

Третьяго дня мы втроемъ, съ княгиней и съ ея дочерью, возвращались съ прогулки по набережной, какъ вдругъ на площади Св. Марка намъ попался навстрѣчу Трухинъ. Одѣтъ онъ былъ особенно неряшливо; всклокоченные волосы нависли изъ-подъ шляпы на лобъ, и глядѣлъ онъ необыкновенно сумрачно и злобно. Мы обмѣнялись поклонами, не сказавъ другъ другу ни слова. Но едва я успѣлъ отойти на нѣсколько шаговъ, какъ онъ меня обозвалъ.

— Сергѣй Васильевичъ!—почти крикнулъ мнѣ вслѣдъ Трухинъ.

Я обернулся.

— Что же вы, батенька, все собирались ко мнѣ завернуть, а цѣлую недѣлю глазъ не кажете.

— Я зайду къ вамъ на-дняхъ, отвѣтилъ я и поспѣшилъ догнать своихъ дамъ.

— То-то на-дняхъ! —раздался мнѣ вслѣдъ его насмѣшливый возгласъ.—Видно я вамъ теперь ужъ не нуженъ.

Княгиня окинула меня удивленнымъ взглядомъ.

— Вы, должно-быть, очень дружны съ этимъ господиномъ? спросила она брезгливо.

— Не то чтобы друженъ... Мы съ нимъ познакомились здѣсь случайно. Онъ художникъ: личность довольно оригинальная...

— Во всякомъ случаѣ не особенно благовоспитанная,—проронила княгиня въ отвѣтъ.

Признаюсь, неприличная выходка Трухина меня взбѣсила, тѣмъ болѣе, что выходка эта была преднамѣренная.

— Кажется,—вставила Ванда, посмотрѣвъ на меня вскользь,—я уже видѣла этого господина въ тотъ день, помните, когда мы встрѣтились во дворцѣ дожей. И, судя по его обращенію съ вами, мнѣ тогда показалось, что вы очень близкіе пріятели.

Мнѣ стало неловко. Выходило, будто я стыжусь Трухина передъ Козельскими.

— Это простое мимолетное знакомство,—принялся я объяснять ей.—Онъ человѣкъ не нашего круга и приходится ему кое-что прощать.

Дамы не настаивали. Но слова мои только еще усилили во мнѣ ощущеніе неловкости. Чего мнѣ въ самомъ дѣлѣ стыдиться, коли я по своей доброй волѣ далъ Трухину принять со мной такой фамильярный тонъ. И развѣ онъ въ сущности не имѣетъ права удивляться моей странной перемѣнѣ? Уже болѣе недѣли я къ нему не заглядывалъ и какъ разъ послѣ того, какъ онъ обратился ко мнѣ за деньгами. Да, Трухинъ имѣлъ полное основаніе оскорбиться.

На слѣдующее утро я отправился къ нему въ ранній часъ, надѣясь его застать дома. Но онъ успѣлъ ужъ выйти. „Странно, подумалъ я, когда же онъ успѣваетъ работать“.

Мнѣ однако было суждено съ нимъ свидѣться въ это самое утро. Мы встрѣтились почти на порогѣ моей гостинницы. Трухинъ мнѣ объявилъ, что голоденъ какъ волкъ и зазвалъ меня позавтракать вмѣстѣ. Удивительно жалкимъ онъ мнѣ показался въ этотъ день. Онъ глядѣлъ какимъ-то забитымъ, и всѣ его попытки язвительно острить выходили безсильными. Плохо ему должно-быть приходится бѣднягѣ! Я предложилъ ему бутылку вина, стараясь вызвать его на бесѣду. Трухинъ ѣлъ за двоихъ, но все больше отмалчивался, либо ронялъ односложныя замѣчанія. Даже несвойственное ему недовѣріе къ самому себѣ сквозило въ его отрывочныхъ словахъ. Покончивъ съ завтракомъ, я предложилъ тутъ же съ нимъ вмѣстѣ отправиться къ нему посмотрѣть

на его работы. Трухинъ сперва отнѣкивался и согласился лишь неохотно. Онъ какъ будто не желалъ показать мнѣ произведенія своей кисти.

Не весело глядѣлъ домъ, гдѣ проживалъ Илья Петровичъ. Но еще неуютнѣе и мрачнѣе была его бѣдная квартира. Трухинъ жилъ въ пятомъ этажѣ, и комнатка въ два окна, съ голыми стѣнами, гдѣ отъ сырости образовались темныя пятна, уныло глядѣла въ крыши противоположныхъ домовъ. Съ мутныхъ водъ узкаго канала поднималась непроницаемая, зловонная мгла. „Непривлекательное жилье для художника, подумалъ я, и не мудрено, коли его фантазія здѣсь не создаетъ особенно яркихъ образовъ“.

— Пришлось забраться на эту голубятню,—сталъ извиняться Трухинъ,—чтобъ имѣть хоть сколько нибудь свѣта, а то пониже и солнца не увидишь никогда. Ну-съ, извольте любоваться, коли затѣмъ пожаловали,— добавилъ онъ, придвигая мнѣ плетеный стулъ съ прорваннымъ сидѣньемъ.

Въ комнатѣ царилъ полный безпорядокъ. Клочки бумаги валялись на сорномъ, каменномъ полу; мольбертъ какъ-то неловко прислонился къ одной изъ стѣнъ; рамки, обтянутыя полотномъ, стояли кое-гдѣ вдоль нижняго карниза, а въ одномъ изъ угловъ была навалена цѣлая ихъ куча. На мольбертѣ, правда, стоялъ недоконченный эскизъ, да два крошечные жанровые этюда висѣли надъ письменнымъ столомъ. Но и на этихъ произведеніяхъ кисти Трухина виднѣлись слѣды неряшливой поспѣшности. Я былъ сильно разочарованъ. И невольно я обвелъ комнату недоумѣвающимъ взглядомъ, тщетно отыскивая въ ней слѣды крупной работы, про которую мнѣ нѣсколько разъ говорилъ Трухинъ.

— Что-жъ, не похожа моя конура на святилище искусства?—сухо захохоталъ Илья Петровичъ.—Я ужъ вижу, батюшка, вы недовольны, не того ожидали. Нѣтъ здѣсь обязательныхъ принадлежностей культа: прелестныхъ женскихъ головокъ, развѣшанныхъ на показъ,

античныхъ моделей, старинныхъ рѣдкостей въ изящномъ безпорядкѣ... Нѣтъ и той завѣтной таинственной картины, которую прячутъ отъ глазъ подъ занавѣской, чтобы возбудить любопытство и показать, будто здѣсь и кроется настоящее геніальное произведеніе. Шаблонной обстановки у меня не ищите. Работаю я просто, какъ придется, да и не для кого мнѣ здѣсь декораціи устраивать. На меня глазѣть разные олухи пока еще не являются, а когда у меня есть что готовое, поскорѣе сбывать приходится на рынокъ. А впрочемъ и здѣсь кое-что найдется.

— Покажите, покажите,—остановилъ я потокъ его краснорѣчія. Мнѣ сильно не нравилась вычурная грубость его словъ, въ которыхъ такъ и слышалось что-то дѣланное. „Охота ему передо мною ломаться“, думалось мнѣ.—Эта вотъ штучка очень недурна: я показалъ на одинъ изъ висѣвшихъ надъ столомъ этюдовъ, и поднявшись съ мѣста принялся его разглядывать. Этюдъ представлялъ мальчика, игравшаго съ собакой.

— Гмъ!.. Бездѣлка! презрительно отозвался Трухинъ.—Баловство одно... Да не въ моемъ вкусѣ. Оригинальности нѣтъ: тоже иногда плыву по теченію. Этакихъ конфетокъ я, пожалуй, въ одинъ день съ десятокъ отмахаю.

Особаго изобилія даже такихъ „конфетокъ“ однако не примѣчалось.

— Нѣтъ-съ, лучше мы вамъ покажемъ настоящее,—продолжалъ Трухинъ и сталъ перебирать лежавшія на полу картины.—Вотъ-съ, извольте!—Онъ поднесъ мнѣ двѣ изъ нихъ, довольно крупныя по размѣру.—Что вы про это скажете?

Онъ уставилъ ихъ на письменномъ столѣ и отошелъ прочь, какъ бы выжидая проявленія моего восторга.

На одной изъ картинъ была представлена группа итальянскихъ нищихъ, стоявшихъ передъ окнами какого-то palazzo. Ихъ старался разогнать полицейскій и, судя по его свирѣпому выраженію, необыкновенно

усердствовалъ. На парадномъ крыльцѣ глазѣли на эту сцену двое лакеевъ. Трудно было сказать, какое время дня выбрано живописцемъ, до того тусклымъ и неопредѣленнымъ казалось освѣщеніе. Уныло смотрѣлъ большой сѣроватый домъ, уныло и неподвижно стояли нищіе въ своихъ изодранныхъ плащахъ. Ни свѣта, ни жизни, ни движенья. Всѣ эти нищіе были до нельзя похожи другъ на друга. И всѣ они стояли, точно приросли къ мѣсту. Одинъ только полицейскій казался не истуканомъ. За то у него была какая-то условно-свирѣпая рожа, совсѣмъ несвойственная добродушнымъ блюстителямъ порядка въ Италіи. Очевидно было желаніе художника сказать что-то вѣское, сопоставить какіе-то контрасты, а между тѣмъ изъ его усилій не выходило ничего.

— Вы какъ будто не понимаете избранную мною тему,—нетерпѣливо сказалъ Трухинъ.—Тутъ, видите, контрастъ выставленъ: нищіе музыканты, которымъ не даютъ хлѣбъ добывать себѣ, чтобъ они не мѣшали подъѣзжающимъ экипажамъ. Тутъ, видите, пріемъ...

— Да гдѣ же этотъ пріемъ, гдѣ же экипажи?—невольно воскликнулъ я.

— Ага! много захотѣли. Гдѣ это вамъ все на полотнѣ изобразить? Да и гости еще не успѣли съѣхаться. Я самъ, понимаете, видѣлъ эту сцену на улицѣ. Да и передалъ все, какъ было.

— Мало ли такихъ сценъ, Илья Петровичъ! Только едва ли стоитъ ихъ писать, потому что вашу идею все-таки отгадать надо. Здѣсь ея не видно, а безъ нея, согласитесь сами...

— А что-жъ по вашему,—перебилъ меня Трухинъ,—эффектъ сочинить надо? изобразить, стало-быть, ложь... Я беру жизнь, какъ она есть. А на то у почтенной публики мозги, чтобъ она заключенія выводила...

На другой картинѣ за то эффектъ былъ самый настоящій. По улицѣ, разукрашенной флагами, шла карнавальная процессія въ маскахъ и съ музыкой. А на

встрѣчу двѣ клячи уныло везли чей-то гробъ, и рядомъ съ нимъ шелъ сгорбленный, бѣдный старикъ. Тутъ сопоставленіе красокъ и фигуръ было подчеркнуто до нельзя. Художникъ, видимо, старался подобрать самые противуположные, самые рѣжущіе тоны. А между тѣмъ впечатлѣнія все-таки не выходило. Краски били въ глазъ, не сливаясь вмѣстѣ. Диссонансъ не разрѣшался гармонически. Словомъ, недоставало чего-то неуловимаго, недоставало той высшей правды, въ которую какъ бы претворяется мимолетный, жизненный фактъ, подхваченный случайно.

— Что-жъ, и это вамъ не нравится?—спросилъ опять Трухинъ.—И это по-вашему, непонятно?

— Это даже подсказано,—отвѣтилъ я,—какъ разъ вопреки теоріи, которую вы только что излагали сами.

— Нѣтъ-съ, извините, и эту сцену я видѣлъ собственными глазами. Документъ, могу васъ увѣрить, документъ настоящій.

— Да что-жъ такое, что видѣли! Надо чтобъ я ее видѣлъ, чтобы мнѣ она казалась правдивою, чтобы во мнѣ было цѣльное впечатлѣніе, а я, вотъ, не знаю, на что смотрѣть, на маскарадъ или на покойника. Мнѣ этотъ гробъ просто мѣшаетъ.

Я самъ удивлялся, какъ это я вдругъ рѣшаюсь высказывать все это прямо въ глаза Трухину, тому самому Трухину, котораго еще недавно я считалъ великимъ авторитетомъ. Очень ужъ претилъ мнѣ его назойливый, самодовольный тонъ. Да и частыя посѣщенія музеевъ вмѣстѣ съ Вандой должно-быть выработали во мнѣ художническій глазъ.

— Что-жъ, по вашему, мы настоящую природу, настоящую жизнь учить должны, а не брать у нея просто голые, правдивые факты? Выскажется въ этихъ фактахъ какая-нибудь идея, тѣмъ лучше для насъ; не выскажется, вина не наша. А выдумывать, да коверкать мы права не имѣемъ.

Меня все сильнѣе подмывало возражать.

— Не то, Илья Петровичъ, совсѣмъ не то,—сказалъ я, воодушевляясь.—Во-первыхъ, сами вы постарались такіе выбрать сюжеты, въ которыхъ кроется задняя мысль. Вѣдь этотъ убогій гробъ среди маскарада, вѣдь эти нищіе-музыканты у параднаго подъѣзда взяты вами нарочно. Это все тотъ же соціальный вопросъ въ лицахъ.

— Еще бы,—перебилъ меня Трухинъ, пожимая плечами,—не все же вамъ женскія головки рисовать, или Венеръ, да амуровъ разныхъ, или безмятежныхъ мадоннъ... Нѣтъ-съ и живопись должна участвовать въ бою, напоминать сытымъ людямъ, что не все въ жизни веселье...

— Ну, вотъ видите! Стало-быть выходитъ, что вы все-таки выбираете, что для вашей цѣли пригодно. Такъ позвольте же и намъ, публикѣ, свои требованія предъявить. Мы хотимъ не смутныхъ намековъ, не подмигиваній, а ясной, досказанной мысли... Почему такъ велики старые мастера? Потому что всегда эта мысль у нихъ есть, и отражается она у нихъ свѣтло и цѣльно, какъ полная луна въ спокойной водѣ, а не въ мутной лужѣ и не въ какихъ-то осколкахъ разбитаго стекла.

Трухинъ хотѣлъ что-то сказать, но я не далъ ему себя перебить.

— И что вы меня увѣряете,—продолжалъ я,—будто можно такъ просто брать у природы готовыя краски. Вотъ хоть бы освѣщеніе у васъ на этой картинѣ съ нищими музыкантами! Сейчасъ замѣтно, что вы силились съ точностью передать на полотнѣ сырыя природныя краски. И что-жъ?—ничего не вышло. Не знаешь, солнце тутъ свѣтитъ или сумерки наступили? и отчего такъ? Оттого, что сырыхъ природныхъ красокъ воспроизвести нельзя; оттого, что настоящаго цвѣта простой, бѣлой стѣны освѣщенной солнцемъ вы не передатите ни за что, коль зададитесь рабскою копировкой. А достигнете вы этого такимъ подборомъ тоновъ, которые соотвѣтствуютъ не природѣ, а вашему внутреннему чутью. Потому что у насъ въ головѣ есть какое-то непонятное со-

звучіе съ природой; какая-то своя гамма цвѣтовъ и звуковъ, отличная отъ дѣйствительной и въ то же время совпадающая съ нею.

— Чепуха, батюшка, чепуха!—сердито отмахиваясь, проговорилъ Трухинъ.

— Нѣтъ-съ, не чепуха! Почему извѣстное сочетаніе звуковъ вызываетъ въ насъ грустное чувство; почему иныя краски, поставленныя рядомъ, кажутся глазу диссонансомъ и какъ бы требуютъ разрѣшающаго аккорда. Да у самой природы развѣ нѣтъ такого соотвѣтствія кажущихся разногласій? Взгляните-ка на любую фотографію. Какъ передаетъ она переливы тоновъ? красное въ ней кажется чернымъ, голубое почти бѣлымъ... Ну вотъ, нашъ глазъ тотъ же фотографическій аппаратъ. У него тоже свои условные знаки, и для передачи впечатлѣнія онъ требуетъ иногда такихъ красокъ, которыхъ въ природѣ нѣтъ.

Трухинъ желчно разсмѣялся.—Ну-съ, Сергѣй Васильевичъ,—сказалъ онъ,—вы просто въ академики годитесь. Въ васъ школьная премудрость сидитъ,—старая, рутинная премудрость. И напрасно вы ко мнѣ изволили зайти, потому я, грѣшный человѣкъ, всей этой затхлой, артистической галиматьи вѣдь не признаю. Да и откровенно вамъ скажу-съ—узналъ я васъ теперь, кажется, достаточно,—напрасно вы себя убаюкиваете мечтой, будто бы для нашего дѣла годитесь. Совсѣмъ вы не нашего поля ягода, баричъ вы настоящій, и нечего вамъ изъ себя революціонера корчить.

Я вспыхнулъ.

— Ничего я изъ себя не думаю корчить, Илья Петровичъ, а есть у меня свои убѣжденія, въ которыхъ никому я отчета не обязанъ давать. Вѣрьте, вы или не вѣрьте, какъ угодно.

— Ага! Вотъ какъ! и въ амбицію вломиться изволили. Настоящей, суровой правды не любите.

— Оставьте это, Илья Петровичъ,—продолжалъ я.— Покажите мнѣ лучше вашу большую работу.

— Какой вамъ еще работы надо? Вѣдь, кажется, ясно, что намъ другъ друга не понять. Да и коль на то пошло, никакой у меня больше работы нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!—воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Сидитъ она у меня вотъ гдѣ, — онъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ.—А на полотнѣ у меня все этакіе этюдцы-съ. Матеріалъ собираю.

— Да что-жъ изъ этого выйдетъ?

— Выйдетъ, что выйдетъ... Надо, чтобъ это была вещь сильная, большая, чтобы въ нее вошла вся суть нашего протеста. Я поставлю вопросъ ребромъ...

И Трухинъ пустился разглагольствовать про затѣянный имъ планъ грандіозной картины. Но чѣмъ больше онъ громоздилъ слова, тѣмъ для меня туманнѣе становилась его мысль. „Нѣтъ, сказалъ я самому себѣ,—ничего не выйдетъ изъ-подъ твоей кисти и не написать тебѣ никогда своей картины“. У Трухина, конечно, есть талантъ. Онъ пишетъ бойко, рѣзко; только напрасно онъ думаетъ, что пробьетъ себѣ новую дорогу; какъ нельзя безъ проводника вскарабкаться на вершины Альпъ, нельзя безъ школы проникнуть до крутыхъ вершинъ искусства. Бѣдный Трухинъ! мнѣ и жаль его стало, и въ то же время угасъ во мнѣ интересъ, такъ недавно еще возбужденный его своеобразнымъ умомъ. Всегда грустно видѣть человѣка, который берется за непосильное дѣло. Но когда его безсиліе сопровождаетъ самоувѣренная заносчивость, онъ ужъ не только жалокъ,— онъ и смѣшонъ немножко.

Я почувствовалъ, что намъ уже нечего сказать другъ другу, и поспѣшилъ проститься съ Ильей Петровичемъ. Злобная улыбка скривила его губы, когда онъ пожималъ мою протянутую руку. Мы оба сознавали, что намъ ужъ едва ли суждено когда-нибудь сблизиться опять.

— А въ Женеву вы ужъ, конечно, не поѣдете? — захихикалъ онъ, провожая меня за дверь. Я промолчалъ. — Ну, ужъ, конечно, не поѣдете. И не про одну Женеву вы забыли: любезнаго дядюшку тоже, кажется,

перестали отыскивать. Хе, хе... Иное у васъ теперь на умѣ, по всему видно.

Я остановился на порогѣ.

— Послушайте, — сказалъ я взволнованнымъ голосомъ, — вы что-нибудь да знаете про Михаила Петровича, я въ этомъ теперь увѣренъ?

— Ничего я не знаю,—пожалъ онъ плечами,—я только такъ... Къ слову пришлось. А на прощанье, — потому что вѣдь это окончательное прощаніе между нами, — я снабжу васъ добрымъ совѣтомъ: держите вы ухо востро со своими польскими графинями: проведутъ онѣ васъ.

Меня это взорвало.

— Трухинъ! — воскликнулъ я:—это уже слишкомъ! Я вамъ не позволю.

— Очень мнѣ нужно позволеніе! Человѣка предостерегаешь, а онъ еще кипятится. Я кое-что узналъ про эту... какъ бишь, ее, графиню или княгиню. Что, скажите: много она у васъ позаимствовала деньжонокъ? а?..

Я отвернулся и быстро сталъ спускаться по лѣстницѣ. Еще одно слово Трухина, и я не силахъ былъ бы сдержаться.

— А свой должокъ я вамъ пришлю на дняхъ,—крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Дома меня ждала записка отъ княгини, убѣдительно просившей зайти къ ней рано утромъ на слѣдующій день. Меня это удивило и слегка обезпокоило. Что такое имѣла сообщить мнѣ княгиня, чего нельзя было передать при одной изъ нашихъ многочисленныхъ встрѣчъ.

Сегодня дѣло объяснилось. Я былъ у княгини въ исходѣ двѣнадцатаго часа по ея назначенію и засталъ ее одну. Она была одѣта въ широкій пенюаръ, и ея красивыя черты показались мнѣ какъ-то осунувшимися. Да и вся она въ своемъ утреннемъ костюмѣ совсѣмъ не имѣла своей обычной свѣтской осанки. Она видимо конфузилась и не съ разу приступила къ дѣлу. Очень

извилистыми путями добралась она наконецъ до этого дѣла. Ея парижскій банкиръ что-то упорно не отвѣчаетъ на ея требованія выслать ей деньги. А между тѣмъ у него на текущемъ счету двѣнадцать тысячъ франковъ, принадлежащія ей. Она уже телеграфировала въ Парижъ, чтобъ узнать что случилось, и написала своимъ знакомымъ. Конечно, двѣнадцать тысячъ франковъ такая маловажная сумма, что даже въ случаѣ банкротства этого банкира возможность такой потери ея не особенно безпокоитъ. Но какъ на зло всѣ ея наличныя деньги теперь вышли, а въ Венеціи ей обратиться не къ кому. Она уже написала въ свое имѣніе въ Галиціи, откуда ей вышлютъ деньги на дняхъ. Но пока—всего, конечно, на нѣсколько дней—она въ довольно затруднительномъ положеніи. Все это она передала мнѣ, какъ бы спѣша и съ очень многими подробностями.

— Вотъ почему я наконецъ рѣшилась,—докончила она смущеннымъ тономъ,—обратиться...

— Обратиться ко мнѣ? — живо перебилъ я. — Къ счастью, я могу вамъ оказать это небольшое одолженіе. Мнѣ даже совѣстно называть это одолженіемъ. Я такъ радъ случаю...

Княгиня просіяла и тутъ же принялась меня съ жаромъ благодарить. Я не колебался ни минуты предложить ей свои услуги. Именно потому, что наканунѣ Трухинъ позволилъ себѣ такіе неблаговидные намеки, я устыдился бы хотя малѣйшаго сомнѣнія въ словахъ княгини. Меня радовала мысль, что въ моей власти помочь матери Ванды, устранить это случайно возникшее затрудненіе. Я предложилъ княгинѣ три тысячи франковъ. Больше свободныхъ денегъ у меня не было.

— Это, конечно, очень не много,—сказалъ я, извиняясь,—но въ настоящую минуту...

— Это васъ можетъ-быть затрудняетъ? — спросила княгиня, и по ея лицу какъ будто пробѣжало удивлен-

ное выраженіе: она почему-то, кажется, считаетъ меня за богача.

— Нисколько,—поспѣшилъ я ее успокоить. — Я напишу къ роднымъ, и деньги мнѣ тотчасъ же будутъ высланы.

Полчаса спустя мои три тысячи франковъ были въ рукахъ княгини.

— И пожалуйста ни слова про это Вандѣ,—сказала она, благодаря меня.—Вы не повѣрите, какъ она стала бы меня журить за мою неосторожность.

Тутъ же было рѣшено, что мы проведемъ весь этотъ день вмѣстѣ и совершимъ поѣздку въ Кіоджію. Поѣздка удалась какъ нельзя лучше. Солнце на этотъ разъ ярко не сіяло, а словно улыбалось изъ-за легкихъ свѣтлыхъ облаковъ. Всюду, и на небѣ, и въ воздухѣ, было разлито что-то мягкое, ласкающее. Весь этотъ день я былъ совершенно счастливъ, и завтра, да, не позже какъ завтра, я скажу ей про свою любовь и услышу, какъ сорвется отвѣтъ съ ея трепещущихъ, дѣвичьихъ губъ. Сомнѣнія во мнѣ уже нѣтъ. Я иду навстрѣчу яркому, полному счастію и заранѣе упиваюсь всею прелестью ея смущеннаго лица...

4 ноября.

Вотъ уже цѣлые три дня, какъ я не видался съ Вандой. Что случилось, я не знаю, но произошла какая-то странная, необъяснимая перемѣна. Каждый разъ, какъ я заходилъ къ Козельскимъ, мнѣ говорили, что княгиня нездорова и не принимаетъ. Служанка, отворявшая мнѣ, отвѣчала на мои вопросы пугливо и неохотно, словно она торопилась отъ меня отдѣлаться. Сегодня она даже выказала какое-то раздраженное нетерпѣніе. „Говорятъ вамъ“,—отвѣчала она на мои тревожные вопросы,—„княгиня больна и принять васъ не можетъ“. — „Но, княжна“, — продолжалъ я разспрашивать,—„развѣ нельзя видѣть княжну?“—„Ея нѣтъ дома“,—было отвѣтомъ старухи, и дверь поспѣшно захлопнулась. Что же это, наконецъ, значитъ? За эти три дня

ни слова отъ нея. Ну, положимъ, она тревожится за мать и нельзя ей принять меня; но она могла бы по крайней мѣрѣ написать двѣ строчки, объяснить, что случилось. Я имѣю право на это при установившейся между нами короткости. Такъ недавно еще мы цѣлые дни проводили вмѣстѣ. И вдругъ разомъ безъ всякаго повода эта роковая перемѣна... Неужели такъ неустойчиво человѣческое счастье?

И какъ на зло изъ Петербурга пришли тоже недобрыя вѣсти. Я получилъ новое письмо отъ отца, еще болѣе зловѣщее, чѣмъ первое. Онъ опять проситъ меня пріѣхать, опять жалуется на свои падающія силы; и на этотъ разъ письмо это написано дрожащею и невѣрною рукой. Когда я прочитывалъ эти бѣдныя, горестныя строки, сердце во мнѣ разрывалось. Надо ѣхать, надо спѣшить къ нему! а развѣ я могу? развѣ я могу именно теперь, не объяснившись съ Вандой?

6 ноября.

Вчера я опять завернулъ къ Козельскимъ, и вновь получилъ тотъ же отвѣтъ. А между тѣмъ, когда я въ сумерки проходилъ черезъ площадь, я встрѣтилъ— сперва даже мнѣ не хотѣлось вѣрить глазамъ — я встрѣтилъ княгиню подъ руку съ графомъ Короньи. Они шли по одной изъ галлерей, идущихъ сбоку площади. Примѣтивъ меня, они прибавили шагу. Княгиня явно избѣгала моего взгляда. Я былъ такъ изумленъ этою неожиданною встрѣчей, что даже не остановилъ ихъ. Негодованіе во мнѣ поднималось! Какъ? Нѣсколько дней назадъ у нея произошелъ открытый разрывъ съ этимъ человѣкомъ, и она такъ не двусмысленно выказала мнѣ свою непріязнь къ нему, а теперь они снова друзья, она шепчется съ нимъ, опираясь на его руку, она избѣгаетъ меня. Нечего уже сомнѣваться. Всѣ эти дни княгиня отъ меня пряталась. Ея болѣзнь была выдумкой. Но зачѣмъ же, зачѣмъ?

А сама Ванда! Она не изъ такихъ дѣвушекъ, которыхъ можно приневолить. Она съумѣетъ отстоять

свою самостоятельность. Такъ неужели же и она заодно съ матерью?

Сегодня я написалъ къ ней, умоляя ее дать мнѣ случай съ ней переговорить и отослалъ письмо съ однимъ изъ слугъ моей гостинницы, смышленнымъ малымъ, который взялся такъ устроить, чтобы письмо дошло по назначенію. Я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ жду отвѣта. Сегодня я опять заходилъ къ Козельскимъ, я хотѣлъ узнать, что теперь придумаетъ княгиня: она меня видѣла вчера, и конечно уже не скажется больною. И въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ мнѣ отвѣтили, что ихъ сіятельство чувствуетъ себя гораздо лучше и уѣхала съ дочерью за городъ. Должно-быть графъ Короньи отправился съ ними. Кто знаетъ! они можетъ-быть теперь надо мною смѣются. Но я не уступлю ее безъ бою.

7 ноября.

Прошелъ еще день—и отвѣта нѣтъ. Я не знаю, на что рѣшиться, не знаю даже, что подумать...

8 ноября.

Все разъяснилось. Я напрасно обвинялъ Ванду.

Я всталъ послѣ безсонной ночи, рѣшивъ, что сегодня же уѣду. Я хотѣлъ вычеркнуть изъ своей жизни недавніе дни, отрезвиться отъ опьяненія. Отрезвиться! да... Я увѣрялъ себя, что ищу спокойствія, что могу найти его, разставшись навсегда съ Вандой.

Мнѣ захотѣлось передъ отъѣздомъ еще разъ взглянуть на Венецію; проститься съ нею, какъ бы увѣковѣчить въ своей памяти строгія черты дряхлаго города, дорогого мнѣ не чудесами своего искусства, а тѣмъ, что онъ былъ свидѣтелемъ начала и роста моего поруганнаго чувства. Странно, право! Въ то же самое время, когда я думалъ, что хочу оторваться отъ этого чувства, забыть его, я силился неизгладимо начертать въ своемъ сердцѣ образы тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно зародилось. День былъ сѣрый; низкія тучи тяжело не-

слись надъ городомъ. Холодомъ и мракомъ вѣяло отъ древнихъ стѣнъ, и мнѣ казалось, что весь внѣшній міръ погрузился въ ту же безнадежную грусть, какую ощущалъ я въ себѣ.

Я вошелъ въ соборъ Св. Марка. Дневной свѣтъ едва проникалъ подъ своды, лишь кое-гдѣ слабо играя на мраморѣ и позолотѣ иконостаса. Въ огромной церкви было пусто, и лишь два, три праздныхъ туриста любовались ея убранствомъ, разсѣянно слушая болтовню сторожа, да изъ угла слабымъ шепотомъ доносился голосъ аббата, передъ которымъ, стоя на колѣняхъ, исповѣдывалась какая-то женщина.

Какъ-то особенно запустѣлымъ и грустнымъ показался мнѣ старинный соборъ. Его своеобразная красота для меня даже утратила свое обаяніе. Ненужными и мертвыми казались мнѣ его дорогія украшенія и безчисленные лики святыхъ на высокомъ иконостасѣ, съ зажженными кое-гдѣ передъ ними лампадами. Это въ сущности не храмъ, а могила. Сколько бы ни служилось обѣдень передъ ея мраморными алтарями, сколько бы ни зажигалось свѣчей передъ изображеніями Богоматери, все это лишь слабое мерцаніе догорающей вѣры. Душа отлетѣла изъ величаваго храма, какъ угасла эта вѣра въ сердцахъ людей.

Я собирался уйти, какъ вдругъ мой взглядъ случайно упалъ на женскую фигуру въ черномъ платьѣ, сидѣвшую на одной изъ деревянныхъ скамей и низко опустившую голову на обѣ руки. Она казалась вся погруженною въ горестную молитву. Я едва могъ различить ея обликъ среди полутьмы, но какое-то странное чувство зашевелилось во мнѣ, словно я узналъ эту женщину. Я подошелъ ближе и пристально вглядѣлся въ молящуюся. И въ этотъ самый мигъ, точно взглядъ мой имѣлъ какую-то притягательную силу, она приподняла голову. Смутная догадка меня не обманула: это была Ванда. Она тотчасъ поднялась съ мѣста и подошла ко мнѣ. Глаза у нея были заплаканы.

— Ванда!—проговорилъ я шепотомъ, схвативъ ее за обѣ руки,—что за неожиданная случайность!

Она смотрѣла на меня, какъ бы прося о пощадѣ и не отнимая своихъ дрожащихъ, похолодѣвшихъ рукъ.

— Наконецъ-то мнѣ удалось васъ встрѣтить.

— Бѣдная моя, вы плакали? Что съ вами, скажите!

Слезы и у меня готовы были навернутся, а въ сердцѣ моемъ въ то же время поднималось боязливое, радостное чувство. Я теперь былъ почти увѣренъ, что Ванда для меня не потеряна.

— Объясните мнѣ, что случилось,—настаивалъ я.— Вы не знаете, что я выстрадалъ за эти дни...

— Здѣсь нельзя,—прошептала она.—Я все скажу вамъ, только не здѣсь. Пойдемте отсюда.

Она опустила вуаль на взволнованное лицо. Мы вышли. Ванда оперлась на мою руку. И мнѣ показалось, что силы ей измѣняютъ и она едва держится на ногахъ.

— Пойдемте къ намъ,—сказала она.—Вы все узнаете.

— Къ вамъ?—удивленно спросилъ я.—Но почему же тогда всѣ эти дни...

— Не разспрашивайте меня теперь,—умоляющимъ голосомъ проговорила она.—Вы видите, я не въ силахъ...

Она казалась совершенно безпомощною. Никогда еще не любилъ я такъ горячо и нѣжно, какъ въ эту минуту. Трудно было узнать въ ней твердую, своенравную Ванду.

Мы прошли по небольшому мостику, перекинутому черезъ каналъ между Palazzo Cornarini и моей гостинницей, и завернули въ узкій переулокъ. Ванда позвонила у задняго крыльца своего дома. Намъ долго не отворяли. Наконецъ, послышались въ сѣняхъ тяжелые шаги, и старая служанка, увидавъ насъ вмѣстѣ, выразила изумленіе на сморщенномъ лицѣ.

— Княгини нѣтъ дома,—сказала она, нерѣшительно впуская меня.

— Знаю, знаю,—нетерпѣливо прервала ее Ванда, живо сбрасывая накидку.

Къ ней вдругъ вернулась свойственная ей увѣренность движеній. Мы молча поднялись по лѣстницѣ. Ванда повела меня черезъ всѣ гостиныя и, свернувъ направо изъ кабинета матери, раскрыла дверь въ небольшую, уютную комнату съ двумя окнами на дворъ.

— Вы здѣсь у меня,—сказала она, усаживаясь въ кресло, и слабая улыбка показалась на ея губахъ.— Теперь спрашивайте, я готова васъ слушать.

Я не помнилъ себя отъ восторга. Моихъ сомнѣній какъ не бывало.

Схвативъ ея руку я прильнулъ къ ней жадными губами.—Мнѣ надо просить у васъ прощенія. Я смѣлъ обвинять васъ, знайте это. Да у меня голова шла кругомъ всѣ эти дни.

— И вы тотчасъ рѣшили, что я къ вамъ перемѣнилась. Хорошо же ваше довѣріе ко мнѣ!

Въ глазахъ ея было теперь опять обычное сіяніе.

— Какъ это хорошо, что мы встрѣтились,—начала она.—Еслибы не этотъ счастливый случай, я вѣдь не могла бы рѣшиться... къ вамъ написать,—добавила она въ полголоса, опуская глаза. Ну, да слушайте, я вамъ все разскажу по порядку.

— А моего письма вы развѣ не получили?—спросилъ я перебивая ее.

Она покачала головой.

— Нѣтъ!.. Вы ко мнѣ писали?—Она всплеснула руками.—Надо мной стало-быть учрежденъ надзоръ. Я этого не ожидала.

— Ваша мать не хочетъ, чтобы мы видѣлись.

— Моя мать? Вы ее не знаете!—Воскликнула она живо вставая. Глаза ея засверкали.—Меня хотятъ насильно выдать замужъ, проговорила она, стиснувъ губы и не спуская съ меня глазъ.

— За этого Венгерца?

— Да, онъ давно сдѣлалъ предложеніе. И какъ ни

открыто выказывала я ему свое отвращеніе, онъ не переставалъ бывать у насъ и, пользуясь явнымъ расположеніемъ матушки, навязывалъ мнѣ свою непрошенную дружбу. Вы не можете представить себѣ, что я вытерпѣла изъ-за него, какъ мать преслѣдовала меня своими совѣтами и насмѣшками...

— Но вѣдь княгиня сама не захотѣла болѣе съ нимъ видѣться. Вы знаете, я былъ свидѣтелемъ...

Ванда захохотала.

— И вы повѣрили, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ произошелъ разрывъ? Матушка тогда притворилась передъ вами, вотъ и все. Два дня спустя, онъ былъ здѣсь опять. И мать не переставала меня мучить, настаивая, чтобъ я за него вышла. Наконецъ она открыто объявила мнѣ, что принудитъ меня стать женою графа, а васъ не велитъ сюда пускать. Вы видите, я съ вами откровенна.

Ванда сказала мнѣ несвязными словами, что цѣлую недѣлю мать не выпускала ея изъ дому, добиваясь отъ нея согласія. Все было пущено въ ходъ: упреки, мольбы, угрозы. Кончилось тѣмъ, что, видя ея непреклонность, княгиня заперла дочь въ ея комнатѣ и не видѣлась съ нею цѣлыхъ три дня.

— И вы наконецъ... уступили?—спросилъ я въ полголоса.

— Обвиняйте меня, коли хотите. Вы имѣете на то право. Я должна была уступить. Этимъ только я могла вернуть себѣ свободу. Да и каково мнѣ было переносить этотъ разладъ съ матерью, съ которою я была неразлучна съ самаго дѣтства. Вѣдь я люблю ее, несмотря на все, что вытерпѣла и теперь, и прежде. Она то угрожала мнѣ своимъ проклятіемъ, то на колѣняхъ умоляла выйти за графа. Она требовала этого какъ жертвы съ моей стороны.

— Какъ жертвы?—воскликнулъ я.

— Ахъ, вы не знаете!—она всплеснула руками.— Вѣдь мы разорены, совсѣмъ разорены. Матери уже не-

чѣмъ поддерживать образъ жизни, къ которому она привыкла. Мнѣ лишенія не страшны; я бы на все пошла, я могу работать. Но она, въ ея годы... У насъ долги. Ей грозятъ продажей съ молотка ея имѣнія. Мое замужество съ графомъ одно можетъ спасти мать отъ совершенной нищеты.

— И вы согласились, Ванда? Признайтесь?—я проговорилъ это рѣзко, гнѣвное чувство снова поднималось во мнѣ.

— Поймите же,—отвѣтила она умоляющимъ голосомъ,—что это былъ для меня единственный исходъ. Въ комъ могла я найти помощь?

— Да за чѣмъ же вы не обратились ко мнѣ, Ванда?

— Къ вамъ?.. Да развѣ я имѣла право расчитывать на васъ? И какъ мнѣ было написать вамъ! Я ужъ сказала, что меня держали взаперти.

— Ну, а теперь, Ванда, теперь? Вы поняли наконецъ, что я люблю васъ и не уступлю никому... Или вы все-таки рѣшитесь на эту ужасную, на эту невозможную жертву? Изъ-за денегъ станете женою человѣка, котораго ненавидите?

Ванда молчала, опустивъ голову.

— Да говорите же, признайтесь мнѣ во всемъ? Вы считаете себя связанною этимъ вынужденнымъ обѣщаніемъ? Или вы сами можетъ-быть такъ прельщены богатствомъ этого человѣка?

— Зачѣмъ вы оскорбляете меня?—тихо вымолвила она, и слабая краска показалась на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Ванда! я не знаю, что говорю; я себя не помню.

— Да вѣдь я уже сказала вамъ,—и глаза ея кротко взглянули на меня,—что для того только и уступила просьбамъ матери, чтобы получить теперь свободу. Я пошла въ соборъ просить помощи у Бога, найти въ молитвѣ силу рѣшиться...

Невольнымъ движеніемъ руки Ванда откинула съ своего лба нависшія было пряди волосъ; слезы опять показались въ ея глазахъ.

— Вы думаете легко,—продолжала она,—идти на прямой разрывъ съ родною матерью, съ единственнымъ близкимъ мнѣ существомъ...

— Ванда! — радостно воскликнулъ я. — Не мучьте меня долѣе. Вы стало быть не выйдете за графа? Вы моя?

Она не отвѣтила. Но въ мягкомъ взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ я прочелъ столько довѣрія и любви, что спрашивать было уже нечего. Я бросился къ ней, я притянулъ къ себѣ ея трепещущія руки. И вся она, повинуясь мнѣ какъ ребенокъ, словно отдалась въ мою власть. Голова ея упала ко мнѣ на плечо, и лицо ея, мокрое отъ слезъ, въ нѣмой безпомощности прильнуло къ моей груди. Я страстно цѣловалъ ея лобъ, ея глаза и, наконецъ, мнѣ показалось, что и ея губы, въ отвѣтъ на мои поцѣлуи, слабо коснулись моего лица. Мы вмѣстѣ опустились на диванъ. Я не выпускалъ ея изъ своихъ объятій.

— Ты будешь моею женой, да? скажи,—шепталъ я, прижимая къ себѣ ея трепещущій станъ.—Ты любишь меня?

— Ты, вѣдь, все знаешь теперь,—было ея отвѣтомъ. И глаза ея улыбались сквозь слезы.

Но времени у насъ было не много. Княгиня могла вернуться каждую минуту: Ванда объяснила мнѣ, что ея мать, успокоенная ея обѣщаніемъ, уѣхала съ цѣлымъ обществомъ на прогулку въ окрестности города, а ее оставила дома, потому что она жаловалась на нездоровье. Надо было поскорѣе обсудить планъ нашихъ дѣйствій. Княгиня, по словамъ Ванды, ни за что не согласится теперь на нашу свадьбу. Приходилось прибѣгнуть къ хитрости и выиграть время. Я сперва хотѣлъ вызвать графа. Это было, конечно, самое простое средство. Но Ванда убѣдила меня оставить эти воинственныя намѣренія. „Ты этимъ все испортишь, сказала она, мать узнаетъ и тотчасъ увезетъ меня отсюда. А графъ не приметъ твоего вызова и уѣдетъ тоже. Да

я и не хочу, чтобы ты съ нимъ дрался. Если бы онъ вдругъ тебя ранилъ или даже... Нѣтъ, не смѣй объ этомъ и думать". И говоря это, она ласкала мои волосы своею нѣжною ладонью. Мы рѣшили, что до поры до времени мы скроемъ нашу помолвку отъ княгини. Ванда взялась понемногу ее склонить въ мою пользу. Конечно, моего присутствія въ ея домѣ скрыть было нельзя. Пустившая меня служанка все ей передастъ. Я хотѣлъ было заплатить старухѣ за молчаніе, но Ванда меня предупредила, что это ни къ чему не поведетъ, потому что эта женщина предана графу Короньи, который ее щедро задарилъ. Оставалось одно, ожидать возвращенія княгини и открыто ей признаться, что мы встрѣтились съ Вандой въ соборѣ и вмѣстѣ оттуда вернулись къ ней въ домъ. Какъ ни раздражитъ это княгиню, она сдѣлаетъ видъ, будто находитъ это въ порядкѣ вещей и встрѣтитъ меня съ притворною вѣжливостью. А затѣмъ все войдетъ въ прежнюю колею. Убѣдясь въ покорности дочери, княгиня не будетъ имѣть уже повода не пускать меня къ себѣ въ домъ. По словамъ Ванды, ей будетъ даже очень пріятно, что все такъ мирно уладилось, потому что ее всегда пугала возможность какой-нибудь стычки между графомъ и мной.

Мы вернулись въ кабинетъ княгини и въ ожиданіи ея чинно усѣлись около камина. Ванда разсказала мнѣ про свое дѣтство. Странное это было дѣтство! Въ немъ удивительно чередовалась барская роскошь съ какимъ-то истинно цыганскимъ кочеваньемъ. О первой его порѣ Ванда сохранила лишь смутную память. Въ своемъ настоящемъ отечествѣ, въ Россіи, она не была никогда. Родилась она въ гостинницѣ какого-то итальянскаго города—она даже въ точности не знаетъ, какой это былъ городъ. Отца своего она лишилась на десятомъ году, но сохранила о немъ самую теплую память и твердо усвоила отъ него родной языкъ, которому онъ училъ свою дочку. Были у нихъ тогда достаточныя средства, да и Козельскій не любилъ якшаться съ разношерст-

нымъ обществомъ. Но послѣ его смерти все перемѣнилось. Княгиня то проводила безвыѣздно длинные мѣсяцы въ помѣстьи близъ Кракова, гдѣ была у нея обширная, хоть и порядочно-таки запущенная усадьба, походившая на средневѣковой замокъ; то принималась странствовать по разнымъ столицамъ, да моднымъ курортамъ, быстро переѣзжая съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Много у нея было знакомыхъ, но мало кого изъ нихъ она сохраняла на долго. Были тутъ знатные англичане и австрійцы, холодные и вѣжливые до тошноты, и хвастливые поляки съ громкими, но часто вымышленными титулами, и банкиры изъ жидовъ, и просто рыцари приключеній, равно привыкшіе къ игорнымъ домамъ и къ скамьѣ подсудимыхъ. Но главную роль среди этой пестрой толпы игралъ дядя Ванды, графъ Казиміръ Брониславскій, разоренный польскій магнатъ, глубоко ненавидѣвшій все русское. Онъ и былъ причиной, что въ воспитаніи молодой дѣвушки усердно были стерты всѣ слѣды русскаго вліянія. Со временемъ, когда она стала больше читать и мыслить самостоятельно, къ увлеченію всѣмъ польскимъ у нея присоединилось иное чувство. Ея молодой умъ сочувственно отозвался на могучее вѣяніе современнаго духа.

Къ матери Ванда была привязана горячо, хоть и видѣла отъ нея много дурного. Княгиня баловала дочь съ распущеннымъ излишествомъ, одѣвала какъ куклу, дарила ей съ ранняго дѣтства дорогія бездѣлки—и все это урывками, когда случайно водились деньги; то становилась взыскательною, придирчиво строгою—и какъ разъ въ то время, когда семья терпѣла нужду и всѣ расходы сильно обрѣзывались. На княгиню, всегда склонную къ широкому мотовству, тогда находили припадки озлобленной скаредности, и она почему-то особенно вымѣщала свое озлобленіе на дочери. Да, поистинѣ странная это была жизнь. То, когда придутъ деньги изъ Краковскаго помѣстья или княгинѣ согласятся повѣрить въ долгъ, мать Ванды не отказывала себѣ ни въ

чемъ, занимала цѣлый рядъ комнатъ въ первоклассной гостинницѣ, ѣздила въ театръ, заказывала дорогія платья, то вдругъ исчезнетъ это волшебство. Тогда пойдутъ назойливыя требованія кредиторовъ, потомъ совершится тайное бѣгство въ какой-нибудь скромный, дешевый уголокъ Италіи или Швейцаріи, и пойдетъ на цѣлые мѣсяцы тѣсная жизнь съ мелочными лишеніями. А потомъ опять безъ всякой видимой причины новая счастливая волна унесетъ съ собою Козельскихъ на самые верхи большого свѣта. Какъ все это не испортило Ванды, какъ сохранила она чистоту сердца и помысловъ среди этой безпорядочной жизни, трудно понять. Видно къ инымъ натурамъ не пристаетъ уличная пыль. А какъ рано жизнь открыла передъ Вандой свои некрасивыя стороны! Едва выросла она, мать стала выставлять ее на показъ, возить ее съ собою на людныя сборища, какъ-бы торопясь подъискать ей богатаго жениха. И не разъ уже Вандѣ приходилось выносить изъ за этого тяжелую борьбу съ матерью. Княгиня все съ большею настойчивостью упрашивала дочь бросить наконецъ свои ребяческія мечты о бракѣ по наклонности, понять что для дѣвушки свадьба та же карьера. Если для нея самой деньги не значатъ ничего, она должна подумать о матери. И вотъ недавно въ Баденѣ, гдѣ онѣ провели начало осени, Козельскія познакомились съ графомъ Короньи. Его холодная, тупая надменность и самоувѣренный тонъ сразу сдѣлали его ненавистнымъ Вандѣ, а между тѣмъ онъ съ первыхъ же дней знакомства открыто восторгался ею и позволялъ себѣ въ обращеніи съ молодою дѣвушкой развязность человѣка, не сомнѣвающагося въ успѣхѣ. Онъ пріѣхалъ вслѣдъ за ними и въ Венецію, и Ванда убѣждена, что у него давно все рѣшено съ княгиней. Къ счастію, я могу спасти Ванду отъ этого брака. Она совѣтуетъ мнѣ, однако, не торопиться и пока не высказываться передъ ея матерью. Она сама берется уговорить княгиню.

Пріѣздъ княгини прервалъ нашу бесѣду. Она вошла съ улыбкой на губахъ. Нѣжно поцѣловала дочь и мнѣ протянула руку, увѣряя въ своемъ сожалѣніи, что мы такъ давно не видались. Но глаза ея, въ которыхъ искрилась злоба, выдавали неправду ея словъ. И какъ ненавидѣлъ я теперь эти глаза, казавшіеся мнѣ прежде такими ласковыми. Надо поскорѣе освободить Ванду изъ-подъ власти этой женщины. Я теперь не жалѣю и о томъ, что не послушался отца. Здѣсь передо мной обязанность еще болѣе священная чѣмъ та, которая зоветъ меня въ Россію.

9 ноября.

Жизнь моя идетъ странными толчками, словно ее тащитъ съ собой поѣздъ, только что соскочившій съ рельсовъ. Такъ, чего добраго, недалеко и до полнаго крушенія. Всю ночь я раздумывалъ надъ тѣмъ, что мнѣ сказала Ванда. И среди безсонницы мнѣ будущее рисовалось далеко уже не въ такихъ радужныхъ краскахъ, какъ когда я разстался съ Вандой. Мнѣ вѣдь надо уѣхать черезъ нѣсколько дней. А могу я развѣ оставить Ванду во власти ея матери. Что станется съ ней? Надо спѣшить съ развязкой. Ванда будетъ въ безопасности только ставъ моей женой. Но какъ это устроить, всего какихъ нибудь три, четыре дня! Чѣмъ болѣе работалъ мой возбужденный мозгъ, тѣмъ многочисленнѣе возникали передо мною препятствія. Плодомъ этихъ мучительныхъ думъ было рѣшеніе уѣхать съ Вандой изъ Венеціи, обвѣнчаться съ нею, не дожидаясь согласія ея матери, и увезти ее съ собой въ Петербургъ. Я поспѣшилъ сообщить ей объ этомъ. У насъ было рѣшено наканунѣ, что мы будемъ видѣться по утрамъ во дворцѣ дожей; туда она станетъ ходить подъ предлогомъ занятія живописью. Въ началѣ десятаго часа я помѣстился передъ входомъ одной изъ кофеенъ площади св. Марка, дѣлая видъ, что читаю газету и выжидалъ, пока она пройдетъ мимо. Ждать мнѣ пришлось слишкомъ часъ, я нетерпѣливо комкалъ въ рукахъ ни въ чемъ непо-

винную газету. „Что если она не придетъ, думалось мнѣ, если ей помѣшаютъ“.

Наконецъ она показалась на дальнемъ углу площади. Она шла неспѣшно, твердою и спокойною поступью. Я пропустилъ ее мимо себя, какъ будто не замѣчая ея; такъ у насъ было условлено. Кто знаетъ, за мною можетъ быть устроенъ надзоръ? Я остался на своемъ мѣстѣ еще цѣлыхъ полчаса, медленно выпивая чашку душистаго венеціанскаго кофе. Что я вытерпѣлъ въ эти полчаса, какое жгучее нетерпѣніе давило мнѣ грудь, знаетъ лишь тотъ, которому приходилось мучительно ждать съ видомъ наружнаго спокойствія, пока рѣшается его участь.

Я поднялся наконецъ и пошелъ сперва въ сторону противоположную дворцу, потомъ обогнулъ площадь и направился въ Піацеттѣ. Несмотря на холодный туманъ, нависшій надъ городомъ, кровь моя лихорадочно билась.

Я засталъ Ванду передъ тою самою картиной Тиціана, которую она начала списывать мѣсяцъ назадъ. Я былъ пораженъ ея мастерскимъ самообладаніемъ. Она могла спокойно рисовать въ такія минуты! Она даже нѣкоторое время продолжала еще свою работу, когда я подошелъ. Какъ въ день первой нашей встрѣчи во дворцѣ, она не торопясь убрала свои вещи и передала ихъ сторожу, обмѣниваясь со мною ничего не значащими словами. Глядя на насъ можно было подумать, что мы простые знакомые и ничего особеннаго передать другъ другу не имѣемъ. Въ сосѣдней залѣ, по счастію, никого не было. Мы пошли туда и усѣлись рядомъ на скамейкѣ. Я передалъ ей свое рѣшеніе. Но Ванда про это и слышать не хотѣла. Какъ? Уѣхать тайкомъ, безъ вѣдома ея матери, тайкомъ какъ преступники, которые прячутся отъ людскихъ глазъ? Ни за что она на это не согласится. Меня все болѣе удивляли ея странныя отношенія къ матери. Прежде мнѣ все казалось, что Ванда дѣлаетъ съ нею, что хочетъ,

что княгиня уступаетъ всѣмъ прихотямъ дочери, а теперь оказывается, что эта съ виду мягкая, податливая женщина обладаетъ сильною волей, что даже такая самостоятельная натура какъ Ванда ей подчиняется вполнѣ.

Она отказалась на отрѣзъ со мною уѣхать. Да и не одинъ страхъ передъ явнымъ разрывомъ съ матерью удерживалъ Ванду. Я хотѣлъ съ нею тайно обвѣнчаться; но какъ это сдѣлать? Развѣ я не знаю, говорила она, что бракъ католички съ иновѣрцемъ обставленъ большими трудностями, что ни одинъ священникъ не согласится вѣнчать насъ безъ разрѣшенія своего епископа. А гдѣ мнѣ добиться такого разрѣшенія въ нѣсколько дней? Я намекнулъ Вандѣ, что по итальянскимъ законамъ можно обойтись безъ церковнаго обряда. Но она отвергла эту мысль съ отвращеніемъ. По ея взглядамъ, бракъ есть таинство и законнымъ онъ можетъ быть только при благословеніи церкви. Да и съ чего я взялъ, вставила она, что итальянскія власти согласятся скрѣпить брачный договоръ безъ предъявленія законныхъ документовъ. Словомъ, оказывалось, что Ванда гораздо лучше моего знаетъ всѣ условія гражданскаго и церковнаго закона и заранѣе обдумала все это несравненно отчетливѣе. Наконецъ я предложилъ ей еще одно средство—обратиться къ русскому священнику и вѣнчаться по православному обряду. Это можно будетъ сдѣлать въ любомъ городѣ, гдѣ есть русская церковь. Но Ванда отказалась и отъ этого. Для нея существуетъ только одна римская церковь, и въ ея глазахъ православное вѣнчаніе ничуть не лучше гражданскаго брака. Я преклонился предъ ее доводами, потому что всякое твердое вѣрованіе, каково бы ни было оно, по-моему, достойно уваженія. Но, признаюсь, во мнѣ смутно заговорило горькое чувство. Я сказалъ ей даже, что должно быть не сильна ея любовь ко мнѣ, коли она отступаетъ и передъ ребяческою боязнью огорчить мать, и передъ суевѣрной покорностью церковнымъ

уставамъ. Но стоило ей съ укоромъ взглянуть на меня своими чудными глазами, въ которыхъ еще виднѣлись слѣды недавно пролитыхъ слезъ, и мнѣ стыдно стало за свой упрекъ. Мы порѣшили на томъ, что черезъ два дня я объяснюсь съ княгиней, а Ванда пока склонитъ ее въ нашу пользу. Я однако вернулся къ себѣ съ какимъ-то смутнымъ неудовольствіемъ на сердцѣ.

Дома меня ожидало нѣчто совсѣмъ негаданное. Швейцаръ мнѣ сообщилъ, что меня въ это утро два раза спрашивалъ высокій старый господинъ, съ окладистою бѣлою бородой. И теперь этотъ господинъ сидитъ у меня въ комнатѣ. Мнѣ тотчасъ пришелъ на память человѣкъ, три раза попавшійся мнѣ навстрѣчу и такъ напомнившій мнѣ дядюшку, Михаила Петровича. Опрометью бросился я вверхъ по лѣстницѣ, сердце у меня сильно билось. Я растворилъ двери и увидалъ передъ собой—да я не ошибся—это былъ Михаилъ Петровичъ.

— Дядюшка! бросился я къ нему на шею.—Какъ я радъ!.. Наконецъ-то!.. Мы расцѣловались.—Знаете ли, что я встрѣчалъ васъ неоднократно. Мнѣ такъ и хотѣлось остановить васъ, заговорить съ вами. Но мнѣ все почему-то казалось, что это были не вы, что меня обманывало сходство. Вѣдь мы цѣлыхъ пять лѣтъ не видались.

— Да, я постарѣлъ-таки,—разсмѣялся онъ своимъ добрымъ, мягкимъ смѣхомъ.

Я вглядѣлся въ его дорогія черты. Въ самомъ дѣлѣ, года прошли для Михаила Петровича не даромъ. Глубже бороздили его лицо морщины, волосы порѣдѣли, и весь онъ осунулся, даже сгорбился немного. Только въ большихъ сѣрыхъ глазахъ по-прежнему мелькалъ былой огонекъ.

— Такъ вы стало-быть давно уже въ Венеціи?

— Давно. Мѣсяца два будетъ.

— И вы знали, что я здѣсь тоже?

— Да, зналъ. Я видѣлъ тебя даже чаще, чѣмъ попадался тебѣ на глаза.

— Такъ зачѣмъ же вы отъ меня скрывались? Вѣдь, признайтесь, дядюшка, вы намѣренно меня избѣгали? Помните, въ тотъ день, когда я такъ долго гнался за вашею гондолой, я справлялся о васъ въ домѣ, куда вы вошли, и мнѣ сказали, что принялъ я за васъ домашняго учителя какого-то французскаго графа.

— И послѣ этого ты, конечно, прекратилъ поиски? спросилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Что же мнѣ было дѣлать? Вы въ самомъ дѣлѣ живете у этого Француза?

— Да, онъ мой давнишній пріятель.

— Зачѣмъ же мнѣ тогда сказали, что это были не вы, а какой-то учитель?

Михаилъ Петровичъ поигралъ часовой цѣпочкой.

— Я объясню тебѣ это послѣ,—сказалъ онъ какъ бы неохотно.—Только предупреждаю тебя, Сережа, объясненіе это едва ли будетъ тебѣ особенно пріятно.

Я удивленно посмотрѣлъ на дядю. Улыбка исчезла съ его губъ, и лицо приняло сосредоточенное выраженіе.

— Намъ придется о многомъ переговорить съ тобой, добавилъ онъ,—и будетъ это очень невеселый разговоръ.

Я усадилъ Михаила Петровича возлѣ себя на диванъ и принялся его горячо разспрашивать. Наконецъ-то мнѣ дано было узнать, въ чемъ заключалась такъ долго мучившая меня загадка. Но какъ разъ потому, что такая куча вопросовъ у меня просилась на языкъ, что мнѣ надо было разомъ вывѣдать у него такъ много, мнѣ все не удавалось толкомъ разспросить дядю и получить отъ него рядъ послѣдовательныхъ отвѣтовъ. Я то и дѣло останавливалъ Михаила Петровича новымъ вопросомъ, сбивалъ его съ прямой нити разсказа. Оказалось, что дядюшка призналъ меня еще въ день нашей первой встрѣчи, когда я шелъ домой съ Трухинымъ.

— Удивился я, право, сказалъ онъ,—что ты съ этимъ господиномъ знакомъ. И это мнѣ и подало мысль пока оставаться въ тѣни и наблюдать за тобой издали.

— Вотъ какъ! Вы считали нужнымъ за мной наблюдать!

Мнѣ не совсѣмъ было пріятно, что, по собственному признанію дяди, онъ цѣлый мѣсяцъ подвергалъ меня такому негласному надзору. Пока я ему, однако, этого не высказалъ.

— Да, отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ,—хотѣлось посмотрѣть, что станешь ты дѣлать на свободѣ. Вѣдь ты въ первый разъ, кажется, вылетѣлъ изъ гнѣздышка и былъ надъ собою полнымъ хозяиномъ? Признаюсь, твое знакомство съ Трухинымъ навело меня на кое-какія догадки. А онъ, кстати, взялся доставлять мнѣ про тебя извѣстія.

— Трухинъ, воскликнулъ я,—былъ, стало-быть, приставленъ ко мнѣ въ качествѣ дозорнаго! А онъ меня еще увѣрялъ, что васъ почти совсѣмъ не знаетъ. Нашли кому довѣриться.

— Что этотъ человѣкъ совершенная дрянь, сказалъ дядя,—съ этимъ я вполнѣ согласенъ...

— Нѣтъ, не дрянь, перебилъ я его горячо,—Трухинъ взбалмошный, озлобленный жизнью человѣкъ, но въ немъ прямая, хорошая натура...

— Позволь мнѣ про это знать лучше твоего, спокойно возразилъ дядя.—А пришлось мнѣ къ нему обратиться за содѣйствіемъ, потому что иной болѣе пригодной личности подъ рукой не было.

— Еще бы, воскликнулъ я, давая волю накипавшему во мнѣ раздраженію, — захотѣли вы такую личность найти для роли шпіона.

— Погоди горячиться, Сережа, возразилъ Михаилъ Петровичъ:—повѣрь мнѣ, не съ легкимъ сердцемъ рѣшился я такъ долго играть съ тобой въ прятки... Говорю тебѣ: когда я тебя встрѣтилъ съ этимъ человѣкомъ, во мнѣ зародились на твой счетъ опасенія...

— Вотъ какъ, даже опасенія!—У меня краска бросилась въ лицо.—Я не скрою отъ васъ, я съ Трухинымъ видѣлся именно потому, что у насъ почти одинаковыя убѣжденія.

Михаилъ Петровичъ грустно покачалъ головой.

— Убѣжденія! воскликнулъ онъ,—у Трухина-то убѣжденія!.. Объ одномъ прошу тебя, Сережа, при мнѣ не прибѣгай къ этимъ громкимъ словамъ. Я знаю, у тебя въ головѣ завелся-таки порядочный сумбуръ, да про это мы успѣемъ еще наговориться. Теперь есть у насъ иное, болѣе важное дѣло.

— Да вы-то сами, спросилъ я довольно нетерпѣливо, откуда такъ близко знакомы съ Трухинымъ?

— Ахъ, милый мой, это длинная исторія. Когда я пріѣхалъ въ Парижъ невольнымъ эмигрантомъ (при этихъ словахъ дядя горько усмѣхнулся), они тамъ, женевскіе заправилы-то, сочли за благо ко мнѣ посланца отправить, чтобы разузнать, насколько могу я имъ пригодиться. Я волей-неволей у этихъ господъ извѣстностью пользуюсь, и не мало этого стыжусь.

— Стыдитесь?

Я широко раскрылъ удивленные глаза.

— Да, стыжусь. Только не перебивай же меня на каждомъ словѣ... Такъ вотъ они и снарядили ко мнѣ этого молодчика, Трухина-то. Конечно, они ошиблись въ разсчетѣ, и Трухинъ тотчасъ въ этомъ убѣдился. Онъ малый не глупый...

Все загадочнѣе становились для меня рѣчи дяди. Совсѣмъ не шли онѣ къ моему представленію о немъ. Неужели такъ измѣнили его, и въ такомъ странномъ смыслѣ, эти пять лѣтъ, проведенныя въ изгнаніи? На этотъ разъ однако я не возразилъ дядѣ ничего.

— Убѣдившись, что посольство не привело къ цѣли, продолжалъ Михаилъ Петровичъ,—Трухинъ счелъ однако за лучшее со мной не прекращать знакомства. На устройство революціонныхъ шумихъ я не годился, но для него лично я пригодиться могъ. И не разъ онъ обращался ко мнѣ за легкими субсидіями. И я по своей русской натурѣ не имѣлъ духу ему отказывать. Да и въ самомъ дѣлѣ онъ жалокъ, бѣдняга! И питаетъ онъ ко мнѣ какую-то непонятную для меня преданность,

хоть и не мудрено, чтобъ предъ тобой онъ отрекался отъ знакомства со мной. Ну, посуди самъ, каково мнѣ было видѣть тебя на короткой ногѣ съ этимъ голубчикомъ.

Я всталъ и прошелся по комнатѣ. Слова дяди все сильнѣе повергали меня въ недоумѣніе. Предо мной словно былъ совсѣмъ не тотъ Михаилъ Петровичъ, какимъ я привыкъ его считать съ раннихъ лѣтъ.

— Я васъ не понимаю, дядюшка, сказалъ я, останавливаясь передъ нимъ. — Не вы ли говорили мнѣ, прощаясь со мной въ Петербургѣ, что я, какъ честный гражданинъ, долженъ жить не для себя только, а для родины, что честнымъ можно быть только безкорыстно трудясь на общую пользу? А теперь вамъ не нравится, что я сочувствую людямъ, которые жизнь свою отдали дѣлу освобожденія родины; и одного изъ этихъ людей, Трухина, потому что онъ бѣденъ, потому что не глядитъ джентльменомъ, вы даже обзываете презрительными словами.

Михаилъ Петровичъ молча посмотрѣлъ на меня, грустно покачивая головой. Потомъ онъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову на руки.

— Я вижу ты и въ самомъ дѣлѣ меня не понялъ, Сережа,— сказалъ онъ. — Или я выражался тогда ужъ очень не ясно... Да про какое же дѣло я говорилъ тебѣ, уѣзжая за границу? Про какое служеніе родинѣ? Неужто ты вообразилъ, что мнѣ хотѣлось бы тебя видѣть въ числѣ этихъ жалкихъ отщепенцевъ, которые стряхнули съ себя все русское и вздумали перекроить родную страну, какъ Тришкинъ кафтанъ какой-то, по изношеннымъ образцамъ плохихъ заграничныхъ издѣлій?

— Да сами вы, дядюшка, развѣ не того же хотѣли, чего хотятъ эти люди, или вы измѣнили прежнимъ убѣжденіямъ? На это, правда, мнѣ намекалъ Трухинъ...

Михаилъ Петровичъ всталъ и выпрямился. Онъ цѣлою головой былъ выше меня.

— Я измѣнилъ?—громкимъ взволнованнымъ голо-

сомъ проговорилъ онъ,—измѣнилъ вотъ теперь, въ эти послѣдніе годы? И это сказалъ тебѣ этотъ мальчишка, Трухинъ? И ты повѣрилъ? Да, во мнѣ совершилась перемѣна, глубокая, коренная перемѣна, только не теперь, а тогда еще въ Сибири. И я тебѣ скажу, какъ она совершилась. Я убѣдился тамъ, что прежде шелъ не по той дорогѣ, которая ведетъ къ цѣли, что я принималъ за настоящій свѣтъ блуждающіе болотные огни. Какъ все мое поколѣніе, я хотѣлъ ускорить полный расцвѣтъ для Россіи, я вездѣ натыкался тогда на неправду, на притѣсненія, на продажность и въ судѣ, и въ управленіи. Надо было вырвать съ корнемъ эти плевелы, и я думалъ, что для этого нужно перепахать вдоль и поперекъ всю русскую землю и насадить въ ней новые лучшіе порядки. Но и тогда я такъ думалъ не изъ глупой ребяческой любви къ иностранному, мнѣ только казалось, что родные устои прогнили до основанія и на перестройку уже не годятся. И все это оттого, что я нашего народа не зналъ; что, какъ многіе другіе, я оторвался отъ его вѣры и ее тоже готовъ былъ признать чѣмъ-то отсталымъ и отжившимъ. Ну, вотъ, въ Сибири-то, гдѣ я поневолѣ сблизился съ простыми людьми, я понялъ, какъ они лучше и проще насъ, и какая сила въ нихъ эта самая отсталая вѣра. Я вернулся оттуда инымъ человѣкомъ, но своему идеалу я все-таки не измѣнилъ. Мнѣ только стало ясно, что идти къ нему нужно инымъ путемъ, что прежде всего надо быть Русскимъ и дорожить всѣмъ роднымъ, какъ ни кажется оно невзрачнымъ передъ европейскою щеголеватостью. Родного стыдятся одни выскочки, а выскочкой быть стыдно. И когда, возвратясь изъ Сибири, я увидѣлъ, что готовится освобожденіе крестьянъ, что мирно, безъ капли крови совершается то самое дѣло, за которое мы готовы были зажечь бунтъ, я понялъ тоже, какъ сильна въ сравненіи съ нами, самозванными преобразователями, та власть, которую мы хотѣли ниспровергнуть. Каково же мнѣ видѣть, что ты, родной

мой племянникъ, якшаешься съ людьми, которые отряхнули родную пыль со своихъ ногъ, и изъ своего угла, гдѣ они прячутся, силятся поднять народъ на вторую пугачевщину.

Я вспыхнулъ.

— Изъ-за угла, говорите вы? Люди эти, по-вашему, прячутся? Да развѣ вы не знаете, что они всѣ готовы стать грудью за свое дѣло? И сколько ихъ ушло по той дорожкѣ, которая знакома и вамъ!

— Скажи лучше, милый мой, что они вмѣсто себя подсылаютъ наивныхъ мальчиковъ, которые имъ повѣрили и своей шкуры за нихъ не жалѣютъ. Ну, да что толковать. Возьми хоть въ примѣръ своего пріятеля Трухина. Чѣмъ онъ рискуетъ? Убѣжалъ изъ Россіи...

— Еще бы не убѣжать,—перебилъ я дядю,—чего онъ не перенесъ? преслѣдованія, лишенія...

— Да, нечего сказать,—разсмѣялся Михаилъ Петровичъ, — сынъ полуграмотнаго богомаза, получилъ даровое образованіе и полную возможность нажить извѣстность и деньги, лишь бы трудился, какъ слѣдуетъ. Ему бы судьбу благословлять, а онъ себя въ реформаторы произвелъ, да маршъ за границу и здѣсь попрошайствомъ занимается.

— Нѣтъ, дядюшка, вы несправедливы,—протестовалъ я.

— Да, ты самъ-то каковъ, скажи пожалуйста. Ты про какое-то неопредѣленное дѣло толкуешь, а попробуй-ка у тебя спросить, въ чемъ это дѣло состоитъ и какъ за него ты примешься?

— Я вамъ сейчасъ скажу, хоть вы и безъ меня знаете...

— Нѣтъ, уволь, послѣ, успѣешь... Ты вотъ цѣлый мѣсяцъ провелъ въ Венеціи. Хотѣлъ бы я знать не то даже, чѣмъ ты занимался, я вѣдь знаю, что ты не дѣлалъ ровно ничего, а есть ли у тебя хоть какая-нибудь ясная задача впереди, хоть самая простая, заурядная.

Я хотѣлъ возражать, но дядюшка не далъ мнѣ вымолвить ни слова.

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, — сказалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо, — зачѣмъ себя обманывать? Ты просто бьешь баклуши. И въ твои годы это очень извинительно. Не все въ жизни постъ, есть и масляница. Только, воля твоя, надо ужъ откровенно себѣ признаваться, что хочешь балагурить, а не воображать, что какой-то подвигъ совершаешь, когда разсуждаешь съ разными Трухиными за бутылкой вина про всемірную революцію. Видишь что, Сережа: не отъ всякаго требуется, чтобъ онъ былъ непремѣнно серьезнымъ человѣкомъ и трудныя бы задачи выполнялъ. Но одно необходимо: твердо знать, чѣмъ хочешь быть и чѣмъ свою жизнь наполнить, хотя бы даже балагурствомъ. Потому что хуже нѣтъ тѣхъ людей, которые не дѣлаютъ ничего и вѣчно объ этомъ сожалѣютъ, все откладывая на завтрашній день какое-то несбыточное дѣло...

Михаилъ Петровичъ замолчалъ и усѣлся. Я не зналъ, что отвѣтить. Дядя попалъ мнѣ въ самое больное мѣсто, и во мнѣ снова зашевелился внутренній голосъ, не разъ уже упрекавшій меня, что жизнь моя проходитъ даромъ, среди мечтаній о великихъ задачахъ.

— Сережа, спустя минуту вновь заговорилъ Михаилъ Петровичъ, и взглядъ его немедленно поднялся на меня,—главнаго я тебѣ еще не сказалъ. Скажи мнѣ, ты знаешь, что отецъ твой очень плохъ?

— Знаю, да... то-есть знаю по крайней мѣрѣ, что онъ считаетъ себя въ опасности.—Глаза мои невольно опустились.—Онъ писалъ мнѣ два раза, требуя, чтобъ я поскорѣе пріѣхалъ. Его письма вотъ здѣсь.

Я принялся шарить на столѣ, долго не находя писемъ отца. Они затерялись среди кучи газетъ, и волненіе мѣшало мнѣ искать какъ слѣдуетъ.

— И ты все-таки не поѣхалъ! съ укоромъ въ голосѣ проговорилъ Михаилъ Петровичъ, принимая письма изъ моихъ рукъ.

— Я думалъ, что онъ преувеличиваетъ. Да и вотъ, посмотрите, тутъ есть приписка рукой матушки. Она совѣтуетъ мнѣ не торопиться.

Когда я упомянулъ про мать, Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе рукой.

— Она, разумѣется, не вѣритъ, произнесъ онъ сквозь зубы.—А ты, его единственный сынъ, неужели тебѣ все равно, что ты можешь его не застать въ живыхъ? Вѣдь тутъ второе его письмо. Онъ повторилъ свою просьбу. И по одному почерку ты можешь видѣть, какъ слабѣетъ его рука.

Голосъ Михаила Петровича звучалъ все строже. Глаза его пристально въ меня всматривались.

— Но развѣ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что онъ опасно боленъ? Вы знаете его всегдашнюю мнительность...

— Да, такъ говорятъ люди, которые сами себя хотятъ убаюкать. Извиненія всегда найдутся. И коли ты хочешь знать всю правду, Сережа, отецъ твой серьезно боленъ. Я не только думаю это, я это знаю. Онъ мнѣ тоже писалъ.

— Но развѣ имъ тамъ извѣстно, спросилъ я, — что вы здѣсь, въ Венеціи?

Я тутъ же сказалъ дядѣ, что послалъ телеграмму въ Парижъ, полагая что онъ попрежнему тамъ.

— Да, я предупредилъ брата о своемъ пріѣздѣ сюда.

— Такъ почему же для одного меня этотъ пріѣздъ такъ долго оставался тайной?

— Повторяю тебѣ, были на то причины. Теперь я раскаиваюсь въ томъ, что медлилъ такъ долго... Я не далъ бы тебѣ... Ну, да не объ этомъ рѣчь! Въ былые годы ты всегда былъ прямымъ и откровеннымъ, а теперь вотъ, какъ будто, отвиливаешь. Смотри мнѣ прямо въ глаза. Стыдись не меня, а себя самого. Я для того и зашелъ сегодня, чтобы спросить когда ты ѣдешь.

— Я думалъ отправиться дня черезъ два, много три, было моимъ нерѣшительнымъ отвѣтомъ.

— И теперь остаешься при этомъ? Даже послѣ того, что я сказалъ сейчасъ?

Я чувствовалъ, какъ его взглядъ проникаетъ въ самую глубь моихъ мыслей. И я боялся, какъ бы не прочелъ онъ въ нихъ, почему я медлилъ такъ долго.

— Ты и теперь не поѣдешь? повторилъ онъ свой вопросъ.

— Дядюшка, дайте срокъ... Говорю вамъ чрезъ два, много чрезъ три дня. Бываютъ въ жизни такія обстоятельства, когда собой располагать нельзя.

Михаилъ Петровичъ всталъ и посмотрѣлъ на меня почти съ презрѣніемъ,

— Обстоятельства?.. Твой отецъ при смерти, Сергѣй, а тебѣ нельзя оторваться отъ этого города изъ-за какихъ-то...

Голосъ его дрожалъ отъ гнѣва. Это былъ сдержанный и властный гнѣвъ сильнаго человѣка, привыкшаго владѣть собой и требующаго отъ другихъ подчиненія тому долгу, которому слѣдовалъ онъ самъ.

— Я уѣзжаю въ Петербургъ съ вечернимъ поѣздомъ, продолжалъ онъ, — мнѣ, слава Богу, наконецъ позволили вернуться. Я пользуюсь этимъ, чтобы проститься съ братомъ. Такъ говори прямо, Сергѣй, ѣдешь ты со мной?

Горестное чувство возможной разлуки съ отцомъ, разлуки навсегда, желаніе съ нимъ проститься, боролось во мнѣ съ моею любовью къ Вандѣ. Я сознавалъ, что дядя правъ, и въ то же время не было во мнѣ рѣшимости покинуть теперь Ванду.

— Не могу, дядюшка, не могу. Подождите хотя два дня, только два дня, и мы вмѣстѣ поѣдемъ.

Нѣсколько секундъ мы оба молчали. Брови Михаила Петровича сдвинулись, суровое выраженіе на его лицѣ приняло горестный оттѣнокъ.

— Бѣдный ты, слабый мальчикъ! проговорилъ онъ.— И на то даже не хватаетъ въ тебѣ мужества, чтобы мнѣ во всемъ признаться. Скажи, въ чемъ дѣло; что

тебя задерживаетъ здѣсь? Я, можетъ-быть, тебѣ помогу. Вѣдь тутъ женщина замѣшана, отгадать это не трудно, иначе и быть не можетъ.

Я молчалъ. Я зналъ вѣдь, что онъ не пойметъ моего чувства, да не пойметъ и самой Ванды.

— Такъ говори же, признавайся. Или такъ уже въ твоихъ собственныхъ глазахъ постыдна твоя любовь, что ты боишься даже заговорить о ней?

— Нѣтъ, воскликнулъ я.—Меня вы можете осуждать, думайте обо мнѣ, что хотите, но ея но смѣйте касаться.

— Разумѣется, разсмѣялся онъ рѣзко,—она святая, безукоризненная. Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Развѣ ты сталъ бы отъ меня скрывать правду, коли ты самъ бы ея не стыдился. Да, напрасно, я такъ долго къ тебѣ не показывался. Ну, да прошлаго не воротишь... Пожалуй, сохраняй про себя свою тайну. Я вѣдь и безъ того ее знаю.

Я быстро вскинулъ глаза на дядю, но не проронилъ ни слова.

— Я видѣлъ тебя вдвоемъ съ нею неоднократно. Одного я не подозрѣвалъ, что эта несчастная страсть до того овладѣла тобою, что ты изъ-за нея забываешь родного отца.

Мнѣ уже незачѣмъ было скрытничать передъ дядей. Я сказалъ ему, какъ сблизился съ Вандой. Михаилъ Петровичъ меня не перебивалъ; только все сумрачнѣе становилось его лицо.

— Ну, что жъ? — проговорилъ онъ, наконецъ. — Ты собираешься жениться на этой... особѣ, или только заниматься вдвоемъ съ нею разговорами о соціальномъ вопросѣ?

— Дядюшка! зачѣмъ оскорбляете вы меня этими насмѣшками!

— Я не смѣюсь. Мнѣ больно и стыдно за тебя. Вѣдь тебя просто одурачили эти авантюристки.

Я вспыхнулъ.

— Нѣтъ, не возражай,—остановилъ меня дядя. — Я

вѣдь знаю этихъ Козельскихъ, зналъ покойнаго отца твоей Ванды, былъ друженъ съ нимъ въ молодости. Это былъ золотой человѣкъ, только черезчуръ довѣрчивый. Онъ имѣлъ несчастіе встрѣтиться гдѣ-то на водахъ съ своей будущею женой. Его окрутили какъ тебя, и чего онъ, бѣдный, не вынесъ изъ-за своей супруги. Свидѣться мнѣ съ нимъ уже не было суждено, за то за границей общіе друзья мнѣ разсказали, какова была его жизнь. Съ его достойной вдовой я встрѣчался не разъ. Это одна изъ тѣхъ прелестныхъ барынь, которыя, пока онѣ молоды, живутъ на счетъ своихъ поклонниковъ, а потомъ, когда у нихъ выростаютъ дочери...

Далѣе слушать я не былъ въ силахъ.

— Про княгиню,— воскликнулъ я, — вы можете говорить, что хотите. Я самъ знаю, что это за женщина. Но Ванды я не позволю касаться. Чѣмъ она виновата, что у нея такая мать? Именно потому, что она зависитъ отъ этой матери, я хочу, я долженъ ее спасти.

— Нѣтъ, тебя спасти надо, — громовымъ голосомъ воскликнулъ Михаилъ Петровичъ, вставая. — Коли эта дѣвушка въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ такое высокое о ней мнѣніе, зачѣмъ же она такъ усердно помогала матери въ погонѣ за богатыми женихами? А можетъ быть и того хуже...

— Это клевета! — съ негодованіемъ остановилъ я дядю.

— Клевета?.. Я говорю тебѣ, чему самъ былъ свидѣтелемъ... И хоть бы то открыло тебѣ глаза, что твои Козельскія щеголяютъ самозваннымъ титуломъ. Вѣдь ты очень хорошо знаешь, что покойный Козельскій никогда княземъ не былъ.

Я хотѣлъ возразить, но дядя меня перебилъ.

— Посмотримъ-ка лучше, что скажетъ твоя возлюбленная, какъ пойдетъ она съ тобою освобождать угнетенное человѣчество, когда узнаетъ, что у тебя нѣтъ того состоянія, на которое она, конечно, разсчитываетъ.

— Какъ?.. вырвалось у меня.—Мы, конечно, не очень богатые люди, но все-таки...

— Пора тебѣ сказать всю правду, Сережа. Не понимаю, какъ самъ ты до сихъ поръ не догадался. Состояніе наше давно таетъ. Когда я уѣхалъ изъ Петербурга, оно уже было разстроено. Имѣніе заложено, долговъ цѣлая куча... Неужели ты про это не знаешь?

— Какъ же... Родные всегда жили открыто...

— Слишкомъ открыто, Сережа. Твоя мать запутала дѣла. Братъ былъ слабъ и уступчивъ. Я старался какъ могъ, чтобъ остановить семью на наклонной плоскости, но послѣ моего отъѣзда ужъ некому было защищать родное наслѣдство. Я сдѣлалъ большую глупость, не раздѣлившись съ братомъ. Но я сдѣлалъ это, чтобы не разстраивать имѣніи. По крайней мѣрѣ половина бы для тебя уцѣлѣла.

У меня опустились руки.

— Да, какъ же... пробормоталъ я. — Когда я отправился въ дорогу, мать дала мнѣ порядочную сумму и не заикнулась даже о бережливости.

— Кто знаетъ еще, что это были за деньги,—какъ бы про себя проговорилъ Михаилъ Петровичъ. — Отъ тебя считали нужнымъ скрывать правду, оттого, можетъ-быть, тебя и снарядили за границу. Твоя мать умная женщина, но у нея непонятное какое-то сумасшедшее ослѣпленіе насчетъ всего, что касается денегъ. Ты, можетъ-быть, не вѣришь моимъ словамъ, такъ вотъ прочти это письмо твоего отца. Я получилъ его вчера.

Онъ досталъ изъ кармана конвертъ и подалъ мнѣ. Отецъ говорилъ, что его мучитъ сознаніе своего безсилія справиться съ дѣлами. „Я не знаю даже, писалъ онъ между прочимъ, останется ли что для Сережи. Мы ищемъ денегъ подъ вторую закладную на тамбовскую деревню, а то не даютъ покоя съ векселями. Выпутаемся ли мы, Богъ вѣсть. Можетъ-быть ты, Миша, найдешь средство, когда пріѣдешь. На тебя одна надежда. А какъ

я только подумаю, что за цѣлый годъ не выслалъ тебѣ ни копейки...

— Какъ?—вырвалось у меня,—они оставили васъ за границей безъ денегъ?

— Обо мнѣ не безпокойся,—хладнокровно отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ.—Я нашелъ средство кое-какъ прожить. И вотъ почему я теперь въ домѣ моего пріятеля, графа Р.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ у него домашнимъ учителемъ?

— Не то чтобы учителемъ,—отвѣтилъ дядя,—графъ мой давнишній пріятель. Онъ, ты знаешь, женатъ на русской. Ну, такъ онъ и просилъ меня у него поселиться. Только я на чужихъ хлѣбахъ жить не привыкъ и предложилъ ему заниматься съ его мальчиками.

— И вы живете на жалованье...

Чувство стыда охватило меня при мысли, что дядя доведенъ былъ до этого, благодаря моей матери.

— Отъ самого графа лично я не получаю ничего,—сказалъ Михаилъ Петровичъ.—Но онъ доставилъ мнѣ мѣсто въ одномъ акціонерномъ обществѣ, гдѣ онъ состоитъ директоромъ.

Михаилъ Петровичъ нѣсколько разъ крупными шагами прошелся по комнатѣ.

— Да, батенька, пришлось на старости лѣтъ хлѣбъ зарабатывать. Правда, не особенно тяжелый... И, знаешь, оно даже иногда пріятно, чувствуешь, что всѣмъ одному себѣ обязанъ. Говорятъ, будто съ непривычки тяжело; пустяки.

Я стоялъ опершись о столъ и весь погруженный въ невеселыя мысли.

— Чего ты голову повѣсилъ? — остановился предо мною дядя.—Нечего падать духомъ, Сережа, когда отъ тебя зависитъ своимъ трудомъ поправить дѣло. Имѣніе пока изъ нашихъ рукъ не вышло. Съ Божіею помощью мы его отстоимъ и долги выплатимъ. Правда, для этого поработать придется. Но что за бѣда! Молодому чело-

вѣку, какъ ты вотъ, трудность задачи должна бы поддать бодрости...

— Хорошая задача, — глухо отвѣтилъ я. — Лучшіе свои годы отдать на то, чтобы выколачивать лишнюю копѣйку изъ раззореннаго имѣнія...

— А человѣчество по-твоему освобождать легче, — разсмѣялся дядя.—Отстаивать родное наслѣдство, чтобы не попало оно въ лапы какого-нибудь мошенника купца, это честное дѣло и стыдиться его незачѣмъ. Скажи лучше, что тебя кропотливая работа пугаетъ.

На самомъ дѣлѣ меня пугала не работа. Я про нее вовсе и не думалъ. Голова моя занята была мыслью— что станется со мною и съ Вандой, когда я признаюсь княгинѣ, что состоянія у меня уже нѣтъ. Ванда, изъза этого, конечно, не измѣнитъ своему слову, но согласится ли она пойти за меня вопреки своей матери. А не сказать имъ правды—нельзя.

Я передалъ дядѣ про свою встрѣчу съ Вандой въ соборѣ.

Глаза Михаила Петровича заблестѣли.

— Ага, братъ! — воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ,—добрался ты, наконецъ, до настоящей сути дѣла. Я такъ и зналъ, что корень твоего романа всетаки деньги и только деньги.

— Да, въ глазахъ княгини,—возразилъ я.

— Ну, это покажетъ намъ ближайшее будущее. Мнѣ сильно сдается, что твоя героиня благоразумно совершитъ поворотъ въ сторону венгерца, когда ты ей объяснишь, что васъ впереди ожидаетъ не Парижъ и Баденъ-Баденъ, а тамбовская деревня. И знаешь что? Ты говоришь, черезъ два дня все должно рѣшиться. Ну, такъ я останусь здѣсь эти два дня. Хоть я и увѣренъ въ развязкѣ, все-таки, кто знаетъ? можетъ-быть и придется тебя во время предостеречь отъ какой-нибудь отчаянной глупости. Братъ проститъ мнѣ, что я заставлю его себя дожидаться.

10 ноября.

Сегодня утромъ я получилъ записку отъ Ванды. Она проситъ меня быть завтра утромъ въ десять часовъ на условленномъ мѣстѣ нашихъ свиданій во Дворцѣ Дожей. Ей надо переговорить со мной. А пока мнѣ не слѣдуетъ къ нимъ заходить: Ванда еще не успѣла уговорить мать. Но повидимому есть полная надежда на успѣхъ. Письмо заканчивается такъ мило и сердечно, что я почти забылъ свои вчерашнія тревоги. Ванда еще разъ повторяетъ, что она моя навсегда, что я долженъ ей вѣрить. „До свиданья",—говорила она, — „съ какимъ нетерпѣніемъ жду я завтрашняго утра".

Весь этотъ день я провелъ съ дядюшкой. Съ ранняго утра онъ перебрался ко мнѣ. Бѣдный дядя! Вчера его слова вызвали у меня негодующее чувство. Но теперь я уже не могу сѣтовать на него. Я знаю, какъ онъ меня любитъ. Сама эта преданность не даетъ ему здраво и просто глядѣть на вещи. Дядя состарился. Во всемъ это замѣтно, и въ перемѣнѣ его политическихъ взглядовъ, и въ холодномъ недовѣріи, съ которымъ онъ смотритъ на мою любовь къ Вандѣ. Ему скоро минетъ шестьдесятъ. А въ такіе года плохо понимаешь молодую любовь, поневолѣ отдаешься старческой подозрительности.

Мнѣ сильно хотѣлось пространно объясниться съ дядей насчетъ нашихъ взглядовъ, которые теперь разошлись такъ далеко. Въ сущности корни нашихъ убѣжденій вѣдь одни и тѣ же, и раздѣляютъ насъ съ дядей не принципы, а года.

Я постарался высказать это уступчиво и мягко.

— Вѣдь мы, дядюшка, то-есть молодое поколѣніе,— такъ закончилъ я,—не что иное какъ ваши преемники. Увеличился только запасъ опыта и знаній.

— Другими словами,—улыбаясь отвѣтилъ Михаилъ Петровичъ,—вы умнѣе насъ, потому что знаете больше. По-твоему вотъ и вся разница.

— А по-вашему будетъ не такъ?

— Къ сожалѣнію, не совсѣмъ. Мы тоже были молоды, увлекались, шли ощупью къ не совсѣмъ ясной цѣли. Это, конечно, дѣло возраста. И съ каждымъ новымъ поколѣніемъ будетъ вѣчно повторяться то же. Но когда мы шли на ломку существующихъ порядковъ, одно по крайней мѣрѣ для насъ было незыблемо и ясно—тотъ идеалъ, во имя котораго мы дѣйствовали.

— А у насъ, вы думаете, такого идеала нѣтъ?

— Позволь, не перебивай. Съ годами наше поколѣніе остепенилось; пожалуй даже охладѣло немножко, какъ остепенится и охладѣетъ со временемъ и ваше. Только одно у насъ все-таки осталось: живое чувство любви къ людямъ. Эту любовь мы перенесли съ отвлеченнаго человѣчества къ нашему русскому народу, которому мы служить будемъ по гробъ. А вы живыхъ дѣйствительныхъ людей готовы принести въ жертву отвлеченности. Любовь-то у васъ осталась только на языкѣ, какъ пустая фраза. А у насъ, когда мы шли ощупью, были зажженные свѣтильники въ рукахъ, а вы эти свѣтильники загасили, потому что по-вашему этой вѣры вовсе не нужно, да и идеала никакого не существуетъ.

— Эхъ, дядюшка, это старая пѣсня! Неужели вы думаете, что разныя туманныя слова, въ родѣ тѣхъ вотъ, что вы сейчасъ приводили, служатъ лучшею поддержкой, чѣмъ положительное знаніе? Мы знаемъ, что рая не можетъ быть на землѣ, потому что его нѣтъ и на небѣ. Мы больше вѣримъ въ статистику, чѣмъ въ Провидѣніе; это, положимъ, такъ. Но развѣ мы оттого менѣе способны на самопожертвованіе?

— Да ради чего же вы будете собою жертвовать? Для того, чтобы какой-нибудь ученый нѣмецъ со временемъ замѣтилъ, что статистическія цифры перемѣнились къ лучшему? Вы подрѣзали у себя крылья и хотите летѣть. Для перваго взмаха васъ, положимъ, и хватитъ, а потомъ каждый изъ васъ поодиночкѣ и разсудитъ, что глупо жертвовать собой для крошечной

пользы такихъ же недолговѣчныхъ существъ, какъ вы сами; что когда отъ васъ, да ото всѣхъ вашихъ подвиговъ останется прахъ одинъ, вамъ никто за это даже не скажетъ спасибо. И въ концѣ концовъ всѣ вы разбредетесь туда, гдѣ живется повыгоднѣе, кто въ акціонерную компанію, кто въ адвокатуру, кто въ промышленное предпріятіе, словомъ, туда, гдѣ есть чѣмъ поживиться.

Я постарался какъ можно точнѣе записать слова дяди. И теперь мнѣ сдается, что пожалуй дядя и не совсѣмъ неправъ. Вѣдь, чего грѣха таить, за послѣднее время развѣ я думалъ о высокихъ безкорыстныхъ задачахъ, развѣ не мечталъ объ одномъ личномъ счастіи? А это развѣ въ сущности не тотъ же эгоизмъ?

11 ноября.

Свиданіе съ Вандой оставило во мнѣ смутное чувство недовольства и ею, и мною самимъ. Въ первыя минуты нашей встрѣчи я отдался радостному чувству. Она протянула мнѣ руку и сообщила мнѣ добрую вѣсть: княгиня наконецъ согласилась и повидимому всѣ препятствія устранены. Не малаго труда стоило Вандѣ уговорить мать. Княгиня долго не рѣшалась нарушить слово, данное графу, но мольбы и настоянія дочери побѣдили ея упорство. Я осыпалъ Ванду выраженіями живой благодарности. Но и тутъ, къ этой первой вспышкѣ радости примѣшивалось сознаніе, что все-таки Ванда ни за что бы не согласилась изъ-за нашей любви вступить въ открытую борьбу съ матерью и стать моею женой безъ ея согласія. А развѣ я могъ быть увѣренъ, что согласіе это не будетъ взято назадъ, когда княгиня узнаетъ, что обстоятельства перемѣнились, и я уже не обладаю тѣми средствами, на которыя она, конечно, разсчитываетъ. А не признаться въ этомъ передъ Вандой и ея матерью я не могъ: въ моихъ глазахъ это было бы недостойнымъ обманомъ. Я медлилъ однако этимъ признаніемъ. Мнѣ хотѣлось продлить хотя бы на нѣсколько мгновеній полную увѣренность въ своемъ близкомъ сча-

стіи. Мы долго толковали съ Вандой про нашу предстоявшую короткую разлуку и про то, какъ мы свидимся черезъ мѣсяцъ или два. Узнавъ, что отецъ мой опасно боленъ, она и не думала меня удерживать. Самымъ близкимъ сочувствіемъ къ моему семейному горю звучали ея слова. Рѣшено было, что въ январѣ я пріѣду въ Парижъ, гдѣ княгиня думаетъ провести зиму. Можетъ быть, утѣшала меня Ванда, здоровье моего отца къ этому времени поправится. Каковъ бы ни былъ исходъ, я обѣщалъ ей пріѣхать не позже конца января. Въ февралѣ будетъ наша свадьба, къ этому времени мы успѣемъ уладить всѣ формальныя затрудненія, а тамъ къ началу весны мы съ нею уѣдемъ въ Италію. И счастіе наше покажется намъ еще полнѣе и лучше подъ яркимъ сіяніемъ итальянскаго весенняго неба.

Но, говоря это, я чувствовалъ, что обманываю себя, что все это, пожалуй, однѣ несбыточныя мечты. Надо было сказать ей всю правду. И вотъ бережно, какъ бы пугаясь своихъ словъ, я признался ей, что всѣ эти планы, можетъ быть придется измѣнить, потому что ко мнѣ пришли изъ Россіи недобрыя вѣсти о серьезныхъ денежныхъ затрудненіяхъ—конечно временныхъ, добавилъ я съ какою-то глупою робостью.

— Что-жъ изъ этого?—спокойно отвѣтила Ванда.— Вѣдь я знаю, ты очень богатъ. Все это уладится. А если на первыхъ порахъ намъ придется жить скромно, что за бѣда! Ты увидишь, какъ я умѣю быть бережливою и довольствоваться немногимъ.

Очаровательная улыбка подтверждала эти слова.

— Въ томъ-то и дѣло, Ванда, что я далеко не богатъ. Что... дѣла моей семьи запутаны до крайности... Ну, словомъ, я узналъ, что мы почти разорены. И отказывать себѣ во многомъ придется не только на первыхъ порахъ. Я боюсь даже, Ванда, какъ бы всѣ эти планы о путешествіи не оказались совершенно неисполнимы. Я долженъ буду увезти тебя съ собой въ Россію и даже не въ Петербургъ, а въ нашу деревню.

Глаза Ванды широко раскрылись. Она глядѣла на меня съ недоумѣніемъ, она не поняла даже моихъ словъ.

— Ты мнѣ про это никогда не говорилъ,—промолвила она, спустя нѣсколько времени. И странная перемѣна мнѣ почудилась въ ея голосѣ.

— Я узналъ это вчера только.

Я передалъ ей свой разговоръ съ Михаиломъ Петровичемъ, чувствуя себя совершенно виновнымъ передъ нею. Она слушала молча, какъ бы собираясь съ мыслями, темныя ея брови чуть-чуть сдвинулись.

— Ну что же, мой милый!—заговорила вдругъ она весело.—Надо съ этимъ помириться. Я вижу, ты принялъ это дурное извѣстіе съ твердостью. Я тоже сумѣю подчиниться необходимости. Ты не услышишь отъ меня ни слова ропота. Мы отлично заживемъ и въ деревнѣ.

И Ванда въ какомъ-то порывѣ оживленія набросала цѣлую картину нашей будущей деревенской жизни. Мнѣ чудилось, однако, что она принуждаетъ себя казаться веселою, что въ словахъ ея звучитъ словно какая-то неискренность.

— Я въ тебѣ увѣренъ,—отвѣтилъ я, пожимая ея руку.—Ты сумѣешь перенести даже скуку деревни. Но что скажетъ твоя мать? Вѣдь я обѣщалъ тебѣ устроить ея дѣла, а теперь это будетъ едва ли возможно. Вѣдь придется ей сказать всю правду.

Я ожидалъ отвѣта Ванды какъ своего приговора. Она опять промолчала нѣсколько секундъ, и брови ея сдвинулись еще замѣтнѣе.

— Какъ хочешь! Это твое дѣло,—проговорила она.

— Конечно, придется ей все сказать, повторилъ я.— На обманъ я не пойду ни за что.

И вдругъ я понялъ, что моя надежда на самомъ дѣлѣ разбита и что обмѣниваемся мы этими словами только для виду, какъ бы желая скрыть другъ отъ друга охватившее насъ сознаніе, что все между нами кончено.

— Да,—настаивалъ я,—надо все сказать княгинѣ. Возьми это, пожалуйста, на себя. Завтра въ часъ я буду у твоей матери для окончательнаго объясненія. Ты на это согласна.

— Я на все согласна,—отвѣтила она и тутъ же поднялась съ мѣста.

Я всталъ тоже.

— А если твоя мать...—проговорилъ я нерѣшительно, если она теперь... мнѣ откажетъ?—Я сказалъ это, какъ будто во мнѣ оставалась надежда.

— Ты уже знаешь, что противъ ея воли я не пойду.

Она протянула мнѣ руку. Мнѣ страннымъ показалось, что она теперь какъ будто торопится уйти. „Но вѣдь это такъ и слѣдуетъ; это въ порядкѣ вещей", въ то же время говорилъ во мнѣ внутренній голосъ. Я выпустилъ ея руку изъ своей, едва пожимая ея пальцы.

— Итакъ, завтра я буду у твоей матери,—сказалъ я еще разъ.

Мы разстались. Дома я засталъ дядю. По моему разстроенному лицу онъ тотчасъ понялъ, что меня постигло разочарованіе. Мнѣ уже не зачѣмъ было скрытничать передъ нимъ. Я отъ слова до слова повторилъ ему весь свой разговоръ съ Вандой. Онъ слушалъ меня, грустно покачивая головой, хотя можетъ-быть мой разсказъ его и обрадовалъ; все вѣдь случилось именно, какъ онъ предсказалъ. Но какъ разъ то мягкое выраженіе, какое я прочелъ на его лицѣ, еще болѣе подтвердило мнѣ, что надѣяться уже нечего.

— Что-жъ ты намѣренъ теперь дѣлать?—спросилъ онъ съ участіемъ.

— Завтра я пойду къ княгинѣ, а съ вечернимъ поѣздомъ мы уѣдемъ. И если... все удалится, если княгиня не возьметъ назадъ своего согласія...

Я зналъ, что говорю вопреки собственному убѣжденію. Но я все еще тѣшилъ себя этими словами, такъ мало отвѣчавшими дѣйствительности.

— Бѣдный мой мальчикъ!—тихо проговорилъ Михаилъ Петровичъ.—У меня духу не достаетъ осуждать тебя. Я знаю, ты на иное разсчитывалъ: ты хотѣлъ, чтобы Ванда вышла за тебя, не послушавшись матери. И ты этого добиваешься, не зная даже, на что вы будете жить.

— Деньги и все деньги!—пробормоталъ я сквозь зубы. — Вотъ къ чему сводятся всѣ ваши разумные доводы.

— Тебѣ противно это слышать, конечно. Тебѣ хотѣлось бы закрыть глаза передъ дѣйствительностью и безъ гроша въ карманѣ связать себя на вѣки, да и ее тоже.

— Да она же мнѣ говорила, что трудовая жизнь ей не страшна!

— Трудовая жизнь! А ты потрудился ли подумать, въ чемъ будетъ заключаться этотъ пресловутый трудъ? Предъ тобой онъ, положимъ, есть, но про этотъ трудъ ты не хочешь и слышать. Есть у тебя опредѣленная задача, работать у себя дома, отвоевать назадъ родное достояніе. Тебѣ это кажется мелкимъ, зауряднымъ. Конечно, легче мечтать о какомъ-то неопредѣленномъ трудѣ, никогда за него не принимаясь. Но когда твоей семьѣ грозитъ нищета, пора бросить пустыя мечты и посмотрѣть дѣйствительности въ суровые глаза... Скажи пожалуйста, у тебя много осталось денегъ?

Я отвѣтилъ не тотчасъ. Мнѣ не хотѣлось сказать дядѣ про три тысячи франковъ, такъ легкомысленно отданныхъ мною княгинѣ. Какъ бы пригодились мнѣ теперь эти деньги!

— На дорогу въ Петербургъ, я думаю, достанетъ,— проговорилъ я уклончиво.

Это была неправда. Расплатившись съ гостинницей, я былъ бы поставленъ въ невозможность поѣхать въ Петербургъ.

— Достало бы на дорогу!—горько разсмѣялся дядя.— А ты собирался повезти съ собою эту избалованную

барышню. Ахъ, Сережа, Сережа! Такого легкомыслія я отъ тебя не ожидалъ. По счастію, еще у меня найдутся кое-какія деньжонки. Полно, братъ! Опомнись! Ты не ребенокъ.

Съ этими словами Михаилъ Петровичъ вышелъ. Я сознавалъ, что предо мною словно выросла какая-то стѣна и не проломить мнѣ ее ни за что. И все-таки я не хотѣлъ разставаться съ упорною надеждой. Положимъ, надо будетъ отсрочить ея осуществленіе, но будущее остается за мной. Ванда мнѣ дала слово...

12 ноября 3 часа пополудни.

Мы уѣзжаемъ съ вечернимъ поѣздомъ. Спѣшу записать что было сегодня. Жизнь моя теперь идетъ такъ быстро, что нѣтъ времени передохнуть.

Два часа назадъ я былъ у княгини. Въ домѣ царствовалъ какой-то странный безпорядокъ. Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ валялись клочки газетной бумаги; въ проходной залѣ стоялъ чемоданъ; словомъ, видны были приготовленія къ отъѣзду. Я разспросилъ объ этомъ служанку. Та мнѣ отвѣтила, что никакихъ распоряженій не сдѣлано, и про отъѣздъ ей ничего неизвѣстно.

Княгиня сидѣла на бархатномъ креслѣ съ высокою рѣзною спинкой, слегка похожемъ на тронъ. Лицо ея обнаруживало слѣды волненія. На щекахъ выступили красноватыя пятна, а глаза блестѣли недобрымъ блескомъ. Видно было, что у княгини только-что происходило довольно бурное объясненіе. Она холодно кивнула мнѣ головой и протянула мнѣ кончики пальцевъ, которыхъ я едва коснулся. Потомъ она небрежнымъ движеніемъ руки показала мнѣ на стулъ. Эти попытки на торжественную представительность поразили меня своимъ комизмомъ. Я невольно вспомнилъ, какъ эта самая женщина недавно еще лебезила и унижалась предо мной, когда ей хотѣлось занять у меня денегъ. Но мнѣ было не до смѣху. Какъ ни презиралъ я княгиню, я зналъ, что отъ нея зависѣла моя судьба.

— Дочь передала мнѣ,—заговорила мать Ванды,—что вы просили ея руки. Я нахожу нѣсколько страннымъ, что вы за этимъ обратились прямо къ ней, помимо меня, ея матери.

— Княжна дала мнѣ поводъ,—отвѣтилъ я, стараясь казаться смиреннымъ,—надѣяться на ваше согласіе.

Красныя пятна ярче прежняго выступили на лицѣ княгини. Она съ явнымъ трудомъ сдерживала свой гнѣвъ.

— Я не знаю, что сказала вамъ дочь. Во всякомъ случаѣ она не имѣетъ права располагать собой. Прежде чѣмъ отвѣтить вамъ, я должна въ свою очередь спросить у васъ: какими средствами къ жизни вы располагаете? Покойный мужъ былъ когда-то знакомъ съ вашимъ семействомъ, но для меня лично вы совершенно чужой. И я, признаюсь, не ожидала, что у васъ достанетъ смѣлости заговорить о свадьбѣ послѣ такого мимолетнаго и случайнаго знакомства.

Отправляясь къ княгинѣ я заранѣе рѣшилъ, что буду держаться съ ней самаго примирительнаго тона.

— Радушіе,—отвѣтилъ я,—съ которымъ я былъ принятъ вами, княгиня, дало мнѣ, кажется, право...

— Все это очень хорошо,—перебила она нетерпѣливо.—Но прежде всего я желаю въ точности знать: каково ваше общественное положеніе. Предупреждаю васъ, что я намѣрена распросить объ этомъ подробно черезъ своихъ друзей. Вы—русскій, а въ Россіи такіе странные порядки, да и я совсѣмъ не знаю петербургскаго общества. Мало ли кто можетъ выдавать себя за богатато и знатнаго русскаго...

— Я признаю ваше право собирать на мой счетъ эти справки,—отвѣтилъ я все также смиренно, какъ бы не примѣчая оскорбительнаго смысла ея словъ.

— Такъ потрудитесь же отвѣтить на мой вопросъ. Ставлю вамъ его, какъ честному человѣку. Я своей дочери приданаго дать не могу.

— Ни на какое приданое я и не разсчитывалъ, княгиня, живо—возразилъ я.

— Это очень благородно съ вашей стороны,—иронически замѣтила княгиня.—Но на мой вопросъ вы все-таки не отвѣчаете. Моя дочь съ дѣтства привыкла къ извѣстной обстановкѣ, и я желаю знать, можете ли вы ей обезпечить такую обстановку.

— Къ сожалѣнію, я долженъ вамъ признаться, княгиня, что я далеко не богатъ. У моего отца есть, правда, довольно большое имѣніе въ Тамбовской губерніи, но дѣла его запутаны, и на первыхъ порахъ мнѣ придется довольствоваться очень немногимъ.

— Другими словами,—захохотала княгиня,—у васъ ровно ничего нѣтъ. Вы по крайней мѣрѣ откровенны. Но, въ такомъ случаѣ, я не понимаю, какъ вы себѣ позволили...

Я почувствовалъ, какъ кровь у меня приливаетъ къ лицу. Терпѣніе мое истощалось.

— Во-первыхъ,—остановилъ я княгиню,—обстоятельство это мнѣ стало извѣстно только два дня тому назадъ; во-вторыхъ я попросилъ вашу дочь вамъ передать...

Княгиня болѣе не захотѣла слушать.

— Вы просили мою дочь! Какъ будто это извиненіе? И вы говорите, что только третьяго дня узнали, что у васъ нѣтъ состоянія, что вы, говоря по-просту, нищій. Ха... ха!.. это прелестно.

Далѣе я сдерживаться не могъ.

— Княгиня, вы забываетесь!—воскликнулъ я вставая.

Она встала тоже.

— Нѣтъ, забываетесь вы!—сказала она съ гнѣвно сверкающими глазами.—Да какъ вы посмѣли даже и помыслить о рукѣ моей дочери, когда у васъ даже нѣтъ обезпеченнаго куска хлѣба? Вы воспользовались тѣмъ, что я приняла васъ къ себѣ въ домъ, чтобы за моею спиной ухаживать за моею дочерью, зная очень хорошо, что мнѣ прямо о своихъ намѣреніяхъ вы заикнуться не посмѣли бы.

Безстыдство этой женщины переходило всякія гра-

ницы. Но я все-таки не захотѣлъ ей отвѣтить, какъ она того заслуживала. Я уважалъ въ ней мать любимой мною дѣвушки.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, княгиня,—возразилъ я, отходя къ двери,—что вамъ угодно было допустить установившуюся между нами короткость...

Я могъ бы напомнить и иное, упомянуть про деньги, взятыя ею у меня, но мнѣ несказанно претило, даже въ виду моего стѣсненнаго положенія, впутывать денежные разсчеты въ вопросъ, касавшійся счастья цѣлой моей жизни.

— Я допустила?.. И вы имѣете наглость этимъ хвалиться. Вы думаете, я стала бы принимать голыша подобнаго вамъ, если бы вы не наговорили мнѣ разныхъ небылицъ про свое общественное положеніе?

Голосъ ея становился все громче. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію ко мнѣ, но я счелъ за лучшее прекратить это тяжелое объясненіе.

— Я не желаю безпокоить васъ долѣе, княгиня,—сказалъ я съ притворнымъ спокойствіемъ, и поклонившись ей, вышелъ изъ комнаты.

Но едва отвернулся я отъ княгини, горькое чувство мнѣ сдавило горло. Это было не чувство вынесенной обиды: я слишкомъ презиралъ эту женщину, чтобъ оскорбляться ея недостойными выходками; я сознавалъ, что оборвалась послѣдняя нить, за которую я могъ еще ухватиться. Вѣдь наканунѣ еще Ванда объявила мнѣ, что не рѣшится идти на перекоръ матери. И сегодня ея не было тутъ. Она оставила меня вдвоемъ съ княгиней. Я надѣялся, что она встрѣтитъ меня у выхода на лѣстницу, скажетъ мнѣ хотя нѣсколько задушевныхъ словъ, чтобы смягчить впечатлѣніе тяжелой сцены, чрезъ которую я долженъ былъ пройти... А вѣдь она не могла не знать, что таковъ именно будетъ исходъ моего объясненія съ княгиней. Но я тщетно искалъ Ванду глазами. Она не показывалась. И что значили эти приготовленія къ отъѣзду?

У себя въ комнатѣ я засталъ Михаила Петровича сильно встревоженнымъ. Онъ подалъ мнѣ только-что вскрытую имъ телеграмму моей матери. Вотъ каково было ея содержаніе:

„Твой отецъ при смерти. Пріѣзжай немедленно. Ирина Градищева“.

Я бросился на шею къ дядѣ. Грустная вѣсть про отца на время стерла даже гнетущее впечатлѣніе, только-что вынесенное мною изъ дома княгини.

Надо было однако все приготовить къ отъѣзду. Какъ скоро узнали въ гостинницѣ, что я покидаю Венецію, явились, какъ водится, разные счета, про которые я совсѣмъ и позабылъ. Оказалось, что моихъ денегъ едва достало, чтобы расплатиться. Пришлось въ этомъ поневолѣ признаться Михаилу Петровичу. Онъ пожурилъ меня, но тутъ же взялся помочь бѣдѣ и досталъ изъ бумажника нѣсколько разноцвѣтныхъ ассигнацій.

— Вотъ тебѣ восемьсотъ франковъ,—сказалъ онъ.— Я думаю, на дорогу этого хватитъ, даже съ нѣкоторымъ лишкомъ. А вѣдь хорошо, братъ, что я подвернулся и оказываюсь не такимъ мотомъ, какъ ты. Что бы мы иначе сдѣлали, а?

Не знаю, что громче заговорило во мнѣ, стыдъ или благодарность, когда я получилъ отъ Михаила Петровича эти деньги.

— Но хотѣлъ бы я знать,—продолжалъ онъ,—куда ты свои денежки ухлопалъ? Самъ ты мнѣ говорилъ, что тебя снабдили изъ Петербурга порядочнымъ кушемъ. Ужъ не повеликодушничалъ ли ты, и не далъ ли взаймы этой самозванной княгинѣ?

Пришлось сказать дядѣ и про три тысячи франковъ, перешедшихъ, конечно, навсегда въ руки г-жи Козельской. Вспомнивъ про это, я тутъ же передалъ Михаилу Петровичу и сегодняшнюю сцену съ княгиней. На этотъ разъ дядя, странное дѣло, не отозвался на мое негодованіе. Мнѣ показалось даже, что его глаза словно заискрились. Его какъ будто радовало, что между Козель-

скими и мной произошелъ такой безповоротный разрывъ.

— Любезный другъ, — и говоря это, онъ ударилъ меня по плечу, — надѣюсь, ты не станешь хныкать и перенесешь это какъ подобаетъ мужчинѣ. И пожалуй даже ты судьбѣ за это скажешь когда-нибудь спасибо. Иного и не такъ треплетъ жизнь. По крайней мѣрѣ, ты сжегъ свои корабли, хоть и не совсѣмъ добровольно, и вернешься въ Россію съ головой свободною отъ всего этого чада.

Михаилъ Петровичъ вышелъ, объявивъ, что вернется къ обѣду. А я дописываю эти строки, чтобы поскорѣе схоронить въ своей тетради все это прошлое. Да, теперь ужъ безвозвратно прошлое! И надо оторваться отъ него и сердцемъ и памятью. Иначе, оно все будетъ ныть, какъ плохо зажившая рана.

9 часовъ вечера.

Все вдругъ перемѣнилось. Жизнь моя опять круто повернула въ другую сторону. Вотъ какъ это произошло. Въ пять часовъ—я давно уже закрылъ эту тетрадь и принялся укладывать свои вещи—ко мнѣ постучались въ дверь. Я отворилъ, мнѣ подали письмо. Я тотчасъ узналъ почеркъ Ванды. Какъ нарочно, слуга, вошедшій съ письмомъ, долго не уходилъ, надоѣдая мнѣ разспросами насчетъ предстоящаго отъѣзда. При немъ я не хотѣлъ вскрыть письма. Потомъ, когда я отъ него отдѣлался, сильно отсырѣвшія спички упорно не загорались. Было ужъ слишкомъ темно, чтобы читать безъ огня. Но вотъ, наконецъ, зажжена свѣчка, и дрожащими отъ волненія пальцами я вскрываю конвертъ. Вотъ что писала Ванда: „Ты, конечно, негодуешь на меня. Обвиняешь твою Ванду въ безсердечіи, даже въ измѣнѣ. И ты имѣешь право; но выслушай. Я знаю, что происходило у тебя съ матерью сегодня. Скажу болѣе, я предвидѣла, что такъ случится. Отчего же тогда, спросишь ты, я хотѣла, чтобы ты видѣлся съ матерью? Да просто потому, что надо было испробовать всѣ средства. Мо-

жетъ-быть, думала я, мнѣ все-таки удастся склонить матушку въ нашу пользу. Это была, конечно, пустая мечта, но обвинять меня за нее ты не станешь. И теперь я, наконецъ, рѣшилась на то, про что прежде не хотѣла и слышать. У меня было сегодня утромъ длинное объясненіе съ матерью. Потомъ, когда ты ушелъ, она позвала меня и повторила мнѣ весь вашъ разговоръ. Я убѣдилась, что надежды нѣтъ ужъ никакой. Но теперь и во мнѣ окрѣпла рѣшимость не уступать. Я сдержу данное тебѣ слово, что бы ни случилось. Я могла бы тебѣ сказать это въ ту минуту, когда ты выходилъ изъ кабинета матери; но я не захотѣла тогда повидаться съ тобою, чтобы не возбудить ея подозрѣнія. Теперь вотъ о чемъ я тебя прошу. Приходи въ половинѣ одиннадцатаго на Славянскую набережную. Умоляю тебя исполнить мою просьбу. Я буду тамъ, и мы обо всемъ переговоримъ и условимся. Намъ медлить нельзя. Матушка собирается уѣхать отсюда. Она можетъ-быть завтра же захочетъ меня увезти. Прости меня, довѣрься мнѣ еще разъ, и приходи. Я придумаю какой-нибудь предлогъ, чтобы выйти изъ дома. Пойми это, намъ свидѣться необходимо. Все наше будущее отъ этого зависитъ. Можетъ-быть для меня останется одно только средство ко спасенію, то самое, которое ты мнѣ предлагалъ, и котораго я тогда не хотѣла. И такъ, до свиданія! Надѣюсь, ты сдѣлаешь то, о чемъ я тебя прошу. Но если бы ты даже этого не сдѣлалъ, знай одно—я навсегда твоя. Еще разъ до свиданія“.

„*Ванда*“.

Вся комната закружилась предо мной. Надо было рѣшиться и рѣшиться немедленно. Поѣздъ, съ которымъ мы должны ѣхать, уходитъ черезъ часъ. Каждую минуту сюда можетъ войти Михаилъ Петровичъ. Всего нѣсколько мгновеній меня отдѣляютъ отъ безповоротнаго шага, послѣ котораго, можетъ-быть, наступитъ долгое, мучительное раскаяніе. Вѣдь пойти туда, по-

слушаться ея зова—это значитъ бросить отца, можетъ-быть никогда не увидать семью. Но, развѣ я могу не идти? Развѣ я даже колебался, хотя бы на одинъ мигъ, когда прочелъ ея письмо? Она меня любитъ. Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Довѣріемъ и любовью дышетъ каждая ея строка. И я обману это довѣріе! брошу ее! уѣду, не простившись! Вся кровь моя приходитъ въ волненіе при одной этой мысли. Пусть осудитъ меня тотъ, къ кому любимая женщина взывала о помощи, и кто отвернулся отъ нея въ такую минуту. Я этого сдѣлать не въ силахъ. Я знаю, что это гадко, низко. Я обманываю дядю, который только-что изъ своихъ скудныхъ средствъ удѣлилъ мнѣ деньги на дорогу. И эти самыя деньги, можетъ-быть, пойдутъ теперь на иное... И я спѣшу, чтобы дядя меня здѣсь не засталъ; я сознаю всю отвратительную низость своего поступка, но иначе я поступить не могу. Я набросалъ карандашемъ нѣсколько словъ для Михаила Петровича. Готовясь выйти изъ комнаты, я бросилъ бѣглый взглядъ на Palazzo Cornarini. Въ окнахъ не было свѣта; старинный домъ словно уснулъ среди ночной тьмы.

13 ноября.

Прошлая ночь едва ли когда-нибудь изгладится изъ моей памяти. А между тѣмъ я не смогу теперь въ порядкѣ изложить здѣсь всего, что случилось въ эту злополучную ночь. Въ головѣ у меня какая-то пустота, и въ этой пустотѣ словно кружатся клочки неясныхъ впечатлѣній. Ни одной мысли не въ силахъ я додумать до конца, онѣ ускользаютъ отъ меня, какъ порванныя нити. А передъ глазами моими все вертятся какія-то разноцвѣтныя точки, зеленыя, синія, красныя. Ужъ не начинаю ли я сходить съ ума? И что это за странный звонъ въ моихъ ушахъ, точно колокола я слышу; да въ самомъ дѣлѣ, должно-быть къ обѣднѣ звонятъ, теперь одиннадцать. Впрочемъ, нѣтъ, сегодня не воскресенье. И отсюда колокольнаго звона не слышно... Въ Россіи иное дѣло: тамъ иначе звонятъ. Въ Россіи... Что

теперь тамъ дѣлается?.. Отецъ! бѣдный отецъ! Я видѣлъ его во снѣ. Онъ былъ такой худой, длинный, точно онъ выросталъ предо мной. У меня голова кружится... Про что, бишь, я хотѣлъ писать?.. Да, про колокола. Я люблю нашъ колокольный звонъ, особенно въ первую недѣлю поста. Есть въ немъ что-то внушительное, заставляющее опомниться... Э, пустяки! Отъ чего, скажите, надо опомниться? Люди сами придумываютъ разныя штуки, дѣйствующія на нервы, въ родѣ вотъ этихъ самыхъ великопостныхъ колоколовъ, а потомъ и воображаютъ, что это чуть ли не какой-то сверхъестественный голосъ. А впрочемъ, у нихъ внутри должно быть не все въ порядкѣ, коли такъ легко у нихъ возбуждается тревога, и собственное безпокойное чувство все ищетъ какого-то отклика въ природѣ.

Что это однако я здѣсь за ерунду нагородилъ. Совсѣмъ не про то хотѣлъ я писать, а про вчерашній вечеръ. Да, вотъ какъ все было. Когда я вышелъ, на улицѣ было совершенно темно. Ночь была безлунная, сырая. Кое-гдѣ тускло горѣли одинокіе фонари, и дрожащій ихъ свѣтъ не проникалъ въ окружающее пространство. Черная ночь казалась еще чернѣе отъ стѣнъ домовъ, словно онѣ прибавляли къ ней какую-то сугубую неподвижную тьму. Здѣсь, думалось мнѣ, безнаказанно можно зарѣзать человѣка и сбросить его трупъ въ любой изъ каналовъ. Мутныя волны унесутъ его въ море, а безмолвныя стѣны не выдадутъ тайны никому. Да, много ужасныхъ тайнъ хранятъ про себя эти волны и эти стѣны... Накрапывалъ дождь. Меня дрожь пробирала, я плотнѣе застегнулъ пальто и ускоренными шагами направился къ морю. Я все прислушивался, словно боясь погони. Но даже на площади было совершенно безлюдно. Гулко раздавались мои шаги, будто подъ каменными сводами.

На берегу моря было уже не такъ мрачно, какъ въ узкихъ переулкахъ. Кое-гдѣ свѣтились тусклые фонари. Но чѣмъ-то зловѣщимъ и безпокойнымъ, казалось,

вѣяло и отъ домовъ, и отъ моря, точно заснувшій городъ охваченъ былъ тревожнымъ лихорадочнымъ сномъ. Дулъ холодный, стремительный вѣтеръ; то ударялъ онъ сердито по фасадамъ домовъ, то врывался въ какой-нибудь переулокъ и заунывно вылъ, какъ пойманный звѣрь. Море колыхалось, волны плескались о берегъ, нетерпѣливо качая стоявшія на якорѣ лодки.

На набережной тоже было пусто; только два-три гондольера, равнодушные къ непогодѣ, стояли въ лѣнивыхъ позахъ на самомъ берегу. Когда я проходилъ мимо, они посматривали на меня будто съ удивленіемъ. Я нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по длинному полукругу набережной. Ванды не было. „Бѣдная Ванда, думалъ я, каково ей выйти въ такую ненастную ночь!“ Теперь, когда я вспоминаю про это, злобная насмѣшка надъ собой во мнѣ поднимается. Я съ глупою довѣрчивостію ждалъ, что она все-таки придетъ. Все сильнѣе пробирала меня дрожь. Я все ждалъ, ждалъ; на колокольнѣ св. Марка пробило одиннадцать, и вслѣдъ затѣмъ тотъ же звонъ неумолимо повторился на прочихъ церквахъ. Я прошелся еще нѣсколько разъ, я весь промокъ отъ дождя. Пробило половина, а вотъ и полночь. Что думаетъ про меня дядя? спрашивалъ я себя. И тотчасъ старался отогнать эту мысль, вызывавшую у меня какое-то острое ощущеніе стыда. Дядя, конечно, уѣхалъ...

Я начиналъ ощущать сильную усталость. Она, должнобыть, однако, не придетъ, думалось мнѣ. Вдругъ я захохоталъ надъ собою. Гдѣ ей прійти, и зачѣмъ я повѣрилъ ея письму! Жгучею болью отозвалась во мнѣ эта мысль. Какъ могъ я не поѣхать съ дядей! Я поступилъ какъ мальчишка, какъ пошлый, безсердечный мальчишка...

Я пошелъ домой. Голова моя горѣла, а согрѣться я все-таки не могъ, несмотря на быструю ходьбу. Когда я подошелъ къ самому каналу, меня вдругъ поразило, что въ Palazzo Cornarini всѣ окна второго этажа были

растворены настежъ. За однимъ изъ нихъ горѣла одинокая свѣча, слабо озаряя стѣны большой залы. Что бы это могло значить? подумалъ я и порывисто бросился черезъ мостикъ къ дому княгини. Я долго не могъ дозвониться у задняго крыльца. Я весь дрожалъ, зубы у меня стучали. Наконецъ послышалось шлепанье туфель по каменному полу, застучалъ засовъ у дверей, и показалась съ огаркомъ въ рукѣ старуха-служанка.

— Кого вамъ надо?—грубо спросила она меня.

— Что у васъ случилось? гдѣ княгиня?—проговорилъ я, съ трудомъ сдерживая волненіе.

— Да вамъ какое дѣло? Оставьте меня въ покоѣ, идите къ себѣ.

Она хотѣла захлопнуть дверь, но я досталъ изъ кармана деньги и сунулъ ей какую то бумажку. У нея тотчасъ развязался языкъ.

— Чего же вы собственно хотите? — спросила она мягче.

— Да что же случилось? гдѣ княгиня? да говорите же!

— Княгиня уѣхала съ вечернимъ поѣздомъ,—отвѣтила она совершенно спокойно и вдругъ осклабилась, замѣтивъ мой растерянный видъ.

— Уѣхала?.. Зачѣмъ?.. Куда?...

— А я не знаю. Вы у нея спросите, она не сказала.

— А княжна?

— Княжна тоже уѣхала. Ну, идите же, идите. Полно вамъ здѣсь стоять. Видите, вѣдь, ночь какая.

Вѣтеръ гдѣ-то визжалъ за угломъ и будто хотѣлъ ворваться въ полурастворенную дверь. „И такъ, подумалъ я, еслибъ я сегодня уѣхалъ, мы встрѣтились бы на поѣздѣ“.

— Онѣ отправились вмѣстѣ?—задалъ я старухѣ совершенно безсмысленный вопросъ.

— Конечно, вмѣстѣ,—разсмѣялась она,—да еще съ графомъ.

· Съ графомъ Короньи?..

— А то съ какимъ же еще? Эхъ вы, баринъ, молоды вы очень!—Потомъ прибавила шепотомъ, безобразно щуря лѣвый глазъ:—графъ обѣдалъ съ княгиней и провелъ здѣсь вечеръ.

— Стало-быть,—невольно вырвалось у меня, — онъ все-таки достигъ своего, онъ на ней женится?

Старуха захихикала и поднесла свой огарокъ прямо къ моему лицу.

— Женится?.. графъ-то? Да, вѣдь, онъ давно женатъ.

— Онъ женатъ? Ты врешь старуха!

Она перекрестилась.—Вотъ накажи меня святая Мадонна, коли я вру. Сколько разъ при мнѣ онъ про свою супругу упоминалъ. Она живетъ гдѣ-то далеко отсюда И съ княгиней онъ про нее говорилъ.

Извѣстіе это, которое за нѣсколько дней предъ тѣмъ меня бы обрадовало, теперь меня поразило, какъ нѣчто ужасное, потрясающее. „Да что же за дѣвушка Ванда? И неужели... неужели“... У меня въ головѣ путалось.

— А вы думали,—продолжала старуха,—графъ сюда ходилъ свататься? какъ бы не такъ! Денегъ это ему, кажется, стоило не мало... Онъ здѣсь расплачивался, и за домъ, и за все...

Слова ея безсмысленно звучали въ моихъ ушахъ.

— А княжна плакала всѣ эти дни. Ахъ, какъ плакала!—вздыхая добавила старуха.

— Плакала?.. да?.. — живо проговорилъ я, какъ бы ухватываясь за это слово.

— Ну, да, плакала. Вамъ-то что?..

Она промолчала. — Ну, ступайте. Пора. Я вамъ все сказала.

Я стоялъ неподвижно на верхней ступени крыльца. Дверь захлопнулась передъ моимъ носомъ, и опять послышалось шлепанье стоптанныхъ туфель.

Я пошелъ къ себѣ. Дождь продолжался. Вѣтеръ дулъ все пронзительнѣе, но я уже не чувствовалъ ни холода, ни сырости.

Въ гостинницѣ всѣ давно улеглись. Не малаго труда мнѣ стоило кого-нибудь дозваться. Отворившій наконецъ мнѣ швейцаръ вытаращилъ на меня свои заспанные глаза: онъ видимо меня считалъ безъ вѣсти пропавшимъ.

— Что, дядюшка уѣхалъ?—поторопился я спросить.

— Его превосходительство,—въ италіянскихъ отеляхъ прислуга всѣхъ величаетъ титуломъ eccelenza,—васъ дожидается, очень на вашъ счетъ безпокоились.

Я поспѣшилъ въ свою комнату. Едва я постучался, дядюшка отворилъ дверь. Онъ былъ необыкновенно блѣденъ и казался разстроеннымъ.

— Слава Богу, живъ и здоровъ!—воскликнулъ онъ.— Какъ ты меня напугалъ!

— И вы изъ-за этого не уѣхали?

— Безъ тебя?! Еще бы! И какъ можно было выбѣжать изъ дому, не объяснивъ по крайней мѣрѣ въ чемъ дѣло. А то набросалъ двѣ строчки „не дожидайтесь меня, я ѣхать сегодня не могу“. На что это похоже! Пойди, ищи тебя по всему городу.

— Я торопился,—было моимъ не совсѣмъ искреннимъ отвѣтомъ.

Михаилъ Петровичъ поморщился. — Ну, да, торопился. Положимъ, не трудно было догадаться, что тебя вдругъ приспичило. Хорошъ! И ты воображаешь себя мужчиной, зрѣлымъ человѣкомъ, годнымъ на крупное дѣло?

Иныхъ упрековъ я отъ Михаила Петровича не услышалъ. Но въ этихъ немногихъ словахъ столько было сострадательнаго презрѣнія, что я разомъ почувствовалъ всю унизительность и дрянность своего поступка.

— Я все вамъ скажу, дядя,—началъ было я.

— Нѣтъ, любезный другъ,—голосъ Михаила Петровича звучалъ теперь холодно и строго,—завтра успѣешь. Спать надо. Да и тебѣ не мѣшаетъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что платье на мнѣ все было мокрое.

— Скинь это поживѣе. На тебѣ лица нѣтъ. Смотри, не заболѣй у меня. Ужинать не хочешь?

Я, разумѣется, отъ ужина отказался, и тутъ же настоялъ, чтобы дядя выслушалъ мою исповѣдь. Мнѣ хотѣлось выложить передъ нимъ всю свою вину, какъ бы надѣясь этимъ уменьшить ея тяжесть. Михаилъ Петровичъ слушалъ не перебивая, лицо его словно окаменѣло, и какое-то всепрощающее, но въ то же время слегка презрительное выраженіе запечатлѣлось на его стиснутыхъ губахъ. Только, когда я сталъ приходить къ концу разсказа, оно смѣнилось чѣмъ-то болѣе мягкимъ.

— Ты захотѣлъ испить чашу до дна,—сказалъ онъ медленно? Что дѣлать? Такъ всегда бываетъ, и почти всегда послѣдняя капля самая горькая.

Я присѣлъ на диванъ, дядя прошелся по комнатѣ.

— Да у тебя лихорадка,—воскликнулъ онъ, взявъ меня за руку.—И голова у тебя вся горитъ. Прилягъ, отдохни; простудился еще, чего добраго. Завтра мы непремѣнно должны ѣхать.

Это „завтра“ теперь наступило. И мы собираемся въ путь. Только съ самаго утра у меня голова что-то упорно трещитъ, да ознобъ пробѣгаетъ иногда по спинѣ. Я въ самомъ дѣлѣ простудился, должно-быть. Да и рядъ безсонныхъ ночей, наконецъ, сказывается. Ну, да это ничего. Небось, вынесу. Хуже было то, что я перетерпѣлъ вчера ночью, и все-таки вынесъ. Натура у меня крѣпкая. Только кажется мнѣ сегодня, что вокругъ меня все вымерло, словно очнулся я послѣ долгаго, долгаго сна, и наступила глубокая мрачная осень, поблекли цвѣты, которыми вчера еще пестрѣли луга, и вотъ-вотъ съ тусклаго неба сейчасъ повалятъ снѣжные хлопья и все прикроютъ своимъ бѣлымъ саваномъ. Прощай, Венеція! Прощай и ты, моя первая молодость!

16 января, Венеція.

Вотъ уже слишкомъ два мѣсяца какъ я не записывалъ ничего въ своей тетради, и на заголовкѣ этого

новаго листа все еще значится Венеція. Судьба не перестаетъ зло надо мной издѣваться. Въ тотъ самый день, когда мы собирались уѣхать съ дядей, я слегъ и не вставалъ съ постели до вчерашняго дня. Докторъ мнѣ запрещаетъ писать, да я его не слушаюсь. Надо сюда занести все, что я пережилъ эти два мѣсяца. А перо въ моей рукѣ такъ и дрожитъ.

У меня была тифозная горячка, и жизнь моя, кажется, висѣла на волоскѣ. По крайней мѣрѣ, когда я первый разъ очнулся и сталъ понимать, что вокругъ меня происходитъ, я примѣтилъ на лицахъ дяди и доктора ту особую тревожную радость, какою встрѣчаютъ слабые признаки улучшенія въ состояніи опасно-больного. И нечего сказать, очень нужно было имъ радоваться! Къ чему сызнова начинать глупую, испорченную жизнь, у которой впереди нѣтъ ничего хорошаго, а въ прошломъ одни гнетущія воспоминанія. Такъ легко и просто было не пробуждаться вовсе, и незамѣтно для себя навѣки исчезнуть въ бездонной пропасти ничтожества и забвенія, куда унесетъ-таки меня, рано или поздно, неизбѣжная смерть!.. Вѣдь угасла же на время во мнѣ безпокойная мысль; развѣ это не та же смерть?

За все время моей болѣзни дядя ухаживалъ за мной съ настоящею материнскою заботливостью. Какъ часто подмѣчалъ я на его лицѣ, когда вернулось ко мнѣ сознаніе, слѣды безпокойства, глубокой, преданной любви! Теперь только я понялъ всю силу его привязанности ко мнѣ. Да и какія тяжелыя жертвы онъ для меня принесъ! Онъ долженъ былъ призанять денегъ у своего пріятеля-графа. Да что деньги! Что самолюбіе! Не этимъ только онъ для меня пожертвовалъ. Ему пришлось отказаться отъ послѣдняго свиданія съ дорогимъ братомъ. Онъ лишилъ себя горькаго утѣшенія сказать послѣднее прости моему бѣдному отцу, проводить его прахъ до могилы.

Я узналъ о смерти отца, уже спустя много дней

послѣ его кончины. Я былъ въ полномъ безпамятствѣ, когда его не стало. Онъ умеръ ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ я заболѣлъ. Мы успѣли бы застать его въ живыхъ. Тяжело было ему, бѣдняжкѣ, покидать этотъ міръ, не простившись съ тѣми двумя людьми, которые ему были всего дороже. И все это по моей винѣ. Да, что ни говори, хоть совѣсть можетъ быть и пустая выдумка нашей больной, безсильной мысли, поднимается таки въ сердцѣ какой-то странный, несмолкающій голосъ, громко говорящій о неисполненномъ долгѣ.

Одно меня удивляетъ, мать очень спокойно перенесла вѣсть о томъ, что мы съ дядей не пріѣдемъ, да и вѣсть о моей болѣзни, кажется, тоже. Она писала сюда нѣсколько разъ, и въ письмахъ ея говорилось много про христіанское смиреніе передъ горемъ, про необходимость подчиниться волѣ Провидѣнія; говорилось и про ея заботы обо мнѣ и про ея твердую надежду, что я скоро поправлюсь. Но какимъ-то холодомъ вѣяло и отъ этой покорности и отъ этихъ заботъ. Она упоминаетъ и про дѣла и проситъ меня не безпокоиться. Конечно, пишетъ она, я теперь полный хозяинъ надо всѣмъ, но и безъ меня она думаетъ все устроитъ. И по ея словамъ, дѣла наши вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи. Она, впрочемъ, упоминаетъ про все это мелькомъ, не входя въ подробности. Она какъ будто даже шутливо извиняется въ своемъ непониманіи денежныхъ вопросовъ. Дядя передалъ мнѣ ея письма только вчера. Несмотря на ласковый тонъ этихъ писемъ, они оставили мнѣ тягостное впечатлѣніе чего-то дѣланнаго, неискренняго, даже неумѣстнаго. Да, мать какъ будто старается кокетничать со мной. Одно изъ ея писемъ особенно меня поразило. Она сообщаетъ въ немъ, что отправила на мое имя чекъ въ двѣ тысячи франковъ. И это извѣстіе сопровождается какими-то намеками, что я должно быть сильно злоупотреблялъ въ Венеціи данною мнѣ свободой. Она слегка журитъ меня за мои „шалости“, какъ она ихъ называетъ... Нѣтъ, такъ

мать не говоритъ съ провинившимся сыномъ, и ея легкіе, шутливые укоры болью во мнѣ отозвались...

Я замѣтилъ, что на дядю эти письма произвели тоже тяжелое впечатлѣніе. Я прочелъ ихъ вслухъ, и съ каждымъ ея словомъ горькое выраженіе все явственнѣе сказывалось на чертахъ дяди. Мы не сказали другъ другу про то, что мы чувствовали оба, но мы поняли оба, что значило это молчаніе. И мое наболѣвшее сердце привязалось къ дядѣ еще тѣснѣе прежняго. Отъ него одного мнѣ ждать сочувствія, теплаго, ободряющаго слова.

18 января.

— Я забылъ передать тебѣ,—сказалъ мнѣ дядя, входя сегодня въ мою комнату,— вотъ это письмо, которое пришло съ мѣсяцъ назадъ. Тогда ты былъ еще очень слабъ, и докторъ строго запретилъ тебя чѣмъ-нибудь тревожитъ. А потомъ я, признаюсь, совершенно про это забылъ. Письмо у меня пролежало на письменномъ столѣ, и только вотъ сейчасъ оно случайно мнѣ попалось на глаза. Посмотри, парижское клеймо. Развѣ у тебя въ Парижѣ есть знакомые?

Я взглянулъ на конвертъ и узналъ почеркъ Ванды. Меня тотчасъ бросило въ краску. „Какъ это глупо! сказалъ я себѣ, неужели я до сихъ поръ не могу спокойно вспомнить про это безобразное прошлое?“ Я постарался не выдать передъ дядей своего волненія и съ притворнымъ равнодушіемъ бросилъ письмо на столъ. Въ присутствіи дяди я ни за что не хотѣлъ его прочесть.

— Что-жъ ты не вскрываешь конверта?—спросилъ Михаилъ Петровичъ, вглядываясь мнѣ въ лицо.

— Послѣ... успѣю,—отвѣтилъ я, отворачиваясь отъ его пытливаго взора.

Дядя просидѣлъ у меня слишкомъ полчаса. Мы спокойно разсуждали съ нимъ о нашемъ близкомъ отъѣздѣ, а по спинѣ у меня то и дѣло пробѣгалъ ознобъ. Меня возмущала дерзость Ванды, рѣшившейся ко мнѣ

писать, а въ то же время жгучее любопытство не давало мнѣ покоя. Едва дядя скрылся за дверью, я жадно принялся за письмо. Вотъ что я прочелъ:

„Вы, конечно, удивитесь, получивъ отъ меня эти строки. Съ какой стати, скажете вы можетъ-быть, вздумала она напоминать о себѣ? И, конечно, говоря это, вы мысленно станете обзывать меня самыми нелестными словами. Вамъ будетъ казаться, что нѣтъ для меня слишкомъ строгаго приговора, но осуждая меня, вы все-таки будете несправедливы, какъ несправедливъ каждый, кто судитъ, не зная всей истины.

„Не думайте, пожалуйста, чтобъ я стала оправдываться. Во-первыхъ, это не въ моихъ привычкахъ: всякая попытка на оправданіе въ моихъ глазахъ унизительна; во-вторыхъ, есть такія впечатлѣнія, которыхъ ничто стереть не въ силахъ. Я хорошо знаю, что вы должны были выстрадать въ ночь послѣ нашего отъѣзда. Я назначила вамъ свиданіе, и въ то самое время, когда вы меня ждали, я тайкомъ отъ васъ уѣхала. Я обманула васъ, и обманула расчетливо и хладнокровно. Для васъ это ясно какъ день, и никакія доказательства противнаго васъ не разубѣдятъ. Вы полагаете, конечно, что я затѣмъ только и отослала васъ въ тотъ вечеръ на Славянскую набережную, чтобы вы не были свидѣтелемъ нашего отъѣзда. Вы такого дурного мнѣнія обо мнѣ, что готовы даже приписать мнѣ чувство страха“.

Негодованіе заговорило во мнѣ такъ сильно, что я смялъ въ рукѣ недочитанное письмо и швырнулъ его на столъ. Нѣтъ, это не было даже негодованіе, а брезгливое чувство нравственной тошноты. Такого откровеннаго безстыдства я отъ Ванды не ожидалъ.

Но гнѣвъ мой скоро улегся. Его смѣнило презрѣніе, и хоть мнѣ отъ того было не легче, я сознавалъ по крайней мѣрѣ, что Вандѣ ничѣмъ уже не вызвать у меня волнующаго чувства. И я снова принялся за прерванное письмо.

„И повторяю вамъ, думая такъ, вы все-таки будете неправы. Не вѣрьте мнѣ, пожалуй; но когда я писала вамъ за нѣсколько часовъ до отъѣзда, я и не знала еще, что уѣду въ тотъ же вечеръ. Я писала вамъ потому, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ надо было съ вами свидѣться, надо было найти въ васъ опору для себя въ тѣ страшные часы, когда рѣшалась вся моя будущая судьба. Вы не хотите вѣрить? Вамъ страннымъ кажется, что такая дѣвушка, какъ я, можетъ колебаться въ подобныя минуты? Вы привыкли считать меня твердою. Ахъ, если бы вы знали, черезъ сколько мучительныхъ колебаній я прошла, сколько разъ противуположныя рѣшенія у меня смѣнялись. Я вовсе не такая, какъ вы думали. Я слабое существо, легко подчиняющееся чужому вліянію.

„Когда вы ушли отъ матери, я въ порывѣ негодованія на ея слова хотѣла броситься къ вамъ, сказать, что готова идти съ вами куда бы вы ни захотѣли. Вы уже знаете, что меня остановило. Я написала къ вамъ, не подозрѣвая вовсе, что мать думаетъ уѣхать въ тотъ же вечеръ. Я думала, что у меня впереди еще цѣлый день, и мы еще успѣемъ съ вами условиться. Но, вотъ, когда письмо мое было отослано, мать входитъ въ мою комнату и объявляетъ мнѣ, что мы уѣзжаемъ съ вечернимъ поѣздомъ. Сперва я хотѣла опрометью броситься къ вамъ... Но вдругъ меня взяло раздумье: такова ли ваша любовь ко мнѣ, чтобъ ей бодро вынести годы лишеній, не простая ли это вспышка, которая скоро угаснетъ. Вы скажете: это малодушіе, готовность обвинить другого, чтобы скрыть отъ себя настоящія причины собственной измѣны. Можетъ быть! Не скрою отъ васъ, въ рѣшительную минуту я не повѣрила въ собственныя силы. Идти къ вамъ, это значило идти на совершенно невѣдомую жизнь въ чужой странѣ... Я испугалась не этой жизни, не ожидавшихъ меня лишеній, я испугалась самой себя; меня охватила боязнь, какъ бы въ послѣдствіи не измѣнили мнѣ силы и какъ бы сама

я не раскаялась въ своемъ выборѣ. Что, подумалось мнѣ, если я стану потомъ отравлять вашу жизнь малодушными упреками, а сама должна буду выносить упреки матери? Я знаю себя: я не перенесла бы этого; я покончила бы съ собой. И ваша жизнь была бы испорчена тоже. Не лучше ли остановиться передъ безповоротнымъ шагомъ, пожертвовать мечтой о чистой безкорыстной любви, спуститься въ тотъ омутъ, куда давно меня толкаютъ и совѣты матери, и врожденная любовь къ роскоши, и окружавшіе меня съ дѣтства дурные примѣры?

„И я рѣшилась. Не знаю какъ, не знаю и когда. Я плакала долго и горько, но вдругъ я почувствовала, что словно вся каменѣю, что увлекаетъ меня какая-то непреодолимая сила и даже сомнѣній во мнѣ нѣтъ уже никакихъ. Это не было свободнымъ рѣшеніемъ сознательной воли, я просто кинулась впередъ, закрывъ глаза, какъ гибнущіе изъ лодки бросаются въ море. Я продала себя. Я даже не жена, а любовница графа Короньи. Видите, я вполнѣ откровенна съ вами. Не руки моей онъ просилъ, какъ вы думаете. Онъ женатъ давно; я это знала, а родная мать старалась всѣми силами уговорить меня на этотъ добровольный позоръ...

„Теперь я переступила черезъ тотъ порогъ, за которымъ кончается такъ-называемое хорошее общество. Но сдѣлавъ это, я не опущу смиренно головы, потому что по-моему каяться глупо. Я буду такъ же прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза, какъ прежде. Мнѣ нечего стыдиться своего выбора, потому что я сдѣлала его свободно и открыто.

„Но съ какой стати, спросите вы, пишу я вамъ все это? Я вѣдь знаю, что вамъ больно это читать. Въ моихъ словахъ вы увидите, чего добраго, какое-то нелѣпое хвастовство, какой-то безсмысленный вызовъ. О, не думайте, чтобъ я хотѣла доставить себѣ такое презрѣнное удовольствіе. Предъ свѣтомъ я гордо поднимаю голову, потому что онъ не имѣетъ права меня призы-

вать къ суду, но передъ вами я виновна и глубоко чувствую свою вину. Зачѣмъ же къ вамъ писать? Затѣмъ, что вы, вы одни въ цѣлой моей жизни оставили во мнѣ вполнѣ чистое воспоминаніе, что сближеніе съ вами было единственною минутой, на которой я могу теперь остановиться безъ горечи, единственною, повѣявшею на меня струей чистаго воздуха. Я любила васъ и люблю до сихъ поръ, несмотря на то, что недостойно вамъ измѣнила, предпочла честной жизни съ вами окружающую меня теперь позорную роскошь. Можетъ-быть я васъ люблю теперь еще больше, потому что вы такъ не похожи на людей, которыхъ я вижу каждый день. И память о вашемъ чувствѣ ко мнѣ я берегу какъ дорогое сокровище. Вы по крайней мѣрѣ любили меня искренно и безкорыстно. Вы, не задумываясь, готовы были отдать мнѣ всю свою жизнь; ото всего сердца довѣрились мнѣ съ первой же нашей встрѣчи. И если я оказалась недостойною этого довѣрія, не думайте, чтобъ я не оцѣнила его. Можетъ-быть намъ встрѣтиться не суждено. Но знайте это, когда бы мы ни встрѣтились, вы найдете во мнѣ прежнюю горячо васъ любящую Ванду...

„Вотъ что я хотѣла сказать вамъ. Можетъ-быть вы не дорожите мной. Вы съ презрѣніемъ отвернетесь отъ меня, я и не хочу добиваться вашего прощенія. Чѣмъ неумолимѣе будетъ вашъ судъ надо мной, тѣмъ полнѣе докажетъ онъ мнѣ силу вашей прежней любви. Я и не хочу вашего прощенія. Но если вы меня не совсѣмъ забыли, умоляю васъ объ одномъ, отвѣчайте на это письмо хотя бы самыми жестокими словами. Я смиренно выслушаю все, что бы вы ни сказали. Не забывайте меня, хотя бы за тѣ горячія, отчаянныя слезы, которыя я пролила изъ-за васъ передъ нашею разлукой.

„Прощайте, или нѣтъ, лучше я скажу: до свиданія! Я хочу вѣрить, что мы еще свидимся. И все-таки я хочу по прежнему оставаться

ваша навсегда преданная *Ванда*“.

„PS. Адресъ мой: Парижъ, 56, Avenue du Bois de Boulogne“.

У меня достало твердости дочитать до конца. И я не разорвалъ этого позорнаго письма. Каюсь, что-то похожее на жалость шевельнулось въ моемъ сердцѣ. Да, именно жалость. Что-то въ родѣ того чувства, какое возбуждаетъ въ насъ разбитая драгоцѣнная вещь, отъ которой остаются уже одни осколки. Въ словахъ ея были наглость и цинизмъ, но было въ нихъ и нѣчто другое, была искренность. Она не лгала, говоря о пролитыхъ ею слезахъ. Ей не легко было вступить на дорогу, съ которой теперь ей уже возврата нѣтъ. Я вспомнилъ то, что сказала мнѣ старая служанка, когда я услышалъ отъ нея про отъѣздъ Ванды. Но и помимо ея словъ я зналъ, что Ванда пережила тяжелыя минуты. Въ этомъ письмѣ слишкомъ ясно звучала надтреснутая струна.

Я тотчасъ принялся къ ней писать. Мнѣ хотѣлось исполнить ея желаніе. И какъ разъ потому, что она какъ будто напрашивалась на негодующій отвѣтъ, я захотѣлъ выразить ей не гнѣвное презрѣніе, котораго она такъ заслуживала, а спокойный приговоръ человѣка, для котораго прошлое схоронено навсегда. Но когда я перечелъ написанное, я остался недоволенъ своимъ отвѣтомъ и нѣсколько разъ принимался его передѣлывать. Перо однако упорно отказалось отчетливо выразить, что я чувствовалъ. Я изорвалъ въ клочки написанное мною. Письмо Ванды останется безъ отвѣта, такъ лучше. Мое молчаніе всего яснѣе покажетъ ей, что во мнѣ она уже не въ силахъ вызвать чего-либо, кромѣ полнаго равнодушія.

20 января.

Мое затворничество кончилось: сегодня мнѣ въ первый разъ позволили выйти. Не далеко, значитъ, и до отъѣзда. Я съ жадностью вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ прозрачнаго январьскаго дня, весь пропитанный яркими лучами зимняго солнца. Вчера еще небо хму-

рилось, и Венецію на мигъ занесло снѣгомъ. Да и теперь кое-гдѣ, въ тѣни высокихъ стѣнъ, выглядываютъ снѣжныя бѣлыя пятна, точно сѣдина пробивается у дряхлой Венеціи, и она хочетъ припрятать ее въ самыхъ затаенныхъ углахъ. И какъ принарядилась она въ своемъ разноцвѣтномъ мраморномъ убранствѣ, вся сіяющая въ солнечномъ блескѣ. Я ощущалъ въ себѣ какъ бы приливъ новой жизни. Вѣдь не одну болѣзнь я стряхнулъ съ себя, а вмѣстѣ съ нею охватившій меня чадъ, отъ котораго я, кажется, теперь освободился навсегда.

За эти послѣдніе дни я какъ-то особенно сблизился съ дядей. Между нами возобновились прежнія отношенія. Меня поражаетъ въ немъ удивительная простота и ясность понятій. Въ нихъ нѣтъ мучительнаго раздвоенія, нѣтъ тревоги неразрѣшенныхъ вопросовъ, такъ и сознаешь, что чуть возникнетъ сомнѣніе, онъ разрѣшитъ его прямо, не колеблясь; словно есть у него какой-то особенный ключъ къ нравственнымъ загадкамъ. Завидное, право, это свойство. Михаилу Петровичу легко взвѣсить каждое затрудненіе, потому что у него имѣются разъ навсегда опредѣленныя мѣрки. А мнѣ вотъ, да и многимъ должно-быть изъ моихъ сверстниковъ, все приходится рѣшать, какой аршинъ мы приложимъ къ дѣлу; да и выходитъ на повѣрку, что у каждаго свой.

22 января.

Мы уѣзжаемъ завтра, но не въ Россію, а въ Парижъ. Вчера Михаилъ Петровичъ получилъ письмо изъ Петербурга, и пока онъ его читалъ, лицо его становилось все мрачнѣе. Письмо было отъ матушки. Онъ не захотѣлъ мнѣ дать его прочесть, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ объявилъ мнѣ, что намъ придется ѣхать въ Парижъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ моею матерью. Я не могъ прійти въ себя отъ удивленія. Какъ, матушка ѣдетъ въ Парижъ теперь, когда едва засыпана земля

на могилѣ отца, и вдобавокъ при стѣсненныхъ обстоятельствахъ нашей семьи!

— Судя по ея письму, она завтра должна быть уже тамъ,—сказалъ дядя.

— Развѣ она не пишетъ, зачѣмъ собирается ѣхать, и на долго ли?

Михаилъ Петровичъ отвѣчалъ уклончиво и нерѣшительно, и въ то же время нетерпѣливо. Мои вопросы даже какъ будто его раздражали. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, и то и дѣло что-то бормоталъ про себя.

— Нечего дѣлать,—вдругъ остановился онъ предо мной, рѣшительно вскинувъ голову.—Приходится ѣхать туда завтра.

— Ну да, завтра, — возразилъ я удивленнымъ тономъ.—Вѣдь мы давно рѣшили...

— Да нѣтъ же,—перебилъ меня дядя съ нетерпѣніемъ.—Мы ѣдемъ не въ Россію, а къ ней въ Парижъ.

— Въ Парижъ?.. Но что же случилось?—настаивалъ я.—Объясняетъ же она что-нибудь въ своемъ письмѣ? А коли нѣтъ, вы, по крайней мѣрѣ, догадываетесь сами?

Глубокое страданіе запечатлѣлось на лицѣ дяди.

— О, дай Богъ,—воскликнулъ онъ какъ бы невольно,—чтобъ я ошибся въ своей догадкѣ!

Понятно, что слова дяди все болѣе разжигали мою тревогу. Все та же семейная тайна снова возставала передо мной, и опять я тщательно силился ее проникнуть. И въ то же время я боялся какой-то страшной разгадки. Было что-то неестественное—въ этомъ я сомнѣваться не могъ—въ томъ страстно возбужденномъ чувствѣ, какое всегда вызывало у Михаила Петровича простое упоминаніе имени моей матери.

Замѣтивъ испуганное недоумѣніе въ моихъ глазахъ, дядя тотчасъ овладѣлъ собою и продолжалъ уже спокойно:

— Въ Петербургѣ намъ уже нечего дѣлать. Мы тамъ

будемъ, какъ въ лѣсу. Всѣ дѣла въ рукахъ Ирины Алексѣевны.

— Но тѣмъ болѣе странно,—возразилъ я,—что въ такую минуту ей вздумалось отправиться за границу.

— Не тебѣ объ этомъ судить...—остановилъ меня Михаилъ Петровичъ. — Конечно есть у нея свои причины...

— Но вы хотите ѣхать къ ней,—продолжалъ я спрашивать,—затѣмъ только, чтобы переговорить съ ней о дѣлахъ?

— Разумѣется, нѣтъ!—вырвалось у дяди.—Развѣ я теперь думаю про дѣла...

Онъ опять остановился, не договоривъ.

— Да развѣ тебѣ не хочется повидаться съ матерью какъ можно скорѣе?—спросилъ онъ.

Не трудно однако было понять, что Михаилъ Петровичъ спрашивалъ это только для виду. Онъ и не ожидалъ отвѣта. Неискренность такъ была чужда его натурѣ, что онъ совсѣмъ не умѣлъ притворяться.

— Послушайте, дядя,—сказалъ я,—пять лѣтъ назадъ передъ самымъ вашимъ отъѣздомъ у васъ произошло что-то странное съ матушкой... Помните, я случайно вошелъ во время объясненія вашего съ ней. Тогда вы ни за что не хотѣли отвѣтить на мои разспросы. А теперь я не мальчикъ. Мнѣ пора знать всю правду про наши семейныя дѣла. А что въ нихъ кроется какая-то странная тайна, объ этомъ я догадываюсь давно. Но какова бы она ни была, эта тайна, я имѣю право требовать теперь, чтобы мнѣ ее раскрыли.

Дядя выслушалъ меня съ кажущимся спокойствіемъ; только губы его слегка подергивало.

— Ты не знаешь, чего требуешь, Сережа,—отвѣтилъ онъ.—Да и не имѣю теперь я права тебѣ все сказать. А можетъ быть очень скоро придется.

Въ тотъ же день за обѣдомъ, когда я развернулъ только что полученный нумеръ газеты *Figaro*, я былъ пораженъ, встрѣтивъ въ ней на одномъ изъ первыхъ

столбцовъ имя графа Андрея Завойскаго. Парижскій хроникеръ сообщалъ между прочимъ, что въ числѣ именитыхъ иностранцевъ, на дняхъ прибывшихъ въ Парижъ, находится и графъ. „Ce grand seigneur russe, si connu des Parisiens“, какъ онъ выразился. И по этому поводу онъ тутъ же развязно сообщалъ разныя біографическія подробности о графѣ, одинаково восхваляя его государственныя заслуги и его успѣхи у прекраснаго пола.

— Графъ Завойскій тоже въ Парижѣ,—сообщилъ я дядѣ.—Вы знаете, онъ принималъ во мнѣ большое участіе во время моей болѣзни. Матушка писала, что онъ часто про меня разспрашивалъ. Не знаю, право, ради чего такая честь. Я его никогда не любилъ.

Но дядюшка меня не слушалъ и съ первыхъ же моихъ словъ выхватилъ изъ рукъ моихъ газету, гдѣ его блуждающіе глаза стали нетерпѣливо искать извѣстія о графѣ. Лицо его вдругъ страшно поблѣднѣло.

— Такъ вотъ оно что!—невнятно пробормоталъ онъ глухимъ голосомъ.—Я такъ и думалъ. Да, надо ѣхать. Можетъ быть еще успѣемъ...

26 января. Парижъ.

Мы въ Парижѣ со вчерашняго вечера. Здѣсь совершенная зима. Она встрѣтила насъ съ самаго переѣзда черезъ Альпы. Не весело глядятъ подъ снѣгомъ улицы веселой столицы. У насъ на сѣверѣ, когда наши невзрачные города покрываются снѣгомъ, они смотрятъ какъ-то нарядно и празднично, и яркій ихъ бѣлый покровъ скрадываетъ отъ глазъ весь неприбранный хламъ русской сѣренькой жизни. Здѣсь, напротивъ, гдѣ все такъ нарядно, зима кажется незванною гостьей; снѣгъ мигомъ утрачиваетъ свою бѣлизну и все принимаетъ грязный видъ, какъ неубранная квартира, гдѣ на полу валяется грязное бѣлье.

Мы съ дядюшкой въ отель не поѣхали. Намъ это не по средствамъ. Мы остановились въ меблированныхъ комнатахъ въ улицѣ Миромениль, одной изъ неболь-

шихъ улицъ предмѣстья St.-Honoré. Намъ отвели двѣ маленькія комнаты, скромныя, но довольно уютныя, въ четвертомъ этажѣ. Дядюшка живалъ здѣсь и прежде. Хозяйка—привѣтливая и полная особа лѣтъ уже за пятьдесятъ, очень, кажется, хлопотливая и аккуратная. Она приняла Михаила Петровича очень радушно, какъ стараго знакомаго. Но радушіе это какое-то особенное, не наше: такъ и чувствуется, что все до послѣдней мелочи расчитаю въ обрѣзъ; и мебель въ нашихъ комнатахъ, и вниманіе прислуги, даже хлѣбъ и сахаръ, который намъ подаютъ къ плохому утреннему кофе. Одно здѣсь хорошо—жить будетъ не дорого, да и рукой подать отсюда до Елисейскихъ Полей.

Я заикнулся было дядѣ, что отсюда далеко будетъ до гостинницы, гдѣ живетъ матушка: въ день нашего отъѣзда изъ Венеціи я получилъ отъ нея телеграмму изъ Парижа съ извѣщеніемъ, что она остановилась въ Hôtel Mirabeau на Вандомской площади. Но про то, чтобы помѣститься въ одной гостинницѣ съ матушкой, Михаилъ Петровичъ и слышать не хотѣлъ. Да я и самъ, признаюсь, этого не желалъ; и страннымъ мнѣ показалось, что матушка выбрала какъ разъ одну изъ самыхъ дорогихъ гостинницъ въ Парижѣ.

Я былъ у нея сегодня утромъ въ одиннадцатомъ часу. Она занимаетъ двѣ комнаты въ третьемъ этажѣ, правда, не очень большія, но убранныя съ претензіей на роскошь. Матушка уже успѣла отзавтракать, когда я вошелъ. Она привыкла вставать рано. Въ ней нѣтъ никакой перемѣны. Перенесенное горе не запечатлѣлось на ея красивыхъ чертахъ. Одѣта она была съ обычною тщательностью. Ея черное шерстяное платье глядѣло какъ-то особенно нарядно: глубокій трауръ былъ ей необыкновенно къ лицу. Она, впрочемъ, всегда отличалась чрезвычайнымъ умѣньемъ одѣваться. Ей теперь сорокъ два года, но на видъ ей никто-бы не далъ и тридцати пяти. Матовая бѣлизна ея правильнаго лица удивительно сохранила моложавость.

Она выказала мнѣ нѣжность, какой я прежде отъ нея не видывалъ; матушка всегда была сдержана со мной, да и со всѣми кажется. Сильные порывы чувства не свойственны ея натурѣ. Голосъ ея звучитъ ровно, торопливости въ ея словахъ нѣтъ никогда, и въ самыя минуты гнѣва мѣняется только выраженія ея глазъ, громкія ноты у нея не вырываются, и въ ея рѣчи чуть только бываетъ замѣтна какая-то отрывистая сухость.

Когда я обнялъ ее, она слегка прослезилась, и поцѣлуй ея на этотъ разъ былъ настоящимъ материнскимъ поцѣлуемъ. Она положила мнѣ обѣ руки на плечи, и голова ея на мигъ склонилась ко мнѣ на грудь. Въ отвѣтъ на ея непривычную нѣжность доброе, теплое чувство какъ бы вливалось мнѣ въ сердце. Она усадила меня возлѣ себя на диванъ, долго не выпускала моей руки изъ своихъ, и принялась заботливо меня разспрашивать про мою недавнюю болѣзнь.

— Какъ могъ ты пуститься на такое далекое путешествіе, да еще зимой?—ласково укоряла она меня.—Ты могъ простудиться. Какъ ты похудѣлъ, Сережа! И посмотри, даже волосы у тебя стали гораздо рѣже.

И своею мягкою ладонью она принялась гладить мнѣ голову.

Я поспѣшилъ ее успокоить.

— Я теперь совершенно поправился, мамà. Докторъ сказалъ, что я могу поѣхать, и дорога меня ничуть не утомила.

— А я совсѣмъ и не ожидала, что ты пріѣдешь,—продолжала она.—Я здѣсь не надолго. И своимъ письмомъ къ Михаилу Петровичу я вовсе не думала тебя звать сюда. Я даже написала къ нему, а не къ тебѣ, чтобы не причинить тебѣ безпокойства. Мы бы свидѣлись въ Петербургѣ много-много черезъ какихъ-нибудь шесть недѣль.

— Мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, мамà, послѣ того, что случилось. И въ Петербургѣ было такъ тяжело жить одному въ нашемъ опустѣломъ домѣ.

— Ну, да я рада, очень рада,—возразила она, прислоняясь головой къ моему плечу.—Вѣдь мы теперь одни на свѣтѣ...

Двѣ блестящія слезинки опять показались на концѣ ея длинныхъ рѣсницъ.

— Скажите же мнѣ, мамà, какъ все было... Я не могу себѣ простить, что не пріѣхалъ въ Петербургъ, когда было еще время. Вѣдь я кругомъ виноватъ, вы знаете...

— Знаю, знаю, только не волнуйся; для тебя это нехорошо. Хоть ты и увѣряешь меня, что здоровъ, ты все глядишь такимъ блѣднымъ...

И новымъ поцѣлуемъ она какъ бы захотѣла заглушить упреки моей совѣсти. Мы передали другъ другу всю грустную повѣсть двухъ послѣднихъ тревожно прожитыхъ нами мѣсяцевъ. Кончина отца была тихая, онъ не особенно страдалъ въ послѣдніе дни. Его жизнь уже много лѣтъ шла не громко и не спѣшно, какъ бы медленно подготовляя его къ вѣчному покою. Онъ самъ давно, повидимому, ожидалъ конца, но близкіе не хотѣли вѣрить этому.

— Ты не тревожься, Сережа,—окончила мать. — Ты вѣдь не виноватъ, что заболѣлъ вдругъ. А не случилось бы этого, ты пріѣхалъ бы во-время. И твой отецъ на тебя не сердился; онъ зналъ, что ты боленъ, и по нѣскольку разъ въ день спрашивалъ, нѣтъ ли отъ тебя извѣстій. И въ день своей смерти — онъ почти до самаго конца сохранилъ полное сознаніе—онъ поручилъ мнѣ передать тебѣ свое благословеніе.

Глаза у меня были мокры отъ слезъ. И какъ ни старалась она меня успокоить, внутренній укоряющій голосъ во мнѣ не унимался. Я разсказалъ ей все, что было со мной; мнѣ доставляло какое-то болѣзненное удовольствіе обвинять себя какъ можно безпощаднѣе. Она слушала внимательно, но едва упомянулъ я про Михаила Петровича, брови ея нахмурились. Она слегка даже отвернула голову, какъ бы избѣгая моего взгляда.

— Я увѣрена,—сказала она, и голосъ ея слегка задрожалъ,—что Михаилъ Петровичъ старался тебя возстановить противъ меня.

— Нисколько мама̀, увѣряю васъ. Онъ, напротивъ, говорилъ мнѣ...

Я запнулся, почувствовавъ вдругъ, что касаюся жгучаго вопроса, котораго нельзя было высказать ей съ полною откровенностью. Мнѣ пришли на память слова дяди: „помни, что она тебѣ мать и что ты не имѣешь права осуждать ее". Къ счастію, она тотчасъ меня перебила.

— Я знаю, проговорила она, и легкая складка показалась между ея бровями,—что Михаилъ Петровичъ меня не любитъ. У него давно есть какія-то предубѣжденія противъ меня.

Она взглянула на меня вопросительно, словно даже пугливо. Мнѣ стало почему-то неловко, и я прямо ей не отвѣтилъ.

— Развѣ у васъ была,—спросилъ я нерѣшительно,—какая-нибудь размолвка съ дядей?

— Онъ никогда не хотѣлъ понять меня,—сказала она, и на ея стиснутыя губы легло напряженное, недоброе выраженіе.—У него какая-то недовѣрчивость ко всѣмъ людямъ. Ссылка его должно-быть сдѣлала такимъ. Онъ неуживчивый, онъ склоненъ все истолковывать въ дурную сторону.

— Какъ можете вы такъ говорить! У дяди самое доброе, любящее сердце; онъ такъ преданъ всѣмъ намъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ? — Напряженное выраженіе лица матери все усиливалось; иронія слышалась теперь въ ея голосѣ.—Можетъ-быть онъ къ тебѣ привязанъ, ко мнѣ и къ твоему отцу...

— Къ отцу?.. неужели вы не знаете, какъ горячо онъ его любилъ, и чего ему стоило изъ-за меня лишиться послѣдняго свиданія съ нимъ?

— Я вижу,—холодно сказала она, вставая,—что онъ совсѣмъ завладѣлъ тобой. Зачѣмъ же, если онъ былъ

такъ преданъ своему брату и мнѣ, онъ всегда такъ безпокоилъ твоего отца еще прежде, въ Петербургѣ, разными денежными дрязгами? Ты не можешь этого знать, Сережа, конечно, но бѣдному твоему отцу онъ покоя не давалъ, мучилъ его, постоянно вмѣшиваясь въ наши дѣла...

— Какъ? дядюшка?—воскликнулъ я. — Онъ самый честный, самый безкорыстный человѣкъ! — Да, коли на то пошло, мы передъ нимъ кругомъ виноваты. Онъ цѣлый годъ не получалъ изъ Петербурга ни копѣйки.

— А! онъ тебѣ нажаловался. И это, по-твоему, деликатно?

Мнѣ становилось все тяжелѣе отъ словъ матери. Первое впечатлѣніе ея пріема совсѣмъ теперь исчезло. Въ ея словахъ я чувствовалъ неискренность, даже прямую ложь.

— Онъ долженъ былъ зарабатывать деньги...—продолжалъ я.

Но матушка меня уже не слушала.

— Я предчувствовала,—сказала она,—что этотъ человѣкъ настроитъ тебя противъ матери... Хорошо, Сережа. Требуй отъ меня отчета, ты имѣешь на то право, какъ наслѣдникъ отца. Я мало понимаю въ дѣлахъ и при жизни мужа ни во что не вмѣшивалась. Но теперь ради твоихъ же интересовъ я должна была познакомиться съ положеніемъ нашихъ дѣлъ и пересмотрѣть всѣ документы. Для этого я обратилась за помощью къ адвокату, который все привелъ въ порядокъ. И теперь, повторяю тебѣ, я могу дать во всемъ отчетъ.

— Я никакого отчета отъ васъ не прошу,—проговорилъ я, стыдясь, что между нами зашла рѣчь о деньгахъ.—Мнѣ теперь совсѣмъ не до этого.

Она долго смотрѣла на меня молча, какъ бы желая убѣдиться въ искренности моихъ словъ.

— Напротивъ, Сережа, я хочу какъ можно скорѣе дать тебѣ во всемъ отчетъ. Я не ожидала тебя увидѣть

здѣсь и, разумѣется, не взяла съ собою всѣхъ бумагъ. Но я все-таки могу тебѣ объяснить...

— Да чего тутъ объяснять. Я вѣдь и безъ того знаю, что мы разорены почти совсѣмъ и жить придется намъ какъ можно скромнѣе; съ этимъ надо помириться.

— Ты ошибаешься, Сережа. Мы совсѣмъ не разорены. Это тебѣ Михаилъ Петровичъ наговорилъ должно-быть. Правда, у твоего отца оказались долги, но расплатиться будетъ не такъ ужъ трудно.

Она говорила это, не спуская съ меня глазъ. Была какая-то вкрадчивость, непріятно дѣйствовавшая на мой слухъ. Меня подмывало ей отвѣтить, что бѣдный отецъ, всегда жившій такъ скромно, едва ли виноватъ въ накопившихся долгахъ. Но я воздержался отъ малѣйшаго непочтительнаго намека.

— Я очень хорошо понимаю, Сережа,—продолжала она,—что тебѣ странною кажется моя поѣздка въ Парижъ. Я обязана быть бережливою. Но повѣрь мнѣ, я бы ни за что не пріѣхала, если бы не были на то важныя причины. Я тебѣ все скажу, Сережа, только не сегодня.

Она говорила теперь уже совсѣмъ спокойно. Она долго удерживала меня у себя, разспрашивая про Венецію, и меня снова поразило, что она такъ снисходительно и легко смотритъ на мои увлеченія, чуть было не погубившія всю мою жизнь. Время прошло незамѣтно, и я совсѣмъ бы отдался теплому сыновнему чувству, если бы порой мнѣ не казалось, что мать какъ будто старается приласкать меня съ какою-то затаенною цѣлью.

— Я хочу, чтобы мы видѣлись каждый день,—говорила она,—мы всегда будемъ обѣдать вмѣстѣ, и въ хорошую погоду ты, конечно, не откажешься со мной покататься. Тебѣ вѣдь здѣсь дѣлать нечего.

Это было сказано очень задушевно, но какимъ-то слегка заискивающимъ тономъ.

— И потомъ намъ придется обсудить съ тобой,—продолжала она,—что ты станешь дѣлать, когда вернешься въ Россію.

— Да я думаю отправиться въ деревню и заняться дѣлами,—было моимъ отвѣтомъ.

— Ну, да, конечно, на первое время. Но вѣдь надо подумать о твоей карьерѣ. Я очень рада, что могу тебѣ въ этомъ помочь. Графъ Андрей Павловичъ мнѣ давно обѣщалъ тебя пристроить. Ты знаешь, онъ теперь въ Парижѣ. Онъ у меня еще не былъ, но я жду его каждый день.

Въ седьмомъ часу я опять поѣхалъ въ Hôtel Mirabeau, чтобъ отобѣдать съ матерью, какъ мы условились. На этотъ разъ про дѣла уже рѣчь не заходила. Тогда только, когда мы встали, и прислуга удалилась, она вдругъ опять заговорила со мной серьезнымъ тономъ.

— А я теперь хочу сказать тебѣ, Сережа, про одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ поръ умалчивала. Ты часто спрашивалъ, были ли какіе нибудь поводы къ разладу между твоимъ дядей и мною. Да, были... Прежде я не хотѣла говорить съ тобой объ этомъ, ты былъ слишкомъ молодъ; а теперь пора тебѣ сказать всю правду. Я познакомилась съ Михаиломъ Петровичемъ, когда еще не знала твоего отца. Я была тогда очень молода, мнѣ едва минуло семнадцать. Онъ часто пріѣзжалъ къ моимъ родителямъ, но мнѣ и въ голову не приходило, чтобы причиной тому была я. Мнѣ онъ не нравился, да я и не думала еще о свадьбѣ, я даже не выѣзжала. Онъ заводилъ со мной иногда длинные разговоры, все о высокихъ и мудреныхъ предметахъ, и на меня эти разговоры наводили скуку. Вдругъ моя мать объявляетъ мнѣ, что Михаилъ Петровичъ сдѣлалъ предложеніе. Она очень настаивала, чтобъ я согласилась. Онъ казался ей блестящею партіей. Но я отказала на-отрѣзъ, и Михаилъ Петровичъ пересталъ у насъ бывать. Годъ спустя я познакомилась съ твоимъ отцомъ. Мы полюбили другъ друга. Онъ и не подозрѣ-

валъ, чтобы старшій братъ хотѣлъ на мнѣ жениться. Я ему про это не сказала, а мои родители, конечно, хранили это про себя. Михаилъ Петровичъ былъ тогда въ Москвѣ. Когда онъ вернулся и узналъ о помолвкѣ брата, у нихъ произошла ужасная сцена. И съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ и меня, и твоего отца; но меня, кажется, съ особенною силой. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей свадьбы его арестовали. Я не видѣлась съ нимъ до самаго возвращенія его изъ Сибири. Я думала, что въ ссылкѣ онъ забылъ прошлое. Но вышло не такъ. Онъ вернулся оттуда съ прежнею злобой противъ меня и вздумалъ мнѣ отомстить, постоянно возстановляя противъ меня твоего отца. Сперва въ Москвѣ онъ поселился у насъ въ домѣ, и я постаралась держать себя съ нимъ по-родственному. Но скоро жизнь съ нимъ подъ одною кровлею стала невозможною. Мы должны были разстаться. Потомъ уже много лѣтъ спустя, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ пошло опять по старому. Мы видѣлись довольно рѣдко, но почти всякій разъ, какъ онъ бывалъ у насъ въ домѣ, не обходилось безъ какой нибудь сцены. Онъ то и дѣло увѣрялъ твоего отца, что я промотаю его состояніе. Наконецъ, я не вытерпѣла и объявила ему, что не хочу болѣе принимать его къ себѣ въ домъ. Посуди самъ, могу ли я любить его послѣ всего этого? Впрочемъ, теперь,—добавила она вздыхая, — я готова ему протянуть руку. Я не хочу, чтобы надъ свѣжею могилой мужа продолжалась семейная ссора. Скажи ему это, скажи, что я готова его принять и забыть старое. Только, пожалуйста, не упоминай съ нимъ про то, что я тебѣ сейчасъ передала. Не зачѣмъ поднимать весь этотъ хламъ.

Прощаясь со мной, мать неожиданно сказала, ласково цѣлуя меня въ лобъ:

— Кстати, Сережа, не нужно ли тебѣ денегъ? Если хочешь, я могу тебѣ дать еще тысячу франковъ.

Я отказался. Двѣ тысячи франковъ, присланныя мнѣ въ Венецію, далеко еще не вышли. Я ушелъ отъ ма-

тери крайне смущеннымъ. Разсказъ ея казался правдивымъ, а между тѣмъ онъ шелъ такъ явно въ разрѣзъ съ характеромъ дяди. Сталъ бы развѣ онъ мстить любимой когда-то дѣвушкѣ и клеветать на нее передъ мужемъ? Нѣтъ, хотя мать меня о томъ и просила, я не могъ умолчать про все это передъ дядей и оставить мои сомнѣнія не разъясненными. Едва вернулся я домой, я передалъ ему разсказъ матери.

— Я не хотѣлъ, чтобы ты узналъ про это,—заговорилъ онъ, когда я кончилъ, — но теперь я молчать не могу. Выслушай ты и меня въ свою очередь. Я не хочу, чтобы ты обвинялъ меня въ томъ, въ чемъ я не грѣшенъ ни передъ Богомъ, ни передъ людьми.

Болѣе часа я слушалъ дядю съ напряженнымъ вниманіемъ, но теперь у меня устала рука, я не могу болѣе писать. Разсказъ дяди я запишу завтра.

27 января.

Михаилъ Петровичъ воспитывался дома. Мой дѣдъ, Петръ Захаровичъ Градищевъ, рано вышелъ въ отставку и зажилъ въ Москвѣ открыто, по старинному. Его домъ славился на всю Москву широкимъ хлѣбосольствомъ. Петръ Захаровичъ, какъ многіе тогдашніе бары, удалился въ первопрестольную, чтобы слегка фрондировать подальше отъ властей, и въ знаменитой „чернокнижной“ Англійскаго клуба считался однимъ изъ записныхъ краснобаевъ. Онъ слылъ за вольтеріанца, что нисколько ему не мѣшало строго соблюдать посты и держать семью въ суровомъ повиновеніи. Въ молодости онъ принадлежалъ къ масонству, какъ почти всѣ умники Александровской эпохи, и въ своемъ московскомъ домѣ собралъ замѣчательную библіотеку, въ которой не мало было рѣдкихъ старинныхъ изданій. Михаилъ Петровичъ съ ранняго возраста зачитывался произведеніями литературы XVIII вѣка, преимущественно французской, и шестнадцати лѣтъ успѣлъ уже прочесть всю *Энциклопедію*. Въ университетѣ, куда онъ

поступилъ очень молодымъ, онъ принадлежалъ къ кругу серьезной, много читавшей молодежи, среди которой Шеллингъ и Гегель пользовались тогда большою популярностью. Московскій Университетъ вступалъ въ пору своего лучшаго расцвѣта. Дядя вынесъ изъ Университета большой запасъ философскихъ теорій и преданность тѣмъ освободительнымъ взглядамъ, которые наполняли молодыя головы на зарѣ сороковыхъ годовъ. По настоянію отца онъ опредѣлился на военную службу, но выбралъ для себя не одинъ изъ модныхъ полковъ, а славившуюся тогда умственною развитостью гвардейскую артиллерію. Среди его товарищей-офицеровъ господствовало стремленіе къ серьезнымъ занятіямъ. Военная жизнь была для Михаила Петровича прямымъ продолженіемъ университетской. Но здѣсь уже не гегелевская философія владѣла умами, а предметомъ поклоненія была французская литература, въ особенности романы Жоржъ-Занда и творенія Сенъ-Симона и Фурье. Въ сорокъ второмъ году, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, дядя въ первый разъ отправился за границу и, разумѣется, поспѣшилъ въ Парижъ, тогдашній очагъ умственнаго движенія Европы.

„Я живо помню до сихъ поръ“, говорилъ онъ мнѣ— „какое впечатлѣніе я вынесъ изъ засѣданій французской палаты. Что это былъ за высокій полетъ мысли, что за совершенство въ ораторскомъ искусствѣ! Мнѣ казалось, что говорится вокругъ меня не объ однихъ французскихъ дѣлахъ, а что предо мною избранные представители всего человѣчества, которымъ суждено провозглашать истины для цѣлаго міра. Я принималъ къ сердцу всѣ вопросы, волновавшіе тогда Францію, какъ будто отъ ихъ разрѣшенія зависѣло благо всѣхъ народовъ. Теперь я стыжусь уже не родины, конечно, а своихъ тогдашнихъ ребяческихъ мыслей, но въ то время я горячо вѣрилъ, что Франція—храмъ, въ которомъ для всего человѣчества совершается служеніе абсолютной истинѣ. Разумѣется, мои симпатіи были на

сторонѣ республиканцевъ. Двѣ дамы, графиня д'Агу и княгиня Бельджойозо, тогда собирали вокругъ себя весь цвѣтъ передовой литературы. Обѣ онѣ были талантливыя писательницы, обѣ пережили довольно шумныя приключенія, благодаря которымъ онѣ стали и на словахъ и на дѣлѣ проповѣдницами женской эманципаціи. Меня представилъ имъ одинъ изъ секретарей нашего посольства; и никогда еще, ни передъ тѣмъ, ни послѣ я не чувствовалъ такого смущенія, словно я вступалъ въ высшій, избранный міръ. Да и было отчего. Тамъ я встрѣтилъ всѣхъ знаменитостей либеральной Франціи: аббата Ламенне, Ламартина и Араго; тамъ я разъ увидалъ великую Жоржъ-Сандъ. И когда я, годъ спустя, вернулся въ Петербургъ, голова моя была въ какомъ-то чаду, и я смотрѣлъ на себя какъ на обращеннаго въ новую вѣру, которому суждено проповѣдывать ее своимъ согражданамъ. Контрастъ между Парижемъ и Петербургомъ былъ до того силенъ, что перенестись изъ перваго въ послѣдній значило разомъ перемѣнить всѣ условія жизни, какъ бы перейти отъ свѣжаго воздуха въ душную казарму. И вотъ я замѣтилъ, что среди товарищей заводятся тайкомъ вечернія собранія, на которыхъ уже толковали не объ отвлеченныхъ вопросахъ только, а прямо о возможности примѣнить у насъ видѣнные мною западные порядки. За годъ моего отсутствія молодежь сильно ушла впередъ. И какъ разъ потому, что наша обстановка такъ мало походила на западную, мы разомъ шагнули чрезъ всю пропасть, отдѣлявшую насъ отъ передовой Франціи. Спѣшить, такъ уже спѣшить, не оглядываясь, думали мы, и разомъ откинуть все старое. Насъ привлекали не одни парламентскія учрежденія, а та туманная, соціалистическая проповѣдь, вся проникнутая вѣрою въ общечеловѣческіе идеалы, которая читалась въ романахъ Жоржъ-Санда и Эжена Сю, въ страстныхъ, апостольскихъ словахъ Ламенне, въ экономическихъ трудахъ сенъ-симонистовъ. Мы и не допускали сомнѣнія, что

существуетъ безусловно лучшее общественное устройство, и хотя мы бы затруднились сказать, какъ собственно его осуществить, не вѣрить въ него значило въ нашихъ глазахъ противиться водворенію на землѣ новаго рая".

Я съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разсказомъ дяди. Я самъ прошелъ черезъ всѣ ощущенія, какія онъ мнѣ описывалъ. Но какъ далеко подвинулось впередъ мое поколѣніе! То, что въ сороковыхъ годахъ было неопредѣленною мечтой, стало теперь строгимъ научнымъ выводомъ изъ точныхъ вычисленій. Общечеловѣческихъ идеаловъ для насъ уже нѣтъ, мы не мечтаемъ о земномъ раѣ. Но каждому труду мы хотимъ обезпечить полную стоимость его произведеній и чрезъ то устранить тотъ несправедливый барышъ, который выпадаетъ на долю празднаго богача. Но одного, конечно, и я отрицать не стану. Было что-то вдохновляющее, что-то полное обоянія въ той поэтической неопредѣленности идеаловъ, среди которыхъ жило поколѣніе дяди.

Съ начала сорокъ седьмаго года кружокъ, въ которомъ онъ участвовалъ, разросся и принялъ иной характеръ. Къ нему примкнули люди разнаго званія, военные и статскіе, въ томъ числѣ нѣсколько извѣстныхъ литераторовъ. Устроились правильныя засѣданія въ опредѣленные дни, завелась организація и бесѣды пошли уже совершенно иныя. Силились перейти отъ пространныхъ толковъ объ отвлеченныхъ вопросахъ къ болѣе опредѣленнымъ практическимъ задачамъ. Всѣмъ мерещилось сознаніе, что настоящая сила, при помощи которой можно сдвинуть съ мѣста тяжеловѣсное зданіе русскихъ порядковъ, тотъ самый сѣрый народъ, о комъ такъ много говорили всѣ члены кружка, хотя никто изъ нихъ его хорошенько не зналъ. Народъ этотъ надо было привлечь на свою сторону, надо было всколыхнуть спящую громаду. И вотъ стали уже спорить, какъ распредѣлить власть въ будущемъ государственномъ строѣ,

словно ничего не стоило власть эту забрать въ свои руки. Теперь дядя съ улыбкой говоритъ о всемъ этомъ. Ему кажется и смѣшнымъ, и преступнымъ, что носился онъ съ такою задачей и хотѣлъ съ молодою отвагой перевернуть весь строй русской жизни. „Глупо было мечтать объ этомъ“, говоритъ онъ теперь, „когда насъ было всего десятка три-четыре, и хоть бы кликнули мы кличъ на всю Россію, въ слѣдъ за нами не двинулся бы никто; но было это въ то же время и преступно, потому что хвати у насъ тогда силъ, мы бы не задумались зажечь пожаръ на всю страну“. Такъ говоритъ онъ теперь, но тогда онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ движенія.

Въ ту самую зиму, когда начались эти сборища, дядя познакомился съ будущею женой своего брата. Отецъ ея, Алексѣй Алексѣевичъ Нестеровъ, занималъ на службѣ довольно видное мѣсто; онъ былъ сенаторомъ, но состояніемъ и связями онъ похвалиться не могъ. Жена его, урожденная Шварцъ, происходила отъ семьи варшавскихъ негоціантовъ, недавно переселившихся въ Петербургъ и не успѣвшихъ еще обрусѣть. У нея водились свои деньги, только не очень большія. Нестеровы однако принимали у себя охотно по вечерамъ за-просто, изъ понятнаго желанія пристроить своихъ многочисленныхъ дочерей: три изъ нихъ были уже на возрастѣ, четвертая подростала. Всѣ онѣ были очень недурны собой, но особенною красотой выдавалась третья, Ирина, которой едва минуло семнадцать. Въ домъ Нестеровыхъ ввелъ моего дядю единственный братъ молодыхъ дѣвушекъ, Александръ, бывшій однимъ изъ его товарищей по службѣ. Молодой Нестеровъ принималъ тоже участіе въ политическихъ кружкахъ, но участіе это было крайне осторожное; и товарищи, въ томъ числѣ и дядя, ему не слишкомъ довѣряли. За то его семья, незатѣйливые, но радушные пріемы у стариковъ Нестеровыхъ полюбились Михаилу Петровичу сразу. Принимали его у Нестеровыхъ охотно, и дядѣ

было не трудно догадаться, что его тотчасъ стали прочить въ женихи одной изъ старшихъ дочерей. Но его заинтересовала младшая, Ирина, и заинтересовала тѣмъ сильнѣе, что держалась съ нимъ не по лѣтамъ сдержанно. Его прельстило въ ней какъ разъ это странное сочетаніе цвѣтущей молодости и зрѣлаго самообладанія. Несмотря на свои семнадцать лѣтъ, она была развитѣе и начитаннѣе старшихъ сестеръ. Дядя былъ слишкомъ видный женихъ, чтобы старики Нестеровы не согласились за него выдать третью дочь, хоть этимъ и разрушались ихъ разсчеты. Положили однако въ виду ея молодости обождать годъ.

Въ слѣдующую зиму Ирину Алексѣевну стали вывозить. Успѣхъ у нея былъ блестящій. Въ числѣ прочихъ увлекся ею мой отецъ, служившій тогда въ конной гвардіи. Братья жили очень дружно, но Михаилъ Петровичъ до поры до времени не сообщалъ отцу про свою помолвку. Этого потребовали отъ него родители невѣсты, находившіе, что ихъ дочь не должна пока связывать себя формальнымъ обѣщаніемъ, такъ какъ дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ рано еще безповоротно рѣшать свою судьбу. Дядя подчинился этому; но ему порой казалось, что его невѣста слишкомъ ужъ спокойно отвѣчаетъ на его чувство. Онъ часто старался вызвать въ ея сердцѣ живую искру, но она держалась съ нимъ такъ же невозмутимо какъ въ первые дни ихъ знакомства.

Вдругъ его поразило, что братъ прежде никогда не бывавшій у Нестеровыхъ, сталъ пріѣзжать къ нимъ все чаще. Впечатлѣніе, произведенное на него Ириной Алексѣевной, не могло долго оставаться тайной для дяди. Отецъ былъ всегда откровеннымъ съ старшимъ братомъ, хотя привычки и вкусы у нихъ не сходились.

Когда дядя понялъ, что влечетъ моего отца въ домъ Нестеровыхъ, онъ рѣшилъ тотчасъ же объясниться и съ невѣстой, и съ братомъ. Ирина Алексѣевна безъ всякой тѣни смущенія отвѣтила, что никогда не измѣнитъ

данному слову. Не такъ безмятежно обошелся его разговоръ съ братомъ. Отецъ мой признался ему, что страстно полюбилъ его невѣсту, но тутъ же бросился къ нему на шею, прося у него прощенія и обѣщая ему заглушить вспыхнувшее въ немъ чувство. Онъ явился къ Нестеровымъ уже въ качествѣ брата нареченнаго жениха, скрывать помолвку было ужъ теперь нельзя; но любви своей онъ сразу осилить не могъ и предпочелъ уѣхать изъ Петербурга. Онъ вышелъ изъ полка и поселился въ деревнѣ.

Срокъ испытанія, на которомъ настояли родители моей матери, теперь приходилъ къ концу; до свадьбы оставалось всего три мѣсяца. Дядя весь отдался своему счастію. Онъ даже сталъ рѣже бывать на пріятельскихъ бесѣдахъ, завладѣвшая имъ любовь охладила его понемногу къ политическимъ друзьямъ. Но какъ разъ на порогѣ новой жизни связь съ этими друзьями дала себя почувствовать. Разъ къ нему зашелъ его будущій шуринъ, молодой Нестеровъ, и предупредилъ его, что членамъ кружка не сдобровать. Онъ посовѣтовалъ дядѣ быть осторожнымъ и не скрылъ отъ него, что самъ онъ заблаговременно оградилъ себя отъ возможной отвѣтственности, чистосердечно во всемъ признавшись, кому слѣдовало. Онъ рѣшился во время предостеречь дядю изъ родственнаго чувства. Но въ Михаилѣ Петровичѣ его поступокъ возбудилъ одно презрѣніе. Не таковъ человѣкъ былъ дядя, чтобы отстать отъ товарищей въ минуту опасности, хотя бы ради любимой невѣсты. Онъ напрямикъ объявилъ будущему шурину, что считаетъ его подлецомъ и обо всемъ передастъ членамъ кружка, участь которыхъ онъ готовъ раздѣлить. Передъ этимъ онъ не говорилъ невѣстѣ и ея родителямъ про свои политическіе замыслы. Въ молодой дѣвушкѣ онъ старался, правда, возбудить сочувствіе къ своимъ идеямъ, и съ грустью замѣчалъ, что въ ней онѣ отклика не находятъ, но далѣе этого онъ не шелъ. Нельзя было даже будущимъ роднымъ сообщить про тайну, разгласить

которую было такъ опасно. Дядя и не подозрѣвалъ, что молодому Нестерову, давно отставшему отъ кружка, все было хорошо извѣстно, и хранилъ онъ молчаніе только до поры, до времени. Скоро оказалось, что и предостерегъ онъ дядю слишкомъ поздно. Михаилъ Петровичъ не успѣлъ бы уйти отъ отвѣтственности, еслибы даже захотѣлъ. Не прошло и трехъ дней, какъ въ той квартирѣ, гдѣ обыкновенно собирались, произведенъ былъ обыскъ, и вслѣдъ затѣмъ были арестованы нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ. Съ часу на часъ Михаилъ Петровичъ могъ ожидать и своего ареста: въ захваченныхъ бумагахъ имя его встрѣчалось не разъ. Тотчасъ же въ немъ сложилось рѣшеніе. Онъ написалъ брату въ деревню, прося его немедленно пріѣхать; потомъ онъ отправился къ родителямъ невѣсты и во всемъ передъ ними признался. Старики Нестеровы страшно перепугались и осыпали Михаила Петровича жесткими упреками, одна Ирина Алексѣевна выказала твердость. Она сказала жениху, что судьба его будетъ и ея судьбой. Но дядя и слышать не хотѣлъ про такую жертву. „Я не знаю еще, что со мною будетъ“,—сказалъ онъ,—„можетъ-быть грозу пронесетъ мимо. Не сдѣлали мы собственно ничего противозаконнаго, а за одни слова голову съ плечъ не снимаютъ“.

— Хороши слова!—негодующимъ голосомъ перебилъ его будущій тесть,—вы измѣнники, бунтовщики...

Дядя съ достоинствомъ выслушалъ этотъ потокъ гнѣвныхъ нареканій. Онъ объявилъ, что возвращаетъ невѣстѣ данное слово. Но старикъ Нестеровъ не унимался.

— Вы возвращаете данное вамъ слово,—закричалъ онъ,—еще бы не возвратили; а чѣмъ вознаградите вы мою бѣдную дочь за то, что она цѣлый годъ считалась вашею невѣстой, а теперь у нея женихъ былъ да сплылъ? Свадьбу эту теперь протрубили по всѣмъ знакомымъ, а вы знаете, милостивый государь, что̀ значитъ для дѣвушки стать предметомъ городскихъ толковъ и сплетенъ.

— Я всегда была противъ этой свадьбы,—поддакивала ему жена, не смотря на то, что съ самаго начала она усердно заманивала Михаила Петровича къ себѣ въ домъ.

Воображаю, каково было бѣдному дядѣ все это слушать. Онъ надѣялся, что по крайней мѣрѣ невѣста приметъ его сторону и выкажетъ ему сочувствіе; но она сидѣла вся неподвижная, какъ бы окаменѣлая. Ни слова утѣшенія не проронили ея безучастныя губы. И дядя принесъ послѣднюю жертву. Онъ самъ захотѣлъ добровольно не только отречься отъ невѣсты, но и уступить ее другому. Онъ отвелъ въ сторону ея мать и сказалъ ей тутъ же про любовь своего брата къ ея дочери. Старики Нестеровы сперва выказали притворное удивленіе, какъ бы не рѣшаясь даже съ нею заговорить объ этомъ; но въ душѣ они были очень рады возможности промѣнять одного брата на другого: состояніе вѣдь у нихъ было одинаковое.

Черезъ нѣсколько дней мой отецъ вернулся. Сначала онъ не хотѣлъ и слышать про великодушную жертву брата. Онъ увѣрялъ его, что опасность не такъ велика, что судъ можетъ быть окажется милостивымъ, да его пожалуй и не арестуютъ вовсе. Но Михаилъ Петровичъ настоялъ на своемъ, отецъ далъ себя уговорить, и мало-по-малу радостная близость такъ недавно еще несбыточнаго счастья разогнала его мучительныя сомнѣнія. Самъ Михаилъ Петровичъ привелъ его къ Нестеровымъ. И сердце дяди должно быть болѣзненно сжалось, когда онъ увидѣлъ, что бывшая невѣста покорно мирится съ рѣзкимъ поворотомъ въ своей судьбѣ. Она согласилась не сразу, но съ первыхъ же ея словъ дядя понялъ, что она не любила его никогда.

Три дня спустя, его арестовали. Онъ и не пытался избѣжать ареста. Теперь ему было все равно, что бы съ нимъ ни случилось. Наканунѣ того дня, когда его взяли, онъ потребовалъ и отъ брата и отъ бывшей невѣсты торжественнаго клятвеннаго обѣщанія, что они станутъ

другъ друга вѣрно и преданно любить, дабы, лишаясь своего счастья, онъ по крайней мѣрѣ зналъ, что имъ обоимъ счастье обезпечено.

Михаила Петровича осудили на двадцатилѣтнюю каторгу. Такого строгаго приговора онъ не ожидалъ; но выслушалъ онъ его съ тою спокойною твердостью, съ какою встрѣчаютъ тяжкія испытанія тѣ только люди, для которыхъ въ жизни нѣтъ уже ничего, что могла бы отнять у нихъ самая немилосердная кара. И когда на площади онъ всходилъ на эшафотъ и надъ нимъ совершался обрядъ публичной казни, онъ мысленно переносился къ любимой дѣвушкѣ, и уже не страсть къ ней говорила въ его сердцѣ, а радость о томъ, что утраченное счастье досталось дорогому брату.

Этимъ Михаилъ Петровичъ заключилъ свой разсказъ. Я пытался разспросить его про то, что было, когда онъ вернулся изъ ссылки. Я не понималъ, какъ это между нимъ и матерью могли возникнуть враждебныя отношенія. Но про это дядя говорить не хотѣлъ. Онъ сознался только, что мать моя встрѣтила его недружелюбно и что скоро вдобавокъ между ними возникли какія-то недоразумѣнія. Но болѣе этого я отъ него не узналъ, и печальная повѣсть такъ и осталась недосказанною.

28 января.

Я вчера не присутствовалъ при свиданіи Михаила Петровича съ матушкой. Онъ хотѣлъ съ нею видѣться съ глазу на глазъ. Дядя отправился въ Hôtel Mirabeau въ началѣ одиннадцатаго; разговоръ длился битыхъ два часа и должно быть это былъ бурный разговоръ; только когда я вошелъ къ матери, оба они казались сильно взволнованными. По лицу дяди я однако замѣтилъ, что онъ былъ доволенъ результатомъ объясненія.

— Михаилъ Петровичъ поступилъ не по-твоему, Сережа,—сказала мнѣ мать съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ.—Онъ подробно меня обо всемъ разспросилъ; сейчасъ видно, что онъ совсѣмъ дѣловой человѣкъ. И

я этому очень рада: недоразумѣній между нами теперь по крайней мѣрѣ не будетъ никакихъ.

— Вы мнѣ позволите, Ирина Алексѣевна,—вмѣшался дядя,—теперь же все передать Сережѣ въ вашемъ присутствіи?

— Я васъ объ этомъ даже прошу,—отвѣтила она.

Какъ ни претили мнѣ эти денежные разсчеты, пришлось подчиниться. Дядя усѣлся за столъ, на которомъ лежало нѣсколько листовъ, исписанныхъ цифрами. Матушка принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, волненіе ея все еще не улеглось.

Михаилъ Петровичъ принялся читать свои выкладки. Оказалось, что подъ имѣніе, заложенное въ одномъ изъ земельныхъ банковъ, были за мѣсяцъ передъ смертью отца заняты еще тридцать пять тысячъ по второй закладной. Сверхъ того, неуплаченныхъ частныхъ долговъ по разнымъ векселямъ и счетамъ оставалось еще тысячъ на пятьдесятъ. Свободныхъ денегъ отъ второго залога имѣнія уцѣлѣло не болѣе пяти тысячъ. На покрытіе долговъ оставалось одно средство: продать часть земли и послѣдній уцѣлѣвшій лѣсъ. Сдѣлавъ это, можно было разсчитывать на небольшой чистый доходъ, конечно при тщательномъ хозяйничаньи. Но для этого прежде всего слѣдовало какъ можно скорѣй смѣнить управляющаго, который оказывался явнымъ плутомъ. Все это Михаилъ Петровичъ объяснилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ. Мнѣ было жутко сознавать, что онъ какъ будто читаетъ обвинительный актъ противъ матери. Нѣсколько разъ я хотѣлъ остановить дядю, но матушка сама требовала, чтобъ я дослушалъ до конца.

— Ты все забываешь, Сережа,—повторяла она,—что здѣсь заинтересованъ не ты одинъ: половина имѣнія принадлежитъ Михаилу Петровичу, и онъ не имѣетъ никакого повода со мною великодушничать.

Это говорилось съ явною цѣлью уязвить дядю, но онъ оставался совершенно хладнокровнымъ.

— Сережа—мой единственный наслѣдникъ,—возра-

зилъ онъ,—свои права я отстаиваю только изъ-за него, вы это очень хорошо знаете.

— Во всякомъ случаѣ,—отвѣтила мать,—вы оба теперь убѣдились, что далеко не разорены, и вамъ останется чѣмъ жить.

Мы промолчали: за уплатой всѣхъ долговъ могло уцѣлѣть не болѣе трети прежняго состоянія.

— Я вотъ что думаю сдѣлать,—спустя минуту, опять заговорилъ Михаилъ Петровичъ,—завтра поѣду въ Петербургъ и постараюсь тамъ все уладить, то есть прежде всего пріискать вѣрнаго человѣка.

— Да мы, я думаю, — сказалъ я,— могли бы чрезъ недѣлю поѣхать и вмѣстѣ?

— Нѣтъ, медлить нельзя. Тебя я съ собою не возьму, потому что твоя мать желаетъ, чтобы ты остался здѣсь; да и на первыхъ порахъ твое присутствіе тамъ не нужно, а недѣли чрезъ три, много чрезъ четыре я вернусь.

— Вы находите,—насмѣшливо замѣтила мать,—что Сережа не въ такихъ еще лѣтахъ, когда можно одному путешествовать?

— Я вамъ уже сказалъ,—холодно возразилъ дядя,—зачѣмъ я считаю нужнымъ сюда вернуться.

Онъ пристально взглянулъ на мать, и я замѣтилъ, какъ она опустила глаза передъ его взглядомъ.

— Впрочемъ,—добавилъ онъ, — отъ васъ зависитъ все устроить гораздо проще и лучше. Мы могли бы уѣхать всѣ вмѣстѣ, но вѣдь вы этого не хотите?

Матушка не отвѣтила. Вдругъ въ дверяхъ показался слуга и доложилъ, что пріѣхалъ графъ Завойскій. Глаза у матери мгновенно блеснули, и легкая краска показалась на ея щекахъ.

— Просите,—сказала она слугѣ.

Михаилъ Петровичъ поднялся съ мѣсга.

— Куда вы? останьтесь!—обратилась мать къ нему.

Глаза ихъ встрѣтились на мигъ, и въ этотъ разъ опять она не выдержала пристальнаго взгляда Михаила Петровича.

— Графъ до сихъ поръ у меня еще не былъ,—почему-то сказала она мнѣ.

Въ корридорѣ за дверью послышались быстрые шаги, Андрей Павловичъ вошелъ. Не смотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, онъ сохранилъ замѣчательную молодцоватость. Онъ былъ высокаго роста, нѣсколько плечистъ, но вся его фигура, выпрямленная и гибкая, не обнаруживала еще никакой наклонности къ свойственной его возрасту полнотѣ. Голову онъ держалъ немного откинутою назадъ, движенія его были легки и быстры, глаза часто вспыхивали, и не будь у него сѣдины въ волосахъ, да если бы не серебрились немного его длинные бѣлокурые усы, графа можно было принять за молодого человѣка,

— Я передъ вами кругомъ виноватъ,—быстро подошелъ онъ къ матери, и пожавъ ея протянутую руку, поднесъ ее къ губамъ.

Она встрѣтила его съ улыбкой на лицѣ, но въ глазахъ ея читался въ то же время упрекъ. Голосъ у графа былъ громкій и увѣренный, но въ немъ слышалась затаенная ласка. А глаза, умѣвшіе такъ гордо и холодно глядѣть, — я часто подмѣчалъ въ нихъ этотъ взглядъ, — умѣли порой и льстиво умолять и мягко улыбаться. Съ перваго взгляда на графа не трудно было угадать въ немъ баловня женщинъ, съ раннихъ лѣтъ научившагося очаровывать ихъ.

— Вы не вѣсть что обо мнѣ подумали? любезно улыбаясь, продолжалъ онъ.—А я съ перваго же дня, когда узналъ что вы здѣсь, все къ вамъ собирался...

Это было, конечно, плохое извиненіе; но по лицу графа, по его веселому тону было замѣтно, что онъ извиняется шутя, какъ человѣкъ вполнѣ убѣжденный, что съ него взыскивать не станутъ.

— A tout peché miséricorde, смѣясь возразила матушка, видимо поддаваясь обаянію его ласковой развязности.

Графъ какъ будто теперь только увидалъ Михаила

Петровича и меня. Онъ живо подошелъ къ дядѣ, любезно протянулъ ему руку, сказавъ: „давненько мы съ вами не видались, Михаилъ Петровичъ“; и словно даже не примѣтилъ, что дядя холодно, почти неохотно принялъ его руку. Потомъ онъ обратился ко мнѣ.

— Порядочно таки вы мамашу напугали, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, здороваясь.—Какъ не стыдно въ ваши годы хворать, да еще въ Италіи. Но теперь, я вижу, вы совсѣмъ молодцомъ.

Андрей Павловичъ усѣлся на креслѣ противъ матушки, и не то шутливо, не то задушевно принялся ее журить, что она зимой совершила такое дальнее путешествіе, даже не предупредивъ своихъ друзей.

— Вѣдь я всего за недѣлю передъ вами уѣхалъ изъ Петербурга, а тогда, помнится, и рѣчи не было о вашемъ намѣреніи отправиться въ Парижъ...

Онъ словно приглашалъ матушку сказать ему о причинѣ своего пріѣзда, но мать не отвѣтила, и графъ, всегда отличавшійся тактомъ, настаивать не сталъ.

— Впрочемъ, вы хорошо сдѣлали,—продолжалъ онъ, и голосъ его принялъ серьезный оттѣнокъ,—въ минуты горя перемѣна мѣстъ самое лучшее изъ лекарствъ.

Онъ закинулъ ногу на ногу и задумчиво провелъ рукой по мягкимъ усамъ.

— А вы сюда на долго?—спросила мать.

— Не знаю, право. Это будетъ зависѣть отъ... отъ разныхъ обстоятельствъ.

Говоря это, онъ сперва на нее взглянулъ, потомъ опустилъ глаза и поигралъ часовою цѣпочкой. Мнѣ показалось, что онъ намѣренно запнулся въ своемъ отвѣтѣ, какъ бы желая этимъ подчеркнуть свои слова.

Михаилъ Петровичъ взялся за шляпу.

— Я повидаюсь съ вами еще завтра,—сказалъ онъ, прощаясь съ матерью.

Графъ на мигъ вскинулъ глазами на дядю.

— Михаилъ Петровичъ уѣзжаетъ въ Россію—проговорила матушка, какъ бы въ видѣ объясненія.

— А!.. процѣдилъ графъ, слегка кивнувъ головой. Онъ опять посмотрѣлъ на дядю. Тотъ церемонно ему поклонился и вышелъ. На этотъ разъ они другъ другу руки не протянули.

Я хотѣлъ послѣдовать примѣру дяди, но графъ меня остановилъ.

— Куда вы, молодой человѣкъ?—шутливо проговорилъ онъ.—Мы васъ не отпустимъ; садитесь и будемъ бесѣдовать.

Онъ взялъ меня за локоть, и, усадивъ возлѣ себя, принялся разспрашивать про мои венеціанскія впечатлѣнія. Я, разумѣется, отвѣчалъ только для виду. Но мнѣ почудилось, что графу кое-что про меня извѣстно; по крайней мѣрѣ его лѣвый глазъ какъ-то лукаво щурился. Онъ, впрочемъ, воздержался отъ всякаго намека. И слушалъ онъ меня, точно его въ самомъ дѣлѣ могли интересовать мои впечатлѣнія.

Я замѣтилъ, что матери какъ будто не совсѣмъ пріятно мое присутствіе; и тѣмъ болѣе меня это удивило, что графъ, напротивъ, всячески старался меня задержать. Я остался, признаюсь, изъ какого-то мнѣ самому непонятнаго любопытства. Но говорилъ онъ съ матушкой о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. И остался онъ очень не долго, всего какихъ-нибудь четверть часа. Раза два-три въ его голосѣ какъ бы прорывалась грустная сочувственная нота, онъ припоминалъ отца, какъ близкаго и дорогого ему человѣка; потомъ, задумчиво опустивъ глаза, погружался на мигъ въ молчаніе, но въ промежуткахъ между этими воспоминаніями онъ развязно и весело болталъ объ общихъ знакомыхъ, о парижскихъ театрахъ и мелькомъ коснулся политики, отпустивъ колкую насмѣшку по адресу французскихъ республиканцевъ. Про цѣль своего путешествія онъ не сказалъ намъ ничего, намекнувъ лишь вскользь, что ему дано какое-то дипломатическое порученіе. Но и тутъ ему не измѣнила обычная легкость тона. Графъ былъ одинъ изъ тѣхъ сановниковъ, которые о самыхъ

крупныхъ вопросахъ говорятъ такъ, какъ будто не придаютъ имъ цѣны. Важности онъ на себя не напускалъ, это было не въ его духѣ.

— А вы довольны этимъ отелемъ, Ирина Алексѣевна?—спросилъ онъ уже подъ самый конецъ своего визита, и его игривый тонъ сразу замѣнился задушевнымъ.

— Ничего. Вы знаете, я къ этому очень равнодушна, — холодно проговорила мать, словно она не могла даже спускаться до такихъ мелочей.

— Я здѣсь никогда не живалъ, но это, говорятъ, одна изъ лучшихъ гостинницъ. Только вотъ что, Ирина Алексѣевна, вы такъ любите музыку, а у васъ здѣсь, я вижу, нѣтъ инструмента.

Мать въ самомъ дѣлѣ играла очень хорошо и знала въ музыкѣ толкъ.

— Я объ этомъ еще не подумала,—отвѣтила она,—да едва ли стоитъ? Я останусь здѣсь такъ не долго.

— Не долго? — разсмѣялся графъ. — Ранѣе лѣта, я думаю, вы не уѣдете?

— Я здѣсь и мѣсяца не пробуду.

Матушка проговорила это страннымъ голосомъ, точно въ ея словахъ заключался какой-то невысказанный вопросъ.

— Помилуйте! Вы должны здѣсь пробыть весну. Развѣ вы не знаете, что за прелесть парижская весна?

Мать только поиграла кольцами на своихъ пальцахъ. Графъ поднялся съ мѣста.

— А на счетъ инструмента,—сказалъ онъ,—позвольте ужъ мнѣ распорядиться. Вы можете мнѣ довѣриться; вы знаете, я кое-что въ этомъ смыслю.

Мнѣ страннымъ показалось, что мать приняла эти слова какъ самую заурядную любезность, за которую едва благодарятъ.

— И вотъ что я вамъ скажу еще,—продолжалъ онъ,—здѣсь вамъ все таки не совсѣмъ хорошо,—онъ окинулъ комнату бѣглымъ взглядомъ,—зачѣмъ вамъ оставаться въ третьемъ этажѣ? Если вы позволите, я переговорю

съ хозяиномъ. Можетъ быть окажется что-нибудь подходящее въ первомъ или во второмъ.

Матушка едва замѣтно повела плечами.

— Я вамъ уже сказала, что мнѣ совершенно все равно, гдѣ мнѣ приходится жить, когда я въ гостинницѣ.

— Будто ужъ такъ все равно?—опять разсмѣялся онъ—и въ его смѣхѣ было почти что-то игривое.

— Когда мы увидимся опять?—спросила матушка, въ свою очередь вставая.

— На дняхъ, Ирина Алексѣевна, на дняхъ; послѣзавтра, я думаю. Дайте только покончить съ этимъ глупымъ дѣломъ, которое мнѣ навязали, я весь къ вашимъ услугамъ.

Онъ снова поцѣловалъ ей руку съ видомъ ласковой почтительности, потомъ онъ пожалъ мою и вышелъ.

Я тотчасъ послѣдовалъ его примѣру. Мнѣ почему-то теперь не хотѣлось оставаться съ матушкой съ глазу на глазъ.

1 Февраля.

Дядюшка уѣхалъ только вчера. Его задержало въ Парижѣ засвидѣтельствованіе у насъ въ консульствѣ выданной ему мною довѣренности. Съ матушкой мы видимся часто, иногда по нѣскольку разъ въ день. Мы и выѣзжаемъ, и обѣдаемъ вмѣстѣ; благодаря трауру она ведетъ совершенно уединенную жизнь и ни у кого не бываетъ. Ея единственное развлеченіе—прогулка со мною по Булонскому лѣсу. Но все-же, не смотря на то, что мы постоянно вдвоемъ, настоящей задушевности между нами какъ-то не устанавливается.

Передъ отъѣздомъ дядя видѣлся съ нею еще разъ. Про что они говорили, я не знаю; только, прощаясь съ нею уже въ моемъ присутствіи, онъ сказалъ ей съ какою-то торжественностью: „Помните свое обѣщаніе, Ирина Алексѣевна; надѣюсь, что къ моему возвращенію все будетъ кончено. А я не заставлю долго себя ждать“.

Вчера матушка перемѣстилась въ бель-этажъ. У нея теперь просторная гостиная. Ее всю убрали растеніями

и цвѣтами. Не понимаю къ чему эта роскошь... Въ одномъ изъ угловъ стоитъ піанино Эрара. Она часто на немъ играетъ, но мнѣ почти непріятно ее слушать; непріятно потому должно быть, что инструментъ ей присланъ графомъ. Страннымъ мнѣ кажется и то, что, отправляясь со мною кататься, она всегда нанимаетъ изящное ландо парой, вмѣсто простого фіакра. Все это обходится не дешево. Откуда беретъ она средства?

Проѣзжая съ нею по широкой улицѣ, которая ведетъ отъ Тріумфальныхъ Воротъ къ Булонскому лѣсу, я припомнилъ, что въ одномъ изъ домовъ этой улицы живетъ Ванда. Странное любопытство заставило меня искать глазами этотъ домъ. Я читалъ нумера, выставленные на стѣнахъ, и когда мы подъѣзжали къ № 56, сердце мое сильно забилось. Глупо, да что дѣлать!... Это былъ небольшой, но очень изящный домикъ затѣйливой архитектуры съ широкими италіянскими окнами и чугунными балкончиками. Передъ крыльцомъ былъ разбитъ палисадникъ, у подъѣзда стояло купэ съ запряженною въ него красивою лошадью. Я невольно заглянулъ въ окна, они были завѣшаны, въ нихъ било яркое солнце. Чувство озлобленной гадливости овладѣло мной; и отвратительнымъ мнѣ показался весь этотъ блестящій Парижъ съ его нарядными домами, за стѣнами которыхъ такъ часто, я думаю, наглая роскошь покрываетъ собою позоръ ихъ обитателей. И такъ всѣ свыклись съ этимъ зрѣлищемъ, что перестало оно даже претить, и такъ называемые порядочные люди, не краснѣя, размѣщаются на покойныхъ креслахъ и садятся за столъ въ такихъ домахъ, гдѣ все продажно, начиная съ хозяйки. Что, если я когда нибудь встрѣчусь съ нею невзначай? Экая бѣда! Я, разумѣется, даже не поклонюсь ей; какое мнѣ до нея дѣло? Пусть она наслаждается своею привольною жизнью! Кто знаетъ, можетъ быть находятся люди, которые не брезгаютъ ея гостепріимствомъ? Она, пожалуй, подыщетъ себѣ кругъ знакомыхъ, которые согласятся ее потѣшать наружными

пріемами кажущагося уваженія. Въ Парижѣ все можно купить за деньги; и въ томъ космополитическомъ обществѣ знатныхъ проходимцевъ, которые стекаются сюда отовсюду, не мудрено создать себѣ призракъ мишурной порядочности.

6 февраля.

Я всталъ сегодня ранѣе обыкновеннаго. Меня потянуло изъ своей душной комнаты на открытый воздухъ. За ночь погода рѣзко перемѣнилась: вдругъ словно повѣяло весной. Парижъ мнѣ особенно нравится въ утренніе часы, когда узкія улицы погружены еще въ полупрозрачную тѣнь, и лишь въ окнахъ верхнихъ этажей блестятъ лучи солнца, стыдливо и нерѣшительно улыбающагося сквозь дымку, какъ молодое женское лицо изъ за опущенной вуали.

Черезъ пять минутъ я былъ уже на Елисейскихъ поляхъ. Высокія деревья бросали на мостовую тощія длинныя тѣни своихъ оголенныхъ вѣтвей; низкое еще солнце, блѣдное и туманное, едва прокрадывалось изъ за домовъ: тучъ не было на голубоватомъ небѣ, только все оно было точно застлано легкою бѣловатою тканью

Я быстро шелъ по направленію къ Булонскому лѣсу; на Елисейскихъ поляхъ въ ранніе часы прохожихъ немного. Порой мнѣ попадались навстрѣчу и нарядныя молодыя женщины, вышедшія на утреннюю прогулку. Парижанки встаютъ рано, и дамы высшаго круга выбираютъ для прогулки всего охотнѣе тотъ часъ, когда улицы пусты. Я перешелъ громадный кругъ площади, на которой высится арка, и направился къ Булонскому лѣсу. Тутъ было еще пустыннѣе. Одинъ воздухъ свободно гулялъ по широкому бульвару. По шоссе вовсе не слышалось стука колесъ. Я поравнялся съ домомъ Ванды. Окна были закрыты ставнями: какой-то человѣкъ усердно обметалъ крыльцо; должно-быть всѣ еще спали. Домъ, весь облитый мягкимъ, неяснымъ свѣтомъ утренняго солнца, глядѣлъ какъ-то особенно чисто и нарядно. Я прошелъ мимо, стараясь

не думать о Вандѣ. Я перенесся мысленно въ Петербургъ, гдѣ теперь дядя, а воображеніе мое какъ на зло вызывало передо мной образъ Ванды. Вдругъ мнѣ послышался конскій топотъ; три всадника шагомъ возвращались изъ Булонскаго лѣса. Долго я не могъ разглядѣть ихъ, такъ терялся ихъ обликъ въ блестящей утренней мглѣ; но вотъ они мало-по-малу вынырнули изъ облака свѣтлой пыли; посреди ѣхала молодая женщина въ темно-синей амазонкѣ, по обѣ ея стороны двое мужчинъ. До меня уже доносились ихъ веселые голоса. Но вотъ мы совсѣмъ поравнялись. Невольно я поднялъ голову и посмотрѣлъ на молодую женщину. Наши взоры встрѣтились и она по дружески кивнула головой. Тутъ только узналъ я Ванду. Румянецъ игралъ на ея лицѣ, глаза блистали весельемъ; она повторила свой поклонъ, не сводя съ меня глазъ. Я остановился какъ вкопанный, и должно быть лицо мое выразило смущеніе, только оба ея спутника пристально и, кажется, насмѣшливо на меня посмотрѣли. Я почувствовалъ, что краснѣю. Едва всадники проѣхали мимо, до меня донесся громкій смѣхъ, должно быть по моему адресу. Я сердито топнулъ ногой. Очень нужно мнѣ было выказывать смущеніе! Въ ея развязномъ привѣтствіи былъ очевидный вызовъ. Какъ! Она, которой бы надо было застыдится при встрѣчѣ со мной, такъ свободно и беззастѣнчиво смотритъ мнѣ въ глаза, а я почему-то ощущаю приливъ какой-то нелѣпой пристыженности!

И я поспѣшилъ вернуться домой, прогулка моя была испорчена. Я чувствовалъ досаду на нее и еще болѣе на себя самого.

9 февраля.

Вчера я обѣдалъ у матушки вмѣстѣ съ графомъ Андреемъ Павловичемъ. Графъ былъ еще любезнѣе обыкновеннаго; онъ много разсказывалъ и острилъ и, должно признаться, острилъ довольно удачно. Матушка тоже казалась въ прекрасномъ расположеніи духа; мнѣ одному было не по себѣ. Разсказы графа, въ которыхъ

всегда проглядывало глубокое презрѣніе къ людямъ, возбуждали во мнѣ не смѣхъ, а досаду; чувствовалось, съ какимъ наслажденіемъ онъ подмѣчалъ въ комъ-нибудь подленькую черту и какъ охотно всегда былъ готовъ подвергнуть искушенію замѣченную людскую слабость; въ его положеніи случаевъ къ тому представлялось не мало,

— Въ особенности,—говорилъ онъ,—терпѣть не могу такихъ молодчиковъ, которые изъ себя корчатъ римскихъ патріотовъ, а у самихъ душонка такъ въ пятки и просится. Разъ ко мнѣ является такой господинъ изъ австрійскихъ братушекъ. Почему-то онъ вообразилъ, что мы обязаны не только давать ему деньги на его глупую агитацію, но еще и спасать его отъ бѣды, когда онъ накуралеситъ. Этому барину въ Австрію запрещенъ былъ въѣздъ, и подѣломъ, потому что, между нами, всѣ эти братушки, да какія-то славянскія идеи, все тотъ же нигилизмъ. Такъ этотъ господинъ, да еще необыкновенно гордо, предлагаетъ мнѣ одно изъ двухъ: либо заступиться за него передъ Австрійскимъ правительствомъ, либо дать ему профессорскую каѳедру у насъ. А я въ свою очередь отвѣтилъ ему двумя иными предложеніями: либо черезъ двадцать четыре часа его отвезутъ подъ конвоемъ за границу, потому что этой швали у насъ у самихъ довольно, либо онъ получитъ мѣсто—только не профессора, а полицейскаго. Я вижу: голъ какъ соколъ человѣкъ, а заявляетъ разныя претензіи. Надо было ему спѣси поубавить. И вышелъ изъ него околоточный хоть куда; даже самолично потомъ двухъ агитаторовъ куда слѣдуетъ представилъ.

Не мудрено, что меня коробило отъ такихъ рѣчей, тѣмъ болѣе, что вѣжливость не позволяла отвѣтить графу, какъ бы слѣдовало. А со мной онъ какъ на зло, былъ предупредителенъ до нельзя. Я охотно бы отвѣтилъ дерзостью на каждое его любезное слово.

Послѣ обѣда зашла рѣчь обо мнѣ.

Не понимаю, съ какой стати матушка вздумала

дѣлать графа рѣшителемъ моей судьбы. Я давно уже сказалъ ей, что мнѣ никакой протекціи не нужно. Графъ спросилъ у меня, что я намѣренъ дѣлать, и спросилъ притомъ очень деликатно, замѣтно стараясь не задѣть моего самолюбія. Я отвѣтилъ ему, что думаю поселиться въ деревнѣ.

— Прекрасное дѣло,—отвѣтилъ онъ, — только вѣдь получать съ крестьянъ деньги за землю, хоть оно и похвально очень, все таки въ ваши лѣта недостаточное занятіе; или вы, можетъ быть, собираетесь идти по земству?

И послѣднее слово онъ произнесъ съ очевиднымъ презрѣніемъ.

— Коли выберутъ, да,—было моимъ отвѣтомъ.

Графъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Вы мнѣ напоминаете тѣхъ мальчиковъ,—сказалъ онъ, закуривая папироску и становясь задомъ къ пылающему камину,—которые очень недовольны, когда имъ не даютъ чернаго хлѣба. Знаете что, Ирина Алексѣевна,—обратился онъ къ матери,—напрасно вы изъ него военнаго не сдѣлали. Вѣдь это въ сущности единственная прямая дорога для людей нашего круга.

Слово „сдѣлали" не совсѣмъ пріятно прозвучало въ моихъ ушахъ.

— Онъ самъ не захотѣлъ,—отвѣтила мать.

Графъ потянулъ себя за правый усъ.

— А почему вамъ дипломатія не нравится?—спросилъ онъ меня.

— Да потому, что это балагурство, возведенное въ принципъ,—возразилъ я.

Графъ разсмѣялся.

— Этакія фразы, мой милый,—сказалъ онъ,—только въ газетахъ печатаютъ. Много развѣ, вы думаете, людей, которые въ самомъ дѣлѣ что-нибудь дѣлаютъ на свѣтѣ? Пропасть такихъ, правда, которые, не дѣлая рѣшительно ничего, вѣчно о томъ сокрушаются; но въ эту категорію я думая васъ не тянетъ? Такъ не лучше ли идти туда, гдѣ бьютъ баклуши откровенно?

— Я ужъ сказалъ вамъ, графъ,—возразилъ я,—что служба меня вообще не прельщаетъ.

Графъ посмотрѣлъ на меня молча; потомъ онъ снова обратился къ матушкѣ.

— Ирина Алексѣевна, да сынокъ вашъ не заразился ли ужъ современными идеями, чего добраго?

— А по вашему, графъ, это было-бы непростительно?— спросилъ я.

— Помилуйте!.. напротивъ!.. Кто-жъ теперь не либералъ!.. По моему непростительно только воображать, что это къ чему-нибудь обязываетъ... Скажите, пожалуйста, вы никогда не были влюблены, то есть какъ слѣдуетъ, по уши?

— Положимъ, что былъ. Что-жъ изъ этого?

— Я вѣдь васъ не исповѣдывать собираюсь, поймите это. Я это только такъ сказалъ, потому что женщины, это самое вѣрное лекарство противъ всякихъ идей. Наша молодежь не умѣетъ веселиться, вотъ почему она и бредитъ разными пустяками. Веселые народы никогда не производили революцій.

— Ну, этого нельзя сказать,—возразилъ я.—Французы, напримѣръ, народъ очень веселый...

Но графъ тотчасъ нашелся; его поставить въ тупикъ было не легко.

— Французы?.. сказалъ онъ.—А вы знаете, почему здѣсь ни одно правительство не держится?—потому что всѣ они воображаютъ, что имъ приходится пасть. Скажи они себѣ, что они твердо стоятъ на ногахъ и вали себѣ картечью въ народъ, выходило бы иначе. Воображеніе— великое дѣло. Знаете, что тотъ же полкъ, который сегодня плохо дерется и готовъ даже тылъ показать передъ слабымъ непріятелемъ, въ другой разъ дѣлаетъ чудеса и одерживаетъ побѣду. А почему такъ? Потому, что у этого полка сложилось убѣжденіе, что его побѣдить нельзя; вотъ и весь секретъ.

Графъ посмотрѣлъ на часы.

— Однако, Ирина Алексѣевна, поздно становится.

Надо мнѣ вамъ сказать, до свиданья. А съ вами,—протянулъ онъ мнѣ руку,—мы еще переговоримъ. Охота себя похоронить въ провинціи у васъ, надѣюсь, пройдетъ.

На другой день, то есть сегодня, я поѣхалъ съ матушкой въ Булонскій лѣсъ. Сперва она была молчалива и казалась сильно озабоченною. Но вотъ мы свернули въ пустую аллею, она пристально на меня посмотрѣла и, взявъ меня за руку, проговорила взволнованнымъ голосомъ.

— Скажи, Сережа, ты будешь очень на меня сердиться если... если... я выйду замужъ во второй разъ?..

Я понялъ все... Такъ вотъ почему она поѣхала въ Парижъ! Она выходитъ за графа... Вотъ и объясненіе страннаго участія, которое онъ вздумалъ принимать въ моей судьбѣ. Михаилъ Петровичъ должно быть объ этомъ догадался уже въ Венеціи. Не хотѣлъ онъ мнѣ про это сказать потому, что ему совѣстно было за матушку и жаль свѣжей памяти моего бѣднаго отца. Трехъ мѣсяцевъ не прошло со дня его кончины, и она уже думаетъ о второмъ замужествѣ.

— Я не имѣю права на васъ сѣтовать,—довольно холодно отвѣтилъ я на слова матери.

— Какъ ты странно отвѣчаешь! Кто говорить о правѣ? Взрослымъ дѣтямъ не нравится, когда мать вторично выходитъ замужъ, но тебѣ, по крайней мѣрѣ, на будущаго вотчима жаловаться будетъ незачѣмъ.

Я промолчалъ.

— Само собою разумѣется,—добавила мать,—что все это между нами; никому, даже Михаилу Петровичу про это ни слова. Я хотѣла только предупредить тебя, чтобы ты не удивлялся, часто встрѣчая у меня графа.

Мы свернули въ аллею, которая вела мимо озера къ главнымъ воротамъ, такъ называемымъ Porte Dauphine Здѣсь опять было людно; и вниманіе матушки тотчасъ обратилось къ сновавшимъ мимо насъ нарядным экипажамъ. Но вотъ нашу коляску бойко обскакала на

гнѣдой лошади стройная, молодая дѣвушка; за нею крупною рысью ѣхали двое кавалеровъ. Я узналъ Ванду, а она на этотъ разъ на меня не обратила никакого вниманія.

— Quelle ravissante créature!—воскликнула мать, устремивъ на всадницу лорнетъ.

Тутъ она примѣтила, что я вдругъ покраснѣлъ до ушей.

— Что съ тобой, Сережа? Зачѣмъ ты краснѣешь? Развѣ ты съ этою особой знакомъ?

. Я чувствовалъ, что краснѣю все болѣе.

— Это,—пробормоталъ я,—та самая...

— Какъ?.. неужели?.. Это—твой венеціанскій предметъ? Да, ты, впрочемъ, говорилъ мнѣ, кажется, что она теперь въ Парижѣ. Ну, поздравляю! Вкусъ у тебя не дуренъ.

Она засмѣялась и съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ принялась меня разспрашивать. Подробности моей венеціанской исторіи вдругъ пріобрѣли въ ея глазахъ удвоенный интересъ. Развязность, съ которою она говорила про это, возбуждала во мнѣ, и неловкое, и въ то же время почти болѣзненное ощущеніе. И стыдился я не за себя только, а за мать, говорившую съ такою небрежною легкостью про то самое, изъ за чего я перенесъ столько горькихъ, мучительныхъ ощущеній.

11 февраля.

Я видѣлся съ нею сегодня. Было такое же полупрозрачное утро, какъ въ тотъ день, когда я встрѣтилъ ее въ первый разъ. Въ десятомъ часу я отправился въ Булонскій лѣсъ; пройдя ворота, я повернулъ налѣво. Въ свѣжемъ воздухѣ была та особая, нѣжная прохлада, какая всегда бываетъ, когда послѣ легкаго ночного мороза настанетъ ясный, теплый день. По свѣтло-голубому небу кучками тянулись перистыя, бѣлыя облачка; слышался пряный запахъ сухихъ, прѣющихъ листьевъ и рыхлой, только что оттаявшей земли, какой бываетъ

только самою раннею весной. Кое-гдѣ чуть замѣтно пробивалась молодая травка. Голыя деревья какъ-то уже бодрѣе протягивали вверхъ свои вѣтви, словно онп тянулись впередъ къ весеннему солнцу и ощущали въ себѣ пробужденіе новой жизни; ряполовки и зяблики весело чирикали въ кустахъ, то и дѣло перепрыгивая съ сучка на сучокъ. Я прошелъ къ озеру и усѣлся на скамейкѣ у самаго берега. Было совершенно тихо и безлюдно. Водная гладь холодно блестѣла подъ косыми еще лучами солнца. Пара лебедей медленно и величаво плыла передо мной, съ очевиднымъ наслажденіемъ купая въ водѣ свои длинныя шеи. Бѣлый туманъ висѣлъ надъ противоположнымъ берегомъ, словно настилаясь на землю, и окутывалъ собою блѣдный небосклонъ. Я долго просидѣлъ, любуясь разлитымъ повсюду мягкимъ сіяніемъ; и должно быть мысль моя зашла куда-то далеко, въ неуловимую даль, тоже окутанную туманомъ, какъ лежавшая передо мною широкая картина. Вдругъ на пескѣ дорожки послышались легкія шаги; я поднялъ голову, и не вдалекѣ отъ себя увидалъ шедшую ко мнѣ Ванду. Она была одѣта совсѣмъ просто, по утреннему, въ сѣрое суконное платье. Небольшой зонтикъ того же цвѣта наполовину скрывалъ отъ меня ея лицо. Я не успѣлъ еще поднятся съ мѣста какъ она заговорила, подойдя ко мнѣ:

— Вы, кажется, не хотите болѣе меня узнавать?

Голосъ ея прозвучалъ какъ-то особенно смиренно, даже нерѣшительно. Изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ ея темные зрачки смотрѣли на меня почти съ мольбой. На лицѣ ея не было и тѣни той вызывающей самоувѣренной веселости, съ какою она кивнула мнѣ, когда я встрѣтилъ ее верхомъ.

— Я думаю,—отвѣтилъ я, вставая,—что намъ теперь нечего сказать другъ другу, дороги наши разошлись навсегда.

Признаюсь, однако, я не съумѣлъ придать этимъ словамъ той холодной рѣшимости, съ какою я хотѣлъ

дать ей почувствовать, что отношенія наши порваны окончательно. Голосъ мой немного дрожалъ; пугливое, молящее смиреніе, какое я прочелъ на ея лицѣ, пробудили во мнѣ чувство жалости. Еслибъ она предстала мнѣ какъ въ тотъ день, вся сіяющая задорною веселостью, я отвѣтилъ бы иначе.

— Вамъ незачѣмъ говорить мнѣ это,—продолжала она тѣмъ же тономъ.—Я и безъ васъ знаю, что все между нами кончено. Вы не можете и не должны прощать. Вы видите, я даже не протягиваю вамъ руки. Но зачѣмъ же намъ не воспользоваться случаемъ, чтобы высказаться другъ передъ другомъ.

Она проговорила все это по-русски, и можетъ быть звукъ родного языка, какъ-то всегда особенно прелестнаго въ ея устахъ, расположилъ меня къ уступчивости. И я не оборвалъ начавшагося разговора съ первыхъ словъ, какъ бы слѣдовало.

— Зачѣмъ касаться прошлаго?—возразилъ я.—Пусть оно понемногу замретъ; объясненіями, вѣдь, дѣлу не поможешь.

На мигъ она вскинула на меня глазами, потомъ заговорила опять тихимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, хоть это вамъ покажется дерзкою настойчивостью, я хочу услышать вашъ приговоръ. Вы не отвѣтили на мое письмо...

— Не отвѣтилъ потому,—живо перебилъ я ее,—что я боялся выразить то, что подсказало бы мнѣ раздраженіе. Есть вещи, которыхъ женщинамъ не говорятъ.

Она грустно покачала головой.

— Напротивъ, вы и представить себѣ не можете, какъ рада была бы я прочесть самыя рѣзкія осужденія. Вы не знаете, что значитъ чувствовать за собою неискупимую вину и жаждать заслуженнаго наказанія...

— И въ самомъ дѣлѣ вамъ такъ хочется этого наказанія?—насмѣшливо спросилъ я.

— Объ одномъ я васъ прошу, не говорите со мною этимъ ироническимъ тономъ. Всякое оскорбленіе отъ

васъ я готова перенести, оно мнѣ будетъ даже отраднымъ, но иронiи я слышать не могу; мнѣ и безъ того слишкомъ больно, когда я васъ вижу.

— Однако,—возразилъ я съ горечью,—когда я встрѣтилъ васъ на дняхъ, помните, на вашемъ лицѣ не выражалось страданiя. Я очень хорошо разслышалъ вашъ смѣхъ, когда вы проскакали.

Странное дѣло, не смотря на то, что ей не легко должно быть было вести этотъ разговоръ, въ глазахъ ея стала просвѣчивать чуть замѣтная улыбка.

— Смѣялась не я,—отвѣтила она.—Но это, положимъ, все равно. Вы знаете, я вѣдь никогда не стараюсь оправдываться. Не спорю, въ это утро я была весела, какъ всегда, впрочемъ, когда ѣзжу верхомъ; но это чисто физическое ощущенiе. Да и что-жъ? развѣ вы думаете, что на душѣ съ утра до вечера остается все то же чувство, какъ избитый мотивъ, вѣчно повторяемый уличною шарманкой? Плохо же вы знаете женщинъ! Развѣ меньше чувствуешь боль потому, что ее на время заглушаешь. Вѣдь устаешь и отъ раскаянiя, Сергѣй Васильевичъ. За то, когда оно возвращается, оно говоритъ еще громче прежняго.

Мы уже нѣсколько минутъ шли рядомъ по дорожкѣ. Я не примѣтилъ, какъ это случилось; я послѣдовалъ за нею невольно.

— Да что-жъ вы меня не браните, какъ я того заслуживаю?—спросила она послѣ минутнаго молчанiя.— Я вѣдь сказала, что готова васъ слушать покорно.

— Я тоже сказалъ вамъ, что бываютъ случаи, когда укорять за прошлое безполезно. Дайте мнѣ его просто забыть; я думаю, это случится скоро.

— Я не хочу этому вѣрить!—горячо возразила она.— Вотъ это было бы для меня настоящею обидой.

— Вы видите, однако,—и я постарался придать своимъ словамъ ѣдкое выраженiе,—я говорю съ вами совершенно спокойно. Развѣ это могло бы быть такъ, еслибы во мнѣ сохранилось противъ васъ раздраженiе?

— Нѣтъ, вы говорите неправду! И сами вы не вѣрите тому, что говорите. Я по лицу вашему вижу, что спокойствія-то у васъ именно и нѣтъ.

— Да зачѣмъ же,—воскликнулъ я, выведенный наконецъ изъ терпѣнія,—вы хотите во что бы то ни стало напомнить мнѣ тѣ ужасныя страданья, которыя я вынесъ изъ за васъ?

— О, благодарю васъ, благодарю васъ за эти слова! Вы не подозрѣваете, какъ дороги мнѣ ваши страданія, хотя они, конечно, не были и въ половину такъ мучительны какъ то, что перенесла я.

И Ванда повторила мнѣ то, что сказала она уже въ своемъ письмѣ, и повторила гораздо пространнѣе. Ей доставляло какое-то наслажденіе обвинять себя. Я молча слушалъ ея исповѣдь, и меня уже не возмущали ея признанія; въ нихъ не было теперь и тѣни той цинической гордости, какая мнѣ чудилась въ ея письмѣ. Это было настоящее, искреннее покаяніе. Она пала конечно глубоко и безповоротно, но было такое сознаніе безпомощности и въ то же время такое горькое сожалѣніе о прошломъ, навѣки погубленномъ, что во мнѣ говорило теперь почти сочувствіе къ ней.

— Нѣтъ,—грустно проговорила она—понимаю я теперь, что мнѣ незачѣмъ было искать случая свидѣться съ вами. Напрасно вспоминать о прошломъ. Я надѣялась, что, когда я объяснюсь съ вами, мнѣ станетъ легче. А вотъ теперь, когда вы слушаете меня такъ снисходительно, мнѣ еще больнѣе становится при мысли о томъ, чего мы оба лишились.

У нея слезы навертывались на глазахъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, — продолжала она, — вамъ даже сожалѣть не о чемъ. Большое счастье для васъ, что все такъ случилось. Какая была бы я вамъ жена?

— О, не говорите такъ!—въ порывѣ отчаянія возразилъ я.— Не портите по крайней мѣрѣ память о прошломъ. Я хочу вѣрить въ то счастье, которое

вы у меня отняли. Мнѣ дорого оно, хотя оно и не осуществилось.

Лицо ея просіяло.

— Дайте же мнѣ вашу руку,—сказала она, — въ знакъ того, что у насъ обоихъ осталось по крайней мѣрѣ одно общее—хорошее воспоминаніе.

Невольно я протянулъ ей руку. Мы посмотрѣли другъ на друга, и мнѣ захотѣлось вѣрить, что въ этой погибшей дѣвушкѣ все таки осталось еще честное, прямое чувство.

— Будемте друзьями,—сказала она, — хотите? Вѣдь дружба возможна и безъ...

Она запнулась.

— И безъ уваженія.

Когда я теперь вспоминаю нашъ разговоръ, я сознаю отчетливо, какъ лгали мы тогда другъ передъ другомъ, какой ненужный обманъ вносятъ условныя понятія въ людскія отношенія. Нѣтъ! Не равнодушное прощеніе, не простая дружба, да и не презрительный гнѣвъ во мнѣ говорилъ тогда, а любовь къ ней, пламенная, страстная любовь; можетъ-быть, не чистая, какъ прежде, но еще болѣе жгучая отъ того, что передо мной была уже не прежняя неопытная дѣвушка, а женщина, узнавшая изъ опыта все различіе между заурядною пошлою страстью своего любовника и настоящимъ порывомъ молодаго чувства, жаждущаго отдать себя безповоротно.

— Сядемте здѣсь,—сказала Ванда, остановившись у скамейки,—я немного устала..

Мы усѣлись

— Я видѣла васъ на дняхъ, вы были съ какою-то дамой.

Я сказалъ ей, что это была моя мать.

— Представьте себѣ, я угадала. Что она за красавица!.. И скажите мнѣ теперь, почему вы въ Парижѣ? Вѣдь не ради меня вы пріѣхали, я это знаю.

Я передалъ ей про кончину отца и про то, что не-

ожиданный пріѣздъ матери побудилъ меня отправиться въ Парижъ. Она слушала меня съ такимъ участіемъ, пока я говорилъ про бѣднаго отца, что я невольно сравнивалъ это теплое сочувствіе, такъ и сквозившее въ ея лицѣ, съ неискреннимъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ родною матерью.

Мы пробесѣдовали долго.

— А вы согласитесь,—вдругъ спросила Ванда робкимъ голосомъ,—иногда заходить ко мнѣ? Я такъ была бы рада васъ видѣть у себя.

Замѣтивъ смущенную нерѣшительность на моемъ лицѣ, она поспѣшила добавить: — Вамъ незачѣмъ опасаться непріятныхъ встрѣчъ. Мать мою вы едва ли увидите, мы живемъ съ ней въ разныхъ этажахъ.

Потупясь и краснѣя, она тутъ же сообщила мнѣ, что графа Короньи теперь нѣтъ въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ въ Венгрію къ больной женѣ.

— Я стараюсь устроить себѣ что-нибудь похожее на сносную жизнь. Я много занимаюсь музыкой, рисую; у меня бываетъ кое-кто изъ здѣшнихъ художниковъ, бываютъ и два-три соотечественника, вотъ какъ тѣ двое господъ, съ которыми вы меня встрѣтили...

Она посмотрѣла на меня вопросительно, но я не отвѣтилъ ни слова.

— Однако мнѣ пора,—вдругъ сказала она, посмотрѣвъ на часы, и быстро поднялась съ мѣста. — Прощайте... Или можетъ быть до свиданія?..

Она снова протянула мнѣ руку.

— Можетъ быть, — проговорилъ я — слабо пожимая ея пальцы.

24 февраля.

За эти двѣ недѣли я бывалъ у нея неоднократно. Я чувствовалъ невыразимое презрѣніе къ себѣ, когда въ первый разъ переступалъ черезъ порогъ ея дома.

Домъ этотъ этотъ очень небольшой; Ванда занимаетъ въ немъ два этажа; внизу крошечная столовая и половина ея матери, куда я, разумѣется, не заглядывалъ,

во второмъ этажѣ комнаты Ванды. Гостиная ея отдѣлана очень просто; низкая мебель и стѣны обиты ситцемъ; это скорѣй походитъ на дачу; за то въ ней разставлено много растеній, а въ углу превосходный рояль; въ этомъ только и видна роскошь. Мнѣ понравилось это стараніе придать своему жилью скромный видъ; нѣтъ въ немъ ничего, бьющаго въ глаза и напоминающаго про ея двусмысленное положеніе, значитъ она его все таки стыдится; ей бы ничего не стоило потребовать удовлетворенія самыхъ дорогихъ прихотей.

И во всемъ складѣ ея жизни, въ ея манерѣ держать себя видна та же черта. Я всегда заставалъ у нея нѣсколько мужчинъ; женскаго общества у нея конечно не бываетъ. И хотя всѣ знаютъ про условія ея жизни, ни одинъ изъ ея гостей въ моемъ присутствіи ни разу не позволилъ себѣ скоромной развязности въ тонѣ и словахъ. Я видѣлъ тамъ тѣхъ самыхъ двухъ молодыхъ людей, которые ѣхали съ нею верхомъ, когда мы встрѣтились въ первый разъ. Одинъ изъ нихъ —графъ Адамъ Пшездзецкій, другой—Конрадъ Коловель; оба они добровольные эмигранты и, кажется, отличные малые. Бываютъ у Ванды люди иного сорта. Я видѣлъ у нея двухъ французовъ-живописцевъ новѣйшей школы, Людовика Марсо и Анри Дорневиля, двухъ будущихъ геніевъ, которымъ пока однако не удалось выставить ни одного изъ своихъ произведеній. У перваго густая, взъерошенная борода и длинные, черные волосы; говоритъ онъ басомъ, одѣвается неряшливо—словомъ, какъ есть записной представитель классической парижской богемы; другой — маленькій, тщедушный, прилизанный, съ желчнымъ лицомъ и ядовитыми рѣчами. Оба они ярые импрессіонисты и заносчивы какъ истые неудачники. Благодаря Трухину, я научился мало довѣрять выходкамъ художниковъ будущаго. Музыка тоже имѣетъ своего представителя въ кружкѣ Ванды. Это молодой нѣмецъ-композиторъ, Максъ Дирнеръ, съ оловянными глазами, которымъ онъ старается придать искру вдох-

новенія, съ блѣдно-впалымъ лицомъ и жидкими бѣлокурыми волосами, которые онъ любитъ откидывать назадъ, точно на головѣ у него цѣлая львиная грива. Играетъ онъ не дурно, хотя большею частью лишь отрывки изъ собственныхъ произведеній, озаглавленныхъ вычурными названіями, какъ: *Les voix du désert*, *Le chant des etoiles* и т. п. Наконецъ я встрѣтилъ у Ванды и знаменитость литературы, Филикса Мобера, автора реалистическаго романа *L'amour fangeux*, имѣвшаго, по его словамъ, что-то вродѣ семидесяти изданій. Этотъ человѣкъ съ удивительно тупымъ и плоскимъ лицомъ, которое такъ и дышетъ убѣжденнымъ самодовольствомъ; тупое выраженіе это еще усиливается благодаря крошечной рыжей эспаньолкѣ, торчащей у него подъ нижнею губой.

Компанія эта не особенно пришлась мнѣ по вкусу. Но долженъ отдать Вандѣ справеливость, она держитъ ее въ рукахъ мастерски. Господа эти плотятъ ей дань поклоненія въ награду за то, что ихъ кормятъ обѣдами; едва ли они способны ею увлечься, до того у нихъ, кажется, преобладаютъ самые узенькіе, мѣщанскіе разсчетцы. Вандѣ они, повидиму, доставляютъ нѣкоторое развлеченіе, хотя оно нерѣдко должно быть смѣняется скукой. И не разъ я подмѣчалъ въ ея глазахъ, обращенныхъ ко мнѣ, тотъ самый презрительный блескъ, какой я видалъ въ нихъ, когда въ Венеціи я былъ на вечерѣ у ея матери. И теперь, какъ тогда, я готовъ спросить у нея: такъ зачѣмъ же вы принимаете это общество?

Госпожу Козельскую я видѣлъ лишь мелькомъ. При мнѣ она разъ только показалась у дочери. Увидавъ меня, она вздумала было сложить свои пухлыя губы въ любезную улыбку, но, сообразивъ должно быть, что попытки къ примиренію уже неумѣстны, она поклонилась мнѣ лишь съ холоднымъ достоинствомъ. Ванда обходится съ нею еще сдержаннѣе прежняго. При входѣ матери, въ глазахъ ея тотчасъ выразилась непреклонная, хоть спокойная вражда.

Признаюсь, я иной разъ съ трудомъ осиливалъ въ себѣ ощущеніе тошноты. Зачѣмъ, думалось мнѣ, провожу я здѣсь цѣлые часы, среди этого страннаго сброда, въ этомъ домѣ, гдѣ все чужое, и съ настоящимъ хозяиномъ котораго я ни за что не хотѣлъ бы встрѣтиться. Да нечего скрывать этого отъ себя, не только я мирюсь съ этимъ обществомъ, на сердцѣ у меня даже таится постыдная ревность ко всѣмъ этимъ людямъ. Кто знаетъ, который изъ нихъ?..

Положимъ, она въ грошъ ихъ не ставитъ. А можетъ быть въ числѣ ихъ есть одинъ, съ которымъ она потомъ смѣется надъ остальными, и одинъ ли только? Кто ее разгадаетъ! Да и поймешь ли тѣ странныя, иной разъ чудовищныя ощущенія, какія могутъ зародиться въ этой плѣсени. Часто, когда отвращеніе говорило во мнѣ сильнѣе обыкновеннаго, я клялся самому себѣ, что не вернусь къ ней болѣе, что бывая у нея, я отдаю на поруганіе свое прежнее, все еще дорогое чувство, но я все таки возвращался. И когда большіе глаза Ванды, теперь еще болѣе глубокіе, останавливаются на мнѣ съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ, въ которомъ есть и обѣщаніе и недомолвка, во мнѣ поднимается лихорадочное, неудержимое желаніе овладѣть ею, хотя бы мнѣ и пришлось раздѣлить ея любовь съ первымъ встрѣчнымъ.

2 марта.

Михаилъ Петровичъ вернулся вчера. Онъ повидимому очень доволенъ результатами своей поѣздки: въ короткій трехнедѣльный срокъ ему удалось покончить съ неизбѣжными юридическими формальностями и войти въ соглашеніе съ кредиторами. Онъ подыскалъ управляющаго, хорошаго человѣка, какъ онъ говоритъ. Все это онъ передалъ мнѣ съ обычною своею живостью и очень подробно. Но я слушалъ разсѣянно: совсѣмъ не то у меня теперь на умѣ. Дядя это тотчасъ замѣтилъ.

— Какой ты странный, Сережа!—сказалъ онъ,—точно

это до тебя не касается. Ужъ эти мнѣ молодые люди. Вѣрно опять какіе-нибудь пустяки у тебя въ головѣ? Не встрѣтилъ ли ты еще какого-нибудь Трухина, который тебя съ толку сбиваетъ? Здѣсь этого народа довольно.

Я поспѣшилъ его успокоить на этотъ счетъ.

— Я имѣю тоже сказать вамъ нѣчто важное,—отвѣтилъ я, стараясь отъ него скрыть охватившее меня смущеніе. И тутъ же сообщилъ ему то, что узналъ отъ матери.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ,—едва внятно пробормоталъ онъ, выслушавъ меня.

— Какъ? Вы этому рады,—воскликнулъ я.

Онъ отвѣтилъ не тотчасъ.

— Я знаю, что тебѣ это не можетъ быть пріятно; да нечего дѣлать, съ неизбѣжною развязкой надо помириться...

Меня удивило впечатлѣніе, произведенное моими словами на дядю. Чего же онъ опасался, если свадьба матушки съ графомъ ему представляется желаннымъ исходомъ?

Но я не долго задумался надъ этимъ вопросомъ. Чувство, овладѣвшее мною, дѣлало меня равнодушнымъ ко всему остальному. За послѣдніе дни я даже рѣдко видѣлся съ матушкой. И странное дѣло, она меня вовсе не разспрашивала, какъ я провожу время. У нея тоже должно быть свои заботы. По крайней мѣрѣ я давно уже не вижу на ея лицѣ того свѣтлаго выраженія, съ какимъ она говорила мнѣ о предстоящемъ замужествѣ. Между бровями ея теперь ясно выступаетъ глубокая складка, свидѣтельствующая о тревожной, упорной думѣ.

Сегодня утромъ дядя былъ у нея. Когда онъ возвратился домой, у него уже не было того хорошаго расположенія духа, какое онъ привезъ изъ Россіи. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по нашей небольшой квартирѣ.

— Сережа, обратился онъ вдругъ ко мнѣ,—надѣюсь, ты не бралъ денегъ у Ирины Алексѣевны?

Я признался ему, что нѣсколько дней передъ тѣмъ взялъ у матери тысячу франковъ.

— Возврати ихъ немедленно,—проговорилъ онъ строго.—Я привезъ деньги изъ Петербурга, правда немного, но для насъ съ тобою хватитъ. Слышишь?... И никогда, обѣщай мнѣ это, никогда у нея не спрашивай.

Мнѣ странною показалась внушительность тона, съ какою онъ это произнесъ.

— Да, что-жъ тутъ особеннаго, дядюшка?—сказалъ я.—Она сама мнѣ предложила, да и мнѣ кажется, что большой бѣды нѣтъ обращаться къ родной матери...

— Нѣтъ!—оборвалъ онъ меня съ явнымъ нетерпѣніемъ.— Мы покончили всѣ счеты съ Ириной Алексѣевной, и теперь было бы неделикатно...—Онъ на мигъ запнулся.—Ну, словомъ,—добавилъ онъ,—я тебя объ этомъ прошу. И ты, кажется, можешь это сдѣлать для меня.

Я болѣе не возражалъ. Наши семейныя дѣла совсѣмъ теперь отошли для меня на второй планъ. Я даже не старался разъяснить себѣ, что было загадочнаго въ словахъ дяди. Моя жизнь опять расходится съ жизнью семьи. Пока Михаилъ Петровичъ былъ у матушки, ко мнѣ принесли записку отъ Ванды. „Заходите ко мнѣ завтра въ часъ“, писала она. „Мнѣ все не удавалось до сихъ поръ съ вами поболтать, какъ слѣдуетъ. А на этотъ разъ, я думаю, насъ оставятъ въ покоѣ. Мы позавтракаемъ вдвоемъ; хотите? Пожалуйста, не откажитесь. Вѣдь, мы съ вами всетаки друзья, не правда ли?—Ванда“.

Я и не думалъ отказываться. Ярко вспомнились мнѣ слова Ванды, сказанныя нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда мы случайно остались съ глазу на глазъ,

— Помните тотъ день,—сказала она, и странная улыбка показалась въ ея глазахъ,—тотъ день, когда мы встрѣтились въ церкви Св. Марка? Я вся тогда принадле-

жала вамъ. Вамъ стоило сказать одно слово... Она помолчала на мигъ, и вѣки ея опустились.—Зачѣмъ, зачѣмъ заговорила она въ полголоса,—вы не взяли меня тогда?... Я бы осталась вашею. Я вѣдь изъ тѣхъ, кого надо брать, не спрашивая ихъ...

Я весь задрожалъ отъ этихъ словъ. Ознобъ прошелъ по всему моему тѣлу, мои высохшія губы такъ и хотѣли слиться съ ея губами. Это былъ лишь мимолетный, жгучій мигъ, но до сихъ поръ кровь стучитъ у меня въ жилахъ, когда я про него вспоминаю...

3 марта.

Лицо мое, пока я это пишу, все еще горитъ отъ ея поцѣлуевъ. Ровно въ часъ я звонилъ у ея подъѣзда. Ванда только что вернулась съ прогулки верхомъ: ея лошадь водили вокругъ палисадника. Когда я вошелъ, она стояла на послѣдней ступени витой чугунной лѣстницы, перекинувъ черезъ руку длинный шлейфъ своей амазонки. Она весело со мною поздоровалась, протянувъ мнѣ обѣ свои руки.

— Какъ я рада, что вы пришли!—воскликнула она, крѣпко пожимая мои пальцы въ своихъ.—Намъ сегодня, я думаю, не помѣшаютъ всѣ эти скучные господа.

Глаза ея сыпали искрами; румянецъ оживленія игралъ на ея свѣжемъ лицѣ. Она побѣжала впередъ, стуча по паркету каблучками своихъ высокихъ ботинокъ, и въ полголоса напѣвая одинъ изъ молодыхъ опереточныхъ мотивовъ. Войдя въ комнату, она сбросила свою шляпу на диванъ, и поправила сбившіеся во время прогулки непослушные волосы. Въ гостиной былъ накрытъ небольшой столъ на два прибора. Она принялась суетиться, отдавая приказанія своей горничной и переставляя на столѣ приборы и стаканы. Въ ея движеніяхъ была какая-то нервная порывистость и въ то же время какая-то полудѣтская, непринужденная рѣзвость. Ея маленькія, стройныя ножки, быстро передвигаясь мелкими шажками, то и дѣло путались въ ея туго на-

тянутомъ платьѣ. Говоря съ горничной, она не переставала напѣвать отрывки веселаго, задорнаго мотива. Грудь ея замѣтно колыхалась подъ узкимъ лифомъ. Я усѣлся, глядя на нее восхищенными глазами.

Когда служанка вышла, она снова обратилась ко мнѣ, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя нѣжный ароматъ чайной розы, которую передъ тѣмъ достала изъ фарфоровой вазы.

— Какъ мило, что ты пріѣхалъ. Ты вѣдь позволяешь говорить тебѣ по старому „ты"?—улыбнулась она мнѣ, слегка прищуривая глаза. Говоря это, она опустилась рядомъ со мной на диванъ.

Невольно я взялъ ее за руку, молча пожимая ея пальцы. Рука эта горѣла.

— Теперь только я чувствую,—продолжала она,—что мы снова попрежнему друзья.

Она ближе придвинулась ко мнѣ.

— Ванда,—проговорилъ я, и голосъ мой прозвучалъ какъ-то хрипло,—ты вѣдь давно знаешь, что я отъ тебя безъ ума и никогда не переставалъ тебя любить. Я ничего не помню и не хочу помнить, для меня существуетъ только настоящій мигъ...

— Ты говоришь правду?

Она широко раскрыла глаза. Лицо ея совсѣмъ приблизилось къ моему.

— Ты сегодня такъ очаровательно хороша...—вымолвилъ я, и не въ силахъ былъ договорить. Мои жадныя руки обняли ея станъ; ея алыя губы словно просили поцѣлуя. Наши уста слились, и огненная дрожь прошла по всему моему тѣлу. Густая прядь ея волосъ, освободившись изъ подъ гребня, соскользнула къ ней на плечо. Я все ближе, все страстнѣе прижималъ ее къ себѣ.

— Ну, полно, перестань!—тихо смѣясь, проговорила она, нѣжно отталкивая меня.—Полно ребячиться! Смотри, ты совсѣмъ испортилъ мою прическу.

Она вскочила на ноги. Я зажмурилъ глаза, какъ бы закрывая ихъ отъ черезчуръ сильнаго блеска.

— Ванда, еще одинъ поцѣлуй...

Она погрозила мнѣ пальцемъ: въ комнату опять входила служанка, держа въ рукахъ фарфоровую корзину съ фруктами.

— Погоди, дай мнѣ только переодѣться. Я сейчасъ вернусь... Вы намъ подадите завтракъ черезъ полчаса,—приказала она горничной. — Мнѣ вы не нужны: я переодѣнусь сама.

Она выпорхнула изъ комнаты, слегка только притворивъ дверь въ свою спальню. Горничная вышла. Нѣсколько минутъ я остался въ оцѣпенѣлой неподвижности, какъ бы прислушиваясь къ лихорадочному біенію моей взволнованной крови; потомъ я вскочилъ съ мѣста и неровными, отрывистыми шагами заходилъ по комнатѣ. Сквозь двери спальни я слышалъ легкій скрипъ шаговъ Ванды по ковру и слабое шуршанье какой-то мягкой ткани. Я не вытерпѣлъ, перешелъ къ дверямъ и чуть-чуть растворилъ ихъ. Она стояла передъ зеркаломъ и разчесывала свои длинные, распущенные волосы. Ихъ мягкія волны подъ зубьями черепаховаго гребня издавали чуть слышный трескъ, какъ будто изъ нихъ сыпались электрическія искры. Скинутая амазонка спустилась къ ея ногамъ. Ея обнаженныя, бѣлыя плечи слегка вздрагивали отъ ощущенія стужи; складки полупрозрачной сорочки, убранной кружевами, слегка волновались, повинуясь движеніямъ груди; изъ подъ короткой, бѣлой юбки виднѣлись ея стройныя ноги и надъ краемъ кожанныхъ ботинокъ узкая полоса свѣтло-голубыхъ, шелковыхъ чулковъ. Она повернула ко мнѣ голову, услыхавъ меня.

— Какъ ты нетерпѣливъ!—воскликнула она.—И какъ смѣешь ты сюда заглядывать? Затвори двери и дожидайся меня тамъ.

Но въ голосѣ ея слышался задорный смѣхъ, и не послушавшись ее, я растворилъ двери еще болѣе. Она притворилась испуганною и поспѣшно накинула на плечи платокъ.

— Ты съ ума сошелъ, уходи!—вскрикнула она.

Но хотя яркая краска выступила у нея на щекахъ, глаза ея говорили не то. Секунду спустя, я былъ уже возлѣ нея.

— Дай на тебя налюбоваться!—говорилъ я задыхающимся голосомъ.—Ты не знаешь, какъ дивно ты хороша!

— Уйди, уйди!—лепетала она, отстраняясь отъ меня и стыдливо прикрывая руками грудь, а въ то же время губы ея улыбались, показывая рядъ жемчужныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Я протянулъ къ ней руки; она отступила еще нѣсколько шаговъ, все слабѣе повторяя свое „уйди“. Но вотъ она наткнулась на стоявшій посреди комнаты столъ, дрожащая ея рука оперлась на него, какъ будто она боялась упасть, платокъ соскользнулъ съ ея плечъ, и вся она полуобнаженная и трепещущая стояла передо мной во всей своей молодой прелести. Ноздри ея слегка вздрагивали, искры блестѣли изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ. Я обнялъ ее, она уже не противилась, и голова ее медленно склонилась ко мнѣ. Едва почувствовалъ я прикосновеніе ея свѣжаго тѣла, страстная волна сильнѣе прежняго разлилась по всему моему существу. Одна изъ моихъ рукъ играла густыми прядями ея мягкихъ волосъ, точно купаясь въ ихъ золотистой роскоши. Я жадно цѣловалъ ея губы, ея плечи.

— Милый, дорогой...—лепетала она, обнимая мою шею руками, и долго и крѣпко меня цѣлуя...

Часъ спустя, мы сидѣли за столомъ въ ея гостиной. Мы говорили лишь урывками, точно мы стыдились. Слова, которыми мы перекидывались, выходили какъ-то не- связно, не впопадъ; а между тѣмъ, хоть слова эти не отвѣчали ровно никакой мысли, мы оба отчетливо понимали, что именно хотѣли мы сказать другъ другу. Былъ иной рядъ невысказанныхъ словъ, блаженныхъ и чарующихъ, которыми обмѣнивались мы въ промежуткахъ между тѣми, какія мы произносили громко. И ребяческая, шаловливая, почти невинная ра-

дость проникала насъ обоихъ, сквозила въ нашихъ взглядахъ и въ нашей незатѣйливой, даже глупой бесѣдѣ, часто прерываемой тихимъ безпричиннымъ смѣхомъ.

24 марта.

Цѣлыхъ три недѣли я ничего въ эту тетрадь не заносилъ; и теперь не знаю съ чего начать. Все сливается въ одно неуловимое, хоть и свѣтлое впечатлѣніе. Словно меня поѣздъ мчитъ, и такъ быстро смѣняются передъ глазами предметы, что ни одного изъ нихъ не успѣешь уловить. Счастье тѣмъ и хорошо, что не даетъ одуматься; собственная жизнь какъ бы сливается съ чужою, и въ ней ищетъ себѣ цѣли и задачи.

Все это время я живу одною Вандой. Когда я съ ней разстаюсь, одно у меня на умѣ, какъ и гдѣ я съ нею свижусь опять. Я уже не жалѣю о прошломъ, не знаю даже, могло ли бы оно быть лучше того, что ощущаю я теперь. А недавно еще я стыдился своей любви, готовъ былъ отречься отъ нея, какъ отъ чего-то позорнаго. Глупое самообольщеніе!

Я бываю у нея каждый день; и должно быть ея обычные гости поняли, что присутствіе ихъ стѣсняетъ Ванду, только почти всегда я застаю ее теперь одну. Они должно быть догадываются про наши отношенія, по крайней мѣрѣ за мной какъ будто безмолвно признаны особенныя права...

Мы вмѣстѣ гуляемъ, катаемся верхомъ. Часы нашихъ прогулокъ обыкновенно тѣ, когда въ Булонскомъ лѣсу еще безлюдно. Мы не то чтобъ избѣгаемъ толпы или стыдимся ея, намъ просто хочется быть вдвоемъ, только вдвоемъ. И когда она опирается на мою руку, и мы вмѣстѣ любуемся, какъ съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе пробуждается весна, мнѣ почти кажется, что со мной прежняя Ванда; и словно даже не было той страшной ночи, когда я тщетно поджидалъ ее на венеціанской набережной. Иногда, правда, когда я особенно горячо и довѣрчиво заведу съ ней рѣчь о какомъ-нибудь

важномъ вопросѣ, она безъ причины вдругъ разсмѣется, и словно лукавая улыбка блеснетъ въ ея глазахъ; но тотчасъ затѣмъ лицо ея приметъ опять прежнее выраженіе, и она станетъ извиняться передо мной. „Не сердись,—скажетъ она тогда,—я порой десяти минутъ подрядъ не могу говорить серьезно, такая ужъ у меня дурная привычка“.

И умѣетъ же она болтать такой забавный вздоръ, что я заражаюсь ея шипучимъ, остроумнымъ весельемъ, и мы оба цѣлые часы хохочемъ и шалимъ, какъ дѣти. Часто мы съ нею завтракаемъ или обѣдаемъ вдвоемъ въ одномъ изъ ресторановъ, и тогда въ особенности, помѣстившись рядомъ съ нею на диванѣ въ какой-нибудь крошечной комнаткѣ, я любуюсь, какъ быстро и живо смѣняются у нея и настроеніе, и самыя черты лица. Передо мною какъ будто не одно и то же существо, а нѣсколько совсѣмъ непохожихъ одна на другую, но равно очаровательныхъ женщинъ. И при всемъ томъ, какая у нея прелестная ровность нрава!

Нѣтъ, я не разстанусь съ нею никогда! Безъ нея я не могу себѣ и представить будущаго. А между тѣмъ я знаю, что такъ оно долго идти не можетъ. Графъ Короньи скоро вернется. Я могу забыть прошлое, но уступить ему Ванду теперь... Ни за что! Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нею объ этомъ, и чуть я заикнусь про графа, она разсмѣется и скажетъ, цѣлуя меня: „Какой ты смѣшной! неужели ты ревнуешь меня къ этому человѣку?“

Но въ такія минуты даже ласки ея не въ силахъ разсѣять моей тревоги. Она должна принадлежать одному мнѣ. Разъ я сказалъ ей, что она должна бросить графа, и она тотчасъ отвѣтила мнѣ, что ей ничего не стоитъ это сдѣлать. Она прижалась ко мнѣ, и такъ сладко, такъ нѣжно посмотрѣла на меня изъ подъ своихъ полуопущенныхъ рѣсницъ... „Я вся твоя, дѣлай со мною все, что хочешь“, шептала она, пряча свое лицо на моей груди. На мигъ мы оба отдались ребяческимъ

грезамъ о чудной, поэтической и въ то же время нелѣпой жизни вдвоемъ въ какомъ-нибудь скромномъ уголкѣ въ окрестностяхъ Парижа. И мечта наша ярко рисовала эту простую, незатѣйливую, но очаровательную жизнь. Но увлекли меня эти грезы всего на мигъ. Я хорошо сознавалъ, какъ несбыточна сочиненная нами идиллія. Въ порывахъ желанія доказать мнѣ, что она любитъ меня преданно и безкорыстно, Ванда можетъ увѣрять себя и меня, что ей ничего не стоитъ разстаться съ привычною обстановкой. Но жертвы этой я отъ нея принять не могу. Роковой вопросъ, разъ уже ставшій намъ поперекъ дороги, опять возникъ: на какія средства стали бы мы жить? Работать?.. Это легко сказать! Да и чего тѣшить себя пустыми мечтами! Развѣ для Ванды годится теперь такая жизнь? Кто разъ окунулся въ круговоротъ, изъ котораго вырвала ее моя любовь, тому уже скромная, трудовая жизнь не по силамъ. Мнѣ надо быть разсудительнымъ за обоихъ. Да и самъ развѣ я могу располагать собою?.. Можетъ быть намъ предстоитъ близкая разлука?..

При одной этой мысли, правда, меня охватываетъ ощущеніе холода и мрака. Но вѣдь у меня есть семья, есть обязанности... И когда, возвращаясь домой, я встрѣчаю пристальный и какъ будто недовѣрчивый взглядъ Михаила Петровича, во мнѣ, правда, чуть слышно, поднимается иной голосъ, напоминающій про родину...

Разъ Ванда сама первая заговорила со мной о графѣ. И странное дѣло, заговорила она о немъ, смѣясь, какъ будто она и не сознаетъ вовсе, какія чувства вызываетъ во мнѣ одно его имя.

— Отчего ты насупилъ брови?—спросила она, замѣтивъ недовольное выраженіе на моемъ лицѣ.—Я не хочу, чтобы ты морщился. Фи, какой противный!

Она слегка топнула ногой, и глаза ея лукаво прищурились. Мы сидѣли за столомъ въ небольшомъ садикѣ ресторана, близъ миніатюрнаго водопадика въ Булонскомъ лѣсу. Полуобнаженныя еще вѣтви деревь-

евъ плохо защищали насъ отъ мартовскаго солнца. Да оно намъ и не мѣшало. Оно такъ молодо и весело смотрѣло на насъ, что, право, стыдно было укрываться отъ его привѣта. И все вокругъ насъ глядѣло бодро и свѣтло; и зеленая, уже сочная трава, гдѣ фіалки и лютики выглядывали своими нѣжными головками; и блѣдно-желтая почка на деревьяхъ, изъ которой лишь кое-гдѣ робко выдѣлялся молодой, глянцевитый листикъ; и сама ярко-бѣлая стѣна ресторана, съ зелеными ставнями въ окнахъ. Былъ третій часъ дня, время, когда всѣ уже отзавтракали, и потому въ садикѣ не было почти никого. Мы нарочно выбрали этотъ часъ.

— Я не хочу, чтобы ты мнѣ про него напоминала,— отвѣтилъ я, продолжая морщиться.

Она посмотрѣла на меня искоса и принялась нюхать какой-то цвѣтокъ.

— Когда наконецъ ты перестанешь ревновать?—тихо смѣялась она.—Неужели ты не понимаешь, какъ это смѣшно? Послѣ этихъ трехъ недѣль, когда мы были почти неразлучны...

— Именно потому что мы были неразлучны, по крайней мѣрѣ это воспоминаніе я не хочу испортить.

Замѣтивъ, что я не вторю ея веселому тону, Ванда приняла вдругъ серьезный видъ.

— Я тебѣ уже сказала,—промолвила она,—что ты можешь увезти меня, куда хочешь...

— На край свѣта?—разсмѣялся я съ легкимъ оттѣнкомъ горечи.

— Нѣтъ; зачѣмъ такъ далеко; просто въ какую-нибудь деревеньку въ окрестностяхъ Парижа.

— Ты очень хорошо знаешь, что про это нечего и думать.

Она помолчала. И мнѣ показалось, что ее слегка обидѣлъ немного рѣзкій тонъ моихъ словъ.

— Или ты въ самомъ дѣлѣ думала,—попробовалъ я пошутить,—что я стану давать уроки въ какихъ-ни-

будь русскихъ домахъ, а ты съ своей стороны пойдешь въ учительницы музыки или рисованья?

Она опять помолчала и потомъ заговорила, взглянувъ на меня почти съ укоромъ.

— Видишь; ты все смѣешься надо мной и надъ моими иллюзіями. Я, вѣдь, чистосердечно предлагала тебѣ это.

— Я это знаю, Ванда. Да нечего тѣшить себя воздушными замками.

Я попробовалъ улыбнуться, только улыбка моя вышла, кажется, довольно грустная.

— Вотъ видишь,—опять начала она, немного погодя,—самъ ты это говоришь теперь; а когда я только при тебѣ заикнусь о графѣ, ты какъ будто сердишься. Вѣдь это нелогично выходитъ? согласись самъ!

Я не отвѣтилъ. Я очень хорошо понималъ, каковъ неизбѣжный выводъ изъ того, что говорили мы оба; а между тѣмъ этого вывода я никакъ не хотѣлъ допустить.

— Ты въ сущности—продолжала она—не вѣришь ни мнѣ, ни самому себѣ, и боишься связать себя на будущее время...

Ванда такъ повернула разговоръ, что я внезапно очутился въ положеніи обвиняемаго. И глаза ея подернулись такою краснорѣчивою грустью, что я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ себя виноватымъ, и принялся увѣрять ее, что никакія сомнѣнія мнѣ и въ голову не приходили, а въ будущемъ я хочу знать только про нашу любовь.

Она скоро повеселѣла.

— Ну, такъ зачѣмъ же,—сказала она съ ласковымъ шутливымъ укоромъ,—зачѣмъ же ты дѣлаешь иногда такую трагическую мину, какъ вотъ сейчасъ? Развѣ намъ что-нибудь угрожаетъ? Или ты боишься, что я промѣняю тебя на этого... венгерца? Повѣрь мнѣ, все можетъ остаться по старому. И ровно никакой драмы впереди не предвидится, если ты самъ только не будешь такъ нелѣпо ревновать.

— Она была такъ обворожительна въ эту минуту, что всякая ревность мнѣ показалась въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то нелѣпымъ. Да и съ какой стати вздумалъ я представлять себѣ запутанными такія простыя отношенія, какъ наши. Ванда—вся жизнь, свѣтлая, радостная, какъ этотъ весенній день,—жизнь беззаботная, незадумывающаяся о завтрашнемъ днѣ. Ну и надо съ ней вмѣстѣ вдвоемъ наслаждаться, пока намъ обоимъ такъ хорошо, и не задавъ ни ей, ни себѣ сложныхъ загадокъ, которыхъ распутать вѣдь не въ силахъ.

Въ этотъ же день мы уже не заговаривали больше о графѣ. Но мало-по-малу ко мнѣ подкрадывалась мысль, что въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, все можетъ оставаться по старому, и что сложится это даже очень просто, безъ всякихъ бурныхъ столкновеній.

Съ тѣхъ поръ Ванда мелькомъ, украдкой нѣсколько разъ возвращалась все къ тому же вопросу. И удивительное, право, дѣло! Близкое возвращеніе графа все менѣе стало меня безпокоить. Меня даже какъ будто уже не такъ возмущало, что отъ правъ своихъ онъ, конечно, не отступится и я безмолвно какъ бы даже признаю эти права. Другъ другу мы этого не высказали и все словно силились скрыть другъ отъ друга настоящую правду; но въ сущности я зналъ, что втихомолку я уже согласился, и Вандѣ это тоже извѣстно.

25 марта.

Вчера все маленькое общество, которое я встрѣчалъ у Ванды, собралось вмѣстѣ отобѣдать. Не знаю кому первому пришла мысль это устроить, но мнѣ лично эта затѣя была не особенно по сердцу. И я бы охотно уклонился отъ всякаго участія, еслибы не замѣтилъ, что Вандѣ задуманное маленькое празднество доставляетъ удовольствіе.

— Ахъ, это будетъ отлично!—объявила она, хлопая въ ладоши, когда графъ Адамъ Пшездецкій сказалъ ей,

что всѣмъ обществомъ рѣшено отобѣдать въ Café Riche, и расчитываютъ на ея присутствіе.

„Неужели,—подумалъ я,—она успѣла уже соскучиться по этой милой компаніи, и трехъ недѣль, проведенныхъ сравнительно тихо, ей кажется слишкомъ много?“ Нечего было дѣлать: отставать отъ прочихъ показалось бы смѣшнымъ. И вотъ вчера, около восьми часовъ, всѣ мы были въ сборѣ въ ожиданіи Ванды. Не доставало только графа Пшездецкаго: онъ взялся быть ея кавалеромъ. Я не захотѣлъ принять на себя эту роль, чтобы не слишкомъ подчеркнуть нашу близость. Всѣ, кромѣ одного меня, были въ какомъ-то нелѣпомъ праздничномъ настроеніи. И никогда еще эти люди и шутки, которыми они обмѣнивались, не казались мнѣ такими пошлыми.

Въ четверть девятаго къ ресторану подкатило купе, и Ванда вошла, опираясь на руку графа. Она казалась въ этотъ вечеръ необыкновенно, даже неестественно оживленною. Она много и громко хохотала, и никогда еще въ моемъ присутствіи не обращалась такъ фамильярно съ мужчинами. Входя, она тотчасъ сбросила свою накидку, которую графъ поторопился схватить съ преувеличенной любезностью. Въ рукахъ у нея былъ букетъ изъ гарденій, вѣроятно, подарокъ графа.

— Какъ вы меня балуете!—смѣясь обратилась она къ двумъ живописцамъ.—Сегодня утромъ вхожу я въ свою гостинную и вижу, что она уставлена бѣлыми и красными рододендронами. Я догадываюсь, что это вы оба прислали. На дняхъ я неосторожно сказала въ вашемъ присутствіи, что люблю эти цвѣты. А васъ,—обратилась она къ композитору,—благодарю за посвященный мнѣ романсъ, я такъ была тронута.

Конрадъ Коловель, рядомъ съ которымъ стояла Ванда, молча взялъ ея руку въ свою и поднесъ ее къ губамъ. На этой рукѣ былъ красивый браслетъ, котораго прежде я у Ванды не видалъ.

— Вы хотите убѣдиться,—разсмѣялась она,—ношу

ли я вашъ подарокъ?.. Видите, я его надѣла. Но какъ вамъ не стыдно меня такъ баловать! Сто разъ вамъ повторяла, что я этого не хочу.

Говоря это, она ему улыбалась самою ласковою улыбкой. И въ этотъ вечеръ она была какъ-то особенно хороша въ свѣтло-сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ лифомъ, застегнутымъ на спинѣ, такъ гладко обхватывавшимъ ея станъ, что она казалась точно изваянною. Прическу ея украшали двѣ блѣдныя чайныя розы, въ ушахъ висѣли серьги съ дорогими брильянтами. Я невольно залюбовался стройною гибкостью ея плавныхъ движеній, а на сердцѣ между тѣмъ у меня поднималось смутное чувство недовольства. Мнѣ въ первый разъ показалось, что есть какая-то близость между ней и этими людьми, а меня какъ будто оскорбляетъ эта близость.

Всѣ обступили ее; всѣ разомъ болтали вздоръ, перебивая другъ друга.

— Здравствуйте, Сержъ,—вдругъ обратилась она ко мнѣ, какъ будто теперь только меня примѣтила: въ присутствіи другихъ она никогда не говорила мнѣ ты.— Что вы такимъ угрюмымъ смотрите, даже не поздоровались со мной, когда я вошла? И съ какой стати вы не захотѣли меня сюда подвезти? Нашли, что это будетъ неприлично? Какой вы смѣшной! Не правда ли, господа, онъ смѣшной? Ну что бы я сдѣлала, еслибы графъ не предложилъ мнѣ быть моимъ кавалеромъ?

Она какъ будто намѣренно дразнила меня и этими словами, и своей нервною, преувеличенною веселостью. Во время обѣда было все то же. Мнѣ никакъ не удавалось попасть въ общій тонъ. Безтолковая, плоская болтовня становилась все шумнѣе. Подъ вліяніемъ вина остроты дѣлались все скоромнѣе. Надо отдать справедливость двумъ полякамъ, они держали себя приличнѣе остальныхъ. За то оба они совсѣмъ уже откровенно пожирали Ванду глазами. Ее, повидимому, все это забавляло; по крайней мѣрѣ она ничѣмъ не сдерживала

все сильнѣе подымавшуюся волну разгула. Въ моихъ ушахъ точно дикая симфонія, разыгранная сумасшедшимъ оркестромъ, звучали эти двусмысленныя шутки, этотъ пошлый смѣхъ, это полупьяное веселье; а она какъ будто даже вторила всему этому своимъ оживленнымъ лицомъ, своими искристыми взглядами.

Меня словно тяжесть какая-то давила. Я вдругъ понялъ, какъ нелѣпы были мои усилія окружить Ванду искусственной атмосферой чистоты, возвысить ее надъ уровнемъ кружка, среди котораго я ее засталъ. Пелена спала съ моихъ глазъ. Я увидалъ и общество это, и самую Ванду въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, увидалъ всю мерзость жизни, среди которой вращаюсь и я; и вдругъ у меня въ головѣ мелькнула догадка, что Ванда можетъ быть принадлежала поочередно всѣмъ этимъ людямъ. Да и почему же нѣтъ?! Чѣмъ они хуже купившаго ее графа Короньи? Она принимаетъ отъ нихъ подарки, ее забавляетъ ихъ грязное остроуміе, ея слухъ не возмущается самыми прозрачными намеками. И если я подмѣчаю это въ первый разъ, то до сихъ поръ должно быть она стѣснялась изъ за меня, прикидываясь иною, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ. А между тѣмъ надо было приневоливать себя отвѣчать порой на вопросъ, даже иногда смѣяться. Я дѣлалъ все это, но должно быть лицо мое выдавало мои ощущенія; всѣ поочередно ко мнѣ приставали, отчего у меня сегодня такой мрачный видъ. Ванда сперва то же надо мной подшучивала, но потомъ отстала отъ прочихъ, по временамъ только обращая ко мнѣ пристальный, недоумѣвающій взглядъ.

— А мы забываемъ пить за здоровье отсутствующаго, — вдругъ заговорилъ хриплымъ голосомъ совсѣмъ уже пьяный Марсо.

Я замѣтилъ, что при этихъ словахъ глаза Ванды блеснули гнѣвомъ.

— Да, да, за его здоровье! — подхватили двое другихъ.

— A la santé de votre seigneur et maître,—черезъ весь столъ потянулся къ Вандѣ со своимъ бокаломъ тоже видимо охмѣлѣвшій литераторъ.

Въ первый мигъ она какъ будто колебалась. Но потомъ, звонко разсмѣявшись, она чокнулась съ Феликсомъ Моберомъ.

— Желаю ему отъ души никогда не возвращаться,— сказалъ графъ Пшездецкій, тоже протягивая бокалъ.

Всѣ, кромѣ меня, послѣдовали его примѣру.

— Не возвращаться, это почему? — расхохоталась Ванда.—Напротивъ, я всѣхъ васъ хочу съ нимъ перезнакомить.

— Ну, а если графъ...—нерѣшительно проговорилъ нѣмецъ.

— Не особенно будетъ радъ?..—докончила за него Ванда.—Стану я его спрашивать! Вы не можете себѣ представить, какимъ я его сдѣлала ручнымъ.

Меня это окончательно взбѣсило.

— А вы, Градищевъ, отчего не пьете за здоровье графа?—спросилъ у меня Пшездецкій.

— Неблагодарный!— качаясь на своемъ стулѣ, торжественно проговорилъ живописецъ Марсо.

— Оставьте его! — вступилась Ванда, примѣтивъ должно быть, что я раздраженъ не на шутку.—Ему сегодня не по себѣ.

Едва встали изъ за стола, я улучилъ минуту, когда Ванда не обращала на меня вниманія, чтобы поскорѣе выбраться изъ душной атмосферы ресторана, гдѣ невыносимо давило меня тяжелое веселье всѣхъ этихъ людей.

Я быстро пошелъ впередъ безъ всякой цѣли; злоба меня душила, я смутно чувствовалъ, что во мнѣ снова разбились недавно возродившіяся иллюзіи. И припомнилась мнѣ та ночь въ Венеціи, когда, весь дрожа отъ лихорадки, я тщетно поджидалъ Ванду на набережной. Эта ночь не походила на ту. Все вокругъ меня дышало радостью: и небо, усѣянное звѣздами, и улица на-

полненная свѣтомъ газа и говоромъ веселой толпы. Но среди этой, совсѣмъ иной обстановки я чувствовалъ себя почти такимъ же одинокимъ, какъ тогда. Короткая шумиха мишурнаго счастья быстро потухала, какъ зажженное среди ночи пламя бенгальскаго огня. „Нѣтъ“, сказалъ я себѣ, „нѣтъ; такъ оно кончиться не можетъ; мнѣ надо съ ней объясниться...“ Я кинулся въ первую попавшуюся мнѣ извозчичью коляску и далъ кучеру адресъ Ванды.

— Madame n'est pas rentrée, — сказала отворившая мнѣ служанка, оглядывая меня съ удивленіемъ.

— Знаю, знаю, я подожду, — проговорилъ я быстро и, скинувъ пальто, поднялся по лѣстницѣ.

Комната глядѣла привѣтливо и тихо. Въ открытое окно вливался слегка колыхавшійся воздухъ, принося слабый запахъ распускавшихся листьевъ. Одинокая лампа горѣла на столѣ, распространяя мягкій свѣтъ. Стоявшія группами кусты рододендроновъ глядѣли нарядно, покрытые кистями своихъ пышныхъ цвѣтовъ. Но во мнѣ эта изящная обстановка и самый ночной воздухъ, весь наполненный такою примиряющею сладостью, вызывалъ усиленный приливъ скорбнаго и озлобленнаго чувства. Здѣсь, гдѣ все было такъ тихо, куда съ улицы не доносились неугомонные звуки парижской жизни, я еще живѣе ощущалъ отвратительное впечатлѣніе этого вечера.

Полночь пробило давно, когда къ дому подъѣхалъ экипажъ. Послышались шаги по ступенямъ крыльца, служанка сбѣжала внизъ; дверь заскрипѣла, и я узналъ голосъ графа Пшездецкаго, что-то говорившаго полушепотомъ. У меня сильно забилось сердце. „Что, впуститъ она его?“ подумалъ я.

— Благодарю васъ, графъ, — явственно дошли до меня слова Ванды.—Поймите же, что въ такой часъ я васъ принять не могу.

Пшездецкій разсмѣялся, но кажется не настаивалъ. Спустя нѣсколько секундъ экипажъ отъѣхалъ. „Дол-

жно быть служанка ей сказала, что я здѣсь,“ подумалъ я. Но я ошибся. Сквозь растворенныя двери я услыхалъ ея удивленное восклицаніе: „Какъ! онъ здѣсь, меня дожидается! какой сумасшедшій!“

Ванда взбѣжала по лѣстницѣ. Она стояла передо мной свѣжая и сіяющая, и скидывала шляпу и накидку. На лицѣ ея и слѣдовъ не было недавняго возбужденія.

— Ты здѣсь! — весело заговорила она, подходя ко мнѣ.—Вотъ не ожидала! Какъ можно быть такимъ ребенкомъ и такъ глупо сердиться! Но все-таки я рада, очень рада! Какой ты, право, смѣшной.

Но смѣхъ тотчасъ замеръ на ея губахъ, когда она разглядѣла мое взволнованное лицо.

— Ванда!—проговорилъ я рѣзко, схвативъ ее за локоть,—я поджидалъ тебя здѣсь, чтобы потребовать отъ тебя объясненія.

— Объясненія? по какому поводу?

Она вся гордо выпрямилась передо мной.

— Я невыразимо страдалъ весь этотъ вечеръ. Неужели ты этого не замѣтила?

— Я замѣтила только, что ты велъ себя совершенно неприлично. Мнѣ было стыдно за тебя.

Меня это взорвало.

— Нѣтъ, за тебя мнѣ было стыдно!—воскликнулъ я.—Какъ держала ты себя съ этими людьми! Какъ позволяешь ты имъ говорить въ твоемъ присутствіи невозможныя вещи? И ты слушаешь ихъ не краснѣя? Да, гдѣ тебѣ краснѣть! Тебя забавляютъ ихъ скверныя, двусмысленныя шутки; ты принимаешь отъ этихъ людей подарки...

Ея брови сдвинулись.

— Говори яснѣе, я ничего не понимаю!

— Ты не хочешь понимать! Эти люди обращаются съ тобой, какъ съ потерянною женщиной. Такъ знай же, я требую, чтобы ты перестала съ ними видѣться, или я...

Голосъ у меня осѣкся.

— Или что?—проговорила она, вся пылая гнѣвомъ.

— Или между нами все кончено; и на этотъ разъ навсегда...

— А! вотъ какъ! Ты мнѣ ставишь условія! Я, кажется, ни тебѣ, ни кому другому не давала права мнѣ читать наставленія.

— Ванда, да что-жъ это такое?—въ отчаяніи проговорилъ я.—Ты меня сводишь съ ума. Развѣ можно, чтобы мы такъ разстались? Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ предпочитаешь мнѣ это дрянное общество?

— Я одно только предпочитаю даже тебѣ—свою свободу,—было ея отвѣтомъ.

— Свободу!—горько разсмѣялся я.—Ты называешь это свободой. Я не хочу, слышишь, не хочу, чтобы повторилось со мной то, что было въ Венеціи. Одного обмана съ меня довольно.

— Да скажи же, по крайней мѣрѣ, къ кому изъ нихъ ты меня ревнуешь?

— Да развѣ я знаю... можетъ быть Пшездецкій...

— Пшездецкій?.. ты съ ума сошелъ!

— Можетъ быть и не онъ одинъ... и ты унизилась до того...

Она вспыхнула.

— Во всякомъ случаѣ, —сказала она,—я не хочу болѣе унижаться до того, чтобы выслушивать отъ тебя эти оскорбленія. Ступай, я тебя не удерживаю.

Она отвернулась и сѣла на кресло.

— Хорошо, Ванда!—холодно возразилъ я,—но знай, что если я уйду теперь, я болѣе не вернусь.

Она разсмѣялась отрывисто.

— Это отъ тебя зависитъ,—промолвила она, не спуская съ меня глазъ.

Нѣсколько минутъ я простоялъ, не глядя на нее и не двигаясь съ мѣста. Мы оба молчали. „Неужели, думалось мнѣ, мы разстанемся такъ, и это ужъ послѣдній, окончательный разрывъ?“ Когда я къ ней ѣхалъ, я

твердо рѣшился покончить съ нашими отношеніями и бросить ей въ лицо на прощанье мое презрѣніе къ ней, а теперь, когда она такъ нагло отвѣчала на мои упреки, я не рѣшался уйти. Горькое чувство щемило мнѣ грудь. „Неужели говорилъ я себѣ, я въ послѣдній разъ вижу эти прелестные глаза и никогда уже, никогда мои губы не прильнутъ къ этимъ губамъ, которыя я такъ любилъ цѣловать?“

— Ванда,—началъ я опять дрожащимъ голосомъ,—и это твое послѣднее слово?

Я посмотрѣлъ на нее: черты ея смягчились; гнѣвъ исчезъ съ ея лица; она даже какъ будто улыбалась...

— Ты, право, заслуживаешь иного отвѣта,—проговорила она, слегка вздохнувъ,—да что дѣлать? Мнѣ тебя жаль. Ты совершенно ребенокъ.

Она медленно поднялась съ мѣста, подошла ко мнѣ и положила обѣ руки на плечи.

— Ну какъ могъ у тебя повернуться языкъ,—сказала она мягко, смотря мнѣ прямо въ лицо,—чтобы наговорить мнѣ этихъ ужасныхъ вещей? Какъ рѣшился ты меня подозрѣвать послѣ всего, что было между нами... и такъ глупо, такъ дѣтски подозрѣвать? Ну! скажи: развѣ я промѣняю тебя на какого-нибудь Пшездецкаго? А вѣдь онъ еще лучшій изо всѣхъ этихъ людей. Вѣдь ты всѣхъ ихъ видѣлъ у меня, когда пришелъ сюда въ первый разъ; тогда ты и не думалъ подозрѣвать. Съ какой же стати теперь, когда ты знаешь, какъ я тебя люблю, когда мы были почти неразлучны эти двѣ недѣли... Какъ можно быть такимъ ребенкомъ!

Она склонила свою голову ко мнѣ; потомъ опять подняла ее; лучистые ея глаза улыбались. Я обнялъ ее почти невольно.

— Да вѣдь я самъ не хочу этому вѣрить,—горячо заговорилъ я.—Я того только и ждалъ, чтобы ты мнѣ сказала, что это неправда.

— А ты не понимаешь,—лукаво отвѣтила она,—что

ни одна женщина этого не скажетъ, когда ее обвиняютъ напрасно?

— Но зачѣмъ же тогда ты позволяешь этимъ людямъ такъ неприлично держать себя? Весь этотъ вечеръ мнѣ было такъ больно за тебя, за ту мою Ванду, которую я хочу видѣть на такой высотѣ, чтобъ ея и касаться не смѣли гнусныя желанія этихъ пошлыхъ людей.

Она громко расхохоталась и, отойдя отъ меня, опять опустилась на диванъ.

— Какой ты странный, право! Ну, вотъ, сядь сюда, возлѣ меня, я тебѣ все объясню.

Я молча повиновался.

— Ты не хочешь понять моего положенія. Я вынуждена принимать этихъ господъ, потому что люди изъ настоящаго, хорошаго общества, хоть и ѣздятъ къ такимъ женщинамъ какъ я, но только съ извѣстными цѣлями. Непріятно въ этомъ сознаваться, да что дѣлать! Надо быть откровенною съ тобой. И въ сущности, вѣдь, они добрые малые. Да и что за бѣда, если они ведутъ себя немного развязно? Всѣ они вѣдь очень хорошо знаютъ, что ни одного изъ нихъ я въ грошъ не ставлю. Надо быть такимъ наивнымъ какъ ты, чтобы меня ревновать къ которому-нибудь изъ нихъ.

— Всѣ они однако же влюблены въ тебя по уши...

— Влюблены?—она опять расхохоталась.—Эти два несчастные живописца, у которыхъ въ сердцѣ такъ же пусто, какъ въ карманѣ, или этотъ противный Моберъ, который сухъ и расчетливъ какъ лавочникъ, или этотъ глупый Нѣмецъ? Полно!

— Да я же видѣлъ, какъ у нихъ разгорались сегодня глаза; какъ этотъ Коловель, отъ котораго ты принимаешь браслеты, цѣловалъ твои руки...

Она тотчасъ отдернула отъ своей руки подарокъ Коловеля и швырнула его на полъ.

— Завтра же,—сказала она, улыбаясь мнѣ своими блестящими глазами,—этотъ браслетъ будетъ отданъ

моей горничной. Вотъ какъ я цѣню ихъ подарки. Всѣ они, всѣ до единаго не стоятъ въ моихъ глазахъ и твоего мизинца. Глупый ты, глупый, и все-таки милый...

Послѣднія слова она проговорила шепотомъ и склонила голову ко мнѣ на грудь.

Снова охватила меня знакомая уже, но вѣчно для меня новая страстная волна, я не въ силахъ былъ устоять противъ хлынувшаго на меня сладостнаго чувства. Уста наши слились, какъ въ тотъ день, когда она отдалась мнѣ въ первый разъ. И подъ ея жгучими ласками мигомъ исчезли всѣ недоумѣнія.

— Ну, а теперь ступай, — проговорила она чуть слышно,—поздно; до свиданія!

Она пожала мнѣ руку и встала. Но я не трогался съ мѣста, пожирая ее жадными глазами.

— Ступай же!—повторила она.—Погляди, скоро начнетъ разсвѣтать.

Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, вся облитая мягкимъ свѣтомъ лампы. Ея прищуренные глаза лукаво улыбались.

— Позволь мнѣ остаться, Ванда! — сказалъ я, ощущая какую-то истому во всемъ тѣлѣ. — Позволь, въ знакъ примиренія!

Я подошелъ къ ней и тихо обнялъ ее. Она не противилась.

— И ты никогда уже, никогда... прошептала она,— не станешь такъ нелѣпо ревновать? Никогда не будешь такимъ гадкимъ и злымъ, какъ сегодня?..

Мы проснулись поздно. Яркое солнце уже сквозило въ опущенныхъ занавѣскахъ.

— Я должна сказать тебѣ,—прощаясь объявила мнѣ Ванда,—про извѣстіе, полученное мною еще вчера: Короньи пріѣзжаетъ сюда черезъ два дня. Надѣюсь, ты будешь умницей и не станешь дѣлать нелѣпыхъ сценъ.

Говоря это, она играла прядью моихъ волосъ.

— А я берусь все такъ устроить, чтобы онъ не сталъ намъ мѣшать... Не дѣлай же такой кислой мины!—

закончила она, цѣлуя меня въ послѣдній разъ. — Повѣрь мнѣ, ничего ужаснаго въ этомъ нѣтъ. Не мы первые, не мы послѣдніе.

Я ушелъ отъ нея въ какомъ-то чаду. Ни одной путной мысли не было у меня въ головѣ. Было только неопредѣленное ощущеніе стыда, но все какъ бы тонувшее въ сладкихъ и жгучихъ воспоминаніяхъ только-что проведенной ночи. Всѣ пружины моей воли какъ будто ослабли отъ опьяняющихъ поцѣлуевъ ея свѣжихъ губъ.

26 марта.

Возвращаясь вчера утромъ отъ Ванды, я въ Елисейскихъ поляхъ наткнулся на графа Пшездецкаго и тотчасъ остановилъ его, чтобы спросить, кому я остался долженъ за вчерашній обѣдъ.

— Я ушелъ ранѣе всѣхъ,—добавилъ я извиняясь,— потому что у меня сильно разболѣлась голова.

— Никому изъ насъ вы не должны,—отвѣтилъ графъ улыбаясь,—за васъ расплатилась Ванда Козельская.

— Какъ? это ни на что не похоже! — воскликнулъ я, вспыхивая.

— Мы убѣждали ее, что васъ это разсердитъ, но она настояла на своемъ. Съ каждаго изъ насъ пришлось по семидесяти франковъ.

— Какъ это непріятно!—продолжалъ я.—Дамы никогда не платятъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Да что прикажете съ нею дѣлать, она такая упрямая. Пошлите ей какую-нибудь вещицу въ видѣ извиненія, что вы такъ нелюбезно исчезли. Стоитъ говорить о такихъ пустякахъ, какъ семьдесятъ франковъ. До пріятнаго свиданія.

Мы пожали другъ другу руку и разстались. Пока я шелъ домой, меня преслѣдовали не совсѣмъ пріятныя мысли. Жизнь, какую я веду въ Парижѣ, мнѣ не по средствамъ, а денегъ, привезенныхъ дядюшкой, остается ужъ очень немного. Я бросился въ эту жизнь очертя голову, совсѣмъ не думая о завтрашнемъ днѣ; а между

тѣмъ въ самомъ близкомъ будущемъ мнѣ предстоитъ сознаться передъ Михаиломъ Петровичемъ, что я въ какихъ-нибудь двѣ недѣли опрометчиво истратилъ всѣ деньги, которыхъ должно было хватить до нашего отъѣзда. И при всемъ томъ, напоминало мнѣ болѣзненно страдавшее самолюбіе, я одинъ изъ всѣхъ бывшихъ у Ванды до сихъ поръ не подарилъ ей ни одной бездѣлки. Конечно, въ нашихъ отношеніяхъ деньги не играютъ никакой роли, и тѣмъ самымъ эти отношенія становятся въ нашихъ глазахъ какъ-то благороднѣе и чище. Но все таки мнѣ было неловко, почти стыдно за то, что я долженъ былъ разсчитывать чуть ли не каждый грошъ, не могъ даже послать ей такъ любимыхъ ею цвѣтовъ. А я еще недавно мечталъ зажить съ Вандой вдвоемъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Парижа, какъ будто я не зналъ, что это совершенно невозможно. Презрѣнный вопросъ о деньгахъ, такъ опошляющій жизнь, опять стоялъ предо мной ребромъ, опять сулилъ мнѣ всяческія униженія.

— Гдѣ ты пропадалъ всю ночь? — недовольнымъ вопросомъ встрѣтилъ меня дома Михаилъ Петровичъ.

— Я, кажется, дядюшка, не мальчикъ,—было моимъ обидчивымъ отвѣтомъ.

Вырвался у меня этотъ отвѣтъ какъ разъ потому, что я былъ крайне недоволенъ собой, а въ такія минуты всегда бываешь готовъ встрѣтить сердитымъ отпоромъ всякое чужое замѣчаніе.

— Въ томъ-то и дѣло, милый мой, что ты ведешь себя именно какъ мальчикъ. Ты думаешь, я не замѣчаю давно, что ты свихнулся? Я, разумѣется, не сталъ бы тебѣ выговариватьза это, потому что я читать проповѣди не люблю, а въ твои годы самому надо знать, какъ себя вести. И заговорилъ я про это съ тобою теперь потому, что у тебя, кажется, голова окончательно закружилась, а время, сдается мнѣ, совсѣмъ не такое, чтобы думать о пустякахъ. Ты знаешь, что мы живемъ

на послѣднія крохи и не стыдишься сорить деньгами, да цѣлые дни шататься по Парижу. Хорошо приготовленіе къ будущей серьезной работѣ!

— Вы сами мнѣ говорили, помните, что не все постъ, есть и масляница.

Я думалъ отшутиться, да не тутъ-то было.

— Да, говорилъ. И въ иное время веселись, сколько твоей душѣ угодно. Я не въ монахи тебя прочу; только бываютъ въ жизни минуты, когда у каждаго, въ комъ есть разсудокъ и сердце, проходитъ охота балагурить. Вѣдь ты догадываешься, конечно, что не ради шуточнаго дѣла я остаюсь въ Парижѣ, когда у насъ дома столько работы и каждая минута дорога, да и каждая копѣйка тоже.

Я промолчалъ. Странное дѣло! я чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, сознавалъ, что веду безпорядочную, невозможную жизнь, а между тѣмъ какое-то тупое ожесточеніе будто сковывало мнѣ сердце: совсѣмъ не расположенъ я былъ выслушивать наставленія дяди, хоть и чувствовалъ всю ихъ правоту; и именно потому, что я стоялъ лицомъ къ лицу съ суровою необходимостью, что отвернуться отъ нея я не могъ,—я упорно закрывалъ глаза передъ будущимъ. Меня возмущало, что въ двадцать три года мнѣ все приходилось слышать о какомъ-то отреченіи, какъ будто для меня одного не существуетъ молодости; и то, что всѣмъ прочимъ дается въ мои годы, для меня составляетъ почти какое-то преступленіе. Вѣдь послушаться дяди значитъ прежде всего разстаться съ Вандой, а я чувствовалъ еще на своихъ губахъ ея горячіе поцѣлуи, голова моя кружилась отъ воспоминаній прошлой ночи. „Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ я себѣ, будетъ что будетъ, а я не пожертвую своимъ счастьемъ. Молодости два раза не бываетъ. Легко тому проповѣдывать отреченіе, у кого сѣдая голова, и кровь охолодѣла“.

— Что-жъ ты стоишь передо мной какимъ-то истуканомъ?—продолжалъ дядя, должно быть прочитавши

эти мысли на моемъ лицѣ.—Или тебѣ мало того, что я сказалъ?

— Да, коли на то пошло, дядюшка,—строптиво отвѣтилъ я,—мнѣ просто надоѣли эти вѣчныя напоминанія, точно я не имѣю права быть молодымъ.

— Надоѣли? вотъ какъ!—съ изумленіемъ проговорилъ Михаилъ Петровичъ,—это я въ первый разъ отъ тебя слышу. Ты вѣдь прежде все собирался жертвовать собою для какихъ-то высокихъ цѣлей; а я отъ тебя, кажется, никакой жертвы не требую...

— Ну что бы я тамъ ни говорилъ,—нетерпѣливо перебилъ я дядю, — теперь у меня не то въ головѣ. Успѣю сдѣлаться серьезнымъ человѣкомъ.

Дядюшка пристально въ меня всмотрѣлся.

— Берегись, Сережа,—проговорилъ онъ,—жизнь не выжидаетъ, пока къ ней подготовишься. Иного она балуетъ до гроба, иному она съ раннихъ лѣтъ ставитъ суровыя требованія — и отъ этихъ требованій не отвертишься. Выборы не отъ насъ зависятъ. Видишь, братецъ мой, мнѣ, чего добраго, придется тебѣ раскрыть такую горькую истину, отъ которой, я думаю, и у тебя пройдетъ охота пустяками забавляться. Хотѣлъ я тебя отъ этого избавить, да нечего дѣлать!..

— Ну, дядюшка,—возразилъ я холодно,—вы меня ужъ не одинъ разъ испугать хотѣли разными туманными намеками; и видите — не испугали. А теперь я не расположенъ загадки разгадывать; вы меня ужъ лучше увольте: и голова у меня кстати разболѣлась.

Съ этими словами я вышелъ въ другую комнату и прихлопнулъ за собою дверь. Я слышалъ, какъ Михаилъ Петровичъ долго ходилъ взадъ и впередъ. Мнѣ было жаль, что я отвѣтилъ ему такъ рѣзко, но я крѣпился, и на этотъ разъ не хотѣлъ признать надъ собою его авторитета.

28 марта.

Короньи вернулся. И какъ ни гадокъ, какъ ни ненавистенъ мнѣ этотъ человѣкъ, мы встрѣтились съ нимъ,

какъ ни въ чемъ не бывало. Мы обмѣнялись вѣжливыми привѣтствіями, точно мы хорошіе знакомые, и намъ обоимъ другъ передъ другомъ не приходится краснѣть. Въ обращеніи графа со мной необыкновенная развязность, какъ будто ничего особеннаго и не случилось. „Я очень хорошо знаю", словно говорило его лицо, „какую роль вы здѣсь разыгрываете, но мнѣ это совершенно все равно". Онъ прежде могъ смотрѣть на меня, какъ на соперника, мѣшавшаго ему достигнуть цѣли, но теперь, когда цѣль эта достигнута, онъ смотритъ на меня съ высокомѣрнымъ равнодушіемъ. И оттого именно, что ему угодно такъ подчеркивать полное отсутствіе въ немъ ревности, онъ кажется мнѣ еще отвратительнѣе. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Ванду, я почти готовъ былъ бы ему простить. Но онъ смотритъ на нее только какъ на игрушку, за которую онъ дорого заплатилъ; и онъ теперь добродушно позволяетъ другимъ любоваться этою игрушкой.

Всего хуже, всего унизительнѣе для меня, что Ванда отлично сознаетъ это, и вдвоемъ со мною готова посмѣяться надъ графомъ.

— Ты видишь,—сказала она мнѣ сегодня, — какъ все обошлось отлично. Я, признаюсь, не ожидала, что онъ такъ легко войдетъ въ свое положеніе. Представь себѣ, онъ даже намекнулъ мнѣ, что ожидалъ чего-то подобнаго; что не будь тебя, нашелся бы иной. Онъ очевидно старается подражать изящной безнравственности прошлаго вѣка. Но онъ совершенно не подозрѣваетъ, какъ онъ смѣшонъ въ этой роли. Ну, да пускай себѣ тѣшится: намъ отъ этого хуже не будетъ.

И, говоря это, Ванда хохотала. Мнѣ стыдно было и за нее, и за себя, но я не возразилъ ей ничего. Много униженія еще ждетъ меня впереди. И если я рѣшился испить до дна эту отравленную чашу, нечего останавливаться надъ каждымъ отдѣльнымъ глоткомъ.

— Да, милый мой, я и забыла совсѣмъ тебѣ сказать,—продолжала она,—чтобы тебѣ никогда и въ голову

не приходило дѣлать мнѣ подарки. Вчера мнѣ принесли отъ тебя вотъ эту вещь. — Она показала лежавшій на столѣ вѣеръ, за который я наканунѣ заплатилъ свои послѣдніе триста франковъ.—И я собираюсь тебя за это жестоко бранить. Ну, какъ тебѣ не стыдно? Я вѣдь знаю, что у тебя лишнихъ денегъ нѣтъ, и ты это дѣлаешь только изъ пустого тщеславія; это совсѣмъ вѣдь не доказательство твоей любви ко мнѣ. Сознайся въ этомъ. Неужели ты думаешь, что мнѣ отъ тебя подарки нужны? Вѣдь въ нашихъ отношеніяхъ мнѣ именно дорого то, что между нами и рѣчи не можетъ быть про эти отвратительныя деньги. Каждый франкъ, который ты на меня истратишь, можетъ меня только оскорбить. Развѣ ты не понимаешь, что стоитъ мнѣ только захотѣть, и будутъ у меня и брилліанты, и экипажи, и лошади; одного только не можетъ дать никто — любовь подобную нашей. Такъ не порти же ее. Не дѣлай впередъ этихъ глупостей, обѣщай мнѣ!

Говоря это, она такъ и ласкала меня своими глазами. Я слушалъ молча. Мнѣ и больно, и отрадно было это слушать. Будь я богатъ, очень богатъ, я бы дорожилъ полнымъ безкорыстіемъ въ нашихъ отношеніяхъ: меня бы радовало, что она любитъ меня не изъ за этого богатства; но я бѣденъ, я не могу быть щедрымъ съ нею, если бы я и захотѣлъ, и мое самолюбіе отъ этого несказанно страдаетъ.

Но въ положеніи моемъ есть о чемъ задуматься. У меня осталось какихъ-нибудь пятьдесятъ франковъ. Этого хватитъ развѣ на два дня. Придется опять прибѣгнуть къ помощи дяди, прибѣгнуть послѣ того, какъ три дня назадъ мы съ нимъ почти разошлись. И съ тѣхъ поръ не было у насъ даже настоящаго примиренія. Какое-то безсмысленное самолюбіе не позволило мнѣ просить у него прощенія; а вѣдь я знаю, что оскорбилъ его глубоко.

Нѣтъ, я не заговорю съ нимъ о деньгахъ! Это было бы слишкомъ явнымъ подтвержденіемъ его укоряющихъ

словъ. На этотъ разъ я обращусь къ матери. Она сама вѣдь предложила мнѣ денегъ. У нея совсѣмъ иной, болѣе легкій взглядъ на то, что она всегда называетъ моими шалостями. Правда, Михаилъ Петровичъ упрашивалъ меня съ какою-то странною торжественностью никогда не обращаться съ подобною просьбой къ матери; да нечего дѣлать, коли я дошелъ до того, что мнѣ остается лишь выбирать между разными видами униженія.

29 марта.

Матушка приняла меня на этотъ разъ далеко не милостиво. И въ чертахъ ея лица, и въ голосѣ было замѣтно раздраженіе, но по своему обычаю она не высказала его мнѣ прямо, а только сдѣлала нѣсколько колкихъ намековъ на счетъ моего поведенія. Въ самомъ дѣлѣ я не заходилъ къ ней уже цѣлыхъ четыре дня. „Ты, должно быть, очень занятъ", говорила она, „что не успѣваешь ко мнѣ навѣдываться? Я, разумѣется, ничего отъ тебя не требую, пойми это; и вовсе не сержусь на тебя за то, что ты меня забываешь. Меня только удивляетъ, что ты самъ про меня не вспомнилъ вотъ уже цѣлую недѣлю"...

Какъ водится, она преувеличивала: четыре дня успѣли превратиться въ семь. Но мнѣ почему-то сдавалось, что раздражена она вовсе не противъ меня и что я служу только предлогомъ для накопившагося неудовольствія, причина котораго въ дѣйствительности совершенно иная. Тѣмъ не менѣе я покорно выслушивалъ ея упреки, можетъ быть неискренніе, но вполнѣ заслуженные. И я рѣшилъ, что своею просьбой лучше повременить. „Что, однако, я стану дѣлать?" вертѣлось у меня въ головѣ. „Еще день, другой, и я буду совершенно безъ гроша". Никогда еще чувство стыда и униженія не сказывалось во мнѣ такъ живо. Пока я это обдумывалъ, разсѣянно отвѣчая матери, доложили о пріѣздѣ графа Андрея Павловича. Она мгновенно встре-

пенулась, недобрый огонь блеснулъ у нея въ глазахъ, и слабая краска показалась на ея блѣдномъ лицѣ.

Графъ вошелъ, по обыкновенію, развязный и веселый. Но мнѣ почудилось, что въ его обращеніи былъ на этотъ разъ какой-то непривычный оттѣнокъ холодности. На его лицѣ читалось то особое выраженіе, какое бываетъ у людей, которые заранѣе готовятся къ несовсѣмъ пріятному разговору. Онъ весь словно былъ насторожѣ.

— Это совсѣмъ неожиданная любезность, графъ!— проговорила матушка, поднимаясь къ нему на встрѣчу.—Я вовсе не разсчитывала васъ видѣть сегодня.

И на лицѣ матушки, и въ самомъ рукопожатіи, которымъ она обмѣнялась съ графомъ, было что-то обидчивое, почти враждебное.

— Это заслуженный упрекъ, Ирина Алексѣевна,— отвѣтилъ графъ, поднося ея руку къ своимъ губамъ.— Я не былъ у васъ почти недѣлю.

Даже въ этомъ движеніи Андрея Павловича, которому онъ обыкновенно придавалъ какую-то особенную изысканную ласковость, было на этотъ разъ что-то слегка небрежное. „Такъ вотъ“, подумалось мнѣ, „настоящая причина ея гнѣва“.

— Вы хотите сказать цѣлыхъ десять дней,— возразила мать, очевидно стараясь казаться равнодушною, между тѣмъ какъ въ звукахъ ея голоса такъ и слышались гнѣвныя нотки.—Я не думаю на васъ сѣтовать за это. Вотъ мой сынокъ — совсѣмъ иное дѣло! Онъ тоже меня забываетъ, а у него ужъ нѣтъ никакихъ извиненій.

— Молодой человѣкъ изволитъ немного кутить,— шутливо замѣтилъ Андрей Павловичъ, потрепавъ меня по плечу. — Въ Парижѣ — это довольно понятно! Надо быть снисходительною къ молодымъ людямъ.

Они усѣлись, какъ бы осторожно наблюдая другъ за другомъ. Такъ держатъ себя дипломаты, готовясь вступить въ щекотливое объясненіе.

— Я не знаю, — кисло проговорила матушка, — что вы разумѣете подъ словомъ „кутить". И я не понимаю, почему всѣ, даже серьезные люди, когда они въ Парижѣ, воображаютъ, что имъ непремѣнно надо съ утра до вечера искать необыкновенныхъ развлеченій?

Андрей Павловичъ сухо разсмѣялся.

— Повѣрьте мнѣ, Ирина Алексѣевна, эти развлеченія порой очень скучны.

— Вамъ они однако надоѣсть, кажется, не успѣли?

Графъ переложилъ ногу на ногу. Ему видимо становилось неловко.

— Въ Парижѣ у меня, вы знаете, цѣлая масса знакомыхъ...

— Число которыхъ съ каждымъ днемъ, должно быть, растетъ?—досказала его фразу матушка.

Она все съ большимъ трудомъ сдерживала свое раздраженіе.

Графъ погладилъ свои усы и постарался втянуть меня въ разговоръ. Онъ, очевидно, силился придать бесѣдѣ обычный ему легкій, шутливый тонъ, но это ему плохо удавалось. Онъ разсказалъ два-три анекдота, причемъ не преминулъ мимоходомъ осмѣять кое-кого изъ общихъ знакомыхъ; но анекдоты даже не вызвали улыбки на лицѣ матушки, оттого ли, что на этотъ разъ они вышли не особенно забавными, или потому, что сегодня у матушки даже остроумное злословіе графа не находило обычнаго отголоска. Графъ это, конечно, замѣтилъ, и черты его лица вдругъ приняли сосредоточенное выраженіе. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые терпѣливо выносятъ даже безмолвные упреки. На то онъ былъ слишкомъ избалованъ. Не прошло и четверти часа, какъ онъ поднялся съ мѣста.

— Какъ... уже?..—язвительно проговорила матушка.— Или вы сегодня такъ заняты?

— Я замѣчаю, Ирина Алексѣевна,—холодно сказалъ онъ,—что вы сегодня какъ будто разстроены. Въ та-

кихъ случаяхъ присутствіе постороннихъ только стѣснительно, а я никого стѣснять не люблю.

Мать не была уже въ состояіи сдерживаться.

— Присутствіе постороннихъ?..—сказала она, гнѣвно блеснувъ глазами. — Съ какихъ поръ мы стали посторонними другъ другу?

Графъ нетерпѣливо пожалъ плечами, не отвѣтивъ ни слова.

— Или вы ничего не имѣете сказать мнѣ послѣ того, что мы не видались такъ долго?

— Я, кажется,—принужденно разсмѣялся графъ, — выложилъ вамъ цѣлую кучу новостей, весь сегодняшній запасъ. Не моя вина, если онѣ васъ не интересуютъ.

— Мнѣ, право, не до того теперь,—вся вспыхнувъ, отвѣтила матушка,—чтобы выслушивать сплетни. И вы очень хорошо знаете...

— Такъ что же вамъ отъ меня угодно услышать, Ирина Алексѣевна?—уже съ прямою враждебностью сказалъ графъ.

— Мнѣ надо знать,—и голосъ матери задрожалъ,— когда все это кончится? когда вы наконецъ поймете...

Графъ остановилъ ее быстрымъ движеніемъ руки и повелъ глазами на мою сторону. Мать словно опомнилась и судорожно приложила батистовый платокъ къ своимъ засохшимъ губамъ.

— Вы хотите меня подвергнуть допросу, Ирина Алексѣевна?—сказалъ Андрей Павловичъ, снова усаживаясь.—Извольте, я къ вашимъ услугамъ.

Онъ проговорилъ это, видимо дѣлая усилія надъ собой. Я почувствовалъ, что не въ силахъ долѣе присутствовать при этой сценѣ и тотчасъ простился съ матушкой, сухо поклонившись графу. Она меня не удерживала. Графъ отвѣтилъ на мой поклонъ едва замѣтнымъ кивкомъ головы.

Я вышелъ отъ матери въ страшномъ волненіи. Мысли одна другой уродливѣе роились у меня въ головѣ. Я не могъ сомнѣваться въ настоящемъ смыслѣ

тѣхъ недоговоренныхъ фразъ, которыми только-что обмѣнялись въ моемъ присутствіи матушка и графъ. Чувство, говорившее въ раздраженномъ голосѣ матери, была ревность. Я сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ тяжелаго, можетъ быть, рокового объясненія, еще болѣе тяжелаго для нихъ обоихъ оттого, что при мнѣ они должны были сдерживаться. Дѣло очевидно шло къ разрыву. И, судя по глубоко оскорбленному тону матушки, она признавала за собою права, которыя этимъ разрывомъ грубо нарушались. Но въ такомъ случаѣ какія же это были права?

Я опять стоялъ передъ загадкой, мучившей меня столько лѣтъ, передъ загадкой, которую дядя почему-то не хочетъ мнѣ разъяснить. Но теперь, я чувствовалъ это, близится развязка, и я долженъ буду волей-неволей распутать этотъ узелъ, можетъ быть стать дѣйствующимъ лицомъ въ семейной драмѣ. Что передо мной разыгрывалась пока для меня еще непонятная, во всякомъ случаѣ грустная исторія, въ этомъ я сомнѣваться не могъ. Смутная догадка подсказывалась моему возбужденному мозгу, но эта догадка была такъ отвратительна, что я тотчасъ отогналъ ее. Я зналъ, что Михаилъ Петровичъ тотчасъ можетъ сказать мнѣ всю правду, и въ первую минуту я хотѣлъ тутъ же пойти къ нему и потребовать отъ него полнаго объясненія. Но малодушный страхъ и тутъ взялъ верхъ надъ желаніемъ раскрыть истину. Въ самой глубинѣ сердца у меня шевелилось сознаніе, что слова дяди не успокоятъ меня, а напротивъ подтвердятъ ужасную догадку.

Я шелъ впередъ, не оглядываясь. Снова заговорила во мнѣ жажда счастія для себя, счастья независимаго отъ семьи, снова пронесся предо мною образъ Ванды, которая, вѣдь, дала мнѣ это счастье. И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ, вдругъ я услышалъ свое имя, произнесенное голосомъ Ванды. Я поднялъ голову. Она была тутъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, въ коляскѣ, остановившейся у тротуара.

— Что съ тобой? Какой ты странный!—заговорила она, когда я подошелъ.—Такое лицо бываетъ у людей, которые собираются застрѣлиться или только-что совершили какую-нибудь ужасную мерзость.

Но скорбь такъ ясно читалась на моемъ лицѣ, что у нея прошла охота шутить.

— Что съ тобой? скажи мнѣ!—спросила она уже инымъ голосомъ, полнымъ заботливой нѣжности.

И во мнѣ тотчасъ поднялось желаніе найти у нея убѣжище отъ этой скорби, какъ въ ненастный день, когда хмурится небо и вся природа враждебно и холодно встрѣчаетъ человѣка, ищешь убѣжище у веселаго огня въ пылающемъ каминѣ.

— Садись со мной, поѣдемъ вмѣстѣ! Ты вѣдь не застыдишься, коли насъ встрѣтятъ вдвоемъ?

Я усѣлся возлѣ нея; лошадь тронула. Во все время прогулки я оставался молчаливымъ и озабоченнымъ; мнѣ нельзя было вторить ея оживленію; но мало-помалу, какъ ласковый нѣжный вѣтерокъ разгоняетъ сырость и холодъ ранняго весенняго дня, ея милый и участливый голосъ разогналъ томившее меня тяжелое ощущеніе, словно отъ ея рѣчей тепломъ повѣяло мнѣ на сердце.

29 марта.

У Ванды я засталъ сегодня цѣлый переполохъ. Въ сѣняхъ стояли чемоданы, прислуга бранилась, вынося изъ нижняго этажа какія-то вещи; словомъ, видны были сборы къ переѣзду на другую квартиру.

— Ахъ, ты не знаешь еще что случилось!—отвѣтила Ванда на мой удивленный вопросъ.—Мы окончательно разстаемся съ матерью: она уѣзжаетъ завтра. И представь себѣ, размолвка произошла изъ за тебя. Какъ видишь, мы все изъ за тебя ссоримся.

Послѣднія слова она проговорила улыбаясь, но тотчасъ затѣмъ слегка вздохнула. Ванда передала мнѣ, что ея мать сдѣлала ей наканунѣ ужасную сцену, требуя немедленнаго разрыва со мной. „Ты рискуешь, го-

ворила ей достойная мать, всѣмъ своимъ будущимъ ради этой глупой страсти. Пора бы тебѣ образумиться и понять свои настоящіе интересы".

Ванда передала мнѣ это, хмурясь при одномъ воспоминаніи о словахъ матери: раздраженіе въ ней еще не улеглось.

— Разумѣется,—продолжала Ванда,—я отвѣтила ей, какъ слѣдуетъ. И мать объявила мнѣ, что, въ виду моего нелѣпаго упорства, она рѣшается махнуть на меня рукой, какъ на неблагодарную дочь и не станетъ уже компрометировать себя изъ за меня.

— Ты стало быть мною не пожертвуешь для графа?— сказалъ я, и тутъ же припомнилъ, что такъ еще недавно я самъ требовалъ ея разрыва съ Венгерцемъ, а теперь довольствуюсь тѣмъ, что мнѣ позволено какъ нищему пользоваться крохами съ чужого стола. Нечего сказать, я быстро спускаюсь по наклонной плоскости.

— Я не пожертвую тобою ни для кого; и тебѣ пора бы это знать!—промолвила Ванда и обвила руками мою шею.—Неужели ты мнѣ все еще не довѣряешь?

— И ты, кажется, не особенно грустишь о томъ, что случилось?—сказалъ я, замѣтивъ, что улыбка снова заиграла на губахъ Ванды.

Отъ этихъ словъ она тотчасъ нахмурилась.

По выраженію лица Ванды я видѣлъ, однако, что у ней не совсѣмъ легко на душѣ.

— Я хорошо знаю,—добавила она,— что пошла по скверной дорогѣ; только я вѣдь не изъ тѣхъ, что любятъ вѣчно сокрушаться о прошломъ. Я никого, даже матери, не имѣю права обвинить: сама я виновата кругомъ. Но плакать и раскаиваться я не стану. Я жить хочу, а до людскаго мнѣнія мнѣ дѣла нѣтъ, да и пожалуй до собственнаго тоже.

Все это она проговорила вызывающимъ, почти гнѣвнымъ тономъ, словно она хотѣла дать отпоръ кому-то, можетъ быть собственной возмущенной совѣсти. Я не

зналъ, что отвѣтить, и собирался уйти. Мнѣ становилось жутко это слышать.

— Нѣтъ, оставайся, пожалуйста!—принялась она меня упрашивать.—Я не хочу быть сегодня одной. Мнѣ надо видѣть около себя близкаго человѣка, съ которымъ я могу быть вполнѣ откровенною. На меня какой-то глупый стихъ нашелъ, но это сейчасъ пройдетъ. Видишь, я опять улыбаюсь. Хочешь, я тебѣ что-нибудь сыграю?

Мнѣ совсѣмъ было не до того, чтобы слушать ея игру, и Ванда сама должно быть предложила это только для виду.

— Нѣтъ, лучше мы вотъ что сдѣлаемъ,—продолжала она: я сейчасъ пошлю за коляской, и мы поѣдемъ съ тобой кататься. Правда, теперь самый часъ гулянья и тебѣ можетъ быть стыдно покажется со мною вдвоемъ?..

— Полно! что за пустяки, Ванда!

— Ты говоришь правду? Тебѣ не будетъ стыдно?

Она положила свои руки ко мнѣ на плечи и посмотрѣла на меня пристально.

— Знаешь что, милый, проведемъ весь этотъ день вдвоемъ? Мы отобѣдаемъ вмѣстѣ тамъ, въ Булонскомъ лѣсу, на чистомъ воздухѣ! Погода чудесная. Потомъ мы поѣдемъ вмѣстѣ въ театръ, хочешь?

Мнѣ стало вдругъ ужасно неловко. Я вспомнилъ, что въ карманѣ у меня остается всего пять франковъ.

— Не знаю, право, я обѣщалъ матери... сказалъ я, краснѣя.

Она тотчасъ отдернула руки и вся гнѣвная отступила на шагъ.

— Вотъ видишь, ты говорилъ неправду!—воскликнула она.—Признайся лучше, ты меня стыдишься?

Нельзя было ее оставить въ этомъ заблужденіи.

— Я признаюсь тебѣ, коли ты хочешь,—сказалъ я нерѣшительно, — только не въ этомъ; у меня просто нѣтъ денегъ, Ванда; то-есть, пойми это, совсѣмъ нѣтъ.

— Нѣтъ денегъ?..

Она широко раскрыла глаза. — И ты изъ за такихъ

пустяковъ отказываешься со мной ѣхать? Да возьми у меня, сколько хочешь; у меня, къ счастью, деньги есть.

— Ты съ ума сошла, Ванда! Ты очень хорошо понимаешь, что этого нельзя.

— Нельзя?.. Потому что глупый предразсудокъ не позволяетъ мужчинѣ прибѣгнуть къ помощи женщины, которая его любитъ! И ты не понимаешь, какъ это глубоко для меня оскорбительно?..

Она бросилась къ небольшому шкапчику изъ розоваго дерева, стоявшему въ одномъ изъ угловъ комнаты, судорожнымъ движеніемъ отперла замокъ и достала оттуда ассигнацію въ тысячу франковъ.

— Возьми!—проговорила она, вся взволнованная. — Возьми! Неужели ты не видишь, какъ я счастлива, что могу тебѣ дать эти деньги? Въ нашихъ отношеніяхъ то и хорошо, что онѣ стоятъ выше всѣхъ этихъ глупыхъ предразсудковъ.

Я все не рѣшался взять изъ ея рукъ протянутую мнѣ синюю бумажку.

— Если ты этого не сдѣлаешь,—продолжала она торопливо и страстно,—ты этимъ покажешь, что въ твоихъ глазахъ я не болѣе, какъ падшая женщина, что ты въ глубинѣ сердца все таки презираешь меня, не считаешь меня равною себѣ. Пойми же, что принять отъ меня эту бездѣлицу—значитъ возвысить меня въ собственныхъ глазахъ, дать мнѣ право считать себя твоею подругой, съ которою не стыдно дѣлить все, что имѣешь.

Въ голосѣ ея слышалась мольба. Синяя ассигнація очутилась въ моихъ дрожащихъ пальцахъ; прикосновеніе тонкой, шелковистой бумажки точно обожгло ихъ. Я чувствовалъ, что не могу отказать ей и въ то же время, что, принимая отъ нея деньги, я роняю себя и въ ея мнѣніи, и въ собственномъ. Но у меня такъ путались понятія, такъ ослабѣла воля, что я уже не въ силахъ былъ сказать себѣ, какъ надо поступить и гдѣ настоящая правда. Ванда должно быть поняла, что меня грызло чувство собственнаго униженія; весь остатокъ

этого дня она выказывала мнѣ такую заботливую нѣжность, какъ будто она хотѣла залѣчить у меня какую-то нравственную рану. Она обращалась со мной почти какъ съ больнымъ, котораго въ первый разъ выпустили изъ дому и бережно охраняютъ отъ новаго припадка болѣзни. Да я и въ самомъ дѣлѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ больного. Какъ ни беззаботно и сердечно, казалось, болтали мы другъ съ другомъ, на сердцѣ у меня что-то ныло, не то отъ несговорчиваго ропота униженнаго самолюбія, не то отъ смутнаго предчувствія какой-то грозной бѣды.

4 апрѣля.

Съ дядей мы живемъ теперь совсѣмъ врознь. Когда я встаю утромъ, его большею частью уже нѣтъ дома, или онъ запирается у себя въ комнатѣ и не допускаетъ къ себѣ никого. Мнѣ случалось заглядывать къ нему въ замочную скважину: онъ сидитъ неподвижно, опустивъ голову на руки, и на лицѣ его читается та особая скорбь, какую у сильныхъ людей вызываетъ сознаніе безпомощности. Почти цѣлый день я провожу внѣ дома. Иногда лишь мы сходимся съ дядей во время завтрака или обѣда, и то, сидя за однимъ столомъ, мы перекидываемся лишь немногими словами, и тотчасъ спѣшимъ разойтись. Когда я возвращаюсь домой поздно вечеромъ, я почти всегда застаю его уже въ постели. Ночью я часто слышу изъ своей комнаты, какъ онъ безпокойно ворочается на кровати: ему что-то не спится за послѣднее время. Но я ни разу не посмѣлъ еще къ нему войти, чтобы разспросить, что его тревожитъ. А тяжело мнѣ, очень тяжело отъ этихъ натянутыхъ отношеній.

6 апрѣля.

Сегодня мы съ Вандой ѣздили въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ мы оба еще не бывали. Мы отправились туда не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ, какъ истая чета влюбленныхъ, которымъ хочется цѣлый день провести вдвоемъ на чистомъ воздухѣ. Погода была прелестная.

Легкая дымка подернула солнце, умѣряя блескъ его лучей; на краю небосклона синева постепенно принимала лиловатую окраску, незамѣтно сливаясь съ уходившею въ даль равниной. Всѣ очертанія какъ-то смягчились, нигдѣ не было рѣзкаго перехода отъ свѣта къ тѣни. На всемъ лежала печать мира и покоя, и я готовъ былъ вторить этому настроенію природы. Не то однако было съ Вандой. Ее повидимому совсѣмъ не прельщали милыя весеннія картины, мимо которыхъ мы проѣзжали. То она отвѣчала мнѣ разсѣянно, невпопадъ; то нервно смѣялась, неизвѣстно чему. У нея въ головѣ слагался какой-то особый рядъ мыслей, не совпадавшій съ моими. Да и сама знаменитая терраса съ широкимъ видомъ на долину Сены и ея круглые пригорки остановили лишь на мигъ ея равнодушное вниманіе.

— Что тебѣ за охота этимъ восторгаться, точно школьникъ! — нетерпѣливо сказала она мнѣ. — Здѣсь ничего особеннаго нѣтъ; да и мнѣ на нервы дѣйствуютъ эти глупые зѣваки, которые столпились тутъ любоваться этимъ отъ нечего дѣлать. Поѣдемъ лучше въ лѣсъ, тамъ по крайней мѣрѣ будемъ одни.

Но и въ лѣсу было тоже. Длинные ряды вѣковыхъ буковъ и дубовъ, поднимавшихся какъ безчисленныя колонны въ готическомъ соборѣ, не понравились Вандѣ. Они глядѣли сурово, и даже молодая листва, пропускавшая черезъ переплетенныя вѣтви лоскутки голубого неба, не молодила ихъ хмураго величія.

— Здѣсь еще скучнѣе!—вдругъ объявила Ванда.

— Признайся лучше,—отвѣтилъ я,—что ты природы не любишь! Тебя Парижъ избаловалъ.

— Можетъ быть... Я думаю, дѣло не въ природѣ...

Она слегка зѣвнула.

— Да и ты сегодня что-то не особенно забавенъ. Вернемся-ка лучше на террасу, тамъ по крайней мѣрѣ люди есть.

— Ты стала капризною, Ванда!—сказалъ я, усаживая ее въ коляску.

Она пожала плечами.

— Развѣ я не имѣю права быть капризною?—отвѣтила она холодно.—Впрочемъ и обѣдать намъ пора?

Не было еще и шести часовъ.

— Какъ медленно тянется день!—проговорила она и прислонилась въ уголъ экипажа, какъ бы удаляясь отъ меня.

Нѣсколько минутъ мы промолчали. Оба мы чувствовали, что поѣздка не удалась, хоть и не сказали этого другъ другу.

— А я давно собираюсь у тебя спросить,—заговорила она вдругъ, и въ голосѣ ея послышалась насмѣшка, — какіе у тебя планы на будущее? Ты что-то мнѣ давно про нихъ ничего не говоришь.

— Да просто потому, что никакихъ особенныхъ плановъ у меня нѣтъ. Я хочу одного, чтобы настоящее продолжалось какъ можно дольше.

— Знаю, знаю!—съ очевиднымъ нетерпѣніемъ проговорила она.—Ты меня вѣчно будешь любить — это я давно слышала; придумай что нибудь поновѣе.

— Какимъ ты страннымъ тономъ говоришь!

Нѣсколько разъ за послѣдніе дни я уже успѣлъ замѣтить, что въ ея обращеніи со мной произошла непонятная перемѣна. Въ немъ прорывалась иногда какая-то насмѣшливость по моему адресу.

Она опять пожала плечами.

— Въ моемъ тонѣ ничего страннаго нѣтъ,—проговорила она равнодушно. — Да и совсѣмъ не про то хотѣла я спросить. Помнишь, ты говорилъ мнѣ еще въ Венеціи, и съ какимъ краснорѣчіемъ говорилъ, что у тебя есть какія-то высокія цѣли, что ты собираешься чуть ли не цѣлое человѣчество освободить... Словомъ, ты выставлялъ себя настоящимъ героемъ.

— Тебѣ и это теперь кажется смѣшнымъ?

— Нѣтъ, мой другъ,—отвѣтила она серьезно,— еслибы

ты въ самомъ дѣлѣ принялся за крупное дѣло, я бы надъ этимъ и не подумала смѣяться. Въ политическихъ вопросахъ я, положимъ, немного смыслю, но передъ великою идеей, когда она искренна, а въ особенности предъ сильною волей, я преклониться готова. Только мнѣ кажется, что все это было у тебя напускное и теперь испарилось, должно быть отъ весенняго солнца.

Мнѣ было очень больно это слышать.

— А если они оставлены потому,—возразилъ я,—что оказались только кумирами?

Она двусмысленно улыбнулась.

— Есть у тебя стало быть, иные, настоящіе боги?

Я не отвѣчалъ. Тягостное чувство охватило насъ обоихъ. Спустя нѣсколько минутъ, коляска остановилась на террасѣ.

— Ахъ! вотъ и отлично! знакомыя лица! — воскликнула Ванда, примѣтивъ вдругъ невдалекѣ отъ насъ группу стоявшихъ мужчинъ.—Марсо, Дорневиль, Моберъ!... Какъ я рада! Вотъ неожиданная встрѣча.

Они насъ тоже замѣтили и подошли къ коляскѣ. Ванда нагнулась впередъ и протянула руку.

— Мы остатокъ дня проведемъ вмѣстѣ: это будетъ такъ весело!—проговорила она, оживляясь, — по крайней мѣрѣ я не даромъ сюда пріѣхала.

Ванда совсѣмъ преобразилась. Молчаливая, почти угрюмая со мной, она теперь повеселѣла; какое-то нервное оживленіе ее охватило. И такой она оставалась до самаго вечера. Рѣшено было отобѣдать всѣмъ вмѣстѣ въ такъ называемомъ *Павильонѣ Генриха IV*, одномъ изъ лучшихъ ресторановъ въ окрестностяхъ Парижа.

— Я думаю надо отпустить коляску, — сказала она мнѣ только, когда встали изъ-за стола.— Мы вернемся по желѣзной дорогѣ, а то полтора часа ѣзды, да еще ночью, это слишкомъ скучно.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я окончательно взбѣшенный, — я лучше воспользуюсь экипажемъ и поѣду въ немъ одинъ. Ночь восхитительная.

— Какъ хотите!— отвѣтила она.— Я вамъ не запрещаю наслаждаться природой; вы можете даже звѣзды считать дорогой, если васъ это забавляетъ.

Я холодно раскланялся со всѣми и уѣхалъ.

Увидавъ меня, Михаилъ Петровичъ быстро вскинулъ глазами, но ничего не сказалъ. Онъ ходилъ крупными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ. Я поздоровался съ нимъ молча и хотѣлъ было выйти, но въ дверяхъ онъ меня остановилъ.

— Мы уѣзжаемъ на дняхъ; совѣтую тебѣ приготовиться къ отъѣзду, если у тебя тутъ есть какія-нибудь неоконченныя дѣла.

Онъ произнесъ это отрывисто и въ то же время какъ бы выжидая отъ меня возраженія.

— Никакихъ дѣлъ у меня нѣтъ и быть не можетъ,— отвѣтилъ я.—Вы сами, дядюшка, не разъ говорили мнѣ, что я попусту теряю время.

— Поэтому и пора тебя увезти отсюда. Я давно раскаиваюсь, что здѣсь засидѣлся.

Представлялся случай объясниться съ дядей и положить конецъ нашему разладу. Несмотря на рѣзкость его словъ, онъ видимо самъ этого желалъ; по крайней мѣрѣ глаза его, съ безпокойствомъ остановившіеся на мнѣ, такъ и говорили, что онъ надѣется, наконецъ, услышать отъ меня теплое, задушевное слово. Нѣсколько мгновеній я колебался. Что-то меня толкало броситься къ нему на шею и опять, какъ тогда въ Венеціи, покаяться ему во всемъ. Но стыдъ и оскорбленное самолюбіе меня удержали, и вырвался у меня совсѣмъ иной отвѣтъ, холодный и жесткій.

— Вы располагаете мною, будто я какая-нибудь вещь, которую просто отвозятъ на станцію, когда нужно. Сдѣлайте милость, не церемоньтесь. Я вѣдь знаю, что нахожусь въ полной зависимости отъ васъ, потому что своихъ денегъ у меня нѣтъ.

Глубокая скорбь показалась на лицѣ Михаила Петровича.

— Денегъ!..—воскликнулъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — развѣ про нихъ идетъ рѣчь?.. Неужели, Сережа, въ тебѣ нѣтъ и капли сердца?

Я промолчалъ, и, спустя минуту, снова взялся за ручку двери. Мое упорство взорвало дядю.

— А коли на то пошло,—сказалъ онъ,—хотѣлъ бы я знать, на какія средства ты ведешь эту безобразную жизнь? И какъ тебѣ не стыдно...

— Кажется,—перебилъ я дядю,—помощи я у васъ еще не просилъ.

Мои слова до того оскорбили его, что онъ не нашелъ отвѣта и отвернулся, закрывъ лицо руками. Я вышелъ молча. Нѣтъ, эти ужасныя отношенія,—думалъ я,—такъ продолжаться не могутъ. И пока я пишу эти строки, возмущенная совѣсть громко требуетъ меня къ отвѣту. Я упорно отстраняю отъ себя единственнаго человѣка, отъ котораго мнѣ можно ждать совѣта, и помощи; а во мнѣ самомъ и разсудокъ, и воля изнемогаютъ въ нерѣшимости передъ непосильною задачей... Странно, право, такъ недавно еще все существо мое было переполнено радостью удовлетворенной любви, а теперь эта самая любовь какою-то зловѣщею тѣнью ложится на мою жизнь. Не хочу я съ нею разстаться, и въ то же время я почти благодарилъ бы судьбу, еслибъ она вдругъ вырвала меня изъ ея власти, словно эта любовь овладѣла мною какъ тяжелая болѣзнь.

7 апрѣля.

Ванды я сегодня не засталъ дома: она уѣхала за городъ съ цѣлымъ обществомъ, куда именно—мнѣ не съумѣли сказать, должно быть это устроилось еще вчера вечеромъ. Странно однако, что она меня объ этомъ не предупредила: я привыкъ заранѣе знать обо всемъ, что бы ни собиралась она дѣлать.

Выходя изъ воротъ ея дома, я наткнулся на графа Андрея Павловича. Онъ шелъ по тротуару, и какъ всегда, глядѣлъ изящнымъ и веселымъ.

— Ага!.. молодой человѣкъ!—остановилъ онъ меня

смѣясь.—Вотъ вы гдѣ бываете! Берегитесь, я мамашѣ скажу!—онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Притворяться было не зачѣмъ: онъ видѣлъ, какъ я вышелъ изъ дома Ванды.

— Да развѣ вы знаете особу, которая здѣсь живетъ?—спросилъ я, стараясь принять развязный видъ.

— Въ лицо, да.—Графъ странно прищурился.—Да всѣ ее знаютъ. Развѣ въ Парижѣ хорошенькая женщина можетъ оставаться долго неизвѣстною? Я ей предвѣщаю громкую будущность. Ей стоитъ захотѣть, и вся Европа про нее услышитъ.

— Вы, кажется, графъ,—заступился я за Ванду,—составили себѣ на ея счетъ не совсѣмъ вѣрное мнѣніе. Она совсѣмъ не то, что вы думаете. Эта дѣвушка очень хорошей фамиліи и...

— Очень высокой добродѣтели, конечно,—смѣясь добавилъ графъ.

Я бы съ удовольствіемъ задушилъ его за эти слова.

— Вамъ, мой милый, — продолжалъ онъ, — этимъ можно, разумѣется, бросать пыль въ глаза, и вы готовы увѣровать, что въ полусвѣтѣ можно отыскать высокія натуры, чего добраго, пожалуй и высокую нравственность. Но мнѣ, человѣку бывалому, совсѣмъ не въ диковинку эти странныя сочетанія: опытъ мнѣ показалъ, что не только въ дурномъ обществѣ нѣтъ хорошихъ исключеній, а, напротивъ, среди хорошаго сплошь и рядомъ попадаются дурныя. Въ наше время полусвѣтъ самая завоевательная держава въ мірѣ, и за свои естественныя границы онъ давно перешелъ.

Сказавъ это со своимъ обычно-самоувѣреннымъ тономъ, графъ слегка прикоснулся къ шляпѣ и, кивнувъ мнѣ головой, пошелъ дальше. Его слова, конечно, не могли имѣть для меня никакого значенія; это были совершенно пустыя слова дрянного свѣтскаго балагура, а между тѣмъ во мнѣ они оставили какое-то ѣдкое впечатлѣніе, котораго я осилить не смогъ. Вѣдь эта самая женщина, которую Андрей Павловичъ такъ рѣ-

шительно причислялъ къ области полусвѣта, чьей красотѣ онъ предсказывалъ позорную извѣстность, была мнѣ дороже и чести и семьи.

9 апрѣля.

Мать какими-то судьбами узнала про мои отношенія къ Вандѣ. Она принялась сегодня мнѣ выговаривать на этотъ счетъ своимъ обычнымъ шутливымъ тономъ, и какъ разъ отъ этого ея слова мнѣ показались особенно обидными. Несмотря на весь ея прирожденный тактъ, у нея проявляется иной разъ какая-то свойственная ей черствость, когда она касается вопросовъ, затрогивающихъ меня заживо. Да, именно черствость; иначе я назвать не могу обычный ей способъ выражаться.

— Я не подозрѣвала,—говорила она мнѣ,—чтобы ты сталъ такимъ отчаяннымъ повѣсой. Ты прежде всегда былъ такъ скроменъ, даже пугливъ съ женщинами. Могу тебя поздравить: только пора остепениться, Сережа. Она стòитъ тебѣ, я думаю, бѣшеныхъ денегъ, и я право боюсь, какъ бы ты не зарвался. Чего смотритъ Михаилъ Петровичъ? Онъ должно быть на старости лѣтъ съ тобой расщедрился и забылъ всякую осторожность. Это ни на что̀ не похоже, я ему скажу...

— Оставимте это, мама, прошу васъ,—отвѣтилъ я, сдерживаясь съ трудомъ,—и дядюшкѣ пожалуйста ни слова...

— Какъ ни слова? Онъ долженъ знать, куда идутъ его деньги; мнѣ онъ наговорилъ цѣлую кучу непріятностей, обвинялъ меня въ мотовствѣ, а тебѣ онъ позволяетъ сорить деньгами. Я ему скажу, непремѣнно скажу.

— Могу васъ увѣрить, мама, что вы совершенно ошибаетесь и оскорбляете напрасно и меня, и ее: въ нашихъ отношеніяхъ про деньги не было и рѣчи.

Я весь покраснѣлъ, припомнивъ, что случилось какъ разъ противоположное тому, о чемъ говорила матушка. Въ этомъ я бы ни за что́ ей не признался. Тысяча франковъ, почти насильно отданная мнѣ Вандой, давили

мое оскорбленное самолюбіе, какъ тяжесть, которую не сдвинуть никогда.

— Въ самомъ дѣлѣ? — разсмѣялась матушка. — У этихъ женщинъ стало быть бываетъ безкорыстная любовь? Только отъ этого, я думаю, тебѣ не легче: всего дороже обходятся тѣ женщины, которымъ не платятъ.

Я усиленно, почти страстно повторилъ свою просьбу.

— Вы бы меня крайне огорчили, мама, разсказавъ про это Михаилу Петровичу. Говорю вамъ это совершенно серьезно.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на мое взволнованное лицо.

— Хорошо, обѣщаю тебѣ,—сказала она.—И зачѣмъ ты принимаешь это такъ къ сердцу? Это—должно быть у тебя отъ непривычки; трагическаго тутъ нѣтъ ровно ничего. И одно я тебѣ совѣтую, никогда не отдавай такимъ женщинамъ своей любви. Шалости всегда поправимы, деньги вернуть можно; опасно одно — такое чувство, отъ котораго кружится голова, потому что одного такимъ женщинамъ отдавать нельзя никогда—самого себя. Надо учиться любить хладнокровно. Повѣрь мнѣ, успѣхъ имѣютъ какъ разъ тѣ мужчины, которые умѣютъ оставаться спокойными даже въ самый разгаръ страсти. И это совсѣмъ не такъ трудно, какъ ты думаешь. А когда закружится голова, такихъ глупостей можно надѣлать, что всей жизни не хватитъ даже на раскаяніе.

— Хороша мораль, нечего сказать!—возразилъ я.

— Что дѣлать, Сережа! — слегка вздохнувъ, но съ какимъ-то оттѣнкомъ безпечности отвѣтила мать.—Вѣдь проповѣдывать настоящую мораль безполезно, природы не передѣлаешь, а себя закалить можно. Умные люди никогда всего своего состоянія на одну карту не ставятъ, а всю свою жизнь и подавно. Кончикъ своего сердца надо всегда припрятать и не отдавать никому, а особенно женщинамъ.

Несмотря на этотъ развязный тонъ, я скоро замѣ-

тилъ, что веселое настроеніе матери было напускнымъ, и что подъ нимъ скрывалась затаенная горечь.

— Я вижу,—продолжала она,—что намъ всѣмъ отсюда надо поскорѣе уѣхать. Ты еще слишкомъ молодъ, чтобы понять все, что я сказала. Я рѣшилась черезъ нѣсколько дней вернуться домой.

— Михаилъ Петровичъ мнѣ про это уже сказалъ,— отвѣтилъ я, дѣлая надъ собою усиліе. Вы мнѣ какъ-то говорили,—продолжалъ я,—про свои планы, и съ тѣхъ поръ...

Я остановился, замѣтивъ страшную перемѣну въ лицѣ матушки. Черты ея удлинились, и слезы, должно быть сдерживаемыя давно, вдругъ брызнули изъ ея глазъ.

— Не напоминай мнѣ про это! — взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ проговорила она, — я была сумасшедшая, когда это сказала.

Она поднесла батистовой платокъ къ глазамъ и живо осушила слезы.

— Что же случилось съ тѣхъ поръ? — невольно спросилъ я.

Она горько засмѣялась.

— Случилось? Ничего не случилось! Я не должна была вовсе говорить съ тобой про это, вотъ и все. И теперь я поняла, какъ это было безразсудно.

Я не захотѣлъ ее разспрашивать. Намъ обоимъ это было бы слишкомъ тяжело. Въ моихъ отношеніяхъ къ матушкѣ никогда не было той задушевности, которая позволяетъ открывать другъ другу наболѣвшее чувство и находить утѣшеніе въ отзвукѣ родного сердца.

Она быстро оправилась отъ волненія.

— Послѣ, когда-нибудь, я тебѣ все скажу, Сережа; тогда ты меня поймешь лучше, конечно, чѣмъ понимаешь теперь. Постарайся все это забыть; и пока я сама не заговорю съ тобой, не упоминай про это. Ты мнѣ вѣришь, не правда ли? Вѣришь, что я ничего дурного не сдѣлала, что краснѣть тебѣ за меня не придется?

Въ ея голосѣ опять звучала та заискивающая нота, которая такъ непріятно меня поразила въ первую нашу встрѣчу послѣ смерти отца.

Ванды я за послѣдніе два дня не видалъ. Ея не было дома, когда я заходилъ, и отъ нея я не получилъ ни словечка. Я смутно чувствую, что въ нашихъ отношеніяхъ что-то измѣнилось: когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, она со мной держала себя такъ странно.

Когда я былъ у нея сегодня и служанка мнѣ сказала, что ея нѣтъ дома, сквозь растворенныя окна ея гостинной мнѣ какъ будто послышался голосъ Андрея Павловича. Я остановился, напрягая слухъ, но голосъ умолкъ, а служанка все стояла передъ растворенною дверью и смотрѣла на меня съ наглою, холодною насмѣшливостью. Она словно нетерпѣливо ждала, скоро ли я рѣшусь уйти.

— Скажите, что я вернусь завтра въ этотъ же часъ,—проговорилъ я, наконецъ, спускаясь съ крыльца.

Я должно быть ошибся. Вѣдь самъ графъ сказалъ мнѣ три дня назадъ, что вовсе не знакомъ съ Вандой...

10 апрѣля.

Случилось то, что могло случится давно, въ любую мунуту.

Сегодня мы съ Вандой возвращались въ коляскѣ изъ Булонскаго лѣса, гдѣ мы случайно встрѣтились— и какую радость мнѣ доставила эта неожиданная встрѣча! — какъ передъ самымъ ея домомъ я увидѣлъ шедшаго намъ на встрѣчу дядюшку. Онъ возвращался должно быть отъ своего пріятеля графа Р., жившаго невдалекѣ отъ Ванды. Ничего необычайнаго въ этомъ не было, а я все таки не смогъ осилить овладѣвшаго мною смущенія. Ванда это тотчасъ замѣтила. Михаилъ Петровичъ прошелъ мимо, не сдѣлавъ даже вида, что насъ узналъ. Онъ только на мигъ повелъ на насъ своими строгими глазами.

— Да вѣдь это, кажется,—сказала мнѣ Ванда, когда Михаилъ Петровичъ удалился,—тотъ самый господинъ,

котораго мы разъ встрѣтили съ тобой въ Венеціи, когда мы вдвоемъ ѣхали въ гондолѣ?

— Да, это дядюшка. Ты его узнала?

— У меня хорошая память. И въ тотъ разъ уже лицо его меня поразило. Но какъ ты блѣденъ! Что-жъ такого ужаснаго въ томъ, что онъ насъ видѣлъ.

Я хотѣлъ избѣгнуть прямого отвѣта.

— Ты вѣдь давно знаешь, что онъ въ Парижѣ, — сказалъ я нерѣшительно,—я тебѣ вѣдь говорилъ, что мы живемъ вмѣстѣ. И ничего нѣтъ удивительнаго, что мы встрѣтились...

— Тѣмъ болѣе странно,—возразила она, — что тебя эта встрѣча такъ встревожила! Ты никогда ему не говорилъ про меня и про наши отношенія?

— Разумѣется, нѣтъ!

Она сухо засмѣялась.

— Ну вотъ видишь! Ты весь испуганъ тѣмъ, что тайна открылась. Бѣдный!.. Ты должно быть сильно-таки боишься дядюшки?

Михаилъ Петровичъ вернулся домой только къ самому обѣду. Когда онъ вошелъ въ мою комнату, я сидѣлъ спиной къ дверямъ и не тронулся съ мѣста, услыхавъ его шаги. Я даже головы не поднялъ, какъ бы затѣмъ, чтобы пропустить надъ собой потокъ его гнѣва. Но я напрасно готовился услышать суровые упреки. Михаилъ Петровичъ молча усѣлся возлѣ меня и тихо положилъ мнѣ руку на плечо.

— Сережа,—заговорилъ онъ спокойно, — отчего ты не сказалъ мнѣ правды? Чѣмъ я заслужилъ такое недовѣріе?

Я молчалъ, не зная какъ отвѣтить.

— Ты давно съ нею сошелся?—продолжалъ дядя.— Такъ вотъ почему ты велъ эту странную жизнь, прятался отъ меня, избѣгалъ даже со мной говорить, вотъ, стало быть, разгадка.

Я взглянулъ на дядю; въ его глазахъ я прочелъ только грусть.

— Я не могъ вамъ признаться,—началъ я, — потому что предчувствовалъ чего вы отъ меня потребуете.

Михаилъ Петровичъ немного помолчалъ.

— Ну, а ты самъ, — опять заговорилъ онъ — развѣ не сознавалъ, что такъ жить нельзя?

— Я сознавалъ одно только, что въ первый разъ въ своей жизни я узналъ настоящее счастье.

— Ты это называешь счастьемъ?!. Отдаться во власть женщины, которую ты въ душѣ презираешь—по твоему счастіе?!.

Эти слова тотчасъ же вызвали во мнѣ готовность къ отпору.

— Я и не думалъ презирать ее, дядя,—воскликнулъ я, вскакивая съ мѣста.—Если я такъ и говорилъ прежде, я обманывалъ и васъ, и себя. Я не переставалъ ее любить и мнѣ стоило встрѣтить ее здѣсь, чтобы понять это разомъ.

Я сказалъ Михаилу Петровичу про письмо Ванды, полученное еще въ Венеціи. Лицо его тотчасъ приняло суровое выраженіе.

— Ты зналъ, стало быть, что увидишь ее здѣсь, можетъ быть ѣхалъ сюда съ намѣреніемъ вновь сойтись съ этою женщиной, а предо мной разыгрывалъ комедію раскаянія, что у тебя одно на умѣ желаніе—принести пользу семьѣ и родинѣ... Я не подозрѣвалъ, что ты умѣешь такъ лгать.

— Нѣтъ,—вспыхнулъ я,—это была не ложь. Письмо ея возбудило у меня одно холодное презрѣніе къ ней; по крайней мѣрѣ я такъ думалъ.

— Ну, а здѣсь, — все тѣмъ же суровымъ тономъ продолжалъ дядя,—этой женщинѣ стоило поманить тебя—и ты упалъ къ ея ногамъ, готовый принять отъ нея, какъ жалкую милостыню, крохи ея замаранной любви!.. И ты не понялъ, какое торжество ты доставлялъ ей, какъ смывалъ ты съ нея сознаніе отвѣтственности.

Михаилъ Петровичъ всталъ, голосъ его звучалъ громче, почти молодой огонь негодованія блестѣлъ въ его сѣрыхъ глазахъ.

— Да что же за мужчина ты послѣ этого. И ты не пожалѣлъ хоть памяти о твоей прежней любви и тебѣ не тошно было грязнить эту любовь, отдавая ее содержанкѣ графа Короньи.

Дядю охватила необычайная восторженность.

— Вы идеалистъ,—дядюшка,—отвѣтилъ я. — Этимъ языкомъ теперь ужъ не говорятъ, и такія чувства нашему поколѣнію кажутся напускными.

— Да правда-то одна, я думаю!—воскликнулъ дядя.— За какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ ее не замѣнили новою. Или до того стали вы дряблыми, что вамъ и въ грязи хорошо, лишь было бы покойно?

— Эхъ, дядюшка!—возразилъ я. — Легко вамъ это говорить. Когда вы были молоды, хотѣлъ бы я знать, отвернулись бы вы отъ женщины, которую любили, потому только, что она перестала имѣть право называться честною? Вѣдь это пустая кличка и больше ничего! Какое дѣло мнѣ до мнѣнія общества? Пускай ее считаютъ отверженною, падшею, въ моихъ глазахъ она все таки достойна моей любви, потому что любовь не спрашиваетъ, каковъ предметъ ея поклоненія, потому что меня она не переставала любить искренно и тѣмъ искупила предо мной свою вину.

— Вотъ какъ! Ей стоило отдаться твоей прихоти, чтобъ очиститься передъ тобой отъ своего обмана! Ты не устыдился даже дѣлить ея привязанность съ любовникомъ, которому она продалась. Вѣдь для тебя она даже не бросила своего Венгерца, на это она слишкомъ разсчетлива: ей прежде всего денегъ нужно, а въ придачу, конечно, она не прочь была взять тебя.

Онъ снова помолчалъ нѣсколько минутъ.

— А скажи пожалуйста, — вдругъ спросилъ онъ, остановившись, — на какія средства ты жилъ все это время? Привезенныя мною деньги давно, я думаю, вы-

шли? Ты стало быть все таки обращался послѣ къ Иринѣ Алексѣевнѣ?

— Нѣтъ...

— Такъ что же тогда? у кого ты занялъ?

Я сказалъ ему запинаясь про тысячу франковъ, полученныхъ мною отъ Ванды. Михаилъ Петровичъ обомлѣлъ и упалъ на кресло, словно у него ноги подкосились.

— Какъ?.. Ты взялъ денегъ у этой женщины?..— произнесъ онъ хриплымъ неественнымъ голосомъ.—Такъ въ тебѣ, стало быть, совсѣмъ нѣтъ уже стыда?

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что это извѣстіе такъ страшно поразитъ дядю: мертвенная блѣдность покрыла его лицо, руки его тряслись.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!.. — съ усиліемъ пробормоталъ онъ.

И вдругъ онъ опять поднялся съ мѣста, поднялся тяжело, какъ утомленный, и проговорилъ глухимъ госомъ:—надо кончить, Сережа! возврати ей эти деньги и обѣщай мнѣ съ ней болѣе не видаться. Еще разъ я тебѣ повѣрю. Ты долженъ мнѣ это обѣщать, хотя бы во имя того горя, которое повисло надъ нашею семьей; не прибавляй къ нему новаго срама. Отрезвись отъ этой малодушной страсти...

Я не отвѣтилъ. Дядя положилъ мнѣ руку на плечо и умоляющимъ, надорваннымъ голосомъ повторилъ свою просьбу.

— Нѣтъ, дядя,—сказалъ я—это свыше моихъ силъ. Я обманывать васъ не хочу. Не видаться съ нею, пока мы живемъ въ одномъ городѣ, я не могу. Я и безъ того знаю, что насъ ждетъ близкая разлука; но послѣдними своими счастливыми днями я не пожертвую ни за что. Да и уѣзжаю я съ вами изъ Парижа потому, что нужда меня гонитъ отсюда. Будь у меня средства, я бы не уѣхалъ; говорю вамъ это прямо.

— Ты хочешь дождаться,—горько проговорилъ Михаилъ Петровичъ, — чтобы она сама перестала тебя

пускать къ себѣ въ домъ. И до этого униженія ты доживешь.

Михаилъ Петровичъ молча простоялъ передо мной нѣсколько минутъ, потомъ онъ медленно вышелъ понуривъ голову. У него должно быть сложилось какое-то рѣшеніе.

11 апрѣля.

У Ванды я засталъ сегодня, къ немалому моему изумленію, графа Андрея Павловича. Служанка неудомѣвала, впустить ли меня къ своей госпожѣ, и съ какою-то глупою таинственностью объявила, что надо ей сперва навѣдаться: могутъ ли меня принять. Она сбѣгала на верхъ, и минуты двѣ тамъ, повидимому, происходили какіе-то переговоры. Но вотъ она показалась опять, прося меня войти.

Увидавъ меня, Андрей Павловичъ громко расхохотался.

— Что? не ожидали меня здѣсь встрѣтить? — сказалъ онъ, протягивая руку.

— Я не подозрѣвалъ, что вы знакомы,—отвѣтилъ я довольно кисло.

— Три дня тому назадъ,—весело продолжалъ онъ,—я самъ не подозрѣвалъ, что счастливая звѣзда моя дастъ мнѣ случай встрѣтиться съ этою очаровательною особой.

Ванда приняла меня крайне сухо. Она съ видимымъ нетерпѣніемъ перебирала кольца на своей рукѣ, брови ея что-то хмурились.

— Несмотря на это недавнее знакомство,—замѣтилъ я усаживаясь,—у васъ, однако, завелись какіе-то секреты, такъ какъ меня не рѣшались впустить.

Графъ потянулъ себя за усъ и двусмысленно на меня взглянулъ.

— Госпожа Козельская подтвердитъ вамъ,—отвѣтилъ онъ,—что я усердно настаивалъ, чтобы васъ допустили. Я уже съ полчаса дѣлаю тщетныя усилія, чтобъ ее

развеселить. Вамъ это, можетъ быть, удастся лучше меня...

Я вовсе не былъ расположенъ вторить усиліямъ графа. Разговоръ поддерживалъ онъ одинъ. Мое присутствіе его ни чуть не стѣсняло. Въ его словахъ иногда слышалась едва замѣтная насмѣшливость. Съ Вандой онъ обращался, какъ съ любою изъ женщинъ своего круга, оттого должно быть, что со всѣми женщинами онъ усвоилъ себѣ одинаковый небрежный тонъ, и всѣ онѣ охотно прощали его легкое пренебреженіе, всегда сквозившее изъ подъ лоска его свѣтской вѣжливости. Слышать его болтовню на этотъ разъ было для меня настоящею пыткой; но онъ словно и не замѣчалъ моего явнаго раздраженія.

— Вы давно знакомы съ этимъ молодымъ человѣкомъ?—вдругъ спросилъ онъ у Ванды, указывая на меня.

— Давно, съ прошлой осени,—коротко отвѣтила она.

— Чтò-жъ вы не постараетесь докончить его воспитаніе, какъ умѣютъ это дѣлать однѣ женщины? Вамъ бы слѣдовало отучить его отъ застѣнчивости, которая такъ вредитъ молодымъ людямъ.

— Вы видите, это мнѣ не удается,—сухо возразила она.

Я замѣтилъ, что Ванда все время какъ будто старалась не смотрѣть на меня; мелькомъ только ея глаза встрѣчались съ моими и тотчасъ отворачивались.

— Можетъ быть вдвоемъ съ вами,—продолжалъ графъ,—онъ становится любезнѣе?

Завойскій поднялся съ мѣста.

— Я долженъ васъ теперь покинуть. А вы, молодой человѣкъ,—обратился онъ ко мнѣ,—надѣюсь, перестанете хмуриться.

Ванда проводила графа до дверей и простояла тамъ съ минуту, разговаривая съ нимъ вполголоса.

— Je suis toujours à vos ordres, ma toute belle,—разслышалъ я только послѣднія слова графа.

Ванда вернулась. Я хотѣлъ у нея спросить, когда и

гдѣ она познакомилась съ Завойскимъ, но она не дала мнѣ заговорить.

— Знаешь, кто былъ у меня вчера?—сказала она, остановившись передо мной и скрестивъ руки на груди. Сдержанный гнѣвъ читался на ея лицѣ.—Отгадай, коли можешь. Ну, да гдѣ тебѣ отгадать! Былъ у меня... твой дядя.

— Дядя!?—воскликнулъ я, не вѣря ушамъ.

— Да, признаюсь, его посѣщенія я не ожидала. И когда мнѣ передали его карточку, я сперва подумала, что это глупая мистификація. Я, разумѣется, его приняла; слишкомъ ужъ подстрекало меня любопытство.

Слова ея выходили отрывисто изъ стиснутыхъ губъ; сухой, недобрый блескъ былъ въ ея глазахъ.

„Такъ вотъ, стало быть“, подумалъ я, „къ чему привело мое объясненіе съ Михаиломъ Петровичемъ. Вотъ на какой отчаянный шагъ онъ рѣшился“.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ я.

Она усѣлась и пристально на меня посмотрѣла.

— Онъ сказалъ,—насмѣшливо заговорила она,—что знакомство со мною тебя губитъ, что у тебя нѣтъ силъ со мною разстаться и что онъ умоляетъ меня великодушно пожертвовать нашею любовью и возвратить тебѣ свободу. Да, это вышло очень трогательно. Это было какъ нельзя болѣе похоже на эффектную сцену изъ какой-нибудь очень нравственной пьесы.

Я весь сгоралъ отъ стыда.

— Ты шутишь, Ванда! дядя не могъ этого сказать!—вымолвилъ я.

— И не думаю шутить. Ты, кажется, можешь видѣть по моему лицу, что я совсѣмъ не расположена къ веселости. Да и какъ можно! Вѣдь твое положеніе самое трагическое: быть во власти у такой женщины какъ я—это, въ самомъ дѣлѣ, ужасно для бѣднаго неопытнаго юноши.

Она расхохоталась.

— Ванда, какъ тебѣ не стыдно...

— Что-жъ? развѣ я тебя удерживаю? развѣ ты не свободенъ? Ступай и не возвращайся ко мнѣ! Слышишь, никогда не возвращайся... Я вѣдь тебя погублю; ты рискуешь въ моемъ обществѣ лишиться чистоты своего невиннаго сердца. А я хочу, чтобы ты долго еще оставался такимъ благонравнымъ, какимъ я знала тебя прежде. Я такъ и сказала твоему дядѣ вчера. Ха-ха-ха!.. я его погубила!.. это чудесно!..

Она продолжала хохотать. Я пробовалъ объяснить ей, что побудило дядю къ этому сумасшедшему поступку. но она меня не слушала.

— Твой дядя, должно быть, считаетъ меня за одно изъ тѣхъ потерянныхъ созданій, которыя такъ пугаютъ почтенныхъ родителей бѣдныхъ неопытныхъ мальчиковъ. И онъ, должно быть, воображалъ, твой дядя, что слова его поразятъ меня въ самое сердце, что я расплачусь, буду умолять его о пощадѣ, а въ концѣ концовъ, какъ вторая Маргарита Готье, изъ благороднаго самоотреченія совершу какой-нибудь ужасный поступокъ, чтобы внушить тебѣ отвращеніе ко мнѣ. Онъ, кажется, очень удивился, что я остаюсь такою хладнокровною. „Боже мой! говорю, берите своего дорогого племянника, увезите его поскорѣе въ Россію и пусть онъ тамъ нравственно воскреснетъ и женится, если можно, на какой-нибудь наивной и чопорной барышнѣ!“ Онъ думалъ, что я въ обморокъ упаду отъ одной мысли разстаться съ тобой, а вотъ, ты видишь, я совершенно спокойна и отпускаю тебя на всѣ четыре стороны. Бѣги отъ этой заразы, бѣги скорѣе!..

— Ванда, умоляю тебя, извини его и меня. Онъ вѣдь такой хорошій человѣкъ...

— Да, очень хорошій,—не переставая смѣяться, отвѣтила она.—Скажу тебѣ даже, что подъ конецъ онъ мнѣ очень понравился. Весь этотъ разговоръ, правда, вышелъ довольно смѣшнымъ, и онъ, кажется, это чувствовалъ; но все таки въ немъ столько искренности,

что я ему скоро простила. Да и сейчасъ видно, что онъ знаетъ, чего хочетъ и прямо идетъ къ цѣли; а я люблю такихъ людей.

— Вотъ видишь, ты сама отдаешь ему справедливость...

— Да, я нахожу даже, что онъ совершенно правъ. Въ Парижѣ тебѣ дѣлать нечего; тебѣ надо вернуться на лоно семейства, дышать здоровымъ воздухомъ деревни и сдѣлаться серьезнымъ человѣкомъ, если только когда-нибудь изъ тебя серьезный человѣкъ выйдетъ. Я обѣщала твоему дядѣ прочесть тебѣ на этотъ счетъ цѣлую проповѣдь. Ты видишь, я держу слово; только между нами,—она опять разсмѣялась, но уже не такъ рѣзко, какъ прежде,—тебѣ можно было прямо сказать мнѣ: „мой другъ, намъ пора разстаться. Въ Парижѣ я теряю время и трачу много денегъ, а я хочу быть серьезнымъ человѣкомъ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ“. Оно было бы и просто, и откровенно, а то подсылать ко мнѣ дядюшку, согласись, это немножко смѣшно.

— Ванда, неужели ты могла вообразить, что я заранѣе зналъ о намѣреніи дяди?

— Ахъ, мой милый,—холодно возразила она,—повѣрь мнѣ, я и не думала ломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ; зналъ ты или нѣтъ, что твой дядя собирается разыграть предо мною роль театральнаго папеньки—это мнѣ рѣшительно все равно. Тѣмъ хуже для тебя, если онъ такъ поступилъ безъ твоего вѣдома. Это значитъ, что твои родные смотрятъ на тебя какъ на мальчика, которому безъ позволенія нельзя сдѣлать шагу изъ дома. А я была такъ наивна, что все время—представь себѣ! — воображала, будто имѣю дѣло со взрослымъ...

— Ты раздражена, Ванда, вотъ почему ты мнѣ говоришь эти обидныя слова. Тебя оскорбилъ дядя...

Она вся выпрямилась, глаза ея блеснули.

— Оскорбилъ!?—проговорила она и какой-то металли-

ческій звукъ слышался въ ея голосѣ.—Тебѣ кажется, что я оскорблена? Я нахожу все это очень глупымъ,—вотъ и все. И мнѣ немножко стыдно даже, только не за себя.

Блескъ ея глазъ, яркая краска, показавшаяся на щекахъ, и самый звукъ ея голоса выдавали между тѣмъ ея плохо скрытое раздраженіе. На этотъ разъ я ей не отвѣтилъ. Надо было дать пройти грозѣ, вылиться накипѣвшемуся гнѣву.

— Одно только я нашла немного страннымъ,—продолжала она, вставая: твой дядя позволилъ себѣ возвратить мнѣ тѣ гроши, которые я тебѣ разъ дала; помнишь?... это было, кажется, двѣ недѣли тому назадъ. Я, разумѣется, не хотѣла взять этихъ денегъ, но выходя, онъ оставилъ на столѣ тысячефранковый билетъ. Эти деньги до сихъ поръ должно быть здѣсь гдѣ-то валяются.

Ванда подошла къ большому круглому столу, стоявшему у окна, и принялась на немъ шарить.

— Да, онъ здѣсь.—Она взяла голубую ассигнацію, лежавшую среди книгъ, разбросанныхъ по столу.—Скажи твоему дядѣ, что онъ плохо меня знаетъ и что я вотъ какъ поступила съ его деньгами.

Сказавъ это она изорвала ассигнацію на мелкіе лоскутки. И странное дѣло, съ этой минуты ея раздраженіе мгновенно улеглось, точно оно нашло себѣ жертву въ ничѣмъ неповинной бумажкѣ.

— Ну, а теперь прощай,—сказала она уже совершенно ровнымъ, успокоеннымъ голосомъ, и мягкое выраженіе снова легло на ея черты.—Прощай!—повторила она, протягивая руку.—Мы вѣдь видимся въ послѣдній разъ...

Что-то похожее на грусть какъ будто прозвучало въ этихъ словахъ.

— Нѣтъ, Ванда, нѣтъ! Мы такъ не разстанемся! Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ немного времени мнѣ уже придется провести съ тобой, но хотя бы это былъ всего день, я и днемъ не хочу пожертвовать.

Ея глубокіе, теперь уже мягко глядѣвшіе глаза остановились на мнѣ какъ будто въ нерѣшительности: она не отвѣтила ни слова.

— Чѣмъ же мнѣ доказать,—продолжалъ я,—что мое чувство къ тебѣ выше и сильнѣе всего, что для тебя я готовъ кинуть семью?

— Не доказывай этого лучше, мой милый,—качая головой, промолвила она,—потому что это было бы совершенно безразсудно. Ты все таки останешься со мной всего нѣсколько дней, а съ семьей ты связанъ на цѣлую жизнь; къ чему же говорить о такой нелѣпой и невозможной жертвѣ?

Нѣсколько минутъ спустя, мы однако уже сидѣли рядомъ на диванѣ, и рука моя крѣпко пожимала ея руку.

13 апрѣля.

Нашъ отъѣздъ снова отложенъ. На этомъ настояла матушка. Съ ней за послѣдніе дни произошла замѣтная перемѣна. Съ ея лица исчезли слѣды недавнихъ заботъ. Она словно даже повеселѣла. Со мной она охотно заговариваетъ о будущемъ. Теперь оно, должно быть, перестало казаться ей безотраднымъ. Мнѣ бы такъ хотѣлось откликнуться на это новое, хорошее настроеніе и раздѣлить съ ней ея возродившіяся надежды; но для этого прежде всего нужны взаимное довѣріе и полная откровенность, а ихъ-то въ нашихъ отношеніяхъ и не достаетъ. Даже въ самыя лучшія минуты, когда мнѣ думается, что я читаю въ ея глазахъ настоящее материнское чувство, рядомъ съ нимъ проглядываетъ какая-то тревожная тайна, и что-то боязливое сказывается даже въ ея ласкахъ, точно въ сердцѣ у нея все таки остается замкнутый для меня уголокъ, и открыть его мнѣ не дозволяетъ ей чувство, похожее на стыдъ.

Да я вѣдь знаю, впрочемъ, знаю безъ всякихъ объясненій съ ея стороны, отчего произошла съ ней эта перемѣна: два раза я встрѣтилъ у нея Андрея Павловича. И сдается мнѣ, что матушка обманывается на-

счетъ истинныхъ поводовъ внимательности къ ней графа. Насколько мнѣ показалось, онъ расчитываетъ на близкій нашъ отъѣздъ и сберегъ на послѣдніе дни весь запасъ своей любезности. Но его расчетъ оказался невѣрнымъ, и матушка вдругъ порѣшила остаться въ Парижѣ еще нѣсколько дней. А въ этомъ рѣшеніи кроется готовность продлить этотъ срокъ на неопредѣленное время.

Михаилъ Петровичъ сознаетъ это, должно быть, не хуже меня. За послѣдніе дни онъ что-то упалъ духомъ. У него была опять тяжелая сцена съ матушкой. Случилось это какъ разъ въ то время, когда я былъ у Ванды. Я вернулся отъ нея домой съ намѣреніемъ осыпать его упреками за его непрошенное вмѣшательство. Но когда я увидѣлъ передъ собою его скорбное лицо, мое раздраженіе упало; у меня духа не достало рѣзко заговорить съ нимъ, какъ я того хотѣлъ, до того, казалось, его крѣпкую натуру подкосило горе. И я вѣдь знаю, что за чувство тяготѣетъ надъ его жизнью, даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ. Онъ тоже не въ силахъ побороть свою безотрадную любовь.

14 апрѣля.

Мы сегодня ѣздили съ матушкой въ Версаль. Между нами это было условлено уже третьяго дня. Ей захотѣлось цѣлый день провести со мной вдвоемъ. Въ ней сказывается очевидное желаніе тѣснѣе сблизиться со мной. Да, какъ ни странно это звучитъ, намъ еще приходится сближаться.

Мать, уже не разъ бывшая въ Версалѣ, словно угощала меня воспоминаніями, которыми онъ такъ богатъ. Но, слушая ее, я почему-то чувствовалъ, что ея живые разсказы служатъ лишь предисловіемъ къ чему-то иному. И я не ошибся. Мы спустились въ садъ. День стоялъ тихій и не слишкомъ яркій. Блѣдное, мягкое освѣщеніе, впрочемъ, какъ нельзя лучше идетъ къ застывшему въ своемъ строгомъ величіи огромному

парку, среди котораго высится тоже застывшій на вѣки дворецъ.

Старинныя деревья безмолвно кудрились вдоль прямыхъ аллей, точно и они здѣсь живутъ искусственною жизнью, подобно каменнымъ стѣнамъ дворца. Только птицы, безъ умолку щебетавшія въ вѣтвяхъ, говорили что вокругъ насъ не дѣланная, не мертвая природа. И мы съ матушкой разговорились, усѣвшись подъ каштановымъ деревомъ въ полномъ цвѣту, а передъ нами стриженые, тисовые кусты чинно обступали пустой бассейнъ фонтана, среди котораго каменный Нептунъ уныло поглядывалъ на свою каменную свиту.

— Я давно обѣщала тебѣ сказать,—такъ заговорила матушка,—настоящую причину моего пріѣзда въ Парижъ. Теперь я могу это сдѣлать.

При этихъ словахъ у меня тотчасъ промелькнуло въ головѣ, что, въ сущности я, вѣдь, про эту причину знаю давно, и что по настоящему и объяснять уже ничего не осталось. Я почему-то былъ даже не прочь уклониться отъ этихъ объясненій. Однако я слушалъ ее, не перебивая; только глаза мои упорно глядѣли внизъ, словно они боялись встрѣтиться съ глазами матери и заставить ихъ опуститься. Но голосъ ея звучалъ ровно и спокойно. Она призналась мнѣ, что мысль о второмъ замужествѣ зародилась у нея уже въ Петербургѣ, и что цѣлью поѣздки ея была встрѣча съ графомъ. Намекомъ она дала мнѣ понять,—прямо высказать это было не легко—что второй бракъ носился передъ ней какъ нѣчто возможное, почти вѣрное, еще при жизни отца. Она, вѣдь, знала, что отцу прожить оставалось не долго, хоть и не предвидѣла, что конецъ наступитъ такъ скоро. А графъ Андрей Павловичъ, былъ такой давнишній, такой близкій пріятель ихъ дома, что выйти замужъ за него, овдовѣвъ, казалось чѣмъ-то совершенно естественнымъ, какъ бы продолженіемъ чего-то установившагося давно.

— Въ самый день Новаго Года я узнала отъ графа,—

разсказывала мать,—что ему дано порученіе за границу и онъ долженъ будетъ уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ уговаривалъ меня провести остатокъ зимы въ Парижѣ, увѣряя, что перемѣна воздуха для моего здоровья необходима. Да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ нездоровилось. Докторъ мнѣ не разъ говорилъ, что непремѣнно надо хоть нѣсколько мѣсяцевъ провести въ болѣе тепломъ климатѣ...

Она вопросительно посмотрѣла на меня, какъ бы недоумѣвая, повѣрю ли я этому разсказу. Сколько мнѣ было извѣстно, здоровье матушки до сихъ поръ никогда не внушало опасеній.

— Разумѣется,—продолжала мать,—я бы доктора не послушалась. И рѣшилась я поѣхать въ Парижъ для того только, чтобы встрѣтиться тамъ съ Андреемъ Павловичемъ. Онъ собирался пробыть въ Парижѣ до весны, да и въ Россіи мнѣ едва-ли пришлось бы свидѣться съ нимъ ранѣе октября. Андрею Павловичу я про свое намѣреніе не сказала, я хотѣла даже немного удивить его своимъ пріѣздомъ.

Матушка проговорила все это почти весело, съ полуулыбкой на губахъ, а между тѣмъ мнѣ все время казалось, что она какъ будто извиняется. Я припомнилъ, какъ въ первый разъ встрѣтился у нея съ графомъ, и во всемъ обращеніи его съ матушкой въ этотъ день вовсе не сквозила та радость неожиданному свиданію, на которую, повидимому, она разсчитывала.

— Стало быть,—проговорилъ я не совсѣмъ увѣренно,—у васъ все было... рѣшено... съ графомъ уже здѣсь, въ Парижѣ?

Едва замѣтная краска показалась на лицѣ матери. Вѣки ея опустились, и правая рука стала перебирать складки платья.

— Пойми меня хорошенько, Сережа,—отвѣтила она вполголоса, немного помолчавъ. — Если хочешь, даже и теперь ничего между нами не рѣшено, то-есть формальнаго предложенія Андрей Павловичъ мнѣ не дѣлалъ.

Да и теперь, когда я такъ недавно овдовѣла, оно было бы неумѣстно... Но мы оба и безъ этого знаемъ, — она опять улыбнулась,—что вопросъ рѣшенъ уже давно: прямыхъ словъ для этого не нужно. Уже въ Петербургѣ, когда онъ просилъ меня пріѣхать сюда, мы какъ бы дали другъ другу безмолвное согласіе. И вотъ третьяго дня, когда онъ былъ у меня въ послѣдній разъ, онъ снова далъ мнѣ понять...

Ея лицо сіяло счастьемъ.

— Сережа, ты вѣдь не сердишься на меня за это?— спросила она вдругъ перемѣнивъ тонъ.—Ты простишь меня?

Что могъ я отвѣтить? Я только взялъ ее за руку и молча поднесъ къ губамъ. Она какъ бы въ знакъ благодарности слегка пожала мои пальцы. И будто по какому-то безмолвному уговору, мы уже не возвращались съ этой минуты къ вопросу объ ея замужествѣ. Послѣ обѣда она взяла меня подъ руку, и мы пѣшкомъ направились къ станціи. Мы пришли туда за полчаса до отхода поѣзда. Публики было еще немного. Матушка развернула газету и принялась читать. Мало-по-малу зала наполнилась. Раздался звонокъ, матушка послала меня взять билеты. Въ тотъ самый мигъ, когда я вошелъ, въ другія двери съ улицы въ залу хлынула людская волна. Послышались громкіе, веселые голоса, и въ числѣ ихъ вдругъ мнѣ почуялся знакомый, серебристый голосъ Ванды. Я весь встрепенулся, и на порогѣ увидѣлъ ее, оживленную и смѣющуюся. Она повернула голову назадъ и что-то говорила шедшему за нею мужчинѣ. Мать уже не читала газету. Она тоже узнала Ванду и посмотрѣла на меня, улыбнувшись. Но еще мигъ, и улыбка эта исчезла. Лицо ея внезапно покрылось мертвенною блѣдностью, газета затряслась въ ея рукахъ. Мужчина, съ которымъ говорила Ванда, былъ графъ Андрей Павловичъ. Сперва они насъ не примѣтили. Оба они были въ какомъ-то задорно-веселомъ настроеніи. До моихъ ушей донеслись шутливыя слова.

Глаза у нихъ обоихъ искрились. Но слова эти безсмысленно звучали въ моихъ отупѣвшихъ ушахъ. Еще одинъ короткій мигъ—и взгляды наши встрѣтились. И онъ, и она посмотрѣли на насъ, какъ бы цѣпенѣя. Разговоръ ихъ оборвался. Потомъ оба они отвернулись, дѣлая видъ, что не узнаютъ насъ. Бѣшеная ревность мгновенно охватила мнѣ грудь, но чувство это тотчасъ уступило мѣсто другому—жгучему ощущенію жалости къ бѣдной матери. Я не хотѣлъ смотрѣть на нее, чтобы не прочесть на ея лицѣ горя и стыда, которые она должна была ощущать въ эту минуту. Но вотъ ея дрожащая рука оперлась на мою.

— Пойдемъ, кажется, пора! — проговорила она страшно измѣнившимся голосомъ.

Я оглянулся; ни Ванды, ни графа уже не было въ залѣ; они куда-то скрылись. Но когда мы вышли на платформу, чтобы занять мѣста, мы увидѣли передъ собою Андрея Павловича. Онъ былъ уже одинъ и сдѣлалъ видъ, что замѣчаетъ насъ только теперь. Онъ поклонился матери съ какою-то усиленно-почтительною любезностью! Мнѣ пришлось удивиться ея самообладанію. Она остановилась передъ нимъ, и они, какъ ни въ чемъ не бывало, обмѣнялись двумя-тремя вѣжливыми фразами, съ леденящею холодностью прозвучавшими въ моихъ ушахъ. Ему было до того неловко, что губы его слегка подергивало, а блѣдное лицо матери оставалось поразительно спокойнымъ. Я думаю, мучительныхъ усилій ей стоило это спокойствіе.

Но вотъ мы съ нею въ вагонѣ. Къ счастію, мы были не одни. Въ такія минуты какъ будто становится легче отъ присутствія постороннихъ. Оно сковываетъ на губахъ готовыя вылиться страстныя и необдуманныя рѣчи, и даетъ улечься первому волненію. До Парижа мы не проронили ни слова. Мать откинулась назадъ; лицо ея приняло неподвижное, каменное выраженіе, точно это было не живое, а мраморное лицо, на которомъ рѣзецъ художника наложилъ отпечатокъ безъ-

исходнаго горя; только губы ея иногда чуть замѣтно вздрагивали. Мнѣ было такъ жаль ее, что я даже забылъ про собственное чувство. Я занятъ былъ одною матерью и ужаснымъ, язвительнымъ противорѣчіемъ между недавними ея словами, полными надеждъ, и этою неожиданною встрѣчей, такъ рѣзко и пошло оборвавшей эти надежды.

Садясь съ нею въ извозчичью карету, я предложилъ ей провести остатокъ вечера у нея, но она отказалась.

— Нѣтъ, я хочу быть одна, — сказала она, плотнѣе опуская вуаль на лицо. Мы увидимся завтра.

Мнѣ хотѣлось ей сказать что-нибудь, чтобы завѣритъ ее, какъ живо я сочувствую ей въ эту минуту. Но словъ я не находилъ. Да и могъ ли я ее утѣшить? У подъѣзда гостинницы она вдругъ быстро откинула вуаль, и, пододвинувъ свое лицо къ моему, коротко скользнула губами по моей щекѣ. Мигъ спустя она скрылась за дверями.

16 апрѣля.

Вчерашній день навсегда у меня останется въ памяти. Онъ отмѣтилъ собою крутой поворотъ въ моей жизни. Мнѣ даже помнится, что и самъ я какъ будто не тотъ уже, что прежде, словно порвалась какая-то связь между прошлымъ и настоящимъ.

На слѣдующее утро послѣ моей поѣздки въ Версаль, въ мысляхъ у меня была не моя бѣдная мать. Чувство ревности, затихшее на мигъ передъ ея безмолвнымъ горемъ, опять заговорило съ новою силой. Я думалъ о себѣ только, о своей обманутой любви. И на этотъ разъ я отдавался не отчаянію, какъ прежде въ Венеціи; гнѣвъ владѣлъ мною безраздѣльно и требовалъ мести. Кому и какъ я отомщу, я хорошенько не зналъ. Но одного мнѣ жадно хотѣлось—поскорѣе кинуть въ лицо Вандѣ какую-нибудь жестокую обиду, въ которой бы вылилось все накипѣвшее во мнѣ негодованіе.

Въ половинѣ двѣнадцатаго я звонилъ у ея крыльца. Въ этотъ часъ я навѣрное застану ее одну, думалось

мнѣ... Ея служанка чего-то испугалась, увидавъ меня, и не хотѣла меня впустить.

— Что, Венгерецъ здѣсь? — спросилъ я нетерпѣливо.

— Нѣтъ, графъ Короньи вчера уѣхалъ изъ Парижа, но мнѣ все таки не велѣно...

Я болѣе не хотѣлъ слушать. Оттолкнувъ служанку, я взбѣжалъ во второй этажъ. Она что-то кричала мнѣ въ слѣдъ, но я не обратилъ на это никакого вниманія. Съ шумомъ я распахнулъ двери и вошелъ въ гостиную. Тамъ графъ Андрей Павловичъ сидѣлъ рядомъ съ Вандой за круглымъ столомъ у дивана. Она, кажется, допивала кофе. На ней былъ утренній костюмъ, нарядно убранный кружевами и лентами. Широкія рукава обнажали ея руки до локтей. Эти подробности какъ-то сразу мнѣ бросились въ глаза; я даже примѣтилъ ея туфли изъ краснаго сафьяна. Этотъ небрежный, утренній нарядъ говорилъ мнѣ, что ей нечего уже стѣсняться присутствія графа... „Съ какихъ поръ онъ здѣсь у нея?" мигомъ подумалъ я, и при этой мысли кровь бросилась мнѣ въ лицо.

Я остановился посреди комнаты и смѣрилъ ихъ обоихъ глазами. Но ни испуга, ни даже простого смущенія я не прочелъ на ихъ лицахъ. Ванда, увидавъ меня, чуть-чуть вспыхнула, но скорѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ стыда; а графъ просто засмѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

— Ага!!. молодой человѣкъ!..—провозгласилъ онъ, откидываясь на спинку кресла и протягивая мнѣ издали руку.—Легокъ на поминѣ! Мы васъ только - что вдвоемъ здѣсь расхваливали. Только зачѣмъ это у васъ такая трагическая мина? Съ такимъ трескомъ входятъ только актеры на сцену.

— Я хотѣла бы знать,—сказала Ванда, поднимаясь съ мѣста,—кто вамъ позволилъ сюда вбѣгать такъ просто, безъ доклада, точно вы у себя дома?

Она проговорила это полушутливо, но по глазамъ

ея не трудно было угадать, что на самомъ дѣлѣ она раздражена.

Когда я шелъ къ Вандѣ, въ моей головѣ толпились запальчивыя слова и мнѣ заранѣе рисовалась бурная сцена съ негодующими упреками и мольбами о прощеніи. Но теперь, когда я стоялъ передъ Вандой, я вдругъ понялъ всю нелѣпость и невозможность такой сцены. Я разсчитывалъ на драму, заранѣе почти любуясь ею, и увидѣлъ передъ собою спокойныя, увѣренныя лица обоихъ виновныхъ; и какъ ни бѣсило меня безстыдство графа, какъ ни хотѣлось мнѣ отвѣтить дерзостью на его смѣхъ, я въ то же время понялъ какимъ-то чутьемъ, что всякія страстныя слова, выйдутъ лишь комичными, до того силенъ былъ контрастъ между моимъ настроеніемъ и будничною пошлостью всей этой сцены. Гнѣвъ мой не то, чтобъ упалъ, а какъ-то преобразился. Меня охватило вдругъ странное презрительное хладнокровіе.

— Я очень радъ,—отвѣтилъ я Вандѣ,—что вошелъ сюда, когда меня, повидимому, не ожидали, и еще болѣе радъ, что застаю здѣсь графа...

— На этотъ счетъ я нѣсколько сомнѣваюсь,—перебилъ меня графъ, попрежнему смѣясь, но уже не совсѣмъ рѣшительно; во взглядѣ его я словно даже прочелъ нѣкоторое безпокойство.

— Да,—отвѣтилъ я твердо,—по крайней мѣрѣ объясненій теперь уже не нужно никакихъ.

Графъ хихикнулъ и какъ-то выпрямился на креслѣ. Но Ванда не дала ему заговорить и подошла ко мнѣ ближе.

— Вы собирались требовать объясненій?!.—сказала она вызывающимъ тономъ.

— Не безпокойтесь... теперь мнѣ уже не зачѣмъ васъ тревожить. То, что я видѣлъ вчера, и вижу сегодня, для меня достаточно ясно; и мнѣ остается лишь...

Я произнесъ это, слегка возвысивъ голосъ и не сомнѣваясь въ томъ, что ея глаза не вынесутъ моего взгляда.

Но она продолжала прямо на меня смотрѣть, а графъ не далъ мнѣ договорить и, вставая, перебилъ меня:

— Совѣтую вамъ не забываться въ присутствіи дамы,—проговорилъ онъ замѣчательно тихимъ и мягкимъ голосомъ, въ которомъ однако изъ за вкрадчивыхъ нотъ слышалась угроза.

— Я бы имѣлъ право, графъ,—воскликнулъ я,—напомнить вамъ, что въ *ваши* годы забываться непростительно...

Графъ прищурилъ глаза и посмотрѣлъ на меня совершенно ледянымъ взглядомъ. На высокомъ его лбу показались двѣ багровыя черты, и на красивое, всегда ласковое лицо вдругъ легло необыкновенно жесткое выраженіе.

— Вы не подозрѣваете, мой милый,—все также тихо произнесъ онъ, будто роняя слова,—какъ смѣшна роль, которую вы вздумали здѣсь разыгрывать!

Я вспыхнулъ и хотѣлъ запальчиво отвѣтить, но взглядъ мой встрѣтилъ насмѣшливые глаза Ванды. Она почему-то расхохоталась и посмотрѣла на графа.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ, кажется, воображалъ, что испугаетъ насъ!..

Этотъ смѣхъ тотчасъ смягчилъ графа и возвратилъ его лицу обычную привѣтливость.

— Трагическія сцены, мой милый,—сказалъ онъ,—съ женщинами рѣдко удаются, и притомъ только съ глазу на глазъ. Повѣрьте на этотъ счетъ моей опытности. Положимъ, вамъ не совсѣмъ было пріятно меня здѣсь встрѣтить, я это понимаю, но чувства свои надо умѣть скрывать. Ванда, помиритесь съ нимъ,—онъ сказалъ это задушевно,—и дайте ему поцѣловать свою руку въ знакъ того, что вы его простили.

— Нѣтъ, я ему не прощаю,—возразила она,—его надо какъ слѣдуетъ проучить. А васъ, графъ, я вотъ о чемъ попрошу,—вы на меня не разсердитесь, не правда ли?—оставьте насъ теперь вдвоемъ. Непріятныя истины легче выслушивать съ глазу на глазъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы не боитесь остаться съ нимъ наединѣ?!.. Вѣдь онъ, кажется, настоящій Отелло.

Андрей Павловичъ былъ очевидно доволенъ ея предложеніемъ и поспѣшилъ схватиться за шляпу.

— Какъ хотите! Я, вы знаете, всегда вамъ повинуюсь.

Онъ пожалъ ея пальцы.

— До свиданья!

Потомъ онъ сдѣлалъ легкое движеніе рукой въ мою сторону, проговоривъ:

— Sans rancune, mon cher!

Но руки онъ мнѣ не протянулъ, должно быть изъ опасенія, что я ея не приму, отвернулся и вышелъ. Теперь мнѣ уже не зачѣмъ было прикидываться равнодушнымъ. Я могъ дать волю накопившемуся во мнѣ озлобленію, не боясь показаться смѣшнымъ.

— Признайся,—воскликнулъ я, схвативъ ея за руку,—ты меня обманываешь давно! Твоя любовь была ложь съ самаго начала!

— Мнѣ признаваться не въ чемъ,—отвѣтила она, отдергивая руку,—и скрывать что̀ бы то ни было я не дамъ себѣ труда. Обязанностей передъ тобой у меня нѣтъ никакихъ.

— Ага, вотъ какъ! Ты, стало-быть, забыла, что̀ говорила мнѣ, когда заманивала меня сюда? Бестыдница! Тебѣ хотѣлось видѣть меня здѣсь, чтобы натѣшиться надо мной.

Странное дѣло, мои слова не производили на нее, повидимому, никакого впечатлѣнія; даже гнѣва они въ ней не вызывали.

— Я не обманывала тебя—было ея спокойнымъ отвѣтомъ,—и теперь не обманываю. Ты плохо меня понялъ, вотъ и все, потому что ты женщинъ вообще понимаешь плохо. Я любила тебя искренно: я вѣдь искренна всегда и этого ты не понялъ до сихъ поръ.

— Хороша искренность!..

— Я тебѣ сейчасъ докажу, что говорю совершенную

правду. Я любила тебя горячо и сознавала, что глубоко виновата передъ тобой. Но вину свою я искупила давно: я отдалась тебѣ вся, и ничего, кажется, отъ тебя не утаила. И я знаю, что ты былъ со мной счастливъ, до того счастливъ, что̀ прошлое ты совершенно позабылъ. А такая любовь, какова была наша — все искупаетъ, и тебѣ уже не въ чемъ меня теперь упрекнуть...

— Ванда! Ты говоришь о нашей любви какъ о чемъ-то минувшемъ...

Я и не замѣтилъ, что говоря это, переставалъ быть судьей, требующимъ ее къ отчету и какъ бы просилъ у нея пощады.

Она покачала головой.

— Что̀ дѣлать—возразила она. — Ты самъ виноватъ въ томъ, что̀ случилось. Когда мы сошлись, тебѣ слѣдовало брать меня, какова я на самомъ дѣлѣ со всѣми моими дурными и хорошими свойствами, а тебѣ угодно было вообразить себѣ какую-то небывалую Ванду, и любилъ ты не меня, а это мнимое, воображаемое существо. Вотъ въ чемъ была твоя ошибка! Ты отъ меня требовалъ невозможнаго, какой-то недостигаемой чистоты, любви вѣчной и нераздѣльной, а самъ вѣдь ты могъ мнѣ отдать только клочекъ изъ своей жизни, коротенькій срокъ, который тебѣ вдобавокъ некуда было дѣвать. Вѣдь сознайся, это былъ одинъ эгоизмъ, и эгоизмъ недальновидный, ребяческій. Ты ревновалъ меня ко всѣмъ, кого бы у меня ни встрѣчалъ, даже къ этому пошлому нѣмцу-музыканту. Ты дѣлалъ мнѣ глупыя, запальчивыя сцены. А передъ этими людьми, которыхъ ты презиралъ на словахъ, ты велъ себя какъ мальчишка: дулся и капризничалъ... Ты просто былъ смѣшонъ, а этого женщина простить не въ состояніи...

Слова эти больно хлестали мое самолюбіе, и раздраженіе, которое я чувствовалъ въ присутствіи Завойскаго— во мнѣ снова закипѣло.

— И ты смѣешь говорить о прощеніи,—воскликнулъ я,—послѣ того, чему я былъ свидѣтелемъ вчера и се-

годня, послѣ того, какъ ты продала себя этому пятидесятилѣтнему развратнику!..

— Глаза Ванды засверкали.

— Я себя не продавала никому,—проговорила она тѣмъ же спокойнымъ голосомъ, и слова ея невозмутимо и отчетливо выходили изъ стиснутыхъ губъ.—Да и не тебѣ, кажется, про это упоминать, не тебѣ, которому я не разъ дарила свою любовь изъ одной жалости.

— Ванда!—почти вскрикнулъ я, услыхавъ это.

— Да, изъ жалости... Мнѣ не хотѣлось передъ собой сознаться, что я перестала тебя любить, я берегла твое чувство изъ какого-то уваженія къ прошлому. Да и надѣялась можетъ быть, что любовь къ тебѣ оживетъ опять; но послѣ каждой такой попытки я сознавала, что между нами еще что-то оборвалось... Неужели ты и это не примѣтилъ?

Я молча стоялъ передъ нею, ошеломленный этими признаніями. Я ожидалъ видѣть ее всю трепещущую отъ стыда и раскаянія, а мнѣ приходилось выслушивать эти беззастѣнчивыя рѣчи.

— Завойскаго я полюбила,—все такъ же хладнокровно продолжала она,—и отдалась ему, какъ отдалась тебѣ.

— И ты смѣешь мнѣ это говорить въ лицо?!—вырвалось у меня.—Чудесно!

Я злобно захохоталъ.

— Я же предупредила тебя, что скрывать ничего не намѣрена. Я графа полюбила, потому что онъ не тебѣ чета: онъ мужчина съ головы до ногъ, и волей, и умомъ. А собой я располагать имѣю право.

Этого было слишкомъ. Я бросился къ ней и крѣпко стиснулъ ей обѣ руки.

— Ванда, ты съ ума сошла! То, что̀ ты говоришь, отвратительно! Ты клевещешь на себя! Скажи, что это была неправда!

— Оставьте вы меня! мнѣ больно!—повторила она нѣсколько разъ, силясь высвободится. — Развѣ вы не видите, что ни упреки, ни мольбы теперь не помо-

гутъ? Я перестала васъ любить, потому что... вы мнѣ надоѣли... Чѣмъ сильнѣе васъ оскорбляютъ, тѣмъ усерднѣе вы просите пощады, вы готовы ползать передо мной, когда я васъ гоню отъ себя. Вотъ за чтò я васъ презираю! поняли?

У меня руки мгновенно опустились. Я пересталъ слышать и понимать, я только чувствовалъ, что у меня кружится голова. Секунды двѣ я простоялъ передъ нею неподвижно, потомъ, не проронивъ болѣе ни слова, кинулся вонъ изъ комнаты.

Самолюбіе мое такъ страдало, что во мнѣ замолкла даже ревность. Я сбѣжалъ съ лѣстницы и очутился на улицѣ. Въ головѣ у меня безсознательно бродили ощущенія, которыхъ я даже уловить не былъ въ состояніи. Я быстро пошелъ по направленію къ дому. Сильный вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо, поднимая облако бѣлой пыли, и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ я подставлялъ ему свои разгорѣвшіяся щеки. Шагахъ въ тридцати отъ дома Ванды я увидалъ стоявшее возлѣ тротуара двумѣстное купе. Я замѣтилъ, что всѣ сторы въ немъ были опущены, и меня тотчасъ поразило знакомое лицо кучера: это былъ тотъ самый, чтò обыкновенно возилъ матушку. Невольно заглянулъ я въ карету; сквозь опущенную раму воздухъ колыхалъ пристегнутую стору; она надулась какъ парусъ и дала мнѣ разглядѣть сидѣвшую въ купе даму. Я обомлѣлъ, узнавъ въ ней мою мать, и тотчасъ бросился къ дверцамъ. Она тоже меня примѣтила и нагнулась къ окну, приподнявъ стору. Ея лицо было страшно искажено. Всѣ черты на немъ какъ-то вытянулись и замерли. Ея губы поблѣднѣли и кривились.

— Чтò вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ я испуганно.— Вы ждете кого-нибудь? И зачѣмъ эти опущенныя сторы?...

— Войди! Сядь сюда скорѣе!—проговорила она шепотомъ. Мигомъ я очутился возлѣ нея. Стора была снова опущена.

— Ты былъ у ней, у этой женщины?—спросила она порывисто, надорваннымъ, хриплымъ голосомъ.

Я молча наклонилъ голову.

— И тебѣ не стыдно къ ней ходить, когда твоя мать...

Она запнулась на мгновеніе.

— Тебѣ не стыдно у нея бывать послѣ того, что случилось!

Но мнѣ было теперь не до Ванды. Все, что я вынесъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ-то вдругъ исчезло изъ моей памяти. Волненіе матушки было такъ сильно, что она не въ состояніи была оторваться отъ хода овладѣвшихъ ею мыслей.

— Ты его видѣлъ?—спросила она въ свою очередь.— Онъ здѣсь?

— Кто онъ? Вы про кого спрашиваете?

Я намѣренно не хотѣлъ понять, хоть и совершенно ясно было, что она спрашиваетъ про графа.

— Да, Андрей... кто же еще...—нетерпѣливо перебила она,—графъ Завойскій...

— Я его видѣлъ, да. Но его здѣсь нѣтъ: онъ ушелъ часъ назадъ.

Я не счелъ нужнымъ скрывать отъ нея правду, да и голова у меня до того шла кругомъ, что я не въ силахъ былъ взвѣшивать уже отвѣты.

— Ты его засталъ у нея?..—продолжала она разспрашивать.—Когда это было?.. въ которомъ часу?..

Она такъ отдалась одной овладѣвшей ею мысли, что она не стѣснялась передо мной.

— Да я засталъ ихъ вмѣстѣ. Они допивали кофе, было, кажется, половина двѣнадцатаго.

Я проговорилъ это съ безпощадною рѣшимостью не беречь ее, и не сводилъ глазъ съ ея блѣднаго лица.

— Стало быть, онъ провелъ ночь въ этомъ домѣ?..— вымолвила она вполголоса, какъ бы про себя. Она судорожно скрестила руки, и суставы ея пальцевъ захрустѣли.

— Поѣдемъ отсюда, умоляю васъ. Вамъ оставаться здѣсь неприлично. Да и прогулка васъ освѣжитъ.

— Дѣлай, что хочешь, — отвѣтила она слабымъ голосомъ.

— Allez au Bois, — приказалъ я кучеру и поднялъ сторы у оконъ. Карета покатила. Мы оба молчали; только глухія рыданія поднимались изъ ея груди.

— Я опоздала, я не застигла его на этотъ разъ,— говорила она про себя сквозь стиснутыя губы.—Но онъ отъ меня не уйдетъ. Я ему отомщу... отомщу...

Я съ ужасомъ выслушивалъ эти отрывистыя, недостойныя рѣчи. Я понималъ теперь, что за тайна такъ долго тяготѣла надъ нашею семьей.

— Двадцать лѣтъ... почти двадцать лѣтъ...—шептала матушка въ какомъ-то безпамятствѣ, и зубы у нея стучали какъ въ лихорадкѣ.—И вотъ какой конецъ... изъ за уличной женщины...

Я не могъ этого долѣе выносить.

— Мама, успокойтесь!—принялся я ее уговаривать.

— Да, успокоиться...—отвѣтила она, сверкнувъ глазами.—А ты самъ-то что! Вѣдь онъ бросилъ меня изъ за твоей любовницы! Или въ тебѣ рыбья кровь?

— Умоляю васъ, не говорите такъ! Неужели вы не догадываетесь, какъ мнѣ больно васъ слушать?

Я думалъ теперь уже не о себѣ, не объ измѣнѣ Ванды. Меня возмущало, что родная мать можетъ ставить на одну доску свою преступную любовь и мое ребяческое чувство. Въ эту минуту оно на самомъ дѣлѣ мнѣ представлялось не болѣе какъ ребяческимъ.

— А мнѣ ты думаешь не больно!?. — страстно воскликнула она, и жгучія, злобныя слезы вдругъ заструились изъ ея глазъ.—Двадцать лѣтъ... цѣлая жизнь! — Она схватила себя обѣими руками за голову.—И такой дрянной, жалкій конецъ!

Всхлипыванія заглушили ея слова. Она въ отчаяніи ломала руки.

И такъ, вотъ она, наша семейная тайна. Противъ воли

я сталъ ея участникомъ. Я не могъ даже утѣшать ее, у меня горло ссохлось; я не въ силахъ былъ проговорить ни слова участія. Въ скорби матери было что-то недостойное, внушавшее мнѣ стыдъ, почти омерзѣніе. Наша прогулка закончилась въ гробовомъ молчаніи.

Михаила Петровича я дома не засталъ. Онъ вернулся поздно, къ самому обѣду. Я дожидался его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Теперь — я это чувствовалъ—между нами не могло быть недомолвокъ и недоразумѣній. Скрывать другъ отъ друга намъ ничего теперь уже не приходилось.

Никогда не забуду потрясающаго впечатлѣнія, какое произвелъ на дядю мой разсказъ. Когда я ему передалъ мою неожиданную встрѣчу съ матерью, онъ схватилъ себя за голову въ тупомъ отчаяніи, и строгія его черты болѣзненно исказились, точно на него одного обрушился весь этотъ стыдъ, постигшій нашу бѣдную семью.

Онъ опустился на кресло и долго просидѣлъ молча, понуривъ голову. Я не рѣшался продолжать и неподвижно стоялъ передъ нимъ. Но вотъ онъ поднялъ на меня глаза и произнесъ слабымъ, надорваннымъ голосомъ:

— Доскажи мнѣ остальное, Сережа, и постарайся, если можешь, припомнить каждое ея слово.

Но передать ему весь мой разговоръ съ матерью я не былъ въ силахъ. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось теперь, когда я понялъ, что за женщина была мать, вывѣдать отъ дяди всю тайну ея прошлаго, все, что тяготѣло до сихъ поръ надъ жизнью Михаила Петровича, и что онъ мнѣ повѣдать до сихъ поръ не рѣшался.

— Она призналась мнѣ,—говорилъ я, не глядя въ лицо Михаилу Петровичу,—что давно, цѣлыхъ двадцать лѣтъ обманывала покойнаго отца. И вы про это знали, конечно?

У дяди вмѣсто отвѣта изъ груди вырвался глухой стонъ.

— Вотъ, стало быть, что поставило васъ въ такія

враждебныя отношенія къ ней, когда вы вернулись изъ Сибири? Вы, конечно, все поняли сразу.

Лицо дяди болѣзненно передергивало, губы его судорожно сжимались, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ и теперь не выпустить роковой тайны.

— Вы видите, дядя, что я все знаю. Будемъ же вполнѣ откровенны другъ съ другомъ.

— Да,—произнесъ онъ наконецъ съ видимымъ усиліемъ;—я узналъ про все это уже тамъ, въ Москвѣ. Я хотѣлъ образумить ее, усовѣстить...

— Вы не переставали ее горячо любить!—воскликнулъ я.

— Видитъ Богъ,—съ жаромъ возразилъ дядя,—я не о своей прошлой любви тогда думалъ, хоть и горько мнѣ было въ ней такъ обмануться. Я отстаивалъ только честь нашей семьи, честь бѣднаго брата, и за это заслужилъ ея ненависть.

— Да вы не перестали ее любить до сихъ поръ, и самою высокою, безкорыстною любовью...

Дядя грустно на меня посмотрѣлъ, не отвѣтивъ ни слова.

— А что-жъ отецъ?—спросилъ я, минуту спустя.— Онъ зналъ?...

— Тогда еще нѣтъ, хоть глухой разладъ и былъ между ними. Открыть ему глаза я, разумѣется, не могъ. Позже, въ Петербургѣ, когда ты былъ уже въ университетѣ, онъ догадался самъ. Но у него не было рѣшимости покончить съ этою мерзостью и прогнать изъ своего дома этого негодяя. Онъ продолжалъ любить твою мать какою-то робкою любовью. Вотъ тогда-то я и вступился и хотѣлъ довести дѣло до развязки. По моему открытый разрывъ былъ лучше этой глухой, постыдной лжи. Тутъ и произошло объясненіе между твоею матерью и мною, среди котораго ты насъ засталъ. И когда я объявилъ ей, что въ такомъ случаѣ ей надо разойтись съ твоимъ отцомъ, она отвѣтила мнѣ, что не видитъ повода лишиться своего общественнаго поло-

женія, и что во всякомъ случаѣ не мнѣ, а только ея мужу принадлежитъ право обращаться къ ней съ такими требованіями.

Мы опять помолчали оба.

— Отчего же вы мнѣ никогда не хотѣли сказать этого?—началъ я.

— Развѣ я могъ? Вѣдь это значило возстановить сына противъ матери. И зачѣмъ было эту тяжелую ношу сваливать на твои молодыя плечи? Вѣдь молча нести съ собой постыдную тайну, которою подѣлиться ни съ кѣмъ нельзя, это не каждому подъ силу. И это, вдобавокъ, ко многому обязываетъ. Съ такою тайной на сердцѣ веселиться трудно тому, въ комъ есть чувство стыда. А признаться, Сережа, когда я видѣлъ, чѣмъ ты наполняешь свою жизнь и что у тебя за мысли въ головѣ, я не считалъ тебя способнымъ съ честью нести этотъ тяжелый крестъ.

— Теперь,—живо возразилъ я,—вы можете мнѣ довѣриться вполнѣ. Я уже не тотъ, что нѣсколько дней назадъ. Это новое горе меня протрезвило, я думаю, навсегда.

Михаилъ Петровичъ недовѣрчиво на меня посмотрѣлъ, и я невольно замѣтилъ, до какой степени въ самомъ его взглядѣ было теперь что-то нерѣшительное и слабое: надломили таки послѣдніе мѣсяцы его крѣпкую натуру.

17 апрѣля.

Ожиданія наши не сбылись: матушка и слышать не хочетъ объ отъѣздѣ. Она цѣпляется за свои разбитыя надежды. Ей словно жаль разстаться съ Парижемъ, какъ обнищалому погорѣльцу жаль покинуть развалины своей хаты. Мать приняла насъ сухо, недовѣрчиво. Съ первыхъ же словъ она отгадала, зачѣмъ мы къ ней явились, хотя дядя и повелъ рѣчь осторожно, издалека. Про графа онъ не упомянулъ вовсе, стараясь сберечь наболѣвшее самолюбіе матушки. Но едва слово отъѣздъ было произнесено, матушка, до тѣхъ поръ слушавшая

молча, вдругъ будто встрепенулась и перебила дядю гнѣвно и язвительно.

— А!.. вы опять къ этому возвращаетесь! Я, кажется, не разъ вамъ давала понять, что непрошенныхъ совѣтчиковъ я не люблю, а въ опекѣ надъ собой не нуждаюсь.

— Ирина,—дрожащимъ голосомъ возразилъ Михаилъ Петровичъ, — выслушайте насъ терпѣливо и, если можете, спокойно. Въ обыкновенное время я не сталъ бы надоѣдать вамъ совѣтами; но теперь вы не владѣете собой, вы едва ли въ состояніи правильно обсудить, чего требуетъ отъ васъ собственное достоинство. Одного я хочу... чтобы вы его не роняли.

— Благодарю васъ—иронически отозвалась она.—И вы это мнѣ говорите въ присутствіи моего сына! Хорошо же вы сами бережете мое достоинство!..

— Сыну вашему,—медленно отвѣтилъ дядя,—все извѣстно. Поймите это... все.

Послѣднія слова онъ произнесъ съ удареніемъ.

Мать страшно измѣнилась въ лицѣ.

— А-а!—воскликнула она.—Вы сочли себя въ правѣ быть съ нимъ откровеннымъ на чужой счетъ! Можетъ быть налгали ему на меня!..

— Мама,—поспѣшилъ я вмѣшаться,—вспомните, вы сами мнѣ вчера сказали, когда мы съ вами...

— Что я тебѣ сказала?—перебила она испуганнымъ неестественнымъ голосомъ.

— Много такого,—отвѣтилъ я, опустивъ глаза,—про что я бы не смѣлъ и догадываться...

— Стало быть ты пришелъ сюда,—проговорила она,—чтобы быть судьей надъ своею матерью? ты винишь меня? Говори прямо! я готова на все. Твой дядя пріучилъ меня выслушивать оскорбленія.

Мнѣ было такъ невыразимо тяжело, что голосъ мнѣ едва повиновался.

— Винить васъ не имѣю права. Но умоляю васъ во имя памяти моего бѣднаго отца вернуться съ нами въ Россію...

— Ты умоляешь? ты? А я думала, что тебѣ въ Парижѣ такъ весело живется.—Она злобно засмѣялась.— Ну, да скажи по крайней мѣрѣ свой заученный урокъ. Зачѣмъ тебѣ такъ хочется, чтобъ я уѣхала отсюда? вѣдь ты это не отъ себя говоришь?

Я молчалъ.

— Ирина Алексѣевна,—вмѣшался Михаилъ Петровичъ,—вы заставите его наговорить вамъ такихъ вещей, которыхъ сыну нельзя сказать въ лицо матери.

— Да кому же я обязана, что сынъ мой позволяетъ себѣ говорить со мной такимъ тономъ? кому, какъ не вамъ?

У Михаила Петровича лопнуло терпѣніе.

— Ну, коли такъ,—воскликнулъ онъ,—я стану выражаться прямо. Здѣсь заинтересованы не вы однѣ, дѣло идетъ о нашей семейной чести. Вы носите наше имя, и намъ нельзя равнодушно видѣть, что вы готовы сдѣлать его предметомъ насмѣшекъ и сплетень. Вы заняты однимъ, вашею нелѣпою страстью къ этому человѣку, который вамъ явно выказываетъ полное пренебреженіе. Вчера вы стерегли его на улицѣ среди бѣлаго дня. Богъ вѣсть, какая безумная причуда можетъ вамъ придти въ голову!

Мать обомлѣла, слушая эту грозную отповѣдь. Она поняла, должно быть, что ни къ чему не поведетъ игра въ оскорбленное самолюбіе. Слезы показались у нея на глазахъ, она прибѣгла къ нимъ, надѣясь на ихъ краснорѣчіе. Кто знаетъ, однако, не были ли это искреннія слезы, и должно быть онѣ тронули дядю, только онъ заговорилъ опять совсѣмъ уже инымъ мягкимъ, сочувственнымъ голосомъ.

— Ирина, въ моей преданности вы, кажется, сомнѣваться не можете...

Слово „преданность“ такъ страстно сорвалось съ его губъ, что очевидно замѣняло иное, болѣе теплое слово.

— Вы платили мнѣ за то,—продолжалъ дядя,—одною

враждебностью, но я къ вамъ не измѣнился, вы это знаете. Эти мѣсяцы, проведенные мною здѣсь, вамъ это лишній разъ доказали. И если въ васъ есть хоть искра честности, если вы вспомните, что я перестрадалъ изъ за васъ въ эти двадцать пять лѣтъ, вы поймете, что я чувствую, когда вынужденъ рѣзко говорить съ вами, оскорблять васъ какъ сейчасъ вотъ.

Слезы на глазахъ матери высохли мгновенно. Она гордо подняла голову, злобное торжество блеснуло на ея лицѣ.

— Да, я знаю, что это за чувство!—насмѣшливо проговорила она.—Это все та же старинная ревность. Я понимаю это отлично, и вы меня извините конечно, если я не послушаюсь... вашихъ безкорыстныхъ совѣтовъ.

Послѣднія слова она намѣренно подчеркнула. Дядя всталъ; на немъ лица не было.

— Къ счастію,—произнесъ онъ,—есть еще одно, послѣднее средство. Скажу вамъ только, Ирина Алексѣевна, что вамъ, можетъ быть, придется раскаяться въ своемъ рѣшеніи.

Съ этими словами Михаилъ Петровичъ вышелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я послѣдовалъ его примѣру. Мать меня не удерживала: намъ уже нечего было сказать другъ другу.

У себя на письменномъ столѣ я, къ величайшему изумленію, нашелъ записку отъ Ванды: „Вчера“, писала она, „я погорячилась. Извините меня великодушно. Вы конечно поняли, что на самомъ дѣлѣ я не думала и сотой доли тѣхъ нелѣпыхъ рѣзкостей, которыя наговорила вамъ въ глупомъ порывѣ раздраженія. Докажите мнѣ, что вы это поняли и заходите завтра. Ванда“. Я изорвалъ записку въ клочки и швырнулъ за окно. Съ полнымъ равнодушіемъ я слѣдилъ за этими клочками, пока они, повинуясь вѣтру, медленно падали на мостовую.

19 апрѣля.

Половина двѣнадцатаго.

Весь вчерашній день я почти не видалъ дяди. Онъ вышелъ съ утра, вернулся домой во второмъ часу, чтобы немного закусить и снова отправился куда-то, сказавъ нашей служанкѣ, что, если зайдетъ его пріятель графъ Р., слѣдуетъ попросить графа обождать. Ни Михаилъ Петровичъ, ни графъ не показывались до самаго вечера. Я наскоро отобѣдалъ одинъ, прождавъ дядю до восьми часовъ. Меня почему-то безпокоило долгое отсутствіе дяди и какая-то несвойственная ему нервная торопливость, замѣченная мною у него въ короткое время, проведенное дома. Въ половинѣ десятаго Михаилъ Петровичъ и его пріятель пріѣхали вмѣстѣ. Дядя коротко объяснилъ мнѣ, что долженъ былъ отобѣдать въ какомъ-то ресторанѣ и что сегодня говорить ему со мною некогда. Потомъ онъ заперся съ графомъ въ своей комнатѣ и пробесѣдовалъ съ нимъ почти до полуночи. Онъ легъ спать, не повидавшись со мной.

Сегодня утромъ, въ семь часовъ, когда я былъ еще въ постели, дядя зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что ему надо сейчасъ уѣхать по дѣлу. На мои тревожные разспросы онъ отвѣтилъ только, чтобъ я не безпокоился и что онъ вернется къ двѣнадцати часамъ. Проговорилъ онъ это сухо и отрывисто. Мнѣ показалось, что онъ скрываетъ отъ меня что-то и приневаливаетъ себя къ этой сдержанности. Нѣсколько минутъ спустя, въ корридорѣ послышались шаги. Это былъ графъ Р., пріѣхавшій за Михаиломъ Петровичемъ. Дядя торопливо обнялъ меня и поспѣшилъ выйти.

Все утро я оставался дома, тревожно ожидая возвращенія Михаила Петровича. У меня были недобрыя предчувствія. Что могли значить эти несвойственные дядѣ пріемы, эти повторенныя посѣщенія графа Р. и въ особенности это спѣшное загадочное дѣло? Ужъ не собирается ли Михаилъ Петровичъ драться съ Завой-

скимъ? Два раза онъ намекалъ при мнѣ на какое-то послѣднее отчаянное средство развязать запутанныя отношенія матери къ этому человѣку. При одной этой мысли вся кровь у меня холодѣетъ. Вѣдь не ему, а мнѣ слѣдовало постоять за нее и вызвать Завойскаго. Конечно, онъ могъ уклониться отъ дуэли со мной, но нашлись бы средства заставить его драться.

Но вотъ раздался стукъ колесъ по нашей улицѣ. Карета остановилась у крыльца. Можетъ быть это дядя...

То же число, шесть часовъ вечера.

Увы! я не ошибся. Дядя сегодня дрался съ Завойскимъ. Подъѣхавшая утромъ карета привезла его тяжело раненаго, вмѣстѣ съ его секундантомъ, графомъ Р. Я услыхалъ чьи-то тревожные голоса, суматоху на лѣстницѣ. Я бросился внизъ на улицу и увидалъ... я не могу даже припомнить, что представилось моимъ отуманеннымъ глазамъ, до того я потерялъ голову въ эту минуту. Я примѣтилъ только какихъ-то людей, суетившихся у кареты, и съ трудомъ вытаскивавшихъ оттуда чье-то неподвижное и безжизненное тѣло. Я безсознательно бросился помогать имъ, но меня отстранили. На крыльцѣ стояли двѣ испуганныя, оторопѣлыя женскія фигуры. Я понялъ, что случилось, тогда только, когда трое мужчинъ, несшихъ дядю, поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ. Графъ Р. и какой-то незнакомый мнѣ человѣкъ—я потомъ узналъ, что это былъ врачъ—держали Михаила Петровича за плечи; въ рукахъ у третьяго—это былъ кучеръ графа—были ноги. Дядя былъ въ совершенномъ безпамятствѣ. На платьѣ его виднѣлись слѣды крови. Долго и мучительно продолжалось это страшное шествіе. Его медленно и бережно тащили вверхъ, чтобы не дать соскользнуть уже сдѣланной перевязкѣ. На лѣстницѣ было тѣсно. То и дѣло приходилось останавливаться на поворотахъ и устранять препятствія. То стулъ попадался на пути, то надо было захлопывать растворенную дверь. Домашніе хотѣли

помочь, но не знали какъ взяться за дѣло. Хозяйка и прислуживавшая намъ женщина шли за нами въ какомъ-то оцѣпенѣломъ ужасѣ и безпомощно что-то причитывали. Я бросился впередъ, слѣдуя указанію графа, и поспѣшилъ все приготовить въ комнатѣ дяди. Графъ всѣмъ распоряжался хладнокровно и умѣло; онъ мнѣ очень понравился. Это высокій и немолодой уже человѣкъ, съ сухимъ лицомъ, но съ замѣчательно добрыми, прямыми глазами.

Наконецъ дядю внесли въ нашъ, четвертый этажъ и уложили на кровать. Докторъ нагнулся къ нему и сталъ что-то приводить въ порядокъ. Въ нѣмомъ ужасѣ я слѣдилъ за его увѣренными движеніями, не смѣя пока распрашивать ни его, ни графа. Слезъ у меня не было, но я вдругъ понялъ, что такое настоящее, глубокое, непоправимое горе. Въ дверяхъ комнаты стояла наша хозяйка и всхлипывала, приговаривая: „Seigneur Dieu, quel affreux malheur!“.

— Попросите эту даму удалиться, — вполголоса нетерпѣливо обратился ко мнѣ докторъ.

Я тотчасъ исполнилъ его приказаніе, и теперь счелъ себя въ правѣ спросить у доктора его мнѣніе.

— Рана серьезная,—сухо отвѣтилъ онъ.—Но теперь я ничего еще не могу сказать. Вы бы лучше оставили меня вдвоемъ въ больнымъ. Онъ каждую минуту можетъ очнуться, а для него теперь необходима полная тишина.

Графъ Р. увелъ меня въ мою комнату и заперъ за собою дверь.

— Я все могу вамъ разсказать, если хотите, заговорилъ онъ тихимъ голосомъ и усѣлся.—Вы его племянникъ? Онъ мнѣ часто говорилъ про васъ, онъ васъ очень любитъ.

Вотъ что я узналъ отъ графа.

Наканунѣ утромъ дядя былъ у него и просилъ быть его секундантомъ на случай возможной дуэли съ графомъ Завойскимъ. Настоящей причины онъ ему не сказалъ, объяснивъ только, что у нихъ вышло рѣзкое

столкновеніе вслѣдствіе спора о политическихъ вопросахъ. Графъ Р., очевидно этому не вѣрилъ. Онъ повидимому знаетъ кое-что о нашей семейной исторіи, но мнѣ онъ про это не упомянулъ даже намекомъ. „Вашъ дядюшка", сказалъ онъ только, „имѣлъ кажется давнишніе счеты съ Завойскимъ. Я, разумѣется, согласился быть его секундантомъ: мы съ нимъ большіе друзья, и вашему дядѣ не къ кому было здѣсь обратиться, кромѣ меня". Между ними было условлено, что они свидятся въ тотъ же день либо у дяди, либо въ домѣ графа. Михаилъ Петровичъ долженъ былъ сперва побывать у Завойскаго, и тогда уже рѣшать, быть ли дуэли. Дядя поѣхалъ къ Завойскому въ два часа и засталъ его дома. Что между ними было говорено, графъ не знаетъ. Но въ половинѣ четвертаго они встрѣтились на улицѣ, недалеко отъ нашего дома, въ то самое время, когда графъ уѣхалъ къ Михаилу Петровичу. Тутъ дядя объявилъ графу, что дуэль неизбѣжна и просилъ его передать Завойскому вызовъ. Графъ тотчасъ отправился къ Андрею Павловичу и исполнилъ порученіе дяди. Завойскій принялъ его холодно, съ оттѣнкомъ напускной шутливости, но возраженій никакихъ не сдѣлалъ. Да графъ Р., впрочемъ не такой человѣкъ, чтобъ, имѣя дѣло съ нимъ, можно было уклониться отъ полученнаго вызова. Графъ и дядя отобѣдали вмѣстѣ и потомъ весь вечеръ провели вдвоемъ.

На слѣдующее утро, то-есть сегодня, графъ заѣхалъ за дядей, предупредивъ заранѣе хорошо извѣстнаго ему хирурга. Условлено было стрѣляться въ небольшой рощѣ, близъ Ville d'Avray, по дорогѣ въ Версаль. Поѣхали туда въ каретѣ графа. Противники встрѣтились въ девять часовъ утра. Секундантомъ у Завойскаго былъ итальянецъ, необыкновенно подвижной и вертлявый, нѣкто Бевентони, личность очевидно второстепенная и состоящая въ какомъ-то подчиненіи у русскаго магната. Графъ Р. упоминалъ о немъ съ очевиднымъ презрѣніемъ. Было условлено стрѣлять на разстояніи

пятнадцати шаговъ и обмѣняться двумя выстрѣлами, если первые останутся безъ результата. „Я сдѣлалъ“, разсказывалъ графъ Р., „обычную попытку къ примиренію, хоть и зналъ хорошо, что примиренія послѣдовать не можетъ. Завойскій принужденно улыбнулся и проговорилъ съ усиленною вѣжливостью: „Я ничего не имѣю противъ господина Градищева и готовъ ему протянуть руку, если онъ возьметъ назадъ свой вызовъ“.

— Но дядюшка вашъ,—продолжалъ графъ,—отвѣтилъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе рукой: „Вамъ хорошо извѣстно, на какихъ условіяхъ я согласенъ протянуть вамъ руку“. Завойскій молча поклонился. Противники заняли свои мѣста. По первому выстрѣлу Завойскій далъ промахъ. При этомъ онъ сдѣлалъ видъ, будто это былъ не промахъ, а какой-то актъ великодушія. Пуля вашего дяди задѣла его въ правую руку и проскользнула мимо, слегка поранивъ ее ниже локтя. „Продолжать ли?“—спросилъ Завойскій.—„Разумѣется, продолжать“,—отвѣтилъ вашъ дядя,—„если вы только въ состояніи держать пистолетъ!“—„О, я могу стрѣлять и лѣвою рукой!“—засмѣявшись отвѣтилъ Завойскій,—„у меня не дрожитъ ни та, ни другая. Но вы свидѣтели, господа, что я не ищу кровопролитія“. Завойскій взялъ пистолетъ въ лѣвую руку и прицѣлился. Теперь въ его глазахъ было что-то злобное и хищное. Выстрѣлы раздались по сигналу, и вашъ дядя упалъ. Пуля ему попала въ животъ. Не скрою отъ васъ, рана опасная, но докторъ не теряетъ надежды. Завойскій держалъ себя очень прилично. Онъ выразилъ большое сожалѣніе о случившемся и уѣхалъ, прося меня, чтобъ я далъ ему знать, каково состояніе вашего дяди. Но все это мнѣ показалось очень неестественнымъ. Я не сомнѣваюсь, что сегодня же вечеромъ его не будетъ въ Парижѣ. Благодаря его общественному положенію, дуэль получитъ громкую огласку, а Завойскій изъ тѣхъ людей, которые огласки боятся всего болѣе.

Въ дверяхъ комнаты дяди показался докторъ.

— Ну, что?—разомъ спросили мы оба.

У доктора былъ особый дѣловой, сосредоточенный видъ, какой врачи охотно напускаютъ на себя, когда сознаютъ, что помочь не въ силахъ и ничего кромѣ банальныхъ утѣшеній не могутъ сказать близкимъ. Чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ болѣе эти господа обыкновенно спѣшать и какъ будто даже сердятся на больного за свое безсиліе и за то, что онъ такъ безполезно отнимаетъ у нихъ время.

— Онъ очнулся и повидимому не особенно страдаетъ,—отвѣтилъ докторъ, плотно застегивая на себѣ сюртукъ.

Мы оба двинулись къ дверямъ.

— Нѣтъ,—остановилъ насъ хирургъ,—не ходите къ нему теперь: видъ знакомыхъ лицъ причинитъ ему безпокойство. Лихорадки теперь еще нѣтъ почти вовсе, но черезъ нѣсколько часовъ она несомнѣнно усилится. Больному нужно полнѣйшее спокойствіе. Я прописалъ вотъ эту микстуру.—Онъ подалъ графу рецептъ.—Но прежде всего необходима хорошая сидѣлка: женщины въ такихъ случаяхъ незамѣнимы.

Оказалось, что графъ распорядился уже послать за сестрой милосердія.

— Къ пяти часамъ вернусь, чтобы сдѣлать новую перевязку.

Онъ взялся за шляпу, видимо торопясь; но графъ его остановилъ.

— Какъ вы его находите?—спросилъ онъ.

Я зорко смотрѣлъ на доктора, стараясь прочесть его мысли на его невозмутимомъ лицѣ.

Докторъ пожалъ плечами.

— Ничего еще нельзя сказать,—отвѣтилъ онъ неохотно, какъ бы недовольный тѣмъ, что профаны хотятъ проникнуть въ его медицинскую тайну.—Если удастся поддержать силы и къ вечеру температура не слишкомъ возвысится, можно надѣяться на благопріятный исходъ.

— А что пуля?—боязливо спросилъ я.

— Пуля засѣла очень глубоко,—отвѣтилъ онъ, окидывая меня нетерпѣливымъ взглядомъ, точно онъ отрицалъ мое право его разспрашивать.—Пока нечего и думать ее вынимать. Я воспользовался безсознательностью больного,—обратился онъ къ графу,—чтобы зондировать рану. Ничего, все въ порядкѣ. Боюсь только что пуля нѣсколько повредила двѣнадцати-перстную кишку.

Это была, очевидно, крайняя уступка его медицинской авторитетности нашему желанію узнать всю печальную истину. Онъ передалъ графу нѣсколько наставленій и вышелъ, увѣряя, что его давно ждетъ другой паціентъ, еще болѣе опасный.

Графъ оставался со мной до прибытія сестры милосердія. Онъ передалъ ей приказанія и уѣхалъ, обѣщая заглянуть вечеромъ.

Дядя лежалъ совершенно тихо; изрѣдка лишь онъ немного стоналъ. Услыхавъ этотъ стонъ въ первый разъ, я не утерпѣлъ и вошелъ къ нему въ комнату. Онъ лежалъ на спинѣ съ полузакрытыми, неподвижными глазами. Сперва, услыхавъ шорохъ, онъ слегка повернулъ голову ко мнѣ, но тотчасъ затѣмъ она снова упала на подушку; руки его были вытянуты поверхъ одѣяла. Онъ глядѣлъ совершенно какъ мертвецъ, даже его профиль уже принялъ то застывшее, рѣзкое очертаніе, какое бываетъ у покойниковъ. У меня сердце надрывалось, слезы выступили изъ глазъ. Сидѣлка мнѣ сдѣлала знакъ рукой, чтобъ я вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ она послѣдовала за мной неслышною поступью и принялась меня утѣшать незатѣйливыми но искренними словами. Она должно быть хорошая женщина.

— Успокойтесь, — говорила она. — Положитесь во всемъ на меня. Я не разъ видѣла подобные случаи. Повѣрьте мнѣ, все идетъ какъ нельзя лучше. Послѣ, когда онъ совсѣмъ придетъ въ себя, онъ васъ позоветъ самъ, а теперь вы его оставьте.

Я послалъ къ матери записку, чтобъ оповѣстить ее о случившемся. Въ пять часовъ снова заходилъ докторъ. Лицо его все также загадочно, манера попрежнему тороплива. Должно быть, онъ не совсѣмъ доволенъ, такъ какъ на этотъ разъ онъ прописалъ укрѣпляющее средство и долго шепотомъ давалъ наставленіе сидѣлкѣ.

21 апрѣля.

Это были два ужасные дня. Продолжаю свою грустную повѣсть съ того самаго часа, на которомъ она оборвалась.

Вскорѣ по уходѣ врача пріѣхала мать. Она въ первый разъ была у насъ въ домѣ. Лицо ея страшно перемѣнилось за послѣдніе дни. Ея черты, такъ долго сохранившія свою правильную чистоту, вдругъ удлинились и поблекли, точно время, не смѣвши до сихъ поръ ея коснуться, разомъ повѣяло на нее своимъ суровымъ дыханіемъ. Она едва держалась на ногахъ: она видимо устала, поднимаясь по нашей лѣстницѣ. Неожиданная вѣсть, полученная отъ меня, ее сокрушила. Горькое раскаяніе читалось на ея лицѣ. Она всхлипывала и ломала руки, слушая мой разсказъ.

— Что, могу я видѣть его, Сережа?—спросила она, утирая слезы.

— Можетъ быть, завтра,—отвѣтилъ я,—сегодня докторъ строго запретилъ его тревожить.

— Но есть ли какая-нибудь надежда?—продолжала она безпокойно.

— Не знаю, чтò и сказать вамъ: у меня ея мало.

Она опустилась на кресло, закрывъ лицо руками.

— Я его убила, я никогда себѣ этого не прощу!—промолвила она, рыдая.

Должно быть дядя какимъ-то непонятнымъ образомъ почуялъ ея близость, только съ той самой минуты, какъ она вошла, онъ безпокойно сталъ метаться на кровати. Я заглянулъ къ нему въ комнату. Онъ приподнялся и глухо стоналъ, судорожно двигая руками. Страшно было

смотрѣть на его мутные, неподвижные, глаза; зрачки его расширились, точно силились что-то разглядѣть. Я не вынесъ этого упорнаго, безсознательнаго взгляда, словно искавшаго чего-то и вернулся къ матери. Она скоро уѣхала.

У дяди начался бредъ. Безсвязныя слова отрывисто и хрипло срывались съ его высохшихъ губъ. Лѣкарство, прописанное докторомъ, не дѣйствовало. Я не ложился всю ночь. Графъ Р., пріѣхавшій въ десятомъ часу, чередовался со мной у постели больного. Подъ утро Михаилъ Петровичъ понемногу успокоился. Къ восьми часамъ онъ заснулъ и проспалъ до двѣнадцати. На лицѣ его не было уже теперь того ужаснаго, напряженнаго выраженія, котораго я такъ испугался наканунѣ. Но докторъ, явившійся во время его сна, сомнительно покачалъ головой.

— Силы падаютъ,—проговорилъ онъ, пощупавъ у дяди пульсъ.—Этого-то я и опасался.

Я сидѣлъ неподвижно, выжидая, пока дядя проснется. Утомленная сидѣлка ушла отдохнуть. Тяжелыя думы, одна другой мрачнѣе, смѣнялись въ моей головѣ. Я сознавалъ за собою глубокую вину передъ дядей, вину, которую искупить и загладить теперь уже поздно. Всю жизнь, все свое счастіе онъ отдалъ моей семьѣ. И чѣмъ она отплатила ему?.. На матери лежитъ отвѣтственность за его пролитую кровь, да и на мнѣ тоже.

— Сережа, подойди сюда,—вдругъ послышался мнѣ слабый голосъ.

Я поднялъ голову весь испуганный. Дядя проснулся; онъ смотрѣлъ на меня въ полномъ сознаніи. Живая радость блеснула въ моемъ сердцѣ, но отъ волненія я сперва не могъ подняться съ мѣста.

— Подойди, не бойся. Теперь я не страдаю, могу говорить.

Я подошелъ и опустился на колѣни у кровати.

— Дядя, милый!... говорилъ я полубезсознательно.— Какъ я радъ, что вамъ лучше!

Я принялся цѣловать его руку, повисшую надъ краемъ одѣяла.

— Мнѣ не лучше, Сережа,—онъ чуть замѣтно качнулъ головой,—я только чувствую себя спокойнѣе. Я вѣдь знаю, что мнѣ жить осталось не долго.

Я пробовалъ что-то возразить, обнадежить его, но Михаилъ Петровичъ меня остановилъ.

— Не создавай себѣ напрасныхъ иллюзій, со мной дѣло идетъ къ концу. И жизни мнѣ не жаль. Жаль только тебя. Боюсь какъ бы...

Онъ остановился, чтобы перевести дыханіе: силы ему измѣняли.

— Боюсь, какъ бы ты окончательно не свихнулся. Вѣдь я, что ни говори... а могъ тебѣ еще быть полезнымъ.

Крупныя слезы у меня выступили на глазахъ. Я уткнулъ лицо въ кровать, чтобы дядя ихъ не замѣтилъ. Его рука ласково коснулась моихъ волосъ. Я вздрогнулъ, почувствовавъ, какъ были слабы его пальцы.

— Ну, да Богъ милостивъ! Онъ убережетъ тебя лучше, чѣмъ я бы это сумѣлъ... А теперь вотъ что, мой милый, пошли за нашимъ священникомъ; я хочу умереть, какъ слѣдуетъ. Надо воспользоваться тѣмъ, что голова теперь у меня свободна. Скажи, я сильно бредилъ ночью?

Я не отвѣтилъ, съ трудомъ сдерживая рыданія.

— Да говори же мнѣ правду! Чего боишься? Представь себѣ, мнѣ вѣдь было хорошо. Меня что-то несло куда-то выше-выше, и вокругъ меня былъ какой-то удивительный свѣтъ, яркій и въ то же время тихій. Хорошо было, очень хорошо! Ну, такъ пошли за священникомъ.

Онъ вздохнулъ.

— На моей душѣ тяжкій грѣхъ. Вѣдь я шелъ на поединокъ съ тѣмъ, чтобъ убить того человѣка, да и своей жизни я не имѣлъ права отдавать. Я вѣдь отдалъ ее ради земной страсти, потому что до сихъ поръ, хоть я вотъ умираю, страсть, эта все еще во мнѣ...

Я вышелъ исполнить желаніе дяди и вернулся чрезъ нѣсколько минутъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, видимо утомленный; но услыхавъ меня, онъ ихъ тотчасъ же раскрылъ.

— А она... знаетъ?—спросилъ онъ, пристально въ меня всматриваясь.

Я сказалъ ему, что мать заѣзжала вечеромъ и скоро будетъ опять.

— Скажи ей,—онъ положилъ свою руку на мою,—что я умираю безо всякаго дурного чувства къ ней, и прошу ее... убѣдительно прошу вспомнить наконецъ, что она мать...

— Она желала васъ видѣть...

Горькое выраженіе показалось на лицѣ дяди.

— Нѣтъ лучше не надо. Все это прошлое. земное надо забыть; а я все таки не могу... Или ты думаешь ее оскорбитъ мой отказъ? Ну, а теперь надо отдохнуть.

Четверть часа спустя, дядя однако меня снова подозвалъ.

— Пока во мнѣ еще есть силы, надо тебѣ сказать, какъ все это было. Ты ей передай, чтобъ она знала. Она повѣритъ, надѣюсь. Передъ смертію не лгутъ. Когда я былъ у этого... у Завойскаго... я потребовалъ отъ него сперва, чтобъ онъ исполнилъ обѣщаніе, какъ честный человѣкъ, и женился на... на твоей матери...

Дядя говорилъ все съ большимъ трудомъ. Я упрашивалъ его отдохнуть на время.

— Нѣтъ, досказать надо!—чуть слышно добавилъ онъ.—Послѣ, можетъ быть, не успѣю, а кромѣ него и меня никто про это вѣдь не знаетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что напрасно твоя мать вообразила, будто онъ ей далъ обѣщаніе. „Двадцати лѣтъ“, сказалъ онъ, „съ нея кажется будетъ“. Повтори ей эти слова. Можетъ быть они ее отрезвятъ.—Слабая искра при этомъ показалась въ глазахъ у дяди.—Ну, тогда я его и вызвалъ... и не сожалѣю объ этомъ, если это спасетъ ее...

Въ комнату входилъ докторъ, принявшійся меня

сильно журить за то, что я далъ больному утомится въ длинной бесѣдѣ.

— Ему кажется гораздо лучше,—сказалъ я, уводя его къ себѣ.

— Гм!... можетъ быть!—загадочно отвѣтилъ онъ.— Надѣюсь, мы избѣгнемъ гангренознаго воспаленія кишекъ.

Послѣднія слова онъ уронилъ словно съ высоты и посмотрѣлъ на меня вскользь, будто недоумѣвая, постигнулъ ли я это профессіональное выраженіе.

Теперь, когда все кончено, мнѣ трудно и представить себѣ, что я ощущалъ въ тѣ минуты и какъ мирились во мнѣ упорныя надежды на выздоровленіе дяди и мрачная увѣренность, что смерть не выпуститъ его изъ своихъ рукъ. Когда я видѣлъ передъ собою его блѣдное, искаженное страданіемъ лицо, его почти окоченѣвшее тѣло, я въ тупомъ отчаяніи плакалъ надъ нимъ, какъ будто горестная утрата уже совершилась. Но чуть я переставалъ на него глядѣть, чуть предо мной были другіе люди, полные жизни, здоровья, мысль о неизбѣжной смерти дяди мгновенно покидала меня, точно сама смерть была въ моихъ глазахъ чѣмъ-то невозможнымъ и непостижимымъ.

Я сказалъ доктору о намѣреніи дяди причаститься. Онъ выслушалъ меня съ тою снисходительною улыбкой, какую обыкновенно вызываетъ у врачей подобное желаніе больного. „Мы привыкли уступать стариннымъ предразсудкамъ“, казалось говорило его лицо, „лишь бы не шли они въ ущербъ леченію“.

— Вы знаете,—сказалъ онъ,—это всегда волнуетъ паціента. Я, конечно, ничего противъ этого не имѣю, но надо быть осторожнымъ и къ помощи религіи прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ.

Это попросту значило, что, по мнѣнію доктора, священника можно призвать тогда только, когда уже наступитъ предсмертная агонія. И странное дѣло, хоть я и не слишкомъ религіозенъ, это сухое и пренебрежи-

тельное отношеніе къ ней со стороны врача почему-то меня покоробило.

Часу во второмъ пріѣхала мать. Я бережно передалъ ей, что было утромъ, и что говорилъ мнѣ дядя. Она этимъ не оскорбилась. Способность чувствовать лично за себя словно замерла въ ней. Она объявила мнѣ, что останется тутъ, чтобы принять на себя хотя нѣкоторую часть заботъ о больномъ. Она хотѣла дождаться священника. Ей казалось, что въ торжественную минуту религіознаго обряда Михаилъ Петровичъ не захочетъ остаться непримиреннымъ съ нею.

Но когда явился священникъ, дядя не былъ въ состояніи причаститься. Уже за часъ передъ тѣмъ у него начались невыносимыя страданія. Глухіе стоны доносились изъ его комнаты. Докторъ, за которымъ тотчасъ же было послано, объявилъ, что теперь нечего и думать о религіозномъ „обрядѣ". Онъ сдѣлалъ новую перевязку и до того измучилъ бѣднаго дядю, что стонъ не разъ переходилъ въ болѣзненный крикъ. Мало-помалу однако страданія, повидимому, улеглись и стоны затихли.

— Что?—сказалъ священникъ, когда докторъ снова къ намъ вышелъ.—А эта операція, по вашему, не причиняетъ больному волненія и тревоги?

— За то она совершенно необходима. Я къ тому же сдѣлалъ небольшое вспрыскиваніе морфіемъ, и вотъ видите, страданія тотчасъ же прошли.

Онъ поспѣшилъ уйти, сказавъ, что на другой день, если острый припадокъ не возобновится, можно будетъ удовлетворить желаніе паціента.

Священникъ предпочелъ однако остаться.

— Не надо терять времени,—сказалъ онъ матушкѣ.—Кто знаетъ, успѣемъ ли мы совершить это завтра? Благодать Божія всесильна. Къ ней надо обращаться, не откладывая. Не исполнить благочестивое намѣреніе больнаго и лишить его можетъ быть послѣдняго утѣшенія—это великій грѣхъ.

Я прежде никогда не замѣчалъ у матушки особеннаго теплаго религіознаго чувства, но на этотъ разъ она рѣшительно стала на сторону священника. Въ ней словно переломъ какой-то совершился. Что-то мягкое, покорное и въ то же время безнадежное, какая-то печать отреченія легла теперь на ея черты.

Священникъ повелъ съ ней тихую бесѣду. Его слова ровно настолько касались спеціально религіозныхъ темъ, сколько того требовали его званіе и окружавшая насъ мрачная обстановка. Онъ какъ будто сознавалъ, что съ людьми не особенно вѣрующими, каковы матушка и я— онъ тотчасъ понялъ, что мы оба именно таковы—надо говорить особымъ, на половину свѣтскимъ языкомъ и какъ можно менѣе напоминать о своемъ духовномъ санѣ.

Такъ прошелъ слишкомъ часъ. Въ комнатѣ дяди было совершенно спокойно. Сестра милосердія объявила намъ, что онъ заснулъ. Между тѣмъ пріѣхалъ графъ Р., извиняясь, что неотложныя дѣла помѣшали ему явиться ранѣе. Онъ освѣдомился у меня о ходѣ болѣзни и тоже посовѣтовалъ, вопреки словамъ доктора, причастить дядю, какъ скоро онъ проснется. Съ матушкой графъ былъ знакомъ давно, хотя короткости между ними не было никакой. Священника онъ тоже зналъ: графиня, его жена, русская по происхожденію. У нихъ завязался разговоръ не слишкомъ оживленный, но все таки совершенно свѣтскій, какъ умѣютъ его вести благовоспитанные люди, принаровляющіеся къ обстоятельствамъ жизни, не забывая притомъ, что они обязаны быть всегда любезными при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Я былъ пораженъ необыкновеннымъ самообладаніемъ матушки и удивительною гибкостью ея натуры. За часъ передъ тѣмъ, вся сраженная горемъ, она теперь была опять съ головы до ногъ свѣтскою женщиной. Я одинъ не принималъ участія въ общей бесѣдѣ. Этотъ обмѣнъ безразличныхъ, вѣжливыхъ словъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опасно больного мнѣ казался какимъ-то нару-

шеніемъ торжественно-горестной обстановки. Конечно, всѣ держали себя какъ нельзя болѣе прилично. На меня однако непріятно дѣйствовало почему-то именно это приличіе, въ которомъ будто сказывалась снисходительная уступка правамъ тяжкой болѣзни со стороны здоровыхъ людей, жизнь которыхъ завтра же пойдетъ обычною колеей. И почему-то я теперь вдругъ понялъ, что въ самомъ дѣлѣ наступаетъ смерть, и бѣдному дядѣ никогда уже не подняться съ кровати. Вся условная ложь увѣреній доктора, всѣ эти надежды на какое-то выздоровленіе, всѣ эти безполезныя заботы о больномъ вдругъ представились мнѣ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, какъ послѣдній неизбѣжный актъ комедіи жизни, какъ декорація, придуманная людьми, чтобы смягчить грозное пугало смерти и незамѣтно подготовить себя къ ея наступленію.

— Сережа! — вдругъ совершенно явственно прозвучалъ голосъ дяди.

Всѣ мгновенно замолкли, какъ бы испуганные, и я подошелъ къ постели умирающаго. Черты его лица улеглись и смягчились, точно во время этого недолгаго сна онъ вкусилъ уже вѣчнаго загробнаго покоя.

— Тамъ кто-то есть? — спросилъ онъ. — Скажи мнѣ кто?

Я ему назвалъ священника и графа; о матери я не упомянулъ.

— Такъ можно будетъ сейчасъ? не правда ли? Какъ это хорошо!

Лицо его мгновенно просіяло. Священникъ вошелъ тихою поступью.

— Господь да благословитъ васъ и укрѣпитъ! — сказалъ онъ мягкимъ голосомъ, садясь у изголовья.

— Я желалъ бы помириться съ совѣстью передъ концомъ. Вы знаете, что за тяжкій грѣхъ на моей душѣ.

Священникъ тотчасъ же понялъ, что онъ намекалъ на поединокъ.

— Вы уже искупили этотъ грѣхъ раскаяніемъ и страданіемъ,—сказалъ онъ.—Можетъ быть Богу угодно будетъ возстановить здоровье ваше. Отчаиваться не слѣдуетъ; отдайтесь, впрочемъ, на волю Господа; Онъ вѣрнѣе насъ знаетъ, что для насъ лучше и призываетъ насъ въ ту самую минуту, когда мы готовы предстать передъ Нимъ.

Дядя слушалъ его со спокойной улыбкой на губахъ. Онъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ, но глядя на его просвѣтленное лицо, мнѣ казалось, что на сердцѣ его сложилась иная, болѣе высокая правда,—правда истиннаго покоя и примиренія съ людьми.

Священникъ это кажется понялъ тоже.

— Не слѣдуетъ утруждать васъ,—сказалъ онъ.—Мы тотчасъ приступимъ къ святому таинству.

Я вышелъ. Исповѣдь продолжалась не долго, уже черезъ десять минутъ священникъ растворилъ двери и предложилъ намъ войти. Мы съ графомъ подошли къ дядѣ; онъ улыбнулся намъ такъ ясно и кротко, какъ будто онъ передъ тѣмъ и не страдалъ. Мать осталась въ сосѣдней комнатѣ, священникъ между тѣмъ держа въ рукахъ небольшой сосудъ съ запасными Дарами, началъ молитву: „...Вечери Твоея тайныя...“ Михаилъ Петровичъ внимательно слѣдилъ за его словами, но губы его лишь слабымъ шепотомъ ихъ повторяли. Онъ съ видимымъ усиліемъ поднялся на локтяхъ, пока священникъ подносилъ ему Причастіе. Его лицо на мигъ перекосилось отъ острой боли причиненной этимъ движеніемъ, но тотчасъ опять оно прояснѣло, точно какое-то чувство неземного блаженства осѣнило его и стерло физическія страданія.

— Теперь его надо оставить одного,—сказалъ священникъ,—слава Богу, ему, кажется, стало легче.

Но у дяди было еще нѣчто на сердцѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и прошепталъ мнѣ на ухо, наклонивъ къ себѣ мою голову:

— Я знаю, что она здѣсь! позови ее.

Замѣтивъ мое колебаніе, онъ добавилъ: — Утромъ я не хотѣлъ ее видѣть, но теперь... теперь... прежнія земныя чувства для меня уже не существуютъ, я обязанъ съ ней помириться.

Мать вошла нетвердыми шагами, крупныя слезы были у нея на глазахъ. Она опустилась передъ кроватью на колѣни и прильнула губами къ рукѣ Михаила Петровича.

— Простите меня,—шептала она,—простите... и дайте мнѣ свое благословеніе.

Онъ положилъ ей руку на голову и потомъ медленно ее перекрестилъ.

— Бѣдная моя!..—проговорилъ онъ чуть слышно.— Ты сама не знаешь, какого счастья ты себя лишила... какъ несравненно лучше вести хорошую жизнь и быть въ мирѣ съ своею совѣстью. Я теперь это постигъ. Покайся, Ирина... и обѣщай, что ты будешь настоящею матерью для него... для своего сына...

Больше я писать не въ состояніи, рука дрожитъ, слезы навертываются на глаза. Сегодня утромъ часовъ въ пять—я только-что передъ этимъ заснулъ—сестра милосердія ко мнѣ вошла и разбудила меня. Ея лицо глядѣло испуганно.

— Идите сюда,—проговорила она,—посмотрите, я не понимаю, какъ это случилось... боюсь, что... я заснула всего на мигъ...

Я понялъ все и бросился къ дядѣ. Голова его съ какою-то странною, рѣзкою неподвижностью выдѣлялась на постельномъ бѣльѣ; руки были вытянуты, безжизненные глаза куда-то глядѣли вдаль, а на стиснутыхъ губахъ было какое-то неуловимое выраженіе, не улыбка и не страхъ, а покорность, полное безстрастіе.

Никто не видѣлъ, какъ дядя Михаилъ Петровичъ скончался.

23 апрѣля.

Сегодня дядю отпѣвали въ нашей церкви и оттуда повезли на кладбище Montparnasse. Провожали его

только матушка да я, графъ Р. со своими двумя сыновьями, да нѣсколько знакомыхъ Русскихъ и Французовъ. Мать хотѣла пойти за гробомъ пѣшкомъ, взявъ меня подъ руку, но силы ей скоро измѣнили, и дойдя до Елисейскихъ Полей, она должна была сѣсть въ карету. День былъ яркій и теплый; Парижъ глядѣлъ совсѣмъ по праздничному. Весь окружающій міръ невозмутимо сіялъ въ солнечномъ блескѣ, безучастный какъ всегда къ людскому горю. Обширное кладбище такъ разукрасилось цвѣтами, что скорѣе походило на затѣйливо убранный садъ, чѣмъ на мрачное жилище мертвыхъ. И сами надгробные памятники смотрѣли почти весело, причудливо пестрѣя среди молодой зелени. Воздухъ словно пьянѣлъ отъ разлитаго въ немъ запаха распускавшихся сиреней и акацій. Какая-то птичка беззаботно чирикала въ кустахъ у самой могилы. Трое французскихъ рабочихъ съ заступами въ рукахъ, съ тупымъ безучастіемъ, не снимая шапокъ, глазѣли на совершавшійся погребальный обрядъ и на непривычное имъ черное облаченіе священника. А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, надъ другою могилой, происходили чьи-то гражданскіе похороны. Какой - то господинъ стоялъ у вырытой ямы и громкимъ, вычурнымъ голосомъ произносилъ высокопарную рѣчь. Ему разсѣянно внимала собравшаяся тутъ кучка людей въ разнообразныхъ костюмахъ. Какое-то нелѣпое самодовольство сказывалось въ позѣ и жестахъ оратора, и вся его рѣчь, да и вся обстановка похоронъ казались мнѣ какимъ-то наглымъ поруганіемъ надъ тихою торжественностью смерти. Вѣтеръ доносилъ до меня обрывки трескучихъ фразъ: „Citoyens... celui, que nous pleurons“,—хороши слезы подумалъ я,—„vivra éternellement dans notre mémoire républicaine... c'est la seule immortalité que nous reconnaissions... La democratie n'est point ingrate, et nous le prouvons en venant ici honorer ces restes destinés à une irrémédiable destruction...“

— Vive la république!—вдругъ раздалось изъ толпы,

въ отвѣтъ на эти слова, какъ разъ въ ту самую минуту, когда надъ могилой дяди пѣвчіе запѣли: *Со святыми упокой...*

Мнѣ стало невообразимо гадко, словно эти люди затѣмъ только и пришли сюда, чтобы надругаться надъ моимъ послѣднимъ прощаніемъ съ дорогимъ человѣкомъ. И вдругъ я сильнѣе и глубже почувствовалъ, какъ опустѣла моя жизнь послѣ этой утраты, и какъ мало значу я, да и самое мое горе среди полнаго равнодушія природы и людей, которые безъ тѣни сочувствія и меня когда-нибудь проводятъ на послѣднее жилище, какъ теперь они съ грубымъ безучастіемъ глядятъ на мое разставаніе съ дядей. Холодная, почти злая иронія почудилась мнѣ въ этой роскоши весенняго дня, въ этомъ яркомъ блескѣ природы, въ этой наглости уличной толпы.

27 апрѣля.

Какъ-то нелѣпо и безцѣльно тянутся ничѣмъ не наполняемые дни. Мать захворала, и намъ теперь уѣхать нельзя. Кончина дяди сильно ее потрясла. Перебраться къ ней въ отель Мирабо я не могу, но я остаюсь у нея почти цѣлый день. Наше общее горе и общее раскаяніе насъ, кажется, сблизило. Но и это сближеніе не можетъ наполнить мою жизнь. Какъ двое больныхъ, стыдящіеся своего недуга, мы неохотно заговариваемъ о прошломъ, и у обоихъ насъ словно рана сочится на сердцѣ. Ни я ее утѣшить не въ силахъ, ни она меня ободрить не можетъ, снова пробудивъ во мнѣ надежду на будущее. А безъ того какъ-то не живется, потому что съ надеждой заодно пропадаетъ охота трудиться.

Никогда еще я такъ себя не презиралъ какъ теперь. Я машинально живу, какъ подневольное существо, которому подносятъ ѣду и даютъ мѣсто, чтобы проспать ночь, но у котораго нѣтъ уже ни своей воли, ни желанія. И порой, какъ это мнѣ ни стыдно, я жалѣю даже о тѣхъ дняхъ, которые я проводилъ съ Вандой, даже о томъ позорномъ обманѣ, которому я такъ легковѣрно

поддавался. Тогда по крайней мѣрѣ хоть сердце во мнѣ сильно билось.

30 апрѣля.

Нельзя, должно быть, бумагѣ повѣрять свои затаенныя мысли. Смутное желаніе, зародившееся во мнѣ тому три дня и робко занесенное на эти страницы, сегодня осуществилось.

Во второмъ часу, когда я собирался идти къ матери, которой теперь гораздо лучше, ко мнѣ явилась хозяйка и объявила, что меня спрашиваетъ какая-то молоденькая дама. При этомъ лицо ея изобразило что-то въ родѣ цѣломудреннаго испуга. У меня забилось сердце: „не Ванда ли ужъ это?“ подумалъ я.

Въ самомъ дѣлѣ, это была она. Минуту спустя она показалась на порогѣ моей комнаты. Густая вуаль была опущена на ея лицо.

— Что-жъ, прогонишь ты меня отсюда?—проговорила она, останавливаясь въ дверяхъ. — Ты имѣешь на то полное право.

Нѣсколько секундъ я глядѣлъ на нее въ недоумѣніи, не рѣшаясь просить ее войти, а между тѣмъ я отчетливо сознавалъ, что охватившее меня волненіе скорѣе походило на радость, чѣмъ на гнѣвъ. Да, нечего лукавить. Самое презрѣнное лицемѣріе—это лицемѣріе передъ собой. Я былъ радъ, что она пришла. Это было первое ея посѣщеніе.

— Я рѣшилась тебя навѣстить,—продолжала она, робко переступая черезъ порогъ,—рискуя быть принятою дурно, потому что иного средства примиренія съ тобой нѣтъ: на мои письма ты вѣдь не отвѣчаешь.

Во всѣхъ ея движеніяхъ была какая-то несвойственная ей нерѣшительность. Она откинула вуаль, и я замѣтилъ, что черты ея словно подернулись грустью.

— Ты вѣдь одинъ теперь. Я знаю, что случилось и глубоко сочувствую твоему горю. Я хотѣла тебѣ это сказать, хоть ты, можетъ быть, и не захочешь принимать отъ меня утѣшенія.

Она еще сдѣлала шагъ впередъ. Я не утерпѣлъ и протянулъ ей обѣ руки.

— Благодарю тебя за то, что ты пришла. Забудемъ, что было между нами.

Ея горячая рука на мигъ осталась въ моихъ. Этимъ и ограничилось наше примиреніе. Прежде мы встрѣчались не такъ. Но меня что-то удерживало притянуть ее къ себѣ и поцѣлуемъ запечатлѣть свое прощеніе...

Ванда повинилась передо мною съ полною откровенностью. Всему причиной, говорила она, ея несносный, строптивый нравъ. Когда вспыхнетъ въ ней гнѣвное, непокорное чувство, она въ состояніи наговорить такихъ вещей, отъ которыхъ тотчасъ же съ радостью отказалась бы, но какая-то нелѣпая гордость ей помѣшала это сдѣлать, когда я былъ у нея въ послѣдній разъ.

— Я знаю, что это не хорошо,—обвиняла она себя,— но такова я уже съ самаго дѣтства.

Слушая ее, я вдругъ почувствовалъ, какъ меня болѣзненно томило мое одиночество за послѣдніе дни. Видѣть ея милыя черты, внимать ее сердечному голосу стало для меня такою потребностью, что безъ нея я не зналъ, чѣмъ наполнить день. Я ужъ не спрашивалъ у себя, не изъ постыднаго ли малодушія я прощаю ей такъ легко. Меня какое-то опьяненіе охватывало, и я поддавался ему, не противясь.

Мы съ часъ просидѣли у меня въ комнатѣ, бесѣдуя какъ старинные пріятели; за все это время я не коснулся даже складокъ ея платья. У насъ какъ-то вдругъ установились иныя отношенія. Почему такъ сдѣлалось, не знаю. Можетъ быть воспоминаніе о дядѣ, о его недавнихъ страданіяхъ освящало для меня эти комнаты. Мы долго говорили о немъ. При моемъ разсказѣ о его смерти, лицо Ванды стало почти строгимъ.

— Я хочу предложить тебѣ,—сказала она вдругъ,— провести весь этотъ день вмѣстѣ. Только иначе чѣмъ прежде. Мы поѣдемъ съ тобой куда-нибудь въ окрестности, гдѣ не такъ людно, погуляемъ и отобѣдаемъ на

чистомъ воздухѣ, а потомъ ты пріѣдешь ко мнѣ на остатокъ вечера.

Я сперва отказался, ссылаясь на то, что мнѣ надо быть у матери. Но она посмотрѣла мнѣ въ глаза и улыбнулась.

— А тебѣ все таки хочется согласиться и поѣхать со мной!—проговорила она.

И я уступилъ. Здоровье матери замѣтно поправилось, и ее къ тому же обѣщали посѣтить двѣ знакомыя дамы.

Мы съ Вандой отправились въ простой извозчичьей коляскѣ въ Ангенъ—это излюбленное мѣсто скромныхъ буржуазныхъ семействъ и не избалованныхъ гризетокъ. Въ этотъ день тамъ не было почти никого. Небо что-то хмурилось; по временамъ накрапывалъ дождь. Нѣсколько разъ намъ съ Вандой приходилось искать убѣжища, то подъ выступомъ балкона, то въ чащѣ дубовыхъ вѣтвей. Она не жаловалась на эти маленькія невзгоды, и съ милою покорностью отвѣчала на мои старанія ее защитить отъ дождя. Вообще на нее въ этотъ день нашелъ какой-то стихъ покорности и мира. Настроеніе ея походило на этотъ сѣренькій день, въ который нѣсколько разъ весенній дождь смѣнялся блѣдною улыбкой солнца, какъ бы нерѣшительно проглядывавшаго сквозь тучи. Скромно шептались листья, скромно глядѣло мѣстечко Ангенъ со своимъ крошечнымъ озеромъ, съ маленькимъ лѣскомъ и незатѣйливыми дачами. И хоть намъ было очень хорошо вмѣстѣ, потому что оба мы были рады наступившему примиренію, наша радость тоже была не шумная; къ ней даже словно примѣшивалась какая-то грусть. Мы заказали въ ресторанѣ незатѣйливый обѣдъ и, сидя подъ навѣсомъ террасы, вели такую тихую бесѣду, что прислуживавшій намъ гарсонъ принялъ насъ, кажется, за брата съ сестрой. А мнѣ тѣмъ болѣе нравился этотъ день, что онъ мысленно переносилъ меня далеко назадъ, къ первымъ днямъ моего знакомства съ Вандой.

Въ десять часовъ мы были уже дома. Я замѣтилъ, что въ ея гостиной кое-что измѣнилось. Не было двухъ

картинъ, прежде украшавшихъ стѣны, съ этажерокъ и столовъ исчезли нѣкоторыя дорогія бездѣлки.

— Я продала эти вещи,—сказала она совсѣмъ просто, уловивъ мой удивленный взглядъ.

— Да какъ же могъ допустить это твой Венгерецъ?

— Да развѣ ты не знаешь? онъ уѣхалъ и... и не вернется.

Я болѣе не настаивалъ. Меня почти обрадовалъ ея разрывъ съ графомъ. Да и Ванда держала себя весь этотъ день съ такою очаровательною простотой, что казалось совершенно неопытною, молоденькою дѣвушкой и была оттого, разумѣется, еще милѣе. Она сыграла мнѣ двѣ-три небольшія пьесы, потомъ она попросила меня ей прочесть главу изъ новаго романа. Она увѣряетъ, что я читаю отлично. Словомъ, вечеръ, проведенный самымъ задушевнымъ образомъ, завершилъ этотъ милый денекъ. Въ половинѣ перваго она объявила, что намъ пора разстаться. И когда, улыбаясь, я сталъ шутливо увѣрять ее, что не уйду ни за что, потому что наше примиреніе все еще не полное, она стала вдругъ необыкновенно серьезною и отстранила мои руки, готовыя уже обхватить ея станъ. Я подчинился ея капризу. Въ самомъ дѣлѣ, жгучія ощущенія какъ-то не шли ко всему этому дню.

— Ну хоть поцѣлуй ты дай мнѣ на прощанье,—сказалъ я, пожимая ея руку.—Я право немногаго прошу.

Она молча подставила мнѣ свой лобъ.

— До завтра!—сказалъ я весело, прикоснувшись до него губами.

— До завтра!—отвѣтила она, и грустная нота послышалась въ ея голосѣ.

1 мая.

Этому завтра не суждено было наступить. Ванда уѣхала. Сегодня утромъ я нашелъ въ ея домѣ только оставленное для меня письмо. Вотъ что я въ немъ прочелъ:

„Я знаю, мой милый, что собираюсь причинить тебѣ

горькое разочарованіе, но иначе нельзя. Вчера я лишній разъ сдѣлала попытку воскресить изъ пепла нашу прежнюю любовь, и какъ ни тяжело передъ тобой въ этомъ признаться, попытка не удалась. Ты попрежнему мнѣ дорогъ, даже болѣе прежняго, потому что я снова чувствую себя виноватою передъ тобой, но это уже все таки не то. Это не болѣе, какъ дружба старшей сестры. Я готова любить твои маленькіе недостатки и виниться въ собственныхъ моихъ крупныхъ грѣхахъ, но любить самого тебя, какъ ты хочешь быть любимымъ, я уже не могу. Въ этомъ я вчера убѣдилась окончательно. Мое сердце можетъ принадлежать тому только, кто надо мной господствуетъ, въ комъ я чувствую силу и кого немного боюсь, а ты внушаешь мнѣ, извини меня, что-то похожее на жалость.

„Да и посуди, самъ, развѣ можетъ быть иначе? У всѣхъ, съ кѣмъ бы ты ни сходился, ты былъ въ подчиненіи. И это было даже не добровольное подчиненіе, а какая-то непонятная для меня смѣна своенравныхъ вспышекъ съ боязливою покорностью. Такъ ты держалъ себя съ дядей, такимъ былъ и со мной. Ты никогда не рѣшался глядѣть прямо на вещи и называть ихъ по имени; тебя пугали слова, а съ дѣйствительностью потомъ ты мирился легко. Помнишь, когда мы здѣсь сошлись, какъ ты возмутился при мысли, что мои отношенія къ Короныи не прекратятся. Это былъ, положимъ, благородный, но кратковременный порывъ, и скоро ты вошелъ въ свою роль, какъ нельзя лучше. Помнишь, тоже, какъ ревновалъ ты меня безпричинно, урывками, и какъ стоило мнѣ пригрозить тебѣ разрывомъ, чтобъ увидать тебя снова у моихъ ногъ. Все это врѣзывалось въ мою память и мало-по-малу подтачивало мою любовь, какъ рѣка медленно подмываетъ берегъ. И вотъ однажды всего этого накопилось такъ много, что оно вдругъ вырвалось у меня злыми и жестокими словами.

„Я хотѣла загладить эти слова. Я думала, что все

еще могу тебя полюбить опять. Вотъ почему я и пришла къ тебѣ вчера просить у тебя прощенія. Но, представь себѣ, въ ту самую минуту, когда ты меня простилъ, я почувствовала новый приливъ жалости къ тебѣ, потому что я на твоемъ мѣстѣ навѣрное не простила бы.

„Ты можетъ быть удивился, что я вчера была весь день какъ-то грустна. Я грустила по своей послѣдней погибшей иллюзіи. И вотъ отчего я не захотѣла твоихъ ласкъ. Тебѣ я могла отдаться, только любя попрежнему. Поступить иначе значило бы развѣнчать, осквернить дорогую мнѣ память о прежнихъ нашихъ хорошихъ дняхъ.

„И вотъ почему также я рѣшилась уѣхать. Парижъ мнѣ сталъ невыносимъ. Съ нимъ связано слишкомъ много когда-то прелестныхъ, а теперь постылыхъ воспоминаній. Видѣть вокругъ себя все тѣ же знакомые предметы, а въ сердцѣ ощущать роковую перемѣну—все то же, что присутствовать на похоронахъ собственнаго счастья. То, что ожидаетъ меня впереди—некрасивая, пожалуй, даже постыдная доля. Но выбирать свою будущую судьбу уже не въ моей власти. Не ищи встрѣчи со мной, не старайся разузнать, куда я поѣхала. Предупреждаю тебя, это будетъ напрасно. Я позабочусь чтобы до тебя не доходили и слухи обо мнѣ. И если даже случай насъ сведетъ опять, я все таки останусь для тебя чужою. Это моя непоколебимая воля. Мы не можемъ быть простыми равнодушными знакомыми. Когда разрываются такія отношенія, каковы были наши, не зачѣмъ уже пытаться искусственно возстановлять то, что сама жизнь немилосердно разрушила. Сохрани, если можешь, обо мнѣ добрую память. Мнѣ кажется, что ты провелъ со мною нѣсколько хорошихъ часовъ, а когда первыя горькія ощущенія пройдутъ—они пройдутъ навѣрно — ты можетъ быть станешь вспоминать обо мнѣ безъ раздраженія. Желаю тебѣ найти иное счастье. Только послушайся моего послѣдняго искрен-

няго совѣта: перестань мечтать о высокихъ подвигахъ, не задавай себѣ впредь широкихъ задачъ: онѣ тебѣ не подъ силу. Устрой себѣ маленькую, тѣсную семейную жизнь съ такою женщиной, которая пожалуй и не воспламенитъ твоего воображенія, но съ которою ты можешь идти рука объ руку, не сомнѣваясь въ ея вѣрности. И если ты когда-нибудь подаришь такой женщинѣ свое полное довѣріе, то не ревнуй ее напрасно, не выказывай ей оскорбительнаго подозрѣнія. Женщины въ двухъ только случаяхъ не умѣютъ прощать—когда унижено ихъ самолюбіе и когда имъ приходится разочароваться въ томъ, кого онѣ полюбили.

„Жму твою руку, какъ другъ; чѣмъ-либо инымъ я для тебя уже быть не могу и прощаюсь съ тобой навсегда.

„Ванда“.

Всѣ мои старанія разузнать, куда дѣвалась Ванда не повели ни къ чему. Она хорошо приняла свои мѣры. Прислуга въ домѣ отозвалась полнымъ невѣдѣніемъ. Мнѣ сказали только, что утромъ въ девять часовъ ее отвезли на станцію Сѣверной желѣзной дороги. Я спросилъ: по какому назначенію былъ отправленъ ея багажъ и сопровождалъ ли ее кто-нибудь или она поѣхала одна. Но и этого мнѣ не могли или не хотѣли объяснить. Ванда исчезла безслѣдно.

Да и къ чему бы повели дальнѣйшіе разспросы? Развѣ не все равно теперь? Она потеряна для меня навсегда, потеряна въ ту минуту, когда я такъ довѣрчиво отвѣтилъ на ея призывъ къ примиренію, такъ охотно простилъ ей недавнюю измѣну.

Она совершенно права. Это было малодушное, недостойное прощеніе. И съ какою безпощадностью высказываетъ она мнѣ эту горькую правду! Я послужилъ ей, кажется, предметомъ для любопытнаго опыта надъ слабостью человѣческаго сердца. Она пришла ко мнѣ затѣмъ только, чтобы лишній разъ испытать мою готовность мириться со всѣмъ и все простить. Ей хотѣлось

должно быть измѣрить всю глубину моего униженія; и когда я доказалъ ей, что нѣтъ такого нехитраго обмана, которому я бы не поддался, она отвернулась отъ меня съ заслуженнымъ презрѣніемъ.

То, что случилось теперь—еще хуже, еще пошлѣе того, что было въ Венеціи. Тогда во мнѣ кипѣло поруганное чувство, я могъ еще негодовать. Я былъ обманутъ и тогда, но весь стыдъ этого обмана былъ на ея сторонѣ. Теперь нѣтъ во мнѣ уже ни гнѣва, нѣтъ ревности, нѣтъ даже горя. Я не въ силахъ уже отвѣтить на полученный ударъ, онъ смялъ меня окончательно. Никакого порыва негодованія я не почувствовалъ, дочитавъ ея письмо. Осталась во мнѣ способность къ одному только — къ безпомощной насмѣшкѣ надъ собой.

Ея письмо словно открыло мнѣ глаза. Я вдругъ понялъ, что я за человѣкъ, и не то чтобъ я ужаснулся, а какая-то нравственная тошнота во мнѣ поднялась. Мнѣ хотѣлось бы уйти отъ самаго себя, уйти отъ всего міра. И мои мечты о гражданскихъ подвигахъ, какъ смѣшны онѣ мнѣ кажутся теперь!

Мутная волна жизни занесла меня не въ широкое море, а на пустынную мель; и стою я теперь безъ цѣли впереди, безъ теплаго чувства на сердцѣ, осмѣянный женщиной, которой я отдалъ себя безъ оглядки. Къ чему же долѣе жить? Куда еще идти? Воспоминанія прошлаго отравлены всѣ до единаго, на будущее я смотрю безъ надежды, да и безъ желанія. Глядѣть на чужую жизнь, какъ равнодушный зритель? Если во мнѣ были хоть какія-нибудь убѣжденія, я бы могъ интересоваться этимъ зрѣлищемъ, какъ дѣлаютъ то старики. Но то, что я принималъ когда-то за убѣжденіе, лишь отблескъ чужихъ мыслей. На сердцѣ у меня пусто, и мнѣ все равно, что бы ни происходило вокругъ меня... Нѣтъ, такъ жить нельзя!.. Такъ жить не стоитъ!..

А сегодня опять чудный, яркій день. Будто на зло мнѣ все вокругъ меня ликуетъ. Я вышелъ еще разъ

поглядѣть на праздный Парижъ. По улицѣ сновала веселая толпа; нарядные экипажи густою вереницей тянулись по Елисейскимъ Полямъ. Надменно празднуетъ всемiрный городъ подъ блескомъ солнечныхъ лучей свой вѣчный языческiй праздникъ безсердечной роскоши. Я чувствовалъ въ немъ нѣмую насмѣшку надъ собой. И мнѣ стало еще тяжелѣе на сердцѣ. Я громко захохоталъ надъ собой. Вѣдь завтра ужъ меня не будетъ, и никто изъ этихъ людей, наполняющихъ шумный Парижъ, не знаетъ, что я умру завтра. Даже своею смертью я не удивлю никого и никому не принесу огорченiя...

Нѣтъ, осталось у меня все таки одно близкое существо. Я пошелъ къ матери, чтобы съ нею проститься. Ей рѣшительно лучше. Она даже какъ-то нравственно воскресла. Удивительная у нея натура! Она уже заглядываетъ въ будущее. Я остался у нея не долго. У меня щемило на сердцѣ, и я боялся, какъ бы не догадалась она о моемъ намѣренiи. Она и то съ безпокойствомъ меня спрашивала: что у меня сегодня за странные, блуждающiе глаза. Прощаясь съ ней, я поцѣловалъ ее нѣжнѣе обыкновеннаго: вѣдь мы уже не увидимся...

Да!.. мы не увидимся. Я умру сегодня, когда закатится солнце. Для меня завтрашняго дня уже нѣтъ. Странно какъ-то это сознавать. И глядя на лица постороннихъ, невольно спрашиваешь у себя: что-жъ, неужели никто изъ нихъ не догадается, что проходящiй мимо человѣкъ чрезъ нѣсколько часовъ покончитъ съ собою? При мысли, что будетъ потомъ, ознобъ проходитъ по спинѣ, и трепетный, и какъ будто сладостный въ то же время. Ну, а что будетъ потомъ?.. Хоть бы на то достало увѣренности, чтобы рѣшительно и твердо сказать себѣ: потомъ уже нѣтъ ничего...

Здѣсь обрывается дневникъ Сергѣя Градищева. Въ мои руки этотъ дневникъ попалъ слѣдующимъ образомъ. Весной 1883 года я былъ въ Парижѣ и случайно

остановился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ десять лѣтъ передъ тѣмъ жилъ Михаилъ Петровичъ Градищевъ съ своимъ племянникомъ.

Разъ ко мнѣ вошла хозяйка дома и передала мнѣ двѣ толстыя тетради, исписанныя мелкимъ, не особенно твердымъ почеркомъ.

— Эти тетради,—объяснила она, — оставилъ здѣсь очень уже давно, будетъ тому лѣтъ десять, одинъ молодой вашъ соотечественникъ. Принесла я ихъ вамъ, потому что васъ можетъ быть заинтересуетъ ихъ содержаніе. Да и не идетъ ли здѣсь рѣчи про кого-либо изъ вашихъ знакомыхъ? Я очень рада была бы узнать, что случилось съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Звали его Monsieur de Gradichew. Вы можетъ быть его знали?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Представьте себѣ,—продолжала она,—вечеромъ 1 мая 1874 года, я даже число запомнила, этотъ самый молодой русскій исчезъ изъ моего дома и никогда болѣе не возвращался. Боюсь какъ бы съ нимъ несчастья не приключилось. Впрочемъ,—сочла она нужнымъ добавить,—долженъ онъ мнѣ остался сущіе пустяки...

Мѣщанская скаредность подъ конецъ-таки въ ней сказалась. Я поддался любопытству и принялся читать дневникъ молодого Градищева. Совѣсть свою я на этотъ счетъ успокоилъ тѣмъ соображеніемъ, что прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ дневникъ написанъ, да и самого его автора вѣроятно давно нѣтъ въ живыхъ. Дочитавъ до конца, я живо заинтересовался вопросомъ, какъ рѣшилась судьба бѣднаго малаго и исполнилъ ли онъ свое намѣреніе лишить себя жизни. Слова хозяйки на этотъ счетъ, повидимому, не оставляли сомнѣнія. Но меня все таки брало раздумье; авторъ записокъ совсѣмъ не походилъ на будущаго самоубійцу. И странное дѣло, хоть я въ глаза не видалъ Сергѣя Градищева, мнѣ сильно желалось, чтобы въ концѣ концовъ онъ все таки остался въ живыхъ и мирно здравствовалъ по сейчасъ.

Переплетная „НИВА", С.П.Б.